

Жизнь и письма Чарльза Дарвина — Том 2

Чарльз Дарвин

**Life and Letters of Charles Darwin —
Volume 2**

Charles Darwin and Sir Francis Darwin

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни и письмах Чарльза Дарвина — Том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь и письма Чарльза Дарвина — Том 2

Автор: Чарльз Дарвин

Редактор: сэр Фрэнсис Дарвин

Дата выхода: 1 февраля 2000 г. [Электронная книга № 2088]
Последнее обновление: 15 января 2022 г.

Язык: Английский

В титрах: Сью Эшер и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА" — ТОМ 2 ***

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА

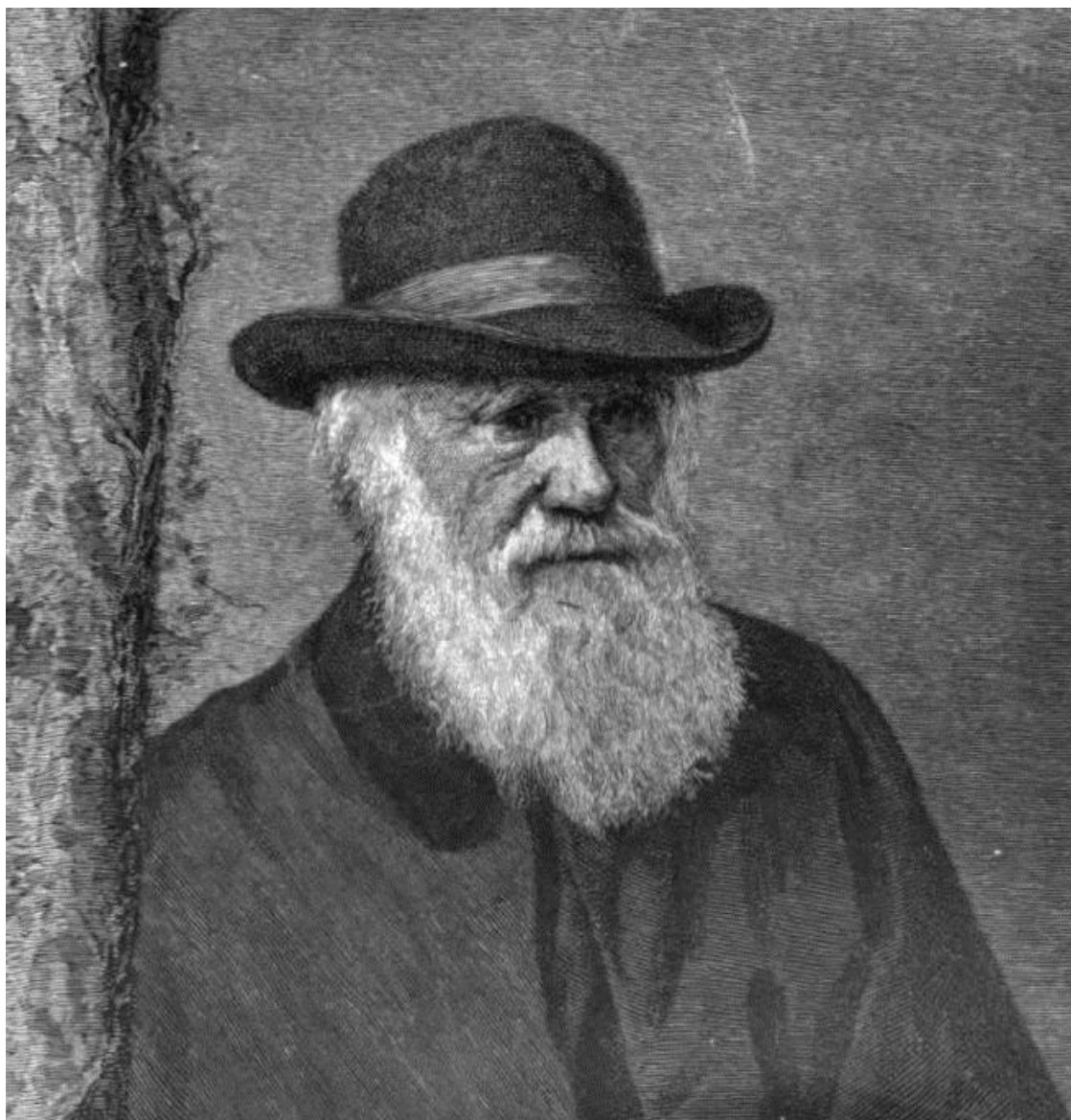
ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА

Том II

Чарльз Дарвин

Включая Автобиографическую главу

Под редакцией его сына Фрэнсиса Дарвина

Содержание

РАСШИФРОВКА ФАКСИМИЛЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1837 ГОДА.

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

ТОМ II.

ГЛАВА 2.I. — ПУБЛИКАЦИЯ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

ГЛАВА 2.II. — "ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ" (продолжение).

ГЛАВА 2.III. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА 2.IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА 2.V. — ПУБЛИКАЦИЯ "ИЗМЕНЧИВОСТИ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ При
ОДОМАШНИВАНИИ".

ГЛАВА 2.VI. — РАБОТА НАД "ЧЕЛОВЕКОМ".

ГЛАВА 2.VII. — ПУБЛИКАЦИЯ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА".

ГЛАВА 2.VIII. — СБОРНИК

ГЛАВА 2.IX. — СБОРНИК (продолжение)

ГЛАВА 2.X. ОПЛОДОТВОРЕНИЕ ЦВЕТОВ.

ГЛАВА 2.XI. — "ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕКРЕСТНОГО И САМООПЛОДОТВОРЕНИЯ"

ГЛАВА 2.XII. — "РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЦВЕТКОВ НА РАСТЕНИЯХ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ВИДА".

ГЛАВА 2.XIII. ВЬЮЩИЕСЯ И НАСЕКОМОЯДНЫЕ РАСТЕНИЯ.

ГЛАВА 2.XIV. — "СПОСОБНОСТЬ РАСТЕНИЙ К ДВИЖЕНИЮ".

ГЛАВА 2.XV. — РАЗНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА.

ГЛАВА 2.XVI. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Заметки об Американской рее. Труды Зоологического общества, часть V. 1837.

Заметки о воздействии древних ледников на

Заметки об оплодотворении орхидей. Летопись и журнал естествознания

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

РАСШИФРОВКА ФАКСИМИЛЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
1837 ГОДА.

- led to comprehend two affinities ~~of~~ by theory
 and fine ^{and stop} just to Comparative Anatomy, it
 would lead to study of instincts, heredity & mind, heredity,
 while, metaphysics. → It would lead to closest examination
 of hybridization, causes of change ^{in order} to know what we
 have come from & to what we tend. —
 to all circumstances, from copying & what prevents it
 this ^{need} of examination of direct progress of species structure in
 species might lead to laws of change, which would then
 be main basis of study, to guide in part of speculation

— привело к пониманию истинного сходства. Моя теория придавала бы интерес современной и ископаемой сравнительной анатомии: это привело бы к изучению инстинктов, наследственности и наследственности разума, всей метафизики, это привело бы к тщательному изучению гибридности и зарождения, причин изменений, чтобы знать, от чего мы произошли и к чему мы склонны, какие обстоятельства благоприятствуют скрещиванию, а что ему препятствует, это и прямое изучение прямых переходов структуры у видов, могло бы привести к законам изменений, которые затем стали бы основным объектом изучения, направляющим наши рассуждения.

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

ТОМ II.

ГЛАВА 2.I. — ПУБЛИКАЦИЯ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

С 3 октября 1859 ГОДА По 31 декабря 1859 ГОДА.

1859.

[Под датой 1 октября 1859 года в дневнике моего отца есть запись: "Законченные корректуры (тринадцать месяцев и десять дней) реферата по "Происхождению видов"; отпечатано 1250 экземпляров. Первое издание вышло 24 ноября, и все копии были распроданы в первый же день".

2 октября он отправился в водолечебницу в Илкли, недалеко от Лидса, где оставался со своей семьей до декабря, а 9 числа того же месяца снова был в Дауне. Единственная запись в Дневнике за этот год следующая: "В конце ноября и начале декабря был занят исправлением второго издания тиражом 3000 экземпляров; множество писем".

Первое и несколько последующих писем относятся к корректурным листам и к ранним копиям "Происхождения", которые были разосланы друзьям до выхода книги в свет.]

К. ЛАЙЕЛЛ ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. (Часть этого письма приведена в "Жизни сэра Чарльза Лайелла", том ii. страница 325.) 3 октября 1859 года.

Мой дорогой Дарвин,

Я только что закончил вашу книгу и искренне рад, что вместе с Хукером сделал все возможное, чтобы убедить вас опубликовать ее, не дожидаясь времени, которое, вероятно, никогда бы не наступило, хотя вы и дожили до ста лет, когда вы подготовили все свои факты, на которых основали так много грандиозных обобщений.

Это великолепный пример тщательного рассуждения и длинной содержательной аргументации на стольких страницах; обобщение огромно, возможно, слишком велико для непосвященных, но эффективное и важное предварительное утверждение, которое допускает, даже до появления ваших подробных доказательств, некоторые случайные полезные примеры, такие как ваши голуби и усоногие, которыми вы так превосходно пользуетесь.

Я имею в виду, что, когда, как я вполне ожидаю, вскоре потребуется новое издание, вы можете тут и там вставить фактический пример, чтобы уменьшить огромное количество абстрактных утверждений. Что касается меня, я настолько хорошо подготовлен к тому, чтобы принять ваши утверждения о фактах как должное, что не думаю, что "статьи-оправдания", когда они будут опубликованы, будут иметь большое значение, и я уже давно совершенно ясно увидел, что если будет сделана какая-либо уступка, последует все, о чем вы заявляете на своих заключительных страницах. Именно это заставляло меня так долго колебаться, всегда чувствуя, что случай человека и его рас, а также других животных и растений один и тот же, и что если принять за таковую "истинную причину", а не чисто неизвестную и воображаемую, такую как слово "Творение", то должны последовать все последствия.

Боюсь, сегодня у меня нет времени, поскольку я как раз покидаю это место, чтобы позволить себе множество комментариев и сказать, насколько я был восхищен Океаническими островами—Рудиментарными органами—Эмбриологией - генеалогическим ключом к естественной системе, географическим распределением, и если бы я продолжал, то переписал бы главы всех ваших глав. Но я скажу пару слов о Перепросмотре, на случай, если в нем все еще возможны какие-то незначительные изменения или, по крайней мере, пропуск одного-двух слов.

Во-первых, на странице 480 нельзя ли с уверенностью сказать, что самые выдающиеся натуралисты отвергли точку зрения изменчивости видов? Вы же не хотите игнорировать Г. Сент-Илера и Ламарка. Что касается последнего, вы можете сказать, что в отношении животных вы в определенной степени заменяете волю естественным отбором, но в своей теории изменений растений он не мог ввести волю; он, без сомнения, мог придавать чрезмерное сравнительное значение изменениям физических условий и слишком мало - изменениям конкурирующих организмов. По крайней мере, он был сторонником всеобщей изменчивости видов и генеалогической связи между первыми и нынешними. Представители его школы также выступали за одомашненные разновидности. (Вы имеете в виду **НЫНЕ ЖИВУЩИХ** натуралистов?) (В опубликованных экземплярах первого издания, на странице 480, написано "выдающиеся ныне живущие натуралисты".)

Первая страница этого важнейшего резюме дает противнику преимущество, поскольку он так резко и грубо выдвигает такое поразительное возражение, как формирование "глаза", не средствами, аналогичными человеческому разуму, или, скорее, какой-то силой, неизмеримо превосходящей человеческий разум, но путем сверхиндуцированных вариаций, подобных тем, которыми пользуется скотовод. Таким образом, потребовались бы страницы, чтобы сформулировать возражение и снять его. Поскольку вы хотите убедить, было бы лучше ничего не говорить. Опустите несколько предложений и в следующем издании изложите их более полно. Между устранением такого камня преткновения на пути читателя и переходом к рабочим муравьям на странице 460 требуются целые страницы; и эти муравьи являются для него настоящим спасением, прежде чем он оправится от шока, вызванного необходимостью

поверить, что глаз был доведен до совершенства из состояния слепоты или подслеповатости благодаря таким вариациям, которые мы наблюдаем. Я думаю, что небольшое упущение значительно уменьшило бы нежелательность этих предложений, если у вас нет времени переделать и дополнить.

... Но это мелочи, всего лишь пятна на солнце. Ваше сравнение букв, сохраняемых в словах, когда они больше не нужны для звучания, с рудиментарными органами превосходно, поскольку оба они действительно генеалогичны.

Отсутствие необычных птиц на Мадейре представляет большую трудность, чем мне казалось возможным. Я мог бы процитировать отрывки, где вы показываете, что вариации обусловлены новыми обстоятельствами жизни новых колонистов, что потребовало бы, чтобы некоторые мадейские птицы, такие как галапагосские, были особыми. В случае с Мадейрой и Порто-Санто было достаточно времени...

Вы вкладываете свои листы в старую рукопись MS., поэтому Почтовое отделение очень корректно взимает за них плату как за письма, дополнительно 2 пенса. Я бы хотел, чтобы все их штрафы за MS. стоили столько же. На днях я заплатил 4 шиллинга 6 пенсов за такую стирку в Париже у человека, который может доказать факт 300 наводнений в долине Сены.

От всей души поздравляю вас с вашей великой работой, поверьте мне,

Всегда нежно твой, ЧЕЗ. ЛАЙЕЛЛ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, Йоркшир, 11 октября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Сердечно благодарю вас за то, что уделите мне так много вашего драгоценного времени, написав мне длинное письмо от 3-го и еще более длинное от 4-го. Я написал Скарборо строчку с недостающим корректурным листом. С величайшей благодарностью я принял все ваши незначительные исправления в последней главе и, насколько мог, более важные без особых проблем. Я смягчил вступительный пассаж о глазу (в моей более крупной работе я показываю градации в строении глаза), указав просто "сложные органы". Но вы хорошенький лорд-канцлер, раз указываете адвокату с одной стороны, как лучше выиграть дело! Умолчание о "жизни" выдающихся натуралистов было ужасной ошибкой.

ОСТРОВА МАДЕЙРА И БЕРМУДСКИЕ ОСТРОВА ПТИЦАМ НЕ СВОЙСТВЕННО.

Вы правы, здесь что-то не так; я думал, что никто этого не обнаружит; я допустил ошибку, опустив обсуждение, которое я изложил полностью. Но раз навсегда, позвольте мне сказать в качестве оправдания, что труднее всего было решить, что опустить. Птицы, которые боролись в своих собственных домах, будучи поселенными в одном теле почти одновременно в новой стране, не подверглись бы большим изменениям, ибо их взаимоотношения не были бы сильно нарушены. Но я вполне согласен с вами, что со временем они должны претерпеть некоторые изменения. На Бермудских островах и Мадейре они, как я полагаю, сохранялись постоянными благодаря частому прибытию и скрещиванию с неизменными иммигрантами того же вида с материка. На Бермудских островах это может быть доказано, на Мадейре это весьма вероятно,

как показали мне письма Э.В. Харкорта. Более того, есть достаточно оснований полагать, что скрещенное потомство новых иммигрантов (свежая кровь, как сказали бы селекционеры) и старых колонистов одного и того же вида будет особенно энергичным и с наибольшей вероятностью выживет; таким образом, эффект такого скрещивания в сохранении старых колонистов неизменными был бы значительно улучшен.

О ГАЛАПАГОССКИХ ПРОИЗВОДСТВАХ, ИМЕЮЩИХ АМЕРИКАНСКИЙ ТИП С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЗДАНИЯ.

Я не могу согласиться с вами, что виды, созданные для борьбы с американскими формами, должны были бы создаваться по американскому типу. Факты указывают диаметрально противоположно. Посмотрите на нетронутую и непаханую землю в Ла-Плате, покрытую европейскими продуктами, которые и близко не имеют ничего общего с местными продуктами. Это не американские типы, которые покоряют аборигенов. Так на каждом острове по всему миру. Альфа. Результаты де Кандолля (хотя он и не видит их всей важности) о том, что полностью натурализованные [растения] в целом сильно отличаются от аборигенов (принадлежащих в значительной доле случаев к некоренным родам), наиболее важно всегда иметь в виду. Я уверен, вы раз и навсегда поймете, что я пишу таким образом догматично ради краткости.

О ПРОДОЛЖАЮЩЕМСЯ СОЗДАНИИ МОНАД.

Эта доктрина является излишней (и беспочвенной) для теории Естественного отбора, которая не подразумевает НЕОБХОДИМОЙ тенденции к прогрессированию. Монада, если бы не произошло никаких отклонений в ее структуре, выгодных для нее при ее ЧРЕЗМЕРНО ПРОСТЫХ условиях жизни, могла бы оставаться неизменной задолго до силурийской эпохи и по сей день. Я допускаю, что в целом будет наблюдаться тенденция к усложнению организации, хотя у существ, приспособленных к очень простым условиям, она будет незначительной и медленной. Как сложная организация может принести пользу монаде? если бы это не приносило пользы, то не было бы и продвижения вперед. Вторичные инфузории мало чем отличаются от живых. Родительская форма монады вполне могла бы выжить без изменений и приспособиться к своим простым условиям, в то время как потомство этой самой монады могло бы приспособиться к более сложным условиям. Единственный изначальный прототип всех живых и вымерших существ может, вполне возможно, быть сейчас живым! Более того, как вы говорите, высшие формы могут время от времени деградировать, змея Тифлопс, КАЖЕТСЯ (?!), имеет повадки дождевых червей. Так что новые создания простых форм кажутся мне совершенно излишними.

"РАЗВЕ ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕДПОЛАГАТЬ ИЗНАЧАЛЬНУЮ ТВОРЧЕСКУЮ СИЛУ, КОТОРАЯ ДЕЙСТВУЕТ НЕРАВНОМЕРНО, ИНАЧЕ КАК МОГ БЫ ВОЗНИКНУТЬ ЧЕЛОВЕК?"

Я не уверен, что понимаю ваши замечания, которые следуют за вышесказанным. При нынешних знаниях мы должны предполагать создание одной или нескольких форм точно так же, как философы предполагают существование силы притяжения без какого-либо объяснения. Но я полностью отвергаю, как, по моему мнению, совершенно ненужное, любое последующее добавление "новых способностей, атрибутов и сил"; или любого "принципа улучшения", за исключением того, что каждый признак, который естественным образом выбран или сохранен, в некотором роде является преимуществом или улучшением, иначе он не был бы выбран. Если бы я был убежден, что мне нужны такие дополнения к теории естественного отбора, я бы отверг ее как вздор, но я твердо верю в нее, поскольку не могу поверить, что, будучи ложной, она

объясняла бы так много целых классов фактов, которые, если я в здравом уме, она, кажется, объясняет. Насколько я понимаю ваши замечания и иллюстрации, вы сомневаетесь в возможности градации интеллектуальных способностей. Теперь, глядя только на существующих животных, мне кажется, что мы имеем очень тонкую градацию интеллектуальных способностей позвоночных с одним довольно большим разрывом (не в половину таким большим, как во многих случаях телесного строения), скажем, между готтентотом и урангом, даже если они настолько цивилизованны умственно, насколько собака отличалась от волка. Я полагаю, вы не сомневаетесь в том, что интеллектуальные способности так же важны для благополучия каждого существа, как и структура тела; если это так, я не вижу никаких трудностей в том, чтобы постоянно отбирать наиболее интеллектуальных особей вида; и интеллект нового вида таким образом улучшается, чему, вероятно, способствуют унаследованные умственные упражнения. Я смотрю на этот процесс так, как сейчас происходит с человеческими расами; менее интеллектуальные расы уничтожаются. Но здесь нет места обсуждать этот момент. Если я правильно вас понимаю, поворотным моментом в нашем различии должно быть то, что вы считаете невозможным, чтобы интеллектуальные способности вида были значительно улучшены путем непрерывного естественного отбора наиболее интеллектуальных особей. Чтобы показать, как развивается разум, просто подумайте, насколько невозможно до сих пор определить разницу в разуме человека и низших животных; последние, по-видимому, обладают теми же самыми качествами на гораздо более низкой ступени совершенства, чем самый низкий дикарь. Я бы абсолютно ничего не дал за теорию Естественного отбора, если бы она требовала чудесных дополнений на какой-либо одной стадии нисхождения. Я думаю, что эмбриология, Гомология, Классификация и т.д. и т.п. показывают нам, что все позвоночные произошли от одного родителя; как появился этот родитель, мы не знаем. Если вы хотя бы в малой степени примете объяснение, которое я дал по эмбриологии, Гомологии и Классификации, вам будет трудно ответить: пока объяснение остается верным, но не более того; здесь мы должны упомянуть "добавление новых творческих сил". Я думаю, вы будете вынуждены все отвергнуть или признать: боюсь, судя по вашему письму, это будет первый вариант; и в таком случае я буду уверен, что это моя вина, а не вина теории, и это, безусловно, утешит меня. Что касается происхождения великих Царств (таких как Позвоночные, суставчатые и т.д.) От одного родителя, я сказал в заключении, что простая аналогия заставляет меня считать это вероятным; мои аргументы и факты, по моему мнению, справедливы только для каждого отдельного царства.

ИЗБИТЫЕ ФОРМЫ, НАСЛЕДУЮЩИЕ НЕКОТОРУЮ ОБЩУЮ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ.

Осмелюсь сказать, меня недостаточно охраняли, но не может ли термин "неполноценность" включать менее совершенную адаптацию к физическим условиям?

Мои замечания применимы не к отдельному виду, а к группам или родам; виды большинства родов приспособлены, по крайней мере, к более жаркому, а виды менее жаркого - к более влажному и иссушающему климату; и когда несколько видов одной группы побеждаются и истребляются несколькими видами другой группы, это, я думаю, обычно происходит не от ТОГО, что КАЖДЫЙ новый вид адаптируется к климату, а от того, что все новые виды имеют какое-то общее преимущество в добывании средств к существованию или спасении от врагов. Что касается групп, то более наглядной иллюстрацией, чем чернокожие и белые в Либерии, было бы почти несомненное будущее вымирание рода уранг родом ман, не из-за того, что человек лучше приспособлен к климату, а из-за унаследованной интеллектуальной неполноценности рода

Уранг по сравнению с родом Ман, из-за его интеллекта, изобретения огнестрельного оружия и вырубки лесов. Исходя из соображений, приведенных в моем обсуждении, я полагаю, что акклиматизация легко осуществляется в естественных условиях. Мне потребовалось так много лет, чтобы разубедить свой разум в СЛИШКОМ большом значении климата — его важное влияние настолько заметно, в то время как борьба между существами настолько скрыта, — что я склонен ругаться на Северный полюс и, как сказал Сидни Смит, даже неуважительно отзываться об Экваторе. Я прошу вас почаще размышлять (я не нашел НИЧЕГО более поучительного) о случае с тысячами растений в средней точке их соответствующих ареалов, и которые, как мы положительно знаем, могут прекрасно переносить немного больше жары и холода, немного больше влажности и сухости, но которые в мегаполисе их ареала не существуют в огромном количестве, хотя, если бы многие из других обитателей были уничтожены, [они] покрыли бы землю. Таким образом, мы ясно видим, что их численность почти в каждом случае снижается не из-за климата, а из-за борьбы с другими организмами. Все это, возможно, покажется вам совершенно очевидным; но, пока я не повторил это себе тысячи раз, я придерживался, как мне кажется, совершенно неправильного взгляда на всю экономию природы...

ГИБРИДИЗМ.

Я так рад, что вы одобряете эту главу; вы были бы поражены, каких трудов это мне стоило; так часто я, как мне кажется, ошибался в выборе.

РУДИМЕНТАРНЫЕ ОРГАНЫ.

Согласно теории естественного отбора, существует большое различие между рудиментарными органами и тем, что вы называете зародышами органов, и тем, что я называю в своей большой книге "зарождающимися" органами. Орган не следует называть рудиментарным, если только он не бесполезен — как зубы, которые никогда не прорезают десны, — сосочки, представляющие пестик у мужских цветков, крылышко аптерикса или, лучше, маленькие крылышки под спянными надкрыльями. Эти органы сейчас явно бесполезны, и, тем более, они были бы бесполезны в менее развитом состоянии. Естественный отбор действует исключительно путем сохранения последовательных незначительных ПОЛЕЗНЫХ модификаций. Следовательно, естественный отбор не может создать бесполезный или рудиментарный орган. Такие органы возникают исключительно из-за наследственности (как объяснено в моем обсуждении) и явно указывают на предка, у которого орган был в полезном состоянии. Они могут использоваться и часто использовались для других целей, и тогда они являются лишь рудиментарными для первоначальной функции, которая иногда совершенно очевидна. Зарождающийся орган, хотя и слабо развитый, в том виде, в каком он должен быть развит, должен быть полезен на каждой стадии развития. Поскольку мы не можем предсказывать, мы не можем сказать, какие органы сейчас зарождаются; и зарождающиеся органы редко передавались по наследству определенными членами класса с отдаленного периода до наших дней, поскольку существа с каким-либо важным органом, но слабо развитыми, как правило, были вытеснены их потомками с хорошо развитым органом. Молочные железы у *Ornithorhynchus*, возможно, можно рассматривать как зарождающиеся по сравнению с выменем коровы — Яйцекладущая уздечка у некоторых усконогих является зарождающимися жабрами — у [неразборчиво] плавательный пузырь почти зачаточен для этой цели и зарождается как легкое. Маленькое крыло пингвина, используемое только как плавник, могло зарождаться как крыло; я так не думаю; ибо все

строение птицы приспособлено для полета, и пингвин настолько похож на других птиц, что мы можем заключить, что его крылья, вероятно, были модифицированы и уменьшены естественным отбором в соответствии с его подводными привычками. Таким образом, аналогия часто служит руководством для определения того, является ли орган рудиментарным или зарождающимся. Я полагаю, что осевой копчик обеспечивает прикрепление к определенным мышцам, но я не сомневаюсь, что это рудиментарный хвост. Ублюдочное крыло птиц - рудиментарный палец; и я полагаю, что если ископаемые птицы будут найдены очень низко в ряду, то будет видно, что у них двойное или раздвоенное крыло. Вот смелое пророчество!

Признать пророческие зародыши равносильно отказу от теории естественного отбора.

Я очень рад, что вы считаете целесообразным еще раз просмотреть мою книгу, в той же степени, если не больше, ради темы, а также ради меня самого. Но я считаю, что удержание темы на некоторое время перед тем, как обдумать свои собственные трудности и решить их, гораздо важнее, чем чтение моей книги. Если вы достаточно подумаете, я ожидаю, что вы будете извращены, и если вы когда-нибудь это сделаете, я буду знать, что теория естественного отбора в основном безопасна; то, что она включает в себя, как сейчас утверждается, много ошибок, почти наверняка, хотя я не могу их видеть. Не думайте, конечно, отвечать на это; но если у вас будет другая ВОЗМОЖНОСТЬ написать снова, просто скажите, опроверг ли я, хотя бы в малой степени, какие-либо из ваших возражений. Прощайте. С моей искренней благодарностью за ваши длинные письма и ценные замечания,

Поверьте мне, искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.— Вы часто ссылаетесь на работу Ламарка; я не знаю, что вы о ней думаете, но мне она показалась крайне убогой; я не почерпнул из нее ни факта, ни идеи.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. Агассису. (Жан Луи Родольф Агассис, родился в Мортье, на озере Морат в Швейцарии, 28 мая 1807 года. Он эмигрировал в Америку в 1846 году, где провел остаток своей жизни, и умер 14 декабря 1873 года. Его "Жизнь", написанная его вдовой, была опубликована в 1885 году. Следующий отрывок из письма к Агассису (1850) стоит привести, поскольку показывает, как относился к нему мой отец, и можно добавить, что его сердечные чувства к великому американскому натуралисту оставались сильными до конца его жизни:

"Я редко испытывал более глубокое удовлетворение, чем получив ваш самый любезный подарок - "Озеро Верхнее". Я слышал о ней и очень хотел прочитать, но признаюсь, что это была большая честь - иметь в своем распоряжении произведение с вашим автографом в качестве подарочного экземпляра, которое доставило мне такое живое и искреннее удовольствие. Я сердечно благодарю вас за это. Я начал читать его с необычайным интересом, который, как я вижу, будет возрастать по мере того, как я продолжу".) Внизу, 11 ноября [1859 г.].

Мой дорогой сэръ,

Я осмелился послать вам экземпляр моей книги (пока еще только аннотацию) о "Происхождении видов". Поскольку выводы, к которым я пришел по нескольким пунктам, так сильно отличаются от ваших, я подумал (если вы когда-нибудь прочтете мой том), что вы могли бы подумать, что я послал его вам из чувства вызова или бравады; но уверяю вас, что я действую

в совершенно ином настроении. Я надеюсь, что вы, по крайней мере, отдадите мне должное, какими бы ошибочными ни казались вам мои выводы, за то, что я искренне стремился докопаться до истины. С искренним уважением, я прошу разрешения остаться,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН А. ДЕ КАНДОЛЛЮ. Даун, 11 ноября [1859].

Уважаемый сэр,

Я подумал, что вы позволите мне послать вам (через господ . Уильямс и Норгейт, книготорговцы) экземпляр моей работы (пока только реферат) о "Происхождении видов". Я хочу сделать это как единственный, хотя и совершенно неадекватный способ, с помощью которого я могу засвидетельствовать вам чрезвычайный интерес, который я испытал, и огромную пользу, которую я извлек из изучения вашей великой и благородной работы о географическом распределении. Если вас побудят прочитать мой том, я осмелюсь заметить, что он будет понятен только при прочтении всего от начала до конца, поскольку он очень сжат. Для меня было бы большим удовлетворением, если бы какая-то часть вас заинтересовала. Но я прекрасно понимаю, что вы будете полностью не согласны с выводом, к которому я пришел.

Вы, вероятно, совсем забыли меня; но много лет назад вы оказали мне честь, отобедав в моем доме в Лондоне, чтобы познакомиться с мсье и мадам Сисмонди (Джесси Аллен, сестра миссис Джосайи Веджвуд из Мэра), дядей и тетей моей жены. С искренним уважением, я прошу остаться,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ХЬЮ ФАЛЬКОНЕРУ. Даун, 11 ноября [1859].

Мой дорогой Сокольничий,

Я попросил Мюррея прислать вам экземпляр моей книги "Происхождение видов", которая пока является лишь аннотацией.

Если вы читаете это, вы должны прочитать это от начала до конца, иначе из-за чрезвычайно сжатого состояния это будет непонятно.

Господи, каким же жестоким ты станешь, если прочтешь это, и как тебе захочется распять меня живьем! Я боюсь, что это не произведет на вас никакого другого эффекта; но если это пошатнет вас хотя бы в незначительной степени, в данном случае, я полностью убежден, что вы будете год от года становиться все менее твердыми в своей вере в неизменность видов. С этой дерзкой и самонадеянной убежденностью,

Остаюсь, мой дорогой Сокольничий, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 11 ноября [1859].

Мой дорогой Грей,

Я распорядился прислать вам экземпляр моей книги (пока только аннотацию) о "Происхождении видов". Я знаю, как у вас мало времени, но если вы сможете прочесть это, я буду бесконечно признателен... Если вы когда-нибудь прочтете это и сможете выкроить время, чтобы прислать мне (поскольку я очень ценю ваше мнение), пусть даже короткую заметку, в которой будут указаны, по вашему мнению, ее самые слабые и лучшие стороны, я буду чрезвычайно благодарен. Поскольку вы не геолог, вы простите мне мое тщеславие, если я скажу вам, что Лайель высоко оценивает две геологические главы и считает, что информация о несовершенстве геологической летописи не преувеличена. Он почти разделил мои взгляды...

Позвольте мне добавить, я полностью признаю, что существует очень много трудностей, которые не могут быть удовлетворительно объяснены моей теорией происхождения с модификацией, но я никак не могу поверить, что ложная теория объяснила бы так много классов фактов, как, я думаю, она определенно объясняет. Исходя из этого, я бросаю свой якорь и верю, что трудности постепенно исчезнут...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Даун, 11 ноября 1859 г.

Мой дорогой Хенслоу,

Я попросил Мюррея прислать экземпляр моей книги о видах вам, мой дорогой старый учитель естественной истории; однако я боюсь, что вы не одобрите своего ученика в этом случае. Книга в ее нынешнем состоянии не отражает того объема труда, который я вложил в эту тему.

Если у вас найдется время внимательно прочитать это и вы потрудитесь указать, какие части кажутся вам наиболее слабыми, а какие лучшими, это окажет мне существенную помощь в написании моей большой книги, которую я надеюсь начать через несколько месяцев. Вы также знаете, как высоко я ценю ваше суждение. Но я не настолько безрассуден, чтобы желать или ожидать от вас подробной и пространной критики, а всего лишь нескольких общих замечаний, указывающих на самые слабые места.

Если вы **ДАЖЕ В ТАКОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ** сомневаетесь (чего я едва ли ожидаю) в неизменности видов, то я убежден, что при дальнейшем размышлении вы будете колебаться все больше и больше, ибо именно через этот процесс прошел мой разум. Мой дорогой Хенслоу,

С любовью и благодарностью ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ДЖОНУ ЛАББОКУ. (Нынешний сэра Джон Лаббок.) Илкли, Йоркшир, суббота [12 ноября 1859 г.].

... Большое вам спасибо, что пригласили меня в Брайтон. Я очень надеюсь, что вам понравится ваш отпуск. Я сказал Мюррею отправить копию для вас на Мэншн-Хаус-стрит, и я удивлен, что вы ее не получили. Существует так много веских аргументов против моих взглядов, что вы или любой другой человек, если пожелаете, с другой стороны, легко убедите себя, что я полностью заблуждаюсь, и, без сомнения, я отчасти заблуждаюсь, возможно, даже полностью, хотя я не вижу слепоты своих путей. Осмелюсь сказать, когда впервые было доказано, что гром и молния вызваны вторичными причинами, некоторые с сожалением отказались от идеи, что каждая вспышка была вызвана прямой рукой Бога.

Прощайте, я сегодня очень плохо себя чувствую, так что больше не буду.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Илкли, Йоркшир, вторник [15 ноября 1859 г.].

Мой дорогой Лаббок,

Прошу прощения, что снова беспокою вас. Я не знаю, как я допустил ошибку в выражении своих мыслей, заставив вас поверить, что мы приняли ваше любезное приглашение в Брайтон. Я хотел просто искренне поблагодарить вас за то, что вы пожелали увидеть такого измученного старого пса, как я. Я едва ли знаю, когда мы покинем это место, — не раньше чем через две недели, и тогда нам захочется отдохнуть под нашей собственной крышей-деревом.

Не думаю, что я когда-либо восхищался книгой больше, чем "Естественной теологией" Пейли. Раньше я мог бы почти выучить ее наизусть.

Я рад, что вы получили мою книгу, но боюсь, что вы цените ее слишком высоко. Я был бы признателен за любую критику. Меня интересуют не Рецензии, а мнение таких людей, как вы, Хукер, Хаксли, Лайелл и т.д.

До свидания, приносим нашу общую благодарность миссис Лаббок и вам самим. Прощайте.

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Л. ДЖЕНИНСУ. (Ныне преподобный Л. Бломфилд.) Илкли, Йоркшир, 13 ноября 1859 года.

Мои дорогие Дженины,

Я должен поблагодарить вас за вашу очень любезную записку, пересланную мне Снизу. Этим летом у меня были серьезные проблемы со здоровьем, и последние шесть недель я проходил здесь водолечение, но пользы от этого пока было мало. Я останусь здесь еще как минимум на две недели. Пожалуйста, помните, что моя книга - это всего лишь аннотация, причем очень сжатая, и, чтобы она была хоть сколько-нибудь понятной, ее нужно внимательно прочитать. Я буду очень благодарен за любую критику. Но я прекрасно знаю, что вы совсем не согласитесь с тем, на что я иду. Потребовались долгие годы, чтобы обратить меня. Я, конечно, могу быть

вопиюще неправ; но я не могу убедить себя в том, что теория, объясняющая (а я думаю, что это определенно так) несколько больших классов фактов, может быть полностью неверной; несмотря на некоторые трудности, которые необходимо каким-то образом преодолеть и которые поражают меня даже по сей день.

Я хотел бы, чтобы мое здоровье позволило мне опубликовать статью *in extenso*; если когда-нибудь я достаточно окрепну, я это сделаю, поскольку большая часть уже написана, и о ней г-жа настоящий том представляет собой аннотацию.

Боюсь, эта записка будет почти неразборчивой, но мне плохо, и я едва могу сидеть. Прощайте; с благодарностью за вашу добрую записку и приятные воспоминания о старых добрых днях.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Илкли, 13 ноября 1859 г.

Мой дорогой сэр,

Я попросил Мюррея прислать вам по почте (если возможно) экземпляр моей книги и надеюсь, что вы получите его почти одновременно с этой запиской. (Примечание: У меня больной палец, из-за чего я пишу очень плохо.) Если вы так склонны, я бы очень хотел услышать ваше общее впечатление от книги, поскольку вы так глубоко размышляли на эту тему и почти в том же русле, что и я. Я надеюсь, что для вас будет что-то новое, но, боюсь, немного. Помните, что это всего лишь резюме, и очень сжатое. Бог знает, что подумает публика. Никто не читал его, кроме Лайелла, с которым я много переписывался. Хукер считает его полностью обращенным, но в своих письмах ко мне он таковым не кажется; но, очевидно, глубоко интересуется этим предметом. Я не думаю, что ваша доля в теории останется незамеченной настоящими судьями, такими как Хукер, Лайелл, Эйса Грей и др. Я слышал от мистера Слейтера, что ваш доклад о Малайском архипелаге был прочитан в Линнеевском обществе и что он ЧРЕЗВЫЧАЙНО заинтересовался им.

Я не видел ни одного натуралиста в течение шести или девяти месяцев из-за состояния моего здоровья, и поэтому мне действительно нечего сообщить вам. Я пишу это в Илкли-Уэллсе, где я был со своей семьей последние шесть недель и пробуду еще несколько недель. Пока я извлек из этого очень мало пользы. Одному богу известно, когда у меня появятся силы для моей большой книги.

Я искренне надеюсь, что вы сохраните свое здоровье; я полагаю, что вы подумаете о скором возвращении (мистер Уоллес был на Малайском архипелаге.) со своими великолепными коллекциями и еще более грандиозными интеллектуальными материалами. Вы будете озадачены, как опубликовать. Фонд Королевского общества заслуживает вашего внимания. При всех добрых пожеланиях, прошу вас, поверьте мне,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Кажется, я уже говорил вам, что Хукер полностью перешел в христианство. Если я смогу обратить Хаксли, я буду доволен.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Илкли, Йоркшир, среда [16 ноября 1859 г.].

... Мне очень нравится это место, и детям там очень понравилось, и моей жене это пошло на пользу. Сначала Х. пошло на пользу, но она вернулась снова. У меня был ряд несчастий: сначала вывих лодыжки, а затем сильно распухли вся нога и лицо, обильная сыпь и ужасная череда фурункулов — четыре или пять сразу. Я чувствовал себя совсем больным и мало верю в то, что этот "уникальный кризис", как называет его доктор, принесет мне много пользы...Вы, вероятно, получили или очень скоро получите мою утомительную книгу о видах, я, естественно, верю, что в ней в основном содержится правда, но вы со мной совсем не согласитесь. Доктор Хукер, которого я считаю одним из лучших знатоков в Европе, полностью обратился в христианство, и он думает, что Лайелл такой же; конечно, судя по письмам Лайелла ко мне по этому вопросу, он глубоко потрясен. Прощай. Если тобой движет дух, дай мне реплику...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Б. КАРПЕНТЕРУ. Илкли, Йоркшир, 18 ноября [1859].

Мой дорогой Карпентер,

Я должен поблагодарить вас за ваше письмо от себя лично и, насколько я знаю себя, еще более сердечно, ради темы. Поскольку вы, по-видимому, поняли мою последнюю главу, не читая предыдущих, вы, должно быть, зрело и очень глубоко обдумали этот предмет самостоятельно; ибо я обнаружил необычайную трудность в том, чтобы заставить даже способных людей понять, к чему я клонил. Моим взглядам будет оказано сильное противодействие. Если я в основном прав (конечно, включая частичные ошибки, невидимые мной), признание моих взглядов будет в гораздо большей степени зависеть от таких людей, как вы, с устоявшейся репутацией, чем от моих собственных работ. Поэтому, исходя из предположения, что, прочитав мою книгу, вы сочтете эту точку зрения в основном верной, я благодарю и почитаю вас за то, что вы готовы рисковать своей непопулярностью, отстаивая эту точку зрения. Я ни в малейшей степени не знаю, напишет ли кто-нибудь обо мне отзыв в каком-либо из Обзоров. Я не понимаю, как автор может расспрашивать или вмешиваться; но если вы готовы дать мне рецензию где бы то ни было, я уверен, исходя из восхищения, которое я давно испытываю и выражаю по поводу вашей "Сравнительной физиологии", что ваша рецензия будет составлена превосходно и сослужит хорошую службу делу, в котором, как мне кажется, я не эгоистично глубоко заинтересован. Я сегодня чувствую себя очень нездоровым, и эта записка выражена плохо, возможно, едва ли вразумительно; но вы должны извинить меня, потому что я не мог пропустить почту, не поблагодарив вас за вашу записку. Вам будет нелегко даже в малейшей степени поколебать сэра Х. Холланда. Я не думаю (я говорю это в частном порядке), что великий человек обладает достаточными знаниями, чтобы углубляться в этот предмет. Умоляю, поверьте мне искренне, Ваш покорный слуга,

Ч. ДАРВИН.

P.S.Поскольку вы не геолог—практик, позвольте мне добавить, что Лайелл считает главу о несовершенстве геологической летописи НЕ преувеличенной.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Б. КАРПЕНТЕРУ. Илкли, Йоркшир, 19 ноября [1859].

Мой дорогой Карпентер,

Прошу прощения, что снова беспокою вас. Если после прочтения моей книги вы сможете прийти к сколь-нибудь определенному выводу, сочтете ли вы меня крайне неблагоразумным просить вас дать мне знать о себе? Я не прошу долгой дискуссии, а просто хочу вкратце обрисовать ваше общее впечатление. Учитывая ваши обширные знания, привычку доискиваться истины и способности, я должен высоко ценить ваше мнение. Хотя я, конечно, верю в истинность своей собственной доктрины, я подозреваю, что никакая вера не является яркой, пока ее не разделят другие. Пока я знаю только одного верующего, но я смотрю на него как на величайшего авторитета, а именно на Хукера. Когда я думаю о множестве случаев, когда люди годами изучали один предмет и убеждали себя в истинности самых глупых доктрин, я иногда немного пугаюсь, не являюсь ли я одним из этих маньяков.

Еще раз прошу извинить меня за эту, боюсь, необоснованную просьбу. Было бы достаточно короткой записки, и я мог бы вынести враждебный вердикт, и мне придется вынести не один.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Илкли, Йоркшир, воскресенье [ноябрь 1859 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я только что прочитал рецензию на мою книгу в "Атенеуме" (19 ноября 1859 г.), и мне очень любопытно, кто автор. Если вы услышите, кто пишет в "Атенеуме", я бы хотел, чтобы вы сказали мне. Мне кажется, это хорошо сделано, но рецензент не выдвигает новых возражений и, будучи враждебным, пропускает мимо ушей все до единого аргументы в пользу доктрины... Судя по тону рецензии, я боюсь, что написал ее в тщеславном и самоуверенном стиле (рецензент говорит о "явном самодовольстве" автора и о том, что он справляется со всеми трудностями "более или менее уверенно".), что меня немного смущает. Есть еще одна рецензия, об авторе которой я хотел бы знать, а именно о Х.К. Уотсоне в "Хрониках садовника". Некоторые замечания похожи на ваши, и он действительно заслуживает наказания; но, конечно, отзыв слишком суров. Вы так не думаете?

Я надеюсь, что вы вовремя получили три экземпляра для иностранных ботаников и свой собственный экземпляр. Я слышал об этом от Карпентера, который, как мне кажется, скорее всего станет новообращенным. Также от Катрефажа, который склонен идти с нами далеко. Он говорит, что продемонстрировал в своей лекции диаграмму, очень похожую на мою!

Я пробуду здесь еще две недели, а затем отправлюсь в Даун, пробуду по дороге в Шрусбери неделю. Мне очень не повезло: из семи недель пять я был прикован к дому. Это было плохо для меня, поскольку я не мог не думать о своей книге до такой степени глупо. Если четверо или пятеро ХОРОШИХ людей окажутся поблизости от нас, я не буду опасаться окончательного успеха. Я жажду узнать, что думает Хаксли. Опубликовано ли ваше введение (Introduction to

'Flora of Australia.')? Полагаю, вы будете продавать его отдельно. Пожалуйста, ответьте на этот вопрос, потому что мне нужен дополнительный экземпляр для отправки Уоллесу. Я очень надоедлив, прощай.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я был очень рад увидеть Королевскую медаль мистеру Бентаму.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 21 декабря 1859 года.

Моя дорогая Проститутка,

Прошу вас, передайте мою благодарность миссис Хукер за ее чрезвычайно любезное письмо, которое мне очень понравилось. Нам очень жаль, что она не может приехать сюда, но мы будем рады видеть вас и У. (наши мальчики будут дома) здесь на 2-й неделе января или в любое другое время. Мне будет очень приятно обсудить с вами любые моменты моей книги ...

Мне неприятно слышать, как вы ругаете свою собственную работу. Я, напротив, искренне ценю все, что вы написали. Мое давнее и твердое убеждение в том, что натуралисты, которые накапливают факты и делают множество частичных обобщений, являются НАСТОЯЩИМИ благодетелями науки. Тех, кто просто накапливает факты, я не очень уважаю.

Я надеялся прийти в Клуб завтра, но очень сомневаюсь, что смогу. Илкли, похоже, не принес мне существенной пользы. Я присутствовал на суде в понедельник, и меня задержали при рассмотрении некоторых неприятных дел на 1 1/2 часа дольше обычного, и я вернулся домой совершенно обрюхатевшим и не могу собраться. Я не стою старой пуговицы... Большое спасибо за вашу приятную записку.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S. Я уверен, что для будущего развития темы происхождения и способа образования видов согласие, аргументы и факты работающих натуралистов, таких как вы, гораздо важнее, чем моя собственная книга; поэтому, ради Бога, не злоупотребляйте своим Вступлением.

Х.К. УОТСОН ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Темза Диттон, 21 ноября [1859].

Мой дорогой сэр,

Начав читать "Происхождение", я не мог успокоиться, пока не прочитал его целиком. Теперь я начну перечитывать его более обдуманно. Тем временем я испытываю искушение написать вам о первых впечатлениях, не сомневаясь, что они, в основном, будут постоянными:—

1. Ваша ведущая идея, несомненно, будет признана в науке как установленная истина, то есть "Естественный отбор". Она обладает характеристиками всех великих естественных истин, проясняя то, что было неясным, упрощая то, что было сложным, значительно дополняя предыдущие знания. Вы величайший революционер в естественной истории этого столетия, если не всех столетий.

2-й. Возможно, вам потребуется в некоторой степени ограничить или модифицировать, возможно, в некоторой степени также расширить, ваши нынешние применения принципа естественного отбора. Не вдаваясь в подробности, мне кажется, что существует одно значительное первичное несоответствие, вызванное одним недостатком аналогии между разновидностями и видами; другое - своего рода барьером, установленным природой на недостаточных основаниях и возникающим из-за "дивергенции". Однако это могут быть ошибки моего собственного разума, связанные с еще неполным восприятием ваших взглядов. И мне лучше не беспокоить вас по этому поводу, прежде чем снова перечитывать книгу.

3-й. Теперь, когда эти новые взгляды честно представлены научной общественности, кажется поистине удивительным, как многие из них могли раньше не увидеть свой правильный путь. Как мог сэр К. Лайелл, например, в течение тридцати лет читать, писать и размышлять на тему видов И ИХ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ и все же постоянно смотреть по ложному пути!

Четверть века назад мы с вами, должно быть, были примерно в одинаковом настроении по главному вопросу, но вы смогли увидеть и выработать *quo modo* преемственности, самую важную вещь, в то время как я не смог ее уловить. Этой почтой я посылаю небольшую противоречивую брошюру олд дейт-Комба и Скотта. Если вы возьмете на себя труд взглянуть на отрывки, набранные на полях, вы увидите, что четверть века назад я также был одним из немногих, кто тогда сомневался в абсолютном различии видов и их особом создании. И все же мне, как и остальным, не удалось обнаружить тот способ, который был зарезервирован для вашей проницательности и ПРИМЕНЕНИЯ вашей проницательности.

Вы ответили на мой вопрос о перерыве между Satyrus и Homo, как и ожидалось. Очевидное объяснение действительно пришло мне в голову только через несколько месяцев после того, как я прочитал статьи в "Трудах Линнея". Первый вид Fere-homo ("Почти человек") вскоре объявит прямую войну на уничтожение своим инфрагомым собратьям. Таким образом, разрыв был бы образован, а затем продолжал бы увеличиваться, превратившись в нынешний огромный и все еще расширяющийся разрыв. Но насколько это, с вашей хронологией жизни животных, потрясет представления многих людей!

С уважением, Хьюитт К. УОТСОН.

Дж.Д. ХУКЕР ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Атенеум, понедельник [21 ноября 1859 г.].

Мой дорогой Дарвин,

Я грешен, что не написал вам раньше этого, хотя бы для того, чтобы поблагодарить вас за вашу замечательную книгу — какая масса подробных рассуждений о любопытных фактах и свежих явлениях — она написана с большой буквы и будет иметь большой успех. Я говорю это, рассчитывая на два-три погружения в такое же количество глав, поскольку я еще не пытался это прочесть. Лайель, у которого мы остановились, совершенно очарован и просто злорадствует по этому поводу. Я должен принять ваш комплимент в мой адрес и признание предполагаемой помощи с моей стороны как теплую дань любви от честного (хотя и введенного в заблуждение) человека, и, более того, принять это как очень приятное для моего тщеславия; но, мой дорогой друг, ни мое имя, ни мои суждения, ни моя помощь не заслуживали таких комплиментов, и если я настолько нечестен, чтобы радоваться тому, чего не заслуживаю, это должно просто пройти. Насколько КНИГА отличается от рукописи. Я вижу, мне нужно будет о многом поговорить с вами.

Эти ленивые печатники не закончили мое злополучное Эссе, которое рядом с вашей книгой будет выглядеть как рваный носовой платок рядом с Королевским Штандартом...

Всего хорошего, с любовью к тебе, Джос. Д. ХУКЕР.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Илкли, Йоркшир [ноябрь 1859 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Ничего не могу с собой поделаться, я должен поблагодарить вас за вашу нежную и самую добрую записку. Вы вскружите мне голову. Ей-богу, я должен попытаться стать немного скромнее. Я был немного огорчен отзывом. (Имеется в виду рецензия в "Атенеуме" от 19 ноября 1859 г., где рецензент, коснувшись богословских аспектов книги, оставляет автора "на милость Зала Богословия, Колледжа, Лекционного зала и Музея".) Надеюсь, это БЫЛО НЕ ТАК. Как адвокат, он мог бы считать себя вправе приводить доводы только одной стороны. Но манера, с которой он тянет за собой бессмертие, натравливает на меня священников и оставляет меня на их милость, низка. Он ни в коем случае не сожжет меня, но он заготовит дрова и скажет черным зверям, как меня поймать... Было бы невыразимо здорово, если бы Хаксли прочитал лекцию на эту тему, но я вижу, что это простая случайность; Фарадей мог бы счесть это слишком неортодоксальным.

... Я получил письмо от [Хаксли] с такой огромной похвалой моей книге, что скромность (поскольку я пытаюсь культивировать это трудное растение) мешает мне отправить его вам, что мне бы хотелось сделать, поскольку он очень скромен в отношении себя.

Вы завели меня до такой степени, что теперь я чувствую, что могу противостоять десятку свирепых рецензентов. Полагаю, вы все еще с Лайеллами. Передайте им мои самые теплые воспоминания. Я торжествую, слыша, что он продолжает одобрять меня.

Поверь мне, твоему мнимому скромному другу К.Д.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли Уэллс, Йоркшир, 23 ноября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Вы, кажется, превосходно поработали над вопросом о видах; не могло быть лучшего плана, чем ознакомиться с противоположной стороной. Я глубоко рад, что вы намерены признать доктрину модификации в вашем новом издании (Из опубликованных писем сэра Чарльза Лайелла явствует, что он намеревался признать доктрину эволюции в новом издании "Руководства", но оно было опубликовано только в 1865 году. Однако в 1860 году он работал над "Древностью человека" и уже решил обсудить "Происхождение" в конце книги.); я убежден, что ничто не могло быть важнее для ее успеха. Я искренне уважаю вас. Оставаться на позиции мастера, занимая одну из сторон в вопросе в течение тридцати лет, а затем сознательно отказаться от нее - это факт, которому я сильно сомневаюсь, что научные записи предлагают параллель. Что касается меня, то я также глубоко радуюсь; ибо, думая о стольких случаях, когда люди годами преследовали иллюзию, часто-часто холодная дрожь пробежала по мне, и я спрашивал себя, не посвятил ли я свою жизнь фантазии. Теперь я считаю невозможным с моральной точки зрения,

чтобы такие искатели истины, как вы и Хукер, могли полностью ошибаться, и поэтому я покоюсь с миром. Благодарю вас за критические замечания, на которые, если выйдет второе издание, я обращаю внимание. Я думал о том, что, если меня сильно ненавидят как атеиста и т.д., может ли признание доктрины естественного отбора повредить вашим работам; но я надеюсь и думаю, что нет, поскольку, насколько я помню, ярость фанатизма расходуется на первого нарушителя, а тех, кто принимает его взгляды, мудрые и жизнерадостные фанатики жалеют только как обманутых.

Я не могу отделаться от мысли, что вы переоцениваете важность множественного происхождения собак. Единственная разница заключается в том, что в случае единого происхождения все различия рас возникли с тех пор, как человек одомашнил этот вид. В случае множественного происхождения часть различий возникла в естественных условиях. Я бы БЕСКОНЕЧНО предпочел теорию единого происхождения во всех случаях, если бы факты позволяли ее принять. Но мне кажется априори невероятным (учитывая, как дикири любят приручать животных), что во все времена и во всем мире человек мог одомашнить только один вид, принадлежащий к широко распространенному роду *Canis*. Кроме того, близкое сходство по крайней мере трех видов американских домашних собак с дикими видами, все еще обитающими в странах, где они сейчас одомашнены, кажется, почти вынуждает признать, что более одного дикого пса было одомашнено человеком.

Сердечно благодарю вас за все великодушное рвение и интерес, которые вы проявили к моей книге, и остаюсь, мой дорогой Лайелл,

Ваш любящий друг и ученик ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

Сэр Дж. Гершель, которому я отправил копию, собирается прочитать мою книгу. Он говорит, что склоняется в противоположную от меня сторону. Если вы встретитесь с ним после того, как он прочтет меня, умоляю, узнайте, что он думает, ибо, конечно, он не будет писать; и мне бы чрезвычайно хотелось услышать, произвожу ли я какое-либо впечатление на такой ум.

Т.Х. ХАКСЛИ ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Джермин-стрит, У., 23 ноября 1859 г.

Мой дорогой Дарвин,

Вчера я дочитал вашу книгу, удачный экзамен подарил мне несколько часов непрерывного досуга.

С тех пор, как я прочитал книгу фон Бэра (Карл Эрнст фон Бэр, родился в 1792 году, умер в Дерпте в 1876 году - один из самых выдающихся биологов столетия. Он практически основал современную науку эмбриологию.) Девять лет назад ни одна работа по естествознанию, с которой я встречался, не производила на меня такого большого впечатления, и я от всего сердца благодарю вас за тот огромный запас новых взглядов, которые вы мне сообщили. Ничто, я думаю, не может быть лучше тона книги, она производит впечатление на тех, кто ничего не смыслит в предмете. Что касается вашего учения, я готов пойти на костер, если потребуется, в поддержку главы IX и большей части глав X., XI., XII. и главы XIII. содержит много такого, что вызывает наибольшее восхищение, но по одному или двум пунктам я сделаю оговорку, пока не смогу глубже рассмотреть все стороны вопроса.

Что касается первых четырех глав, я полностью согласен со всеми принципами, изложенными в них. Я думаю, что вы продемонстрировали истинную причину возникновения видов и возложили на своих противников ответственность за то, что виды возникли не так, как вы предполагаете.

Но я чувствую, что еще ни в коем случае не осознал полностью смысл этих самых замечательных и оригинальных глав III., IV. и V. И сейчас я больше не буду о них писать.

Единственные возражения, которые пришли мне в голову, заключаются, во-первых, в том, что вы обременяете себя ненужными трудностями, так безоговорочно принимая *Natura non facit saltum*... И, во-вторых, мне непонятно, почему, если постоянные физические условия имеют столь малое значение, как вы предполагаете, изменения вообще должны происходить.

Однако я должен прочитать книгу еще два или три раза, прежде чем решусь начать ковыряться в дырах.

Я надеюсь, что вы никоим образом не позволите себе испытывать отвращение или раздражение из-за значительных злоупотреблений и искажения фактов, которые, если я не сильно ошибаюсь, уготованы вам. Будьте уверены, вы заслужили вечную благодарность всех вдумчивых людей. А что касается собак, которые будут лаять и визжать, вы должны помнить, что некоторые из ваших друзей, во всяком случае, наделены воинственностью, которая (хотя вы часто и справедливо упрекали их в этом) может сослужить вам хорошую службу.

Я готов затачивать когти и клюв.

Оглядываясь назад на мое письмо, я понимаю, что оно действительно так слабо выражает все, что я думаю о вас и вашей благородной книге, что мне немного стыдно за это; но вы поймете, что, подобно попугаю из рассказа, "я думаю больше".

Всегда искренне ваш, Т.Х. ХАКСЛИ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Илкли, 25 ноября [1859].

Мой дорогой Хаксли,

Ваше письмо было переслано мне Снизу. Как добрый католик, получивший соборования, я теперь могу спеть "*nunc dimittis*". Я должен был бы быть более чем удовлетворен одной четвертью из того, что вы сказали. Ровно пятнадцать месяцев назад, когда я взялся за ручку и бумагу для этой книги, у меня были ужасные дурные предчувствия; я подумал, что, возможно, обманул себя, как это делали многие, и тогда я мысленно представил себе трех судей, решению которых я решил подчиниться. Судьями были Лайелл, Хукер и вы. Именно это заставило меня так сильно волноваться за ваш вердикт. Теперь я доволен и могу спеть свой *nunc dimittis*. Какая была бы шутка, если бы я похлопал вас по спине, когда вы нападаете на какого-нибудь непреклонного креациониста! Вы очень ловко затронули один момент, который меня сильно беспокоил: если, как я должен думать, внешние условия оказывают незначительное ПРЯМОЕ воздействие, то, черт возьми, что определяет каждое конкретное изменение? Откуда взялся пучок перьев на голове петуха или мох на моховой розе? Мне бы очень хотелось обсудить это с вами ...

Мой дорогой Хаксли, сердечно благодарю вас за ваше письмо.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.—В дальнейшем мне будет особенно любопытно услышать, что вы думаете о моем объяснении эмбриологического сходства. Боюсь, что по поводу классификации мы разойдемся. Поняли ли вы аргумент Хаксли о кенгуру и медведе?

ЭРАЗМУС ДАРВИН (Его брат.) ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. 23 ноября [1859].

Дорогой Чарльз,

У меня настолько ослабла голова, что я едва знаю, смогу ли писать, но, во всяком случае, я запишу несколько вещей, которые сказал доктор (доктор, впоследствии сэр Генри Холланд.). Он прочел не больше половины, так что, как он говорит, не может прийти к определенному выводу, и, по моему личному убеждению, он хочет оставаться в таком состоянии... Он, очевидно, находится в ужасном состоянии нерешительности и продолжает заявлять, что он не привязан ни к той, ни к другой точке зрения, и что он всегда находил выход в том, как он говорил о разнообразии. Я случайно заговорил о глазу до того, как он прочитал эту часть, и у него перехватило дыхание — совершенно невозможное - структура, функция и т.д., и т.п., и т.п., Но когда он прочитал это, он замычал и застонал, и, возможно, это было отчасти мыслимо, а затем он вернулся к костям уха, которые были за пределами всякой вероятности или вообразимости. Он упомянул небольшое пятно, которое я также заметил, что, говоря о муравьях-рабах, переносящих друг друга, вы меняете вид, не предупредив предварительно, и это заставляет человека повернуть назад ...

... Что касается меня, то я действительно считаю, что это самая интересная книга, которую я когда-либо читал, и могу сравнить ее только с первыми знаниями по химии, попаданием в новый мир или, скорее, за кулисы. Для меня географическое распространение, я имею в виду отношение островов к континентам, является наиболее убедительным из доказательств, а также отношение древнейших форм к существующим видам. Осмелюсь сказать, что я недостаточно остро ощущаю отсутствие разновидностей, но, с другой стороны, я ни в малейшей степени не знаю, были ли все ныне живущие ископаемыми, смогли ли палеонтологи их различить. На самом деле априорное рассуждение настолько полностью удовлетворяет меня, что если факты не укладываются в него, то, по моему мнению, тем хуже для фактов. Моя лихорадка привела меня в такое оцепенение, что я жалею, что не прошел процесс естественного отбора.

Искренне ваш, E.A.D.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, 24 ноября [1859 г.].

Мой дорогой Лайель,

Еще раз я должен поблагодарить вас за множество ценных критических замечаний в письме от 22-го числа.

Сегодня утром я также узнал от Мюррея, что он продал все издание (первое издание тиражом 1250 экземпляров). в первый же день после начала торгов. Он хочет новое издание немедленно,

и это совершенно сбивает меня с толку. Сейчас, при водолечении, когда вся нервная энергия направлена на кожу, я не могу работать головой и должен вносить только действительно необходимые исправления. Но я, насколько смогу без своей рукописи, воспользуюсь вашими предложениями: мне не нужно много пытаться. Пришлите мне, пожалуйста, одну строчку, чтобы сказать, должен ли я вычеркнуть упоминание о второстепенном ките (во втором издании этот отрывок был опущен), это трогает мое сердце. Что касается гремучей змеи, загляните в мой дневник, в раздел *Trigonoscephalus*, и вы увидите вероятное происхождение погремушки, и, как правило, в переходах это главное действие.

Мадам Беллок хочет перевести мою книгу на французский; я предложил просмотреть корректуры на предмет НАУЧНЫХ ошибок. Вы когда-нибудь слышали о ней? Я полагаю, что Мюррей согласился по моему настоятельному совету, но, боюсь, я поступил опрометчиво и преждевременно. Кватрефаж написал мне, что во многом согласен с моими взглядами. Он превосходный натуралист. У меня мало времени. Не могли бы вы рассказать нам одну строчку о китах? Еще раз я благодарю вас за новые советы и помощь; я искренне уважаю вашу бескорыстную и чистую любовь к истине.

Мой дорогой Лайель, всегда твой, К. ДАРВИН.

[Что касается французского перевода, он написал мистеру Мюррею в ноябре 1859 года: "Я ЧРЕЗВЫЧАЙНО озабочен переводом моей книги ради темы (и, видит Бог, не просто ради славы); и косвенно ее известность за границей пойдет на пользу английским продажам. Если бы это зависело от меня, я бы согласился без оплаты и немедленно отправил копию, и только попросил бы ее [мадам. Беллок] позвать какого-нибудь ученого, чтобы он просмотрел перевод... Вы могли бы сказать, что, хотя я очень плохо разбираюсь во французском языке, я мог бы обнаружить любую научную ошибку и перечитал бы французские корректуры".

Предложенный перевод выполнен не был, и в следующем году второй план провалился. Он написал месье де Катрефажу: "Джентльмену, который хотел перевести мое "Происхождение видов", не удалось найти издателя. Бальер, Массон и Ашетт с презрением отвергли его. С моей стороны было глупо и самонадеянно надеяться появиться во французском платье; но эта идея не пришла бы мне в голову, если бы мне ее не подсказали. Это большая потеря. Я должен утешать себя немецким изданием, которое выпускает профессор. Бронн". (См. Письма к Бронну, стр. 70.)

Фраза из другого письма М. де Катрефажу показывает, как сильно он стремился обратить в свою веру одного из величайших зоологов современности: "Как бы мне хотелось знать, читал ли Милн Эдвардс копию, которую я ему послал, и считает ли он, что я достаточно убедительно изложил нашу точку зрения на этот вопрос. В мире нет натуралиста, к мнению которого я испытываю столь глубокое уважение. Конечно, я не настолько глуп, чтобы ожидать изменения его мнения".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, [26 ноября 1859 г.].

Мой дорогой Лайель,

Я получил ваше письмо от 24-го. Бесполезно пытаться благодарить вас; ваша доброта выше всякой благодарности. Я, конечно, опущу кита и медведя...

Тираж составил 1250 экземпляров. Когда я был в настроении, мне иногда казалось, что моя книга будет иметь успех, но я никогда даже не строил воздушный замок на фоне такого успеха, какой она имела; я имею в виду не продажи, а впечатление, которое она произвела на вас (на которых я всегда смотрел как на главного судью), а также на Хукера и Хаксли. Все это бесконечно превзошло мои самые смелые надежды.

Прощай, я устал, потому что перебирал простыни.

Мой добрый друг, прощай, твой Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, Йоркшир, 2 декабря [1859].

Мой дорогой Лайель,

Каждое письмо, которое вы мне прислали, меня очень заинтересовало. Пожалуйста, поблагодарите леди Лайелл за ее замечание. В главах, на которые она ссылается, я не смог изменить отрывок в соответствии с вашим предложением; но в последней главе я изменил три или четыре. Кингсли в записке (письмо приведено ниже) ко мне написал заглавный абзац о том, что такие понятия, как мое, НЕ противоречат высокому представлению о Божестве. Я вставил это как выдержку из письма ко мне от знаменитого автора и божества. Я вставил о зарождающихся органах. Мне было очень трудно частично разобрать письмо Седжвика, и, осмелюсь сказать, я сильно недооценил его ясность. Я сделал все, что мог, боюсь, что меня сильно оскорбят. В ответ на замечание Седжвика о том, что моя книга была бы "вредной", я спросил его, можно ли познать истину иначе, как победив все нападки. Х.К. Уотсон рассказывает мне, что один зоолог сказал, что прочтет мою книгу, "но я никогда в это не поверю". С каким настроением читать любую книгу! Кроуфорд пишет мне, что его заметка (Джон Кроуфорд, востоковед, этнолог и др., 1783-1868. Рецензия появилась в "Экзаменаторе" и, хотя и враждебна, свободна от фанатизма, как покажет следующая цитата: "Мы не можем не сказать, что благочестие должно быть действительно брезгливым, если оно возражает против теории, тенденция которой состоит в том, чтобы показать, что все органические существа, включая человека, находятся в постоянном процессе улучшения, и это излагается благоговейным языком, который мы процитировали".) будет враждебным, но "он не будет клеветать на автора". Он говорит, что прочитал мою книгу, "по крайней мере, те части, которые смог понять". Он прислал мне несколько заметок и предложений (совершенно неважных), и они показывают мне, что я неизбежно нанес вред предмету, опубликовав реферат. Он настоящий палласианин; почти все наши домашние расы произошли от множества ныне смешанных диких видов. Я ожидал, что Мерчисон будет возмутительной. Как мало он мог когда-либо касаться темы денудации! Каким необычным должен быть столь великий геолог, обладающий столь нефилософским складом ума! Я получил несколько записок от —, очень вежливых и менее решительных. Говорит, что не будет выступать против меня без долгих размышлений, ВОЗМОЖНО, ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ СКАЖЕТ на эту тему. Х. говорит — отправится в ту часть ада, которая, по словам Данте, предназначена для тех, кто не на стороне Бога и не на стороне дьявола.

Я полностью верю, что комфортом следующих нескольких лет своей жизни я обязан вашей щедрой поддержке и поддержке очень немногих других людей. Я не думаю, что я достаточно храбр, чтобы выносить одиозность без поддержки; теперь я чувствую себя смелым, как лев. Но я вижу, что должен научиться одной вещи, а именно: меньше думать о себе и своей книге. Прощайте, с сердечной благодарностью.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я возвращаюсь домой 7-го и буду ночевать у Эразмуса. Я зайду к вам около десяти часов в четверг, 8-го, и посижу с вами, как я так часто сидел, во время вашего завтрака.

Я бы хотел, чтобы у Прествича был хоть какой-то шанс поколебаться, но, боюсь, он слишком большой катастрофист.

[В декабре в "Журнале Макмиллана" появилась статья профессора Хаксли "Время и жизнь". В основном она посвящена анализу аргументации о "Происхождении", но в ней также излагается суть лекции, прочитанной в Королевском институте до того, как эта книга была опубликована. Профессор Хаксли в своей Лекции решительно высказался в пользу эволюции и объясняет, что при этом он в значительной степени опирался на знание "общего направления исследований, которыми мистер Дарвин так долго занимался", и его в этом поддерживала совершенная уверенность в своих знаниях, настойчивость и "возвышенная любовь к истине". Моему отцу, очевидно, были глубоко приятны слова мистера Хаксли, и он написал:

"Я должен поблагодарить вас за ваше чрезвычайно любезное замечание о моей книге в "Макмиллане". Никто не мог бы получить более восхитительного и благородного комплимента. Я не слышал о вашей лекции из-за моей уединенной жизни. Вы приписываете мне слишком много из-за нашей взаимной дружбы. Вы объяснили мою основную идею с восхитительной ясностью. Какой у тебя дар писать (или, точнее, ясно мыслить)".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Б. КАРПЕНТЕРУ. Илкли, Йоркшир, 3 декабря [1859].

Мой дорогой Карпентер,

Я в полном восторге от вашего письма. Здорово, что на нашей стороне такой замечательный физиолог. Я говорю "наши", потому что сейчас мы - хорошая и компактная группа действительно хороших людей, и в основном не стариков. В конечном итоге мы победим. Мне не нравится, когда меня оскорбляют, но я чувствую, что теперь могу это вынести; и, как я сказал Лайеллу, я твердо убежден, что богатый урожай оскорблений пожинает первый преступник. Вы оказали существенную любезность, проверив *odium theologicum* в Скорой помощи (Это, должно быть, относится к критике Карпентера, которая теперь была бы готова появиться в январском номере "Эдинбург Ревью" за 1860 год и в которой упоминается *odium theologicum*.) Это причиняет сильную боль всем родственницам-женщинам и вредит делу.

Я считаю несущественным, пойдём ли мы совершенно одинаково далеко; и я подозреваю, судя по себе, что вы пойдёте дальше, подумав о популяции форм, подобных *Ornithorhyncus*, и подумав об общей гомологической и эмбриологической структуре нескольких отрядов позвоночных. Но это несущественно. Я вполне согласен, что принцип - это все. В моем более

полном изложении MS. Я обсуждал довольно много инстинктов; но здесь, несомненно, будет больше незаполненных пробелов, чем в отношении строения тела, поскольку у нас нет ископаемых инстинктов, и мы почти ничего не знаем, кроме европейских животных. Когда я размышляю о том, как медленно я приходил к себе, я, по правде говоря, поражен искренностью, проявленной Лайеллом, Хукером, Хаксли и вами. На мой взгляд, это великолепно. Я сердечно благодарю вас за то, что вы взяли на себя труд написать рецензию для "Нэшнл". Видит Бог, у меня будет достаточно мало рецензий, хоть в какой-то степени благоприятных. (Смотрите письмо доктору Карпентеру ниже.)

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Суббота [5 декабря 1859 г.].

... Сегодня утром я получил письмо от Карпентера. Он рецензирует меня в "Нэшнл". Он новообращенный, но не заходит так далеко, как я, но все же достаточно далеко, поскольку признает, что все птицы произошли от одного прародителя и, вероятно, все рыбы и рептилии - от другого родителя. Но последний кусок душист его. Он вряд ли может признать, что все позвоночные произошли от одного родителя. Он наверняка придет к этому из гомологии и эмбриологии. Я считаю великим то, что мы собрали великого физиолога, потому что, я думаю, он определенно великий в этой области. Как любопытно мне будет узнать, какую линию займет Оуэн; боюсь, он категорически против нас; но он написал мне весьма либеральную заметку о том, как восприняли мою книгу, и сказал, что вполне готов честно и без предубеждения рассмотреть мою аргументацию.

Дж.Д. ХУКЕР - ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Кью, понедельник.

Дорогой Дарвин,

Я знаю, что с момента публикации вашей книги вы были завалены письмами, и поэтому я воздержался от того, чтобы внести свою лепту. Теперь я надеюсь, что вы хорошо справились со вторым изданием, и я слышал, что вы процветали в Лондоне. Я еще не прочитал и половины книги, не из-за недостатка желания, а из—за нехватки времени, потому что это самая трудная книга для чтения с полной отдачей, которую я когда—либо пробовал - настолько она насыщена содержанием и рассуждениями. Я тем более рад, что вы опубликовали книгу в таком виде, поскольку эти три тома, без такой обложки, заставили бы поперхнуться любого натуралиста девятнадцатого века и, несомненно, размягчили мой мозг в процессе усвоения их содержания. Я совершенно устал восхищаться замечательным количеством фактов, которые вы привели в действие, и вашим умением систематизировать их и обрушить на врага; насколько я понял, это также предельно ясно, но очень трудно полностью оценить. Каким-то образом это читается совсем не так, как в MS., и я часто думаю, что, должно быть, я был очень глуп, если не последовал этому более полно в MS. Лайелл рассказал мне о своей критике. Я не оценил их все, и есть много мелочей, которые я надеюсь однажды обсудить с вами. Я увидел в "Английском церковнике" в высшей степени лестную заметку, короткую и вовсе не вступающую в дискуссию, но восхваляющую вас и вашу книгу и покровительственно отзывающуюся об учении!... Мне кажется, Бентам и Хенслоу все еще будут качать головами ...

Всегда твой, ДЖОС. Д. ХУКЕР.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, суббота [12 декабря 1859 г.].

... У меня были очень длинные интервью с —, о которых, возможно, вы хотели бы услышать... Из нескольких высказываний я делаю вывод, что, в сущности, он проделал с нами огромный путь...

Он сказал, что мое объяснение было лучшим из когда-либо опубликованных о способе образования видов. Я сказал, что очень рад это слышать. Он резко оборвал меня: "Вы вовсе не должны предполагать, что я согласен с вами во всех отношениях". Я сказал, что, по моему мнению, вероятность того, что я окажусь прав почти во всех пунктах, ничуть не выше, чем вероятность того, что я подброшу пенни и получу орлов двадцать раз подряд. Я спросил его, какая сторона, по его мнению, самая слабая. Он сказал, что у него нет особых возражений против какой-либо части. Он добавил:—

"Если бы я должен был критиковать, я бы сказал: "Мы хотим знать не то, во что верит Дарвин и в чем он убежден, а то, что он может доказать". Я наиболее полно и искренне согласился с тем, что, вероятно, сильносогрешил в этой области, и защитил свою общую линию аргументации, заключающуюся в том, чтобы изобрести теорию и посмотреть, сколько классов фактов объяснит теория. Я добавил, что постараюсь изменить слова "верит" и "убежден". Он резко оборвал меня: "Тогда вы испортите свою книгу, прелесть (!) которой в том, что это сам Дарвин". Он добавил еще одно возражение, что книга была слишком интересной, что она все объясняла и что в высшей степени маловероятно, что я преуспею в этом. Я вполне согласен с этим довольно странным возражением, и получается, что моя книга должна быть очень плохой или очень хорошей...

Я слышал по окольному каналу, что Гершель говорит, что моя книга "это закон сумбура". Что именно это означает, я не знаю, но, очевидно, это очень презрительно. Если это правда, то это большой удар и разочарование.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. 14 декабря [1859].

... Последняя часть моего пребывания в Илкли принесла мне много пользы, но, полагаю, я никогда не стану сильным, потому что работа, которая у меня была с тех пор, как я вернулся, не раз выбивала меня из колеи. Я был занят тем, что добился перепечатки (с очень небольшим количеством исправлений) через прессу.

Моя книга пока имеет ГОРАЗДО больший успех, чем я когда-либо мечтал: Мюррей сейчас печатает 3000 экземпляров. Вы закончили ее? Если да, пожалуйста, скажите мне, согласны ли вы со мной в ОБЩЕМ вопросе или против меня. Если вы будете против меня, я хорошо знаю, какой у меня будет честный, справедливый и откровенный противник, и это намного больше, чем я могу сказать обо всех моих оппонентах...

Пожалуйста, расскажите мне, чем вы занимались. У вас было время на естественную историю?...

P.S.— У меня есть — я хотел бы и надеюсь, что могу сказать, что у НАС есть — достаточное количество отличных людей на нашей стороне в вопросе изменчивости видов.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 14 декабря [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Ваше одобрение моей книги по многим причинам доставляет мне огромное удовлетворение; но я должен сделать некоторую скидку на вашу доброту и сочувствие. Любой человек с обычными способностями, если бы у него было достаточно ТЕРПЕНИЯ и времени, мог бы написать мою книгу. Вы не представляете, как я восхищаюсь вашим с Лайеллом великодушным и бескорыстным сочувствием, я не верю, что кто-то из вас так сильно заботился бы о своей собственной работе. Моя книга на данный момент имела гораздо больший успех, чем я когда-либо осмеливался ожидать даже в самых смелых мечтах. Скоро мы станем хорошим коллективом рабочих людей, и я убежден, что все молодые и подающие надежды натуралисты будут на нашей стороне. Мне было бы крайне интересно услышать, произвела ли моя книга какое-либо впечатление на А. Грея; судя по тому, что я услышал у Лайелла, я полагаю, что ваша переписка уже в какой-то степени продвинула его вперед. Боюсь, что у Бентама нет никаких шансов быть ошеломленным. Прочтет ли он мою книгу? Есть ли у него экземпляр? Я бы отправил ему одно из переизданий, если у него нет. Старый Дж.Э. Грей (Джон Эдвард Грей (1800-1875), был сыном С.Ф. Грея, автора "Дополнения к фармакопее". В1821 году он опубликовал от имени своего отца "Естественное расположение британских растений", одну из самых ранних работ на английском языке по естественному методу. В 1824 году он перешел на работу в отдел естественной истории Британского музея, а в 1840 году был назначен хранителем зоологических коллекций. Он был автором "Иллюстраций к индийской зоологии", "Зверинца Ноусли" и т. Д., А также бесчисленных описательных зоологических статей.), в Британском музее, атаковал меня в прекрасном стиле: "Вы только что воспроизвели доктрину Ламарка и ничего больше, а здесь Лайель и другие нападают на него в течение двадцати лет, и поскольку ВЫ (с насмешкой и смешком) говорите одно и то же, они все соглашаются; это самая нелепая непоследовательность, и т.д., и т.п."

Вы, должно быть, очень рады, что поселились в своем доме, и я надеюсь, что все улучшения удовлетворяют вас. Насколько показывает мой опыт, улучшения никогда не бывают идеальными. Мне очень жаль слышать, что вы все еще так сильно заняты и у вас так много работы. А теперь перейдем к главному смыслу моей записки, которая состоит в том, чтобы просить вас и миссис Хукер (которую я действительно целую вечность не видел в последний раз) и всех ваших детей, если хотите, приехать и провести здесь неделю. Это было бы большим удовольствием для меня и моей жены... Насколько мы можем судить, мы проведем дома всю зиму; и все времена, вероятно, были бы одинаково удобны; но если вы можете, не откладывайте это слишком поздно, так как это может проскользнуть незаметно. Подумай об этом и убеди миссис Хукер, будь хорошим человеком и приходи.

Прощай, мой добрый и дорогой друг, сердечно твой, Ч. ДАРВИН.

P.S. — Мне будет очень любопытно услышать, что вы думаете о моем обсуждении классификации в главе XIII.; Я полагаю, Хаксли возражает против всего и говорит, что он прибил

свой флаг к мачте, и я скорее умру, чем сдамся; так что мы в таком же прекрасном расположении духа для обсуждения этого вопроса, как и любые два религиозных деятеля.

Эмбриология - мой любимый раздел в книге, и, к черту моих друзей, никто этого не заметил.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Записано 21 декабря [1859].

Мой дорогой Грей,

Я только что получил ваше самое доброе, длинное и ценное письмо. Я напишу снова через несколько дней, поскольку в настоящее время я нездоров и у меня много дел: сегодняшняя заметка носит чисто личный характер. По нескольким причинам я был бы очень рад американскому изданию. Я решил, что подвергнусь хорошему издевательству; но я считаю важным, чтобы мои соображения были прочитаны умными людьми, привыкшими к научным спорам, хотя И НЕ натуралистами. Это может показаться абсурдным, но я думаю, что такие люди потащат за собой тех натуралистов, которые слишком твердо вбили себе в голову, что вид - это единое целое. Первое издание тиражом 1250 экземпляров было продано в первый же день, и теперь мой издатель печатает, как МОЖНО БЫСТРЕЕ, еще 3000 экземпляров. Я упоминаю об этом исключительно потому, что это делает вероятной прибыльную продажу в Америке. Я был бы бесконечно признателен, если бы вы помогли с переизданием в АМЕРИКЕ и смогли бы организовать, ради меня и издателя, любое мероприятие с любой прибылью. Новое издание является всего лишь перепечаткой, однако я внес НЕКОЛЬКО важных исправлений. Через несколько дней я пришлю чистые листы, столько листов, сколько будет распечатано, а остальные потом, и вы сможете делать все, что вам заблагорассудится, — если ничего не случится, товреда не будет. Я был бы рад, если бы было перепечатано новое издание, а не старое.—В большой спешке и с искренней благодарностью,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я скоро напишу снова.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 22-е [декабря 1859 г.].

Мой дорогой Лайель, спасибо за "Медведей" (см. "Происхождение", издание i, стр. 184), за доброе предзнаменование для меня.

Я слишком плохо себя чувствую, чтобы выходить из дома, поэтому не увижу тебя.

Я очень рад вашим замечаниям о Хукере. (Сэр К. Лайелл писал сэру Дж. Д. Хукеру 19 декабря 1859 г. ("Лайф", ii, стр. 327): "Я только что закончил чтение вашего великолепного эссе ["Флора Австралии"] о происхождении видов, проиллюстрированного вашим обширным ботаническим опытом, и думаю, что можно зайти очень далеко, возведя гипотезу о создании разнообразия в ранг теории, объясняющей способ появления новых видов в мире".) Я еще не получил эссе. Части, которые я прочитал на листах, показались мне великолепными, особенно обобщение о самой австралийской флоре. Насколько оно превосходит знаменитое эссе Роберта Брауна! Я не видел статьи Нодена ("Садоводческое ревю", 1852. Смотрите исторический очерк в более

поздних изданиях "Происхождения видов".), и не смогу, пока не поищу в библиотеках. Мне очень хочется это увидеть. Декейн, кажется, думает, что излагает всю мою теорию. Я не знаю, когда у меня будет время и силы сразиться с Хукером...

P.S.—Я слышал от сэра У. Джардина (Джардин, сэр Уильям, барт., 1800-1874), был сыном сэра А. Джардина из Эпплгарта, Дамфришир. Он получил образование в Эдинбурге и унаследовал титул после смерти своего отца в 1821 году. Селби, сэром Стэмфордом Раффлзом, доктором Хорсфилдом и другими орнитологами он опубликовал "Иллюстрации по орнитологии" и отредактировал "Библиотеку натуралиста" в 40 томах, которые включали четыре раздела: млекопитающие, орнитологию, ихнологию и энтомологию. Из этих 40 томов 14 были написаны им самим. В 1836 году он стал редактором "Журнала зоологии и ботаники", который два года спустя был преобразован в "Анналы естественной истории", но остался под его руководством. Для стандартной библиотеки Бона он редактировал книгу Уайта "Естественная история Селборна". Сэр У. Джардин также был соредактором "Эдинбургского философского журнала" и был автором книг "Британские лососевые", "Ихтиология Аннандейла", "Мемуары покойного Хью Стрикленда", "Вклад в орнитологию", "Орнитологические синонимы" и т. Д. (Взято из Уорда, "Люди правления", и Кейтса, "Общий биографический словарь".): его критические замечания совершенно неважны; некоторые из них так называемые галапагосские виды следует называть разновидностями, чего я вполне ожидал; некоторые из подродов, считающиеся полностью эндемичными, были обнаружены на Континенте (не то чтобы он приводил свои данные), но я не разобрал, что это одни и те же виды. Его письмо короткое и расплывчатое, но он говорит, что напишет снова.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [23 декабря 1859 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Вчера вечером я получил ваше "Введение", за которое большое спасибо; я удивлен, увидев, какое оно большое: я не очень скоро смогу его прочесть. Было очень любезно с вашей стороны прислать Naudin, потому что мне было очень любопытно взглянуть на него. Я удивлен, что Декейн сказал, что это то же самое, что и у меня. Ноден приводит статью об искусственном отборе, а также десятки английских авторов, и когда он говорит, что виды были сформированы таким же образом, я подумал, что статья наверняка окажется точно такой же, как моя. Но я не могу найти ни одного слова, похожего на борьбу за существование и естественный отбор. Напротив, он вводит свой принцип (стр. 103) завершенности (которого я не понимаю), который, по его словам, у одних авторов является фатализмом, у других - провидением, и который приспособливает формы каждого существа и гармонизирует их во всей природе.

Он предполагает, подобно древним геологам (которые предполагали, что силы природы раньше были сильнее), что поначалу виды были более пластичными. Его сравнение с древом и классификацией похоже на мое (и других), но я думаю, что он не мог много размышлять на эту тему, иначе он увидел бы, что генеалогия сама по себе не дает классификации; Я заявляю, что не вижу в Нодене БОЛЕЕ близкого подхода к Уоллесу и ко мне, чем в Ламарке — мы все согласны в модификации и происхождении. Если от вас не будет вестей, я верну "Ревю" через несколько дней (с обложкой). Осмелюсь сказать, Лайелл был бы рад его увидеть. Кстати, я сохраню этот том до тех пор, пока не узнаю, отправлять его Лайеллю или нет. Мне бы очень

хотелось, чтобы Лайелл увидел эту заметку, хотя это глупая работа, отстаивающая независимость или приоритет.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

А. СЕДЖВИК (преподобный Адам Седжвик, 1785-1873, вудвардианский профессор геологии в Кембриджском университете.) ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Кембридж, 24 декабря [1859 г.].

Мой дорогой Дарвин,

Я пишу, чтобы поблагодарить вас за вашу работу над "Происхождением видов". Оно пришло, я думаю, в конце прошлой недели; но, ВОЗМОЖНО, пришло на несколько дней раньше и было забыто среди моих свертков с книгами, которые часто остаются нераспечатанными, когда я ленив или занят какой-либо предстоящей мне работой. Как только я открыл ее, я начал читать и закончил, после многих перерывов, во вторник. Вчера я был занят: во—первых, подготовкой к своей лекции; во-вторых, посещением собрания моих братьев-стипендиатов для обсуждения заключительных предложений парламентских комиссаров; в-третьих, чтением лекции; в-четвертых, заслушиванием завершения дискуссии и ответа Колледжа, в соответствии с которым, в соответствии с моими собственными пожеланиями, мы приняли план Комиссаров; в-пятых, ужином со старым другом в колледже Клэр; в-шестых, перерывом на еженедельное собрание клуба "Рэй", с которого я вернулся в 10 часов вечера, уставший как собака и едва способный подняться по лестнице. Наконец, просматривая "Таймс", чтобы увидеть, что происходит в деловом мире.

Я заявляю это не для того, чтобы заполнить пространство (хотя я верю, что Природа не терпит вакуума), а для того, чтобы доказать, что мой ответ и моя благодарность отправлены вам при первой же возможности, которая у меня есть, хотя это всего лишь очень ограниченная возможность. Если бы я не считал вас добродушным и правдолюбивым человеком, я бы не сказал вам этого (несмотря на обширные знания, запас фактов, отличные взгляды на взаимосвязь различных частей органической природы, замечательные намеки на распространение по обширным регионам многих родственных органических существ и т.д., и т.п.) Я прочитал вашу книгу скорее с болью, чем с удовольствием. Местами я очень восхищался, местами смеялся почти до боли в боках; другие части я читал с абсолютной печалью, потому что считаю их совершенно фальшивыми и прискорбно вредными. Вы ОТКАЗАЛИСЬ — после того, как пустили по тому трамвайному пути всю твердую физическую истину — от истинного метода индукции, и запустили нас в работу с механизмами, такими же дикими, я думаю, как локомотив епископа Уилкинса, который должен был отправиться с нами на Луну. Многие из ваших общих выводов основаны на предположениях, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты, зачем же тогда выражать их на языке философской индукции? Что касается вашего великого принципа — ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА — что это, как не вторичное следствие предполагаемых или известных первичных фактов! "Развитие" - более подходящее слово, потому что оно ближе к причине факта? Ибо вы не отрицаете причинность. Я называю (абстрактно) причинность волей Бога; и я могу доказать, что Он действует на благо Своих созданий. Он также действует по законам, которые мы можем изучить и понять. Действуя по закону и в соответствии с тем, что называется конечными причинами, я думаю, постигает весь ваш принцип. Вы пишете о "естественном отборе" так, как будто это было сделано по любопытству отбирающим агентом.

Это всего лишь следствие предполагаемого развития и последующей битвы за жизнь. Этот взгляд на природу, который вы изложили превосходно, хотя и признается всеми натуралистами и не отрицается никем из здравомыслящих. Все мы признаем развитие как исторический факт: но как это произошло? Здесь, в языке, и еще больше в логике, мы сталкиваемся с прямой проблемой. Существует моральная или метафизическая часть природы, так же как и физическая. Человек, который отрицает это, погряз в трясине безумия. Венец и слава органической науки в том, что она посредством КОНЕЧНОЙ ПРИЧИНЫ связывает материальное и моральное; и все же НЕ позволяет нам смешивать их в нашей первоначальной концепции законов и нашей классификации таких законов, рассматриваем ли мы ту или иную сторону природы. Вы проигнорировали эту ссылку; и, если я не ошибаюсь, вы сделали все возможное в одном или двух случаях беременности, чтобы разорвать ее. Если бы было возможно (чего, слава Богу, нет) разрушить его, человечество, на мой взгляд, понесло бы ущерб, который мог бы сделать его жестоким и погрузить человеческую расу на более низкую ступень деградации, чем любая из тех, на которые она опускалась с тех пор, как письменные свидетельства рассказывают нам о ее истории. Возьмем случай с пчелиными сотами. Если бы ваше развитие привело к последовательной модификации пчелы и ее ячеек (что ни один смертный не может доказать), конечная причина была бы хороша как направляющая причина, под влиянием которой действовали и постепенно совершенствовались последующие поколения. Отрывки в вашей книге, подобные тому, на который я ссылаюсь (и есть другие, почти столь же плохие), сильно шокировали мой моральный вкус. Я думаю, что, рассуждая об органическом происхождении, вы преувеличиваете данные геологии; и что вы преуменьшаете их, когда говорите о разорванных звеньях вашей естественной родословной; но моя статья почти закончена, и я должен идти в свой лекционный зал. Наконец, мне очень не нравится заключительная глава — не как краткое изложение, ибо в этом свете она кажется хорошей, — но она мне не нравится из-за тона торжествующей уверенности, с которой вы обращаетесь к подрастающему поколению (в тоне, который я осудил в авторе "Пережитков"), и пророчества о вещах, которые еще не находятся в чреве времени и (если мы доверяем накопленному опыту человеческого чувства и выводам его логики), которые, вероятно, можно найти где угодно, кроме как в плодородном чреве человеческого воображения. А теперь несколько слов о сыне обезьяны и вашем старом друге: мне лучше, намного лучше, чем было в прошлом году. Я читаю лекции три дня в неделю (раньше я читал шесть лекций в неделю) без особой усталости, но из-за потери активности, памяти и всех продуктивных сил я обнаруживаю, что мое тело медленно опускается на землю. Но у меня есть видения будущего. Они - такая же часть меня, как мой желудок и мое сердце, и эти видения должны иметь своим прообразом прочное воплощение всего лучшего и величайшего. Но только при одном условии — я смиренно принимаю Божье откровение о Себе как в его делах, так и в Его слове и делаю все возможное, чтобы действовать в соответствии с тем знанием, которое только Он может дать мне, и только Он может поддержать меня в этом. Если мы с тобой сделаем все это, мы встретимся на небесах.

Я писал в спешке и в духе братской любви, поэтому простите любое предложение, которое вам не понравится; и поверьте мне, несмотря на любые разногласия в некоторых вопросах, представляющих глубочайший моральный интерес, ваш искренний старый друг,

А. СЕДЖВИК.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 25 декабря [1859].

Мой дорогой Хаксли,

Одна часть вашей записки мне так понравилась, что я должен поблагодарить вас за нее. Не только сэр Х.Х. [Холланд], но и несколько других критиковали меня за аналогию, ведущую к вере в одну изначальную СОТВОРЕННУЮ форму. ("Происхождение", издание i. стр. 484. — "Следовательно, я должен заключить по аналогии, что, вероятно, все органические существа, которые когда-либо жили на этой земле, произошли от какой-то одной первичной формы, в которую впервые была вдохнута жизнь".) (Под этим я подразумеваю только то, что мы пока ничего не знаем о том, как зарождается жизнь.) Я думал, что меня все осуждают за это. Но я ответил, что, хотя, возможно, было бы благоразумнее не включать это в статью, я не стал бы вычеркивать это, поскольку это казалось мне вероятным, и я привожу это без каких-либо других оснований. Вы увидите в уме аргументы, которые заставили меня считать это вероятным, и ни один факт не произвел на меня такого сильного впечатления, как ваши любопытнейшие замечания о очевидной гомологии головы позвоночных и суставчатых.

Вы добились действительно хороших результатов в агентском бизнесе ("Мой генеральный агент" - так мой отец называл мистера Хаксли в то время). (Я никогда раньше не слышал о трудолюбивом, неоплачиваемом агенте, кроме вас), разговаривая с сэром Х.Х., поскольку он будет иметь большое влияние на многих. Он обвинил меня в моем невежестве относительно ушных косточек, и я сделал мысленную пометку спросить вас, каковы были факты.

С искренней благодарностью и неподдельным восхищением за ваше великодушное рвение к предмету.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Вы можете посмеяться над заботой и предосторожностями, которые я предпринял в отношении моей уродливой рукописи MS. (оставленной мистеру Хаксли для ознакомления.); я придаю им не столько значение, сколько воспоминание о невыносимом труде — например, при изучении истории пород голубей.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 25 декабря [декабря 1859 г.].

... Я не буду писать в Decaisne (По поводу статьи Нодена в "Revue Horticole", 1852 г.); У меня всегда было стойкое ощущение, что никто лучше меня не отстаивал свой собственный приоритет. Я не могу сказать, что я настолько безразличен к этому предмету, как следовало бы, но в результате можно ничего не делать.

Я ни на йоту не верю в то, что вы бессознательно усвоили какие-либо из моих представлений. Вы всегда были ко мне более чем справедливы. Но я действительно думаю, что оказал вам плохую услугу, заставив прочитать старую рукопись, поскольку это, должно быть, проверило ваши собственные первоначальные мысли. Есть одна вещь, в которой я полностью убежден, что будущий прогресс (что является действительно важным моментом) в этой области будет

зависеть от действительно хороших и хорошо известных работников, таких как вы, Лайелл и Хаксли, которые взялись за эту тему, а не от моей собственной работы. Я ясно вижу, что именно это поражает моих ненаучных друзей.

Вчера вечером я сказал себе, что просто сокращу ваше Вступление, но не начну читать, но я не выдержал и читал добрый час.

Прощай, сердечно твой, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. 28 декабря 1859 г.

... Вы видели великолепное эссе и заметку о моей книге в "Таймс"? (26 декабря.) Я не могу отделаться от сильного подозрения, что это авторство Хаксли; но я никогда не слышал, чтобы он писал в "Таймс". Это сослужит большую службу,...

Ч. ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 28 декабря [1859].

Мой дорогой Хаксли,

Вчера вечером, когда я читал "Таймс" за предыдущий день, я был поражен, обнаружив великолепное эссе и рецензию на меня. Кто может быть автором? Я чрезвычайно любопытен. Оно включало хвалебную речь в мой адрес, которая меня очень тронула, хотя я не настолько тщеславен, чтобы думать, что все это заслужено. Автор - литератор и немецкий ученый. Он очень внимательно прочел мою книгу; но, что весьма примечательно, он, по-видимому, глубокий натуралист. Он знает мою книгу о ракушках и ценит ее слишком высоко. Наконец, он пишет и думает с совершенно необычайной силой и ясностью; и что еще реже, его почерк приправлен самым приятным остроумием. Мы все от души посмеялись над некоторыми предложениями. Я был очарован этими неразумными смертными, которые знают все, что угодно, и все считают нужным встать на одну сторону. (Рецензент предлагает отказаться от ортодоксальной точки зрения, согласно которой явления органического мира являются "непосредственным продуктом творческого приказа и, следовательно, вообще находятся вне сферы науки". И он делает это "с меньшими колебаниями, поскольку так получилось, что те люди, которые практически знакомы с фактами дела (что явно является значительным преимуществом), всегда считали нужным причислять себя" к категории тех, кто придерживается "взглядов, которые заявляют, что опираются только на научную основу, и поэтому допускают, что их можно аргументировать с учетом их последствий".) Кто бы это мог быть? Конечно, я должен был сказать, что в Англии был только один человек, который мог бы написать это эссе, и что этим человеком были Вы. Но я полагаю, что я ошибаюсь, и что есть какой-то скрытый гений огромного калибра. Ибо как вы могли повлиять на Юпитера Олимпийского и заставить его посвятить чистой науке три с половиной колонки? Старые чудаки будут думать, что миру придет конец. Что ж, кем бы ни был этот человек, он оказал делу большую услугу, гораздо большую, чем дюжина рецензий в обычных периодических изданиях. То, что он возвышается над общепринятыми религиозными предрассудками, и допущение таких взглядов в "Таймс" я рассматриваю как нечто чрезвычайно важное, совершенно независимо от простого вопроса о видах. Если вы случайно ЗНАКОМЫ с автором, ради всего святого, скажите мне, кто он?

Мой дорогой Хаксли, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[Невозможно дать в кратком изложении адекватное представление о статье мистера Хаксли в "Таймс" от 26 декабря. Он превосходно спланирован таким образом, чтобы требовать к "Происхождению" уважительного слушания, и он воздерживается от чего-либо подобного догматизму в утверждении истинности поддерживаемых в нем доктрин. Можно процитировать несколько отрывков: "То, что эта наиболее остроумная гипотеза позволяет нам объяснить многие очевидные аномалии в распределении живых существ во времени и пространстве и что ей не противоречат основные явления жизни и организации, представляется нам неоспоримым". Далее г-н Хаксли рекомендует читателям "Происхождения" состояние "глубокого скепсиса" - состояние "сомнения, которое так любит истину, что не осмеливается ни успокаиваться на сомнении, ни уничтожать себя неоправданной верой". Последний абзац резко контрастирует с профессором Седжвиком и его "веревками из пузырей" (см. Ниже). Г-н Хаксли пишет: "Г-н Дарвин не терпит простых рассуждений, как природа не терпит пустоты. Он так же жаден до дел и прецедентов, как любой юрист-конституционалист, и все принципы, которые он излагает, могут быть проверены наблюдением и экспериментом. Путь, которым он предлагает нам следовать, утверждает, что это не просто воздушная дорожка, сотканная из идеальной паутины, но прочный и широкий мост из фактов. Если это так, то это безопасно перенесет нас через многие пропасти в наших знаниях и приведет в область, свободную от сетей этих очаровательных, но бесплодных дев, Конечных Причин, против которых нас так справедливо предостерегал высокий авторитет".

Не может быть никаких сомнений в том, что это мощное эссе, появившееся в том виде, в каком оно появилось в ведущем ежедневном журнале, должно было оказать сильное влияние на читающую публику. Мистер Хаксли позволяет мне процитировать из письма отчет о счастливом стечении обстоятельств, которое предоставило ему возможность написать его.

"Происхождение" было отправлено мистеру Лукасу, одному из сотрудников редакции "Таймс" в то время, что, я полагаю, было обычным делом. Мистер Лукас, хотя и был превосходным журналистом, а позднее редактором "Раз в неделю", был так же несведущ в науке, как младенец, и сам жаловался знакомому на то, что ему пришлось иметь дело с такой книгой. После чего ему было рекомендовано обратиться ко мне с просьбой помочь ему выйти из затруднительного положения, и он обратился ко мне с соответствующей просьбой, объяснив, однако, что ему будет необходимо официально принять все, что я захочу написать, предваряя это двумя или тремя собственными абзацами.

"Я был слишком озабочен тем, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью и дать книге справедливый шанс у многочисленных читателей "Таймс", чтобы усложнять условия; и, будучи тогда очень увлечен темой, я написал статью быстрее, чем, я думаю, когда-либо писал что-либо в своей жизни, и отправил ее мистеру Лукасу, который должным образом предварял свои вступительные предложения.

"Когда появилась статья, было много предположений относительно ее авторства. Секрет со временем просочился наружу, как и все секреты, но не с моей помощью; и тогда я получал немало невинного удовольствия от неистовых утверждений некоторых из моих наиболее проникательных друзей, что они знали, что это мое, с первого абзаца!

"Поскольку "Таймс" несколько лет назад ссылалась на мою связь с рецензией, я полагаю, что публикация этой небольшой истории не будет нарушением доверия, если вы считаете, что она стоит того места, которое она займет".]

ГЛАВА 2.II. — "ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ" (продолжение).

1860.

[Я извлекаю несколько записей из дневника моего отца:—

"7 января. Вышло второе издание "Origin" тиражом 3000 экземпляров".

"22 мая. Первое издание "Origin" в Соединенных Штатах было продано тиражом 2500 экземпляров".

Мой отец записал здесь суммы, полученные за "Происхождение".

Первое издание 180 фунтов, Второе издание 636 фунтов 13 шиллингов 4 пенса

Итого.....816 13 фунтов шиллингов 4 пенса.

После выхода второго издания он сразу же, 9 января, приступил к просмотру своих материалов для "Изменчивости животных и растений"; единственной другой работой в этом году была работа о Дрозере.

Он был в Дауне весь этот год, за исключением посещения лечебницы доктора Лейна в Садбруке и в июне, а также визитов в дом мисс Элизабет Веджвуд в Хартфилде, в Сассексе (июль), и в Истборн с 22 сентября по 16 ноября.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 3 января [1860].

Моя дорогая Проститутка,

Я закончил ваше Эссе. ("Австралийская флора".) Поскольку, вероятно, вы хотели бы услышать мое мнение, хотя я и не ботаник, я выскажу его без всякого преувеличения. На мой взгляд, это, безусловно, самое грандиозное и интересное эссе на обсуждаемые темы, которое я когда-либо читал. Вы знаете, как я восхищался вашими предыдущими эссе, но это кажется мне гораздо более грандиозным. Вся часть после страницы xxvi мне нравится больше, чем первая часть, вероятно, потому, что она для меня новее. Осмелюсь сказать, вы будете возражать против этого, поскольку я думаю, что каждому автору нравятся наиболее умозрительные части его собственных произведений. Насколько ваше эссе превосходит знаменитое эссе Брауна (здесь будет первая усмешка от вас). Вы сделали все свои выводы настолько восхитительно ясными, что не было бы никакого смысла быть ботаником (насмешка № 2). Ей-богу, было бы вредно вкладывать какую-либо идею в длинные названия чужеземных орденов. Можно взглянуть на ваши выводы с философской абстракцией, с которой математик смотрит на свое число,

умноженное на $x + \sqrt{z}$ в квадрате, и т.д. и т.п. Я едва ли знаю, какие части интересовали меня больше всего, потому что снова и снова я восклицал: "Это превосходит все". Общее сравнение флоры Австралии с остальным миром поражает меня (как и прежде) как чрезвычайно оригинальное, хорошее и наводящее на многие размышления.

... Вторгшаяся индийская флора очень интересна, но я думаю, тот факт, который вы упомянули в конце эссе — что индийская растительность, в отличие от малайской, встречается в низких и ровных частях Малайских островов, ЗНАЧИТЕЛЬНО уменьшает сложность, которая поначалу (стр. 1) казалась такой большой. Нет ничего лучше, чем иметь собственное хобби. Я подозреваю, что это тот же случай, что и с миграцией ледников и натурализованным размножением — размножением на большей территории, завоевывающей меньшие; конечно, индийским формам было бы труднее освоиться в прохладных частях Австралии. Я возражаю против ваших замечаний (стр. 1), поскольку не "представляю себе ничего в почве, климате или растительности Индии", что могло бы остановить интродукцию австралийских растений. Ближе к концу эссе (страница *civ*) у вас есть замечательные замечания о нашем глубоком незнании причин возможной натурализации или интродукции; я бы ответил на странице 1 более поздней страницей, а именно. гражданская страница.

Ваш контраст юго-западного и юго-восточного углов — один из самых замечательных примеров, о которых я когда-либо слышал... Вы демонстрируете этот случай с поразительной силой. Ваше рассуждение о смешанных захватчиках юго-восточного угла (и Новой Зеландии) — такая же любопытная и запутанная проблема, как и о расах людей в Британии. Ваше замечание о смешанной вторгающейся флоре, сдерживающей или уничтожающей первоначальную флору, которая была богаче по количеству видов, поражает меня как В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ НОВОЕ И ВАЖНОЕ. Я не уверен, что для меня обсуждение флоры Новой Зеландии не является еще более поучительным. Я не могу не восхищаться обоими. Но потребуется много времени, чтобы усвоить все факты. Ваш пример с крупнейшими австралийскими отрядами, не имеющими ни одного или очень немногих видов в Новой Зеландии, поистине великолепен. Во всяком случае, вы сейчас ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛИ (вместе с отсутствием млекопитающих в Новой Зеландии) (горькая усмешка № 3), что Новая Зеландия никогда не была постоянно или даже почти непрерывно соединена по суше с Австралией!! На странице *lxxxix* находится единственное предложение (на эту тему) во всем эссе, с которым я очень склонен поспорить, а именно. что никакая теория трансокеанской миграции не может объяснить и т.д. и т.п. Теперь я утверждаю вопреки всему миру, что ни один человек ничего не знает о силе трансокеанской миграции. Вы не знаете, есть ли у отсутствующих отрядов семена, которые погибают под воздействием морской воды, как у почти всех бобовых и как у другого отряда, который я забыл. Птицы не мигрируют из Австралии в Новую Зеландию, и поэтому плавание КАЖЕТСЯ единственно возможным способом; но все же я утверждаю, что мы знаем недостаточно, чтобы спорить по этому вопросу, тем более что нам неизвестен главный факт: погибли ли семена австралийских отрядов морской водой.

Обсуждение европейских родов чрезвычайно интересно; но только здесь я искренне прошу дополнительной информации, а именно. узнать, какие из этих родов отсутствуют в тропиках мира, то есть ограничены регионами с умеренным климатом. Я чрезвычайно хотел бы знать, насколько сильно изменилось ПОНЯТИЕ МИГРАЦИИ ЛЕДНИКОВ в Австралии. Мне лучше все объяснить, когда мы встретимся, и попросить вас подойти и отметить список.

... Список натурализованных растений чрезвычайно интересен, но почему в конце, во имя всего хорошего и плохого, вы не подводите итог и не комментируете свои факты? Пойдемте, я посмеюсь над вами в ответ на многие из тех, которые вы обрушите на это письмо. Должны ли вы были отметить количество растений, натурализованных в Австралии и Соединенных Штатах В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕ РАЗНОГО КЛИМАТА, как показывающее, что климат так важен, и [на] значительное опрыскивание растений из Индии, Северной Америки и Южной Африки, как показывающее, что частое внесение семян так важно? Что касается "изобилия незанятых земель в Австралии", верите ли вы, что европейские растения, завезенные человеком, теперь растут на местах в Австралии, которые были абсолютно голыми? Но я наглый пес, и каждый должен защищать свои собственные причудливые теории от таких жестоких людей, как вы. Осмелюсь сказать, это письмо покажется вам очень тщеславным, но человек должен составить мнение о том, что он внимательно читает, и, по правде говоря, я не могу найти достаточно сильных слов, чтобы выразить свое восхищение вашим эссе.

Мой дорогой старый друг, сердечно ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.—Я не согласен с "Субботним обзором". ("Субботнее обозрение", 24 декабря 1859 г.) Враждебные аргументы рецензента носят геологический характер, и он имеет дело, в частности, с денудацией Холма. Рецензент замечает, что "если для какой-либо части его аргументации требуется миллион веков, больше или меньше, он без колебаний использует их в соответствии со своими целями".) От рецензента нельзя ожидать справедливости, поэтому я не жалею о том, что все другие аргументы, кроме "Геологической летописи", были опущены. Некоторые замечания о прошествии лет очень хороши, и рецензент дает мне несколько хороших и вполне заслуженных отзывов — черт бы их побрал. Мне жаль признавать правду, но это совсем не относится к главному аргументу. Это была приятная заметка в "Хронике садоводов". Я надеюсь и представляю, что Линдли почти обратился в христианство. Не забудь сообщить мне, если Бентам будет еще больше ошеломлен.

Что касается тропических растений в ледниковый период, я бросаю вам в глаза ваши собственные факты у подножия Гималаев о возможности сосуществования по крайней мере форм тропического и умеренного регионов. Я могу привести параллельный пример с животными в Мексике. О, мое нежно любимое щедрое дитя, как жестоки к тебе мужчины! Я очень рад, что вы одобряете географические разделы ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, [4 января 1860 г.].

Мой дорогой Л.

"Хроники садовников" вернулись в целостности и сохранности. Спасибо за записку. Я безмерно рад, что вы все больше и больше заговариваете о биологических видах, ибо, как я всегда говорил, я твердо убежден, что ваши мнения и труды гораздо больше убедят мир, чем мои. Вы проведете грандиозную дискуссию о человеке. Вы очень смелы в этом, и я уважаю вас. Я, как и вы, был весьма удивлен отсутствием оригинальности в аргументах против, а также в пользу. Гвин Джеффрис справедливо нападает на меня в своем письме по поводу того, что строго прибрежные раковины не часто залегают, по крайней мере, в третичных отложениях. Я был в замешательстве, потому что думал о Вторичном, но Хтамалус применил его к Третичному...

Возможно, вам захочется ознакомиться с прилагаемой запиской (доктор Уэвелл писал (2 января 1860 г.): "... Я не могу, по крайней мере пока, обратиться. Но в том, что вы написали, так много размышлений и фактов, что им нельзя противоречить без тщательного выбора почвы и способа выражения несогласия ". Доктор Уэвелл несколько лет практически выражал несогласие, отказываясь разрешить разместить экземпляр "Происхождения видов" в библиотеке Тринити-колледжа.) от Уэвелла, просто чтобы показать, что он не в ужасе от нас. Вы можете вернуть его всякий раз, когда у вас появится возможность написать, чтобы не тратить свое время впустую.

C.D.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, [4 января? 1860 г.].

... Я получил краткую заметку от Кейзерлинга (соавтора с Мерчисоном "Геологии России", 1845 г.), но ее не стоит посылать вам. Он верит в изменение видов, допускает, что естественный отбор хорошо объясняет адаптацию формы, но считает, что виды меняются слишком регулярно, словно по какому-то химическому закону, чтобы естественный отбор был единственной причиной изменений. Я с трудом понимаю его краткое замечание, но, я думаю, это итог.

... Я пришлю статью А. Мюррея, когда она будет опубликована. (Покойный Эндрю Мюррей написал две статьи о "происхождении" в Proc. R. Soc. Edin. 1860. Тот, о котором идет речь здесь, датирован 16 января 1860 года. Следующее цитируется со страницы 6 отдельного экземпляра: "Но вторая и, как мне кажется, во многом наиболее важная фаза возвращения к типу (и которая практически, если не совсем игнорируется м-ром Дарвином) - это инстинктивная склонность, которая побуждает особей одного и того же вида предпочтительно скрещиваться с теми, кто обладает качествами, желательными им самим, чтобы сохранить чистоту или равновесие породы... Вошла в поговорку, что высокие мужчины женятся на маленьких женщинах... гениальный человек женится на дуре ... и нам говорят, что это результат очарования контраста или качеств, которыми восхищаются другие, потому что мы ими не обладаем. Я не объясняю это таким образом. Я полагаю, что это попытка природы сохранить типичную среду обитания расы ".) Это включает предположения (которые он, возможно, изменит) настолько опрометчивые и без единого факта в поддержку, что, если бы я выдвинул их, он или другие рецензенты нанесли бы мне очень сильный удар. Мне жаль говорить, что у меня нет "утешительного взгляда" на достоинство человека. Я доволен тем, что человек, вероятно, продвинется вперед, и меня не очень волнует, будут ли на нас смотреть как на простых дикарей в отдаленном будущем. Большое спасибо за ваше последнее замечание.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я получил в одной манчестерской газете довольно хорошую заметку, свидетельствующую о том, что я доказал, что "сильный прав", и, следовательно, что Наполеон прав, и каждый мошенник-торговец также прав.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Б. КАРПЕНТЕРУ. Даун, 6 января [1860]?

Мой дорогой Карпентер,

Я только что прочитал вашу превосходную статью в "Нэшнл". Она принесет большую пользу, особенно если станет известна как ваша постановка. Мне кажется, это дает превосходно ясное изложение взглядов мистера Уоллеса и моих собственных взглядов. Как удачно вы обходите с флангов богословских противников, противопоставляя им таких людей, как Бентам, и более философичных систематиков! Я искренне благодарю вас за ЧРЕЗВЫЧАЙНО благородную манеру, в которой вы упомянули меня. Мне бы хотелось услышать какую-нибудь критику или замечания по эмбриологии, по этому предмету вы так хорошо обучены. Я не думаю, что любой непредвзятый человек может прочитать вашу статью, не будучи сильно впечатленным ею. Старая доктрина неизменности конкретных форм наверняка, но медленно отомрет. Мне стыдно причинять вам беспокойство, но я был бы вам очень признателен, если бы вы могли сказать мне, где были описаны яйца различной окраски у отдельных особей кукушки и их кладка в двадцать семь видов гнезд. Кроме того, знаете ли вы из ваших собственных наблюдений, что конечности овец, ввозимых в Вест-Индию, меняют цвет? У меня была подробная информация о потере шерсти, но, по моим сведениям, изменения происходили медленнее, чем вы описываете.

С самой сердечной благодарностью и уважением, поверьте мне, мой дорогой Карпентер, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ. (Преподобный Л. Бломфилд.) Даун, 7 января 1860 года.

Мои дорогие Дженины,

Я очень признателен за ваше письмо. Для меня очень полезно и интересно узнать, какое впечатление производит моя книга на философские и образованные умы. Я благодарю вас за те добрые слова, которые вы говорите, и вы идете со мной гораздо дальше, чем я ожидал. Вы сочтете это самонадеянным, но я убежден, что, ЕСЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАСТАВЯТ ВАС ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ПРЕДМЕТЕ, вы пойдете дальше. Никто еще не ставил под сомнение мое объяснение подчиненности группы группе, гомологии, эмбриологии и рудиментарных органов; и если мое объяснение этих классов фактов вообще верно, то целые классы органических существ должны быть включены в одну линию происхождения.

Несовершенство геологической летописи - одна из самых больших трудностей... В самый ранний период летопись была бы наиболее несовершенной, и мне кажется, этого достаточно, чтобы объяснить, почему мы не находим промежуточных форм между классами в одних и тех же великих королевствах. Конечно, с моей стороны было опрометчиво верить в вероятность того, что все существа произошли от ОДНОЙ изначальной формы; но поскольку это все еще кажется мне вероятным, я не желаю вычеркивать это. Один Хаксли поддерживает меня в этом, и кое-что можно было бы сказать в его пользу. Что касается человека, то я очень далек от желания навязывать свою веру; но я считал нечестным полностью скрывать свое мнение. Конечно, каждый может поверить, что человек появился каким-то отдельным чудом, хотя сам я не вижу в этом необходимости или вероятности.

Прошу вас, примите мою искреннюю благодарность за вашу любезную записку. То, что вы идете со мной по какому-то пути, вселяет в меня огромную уверенность в том, что я не так уж и неправ. Очень долгое время я останавливался на полпути; но я не верю, что какой-либо

пытливый ум остановится на полпути. Людям придется отвергнуть всех или признать всех; под ВСЕМИ я подразумеваю только членов каждого великого королевства.

Мои дорогие Дженинс, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 10 января [1860].

... Совершенно верно, что почти всеми исправлениями (второе издание "Происхождения" тиражом 3000 экземпляров было опубликовано 7 января.) я обязан вам, а несколькими устными - вам и другим; я искренне рад, что вы их одобряете, поскольку пока меня раздражают только две вещи; эти проклятые миллионы (Имеется в виду отрывок из "Происхождения видов" (2-е издание, стр. 285), в котором обсуждается временной промежуток, подразумеваемый обнажением Уилда. Обсуждение завершается предложением: "Таким образом, не является невероятным, что со времени последней части Вторичного периода прошло более 300 миллионов лет". Этот отрывок опущен в более поздних изданиях "Происхождения" вопреки совету некоторых его друзей, как явствует из карандашных пометок в экземпляре второго издания моего отца.) лет (не то чтобы я думаю, что это, вероятно, неправильно), и то, что я (по неосторожности) не упомянул Уоллеса в конце книги в кратком изложении, не то чтобы кто-то обратил на это мое внимание. Теперь я вписал имя Уоллеса на странице 484 на видном месте. Я не могу отсылать вас к таблицам детской смертности и т.д. и т.п. У меня где-то есть заметки, но я не имею ни малейшего представления, где искать, и мои заметки сейчас были бы старыми. Я буду искренне рад внимательно прочитать любую рукопись о человеке и высказать свое мнение. Раньше ты предупреждал меня быть осторожной с мужчинами. Подозреваю, что мне придется ответить тебе тем же во сто крат! Ваша дискуссия, без сомнения, будет грандиозной; но поначалу она ужаснет мир больше, чем вся моя книга; хотя, судя по предложению (стр. 489, новое издание (Первое издание, стр. 488.)) Я показываю, что верю, что человек находится в том же затруднительном положении, что и другие животные. На самом деле в этом невозможно сомневаться. Я думал (только смутно) о человеке. Что касается гонок, то один из моих лучших шансов на установление истины рухнул из-за невозможности получить факты. У меня есть одна хорошая гипотетическая фраза, но человек должен полностью верить в Естественный отбор, прежде чем он даже прислушается к ней. С психологической точки зрения я почти ничего не сделал. Если, конечно, сюда нельзя включить выражение лица, и на эту тему я собрал немало фактов и размышлял, но не думаю, что когда-нибудь опубликую, но это необычайно любопытная тема. Кстати, позавчера я отправил много вопросов на Огненную землю по expression! Я подозреваю (поскольку я никогда этого не читал), что "Психология" Спенсера имеет отношение к психологии в том виде, в каком мы должны на нее смотреть. Обязательно прочтите Предисловие, объемом примерно в 20 страниц, к новому словарю Хенсли Веджвуда о первом происхождении языка; Erasmus одолжит его. Я согласен насчет Карпентера, очень хорошая статья, но в ней не так много оригинального... Эндрю Мюррей в обращении к Ботаническому обществу Эдинбурга раскритиковал заметку в "Линнеевском журнале" и "опроверг" всю теорию из-за остроумной трудности, о которой я был очень глуп, не подумав; ибо я выражаю удивление по поводу того, что не известно больше аналогичных случаев. Трудность заключается в том, что среди слепых насекомых пещер в отдаленных частях света есть некоторые из того же рода, и все же этот род не встречается вне пещер или живущих в свободном мире. Я почти не сомневаюсь, что, подобно рыбе амблиопсис и подобно европейскому Протею, эти насекомые

являются "обломками древней жизни" или "живыми ископаемыми", спасенными от конкуренции и истребления. Но ранее замеченные насекомые того же рода бродили по всей территории, в которую включены эти случаи.

Прощай, сердечно твой, Ч. ДАРВИН.

P.S.— НАШ предок был животным, которое дышало водой, имело плавательный пузырь, большой плавающий хвост, несовершенный череп и, несомненно, было гермафродитом!

Вот приятная генеалогия для человечества.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 14 января [1860].

... Мне будет очень интересно прочитать вашу мужскую дискуссию, и я тщательно выскажу свое мнение, чего бы оно ни стоило; но я так долго смотрел на вас как на тип осторожного научного суждения (на мой взгляд, одно из самых высоких и полезных качеств), что подозреваю, что мое мнение будет излишним. Мне смешно думать, какой это будет шуткой, если мне придется предостеречь вас после ваших предостережений по тому же поводу в мой адрес!

Я закажу книгу Оуэна ("Классификация млекопитающих", 1859); Я очень рад услышать мнение Хаксли о его классификации человека; без должных знаний она с самого начала показалась мне абсурдной; я считаю, что все классификации, основанные на отдельных признаках, потерпели неудачу.

... Какое великое, безмерное благо вы оказали мне, уговорив Мюррея опубликовать мою книгу. До сегодняшнего дня я даже не подозревал, что это стало широко распространяться, потому что в сегодняшнем письме от одной дамы Э. она говорит, что слышала, как мужчина спрашивал о нем на ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ!!! на мосту Ватерлоо; и книготорговец сказал, что у него ничего нет, пока не выйдет новое издание. Книготорговец сказал, что он ее не читал, но слышал, что это очень замечательная книга !!!...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 14 января [января 1860 г.].

... Сегодня утром я получил весточку от Лайелла, и он сообщил мне новость. Вы ни на что не годный человек; вот вы загоняете себя в рабство, не имея ни минуты свободной, и вы должны написать рецензию на мою книгу! Я думал, что это ("Хроника садовников", 1860. Упоминается выше. Сэр Дж. Д. Хукер придерживался линии полной беспристрастности, чтобы не привлекать Линдли к ответственности.) очень хорошая, и она меня так поразила, что я отправил ее Лайеллу. Но я предположил, как само собой разумеющееся, что она принадлежала Линдли. Теперь, когда я знаю, что это твое, я перечитал его, и, мой добрый и верный друг, оно согрело мое сердце всеми теми благородными словами, которые ты говоришь обо мне и о нем. Я был немало удивлен тем, что Линдли откликнулся на некоторые замечания, но ты мне и не снился. Я восхищался ею главным образом потому, что она так хорошо подходила для того, чтобы воздействовать на читателей "Хроники садовников"; но теперь я восхищался ею в другом духе. Прощайте, с сердечной благодарностью... Лайель нападает на человека с дерзостью, которая

меня пугает. Это хорошая шутка; он всегда предупреждал меня, чтобы я переступал через человека.

[В "Хронике садоводов" от 21 января 1860 г. появилось короткое письмо от моего отца, вызванное сообщением мистера Вествуда в предыдущем номере журнала, в котором обсуждаются определенные явления кросс-селекции в связи с "Происхождением видов". Мистер Вествуд написал в ответ (11 февраля) и привел дополнительные доказательства против доктрины происхождения, такие как идентичность фигур страусов в древних "египетских записях" с птицей, какой мы ее знаем сейчас. Об этой переписке вряд ли стоит упоминать, разве что как об одном из очень немногих случаев, когда моего отца втянули во что-либо, напоминающее полемику.]

ЭЙСА ГРЕЙ - Дж.Д. ХУКЕРУ. Кембридж, Массачусетс, 5 января 1860 года.

Моя дорогая Проститутка,

Твое последнее письмо, пришедшее ко мне незадолго до Рождества, затерялось во время переворотов в моем кабинете, которые происходят в это время года, и до сих пор не обнаружено. Мне было бы очень жаль потерять его, потому что в нем были некоторые ботанические мэмы, которые я не сохранил ...

Основная часть вашего письма заключалась в высокой оценке книги Дарвина.

Что ж, книга дошла до меня, и я закончил ее внимательное прочтение четыре дня назад; и я откровенно заявляю, что ваши похвалы не лишни.

Это сделано ВИРТУОЗНО. На его создание вполне могло уйти двадцать лет. Он напичкан интереснейшими материалами — тщательно переварен — хорошо выражен — близок, убедителен и, взятый как система, представляет собой лучший случай, чем я предполагал возможным ...

Агассис, когда я видел его в последний раз, прочел лишь часть. Он говорит, что это ПЛОХО, ОЧЕНЬ ПЛОХО!! (entre nous). Дело в том, что его это очень сильно раздражает ... и я этому не удивляюсь. Включать все ИДЕАЛЬНЫЕ системы в область науки и давать хорошие физические или естественные объяснения всем его основным тезисам так же плохо, как заставлять Форбса брать материалы ледника... и дать научное объяснение всем явлениям.

Передайте все это Дарвину. Я напишу ему, когда у меня будет возможность. Как я и обещал, у вас с ним здесь будет честная игра... Я должен сам написать рецензию на книгу Дарвина для "Журнала Силлимана" (тем более, что я подозреваю, что Агассис собирается опубликовать ее) в следующем (мартовском) номере, и я сейчас приступаю к этому (хотя мне следовало бы ежеминутно работать над исследованием Compositae Expedition, о котором я знаю гораздо больше). И на самом деле это нелегкая работа, как вы легко можете себе представить.

Я сомневаюсь, что смогу полностью понравиться тебе. Я знаю, что совсем не понравлюсь Агассису. Я слышал, что в прессе появилось еще одно переиздание, и книга вызовет здесь много внимания и некоторые споры ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 28 января [1860].

Мой дорогой Грей,

Хукер переслал мне ваше письмо к нему; и я не могу выразить, насколько глубоко оно меня порадовало. Получить одобрение человека, которого давно и искренне уважаешь. И чьи суждения и знания признаны всеми, это высшая награда, о которой только может мечтать автор; и я сердечно благодарю вас за ваши самые добрые выражения.

Я отсутствовал дома несколько дней и поэтому не мог раньше ответить на ваше письмо от 10 января. Вы были чрезвычайно добры, взяв на себя столько хлопот и проявив интерес к изданию. Это была ошибка моего издателя, который не подумал прислать листы. Я совершенно забыл о вашем предложении получить распечатанные листы. Но я не должен винить своего издателя, потому что, если бы я помнил о вашем любезнейшем предложении, я почти уверен, что не воспользовался бы им; ибо я никогда не мечтал, что моя книга будет иметь такой успех у широкого круга читателей; думаю, я бы посмеялся над идеей отправить листы в Америку. (В письме мистеру Мюррею в 1860 году мой отец писал: "Меня позабавил рассказ Эйзы Грея о том волнении, которое моя книга произвела среди натуралистов в Соединенных Штатах. Агассис осудил это в газете, но в таких выражениях, что на самом деле это прекрасная реклама!" Кажется, это относится к лекции, прочитанной перед Ассоциацией коммерческих библиотек.)

После долгих размышлений и по настоятельному совету Лайелла и других я решил оставить настоящую книгу такой, какая она есть (исключая исправление ошибок или кое-где вставляя короткие предложения), и употребить все свои силы, КОТОРЫХ у МЕНЯ НЕМНОГО, на то, чтобы выпустить первую часть (сформировать отдельный том с указателем и т.д.) из трех томов, которые составят мой более объемный труд; так что мне очень не хочется тратить время на внесение исправлений для американского издания. Прилагаю список нескольких исправлений во втором перепечатанном издании, которое вы получите к этому времени в полном виде, и я мог бы прислать четыре или пять исправлений или дополнений столь же небольшой важности или, скорее, столь же кратких. Я также намерен написать КРАТКОЕ предисловие с краткой историей предмета. Я займусь ими, поскольку когда-нибудь они должны быть закончены, и вскоре отправлю их вам — сначала несколько исправлений, а потом предисловие, если только не услышу, что вы отказались от всякой идеи отдельного издания. После этого вы сможете оценить, стоит ли размещать новое издание с ПРЕФИКСОМ ВАШЕГО ОТЗЫВА. Каким бы ни был характер вашей рецензии, уверяю вас, для меня было бы БОЛЬШОЙ честью, если бы моей книге предшествовало такое...

ЭЙСА ГРЕЙ - ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Кембридж, 23 января 1860 года.

Мой дорогой Дарвин,

Вы получили мое поспешное письмо, в котором я сообщаю вам о прибытии оставшихся листов перепечатки и о том ажиотаже, который я поднял из-за перепечатки в Бостоне. Что ж, все выглядело довольно хорошо, когда, о чудо, мы обнаружили, что второе нью-йоркское издательство также объявило о переиздании! Тогда я написал обоим нью-йоркским издателям, прося их уступить место АВТОРУ и его перепечатке исправленного издания. Я получил ответ от Харперов, что они отзывают книгу, от Эпплтонов, что они выпустили книгу (и на следующий день

я увидел экземпляр); но что, "если работа будет иметь значительные продажи, мы, конечно, будем склонны заплатить автору разумно и щедро".

Поскольку Эпплтоны, таким образом, прекратили свое переиздание, бостонский дом отказался продолжать. Поэтому я написал Эпплтонам, поверив им на слово, предложив помочь с их перепечаткой, дать им возможность использовать изменения в лондонском переиздании, как только я узнаю, что это такое, и т.д. и т.п. И я отправил им первый лист и попросил их вставить в их будущий выпуск дополнительный материал от Батлера (цитата из "Аналогии" Батлера об использовании слова "естественный", которое во втором издании помещено вместе с отрывками из Уэвелла и Бэкона на странице ii, напротив титульного листа.), который рассказывает все правильно. Итак, дело обстоит именно так. Если вы предоставите какой-либо материал до лондонского третьего издания, я заставлю их заплатить за это.

Возможно, я что-нибудь добуду для вас. Все, что я получил, - это явный выигрыш; но, я полагаю, он будет не очень большим.

Те небольшие заметки в здешних газетах, которые еще не появлялись, весьма привлекательны и тактичны.

Я надеюсь на следующей неделе получить распечатанные листы моего обзора из Нью-Хейвена и отправить [их] вам, а также попрошу вас передать их доктору Хукеру.

Чтобы выполнить вашу просьбу, я должен рассказать вам, что я считаю самым слабым и что самым лучшим в вашей книге. Но это нелегко и не может быть сделано в двух словах. Лучшая ЧАСТЬ, я думаю, - это ЦЕЛОЕ, то есть его ПЛАН и ТРАКТОВКА, огромное количество фактов и точных выводов, с которыми вы обращаетесь так, как будто вы в совершенстве владеете ими. Я не думаю, что двадцать лет - слишком большой срок для создания такой книги.

Стиль четкий и хороший, но время от времени требует доработки по мелочам (страница 97, самооплодотворяется и т.д.).

Тогда ваша искренность стоит всего для вашего дела. Приятно встретить человека с новой теорией, который откровенно признается, что находит трудности непреодолимыми, по крайней мере, на данный момент. Я знаю некоторых людей, у которых никогда не возникает никаких трудностей, о которых можно говорить.

В тот момент, когда я понял ваши предпосылки, я почувствовал уверенность, что у вас есть реальный фундамент, за который можно держаться. Что ж, если кто-то признает ваши послышки, я не вижу, как он может остановиться на ваших выводах, по крайней мере, как на вероятной гипотезе.

Естественно, что моя рецензия на вашу книгу не отражает всей силы впечатления, которое эта книга произвела на меня. При сложившихся обстоятельствах я полагаю, что принесу вашей теории больше пользы, высказав справедливое и благоприятное отношение к ней и оставаясь непредвзятым в отношении ее полных выводов, чем если бы я объявил себя новообращенным; да и последнее я не смог бы сказать правдиво.

Ну, что мне кажется самым слабым местом в книге, так это попытка объяснить формирование органов, формирование глаз и т.д. Естественным отбором. Кое-что из этого звучит вполне по-ламаркистски.

Глава о ГИБРИДИЗМЕ - не СЛАБАЯ, а СИЛЬНАЯ глава. Вы сотворили там чудеса. Но все же вы не учили, как вас могут призвать к ответу, того, что дивергенция до определенной степени приводила к повышению плодовитости скрещиваний, но сделали еще один короткий, почти незаметный шаг вперед, что привело к бесплодию или обратило вспять тенденцию. Весьма вероятно, что вы на правильном пути; но вам еще предстоит кое-что сделать в этом отделе.

На сегодня достаточно.

... Я не безразличен к вашим комплиментам, очень высоким комплиментам, которые вы мне делаете, ценя мое мнение. Вы, очевидно, думаете об этом больше, чем я, хотя из того, как я пишу [вам], и особенно [Хукеру], этого нельзя было бы сделать, прочитав мои письма.

Я могу смело сказать, что ни из одной книги я не почерпнул столько нового, сколько из вашей, и мне еще много чего хочется сказать по этому поводу.

Всегда твой, ЭЙСА ГРЕЙ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. [Февраль? 1860].

... Теперь я просто пробежусь по некоторым пунктам вашего письма. То, что вы говорите о моей книге, доставляет мне огромное удовольствие, и я хотел бы чувствовать, что все это было заслужено мной. Я вполне думаю, что отзыв от человека, который не является полностью новообращенным, если он справедлив и умеренно благоприятен, является во всех отношениях лучшим видом отзыва. Насчет слабых мест я согласен. Взгляд и по сей день вызывает у меня холодную дрожь, но когда я думаю о тонких известных грациях, мой разум подсказывает мне, что я должен побороть холодную дрожь.

Прошу вас, запомните и передайте профессору. Вайману, как я должен быть очень благодарен за любые намеки, информацию или критические замечания. Я глубоко уважаю его мнение. Я так сожалею о здоровье Даны. Я уже попросила его навестить меня.

Прощай, ты возложил на меня груз обязательств — не то чтобы я чувствовал это бременем. Для меня величайшее удовлетворение думать, что вы сочли мою книгу достойной прочтения и размышлений; вас и еще троих я считаю судьями, мнением которых я должен дорожить больше всего.

Мой дорогой Грей, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S. По своему собственному опыту я почти уверен, что если ваши исследования заставят вас постоянно думать о происхождении видов, вы будете продвигаться все дальше и дальше в своей вере. На это у меня ушло много лет, и, уверяю вас, я поражен впечатлением, которое моя книга произвела на многие умы. Боюсь, двадцать лет назад я не был бы и в половину таким откровенным и открытым для осуждения.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, [31 января 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я решил опубликовать небольшой очерк развития мнений об изменении видов. Не могли бы вы или миссис Хукер сделать мне одолжение скопировать ОДНО предложение из статьи Нодена в "Revue Horticole", 1852, стр. 103, а именно, о его принципе завершенности. Не могли бы вы дать мне его поскорее, с этими дурацкими тире над аккуратно расставленными гласными? Я полагаю, что у Эйса Грея выйдет второе издание моей книги, и я хочу в ближайшее время отправить ему это небольшое предисловие. Я не подумал о необходимости иметь предложение Нодена об окончательности, иначе я бы скопировал его.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S. В заключение я просто упомяну ваше введение о флоре Австралии. Какая была дата публикации: декабрь 1859 или январь 1860? Пожалуйста, ответьте на этот вопрос.

Мое предисловие подойдет и для французского издания, которое, я ПОЛАГАЮ, согласовано.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Февраль [1860].

... Как теперь называется "Происхождение", Харви (Уильям Генри Харви происходил из квакерской семьи Югхал и родился в феврале 1811 года в Саммервилле, загородном доме на берегу реки Шеннон. Он умер в Торки в 1866 году. В 1835 году Харви отправился в Африку (Столовый залив), чтобы продолжить свои ботанические исследования, результаты которых были приведены в его "Родах растений Южной Африки". В 1838 году плохое состояние здоровья вынудило его взять отпуск и на некоторое время вернуться в Англию; в 1840 году он вернулся в Кейптаун, где болезнь снова вынудила его уехать. В 1843 году он получил должность профессора ботаники в Тринити-колледже в Дублине. В 1854, 1855 и 1856 годах он посетил Австралию, Новую Зеландию, Дружественные острова и Фиджи. В 1857 году доктор Харви вернулся домой и был назначен преемником профессора Оллмана на кафедру ботаники Дублинского университета. Он был автором нескольких ботанических работ, главным образом о водорослях. —(Из мемуаров, опубликованных в 1869 году.) - хороший удар по моим разговорам о неуловимо тонких грациях; и, конечно, меня удивило, что меня забросали фактом, что я не допустил резких и достаточно больших вариаций в природе. Потребовалось бы гораздо больше доказательств, чтобы заставить меня признать, что формы часто менялись под воздействием соли.

Вы видели атаку Волластона в "Анналах"? ("Анналы и журнал естественной истории", 1860.)
Начинают лететь камни. Но теология имеет больше отношения к этим двум атакам, чем наука ...

[В приведенном выше письме имеется в виду статья Харви в "Хронике садоводов" от 18 февраля 1860 года. Он описывает случай уродства у *Begonia frigida*, в котором "спорт" настолько сильно отличался от обычной бегонии, что мог служить прообразом отдельного естественного вида. Харви продолжает утверждать, что такой случай противоречит теории естественного отбора,

согласно которой изменения не должны происходить сами по себе, и добавляет, что "несколько таких случаев полностью опровергли бы ее [гипотезу мистера Дарвина]". В следующем номере "Хроники садоводов" сэр Дж. Д. Хукер показал, что доктор Харви неправильно истолковал значение случая с бегонией, который, как он далее показал, никоим образом не был рассчитан на то, чтобы поколебать обоснованность доктрины модификации посредством естественного отбора. Мой отец упоминает случай с Бегонией в письме Лайеллю (18 февраля 1860 г.):

"Посылаю по почте статью Харви в "Хрониках садоводов" (первоклассный ботаник, как вы, вероятно, знаете). Мне это кажется довольно странным; он предполагает постоянство монстров, в то время как монстры, как правило, стерильны и не часто передаются по наследству. Но в его случае получается, что я был слишком осторожен, не допуская больших и внезапных вариаций. Здесь снова проявляется вредность моего РЕФЕРАТА. В более полной рукописи ср. Я обсуждал параллельный случай с обычной рыбой, такой как чудовищная золотая рыбка".

Ссылаясь на ответ сэра Дж.Д. Хукера, мой отец написал:]

Вниз, [26 февраля 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Твой ответ Харви кажется мне ВОСХИТИТЕЛЬНО хорошим. Ты сколотил бы гигантское состояние как адвокат. Какое упущение со стороны Харви в отношении градуированного состояния цветов! Но что поражает меня больше всего, так это то, что я, несомненно, должен лучше знать свою собственную книгу, и все же, клянусь Юпитером, вы выдвинули так много аргументов, о которых я не подумал! Ваша ссылка на классификацию (а именно. Я полагаю, что для таких случаев, как *Aspicarpa*) ПРЕВОСХОДНО, ибо чудовищная бегония, без сомнения, во всех деталях была бы Бегонией. Я не думал ни об этом, ни о ПОСТЕПЕННОМ переходе от разделения полов к гермафродитному состоянию, ни об уменьшении плодовитости чудовища. Прохор для меня.

Весь мир сказал бы, какой юрист пропал из ПРОСТОГО ботаника!

Прощай, мой дорогой учитель в моем собственном предмете,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я искренне рад видеть, что вы одобряете главу о классификации.

Интересно, что скажет Харви. Но, я думаю, вряд ли кто-то способен сразу увидеть, когда его побеждают в споре.

[Нижеследующие письма относятся к первому переводу (1860 г.) "Происхождения видов" на немецкий язык, которым руководил Х.Г. Бронн, хороший зоолог и палеонтолог, работавший в то время во Фрейбурге, но впоследствии профессор в Гейдельберге. Мне сказали, что перевод не имел успеха, он оставался очевидным переводом и, соответственно, читать его было неприятно. Бронн добавил к переводу приложение с описанием трудностей, которые возникли у него. Например, как естественный отбор может объяснить различия между видами, когда эти различия, по-видимому, не приносят никакой пользы их обладателям; например, длина ушей и хвоста или складки на эмали зубов различных видов грызунов? Краузе в своей книге "Чарльз Дарвин", стр. 91, критикует поведение Бронна таким образом, но будет видно, что мой отец на

самом деле предложил дополнить замечания Бронна. Более серьезное обвинение против Бронна выдвинул Краузе (ор. cit. стр. 87) заключается в том, что он опустил отрывки, которые сам не одобрял, как, например, отрывок ("Происхождение", первое издание, стр. 488) "Прольется свет на происхождение человека и его историю". У меня нет доказательств того, знал ли мой отец об этих изменениях или нет.]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х.Г. БРОННУ. Даун, 4 февраля [1860].

Дорогой и многоуважаемый сэр,

Искренне благодарю вас за ваше любезнейшее письмо; я опасался, что вы сильно не одобрите "Происхождение", и отправил его вам просто в знак моего искреннего уважения. Я с большим интересом прочту вашу работу о постановах "Островов", когда получу ее. Я сердечно благодарю вас за заметку в "Neues Jahrbuch fur Mineralogie" и еще больше за то, что вы поговорили со Швейцербартом о переводе; ибо я очень хочу, чтобы великий и интеллектуальный немецкий народ узнал что-нибудь о моей книге.

Я попросил своего издателя немедленно прислать экземпляр НОВОГО (Второго издания). издание предоставлено Швейцербарту, и я написал Швейцербарту, что отказался от всякого права извлекать выгоду для себя, так что я надеюсь, что перевод появится. Я боюсь, что книгу будет трудно перевести, и если бы вы могли посоветовать Швейцербарту ХОРОШЕГО переводчика, это оказало бы мне большую услугу. Еще больше, если бы вы пробежались глазами по наиболее трудным частям перевода; но это слишком большая услуга, чтобы ожидать ее. Я уверен, что это будет трудно перевести из-за того, что оно настолько сжато.

Еще раз благодарю вас за ваше благородное сочувствие, и я остаюсь, со всем уважением,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S. В новом издании есть несколько исправлений, и я отправлю в MS. некоторые дополнительные исправления и краткое историческое предисловие Швейцербарту.

Насколько интересной вы могли бы сделать работу, отредактировав (я не имею в виду перевод) ее и добавив примечания с ОПРОВЕРЖЕНИЕМ или подтверждением. Книга так широко разошлась по Англии, что редактор, я думаю, получил бы прибыль от перевода.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Х.Г. БРОННУ. Даун, 14 февраля [1860].

Мой дорогой и многоуважаемый сэр,

Сердечно благодарю вас за вашу исключительную доброту при руководстве переводом. Я говорил об этом некоторым выдающимся ученым, и все они согласны с тем, что вы оказали благородную и великодушную услугу. Если окажется, что я совершенно неправ, все же я утешаю себя мыслью, что моя книга может принести какую-то пользу, поскольку истину можно познать, только выходя победителем из любой атаки. Я также очень благодарен вам за рецензию и за то, с какой добротой вы отзываетесь обо мне. Я посылаю с этим письмом

некоторые исправления и дополнения М. Швейцербарту и краткое историческое предисловие. Я не очень хорошо знаком с немецкими авторами, поскольку читаю по-немецки очень медленно; поэтому я не знаю, отстаивал ли кто-нибудь из немцев схожие с моими взгляды; если да, то не могли бы вы оказать мне любезность и вставить примечание к предисловию? М. Швейцербарт уже подготовил перепечатку для начала переводчиком. Несколько ученых сочли термин "Естественный отбор" хорошим, потому что его значение неочевидно, и каждый человек не мог бы дать ему свою собственную интерпретацию, а также потому, что он сразу связывает вариации при одомашнивании и природу. Есть ли какой-либо аналогичный термин, используемый немецкими заводчиками животных? "Аделунг", облагораживающий, было бы, возможно, слишком метафизичным. Это безумие с моей стороны, но я не могу не сомневаться в том, что "Стена жизни" выражает мою мысль. Это оставляет в моем сознании впечатление ламарковской доктрины (которую я отвергаю) о важности жизненных привычек. Человек изменил и, таким образом, улучшил английскую скаковую лошадь, ОТБИРАЯ последовательно более быстрые особи; и я полагаю, что из-за борьбы за существование подобные НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ вариации у дикой лошади, ЕСЛИ ОНИ ВЫГОДНЫ ДЛЯ НЕЕ, были бы ОТОБРАНЫ или СОХРАНЕНЫ природой; отсюда Естественный отбор. Но я приношу извинения за то, что беспокою вас этими замечаниями о важности выбора хороших немецких терминов для обозначения "естественного отбора". С моей искренней благодарностью и уважением, Остаюсь, дорогой сэръ, искренне вашим, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х.Г. БРОННУ. Даун, 14 июля [1860].

Дорогой и почтенный сэръ,

Вернувшись домой после некоторого отсутствия, я нашел перевод третьей части (немецкий перевод был опубликован тремя номерами, похожими на брошюры) "Происхождения", и я был рад увидеть заключительную главу "Критические замечания от вас". Я прочитал первые несколько абзацев и последний абзац и совершенно доволен, даже более чем доволен тем великодушием и откровенностью, с которыми вы рассмотрели мои взгляды. Вы слишком хвалите мою работу. Я, конечно, внимательно прочту всю главу; но хотя я довольно легко читаю описательные книги, такие как книга Гертнера, когда речь заходит о каких-либо рассуждениях, я нахожу немецкий язык чрезвычайно трудным для понимания. Когда-нибудь в БУДУЩЕМ мне бы очень хотелось услышать, как моя книга была принята в Германии, и я искренне надеюсь, что М. Швейцербарт не потеряет деньги из-за публикации. Большинство рецензий в Англии были резко настроены против меня, но я привлек некоторых новообращенных, и несколько натуралистов, которые не поверили ни единому слову из этого, теперь немного приходят в себя и признают, что естественный отбор, возможно, что-то сделал. Это дает мне надежду, что в конечном итоге многие в определенной степени согласятся с моими взглядами.

Я всегда буду считать себя в глубоком долгу перед вами за огромную услугу и честь, которые вы оказали мне, сделав превосходный перевод моей книги. Прошу вас, поверьте мне, с самым искренним уважением,

Дорогой сэръ, с благодарностью к вам, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, [12 февраля 1860 г.].

... Я думаю, было очень жаль, что Хаксли потратил так много времени в лекции на предварительные замечания;... но его лекция показалась мне очень прекрасной и очень смелой. Я протестовал (и он согласен) против впечатления, которое он оставил бы, что стерильность была универсальным и непогрешимым критерием вида.

Я уверен, вы устроите грандиозную дискуссию о человеке. Я так рад слышать, что вы и леди Лайелл приедете сюда. Пожалуйста, назначьте свое собственное время; и если бы оно нас не устраивало, мы бы так и сказали. Тогда мы могли бы хорошо обсудить человека ...

Как многим я обязан тебе и Хукеру! Не думаю, что я вряд ли когда-нибудь опубликовался бы, если бы не ты.

[Лекция, упомянутая в последнем письме, была прочитана в Королевском институте 10 февраля 1860 года. Следующее письмо было написано в ответ на запрос мистера Хаксли о предоставлении информации о разведении, гибридизации и т.д. Она представляет интерес как яркая ретроспектива опыта писателя по этому вопросу.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Илкли, Йорк, 27 ноября [1859].

Мой дорогой Хаксли,

Gartner grand, Kolreuter grand, но статьи разбросаны по многим томам и очень объемные. Мне пришлось сделать аннотацию ко всему. Очень хорошая книга Герберта об Amaryllidaceae и две отличные статьи в "Журнале садоводства". Что касается животных, то ни одному резюме вообще нельзя доверять; факты следует собирать из всех оригинальных источников. (Примером этого предостережения является следующий отрывок из более раннего письма профессору Хаксли: "Неточность благословенной банды компиляторов (к которой я принадлежу) переходит все границы. МОНСТРОВ часто описывали как гибридов без малейших доказательств. Я должен привести еще один случай, чтобы показать, как мы, веселые ребята, работаем. Бельгийский барон (сейчас я забыл его имя) скрестил двух разных гусей и получил СЕМЬ гибридов, которые, как он впоследствии доказал, были совершенно стерильными; ну, составитель первого, Шеврель, говорит, что гибриды размножались в течение СЕМИ поколений между ними. Составительsecond (Мортон) ошибается во французском названии и дает латинские названия еще двум разным гусям и говорит, что ШЕВРЕЛЬ сам разводил их в течение семи поколений; и последнее утверждение копируется из книги в книгу. ") Боюсь, что моя рукопись для книги большего размера (вдвое или втрое длиннее, чем в настоящей книге) со всеми ссылками была бы неразборчивой, но это избавило бы вас от бесконечного труда; конечно, я бы с радостью одолжил ее, но у меня нет копии, поэтому о ней нужно позаботиться. Но, боюсь, мой проклятый почерк окажется фатальным.

О разведении я не знаю ни одной книги. Я не был хорошего мнения о Лоу, но не могу назвать ни одной лучшей. На вас я смотрю как на гораздо лучшего и БОЛЕЕ ПРАКТИЧЕСКОГО авторитета; но тогда его взгляды и факты разбросаны по трем или четырем толстым томам. Я многое

почерпнул, прочитав действительно бесчисленное количество специальных трактатов и ВСЕХ журналов по сельскому хозяйству и садоводству; но это многолетняя работа. ТРУДНОСТЬ В ТОМ, ЧТОБЫ ЗНАТЬ, ЧЕМУ ДОВЕРЯТЬ. Ни одно, ни два утверждения не стоят и ломаного гроша; факты настолько сложны. Я надеюсь и думаю, что был действительно осторожен в своих высказываниях по этому вопросу, хотя все, что я пока изложил, слишком кратко. Для меня было очень важно общаться с любителями и заводчиками. Например, однажды вечером я сидел в джин-паласе в Боро среди компании любителей голубей, когда мне намекнули, что мистер Булл скрестил своих Дутышей с Коротышками, чтобы увеличить их размер; и если бы вы видели, как торжественно, таинственно и устрашающе качали головами все любители при виде этого скандального действия, вы бы поняли, как мало общего скрещивание имело для улучшения породы и насколько опасным для бесконечных поколений был этот процесс. Все это было донесено до нас гораздо живее, чем на страницах простых заявлений и т.д. Но я строчу глупо. Я действительно не знаю, как давать советы по сбору фактов о разведении и улучшении пород. Ходить на выставки - один из способов. Прочтите ВСЕ трактаты о любом домашнем животном и ничему не верьте, пока они не будут в значительной степени подтверждены. Для ваших лекций я могу привести вам несколько забавных анекдотов и предложений, если вы хотите рассмешить аудиторию.

Я особенно благодарю вас за то, что вы рассказали мне, что думают натуралисты. Если мы однажды сможем создать компактную группу верующих, со временем мы победим. Я ЧРЕЗВЫЧАЙНО рад, что Рэмси на нашей стороне, поскольку, по моему мнению, он первоклассный геолог. Я отправил ему копию. Надеюсь, он ее получил. Мне будет очень любопытно узнать, произвело ли это какое-нибудь впечатление на Прествича; я послал ему копию, не как другу, а из-за пары предложений в какой-то газете, которые заставили меня заподозрить, что он сомневается.

Преподобный К. Кингсли собирается прийти в себя. Кватрефаж пишет, что он прошел со мной долгий путь; говорит, что демонстрировал диаграммы, подобные моей. С самой искренней благодарностью,

Ты очень устал, К. ДАРВИН.

[Я привожу заключение лекции профессора Хаксли, как одно из самых ранних, а также одно из самых красноречивых его высказываний в поддержку "Происхождения видов"]:

"Я уже говорил, что человек науки является присяжным толкователем природы в высшем суде разума. Но какая польза от его честной речи, если невежество является оценщиком судьи, а предубеждение - старшиной присяжных? Я едва ли знаю великую физическую истину, всеобщему принятию которой не предшествовала эпоха, в которую наиболее уважаемые люди утверждали, что исследуемые явления напрямую зависели от Божественной Воли и что попытка исследовать их была не только тщетной, но и богохульной. И в таком противостоянии физической науке есть удивительное жизненное упорство. Сокрушенный и искалеченный в каждом сражении, он, тем не менее, кажется, никогда не был побежден; и после сотни поражений он и по сей день столь же безудержен, хотя, к счастью, не столь вреден, как во времена Галилея.

Но для тех, чья жизнь тратится, пользуясь благородными словами Ньютона, на то, чтобы подбирать то тут, то там камешек на берегах великого океана истины, — кто изо дня в день

наблюдает за медленным, но уверенным продвижением этого могучего прилива, несущего на своей груди тысячи сокровищ, которыми человек облагораживает и украшает свою жизнь, — было бы смешно, если бы не было так грустно видеть, как маленькие Кануты часа торжественно восседают на троне, призывая эту огромную волну остановиться и угрожая остановить ее благотворное продвижение. Волна поднимается, и они бегут; но, в отличие от храброго старого датчанина, они не извлекают урока смирения: трон установлен на том, что кажется безопасным расстоянием, и безумие повторяется.

"Несомненно, долг общественности - препятствовать чему-либо подобному, дискредитировать этих глупых зануд, которые думают, что оказывают услугу Всевышнему, препятствуя тщательному изучению Его трудов.

"Происхождение видов - не первый и не будет последним из великих вопросов, порожденных наукой, которые потребуют решения от нынешнего поколения. Всеобщий разум странно бурлит, и тем, кто следит за знамениями времени, кажется очевидным, что в девятнадцатом веке произойдут революции в мысли и практике, столь же масштабные, как те, свидетелями которых были в шестнадцатом веке. Кто может сказать, через какие испытания и жестокие состязания придется пройти цивилизованному миру в ходе этой новой реформации?

Но я искренне верю, что будь что будет, роль, которую Англия может сыграть в этой битве, велика и благородна. Она может доказать миру, что, во всяком случае, для одного народа деспотизм и демагогия не являются необходимыми альтернативами правительству; что свобода и порядок не являются несовместимыми; что благоговение - служанка знания; что свободная дискуссия - это жизнь истины и подлинного единства нации.

Сыграет ли Англия эту роль? Это зависит от того, как вы, общественность, относитесь к науке. Берегите ее, преклоняйтесь перед ней, верно и безоговорочно следуйте ее методам в их применении ко всем отраслям человеческой мысли, и будущее этого народа будет величественнее прошлого.

Послушайте тех, кто хочет заставить ее замолчать и сокрушить, и я боюсь, что наши дети увидят, как слава Англии исчезает, как Артур в тумане; они слишком поздно услышат горестный крик Гвиневры:

"Моим долгом было любить высшее;
Несомненно, мне было выгодно, если бы я знал;
Мне было бы приятно, если бы я увидел".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Записано [15 февраля 1860 г.].

... Я совершенно убежден (прочитав сегодня утром), что обзор в "Анналах" (Annals and Mag. of Nat. Hist. третья серия, том 5, стр. 132. Мой отец, очевидно, позаимствовал выражение "чумной" из следующего отрывка (стр. 138): "Но кто такая эта Природа, мы имеем право спросить, кто обладает такой огромной силой и чьей эффективности приписываются такие чудесные действия? Каков ее образ и атрибуты, когда ее вытаскивают из ее многословного укрытия? Является ли она чем-то иным, кроме как пагубной абстракцией, подобной пыли, брошенной в

наши глаза, чтобы затемнить работу Разумной Первопричины всего?" Рецензент отдает должное прямоте моего отца, "настолько мужественной и откровенной, что она почти "покрывает множество грехов"". Скобки (на которые сделан намек выше) настолько часты, что придают страницам мистера Волластона характерный вид.) автор - Волластон; никто другой в мире не использовал бы столько круглых скобок. Я написал ему и сказал, что "чумной" парень благодарит его за то, что он по-доброму отзывался о нем. Я также сказал ему, что ему было бы приятно услышать, что епископ Оксфордский говорит, что это самое нефилософское (Другая версия слов приведена Лайеллом, которому они были сказаны, а именно. "самая нелогичная книга, когда—либо написанная". - "Жизнь", том ii. стр. 358.) произведение, которое он когда-либо читал. Рецензия кажется мне умной и лишь в нескольких местах неверно истолковывает меня. Как и все враждебно настроенные люди, он пропускает мимо ушей приведенные объяснения классификации, морфологии, эмбриологии, рудиментарных органов и т.д. Я прочитал статью Уоллеса в MS. ("О зоологической географии Малайского архипелага". —Linn. Soc. Журнал. 1860.), и счел это восхитительно хорошим; он не знает, что его предупредили о глубине промежуточного моря, определяющей распределение... Мне кажется, что самый любопытный пункт в статье касается африканского характера постановок на Целебесе, но мне следует потребовать дальнейшего подтверждения ...

Хенслоу остается здесь; я немного поговорил с ним; он почти в том же состоянии, что и Банбери (покойный сэр Чарльз Банбери, хорошо известный как палеоботаник.), и пойдет с нами совсем немного, но не приведет никаких реальных аргументов против продолжения. Он также содрогается от взгляда! Действительно любопытно (и, возможно, это аргумент в нашу пользу), насколько по-разному разные оппоненты рассматривают этот предмет. Раньше Хенслоу основывал свое несогласие на несовершенстве геологической летописи, но теперь он не придает этому значения и говорит, что я извлек из этого пользу; хотел бы я полностью согласиться с ним. Баден Пауэлл говорит, что никогда не читал ничего более убедительного, чем мое заявление о глазу!! Незнакомый человек пишет мне о половом отборе и сожалеет, что я беспокоюсь о таком пустяке, как щеточка на самце индейки и так далее. Поскольку Л. Дженинс обладает поистине философским складом ума, и поскольку вы говорите, что вам нравится все видеть, я посылаю вам его старое письмо. В более позднем письме Хенслоу, которое я видел, он более откровенен, чем любой оппонент, о котором я слышал, поскольку он говорит, что, хотя он НЕ МОЖЕТ зайти так далеко, как я, все же он не может привести веских причин, почему бы ему этого не сделать. Забавно, как каждый мужчина проводит свою собственную воображаемую черту, у которой нужно остановиться. Это так живо напоминает мне то, что мне сказал (профессор Хенслоу.) о вас, когда я только начинал заниматься геологией — верить НЕМНОГО, но ни в коем случае не верить всему.

Всегда ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Записано 18 февраля [1860].

Мой дорогой Грей,

Я получил около недели назад два листа вашей рецензии ("Американский журнал науки и искусств", март 1860 г. Перепечатано в "Дарвиниане", 1876 г.); прочитал их и отправил Хукеру; теперь они возвращены и перечитаны со вниманием, а завтра я отправляю их Лайеллу. Ваш

отзыв кажется мне ДОСТОЙНЫМ восхищения; безусловно, это лучшее, что я читал. Я благодарю вас от всего сердца как за себя, так и гораздо больше ради темы. Ваш контраст между взглядами Агассиса и моими очень любопытен и поучителен. (Контраст кратко суммируется так: "Теория Агассиса рассматривает происхождение видов и их нынешнее общее распространение по миру как одинаково изначальные, в равной степени сверхъестественные; теория Дарвина — как в равной степени производные, в равной степени естественные". - "Дарвиниана", стр. 14.) Кстати, если Агассис напишет что-нибудь на эту тему, я надеюсь, вы мне сообщите. Я очарован вашей метафорой о ручейке, который никогда не бежит против силы притяжения. Ваше различие между гипотезой и теорией кажется мне очень остроумным, но я не думаю, что ему когда-либо следовало. Сейчас все говорят о волновой ТЕОРИИ света; однако эфир сам по себе гипотетичен, и колебания выводятся только из объяснения явлений света. Даже в ТЕОРИИ тяготения известна ли сила притяжения каким-либо образом, кроме как путем объяснения падения яблока и движения Планет? Мне кажется, что гипотеза превращается в теорию исключительно путем объяснения огромного количества фактов. Снова и снова я благодарю вас за вашу щедрую помощь в обсуждении точки зрения, относительно которой вы совершенно справедливо придерживаетесь беспристрастности.

Мой дорогой Грей, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.—Несколько священнослужителей далеко пойдут со мной. Преподобный Л. Дженинс, очень хороший натуралист. Хенслоу проделает со мной совсем небольшой путь, и я его не шокирую. Он только что был у меня в гостях.

[Что касается позиции более либеральных представителей Церкви, представляет интерес следующее письмо (уже упоминавшееся) Чарльза Кингсли:]

Ч. КИНГСЛИ ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Дом священника Эверсли, Уинчфилд, 18 ноября 1859 г.

Уважаемый сэр,

Я должен поблагодарить вас за неожиданную честь публикации вашей книги. Тот факт, что натуралист, которого из всех ныне живущих натуралистов я больше всего хотел бы знать и у которого хотел бы учиться, послал такому ученому, как я, свою книгу, побуждает меня, по крайней мере, наблюдать более внимательно и, возможно, более медленно.

У меня так плохо с мозгами, что, боюсь, я не смогу сейчас прочесть вашу книгу так, как следовало бы. Все, что я видел об этом, ВНУШАЕТ мне БЛАГОГОВЕЙНЫЙ ТРЕПЕТ; как от кучи фактов, так и от престижа вашего имени, а также от ясной интуиции, что, если вы правы, я должен отказаться от многого, во что верил и что написал.

Меня это мало волнует. Пусть Бог будет правдив, а каждый человек - лжец! Дайте нам знать, что ЭТО ТАКОЕ, и, как говорил старый Сократ, эпестай логически следовать за злодейским изворотливым лисом спора, в какие бы неожиданные трясины и заносы он нас ни завел, если мы, наконец, с ним столкнемся.

По крайней мере, я буду свободен от двух распространенных суеверий, когда буду судить о ваших книгах:—

1. Я уже давно, наблюдая за скрещиванием домашних животных и растений, научился не верить в догму о постоянстве видов.

2. Я постепенно научился видеть, что вера в то, что он создал первичные формы, способные к саморазвитию во все формы, необходимые *pro tempore* и *pro loco*, столь же благородна, как и вера в то, что Ему требовался новый акт вмешательства, чтобы заполнить пробелы, которые Он Сам создал. Я сомневаюсь, не является ли первое более возвышенной мыслью.

Как бы то ни было, я отмечу вашу книгу как саму по себе, так и как доказательство того, что вы осведомлены о существовании такого человека, как

Ваш верный слуга К. КИНГСЛИ.

[Старый друг моего отца, преподобный Дж. Броуди Иннес из Милтон-Броуди, который много лет был викарием в Дауне, пишет в том же духе:

-Мы никогда не нападали друг на друга. До того, как я познакомился с мистером Дарвином, я принял и публично высказал принцип, согласно которому изучение естественной истории, геологии и естественных наук в целом должно проводиться без ссылок на Библию. Что Книга Природы и Священное Писание произошли из одного и того же Божественного источника, идут параллельными линиями и при правильном понимании никогда не пересекутся...

"Его взгляды на этот счет во многом совпадали с его собственными. Конечно, любые разговоры, которые у нас могли быть на чисто религиозные темы, сейчас столь же свято конфиденциальны, как и при его жизни; но можно привести странный вывод из одного из них. Мы говорили о явном противоречии некоторых предполагаемых открытий с Книгой Бытия; он сказал: "Вы (правильнее было бы сказать, что вы должны быть) богослов, я натуралист, эти линии разделены. Я пытаюсь обнаружить факты, не принимая во внимание то, что сказано в Книге Бытия. Я не нападаю на Моисея и думаю, что Моисей может сам о себе позаботиться". По этому поводу он написал совсем недавно: "Я не могу припомнить, чтобы я когда-либо публиковал хоть слово прямо против религии или духовенства; но если бы вы прочитали небольшую брошюру, которую я получил пару дней назад от священника, вы бы рассмеялись и признали, что у меня было некоторое оправдание для горечи. Оскорбив меня на протяжении двух или трех страниц языком, достаточно простым и выразительным, чтобы удовлетворить любого разумного человека, он подводит итог, говоря, что тщетно искал в английском языке термины, выражающие его презрение ко мне и ко всем дарвинистам". В другом письме, после того, как я закончил, он пишет: "Мы часто расходились во мнениях, но вы один из тех редких смертных, от которых можно отличаться и при этом не испытывать ни тени враждебности, и это то, чем я бы очень гордился, если бы кто-нибудь мог сказать [это] обо мне".

"Во время моего последнего визита в Даун мистер Дарвин сказал за обеденным столом: "Мы с Броди Иннесом были близкими друзьями тридцать лет, и мы никогда полностью не сходились во мнениях ни по одному вопросу, за исключением одного раза, когда мы пристально посмотрели друг на друга и подумали, что один из нас, должно быть, очень болен".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 23 февраля [1860].

Мой дорогой Лайель,

Это великолепный ответ отца судьи Кромптона. Как любопытно, что судья пришел к тем же выводам, что и вы. Это показывает мне, каким отличным юристом вы бы стали, сколько несправедливых поступков вы бы сделали справедливыми! Но насколько более грандиозной областью была наука, чем юриспруденция, хотя последняя могла бы сделать вас лордом Киннорди. Я, если будет другое издание, расскажу подробнее о градации на глаз и обо всех формах, происходящих от одного прототипа, чтобы попытаться сделать и то, и другое менее вопиюще невероятным ...

Что касается возражения Бронна о том, что нельзя показать, как возникает жизнь, и аналогично, в определенной степени, замечания Эйса Грея о том, что естественный отбор не является *vera causa*, я был очень заинтересован, случайно обнаружив в "Жизни Ньютона" Брюстера, что Лейбниц возражал против закона всемирного тяготения, потому что Ньютон не мог показать, что такое само тяготение. Так получилось, что я использовал в письмах тот же самый аргумент, почти не подозревая, что кто-то действительно таким образом возражал против закона всемирного тяготения. Ньютон отвечает, говоря, что это философия - различать движение часов, хотя вы и не знаете, почему гиря опускается на землю. Лейбниц далее возразил, что закон всемирного тяготения противоречит Естественной религии! Разве это не любопытно? Я действительно думаю, что воспользуюсь этими фактами для некоторых вступительных замечаний к моей большой книге.

... Вы спрашиваете (я понимаю), почему у высших животных нет уродств; но при жизни они почти всегда стерильны (даже гиганты и карлики, как правило, стерильны), и мы не знаем, смогло бы расплодиться чудовище Харви. Я полагаю, что известен только один случай оплодотворения пелорического цветка, и я не могу вспомнить, воспроизвело ли это само себя.

Возвращаться к глазу. Я действительно думаю, что было бы нечестно не столкнуться с трудностями; и хуже того (как сказал бы Талейран), я думаю, это было бы невежливо, потому что это было бы брошено мне в зубы, как Х. Холланд бросил кости уха, пока Хаксли не заткнул его, показав, какая тонкая градация произошла среди живых существ.

Я очень благодарю вас за ваше самое приятное письмо.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.—Я посылаю письмо Герберта Спенсера, которое вы можете читать или нет, как сочтете нужным. В конце письма он, на мой взгляд, излагает философию аргументации лучше, чем кто-либо другой. Я ничего не мог понять в идеалистических представлениях Даны о видах; но, с другой стороны, как говорит Волластон, у меня не метафизическая голова.

Кстати, я бросил в "голову Волластона" статью Александра Джордана, который метафизически демонстрирует, что все наши культурные расы являются искусственно созданными видами.

Волластон случайно в значительной степени искажает некоторые отрывки из моей книги. Он сделал рецензию, не возвращаясь к некоторым отрывкам.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 25 февраля [1860].

... Я не могу не удивляться вашему рвению по поводу моей книги. Клянусь небесам, моя книга волнует вас не меньше, чем меня самого. Вы не имеете права быть таким в высшей степени бескорыстным! Я снял с вертела письмо Рамзи, которое, как каждый новообращенный геолог, считаю очень важным. Кстати, некоторое время назад я видел письмо от Х.Д. Роджерса (профессора геологии в Университете Глазго. Родился в Соединенных Штатах в 1809 году, умер в 1866 году.) Хаксли, в котором он заходит с нами очень далеко...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, суббота, 3 марта [1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Какой у тебя был напряженный день в тот четверг! Я не мог поехать в Лондон до понедельника, а потом поступил глупо, что поехал, потому что во вторник вечером у меня случился приступ лихорадки (с примесью плеврита), который подступил как лев, а ушел как ягненок, но здорово подкосил меня.

Меня очень заинтересовало ваше последнее замечание... Я думаю, вы ожидаете слишком многого в отношении изменения мнения по вопросу о видах. Один большой класс людей, особенно, я подозреваю, натуралистов, никогда не будет интересоваться какими-либо общими вопросами, к типу которых можно отнести олд Грея из Британского музея; и, во-вторых, почти все мужчины, достигшие среднего возраста, будь то в реальных годах или в уме, я полностью убежден, неспособны взглянуть на факты с новой точки зрения. Seriously, я поражен и рад тому прогрессу, которого достигла эта тема; взгляните на прилагаемый меморандум. (Смотрите таблицу названий ниже.) — говорит, что моя книга будет забыта через десять лет, возможно, и так; но, имея такой список, я убежден, что тема не будет забыта. Аутсайдеры, как вы говорите, сильны.

Вы говорите, что, по вашему мнению, Бентам тронут, "но, как мудрый человек, придерживает язык". Возможно, вы только имеете в виду, что он не может принять решение, иначе я бы считал такое молчание обратной стороной великодушия; ведь если бы другие вели себя так же, как вы, как могло бы развиваться общественное мнение? Это невыполнение действительного долга. (В последующем письме сэру Дж.Д. Хукеру (12 марта 1860 г.) мой отец писал: "Теперь я вполне понимаю молчание Бентама".)

Я так рад слышать о Туэйтсе. (Доктор Дж.Дж. К. Твейтс, родившийся в 1811 году, завоевал репутацию в этой стране как опытный микроскопист и проникательный наблюдатель, особенно занимающийся криптогамической ботаникой. После своего назначения директором ботанического сада в Перадении, Цейлон, доктор Туэйтс посвятил себя изучению флоры Цейлона. В результате этого он оставил многочисленные и ценные коллекции, описание которых он воплотил в своей книге "Enumeratio Plantarum Zeylaniae" (1864). Доктор Туэйтс был членом Линнеевского общества, но, помимо приведенных выше фактов, о его жизни, похоже, мало что известно. Его смерть наступила на Цейлоне 11 сентября 1882 года, на его семьдесят втором году жизни. "Атенеум", 14 октября 1882 г., стр. 500.)... Я получил поразительное письмо от доктора Ботта (письмо восторженно-хвалебное и, очевидно, полно искренних чувств.); оно может быть превращено в насмешку над ним и надо мной, поэтому я никому его не пошлю. Он пишет в благородном духе любви к истине.

Интересно, что думает Линдли; вероятно, слишком занят, чтобы читать или размышлять над этим вопросом.

Меня раздражает скрытность Бентама, поскольку было бы по-настоящему полезно узнать, какие части тела кажутся наиболее слабыми человеку с его наблюдательностью.

Прощай, моя дорогая Проститутка, сердечно твой Ч. ДАРВИН.

P.S.— Разве Харви не относится к разряду людей, которых совершенно не интересуют обобщения? Я помню, вы говорили, что не смогли заставить его писать о распространении. Я нахожу его работы очень бесплодными во всех отношениях.

[Далее следует упомянутый меморандум:]

Геологи. Зоологи и физиологи. Ботаники.
Палеонтологи.

Лайелл. Хаксли. Карпентер. Проститутка.

Рамзи. * Дж. Лаббок. Сэр Х. Холланд Х.К. Уотсон.
(в значительной степени).

Джукс.* Л. Дженинс Эйса Грей
(в значительной степени). (в некоторой степени).

Х.Д. Роджерс. Сирлз Вуд.* Доктор Бут
(в значительной степени).

Твейтс.

(* Эндрю Рамзи, покойный генеральный директор Геологической службы.

Джозеф Бит Джакс, магистр медицины, Ф.Р.С., 1811-1869. Он получил образование в Кембридже, а с 1842 по 1846 год работал натуралистом в Х.М.С. "Флай" в исследовательской экспедиции по Австралии и Новой Гвинее. Впоследствии он был назначен директором Геологической службы Ирландии. Он был автором многих статей и более чем одного хорошего справочника по геологии.

Сирлз Валентайн Вуд, 14 февраля 1798-1880. Известен в основном своими работами о моллюсках "Скалы".)

[Следующее письмо представляет интерес в связи с упоминанием мистера Бентама в последнем письме:]

Г. БЕНТАМ ФРЭНСИСУ ДАРВИНУ. Уилтон-Плейс, 25, Южная Каролина, 30 мая 1882 г.

Мой дорогой сэр,

В соответствии с вашей запиской, которую я получил вчера вечером, настоящим посылаю письма, которые у меня есть от вашего отца. Я должен был сделать это, увидев общий запрос, опубликованный в газетах, но я не думал, что среди них есть что-то, что могло бы быть вам как-то полезно. Как бы я ни был польщен добрым и дружеским вниманием, которым мистер Дарвин время от времени удостаивал меня, я никогда не был допущен к его близкому знакомству, и поэтому он никогда не сообщал мне ничего о своих взглядах и трудах. Я всегда был одним из его самых искренних поклонников и полностью разделял его теории и выводы, несмотря на сильную боль и разочарование, которые они сначала причинили мне. В день, когда его знаменитый доклад был прочитан в Линнеевском обществе, 1 июля 1858 года, для прочтения была подготовлена моя длинная статья, в которой, комментируя британскую флору, я собрал ряд наблюдений и фактов, иллюстрирующих то, что я тогда считал постоянством видов, как бы трудно ни было определить их пределы, и показывающих тенденцию аномальных форм, полученных культивированием или иным способом, замыкаться в этих первоначальных пределах, когда их предоставляют самим себе. К счастью, моей статье пришлось уступить место статье мистера Дарвина, и когда однажды она была прочитана, я почувствовал себя обязанным отложить свою для повторного рассмотрения; У меня появились сомнения по этому вопросу и по поводу появления "Происхождения видов", я был вынужден, хотя и неохотно, отказаться от своих давних убеждений, результатов большого труда и исследований, и я отменил всю ту часть моей статьи, которая настаивала на первоначальной неизменности, и опубликовал только часть оставшейся части в другой форме, главным образом в "Обзоре естественной истории". С тех пор я неоднократно признавал, что полностью принимаю эту теорию. Взгляды мистера Дарвина, и главным образом в моем Президентском обращении 1863 года, и в моем тринадцатом и последнем обращении, опубликованном в форме доклада Британской ассоциации на ее собрании в Белфасте в 1874 году.

Я так высоко ценю имеющиеся у меня письма мистера Дарвина, что был бы вам признателен, если бы вы вернули их мне, когда закончите с ними. К сожалению, я не сохранил конверты, а мистер Дарвин обычно датировал их только по месяцу, а не по году, так что они не расположены ни в каком хронологическом порядке.

Искренне ваш, Джордж БЕНТАМ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Записано 12 марта [1860 г.].

Мой дорогой Лайель,

Размышляя над тем, о чем мы говорили, о высоком уровне интеллектуального развития древних греков с небольшим последующим улучшением или вообще без него, что является очевидной трудностью, мне только что пришло в голову, что на самом деле этот случай идеально согласуется с нашими взглядами. Этот случай был бы решительной трудностью для ламаркианской или рудиментарной доктрины о необходимом развитии, но с точки зрения, которой я придерживаюсь относительно развития в зависимости от условий, это вообще не вызывает возражений и согласуется с другими фактами развития телесной структуры других животных. Ибо в состоянии анархии, или деспотизма, или плохого правления, или после нашествия варваров сила или свирепость, а не интеллект, были бы склонны одерживать верх.

Нам так понравился ваш визит с леди Лайелл.

Спокойной ночи. Ч. ДАРВИН.

P.S. — По странной случайности (ибо я даже не касался этой темы) дамы напали на меня этим вечером и бросили мне в зубы высокое положение древних греков как непреодолимую трудность, но по счастливой случайности я получил исчерпывающий ответ и заставил их замолчать. Поэтому я подумал, что это стоит того, чтобы написать вам ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. ПРЕСТВИЧУ. (Ныне профессор геологии Оксфордского университета.)
Даун, 12 марта [1860].

... Когда-нибудь в будущем, когда у вас будет немного свободного времени и вы прочтете мое "Происхождение видов", я счел бы за ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ одолжение, если бы вы прислали мне какие-нибудь общие критические замечания. Я не имею в виду чрезмерно длинное письмо, но такое, которое вы могли бы включить в письмо. Я всегда так восхищался вашими различными мемуарами, что был бы в высшей степени рад узнать ваше мнение, которое могло бы сослужить мне реальную службу.

Пожалуйста, не думайте, что я рассчитываю ОБРАТИТЬ вас в свою ВЕРУ или РАЗВРАТИТЬ; если бы я мог хотя бы слегка поколебать вас, я был бы удовлетворен; не бойтесь раздражать меня суровой критикой, потому что я получил несколько сердечных пинков от некоторых моих лучших друзей. Если вам не будет неприятно прислать мне свое мнение, я, конечно, был бы вам искренне признателен...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 3 апреля [1860].

... Я хорошо помню то время, когда при мысли о глазу у меня мурашки пробежали по телу, но я преодолел эту стадию жалобы, и теперь мелкие детали строения часто доставляют мне большой дискомфорт. Всякий раз, когда я смотрю на перо в павлиньем хвосте, меня тошнит от него!..

Возможно, вам будет интересно узнать об отзывах на мою книгу. Седжвик (в чем мы с Лайеллом уверены на основании внутренних свидетельств) жестоко и несправедливо отозвался обо мне в "Зрителе". (Смотрите Цитаты, которые следуют за настоящим письмом.) Уведомление содержит много злоупотреблений и вряд ли является справедливым в нескольких отношениях. Он действительно заставил бы любого, несведущего в геологии, предположить, что я изобрел огромные промежутки между последовательными геологическими формациями, вместо того чтобы считать это почти общепринятой догмой. Но мой дорогой старый друг Седжвик, с его благородным сердцем, стар и вне себя от негодования. Трудно угодить каждому; вы, возможно, помните, что в моем последнем письме я просил вас умолчать о денудации Уилда: я сказал об этом Джаксу (который является главой геологической службы Ирландии), и он сильно упрекнул меня, потому что поверил каждому моему слову и вовсе не считал его преувеличением! На самом деле у геологов нет средств измерить бесконечность прошедшего времени. Была одна замечательная рецензия, а именно ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ (Франсуа Жюля Пикте, в "Архиве наук

Всемирной библиотеки", март 1860 г.). Статья написана в вежливом и рассудительном тоне и завершается словами о том, что "Происхождение" будет представлять реальную ценность для натуралистов, особенно если приведенные в ней соблазнительные аргументы не заставят их поверить в опасную доктрину модификации. Стоит процитировать отрывок, который, по-видимому, показался моему отцу ценным и напротив которого он сделал двойные пометки карандашом и написал слово "хороший": "Теория М. Дарвина в соответствии со всей историей типов, форм и путей развития и определений, которые являются исходными и которых не должно быть в течение определенного периода времени. О цитировании столетних образцов, рассказывающих о летающих рептилиях, ихтиозаврах, белемнитах, аммонитах и т. Д." Пикте родился в 1809 году, умер в 1872 году; он был профессором анатомии и зоологии в Женеве.), палеонтолог, в нагруднике. Женевский университет), что СОВЕРШЕННО справедливо, и я согласен с каждым его словом; наша единственная разница в том, что он придает меньшее значение аргументам "за" и большее - аргументам "против", чем я. Из всех противоречивых отзывов, я думаю, этот единственный вполне справедливый, и я никогда не ожидал его увидеть. Пожалуйста, обратите внимание, что я никоим образом не считаю ваш отзыв противоположным, хотя вы сами так думаете! Она сослужила мне слишком хорошую службу, чтобы когда-либо предстать в таком ранге в моих глазах. Но, боюсь, я утомлю вас рассказами о моей книге. Я бы скорее подумал, что у меня был хороший шанс стать самым эгоистичным человеком во всей Европе! Какое гордое превосходство! Что ж, вы помогли сделать меня таким, и поэтому вы должны простить меня, если сможете.

Мой дорогой Грей, с искренней благодарностью к тебе, Ч. ДАРВИН.

[В письме сэру Чарльзу Лайеллу делается ссылка на рецензию Седжвика в "Зрителе" от 24 марта:

"Теперь я уверен, что Седжвик является автором статьи в "Spectator". Никто другой не мог использовать такие оскорбительные термины. И какое искажение моих представлений! Любой невежда предположил бы, что я ВПЕРВЫЕ затронул доктрину о том, что перерывы между последовательными формациями отмечали длительные промежутки времени. Это очень несправедливо. Но бедный, дорогой старина Седжвик, кажется, взбешен этим вопросом. "Деморализованное понимание!" Если я когда-нибудь поговорю с ним, я скажу ему, что никогда не мог поверить, что инквизитор может быть хорошим человеком, но теперь я знаю, что человек может поджарить другого и при этом иметь такое же доброе и благородное сердце, как у Седжвика".

Следующие отрывки взяты из обзора:

Вряд ли мне нужно продолжать эти возражения. Но я не могу закончить, не выразив своего отвращения к этой теории из—за ее непоколебимого материализма; — потому что она сошла с индуктивного пути, единственного пути, ведущего к физической истине; -потому что она полностью отвергает конечные причины и тем самым указывает на деморализованное понимание со стороны ее защитников".

"Не то чтобы я верил, что Дарвин атеист; хотя я не могу не считать его материализм атеистическим. Я думаю, что это не соответствует действительности, потому что противоречит очевидному ходу природы и прямо противоположно индуктивной истине. И я думаю, что это чрезвычайно вредно".

"Каждая серия фактов связана воедино серией предположений и повторений одного ложного принципа. Из цепочки пузырьков воздуха нельзя сделать хорошую веревку".

Но любой поразительный и (предполагаемый) новый парадокс, поддерживаемый очень смело и с некоторым внушительным правдоподобием, вызывает в некоторых умах своего рода приятное возбуждение, которое предрасполагает их в его пользу; и если они не привыкли к тщательному размышлению и испытывают отвращение к труду точного исследования, они, вероятно, придут к выводу, что то, что (по—видимому) **ОРИГИНАЛЬНО**, должно быть творением оригинального **ГЕНИЯ**, и что все, что сильно противоречит преобладающим представлениям, должно быть великим **ОТКРЫТИЕМ**, - короче говоря, что все, что исходит со "дна колодца", должно быть "истиной", предполагаемой спрятанный там.

В рецензии, опубликованной в декабрьском номере "Журнала Макмиллана" за 1860 год, Фосетт энергично защищал моего отца от обвинения в использовании ложного метода рассуждений; обвинение, которое встречается в рецензии Седжвика и было выдвинуто в то время до тошноты, в таких фразах, как: "Это не настоящий бэконовский метод". Фосетт повторил свою защиту на собрании Британской ассоциации в 1861 году. (Смотрите интересное письмо моего отца в книге мистера Стивена "Жизнь Генри Фосетта", 1886, стр. 101.)]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Б. КАРПЕНТЕРУ. Даун, 6 апреля [1860].

Мой дорогой Карпентер,

Сию минуту я закончил ваш обзор в "Мед. Chirurg. Обзор" (апрель 1860 г.). Вы должны позволить мне выразить свое восхищение этим в высшей степени талантливым эссе, и я надеюсь, что, моля Бога, оно будет широко прочитано, ибо оно должно произвести большой эффект. Однако мне не следовало бы выражать столь теплое восхищение, поскольку, боюсь, вы слишком высоко оцениваете мою книгу. Но вы доставили мне огромное удовольствие; и хотя я надеюсь, что меня не очень заботит одобрение ненаучных читателей, я не могу сказать, что это вообще относится к таким немногочисленным людям, как вы. Мне нечего критиковать, потому что я не возражаю ни против одного слова; и я восхищаюсь всем, так что не могу выделить одну часть лучше остальных. Все это так хорошо сбалансировано. Но невозможно не поразиться вашим обширным познаниям в геологии, ботанике и зоологии. Выдержки, которые вы приводите из Хукера, кажутся мне **ПРЕВОСХОДНО** подобранными и наиболее убедительными. Мне так приятно то, что вы также говорите о Лайеле. На самом деле я в порыве энтузиазма и лучше больше ничего не пишу. С искренней благодарностью,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 10 апреля [1860].

Мой дорогой Лайель,

Большое вам спасибо за вашу заметку от 4-го числа; я очень рад слышать, что вы в Торки. Мне следовало бы развлечь себя раньше, написав тебе, но у меня здесь останавливались Хукер и

Хаксли, и они полностью заняли мое время, поскольку для меня любая малость - это полноценная доза... Было множество отзывов, и я действительно устал от самого себя. В журнале "Медицина и хирургия" есть очень длинный отзыв Карпентера. Отзыв: "очень хороший и сбалансированный, но не блестящий. Он обсуждает книги Хукера так же подробно, как и мои, и делает превосходные выдержки; но я не смог заставить Хукера почувствовать ни малейшего интереса к тому, чтобы его хвалили.

Карпентер отзывается о вас в совершенно надлежащих выражениях. Есть блестящая рецензия Хаксли ("Вестминстер Ревью", апрель 1860 г.), с превосходными метками, но я не уверен, что он сильно продвигает тему. Я ДУМАЮ, что убедил его в том, что он едва ли придаст достаточно значения случаю, когда разновидности растений в некоторой степени стерильны.

Чтобы отклониться от отзывов: Эйса Грей прислал мне от Уаймена (который напишет) наглядный пример того, что все свиньи в Эверглейдс, штат Вирджиния, черные. Когда спрашиваешь о причине, кажется (у меня есть отличные аналогичные случаи), что, когда ЧЕРНЫЕ свиньи едят определенный орех, их кости становятся красными, и они в определенной степени страдают, но БЕЛЫЕ свиньи теряют копыта и погибают, "и мы помогаем ОТБОРОМ, потому что убиваем большую часть молодых белых свиней". Это было сказано людьми, которые едва умели читать. Кстати, для меня большой удар, что вы не можете признать силу естественного отбора. Чем больше я думаю об этом, тем меньше сомневаюсь в его силе для больших и малых изменений. Я только что прочитал "Эдинбург Ревью" ("Edinburgh Review", апрель 1860 г.), Который, без сомнения, принадлежит ... Это чрезвычайно злобно, умно и, боюсь, будет очень разрушительно. Он ужасно суров к лекции Хаксли и очень зол на Хукера. Так что нам троим это понравилось вместе. Не то чтобы мне это действительно понравилось, потому что на одну ночь мне стало не по себе, но сегодня я вполне справился с этим. Требуется много изучения, чтобы оценить всю горькую злобу многих замечаний в мой адрес; на самом деле, я не все выяснил сам. Многие части скандально искажены. Он неправильно цитирует некоторые отрывки, изменяя слова в кавычках...

Больно, когда тебя ненавидят так сильно, как... ненавидит меня.

Теперь о любопытной вещи, связанной с моей книгой, и о том, что я сделал. В субботнем выпуске "Хроники садоводов" (7 апреля 1860 г.) некий мистер Патрик Мэтью публикует длинный отрывок из своей работы "Морская древесина и лесоводство", опубликованной в 1831 году, в котором он кратко, но полностью предвосхищает теорию естественного отбора. Я заказал эту книгу, поскольку некоторые отрывки довольно неясны, но это, безусловно, я думаю, полное, но не развернутое предвосхищение! Эразм всегда говорил, что, несомненно, когда-нибудь это будет доказано. Во всяком случае, можно извинить себя за то, что я не обнаружил этого факта в работе о военно-морской древесине.

Я искренне надеюсь, что ваша работа в Торки будет успешной. Передайте мои самые теплые воспоминания Фальконеру, и я надеюсь, что с ним все в порядке. Хукер и Хаксли (вместе с миссис Хаксли) были чрезвычайно приятными людьми. Но бедный дорогой Хукер до смерти устал от моей книги, и это чудо, если вы не устали еще больше — если это возможно. Прощай, мой дорогой Лайель,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, [13 апреля 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Приоритетные вопросы так часто приводят к отвратительным ссорам, что я счел бы за большое одолжение, если бы вы прочитали прилагаемое. ((Мой отец писал ("Хроника садоводов", 1860, стр. 362, 21 апреля): "Меня очень заинтересовало сообщение мистера Патрика Мэтью в номере вашей газеты от 7 апреля. Я свободно признаю, что мистер Мэтью на много лет предвосхитил предложенное мной объяснение происхождения видов под названием естественного отбора. Я думаю, что никого не удивит, что ни я, ни, по-видимому, какой-либо другой натуралист не слышали о взглядах мистера Мэтью, учитывая, как кратко они изложены, и что они появились в приложении к работе по морской древесине и лесоводству. Я не могу сделать ничего большего, кроме как принести свои извинения мистеру Мэтью за мое полное незнание этой публикации. Если потребуется какое-либо другое издание моей работы, я добавлю в связи с вышеизложенным. " Несмотря на признание моим отцом его претензий, мистер Мэтью остался неудовлетворенным и пожаловался, что статья в "Субботнем анализе и лидере" была "едва ли справедлива в упоминании мистера Дарвина как автора "происхождения видов", учитывая, что я опубликовал все, что мистер Дарвин пытается доказать, более двадцати девяти лет назад". — "Субботний аналитик и лидер", 24 ноября 1860 г.) Если вы считаете, что мне следует отправить его (а в этом вряд ли может быть какой-либо вопрос), и если вы считаете его достаточно полным, пожалуйста, измените дату на день, в который вы его отправляете, и пусть это будет как можно скорее. Доводы в "Хрониках садоводов" кажутся НЕСКОЛЬКО более убедительными, чем в книге мистера Мэтью, поскольку отрывки там разбросаны в трех местах; но было бы банально заметить это. Если вы возражаете против моего письма, пожалуйста, верните его; но я и не ожидаю, что вы это сделаете, но я подумал, что вы не будете возражать пробежать его глазами. Моя дорогая Проститутка, для меня здорово иметь такого хорошего, верного и старого друга, как ты. Я многим обязан своим друзьям в области науки.

Большое спасибо за лекцию Хаксли. Последняя часть показалась мне чрезвычайно красноречивой.

... Я снова просмотрел рецензию [на "Эдинбург"] и сравнил отрывки, и я поражен искажениями. Но я рад, что решил не отвечать. Возможно, это эгоистично, но отвечать и больше думать на эту тему слишком неприятно. Мне очень жаль, что Хаксли с моей помощью подвергся таким жестоким нападкам. Я не думаю, что вас сильно волнует беспричинное нападение на вас.

Лайель в своем письме отметил, что вы показались ему переутомленным. Прошу вас, будьте осторожны и помните, как много людей поступали так - кто считал это абсурдным, пока не стало слишком поздно. Я часто думал о том же. Ты знаешь, что был достаточно плох до своего путешествия в Индию.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, апрель [1860].

Мой дорогой Лайель,

Я был очень рад получить твое милое длинное письмо из Торки. Поток писем помешал мне написать Уэллсу. Я был особенно рад услышать, что вы думаете о том, что не заметили рецензию [на "Эдинбург"]. Хукер и Хаксли сочли своим долгом указать на изменение приведенных цитат, и в этом замечании есть доля правды; но мне так ненавистна была эта мысль, что я решил не делать этого. Я приеду в Лондон в субботу, 14-го, на вечеринку сэра Б. Броуди, поскольку у меня накопилось много дел в Лондоне, и (если я не услышу обратного) зайду примерно без четверти десять в воскресенье утром и посижу с вами за завтраком, но сидеть долго не буду и поэтому отниму у вас много времени. Я должен сказать еще одно слово о нашем квазибогословском споре о естественном отборе, и позвольте мне узнать ваше мнение, когда мы встретимся в Лондоне. Считаете ли вы, что последовательные изменения в размере зоба Надутого Голубя, который человек накопил в угоду своему капризу, были вызваны "созидательными и поддерживающими силами Брахмы"? В том смысле, что всемогущее и всеведущее Божество должно упорядочивать и знать все, это следует признать; но, по правде говоря, я едва ли могу это признать. Кажется абсурдным, что создатель вселенной должен заботиться об урожае голубя исключительно для того, чтобы потакать глупым фантазиям человека. Но если вы согласитесь со мной в том, что такое вмешательство Божества неуместно, я не вижу никаких причин верить в такое вмешательство в случае природных существ, в которых странные и достойные восхищения особенности были естественным образом выбраны для собственного блага создания. Представьте себе дутыша в естественном состоянии, который заходит в воду вброд, а затем, поддерживаемый своим раздутым зобом, плывет туда-сюда в поисках пищи. Какое восхищение это вызвало бы — адаптация к законам гидростатического давления и т.д. и т.п. Хоть убей, я не вижу никаких трудностей в том, чтобы естественный отбор создал самую совершенную структуру, ЕСЛИ К ТАКОЙ СТРУКТУРЕ МОЖНО ПРИЙТИ ПУТЕМ ГРАДАЦИИ, и я знаю по опыту, как трудно назвать какую-либо структуру, по отношению к которой неизвестны хотя бы некоторые градации.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S. Вывод, к которому я пришел, как я уже говорил Эйсе Грей, заключается в том, что такой вопрос, который затронут в этой заметке, находится за пределами человеческого интеллекта, как "предопределение и свободная воля" или "происхождение зла".

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, [18 апреля 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я возвращаю тебе письмо... Некоторые из моих родственников говорят, что это никак не может быть статья— ("Эдинбург Ревью".), потому что рецензент так высоко отзывается о — Бедных, дорогих простых людях! Мой умный сосед, мистер Норман, говорит, что статья написана так плохо, без определенной цели, что ее никто не прочтет. Эйса Грей прислал мне статью ("Североамериканское обозрение", апрель 1860 г.). "Автор - профессор Боуэн", - написано на экземпляре моего отца. Отрывок, на который ссылаются, находится на странице 488, где автор говорит, что мы должны найти "бесконечное количество других разновидностей — грубых, невежественных и бесцельных — бессмысленных творений бессознательной причины".) из Соединенных Штатов, умных и решительно настроенных против меня. Но один аргумент забавен. Рецензент говорит, что если бы доктрина была верна, геологические слои были бы

полны монстров, которые потерпели неудачу! У этого писателя был очень ясный взгляд на борьбу за существование!

... Я рад, что вам так нравится Адам Бид. Я был очарован им ...

Мы думаем, что вы, должно быть, по ошибке взяли со своими собственными номерами "Нэшнл Ревью" мой драгоценный номер. (Это, без сомнения, относится к январскому номеру, содержащему рецензию доктора Карпентера на "Происхождение".) Я бы хотел, чтобы вы посмотрели.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 25 апреля [1860].

Мой дорогой Грей,

Я не сомневаюсь, что должен поблагодарить вас за копию рецензии на "Происхождение" в "Североамериканском обозрении". Она кажется мне умной и, я не сомневаюсь, повредит моей книге. Я собирался сделать по этому поводу несколько замечаний, но Лайелл очень хотел сохранить его, и в голове у меня совсем помутилось от множества рецензий, которые я прочитал в последнее время. Я уверен, что рецензент ошибается относительно пчелиных ячеек, то есть относительно расстояния; подойдет любое меньшее расстояние или даже большее, но тогда некоторые места будут находиться за пределами генеративных сфер; но это не добавит особых трудностей в работу. Рецензент придерживается странного взгляда на инстинкт: он, кажется, рассматривает интеллект как развитый инстинкт, что, на мой взгляд, совершенно неверно. Я подозреваю, что он никогда особо не обращал внимания на инстинкты и разум животных, за исключением, возможно, чтения.

Моя главная цель - попросить вас, не могли бы вы раздобыть для меня экземпляр "Нью-Йорк таймс" за среду, 28 марта. В нем содержится ОЧЕНЬ ЯРКАЯ рецензия на мою книгу, которую я бы очень хотел сохранить. Как любопытно, что две самые яркие рецензии (то есть ваша и эта) появились в Америке. Этот обзор на самом деле не полезен, но в чем-то впечатляет. В "Revue des Deux Mondes" от 1 апреля была хорошая рецензия месье Логеля, о котором говорили, что он очень умный человек.

Хукер около двух недель назад останавливался здесь на несколько дней и был очень мил; но я думаю, что он переутомляется. Каким гигантским начинанием, я полагаю, будет его и Бената "Genera Plantarum"! Я надеюсь, что он не будет слишком сильно погружаться в это, чтобы не тратить время на Географическое распределение и другие подобные вопросы.

Я начал неуклонно, но, как обычно, очень медленно, работать над деталями изменчивости при одомашнивании.

Мой дорогой Грей, всегда искренне твой и с благодарностью, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, [8 мая 1860 г.].

... Я послал за "Канадским натуралистом". Если я не смогу достать экземпляр, я позаимствую ваш. Сегодня утром я получил письмо от Хенслоу, в котором говорится, что Седжвик собирался в прошлый понедельник вечером напасть на меня в Кембриджском философском обществе. Как бы то ни было, для меня большая честь подвергнуться нападкам там и в Королевском обществе Эдинбурга.

Я не думаю, что стоит опровергать отдельные случаи, равно как и спорить с теми, кто не обращает внимания на то, что я утверждаю. Минутное размышление покажет вам, что должны существовать (согласно нашей доктрине) большие роды, не изменяющиеся (см. стр. 56 по этому вопросу во втором издании "Происхождения"). Хотя я не обсуждаю там этот случай в деталях.

Возможно, это явный фанатизм в отношении моих собственных представлений, но я предпочитаю Атлантиде мое представление о растениях и животных, мигрировавших из Старого Света в Новый или наоборот, когда климат был намного жарче, примерно по линии Берингова пролива. Как вы говорите, очень важно увидеть живые формы растений, уходящие так далеко в прошлое. Интересно, откроем ли мы когда-нибудь флору суши каменноугольного периода и найдем ли ее не такой аномальной, как болотная или угледобывающая флора? Я работаю над рукописью "Благословенного голубя", но по той или иной причине продвигаюсь очень медленно...

Сегодня утром я получил письмо из Академии естественных наук Филадельфии, в котором сообщается, что я избран корреспондентом... Это показывает, что некоторые тамошние натуралисты не считают меня таким уж научным расточителем, как многие думают здесь.

Мой дорогой Лайель, с благодарностью к вам, Ч. ДАРВИН.

P.S.— Какой замечательный факт о вымершем оленьем роге, сработанном человеком!

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, [13 мая 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я возвращаю Хенслоу, которого был очень рад видеть. Как мило с его стороны защищать меня. (Против нападок Седжвика в Кембриджском философском обществе.) Я напишу и поблагодарю его.

Как вы сказали, вам было любопытно послушать Томсона (доктор Томас Томсон, индийский ботаник. Он был соавтором книги Хукера и Томсона "Флора Индика" (1855).) Мнение, я посылаю ему любезное письмо. Очевидно, что он является сильным противником для нас...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, [15 мая 1860 г.].

... Как ничтожно, что такие люди, как Х, Y и Компания, не читают ваше эссе. Это невероятно ничтожно. (Эти замечания не относятся к доктору Харви, который, однако, находился в несколько схожем положении. Смотрите ниже.) Все они могут нападать на меня сколько душе угодно. Я закоренел в этом деле. Что касается старых чудаков в Кембридже, то это

действительно ничего не значит. Я смотрю на их атаки как на доказательство того, что наша работа того стоит. Это заставляет меня принять решение надеть доспехи. Я ясно вижу, что это будет долгая борьба в гору. Но подумайте о прогрессе Лайелла в геологии. Одно я вижу совершенно ясно: без помощи Лайелла, вашей помощи, помощи Хаксли и Карпентера моя книга была бы всего лишь удачной попыткой. Но если мы все будем придерживаться этого, мы, несомненно, победим. И теперь я вижу, что битва того стоит. Я глубоко надеюсь, что вы так думаете. Бентам вообще прогрессирует? Я не знаю, что сказать об Оксфорде. (Состояние здоровья не позволило ему поехать в Оксфорд на собрание Британской ассоциации.) Мне бы очень хотелось побыть с тобой, но это, должно быть, зависит от здоровья...

С любовью к вам, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 18 мая [1860].

Мой дорогой Лайель,

Я отправляю письмо от Эйсы Грея, чтобы показать, насколько жарко там бушует битва. Также одно из высказываний Уоллеса, очень справедливое в своих замечаниях, хотя и слишком хвалебное и слишком скромное, и как восхитительно свободное от зависти. Должно быть, он хороший парень. Возможно, я приложу письмо от Томсона из Калькутты; не то чтобы это было много, но Хукер очень высокого мнения о нем...

Хенслоу сообщает мне, что Седжвик (адрес Седжвика приведен несколько сокращенно в "Кембридж Кроникл", 19 мая 1860 г.), а затем профессор Кларк (Покойный Уильям Кларк, профессор анатомии, мой отец, кажется, неправильно понял своего информатора. Мистер Дж. У. Кларк заверил меня, что его отец (проф. Кларк) не поддержал Седжвика в нападении.) недавно регулярно и яростно нападал на мою книгу в Кембриджском философском обществе, но Хенслоу, похоже, хорошо защищал меня и утверждал, что тема является законной для исследования. С тех пор Филлипс (John Phillips, M.A., F.R.S., родился в 1800 году, умер в 1874 году от последствий падения. Профессор геологии в Королевском колледже Лондона, а затем в Оксфорде. Он прочитал "Красную" лекцию в Кембридже 15 мая 1860 года на тему "Преемственность жизни на земле". Лектор Rede ежегодно назначается вице-канцлером и оплачивается из пожертвования, оставленного в 1524 году сэром Робертом Редом, лордом-верховным судьей, в правление Генриха VIII.) читал лекции в Кембридже на ту же тему, но относился к ней очень справедливо. Как великолепно Эйса Грей ведет битву. Эффект от этих многократных атак на меня заключается просто в том, чтобы показать мне, что за объект стоит бороться, и, конечно же, я сделаю все, что в моих силах... Я надеюсь, что все эти атаки заставят вас сохранять мужество, а мужество вам, несомненно, потребуется...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 18 мая 1860 года.

Мой дорогой мистер Уоллес,

Сегодня утром я получил ваше письмо из Амбойны, датированное 16 февраля, содержащее некоторые замечания и ваше слишком высокое одобрение моей книги. Ваше письмо мне очень

понравилось, и я полностью согласен с вами в том, что касается самых сильных и самых слабых сторон. Несовершенство геологической летописи, как вы сказали, самое слабое из всех; но все же я рад обнаружить, что новообращенных геологов едва ли не больше, чем последователей других отраслей естествознания... Я думаю, что геологов легче переубедить, чем простых натуралистов, потому что они больше привыкли к рассуждениям. Прежде чем рассказать вам о развитии мнений по этому вопросу, вы должны позволить мне сказать, что я восхищен щедростью, с которой вы отзываетесь о моей книге. Большинство людей на вашем месте почувствовали бы некоторую зависть. Как благородно ты, кажется, свободен от этого общего недостатка человечества. Но ты слишком скромно говоришь о себе. Будь у вас мое свободное время, вы бы выполнили эту работу так же хорошо, возможно, даже лучше, чем я...

... Агассис посылает мне личное гражданское послание, но при этом постоянно нападает на меня; но Эйса Грей сражается как герой, защищаясь. Лайель держится стойко, как башня, и этой осенью опубликует "Геологическую историю человека", а затем объявит о своем обращении, которое сейчас общеизвестно. Я надеюсь, что вы получили великолепное эссе Хукера... Yesterday I heard from Lyell that a German, Dr. Schaaffhausen (Hermann Schaaffhausen 'Ueber Beständigkeit und Umwandlung der Arten.' Verhandl. d. Naturhist. Vereins, Bonn, 1853. Смотрите "Происхождение", исторический очерк.), послал ему брошюру, опубликованную несколько лет назад, в которой почти предвосхищается та же точка зрения; но я еще не видел этой брошюры. Мой брат, очень проницательный человек, всегда говорил: "Ты обнаружишь, что кто-то был до тебя". Я работаю над своим большим трудом, который опубликую отдельным томом. Но из-за плохого самочувствия и обилия писем я продвигаюсь очень, очень медленно. Надеюсь, я не утомил вас этими подробностями. С искренней благодарностью за ваше письмо и с самыми глубокими пожеланиями вам успехов в науке и во всех отношениях, поверьте мне, Ваш искренний доброжелатель, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Записано 22 мая 1860 года.

Мой дорогой Грей,

Еще раз я должен поблагодарить вас за одно из ваших очень приятных писем от 7 мая, к которому прилагается очень приятный денежный перевод в размере 22 фунтов стерлингов. По правде говоря, я поражен всеми теми хлопотами, которые вы для меня предприняли. Я возвращаю счет Эпплтона. На случай, если вы пожелаете получить официальное подтверждение, я посылаю его. Если у вас есть какие-либо дополнительные сообщения Эпплтонам, пожалуйста, выразите мою признательность за [их] великодушие; ибо, на мой взгляд, это великодушие. Я несколько не удивлен сокращением продаж; мое крайнее удивление - масштаб распродажи. Без сомнения, публике позорно навязали! потому что они купили книгу, думая, что это будет приятное легкое чтение. Я ожидаю, что продажи в Англии скоро прекратятся, однако Лайелл написал мне на днях, что, позвонив в "Мюррейз", он услышал, что за предыдущие сорок восемь часов было распродано пятьдесят экземпляров. Я чрезвычайно рад, что вы заметили в "Силлимане" дополнения в "Происхождении". Судя по письмам (и я только что видел одно из них от Твейтса к Хукеру) и по замечаниям, самым

серьезным упущением в моей книге было отсутствие объяснения того, почему, как я полагаю, не все формы обязательно развиваются, как могут существовать до сих пор ПРОСТЫЕ организмы... Я слышал, что в "North British" есть ОЧЕНЬ суровая рецензия на меня преподобного мистера Даннса (это заявление об авторстве было сделано от имени Роберта Чемберса.), священника Свободной Церкви и любителя естественной истории. Я был бы очень рад увидеть любые хорошие американские обзоры, поскольку все они более или менее полезны. Вы говорите, что коснетесь других обзоров. Хаксли сказал мне некоторое время назад, что через некоторое время он напишет отзыв на все рецензии, напишет ли он, я не знаю. Если вы намекаете на "Эдинбург", пожалуйста, обратите внимание на НЕКОТОРЫЕ моменты, на которые я укажу на отдельном листе. В "Saturday Review" (одном из наших самых умных периодических изданий) от 5 мая, страница 573, есть хорошая статья о [the 'Edinburgh'] review, защищающая Хаксли, но не Хукера; и к последнему, я думаю, [the 'Edinburgh' reviewer] относится крайне недоброжелательно. (В письме мистеру Хаксли мой отец писал: "Вы видели последнее "Субботнее обозрение"? Я очень рад, что защищаю вас и себя. Жаль, что рецензент не обратил внимания на Хукера. Рецензент, кем бы он ни был, очень хороший парень, как показал этот отзыв и последний, посвященный мне. Он пишет превосходно и хорошо понимает свою тему. Я бы хотел, чтобы он ударил [рецензента "Эдинбурга"] чуть сильнее ".) Но, конечно, вам до смерти надоем я и мои рецензенты.

Что касается теологического взгляда на вопрос. Это всегда причиняет мне боль. Я сбив с толку. У меня не было намерения писать атеистически. Но я признаю, что не могу видеть так ясно, как это делают другие, и так, как я хотел бы видеть, свидетельства замысла и благодеяния со всех сторон. Мне кажется, в мире слишком много несчастий. Я не могу убедить себя, что милосердный и всемогущий Бог намеренно создал ихневмонид с явным намерением прокормить их в живых телах гусениц или что кошка должна играть с мышами. Не веря в это, я не вижу необходимости верить в то, что глаз был специально сконструирован. С другой стороны, я все равно не могу удовлетвориться тем, что рассматриваю эту удивительную вселенную, и особенно природу человека, и прихожу к выводу, что все является результатом грубой силы. Я склонен смотреть на все как на результат разработанных законов, а детали, хорошие или плохие, оставлены на усмотрение того, что мы можем назвать случайностью. Не то чтобы это представление меня ВООБЩЕ удовлетворяло. Я глубоко убежден, что вся эта тема слишком глубока для человеческого интеллекта. С таким же успехом собака могла бы размышлять об уме Ньютона. Пусть каждый человек надеется и верит во что может. Конечно, я согласен с вами, что мои взгляды вовсе не обязательно атеистичны. Молния убивает человека, хорошего или плохого, из-за чрезмерно сложного действия законов природы. Ребенок (который может оказаться идиотом) рождается в результате действия еще более сложных законов, и я не вижу причин, по которым человек или другое животное не могли быть изначально созданы по другим законам, и что все эти законы могли быть специально разработаны всеведущим Создателем, который предвидел каждое будущее событие и последствия. Но чем больше я думаю, тем больше прихожу в замешательство, что, вероятно, и продемонстрировал этим письмом.

Я глубоко ощущаю вашу щедрую доброту и заинтересованность.

Искренне и сердечно ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

{Далее следуют критические замечания моего отца в "Эдинбург ревью"}:

"Что за придирка притворяться, что он не понимает, что я подразумеваю под ОБИТАТЕЛЯМИ Южной Америки; и любой предположил бы, что на протяжении всей моей книги я ни разу не касался географического распространения. Он игнорирует также все, что я сказал о классификации, геологической последовательности, гомологиях, эмбриологии и рудиментарных органах — стр. 496.

Он ложно применяет то, что я сказал (слишком грубо) о "слепоте предвзятых мнений" к тем, кто верит в сотворение мира, тогда как я применяю это замечание исключительно к тем, кто отвергает множество видов как истинные, но верит в остальные —страница 500.

Он слегка меняет то, что я говорю, — я СПРАШИВАЮ, действительно ли креационисты верят, что элементарные атомы вспыхнули к жизни. Он говорит, что я описываю их как верующих, и в этом, безусловно, есть разница —страница 501.

Он говорит о моем "протесте" против всех, кто верит в сотворение мира, и это кажется мне несправедливым обвинением —страница 501.

Он заставляет меня говорить, что спинные позвонки различаются; это просто ложь: я нигде ни слова не говорю о спинных позвонках—страница 522.

Какое нелиберальное предложение о моей претензии на искренность и о моем стремлении преодолеть барьеры, которые остановили Кювье: такой аргумент остановил бы любой прогресс в науке —страница 525.

Как неискренне цитировать мое замечание вам по поводу моего КОРОТКОГО письма [опубликовано в 'Linn. Soc. Журнал'], как будто это применимо ко всему предмету —страница 530.

Как неискренне говорить, что мы призваны принять теорию из—за несовершенства геологической летописи, когда я снова и снова [говорю], насколько серьезную трудность представляет это несовершенство".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 30 мая [1860].

Моя дорогая Проститутка,

Я возвращаю письмо Харви, я был очень рад узнать причину, по которой он не читал ваше эссе. Я боялся, что это фанатизм, и я рад видеть, что он заходит немного дальше, чем я предполагал, с нами...

Я не пожалел о естественной возможности написать Харви, просто чтобы показать, что меня не задело то, что он выставил меня и мою книгу на посмешище ("Серио-юмористическая болтовня", прочитанная в "Зоологической и ботанической ассоциации Дублинского университета" 17 февраля 1860 г. и напечатанная частным образом. Подарочный экземпляр моего отца озаглавлен "С ПОКАЯНИЕМ писателя, октябрь 1860 г."), не то чтобы я думал, что это было дело, которого я заслуживал или достойное его. Меня восхищает, что вам интересно наблюдать за развитием мнения об изменении видов; я опасался, что вы устали от этой темы, и поэтому не отправлял писем А. Грею. Битва яростно разгорается в Соединенных Штатах. Грей

говорит, что готовил речь, произнесение которой займет 1 1/2 часа и которая, как он "наивно надеялся, будет ошеломляющей". Он великолепно дерется, и, кажется, было много дискуссий с Агасисом и другими на встречах. Агассис очень сожалеет обо мне из-за того, что я так заблуждался. Что касается общественного мнения, я ясно вижу, что оно будет чрезмерно медленным, почти таким же медленным, как смена видов... Я начинаю уставать от шквала враждебных отзывов и почти ничего полезного ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, в пятницу вечером [1 июня 1860 г.].

... Вы видели Хопкинса (Уильям Хопкинс умер в 1866 году, "на семьдесят третьем году жизни". Он начал жизнь на ферме в Саффолке, но в конце концов сравнительно поздно поступил в Питерхаус в Кембридже; он получил ученую степень в 1827 году, а затем стал эсквайром Бедделлом в университете. Он был известен главным образом как математический "тренер" и добился исключительного успеха в производстве Старших рэнглеров. Тем не менее мистер Стивен говорит ("Жизнь Фосетта", стр. 26), что он "выделялся тем, что насаждал" "либеральный взгляд на изучение этого места". Он пытался пробудить философский интерес к математическим наукам, вместо того, чтобы просто разжигать страсть к соперничеству ". Он опубликовал множество статей на геологические и математические темы в научных журналах. Он оказывал сильное благотворное влияние на молодых людей, с которыми общался. Письмо, которое он написал Генри Фосетту по случаю своей слепоты, иллюстрирует это. Мистер Стивен говорит ("Жизнь Фосетта", стр. 48), что "это своевременное доброе слово" вывело Фосетта из "его временной прострации" и позволило взять "более жизнерадостный и решительный тон".) в новом "Фрейзере"? публике, я думаю, это покажется тяжелым испытанием. Он будет категорически против меня, как вы и предсказывали; но в целом он вежлив со мной лично. ("Журнал Фрейзера", июнь 1860 г.) Мой отец, без сомнения, ссылается на следующий отрывок, стр. 752, где Рецензент выражает свое "полное участие в высоком уважении, которым пользуется автор во всем мире, как человек и натуралист; и тем более, что в замечаниях, которые последуют во второй части этого эссе, мы обнаружим, что мы сильно отличаемся от него в отношении многих его выводов и рассуждений, на которых он их основал, и будем претендовать на полное право выражать такие различия во мнениях со всей той свободой, которой требуют интересы научной истины, и которую, мы уверены, мистер Дарвин одобрил бы". будь одним из последних, кто откажет любому, кто готов осуществить это с искренностью и вежливостью ". Говоря об этом обзоре, мой отец написал доктору Эйсе Грею: "Я сделал ему замечание [Хопкинсу] за то, что он так хладнокровно сказал, что я основываю свои взгляды на том, что считаю большими трудностями. Любой, взявшись за эти трудности в одиночку, может выдвинуть против меня самые веские доводы. Я сам мог бы написать более обличительный отзыв, чем тот, что еще появился!" Второе сообщение Хопкинса появилось в июльском номере "Журнала Фрейзера".) О его стандарте доказательства: "ЕСТЕСТВЕННАЯ наука никогда не продвинулась бы вперед, поскольку без создания теорий, я убежден, не было бы никаких наблюдений".

... Я начал читать "Северную Британию" (май 1860 г.), которая пока что кажется мне умной.

Лекция Филлипса в Кембридже будет опубликована.

Все эти повторяющиеся атаки скажут о многом; новообращенных больше не будет, и, вероятно, некоторые вернутся. Надеюсь, вы не впадете в уныние, я полон решимости бороться до последнего. Однако я слышал, что великий Бакл высоко оценил мою книгу.

Я получил записку от бедняги Блайта (Эдвард Блайт, 1810-1873. Его неукротимая любовь к естественной истории заставила его пренебречь аптекарским делом, с которого он начинал свою жизнь, и вскоре он столкнулся с серьезными трудностями. Проработав несколько лет писателем по полевой естественной истории, он в конце концов отправился в Индию в качестве куратора музея Р. Азиатского общества Бенгалии, где прошла большая часть его трудовой жизни. Его главными публикациями были ежемесячные отчеты, составляемые в рамках его долга перед обществом. В своей замечательной памяти он хранил поразительное богатство знаний, особенно о млекопитающих и птицах Индии, — знаний, которыми он охотно делился с теми, кто спрашивал. Его письма к моему отцу свидетельствуют о том, что они были тщательно изучены, а длинный список записей после его имени в указателе "Животные и растения" показывает, какую большую помощь он получил. Его жизнь была небогатой и несчастливой, полной денежных трудностей и омраченной смертью его жены после нескольких лет брака.), из Калькутты, который очень разочарован, услышав, что лорд Каннинг не выделит никаких денег; поэтому я очень боюсь, что все ваши великие старания пропадут даром. Блайт говорит (и он во многих отношениях очень хороший судья), что его идеи о видах произвели настоящую революцию ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 июня [1860].

Моя дорогая Проститутка,

Мне приятно писать вам, поскольку мне не с кем поговорить о таких вещах, о которых мы пишем. Но я серьезно прошу вас не писать мне, если у вас нет такого желания; поскольку вы так заняты и встречаетесь со многими людьми, у нас с вами все совсем по-другому...

Вы видели оскорбительную статью —s обо мне?... Она превосходит даже "North British" и "Edinburgh" по недоразумению и искажению информации. Я никогда не встречал ничего более несправедливого, чем обсуждение пчелиных ячеек, когда он игнорирует случай с Melipona, которая строит соты, почти точно промежуточные между ульем и смирными пчелами. Что такого он сделал, что чувствует себя столь неизмеримо выше всех нас, жалких натуралистов, и всех политэкономистов, включая великого философа Мальтуса? Однако этот отзыв и письмо Харви убедили меня, что я, должно быть, очень плохой объяснитель. Ни один из них на самом деле не понимает, что я подразумеваю под естественным отбором. Я склонен отказаться от попытки как от безнадежной. Похоже, что тех, кто не понимает, невозможно заставить понять.

Кстати, я думаю, мы полностью согласны, за исключением, возможно, того, что я использую слишком жесткие формулировки относительно отбора. Я полностью согласен, даже пошел бы чуть ли не дальше вас, когда вы говорите, что климат (то есть изменчивость по всем неизвестным причинам) - это "активная служанка, оказывающая самое существенное влияние на свою хозяйку". Действительно, я никогда не намекал на то, что Естественный отбор является "эффективной причиной исключения другого", то есть изменчивости климата и т.д. Сам термин "ОТБОР" подразумевает нечто, то есть вариацию или различие, подлежащее отбору...

Как продвигается ваша книга (я имею в виду книгу о растениях в целом), я молю Бога, чтобы вы добились большего успеха, чем я, в том, чтобы люди поняли смысл ваших слов. Я должен был бы начать думать, что я был совершенно неправ и что я был законченным дураком, но тогда я все еще не могу убедить себя, что Лайелл, и вы, и Хаксли, Карпентер, Эйса Грей, и Ватсон, и т.д., все вместе дураки. Что ж, время покажет, и ничего, кроме времени. Прощай...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 6 июня [1860].

... Меня утешает то, что он насмехается над Мальтусом, ибо это ясно показывает, каким бы математиком он ни был, он не может понять общепринятых рассуждений. Кстати, каким обескураживающим примером является Мальтус, показывающий, в течение каких долгих лет самый простой случай может быть искажен и неправильно понят. Я читал "Будущее"; как любопытно, что некоторые из моих рецензентов выдвигают такие дикие аргументы, например, что разновидности собак и кошек не смешиваются; и поднимают старую взорванную доктрину определенных аналогий... Я начинаю отчаиваться в том, что когда-либо смогу заставить большинство понять мои идеи. Даже Хопкинсу это не удастся до конца. Кстати, я был очень доволен тем, как он упоминает меня лично. Должно быть, я очень плохой объяснитель. Молю Небеса, чтобы у вас получилось лучше. Несколько отзывов и несколько писем слишком ясно показали мне, как мало меня понимают. Я полагаю, что "естественный отбор" был плохим термином; но я думаю, что изменение его сейчас усугубило бы путаницу, и я не могу придумать лучшего; "Естественное сохранение" не подразумевало бы сохранения определенных разновидностей, иказалось бы трюизмом, и не подводило бы отбор человека и природы под одну точку зрения. Я могу только надеяться, что повторные объяснения, наконец, прояснят этот вопрос. Если моя рукопись распространится, я думаю, что опубликую один том исключительно о разновидностях животных и растений в процессе одомашнивания. Я хочу показать, что поступил не так опрометчиво, как многие предполагают.

Хотя я и устал от рецензий, я хотел бы когда-нибудь увидеть Лоуэлла (покойного Дж.А. Лоуэлла в "Христианском ревизоре" (Бостон, США, май 1860 г.)... Я полагаю, что трудности Лоуэлла с инстинктом те же, что и у Боуэна; но мне кажется, они полностью основаны на предположении, что инстинкты не могут развиваться так же точно, как структуры. Я утверждал в своей книге, что вряд ли возможно знать, что именно, то есть инстинкт или структура, изменяется первым незаметными шагами. Вероятно, иногда инстинкт, иногда структура. Когда британское насекомое питается экзотическим растением, инстинкт меняется очень маленькими шагами, и их структура может измениться таким образом, чтобы полностью использовать новую пищу. Или сначала может измениться структура, например, направление бивней у одной разновидности индийских слонов, что приводит к тому, что они нападают на тигра иначе, чем другие виды слонов. Спасибо за ваше письмо от 2-го числа, в основном о Мюррее. (Н.Б. Харви из Дублина приводит мне в письме аргумент в пользу того, что высокие мужчины женятся на невысоких женщинах, как очень весомый!)

Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, говоря: "чем больше они докажут, что вы недооцениваете физические условия, тем лучше для вас, поскольку вам на помощь приходит геология".

... Я вижу у Мюррея и многих других одну непрекращающуюся ошибку, когда они ссылаются на незначительные различия физических условий как на очень важные; а именно, забвение того факта, что все виды, за исключением очень локальных, занимают значительную территорию и, хотя подвержены тому, что мир называет значительным РАЗНООБРАЗИЕМ, все же остаются постоянными. Я только что упомянул об этом в "Происхождении", сравнивая произведения Старого и Нового Света. Прощай, ты будешь в Оксфорде? Если Х. совсем поправится, возможно, я поеду туда.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Записано [14 июня 1860 г.].

... Рецензия Лоуэлла (Дж.А. Лоуэлл в "Христианском экзаменаторе", май 1860 г.) написана приятно, но ясно, что он не натуралист. Он совершенно упускает из виду важность накопления простых индивидуальных различий, которые, как я думаю, я могу показать, являются великим фактором изменений при одомашнивании. Я не дочитал Шаффхаузена, так как плохо читаю по-немецки. Я заказал экземпляр для себя и хотел бы сохранить ваш до тех пор, пока не придет мой собственный, но при желании немедленно верну его вам. Он допускает заявления довольно опрометчивые, как, смею сказать, и я. Я вижу, что пока только одно предложение приближается к естественному отбору.

В предпоследнем номере журнала "Круглый год" есть заметка обо мне, но с ней не стоит сверяться; в основном это хорошо приготовленная мешанина из моих собственных слов. Ваше последнее сообщение было для меня очень интересным и утешительным.

Я прямо заявил, что, по моему мнению, физические условия оказывают более прямое влияние на растения, чем на животных. Но чем больше я изучаю, тем больше прихожу к мысли, что естественный отбор регулирует в естественном состоянии самые незначительные различия. Как квадратный камень, или кирпич, или древесина являются незаменимыми материалами для строительства и влияют на его характер, так и изменчивость не только необходима, но и оказывает влияние. Но точно так же, как архитектор является САМЫМ важным человеком в здании, так и отбор с органическими телами...

[Собрание Британской ассоциации в Оксфорде в 1860 году известно двумя ожесточенными битвами по поводу "Происхождения видов". Обе они возникли в незначительных статьях. В четверг, 28 июня, доктор Добени из Оксфорда сделал сообщение для секции D: "Об окончательных причинах сексуальности растений, с особым упоминанием работы г-на Дарвина "Происхождение видов"". Президент вызвал г-на Хаксли, но тот попытался (согласно отчету "Атенеума") избежать дискуссии на том основании, "что широкая аудитория, в которой чувства чрезмерно мешают интеллекту, не является той публикой, перед которой следует вести подобную дискуссию". Однако тему не разрешили оставить. Сэр Р. Оуэн (я цитирую из "Атенеума", 7 июля 1860 г.), который "хотел подойти к этому вопросу в духе философа", выразил свою "убежденность в том, что существуют факты, на основании которых общественность может прийти к определенному заключению относительно вероятности истинности теории мистера Дарвина". Далее он сказал, что мозг гориллы "представляет больше различий по сравнению с мозгом человека, чем по сравнению с мозгом самых низших и проблемных

четвероруких". Мистер Хаксли ответил и назвал эти утверждения "прямым и безоговорочным противоречием", пообещав себе "обосновать эту необычную процедуру в другом месте" ("Место человека в природе" Т. Х. Хаксли, 1863, стр. 114), обещание, которое он полностью выполнил. (Смотрите 'Nat. Hist. Ревью', 1861.) В пятницу был мир, но в субботу, 30-го, битва разгорелась с удвоенной яростью из-за статьи доктора Дрейпера из Нью-Йорка об "Интеллектуальном развитии Европы, рассмотренном со ссылкой на взгляды мистера Дарвина".

Следующий отчет принадлежит очевидцу этой сцены.

"Волнение было огромным. Лекционный зал, в котором планировалось провести дискуссию, оказался слишком мал для аудитории, и заседание перенесли в библиотеку музея, которая была забита до отказа задолго до того, как чемпионы вышли на ристалище. Число участников оценивалось от 700 до 1000. Если бы это было во время семестра или если бы была допущена широкая публика, было бы невозможно выдержать наплыв желающих послушать ораторское искусство смелого епископа. Профессор Хенслоу, президент секции D, занял председательское место и мудро объявил, что никому, у кого нет веских аргументов для выступления с той или иной стороны, не будет позволено выступить на собрании: предостережение, которое оказалось необходимым, поскольку он прервал выступления не менее чем четырех комбатантов из-за их склонности к расплывчатым речам.

"Епископ поспел вовремя и говорил целых полчаса с неподражаемым духом, пустотой и несправедливостью. Из его обращения с предметом было очевидно, что он был "забит" по самое горло и что он ничего не знал из первых рук; фактически, он не использовал ни одного аргумента, которого нельзя было бы найти в его статье в "Ежеквартальном журнале". Он жестоко высмеивал Дарвина и яростно Хаксли, но все это в таких приятных тонах, в такой убедительной манере и с такими удачными паузами, что я, который был склонен винить президента за то, что тот допустил дискуссию, которая не могла служить никакой научной цели, теперь простил его от всего сердца. К несчастью, епископ, увлеченный потоком собственного красноречия, настолько забылся, что довел свое попытанное преимущество до грани личности в красноречивом отрывке, в котором он повернулся и обратился к Хаксли: "Я забыл точные слова и цитирую Лайелла". "Епископ спросил, состоял ли Хаксли в родстве с обезьяной по линии дедушки или бабушки". ("Письма" Лайелла, том II, стр. 335.) Хаксли ответил на научную аргументацию своего оппонента с силой и красноречием, а на личный намек - со сдержанностью, которая придала достоинство его сокрушительному ответу".

Многие версии речи мистера Хаксли были актуальны: нижеследующий отчет о его заключении взят из письма, адресованного покойным Джоном Ричардом Грином, в то время студентом, своему сокурснику, ныне профессору Бойду Докинзу. "Я утверждал и повторяю, что у человека нет причин стыдиться того, что его дедушкой была обезьяна. Если бы был предок, о котором мне было бы стыдно вспоминать, это был бы ЧЕЛОВЕК, человек беспокойного и разностороннего интеллекта, который, не довольствуясь двусмысленностью (проф. В. Карус, который отчетливо помнит эту сцену, не помнит слова двусмысленный. Он также считает, что версия Лайелла о предложении "обезьяна" немного неверна.) добившись успеха в своей сфере деятельности, погружается в научные вопросы, с которыми он на самом деле не знаком, только для того, чтобы затемнить их бесцельной риторикой и отвлечь внимание своих слушателей от реальной сути вопроса красноречивыми отступлениями и умелыми апелляциями к религиозным предрассудкам".

Процитированное выше письмо продолжается:

"Волнение достигло своего апогея; одна дама упала в обморок, и ее пришлось выносить, и прошло некоторое время, прежде чем дискуссия возобновилась. Несколько голосов позвали Хукера, и, когда его имя было названо, президент предложил ему высказать свой взгляд на теорию с ботанической точки зрения. Это он сделал, продемонстрировав, что епископ, по его собственным показаниям, никогда не понимал принципов "Происхождения" (что касается "Ежеквартального обзора" епископа, мой отец написал: "Эти очень умные люди думают, что могут написать рецензию, имея очень слабые знания о рецензируемой книге или предмете, о котором идет речь".), и что он был абсолютно несведущ в элементах ботанической науки. Епископ ничего не ответил, и собрание разошлось.

"Вечером в доме гостеприимного и добродушного профессора ботаники доктора Добени состоялась многоядная беседа, почти единственной темой которой была битва за "Происхождение", и я был очень поражен честным и непредвзятым подходом, с которым черные мундиры и белые галстуки Оксфорда обсуждали этот вопрос, и откровенностью, с которой они поздравляли победителей в этой битве.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Садбрук-парк, вечер понедельника [2 июля 1860 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я только что получил ваше письмо. Мне было очень плохо, с почти непрерывной сильной головной болью в течение сорока восьми часов, и я был достаточно подавлен, думая о том, каким бесполезным бременем я был для себя и всех окружающих, когда пришло твое письмо, и оно так приободрило меня; твоя доброта и привязанность вызвали слезы на моих глазах. Разговоры о славе, почестях, удовольствиях, богатстве - все это грязь по сравнению с привязанностью; и это доктрина, с которой, как я знаю из вашего письма, вы согласитесь от всего сердца... Как бы мне хотелось побродить с вами по Оксфорду, если бы я был достаточно здоров; и как бы еще больше мне хотелось услышать, как вы торжествуете над епископом. Я поражен вашим успехом и смелостью. Для меня непонятно, как кто-то может спорить публично, как это делают ораторы. Я понятия не имел, что вы обладаете такой силой. В последнее время я прочитал так много враждебных мнений, что начал думать, что возможно, я был полностью неправ, и что ... был прав, когда он сказал, что вся эта тема будет забыта через десять лет; но теперь, когда я слышу, что вы и Хаксли будете публично сражаться (чего, я уверен, я никогда не смог бы сделать), я полностью верю, что наше дело в долгосрочной перспективе победит. Я рад, что меня не было в Оксфорде, потому что я был бы потрясен своим нынешним состоянием.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Садбрук-парк, Ричмонд, 3 июля [1860].

... Я получил письмо из Оксфорда, написанное Хукером поздно вечером в воскресенье, в котором он рассказывал мне об ужасных битвах, которые бушевали в Оксфорде из-за биологических видов. Он говорит мне, что вы благородно сражались с Оуэном (но я не слышал подробностей) и что вы блестяще ответили на Б.О. О. Я часто думаю, что у моих друзей (и у вас гораздо больше, чем у других) есть веские причины ненавидеть меня за то, что я разворошил

столько грязи и втянул их в столько отвратительных неприятностей. Если бы я был другом самому себе, я бы возненавидел себя. (Как сделать это предложение на хорошем английском, я не знаю.) Но помните, если бы я не взбаламутил грязь, это, несомненно, вскоре сделал бы кто-нибудь другой. Я ценю ваше мужество; я бы скорее умер, чем попытался ответить епископу в таком собрании ...

[20 июля мой отец написал мистеру Хаксли:

"Из всего, что я слышу из разных источников, складывается впечатление, что Оксфорд принес этому предмету огромную пользу. Это имеет огромное значение - показать миру, что несколько первоклассных мужчин не боятся выражать свое мнение".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [Июль 1860 г.].

... Я только что прочитал "Ежеквартальный выпуск" ("Ежеквартальное обозрение", июль 1860 г.). Статья, о которой идет речь, была написана Уилберфорсом, епископом Оксфорда, и впоследствии была опубликована в его "Очерках, внесенных в "Ежеквартальное обозрение" за 1874 год". Отрывок из "Антиякобинца" излагает историю эволюции пространства от "изначальной точки или punctum saliens вселенной", которая, как предполагается, двигалась "вперед по прямой линии до бесконечности, пока не устала; после чего правая линия, которую она породила, начала бы приходить в движение в боковом направлении, описывая область бесконечной протяженности". Эта область, как только она осознала бы свое собственное существование, начала бы подниматься или опускаться в зависимости от того, как ее определял бы удельный вес, образуя огромное твердое пространство, заполненное вакуумом и способное вместить нынешнюю вселенную".

Следующее (стр. 263) может служить примером пассажей, в которых рецензент ссылается на сэра Чарльза Лайелла: "То, что мистер Дарвин свернул с этой широкой дороги творений природы в джунгли фантастических предположений, является немалым злом. Мы надеемся, что он ошибается, полагая, что может считать сэра К. Лайелла одним из своих новообращенных. Мы действительно знаем силу искушений, которые он может навлечь на своего брата-геолога... И все же ни один человек не был более четким и логичным в отрицании трансмутации видов, чем сэр К. Лайелл, и это не в младенчестве его научной жизни, а в ее полном расцвете и зрелости". Епископ продолжает взывать к Лайеллю, чтобы с его помощью "это надуманное предположение могло быть опровергнуто так же полностью, как и то, что, несмотря на все отрицания, мы должны рискнуть назвать его близнецом, хотя и менее просвещенным, "Пережитками творения"".

Ссылаясь на эту статью, мистер Броди Иннес, старый друг и сосед моего отца, пишет: "Большинство людей были бы раздражены статьей, написанной с присущей епископу энергией, смесью аргументации и насмешек. Мистер Дарвин писал по какому-то приходскому делу и сделал приписку— "Если вы еще не видели последний "Ежеквартальный выпуск", "пожалуйста, получите его; епископ Оксфордский так сильно высмеял меня и моего дедушку". По любопытному совпадению, когда я получил письмо, я жил в одном доме с епископом и показал его ему. Он сказал: "Я очень рад, что он воспринимает это таким образом, он такой замечательный парень".) Это необычайно остроумно; он со знанием дела выбирает все

наиболее вероятные моменты и хорошо описывает все трудности. Он великолепно проверяет меня, цитируя "антиякобинца" против моего деда. Здесь нет ссылок ни на вас, ни, как ни странно, на Хаксли; и я ясно вижу, кое—где, его руку. Заключительные страницы заставят Лайелла содрогнуться. Клянусь Юпитером, если он останется с нами, то станет настоящим героем. Спокойной ночи. Твой хорошо расспрашиваемый, но не печальный и любящий друг.

C.D.

Я вижу, что в Рецензию были внесены какие-то странные изменения, поскольку страница была вырезана и перепечатана.

[В письме от 22 июля доктору Эйсе Грей мой отец так описывает позицию Лайелла:—

"Учитывая его возраст, его прежние взгляды и положение в обществе, я думаю, что его поведение в этом вопросе было героическим".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. [Хартфилд, Сассекс] 22 июля [1860].

Мой дорогой Грей,

Из-за отсутствия дома на водолечении, а затем необходимости перевезти мою больную девочку туда, откуда я сейчас пишу, я только недавно прочитал обсуждение в Прос. Американская академия. (10 апреля 1860 г.) Доктор Грей подробно раскритиковал "некоторые позиции, занятые на предыдущей встрече г-ном [Дж.А.] Лоуэллом, проф. Боуэном и проф. Дж. Агассис". Это было перепечатано в "Атенеуме", 4 августа 1860 г.), и теперь я не могу удержаться, чтобы не выразить свое искреннее восхищение вашей яснейшей логикой. Как недавно сказал Хукер в записке для меня, вы больше, чем КТО-либо другой, досконально владеете этим предметом. Я заявляю, что вы знаете мою книгу так же хорошо, как я сам; и привожу к этому вопросу новые линии иллюстраций и аргументации таким образом, что это вызывает мое удивление и почти зависть! Я восхищаюсь этими дискуссиями, я думаю, едва ли не больше, чем вашей статьей в Silliman's Journal. Каждое слово кажется тщательно взвешенным и действует как выстрел весом в 32 фунта. Мне очень хотелось бы (но я знаю, что у вас нет времени), чтобы вы написали более подробно и привели, например, факты об изменчивости американских диких плодов. У "Атенеума" самый большой тираж, и я отправил свой экземпляр редактору с просьбой переиздать первое обсуждение; я очень боюсь, что он этого не сделает, поскольку он рассматривал тему в столь враждебном духе... Мне будет любопытно [посмотреть], и я закажу августовский номер, как только узнаю, что в нем содержится ваш обзор Отзывов. Мой вывод таков, что вы совершили ошибку, став ботаником, вам следовало бы стать юристом.

... Хенслоу (профессор Хенслоу был упомянут в декабрьском номере "Журнала Макмиллана" как сторонник эволюции. Вследствие этого он опубликовал в февральском номере следующего года письмо, определяющее его позицию. Это он сделал с помощью выдержки из письма, адресованного ему преподобным Л. Дженинсом (Бломфилд), которое, по его словам, "очень близко" выражало его взгляды. Мистер Бломфилд писал: "Я не знал, что вы стали сторонником его (Дарвина) теории, и вряд ли могу предположить, что вы приняли ее в целом, хотя, как и я, вы можете дойти до того, что вообразите, что многие из меньших групп, как животных, так и растений, могли в какой-то отдаленный период иметь общее происхождение. Я не разделяю

мнения некоторых о том, что вся его теория не может быть истинной, но что она очень далека от доказательства; и я сомневаюсь, что это когда-либо возможно доказать ".) и Добени потрясены. Я слышу от Хукера, что он слышит от Хохштеттера, что мои взгляды добиваются очень значительного прогресса в Германии, и хорошие работники обсуждают этот вопрос. У Бронна в конце его перевода есть глава с критикой, но она такая сложная по-немецки, что я ее еще не читал. Рецензия Хопкинса в "Фрейзере" считается лучшей из тех, что появились против нас. Я полагаю, что Хопкинс так сильно настроен против, потому что его курс обучения никогда не заставлял его много размышлять о таких предметах, как географическое распределение, классификация, гомологии и т.д., Так что он не чувствует облегчения, получив какое-то объяснение.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Хартфилд [Сассекс], 30 июля [1860].

... Я получил много приятных писем о Британской ассоциации, и с нашей стороны, похоже, сложились очень хорошие отношения. По ту сторону Атлантики было столько же дискуссий, сколько и по эту. Я думаю, никто не понимает все дело лучше, чем Эйса Грей, и он благородно сражался. Он отличный рассуждатель. Я отправил одно из его печатных рассуждений в наш "Атенеум", и редактор сказал, что напечатает его. "Ежеквартальный" вышел некоторое время назад. В нем нет злобы, что замечательно... Это заставляет меня сказать многое, чего я не говорил. В конце цитируются все ваши выводы против Ламарка и содержится торжественный призыв к вам оставаться твердыми в истинной вере. Полагаю, это заставит вас немного вздрогнуть. — гениально настроил епископа (вместе с Мерчисон) против вас как главы униформистов. Единственный другой заслуживающий упоминания отзыв, который мне приходит на ум, находится в третьем номере "Лондон Ревью", написанный каким-то геологом и благосклонный к чуду. Это сделано очень умело, и мне бы очень хотелось знать, кто автор. Мне будет очень любопытно услышать по вашему возвращению, привлек ли немецкий перевод Бронна "Происхождения" какое-либо внимание к этому предмету. Хаксли с нетерпением ждет "Обзора естественной истории", который он и другие собираются редактировать, и у него так много первоклассных ассистентов, что я действительно верю, что он сделает из этого первоклассную постановку. Я ничего не делал, кроме небольшого ботанического занятия для развлечения. В дальнейшем мне будет очень интересно услышать, как прошла ваша экскурсия. Я ожидаю, что ваша книга о геологической истории человека с удвоенной силой разорвется, как бомба. Я надеюсь, что это не заставит себя долго ждать. Наши наилучшие пожелания леди Лайелл. Это не стоит отправлять, но мне нечего сказать лучше.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Ф. УОТКИНСУ. (См. Том I.) Внизу, 30 июля [1860?].

Мой дорогой Уоткинс,

Ваша записка доставила мне истинное удовольствие. Ведя уединенный образ жизни, который я веду, с плохим здоровьем, я чаще думаю о старых временах, чем, вероятно, большинство

мужчин; и ваше лицо сейчас встает передо мной с приятным прежним выражением так живо, как будто я вас вижу.

Епископ Оксфорда не раз ругал мою книгу, хвалил ее и великолепно расспрашивал о ней; но из того, что я вижу о ее влиянии на действительно хороших работников науки, я уверен, что, в основном, я на правильном пути. Что касается вашего вопроса, я думаю, что аргументы веские, показывающие, что все животные произошли от четырех или пяти первобытных форм; и эта аналогия и слабые доводы показывают, что все они произошли от какого-то одного прототипа.

Прощай, мой старый друг. Я с неподдельным удовольствием вспоминаю старые кембриджские дни.

Поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

Т.Х. ХАКСЛИ ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. 6 августа 1860 года.

Мой дорогой Дарвин,

Я должен объявить вам о появлении нового и замечательного союзника ...

Von Baer writes to me thus:—Et outre cela, je trouve que vous ecrivez encore des redactions. Vous avez ecrit sur l'ouvrage de M. Darwin une critique dont je n'ai trouve que des debris dans un journal allemand. J'ai oublie le nom terrible du journal anglais dans lequel se trouve votre recension. En tout cas aussi je ne peux pas trouver le journal ici. Comme je m'interesse beaucoup pour les idees de M. Darwin, sur lesquelles j'ai parle publiquement et sur lesquelles je ferai peut-etre imprimer quelque chose—vous m'obligeriez infiniment si vous pourriez me faire parvenir ce que vous avez ecrit sur ces idees.

"J'ai enonce les memes idees sur la transformation des types ou origine d'especes que M. Darwin. (See Vol. I.) Mais c'est seulement sur la geographie zoologique que je m'appuie. Vous trouverez, dans le dernier chapitre du traite 'Ueber Papuas und Alfuren,' que j'en parle tres decidement sans savoir que M. Darwin s'occupait de cet objet."

Трактат, на который ссылается фон Бер, он дал мне, когда был здесь, но я не смог достать его с тех пор, как это письмо пришло ко мне два дня назад. Когда я найду его, я дам вам знать, что в нем есть.

Всегда искренне ваш, Т.Х. ХАКСЛИ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 8 августа [1860].

Мой дорогой Хаксли,

В вашем письме содержались великолепные новости, и я сердечно благодарю вас за то, что вы прислали его мне. Фон Бер с удвоенной силой опровергает всю ядовитость [эдинбургского рецензента] и слабые аргументы Агассиса. Если вы напишете Фон Бэру, ради всего святого, скажите ему, что мы считаем один одобрителный кивок с нашей стороны величайшей ценностью; и если он что-нибудь напишет, умоляйте его прислать нам копию, потому что я постараюсь перевести это и опубликовать в "Атенеуме" и в "Силлимане", чтобы подправить

Агассиса... Видели ли вы слабую метафизическую и теологическую атаку Агассиса на "Происхождение" в последнем "Силлимане"? ("Американский журнал науки и искусств" (обычно называемый "Журналом Силлимана"), июль 1860 г. Напечатано с расширенных листов тома iii. "Вклады в нац. Хист. в экземпляре моего отца напротив следующего отрывка написано карандашом "Истинно": "Если Дарвину и его последователям не удастся показать, что борьба за жизнь ведет к чему—то большему, чем предпочтение существования одних особей существованию других, они скоро обнаружат, что следуют за тенью".) Я бы отправил это вам, но опасаясь, что вам будет легче взглянуть на это в Лондоне, чем вернуть мне. Р. Вагнер прислал мне немецкую брошюру ("Принципы классификации Луи Агассиса и др., mit"). Руксихт ауф Дарвинс Ансихтен. Separat-Abdruck aus den Gottingischen gelehrten Anzeigen, 1860.), giving an abstract of Agassiz's 'Essay on Classification,' "mit Rucksicht auf Darwins Ansichten," etc. etc. Он не заходит слишком "далеко", но думает, что истина лежит на полпути между Агассисом и "Истоком". Поскольку он зашел так далеко, ему волей-неволей придется идти дальше. Он говорит, что собирается написать обо мне отзыв в [своем] ежегодном отчете. Мой хороший и любезный агент по распространению Евангелия, то есть Евангелия дьявола.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 11 августа [1860].

... Я смеялся над Вудвордом, думая, что вы человек, на мнение которого может повлиять мнение общественности; и все же после смертельной насмешки над ним я был вынужден признаться себе, что у меня были опасения, каков может быть эффект от такого количества тяжелых орудий, выпущенных великими людьми. Поскольку у меня есть (присланный Мюрреем) запасной "Ежеквартальный обзор", я отправляю его по этой почте, поскольку это может вас позабавить. Антиякобинская часть позабавила меня. В нем полно ошибок, и Хукер подумывает ответить на них. Страница была удалена; я хотел бы знать, какую гигантскую ошибку она содержала. Хукер говорит, что— сыграл на епископе и заставил его взять ту ноту, которая ему понравилась; он хотел сделать статью как можно более неприятной для вас. Я пришлю "Атенеум" через день или два.

Поскольку вы хотите услышать, какие появились отзывы, я могу упомянуть, что Агассис сделал первый выстрел в последнем "Силлимане", совсем не хороший, отрицающий вариации и опирающийся на совершенство геологических данных. Эйса Грей говорит мне, что этот отзыв Агассиса почти перевернул на нашу сторону одного очень умного друга... Профессор Парсонс (Теофилус Парсонс, профессор права в Гарвардском университете.) опубликовал в том же "Силлимане" спекулятивную статью, исправляющую мои представления, ничего не стоящую. В "Хайлендском сельскохозяйственном журнале" есть рецензия какого-то энтомолога, ничего не стоящая. Это все, что я могу вспомнить... Как говорит Хаксли, стрельба из взвода должна скоро прекратиться. Хукер, Хаксли и Эйса Грей, как я вижу, полны решимости продолжать борьбу и не сдаваться; я полностью убежден, что любая ваша публикация произведет большой эффект на всех ТРИММЕРОВ и на многих других. Кстати, я забыл упомянуть брошюру Добени ("Замечания о конечных причинах сексуальности растений с особой ссылкой на работу мистера Дарвина "Происхождение видов"" — Отчет Британской ассоциации, 1860 г.), очень либеральную и откровенную, но слабую с научной точки зрения. Я полагаю, этим летом Хукер никуда не

собирается; он чрезвычайно занят... Он написал мне много очень приятных писем. Мне будет очень любопытно услышать по вашему возвращению какой-нибудь отчет о ваших геологических достижениях. Говоря о геологии, вы раньше интересовались "трубами" в мелу. Около трех лет назад на ровном травянистом поле, ко всеобщему изумлению, внезапно появилась идеально круглая яма, которая была засыпана множеством возов земли; и вот два или три дня назад она снова просела по кругу еще примерно на два фута. Как ясно это показывает, что все еще медленно происходит. Этим утром я возобновил работу и нахожусь в dogs; когда я напишу свое краткое обсуждение о них, я скопирую его, и, если хотите, вы сможете посмотреть, как обстоят дела с аргументацией об их множественном происхождении. Поскольку вы, по-видимому, сочли это важным, возможно, вам стоит прочесть; хотя я не уверен, что вы придете к тому же вероятному выводу, что и я. Кстати, епископ выдвигает против меня очень показательные доводы, собирая несколько примеров, когда я высказываюсь с большим сомнением; но это очень несправедливо, поскольку в таких случаях, как этот с собакой, доказательства очень сомнительны...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 11 августа [1860].

Мой дорогой Грей,

Вернувшись домой из Сассекса около недели назад, я нашел несколько статей, присланных вами. Я очень рад получить первую статью из "Atlantic Monthly". Кстати, редактор "Атенеума" (4 августа 1860 г.) вставил ваш ответ Агассису, Боуэну и Ко., и когда я их там прочитал, я восхитился ими еще больше, чем вначале. Они действительно казались достойными восхищения своей сгущенностью, силой, ясностью и новизной.

Я удивлен, что Агассису не удалось написать что-нибудь получше. Насколько абсурдна эта логическая уловка — "если видов не существует, как они могут изменяться?" Как будто кто-то сомневался в их временном существовании. Как хладнокровно он предполагает, что существует какое-то четко очерченное различие между индивидуальными различиями и разновидностями. Неудивительно, что человек, который называет идентичные формы, встречающиеся в двух странах, различными видами, не может найти различий в природе. Опять же, насколько неразумно предполагать, что домашние сорта, отобранные человеком по собственному почину, должны походить на естественные сорта или виды. Вся статья кажется мне некачественной; мне кажется, она вряд ли стоит подробного ответа (даже если бы я мог это сделать, и я сильно сомневаюсь, обладаю ли я вашим умением выделять важные моменты и вбивать в них гвоздь), и действительно, вы уже ответили на несколько пунктов. Имя Агассиса, без сомнения, является тяжелым грузом против нас...

Если вы увидите профессора Парсонса, поблагодарите ли вы его за чрезвычайно либеральный и справедливый дух, в котором написано его эссе ("Дневник Силлимана", июль 1860 г.)? Пожалуйста, скажите ему, что я много размышлял о вероятности возникновения благоприятных чудовищ (то есть больших и внезапных вариаций). У меня, конечно, нет возражений против этого, действительно, это было бы большим подспорьем, но я не касаюсь этого предмета, поскольку после долгих трудов я не смог найти ничего, что удовлетворяло бы меня относительно вероятности подобных происшествий. Мне кажется, почти в каждом случае в каждой структуре слишком много, слишком сложных и слишком красивых приспособлений, чтобы верить в их

внезапное появление. Я упоминал о такой возможности в разделе "Семена с красивыми крючками". Монстры склонны быть стерильными или НЕ передавать чудовищных особенностей. Взгляните на тонкость градаций в оболочках последовательных ПОДЭТАПОВ одной и той же великой формации; я мог бы привести много других соображений, которые заставили меня усомниться в такой точке зрения. Это, несомненно, в определенной степени справедливо и для домашнего производства, где человек сохраняет некоторые резкие изменения в структуре. Меня позабавило, что сэра Р. Мерчисона цитируют как знатока родства животных, и меня бросило в дрожь, когда я услышал, как кто-то рассуждает о том, что от настоящего ракообразного произошла настоящая рыба! (Parson's, лок. цит. по. на странице 5, говоря о птерихтисе и цефаласписе, говорится: "Не слишком ли сложно сделать вывод из этих фактов, что любое из этих животных, если оно ракообразное, было настолько близко к рыбе, что часть его яйцеклеток могла стать рыбой; или, если оно само рыба, было настолько близко к ракообразному, что могло родиться из яйцеклетки ракообразного?")

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 1 сентября [1860].

Мой дорогой Лайель,

Я был очень заинтересован вашим письмом от 28-го, полученным сегодня утром. Оно ПРИВЕЛО меня в ВОСТОРГ, потому что демонстрирует, что в последнее время вы много думали о естественном отборе. Мало что удивило меня больше, чем скудость новых для меня возражений и трудностей в опубликованных обзорах. Ваши замечания иного характера и новы для меня. Я пробежусь по ним и приведу несколько доводов, которые придут мне в голову.

Я предположил возможность того, что Галапагосские острова были ПОСТОЯННО присоединены к Америке, просто из раболепия перед многими, кто верит в доктрину Форбса, и не видел опасности признания того, что в таком случае там выживут мелкие млекопитающие. Случай с Галапагосскими островами, основанный на некоторых фактах о прибрежных морских раковинах (а именно. Тихий океан и прибрежные виды Южной Америки), на самом деле убедил меня больше, чем в любом другом случае с другими островами, что Галапагосские острова никогда не были постоянно соединены с материком; это было просто низменное раболепие и ужас перед Хукером и Компанией.

Что касается атоллов, я думаю, млекопитающие вряд ли выжили бы ОЧЕНЬ ДОЛГО, даже если бы основные острова (поскольку, как я уже говорил в Книге о кораллах, очертания групп атоллов не похожи на бывший КОНТИНЕНТ) были заселены млекопитающими из-за чрезвычайно маленькой площади, очень специфических условий и вероятности того, что во время оседания все или почти все атоллы были разрушены и затоплены морем много раз за время их существования как атоллов.

Я не могу представить, чтобы какая-либо существующая рептилия превратилась в млекопитающее. Исходя из гомологий, я должен считать несомненным, что все млекопитающие произошли от какого-то одного прародителя. Какова была его природа, предположить невозможно. Вероятно, больше похоже на орниторинха или ехидну, чем на любую другую известную форму; поскольку эти животные сочетают в себе черты рептилии (и в

меньшей степени птицы) с млекопитающими. Мы должны представить себе некую промежуточную форму, какой сейчас является Лепидосирен, между рептилиями и рыбами, между млекопитающими и птицами, с одной стороны (поскольку они дольше сохраняют один и тот же эмбриологический признак), и рептилиями, с другой стороны. Что касается млекопитающего, которое не было развито ни на одном острове, то, помимо нехватки времени для столь поразительного развития, на острове должен был появиться необходимый и своеобразный прародитель, обладающий признаками, подобными эмбриону млекопитающего, а не УЖЕ РАЗВИВШЕЙСЯ рептилии, птице или рыбе.

Мы могли бы передать птице повадки млекопитающего, но наследование почти навечно сохранило бы часть птицеподобной структуры и не позволило бы новому существу быть причисленным к настоящим млекопитающим.

Я часто размышлял о древности островов, но не с вашей точностью и вообще не с точки зрения Естественного отбора, КОТОРЫЙ НЕ сделал того, что можно было бы ожидать. Аргумент о прибрежных миоценовых раковинах на Канарских островах для меня новый. Я был глубоко впечатлен (из-за величины денудации) древностью острова Святой Елены, и его возраст согласуется с особенностями флоры. Что касается летучих мышей в Новой Зеландии (примечание: на Мадейре обитают две или три европейские летучие мыши и, я думаю, на Канарских островах), которые не дали начало группе летучих мышей, не летающих по воздуху, то это, как вы понимаете, удивительно; особенно потому, что род летучих мышей в Новой Зеландии очень своеобразен, и поэтому, вероятно, был интродуцирован давно, и теперь там говорят о меловых окаменелостях. Но должен быть показан первый необходимый шаг, а именно, когда летучая мышь садится кормиться на землю или вообще где угодно, кроме как в воздухе. Я должен признаться, что мне известен один-единственный подобный факт, а именно. Индийский вид убивает лягушек. Заметьте, что в моем случае с несчастным Белым Медведем я действительно показываю первый шаг, с помощью которого превращение в кита "было бы легким", "не представляло бы никаких трудностей"! Так же и с тюленями, я не знаю ни одного факта, свидетельствующего о какой-либо хотя бы зарождающейся вариации тюленей, питающихся на берегу. Более того, тюлени много кочуют; я тщетно искал и не смог найти ни ОДНОГО случая обитания какого-либо вида тюленей, обитающего на каких-либо островах. И, следовательно, странники были бы склонны пересекаться с особями, претерпевающими какие-либо изменения на острове, как в случае с наземными птицами Мадейры и Бермудских островов. То же замечание применимо даже к летучим мышам, поскольку они часто прилетают на Бермуды с материка, хотя находятся примерно в 600 милях от него. Что касается *Amblyrhynchus* с Галапагосских островов, то из того, что морские привычки ящеров столь редки, а наземные виды ограничены несколькими центральными островками, можно сделать вероятный вывод, что его прародитель впервые прибыл на Галапагосские острова; из какой страны сказать невозможно, поскольку его родство, я полагаю, не очень ясно ни с одним известным видом. Потомство наземных видов, вероятно, превратилось в морских обитателей. В данном случае я не претендую на то, что могу продемонстрировать вариативность привычек; но у наземных видов есть растительный корм (что само по себе довольно необычно), в основном питающийся ЛИШАЙНИКАМИ, и для его потомства не было бы большой перемены питаться сначала прибрежными, а затем подводными водорослями. Я сказал все, что мог в защите, но у вас хорошая линия атаки. Мы должны, однако, всегда помнить, что никакие изменения никогда не произойдут до тех пор, пока изменение привычек или структуры или того и другого СЛУЧАЙНО не произойдет в нужном направлении, чтобы дать рассматриваемому организму

преимущество перед другими, уже укоренившимися обитателями суши или воды, и это может длиться в любом конкретном случае неопределенно долго. Я очень рад, что вы прочтете "Мои собаки", поскольку для меня будет важно узнать, что вы думаете о балансе доказательств. После долгих размышлений о предмете часто бывает трудно судить. С искренней благодарностью за ваше интереснейшее письмо. Прощайте.

Мой дорогой старый учитель Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 2 сентября [1860].

Моя дорогая Проститутка,

Я поражен вашими новостями, полученными сегодня утром. Я стал таким старым чудачком, что поражаюсь вашему настрою. Ради Бога, не иди и не дай перерезать себе горло. Благослови мою душу, я думаю, ты, должно быть, немного не в себе. Должен признаться, это будет в высшей степени интересная экскурсия; и, если вы доберетесь до вершины Ливана, я полагаю, чрезвычайно интересная — вам следовало бы собрать там каких-нибудь жуков под камнями; но энтомологи такие медлительные тренеры. Осмелюсь сказать, что от них нельзя было добиться никакого результата. [Они] никогда не работали в альпах Британии.

Если вам попадутся соленые озера, обратите внимание на их мельчайшую флору и фауну; я часто удивлялся, как мало этому уделялось внимания.

Я получил длинное письмо от Лайелла, который выдвигает изобретательные трудности в противовес Естественному отбору, потому что он не сделал больше, чем сделал. Это очень хорошо, поскольку показывает, что он полностью овладел предметом; и показывает, что он настроен серьезно. В целом очень поразительное письмо, и оно радует мое сердце.

... Как я буду скучать по вам, мои лучшие и добрейшие друзья. Да благословит вас Бог.

Всегда с любовью твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 10 сентября [1860].

... Вы устанете от моих похвал, но это (доктор Грей в "Атлантик Мансли" за июль 1860 г.) действительно кажется мне превосходно аргументированным и так хорошо и приятно написанным. Ваши многочисленные метафоры неподражаемо хороши. В предыдущем письме я сказал, что вы юрист, но допустил грубую ошибку, я уверен, что вы поэт. Нет, клянусь Юпитером, я скажу тебе, кто ты такой - гибрид, сложная помесь юриста, поэта, естествоиспытателя и теолога! Видели ли когда-нибудь раньше такое чудовище?

Я только что просмотрел те отрывки, которые я отметил как кажущиеся мне особенно хорошими, но я вижу, что их слишком много, чтобы уточнять, и это не преувеличение. Мой взгляд останавливается на удачном сравнении цветов призмы и наших искусственных групп. Я вижу одну маленькую ошибку, связанную с ископаемым СКОТОМ в Южной Америке.

Любопытно, что каждый из них, я полагаю, взвешивает аргументы на разных весах: эмбриология, на мой взгляд, является самым убедительным источником фактов в пользу изменения форм, и ни один, я думаю, из моих рецензентов не упомянул об этом. Изменчивость, возникающая не в очень раннем возрасте и наследуемая в не очень ранний соответствующий период, объясняет, как мне кажется, величайший из всех фактов естественной истории или, скорее, зоологии, а именно: сходство с эмбрионами.

[Доктор Грей написал три статьи в "Atlantic monthly" за июль, август и октябрь, которые были переизданы в виде брошюры в 1861 году и теперь составляют главу iii. в "Дарвиниане" (1876) под заголовком "Естественный отбор не противоречит естественной теологии".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ Дауну, 12 сентября [1860].

Мой дорогой Лайель,

Мне и в голову не приходило показывать ваше письмо кому бы то ни было. Я упомянул в письме Хукеру, что меня очень заинтересовало ваше письмо с первоначальными возражениями, основанными главным образом на том, что Естественный отбор сделал не так много, как можно было ожидать... В вашем только что полученном письме, вы улучшили свою аргументацию в сравнении с Естественным отбором; и это вызвало бы общественный резонанс (не поддавайтесь искушению его новизны сделать его слишком сильным); и все же, как мне кажется, на самом деле это не очень убийственно, хотя я не могу ответить на ваш вопрос, особенно на вопрос, почему грызуны не достигли высокого уровня развития в Австралии. Вы должны предположить, что они населяли Австралию в течение очень длительного периода, и это может быть так, а может и не быть. Но я чувствую, что наше невежество относительно того, почему одна форма сохраняется почти с той же структурой, или развивается в организации, или даже деградирует, или вымирает, настолько глубоко, что я не могу придавать большого значения этой трудности. Затем, как вы часто говорите в своем письме, мы не знаем, сколько геологических эпох могло потребоваться, чтобы добиться какого-либо значительного прогресса в организации. Вспомните обезьян в эоценовых формациях: но я признаю, что вы выдвинули превосходное возражение и затруднение, и я могу дать только неудовлетворительные и довольно расплывчатые ответы, такие, какие вы сами дали; однако вы вряд ли придадите достаточно значения абсолютной необходимости изменений, сначала возникающих в правильном направлении, особенно когда тюлени начинают кормиться на берегу.

Я полностью согласен с тем, что вы говорите о том, что модифицируется только один вид из многих. Я помню, что это сильно поразило меня при составлении таблиц разновидностей растений, и у меня где-то была дискуссия по этому вопросу. В моих идеях классификации и дивергенции абсолютно подразумевается, что только один или два вида, даже из крупных родов, дают начало новым видам; и многие целые роды ПОЛНОСТЬЮ вымирают... Пожалуйста, смотрите страницу 341 "Происхождения". Но я не могу вспомнить, чтобы я указывал в "Происхождении" тот факт, что только очень немногие виды в каждом роде различаются. В своем письме вы гораздо лучше описали этот вид. Вместо того чтобы говорить, как я часто делаю, что очень немногие виды изменяются одновременно, я должен был бы сказать, что очень немногие виды рода КОГДА-ЛИБО изменяются настолько, чтобы стать

модифицированными; ибо это фундаментальное объяснение классификации, и оно показано на моей выгравированной диаграмме ...

Я совершенно согласен с вами относительно странного и необъяснимого факта сохранения *Ornithorhynchus* и австралийской тригонии, или силурийского язычка. Я всегда повторяю себе, что мы вряд ли знаем, почему какой-то один вид является редким или распространенным в самых известных странах. У меня где-то есть подборка заметок об обитателях пресной воды; и удивительно, как много среди них древних или промежуточных форм; что, я думаю, объясняется тем, что конкуренция была менее суровой, а скорость изменения органических форм была медленнее на небольших ограниченных территориях, таких, какие составляют все пресные воды по сравнению с морем или сушей.

Я вижу, что на последней странице вы упоминаете в качестве трудности, что сумчатые не стали плацентарными в Австралии; но этого, я думаю, вы вообще не имеете права ожидать; ибо мы должны рассматривать сумчатых и плацентарных как произошедших от какой-то промежуточной и низшей формы. Аргумент о том, что грызуны не получили высокого развития в Австралии (предположим, что они там существовали долгое время), гораздо сильнее. Мне грустно видеть, что вы намекаете на создание "отдельных последовательных типов, а также определенного числа отдельных аборигенных типов". Помните, если вы признаете это, вы отказываетесь от эмбриологического аргумента (САМОГО ВЕСОМОГО ИЗ ВСЕХ ДЛЯ МЕНЯ) и морфологического или гомологического аргумента. Ты перерезал мне горло и свое собственное горло; и я верю, что будешь жить, чтобы пожалеть об этом. Вот и весь вид.

Поразительный отрывок, который скопировала Э., был написан вами собственными руками!! в записке мне, много лет назад, которую она скопировала и отправила мадам. Сисмонди; а недавно моя тетя, разбирая свои письма, нашла письма Э. и вернула их ей... В последнее время я позорно бездельничал, то есть наблюдал (*Drosera*) вместо того, чтобы писать, и насколько наблюдение доставляет удовольствие больше, чем письмо.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Парад морской пехоты 15-го числа, Истборн, воскресенье [23 сентября 1860 г.].

Мой дорогой Лайель,

Я получил твое письмо от 18-го, как раз перед тем, как отправиться сюда. Ты говоришь, что избавляешь меня от хлопот с ответом. Никогда не думай об этом, потому что я смотрю на каждое твое письмо как на честь и удовольствие, что намного больше, чем я могу сказать о некоторых письмах, которые я получаю. Теперь у меня есть одна из 13 ТЩАТЕЛЬНО ИСПИСАННЫХ СТРАНИЦ ФОЛИАНТА, чтобы ответить на вопрос о видах! ...

У меня есть совершенно твердое мнение, что все млекопитающие, должно быть, произошли от ОДНОГО родителя. Подумайте о множестве деталей, очень многие из которых имеют крайне малое значение для их привычек (например, количество костей головы и т.д., волосяной покров, идентичное эмбриологическое развитие и т.д. и т.п.). Теперь я должен рассматривать это большое сходство как несомненное следствие наследования от общего предка. Я знаю, что

имеют место некоторые случаи, когда подобный или почти аналогичный орган был приобретен в результате независимых актов естественного отбора. Но в большинстве таких случаев у этих, по-видимому, столь сходных органов может быть обнаружено какое-то важное гомологическое различие. Пожалуйста, прочтите страницу 193, начинающуюся словами "Электрические органы", и поверьте мне, что предложение "Во всех этих случаях двух совершенно разных видов" и т.д. и т.п. не было вставлено опрометчиво, поскольку я тщательно изучал каждый случай. Примените этот аргумент ко всей системе, внутренней и внешней, маммиферов, и вы поймете, почему я так твердо убежден в том, что все они произошли от одного прародителя. Я только что перечитал ваше письмо и не совсем уверен, что понимаю вашу точку зрения.

Прилагаю две диаграммы, показывающие, каким образом, по моему ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ, развились млекопитающие. Я немного подумал над этим, когда писал страницу 429, начинающуюся словами "Мистер Уотерхауз". (Пожалуйста, прочтите абзац.) У меня недостаточно знаний, чтобы выбирать между этими двумя диаграммами. Если мозг сумчатых в эмбриональном состоянии близко напоминает мозг плацентарных, я бы решительно предпочел № 2, и это согласуется с древностью микролестей. Как общее правило, я бы предпочел диаграмму № 1; продолжали ли сумчатые развиваться или повышаться в ранге с самого раннего периода, будет зависеть от обстоятельств, слишком сложных, чтобы даже строить предположения. Язычок не поднимался со времен силурийской эпохи, тогда как другие моллюски, возможно, поднялись.

Здесь показаны две диаграммы.

Диаграмма I.

A - Млекопитающие, не настоящие сумчатые и не настоящие плацентарные. - 2 ветви - Ветвь I, Истинно Плацентарная, от которой ответвляются грызуны, насекомоядные, ветвь, заканчивающаяся у жвачных и толстокожих, Canidae и заканчивающаяся у Quadrumana. - Ветвь II, настоящие сумчатые, от которой от семейства кенгуровых ответвляется безымянная ветвь, заканчивающаяся на 2 безымянных ветви и заканчивающаяся в семействе Didelphys.

Диаграмма II.

A - Настоящие сумчатые, слабо развитые. - Настоящие сумчатые, высокоразвитые. - 2 ветви - Ветвь I, плацентарные, от которой отходят грызуны, насекомоядные, ветвь, заканчивающаяся у жвачных и толстокожих, Canidae и заканчивающаяся у Quadrumana. - Ветвь II, настоящие сумчатые, разделяющаяся на две ветви, заканчивающиеся семейством кенгуровых (с двумя безымянными ветвями) и семейством Didelphys.

A на двух диаграммах представляет неизвестную форму, вероятно, промежуточную между млекопитающими, Рептилиями и Птицами, такую же промежуточную, какой сейчас является Лепидосирен между Рыбами и батрахиями. Эта неизвестная форма, вероятно, более тесно связана с Ornithorhynchus, чем с любой другой известной формой.

Я не думаю, что множественное происхождение собак противоречит единому происхождению человека... Все человеческие расы настолько бесконечно ближе друг к другу, чем к какой-либо обезьяне, что (как и в случае происхождения всех млекопитающих от одного предка) я должен рассматривать все человеческие расы как безусловно произошедшие от одного родителя. Я бы считал вероятным, что человеческие расы раньше были менее многочисленными и менее

дивергентными, чем сейчас, если, конечно, не вымерла какая-нибудь низшая и более аберрантная раса, чем даже готтентоты. Предположим, как я, например, полагаю, что наши собаки произошли от двух или трех волков, шакалов и т.д., Однако они, на НАШ ВЗГЛЯД, произошли от одного отдаленного неизвестного предка. В случае с домашними собаками вопрос просто заключается в том, возникли ли все различия с тех пор, как человек одомашнил один вид; или же часть различий возникает в естественном состоянии. Агассис и Ко. считают, что негр и европеоид в настоящее время являются отдельными видами, и это просто напрасная дискуссия о том, заслуживали ли бы они, исходя из этого стандарта специфической ценности, называться видами, когда они были менее различимы.

Я согласен с вашим ответом, который вы даете себе по этому вопросу; и сравнение человека, который сейчас подавляет любого нового человека, который мог бы быть развит, кажется мне хорошим и новым. Белый человек "исчезает с лица земли", даже расы, почти равные ему. Что касается островов, я думаю, я бы доверился нехватке времени наедине с собой, а не летучим мышам и грызунам.

Примечание. Я не знаю ни одного грызуна на океанических островах (за исключением моей Галапагосской мыши, которая, ВОЗМОЖНО, была завезена человеком), который сдерживал бы развитие других классов. Еще больший вес я бы придал тому, что в настоящее время ни на островах, ни где-либо еще [каких-либо] известных животных промежуточного уровня организации между млекопитающими, рыбами, рептилиями и т.д., из которых могло бы развиться новое млекопитающее, не существует. Если бы все позвоночные были уничтожены во всем мире, за исключением наших НЫНЕ ХОРОШО ЗАРЕКОМЕНДОВАВШИХ себя рептилий, могли бы пройти миллионы веков, прежде чем рептилии смогли бы стать высокоразвитыми на уровне, равном млекопитающим; и, по принципу наследования, они образовали бы какой-то совершенно НОВЫЙ КЛАСС, а не млекопитающих; хотя, ВОЗМОЖНО, и более интеллектуальный! У меня и в мыслях не было, что вам понравится это письмо, настолько оно умузрительное.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 26 сентября [1860].

... Я получил письмо объемом в четырнадцать страниц от Харви против моей книги с некоторыми остроумными и новыми замечаниями; но поразительно, что он вообще не понимает, что я подразумеваю под Естественным отбором. Я умолял его прочитать Диалог в следующем "Силлимане", поскольку вы никогда не касаетесь темы, не прояснив ее. Я считаю еще более необычным то, что вы никогда не произносите ни слова и не используете эпитет, который не выражает полностью мой смысл. Лайелл, Хукер и другие, которые прекрасно понимают мою книгу, все же иногда используют выражения, против которых я возражаю. Что ж, ваш экстраординарный труд окончен; если в моем взгляде есть хоть доля правды, я вполне уверен, что ваш великий труд не пропал даром...

Я все же надеюсь и почти верю, что придет время, когда вы пойдете дальше, веря в очень большое количество модификаций видов, чем вы верили сначала или верите сейчас. Можете ли вы сказать мне, верите ли вы дальше или тверже, чем вначале? Мне действительно хотелось бы

это знать. Из моей обширной переписки с Лайеллом, который поначалу многим возражал, я могу понять, что он, возможно, бессознательно для самого себя, очень сильно изменился за последние шесть месяцев, и я думаю, что так обстоит дело даже с Хукером. Этот факт вселяет в меня гораздо больше уверенности, чем любой другой факт.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. Лайеллу. Парад морской пехоты 15-го числа, Истборн, вечер пятницы [28 сентября 1860 г.].

... Я очень рад слышать, что немцы читают мою книгу. Никто не обратится, если самостоятельно не начал сомневаться в отношении биологических видов. Это не Крон (К августу есть две статьи. Крон, один о цементных железках, а другой о развитии усконогих, "Архив Вигмана", xxv. и xxvi. Мой отец заметил, что он "ужасно ошибся с цементными железками", "Автобиография".) Хороший парень? Я давно собирался написать ему. Он работал с усконогими и обнаружил две или три гигантские ошибки, ... о которых, слава Богу, я говорил довольно неуверенно. Такое сложное препарирование, что даже Хаксли потерпел неудачу. В основном неверна интерпретация, которую я придаю отдельным частям, а не тем частям, которые я описываю. Но это были гигантские ошибки, и я говорю все это потому, что Крон, вместо того чтобы ликовать, указал на мои ошибки с предельной мягкостью и приятностью. Я всегда хотел написать ему и поблагодарить его. Я полагаю, доктор Крон из Бонна смог бы связаться с ним.

Я пока не вижу, как множественное происхождение собаки может быть должным образом приведено в качестве аргумента в пользу множественного происхождения человека. Не является ли ваше чувство остатком глубоко запечатленного в наших умах представления о том, что вид - это сущность, нечто совершенно отличное от разновидности? Разве случай с собакой не подрывает аргумент о фертильности, так что один из основных аргументов о том, что человеческие расы являются разновидностями, а не видами, то есть потому, что они фертильны сами по себе, значительно ослаблен?

Я вполне согласен с тем, что говорит Хукер, что любые вариации возможны в культуре, ВОЗМОЖНЫ и в природе; не то чтобы одна и та же форма когда-либо накапливалась и достигалась путем отбора для удовольствия человека и путем естественного отбора для собственного блага организма.

Говоря о "естественном отборе", если бы мне пришлось начинать все заново, я бы использовал "естественное сохранение". Ибо я нахожу, что такие люди, как Харви из Дублина, не могут понять меня, хотя он прочитал книгу дважды. Доктор Грей из Британского музея заметил мне, что "ОТБОР растений был, очевидно, невозможен! Никто не мог объяснить ему, как это могло быть возможно!" И теперь он может добавить, что автор не пытался сделать это с ним!

Всегда с любовью твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Парад морской пехоты 15-го числа, Истборн, 8 октября [1860].

Мой дорогой Лайель,

Я посылаю перевод [на английский] Бронна (MS. перевод главы возражений Бронна в конце его немецкого перевода "Происхождения видов".), первая часть главы с обобщениями и похвалами не переведена. Есть несколько хороших совпадений. Он выдвигает против меня очевидные и отчасти правдивые доводы, говорит, что я не могу объяснить, почему у одной крысы хвост длиннее, а у другой уши длиннее и т.д. Но он, по-видимому, ошибается, предполагая, что эти части не изменялись все вместе или одна часть не настолько незаметно предшествовала другой, чтобы быть фактически одновременной. Я мог бы спросить креациониста, считает ли он эти различия у двух крыс полезными или они находятся в какой-то связи с законами роста; и если он признает это, в игру может вступить отбор. Тот, кто думает, что Бог создал животных не просто для спорта или разнообразия, как человек создает свою одежду, не признает никакой силы в моем аргументе *ad hominem*.

Бронн ошибается по поводу моего предположения о нескольких ледниковых периодах, независимо от того, происходили они когда-либо или нет.

Он ошибается по поводу моего предположения, что развитие идет одинаковыми темпами во всех частях света. Я предполагаю, что он неправильно понял это, исходя из предполагаемой миграции во все регионы наиболее доминирующих форм.

Я заказал книгу доктора Бри ("Виды, не подлежащие преобразованию" К.Р. Бри, 1860 г.) и одолжу ее вам, если хотите, и если она окажется хорошей.

... Я очень рад, что неправильно понял вас насчет того, что виды не обладают способностью изменяться, хотя на самом деле лишь немногие из них дают начало новым видам. Кажется, я очень склонен неправильно понимать вас; полагаю, я всегда напрашиваюсь на возражения. Ваш случай с краснокожим индейцем показывает мне, что мы полностью согласны ...

Вчера я получил письмо от Туэйтса с Цейлона, который был настроен против меня. Теперь он говорит: "Я нахожу, что чем больше я знакомлюсь с вашими взглядами на различные явления природы, тем больше они мне нравятся".

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.М. РОДВЕЛЛУ. (Преподобный Дж.М. Родуэлл, который учился в Кембридже вместе с моим отцом, помнит, как он сказал: "Меня поражает, что все наши знания о строении нашей земли очень похожи на то, что старая курица знала бы о поле площадью в сто акров, в углу которого она что-то скребет".) Морской парад, 15, Истборн. 5 ноября [1860].

Мой дорогой сэр,

Я чрезвычайно признателен вам за ваше письмо, которое я могу сравнить только со сливовым пудингом, настолько оно полно вкусов. Я опрометчиво высказался о кошках ("Кошки с голубыми глазами неизменно глухи", "Происхождение видов", издание i, стр. 12): и все же я говорил о том, что казалось мне хорошимавторитетом. Преподобный У.Д. Фокс дал мне список случаев с различными иностранными породами, в которых он наблюдал корреляцию, и в течение многих лет тщетно искал исключение. Французская газета также приводит многочисленные случаи, и один очень любопытный случай с котенком, который ПОСТЕПЕННО

утратил голубой цвет глаз и так же постепенно обрел способность слышать. Я не слышал о деле вашего дяди, мистера Кирби (Уильям Кирби, соавтор со Спенсом хорошо известного "Введения в энтомологию", 1818 г.) (которого я, сколько себя помню, почитал) о бережном отношении к разведению кошек. Я не знаю, приходился ли мистер Кирби вашим дядей по мужу, но ваши письма показывают мне, что в ваших жилах должна течь кровь кирби и что, если бы вы не увлеклись языками, вы были бы первоклассным натуралистом.

Я искренне надеюсь, что вы сможете осуществить свое намерение написать о "Рождении, жизни и смерти слов". Как бы то ни было, у вас заглавие с большой буквы, и некоторые считают, что это самая сложная часть книги. Я помню, как много лет назад на мысе Доброй Надежды сэра Дж. Гершель сказал мне: "Я бы хотел, чтобы кто-нибудь относился к языку так, как Лайель относился к геологии". Каким лингвистом нужно быть, чтобы переводить Коран! У меня отвратительно плохо с языками, и я испытываю ужасное уважение к лингвистам.

Я не знаю, подойдет ли вам "Этимологический словарь" моего шурина Хенсли Веджвуда; но он кратко излагает происхождение слов; и, как мне кажется, очень остроумно. Вы любезно сказали, что готовы сообщить любые факты, которые могут прийти вам в голову, и я уверен, что был бы вам очень благодарен. Из множества писем, которые я получаю, ни одно из тысячи не сравнится по ценности с вашим.

С моей сердечной благодарностью и извинениями за это неряшливое письмо, написанное в спешке, прошу вас, поверьте мне, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. 20 ноября [1860].

... У меня еще не хватило духу прочитать Филлипса ("Жизнь на Земле") или потрясающе длинную враждебную рецензию профессора Боуэна в 4-м номере Американской академии наук. ("Замечания о новейшей форме теории развития". Фрэнсиса Боуэна, профессора естественной религии и моральной философии Гарвардского университета. "Американская академия искусств и наук", том. viii.) (Кстати, я слышал, что Агассис собирается разразиться гром против меня в следующей части "Пожертвований".) Спасибо, что рассказали мне о продаже "Origin", о которой я ничего не слышал. Я полагаю, что через некоторое время выйдет новое издание, и мне особенно нужен ваш совет по одному пункту, и вы знаете, я считаю вас мудрейшим из людей, и я буду ПОЛНОСТЬЮ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ВАШИМИ СОВЕТАМИ. Мне пришло в голову, что, возможно, было бы неплохо поместить набор примечаний (примерно двадцать-сорок или пятьдесят) к "Происхождению", которого сейчас нет ни одного, посвященных исключительно ошибкам моих рецензентов. Мне пришло в голову, что там, где ошибся рецензент, может ошибиться и обычный читатель. Во-вторых, это покажет читателю, что он не должен безоговорочно доверять рецензентам. В-третьих, когда какой-либо особый факт подвергается нападкам, я хотел бы защитить его. Я бы не стал высказывать никакого гнева. Я прилагаю всего лишь грубый образец, сделанный без какой-либо тщательности или точности - сделанный только по памяти — для того, чтобы его разорвали, просто чтобы показать, что именно пришло мне в голову. НЕ ОКАЖЕТЕ ЛИ ВЫ МНЕ БОЛЬШУЮ ЛЮБЕЗНОСТЬ ХОРОШЕНЬКО ОБДУМАТЬ ЭТО?

Мне кажется, это произвело бы хороший эффект и придало бы читателю некоторую уверенность. Было бы ужасно скучно просматривать все отзывы.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Далее следуют образцы примечаний, ссылки на том и страницу оставлены пустыми. Будет видно, что в некоторых случаях он, по-видимому, забывал, что делал примечания, и продолжал, как будто писал Лайеллю:

* Доктор Бри утверждает, что я объясняю структуру ячеек Пчелиного улья "взорванной доктриной давления". Но я не говорю ни одного слова, которое прямо или косвенно могло бы быть истолковано как ссылка на давление.

* Рецензент "Эдинбург" цитирует мою работу, в которой говорится, что "спинные позвонки голубей различаются по количеству, и оспаривает этот факт". Я нигде даже не упоминаю спинные позвонки, только крестцовые и хвостовые.

* Рецензент журнала "Эдинбург" сомневается в том, что эти органы являются жабрами усоногих. Но профессор Оуэн в 1854 году без колебаний признал, что это бранхии, как и Джон Хантер давным-давно.

* Сбивчивый расчет Уилдена следует вычеркнуть и вставить примечание о том, что я убежден в его неточности на основании рецензии в "Saturday Review" и от Филлипса, поскольку я вижу в его оглавлении, что он ссылается на это.

*Мистер Хопкинс ("Фрейзер") утверждает — я цитирую только по смутной памяти, — что "Я аргументирую свои взгляды крайним несовершенством геологической летописи", и говорит, что это первый случай в истории науки, когда он когда-либо слышал, чтобы в качестве аргумента приводилось невежество. Но я неоднократно признаю, самым решительным языком, который я могу использовать, что несовершенные свидетельства, которые предлагает геология в отношении переходных форм, самым решительным образом противоречат моим взглядам. Несомненно, существует большая разница в полном признании возражения, а затем в попытке показать, что оно не такое сильное, как кажется на первый взгляд, и в утверждении мистера Хопкинса о том, что я нашел свой аргумент на основании Возражения.

* Я бы также сделал примечание к "Естественному отбору" и показал, насколько по-разному его понимали.

* Автор статьи в "Эдинбургском философском журнале" опровергает мое утверждение о том, что Дятел из Ла-Платы никогда не бывает на деревьях. Я наблюдал за его повадками в течение двух лет, но, что более важно, Азара, точность которой все признают, более категорична, чем я, в отношении того, что он никогда не посещает деревья. Мистер А. Мюррей отрицает, что его следует называть дятлом; у него два пальца спереди и два сзади, заостренные перья на хвосте, длинный заостренный язык и та же общая форма тела, та же манера полета, окраска и голос. До недавнего времени он был отнесен к тому же роду —*Picus* - со всеми другими дятлами, но теперь выделен в отдельный род среди *Picidae*. Он отличается от типичного пикуса только клювом, который не такой сильный, и слегка изогнутой верхней челюстью. Я думаю, что эти факты полностью подтверждают мое утверждение о том, что это "во всех существенных частях своей организации" настоящий Дятел.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 22 ноября [1860].

Мой дорогой Хаксли,

Ради бога, не пишите антидарвинистскую статью; вы бы сделали это чертовски хорошо. Иногда я развлекал себя размышлениями о том, как бы мне лучше всего погрузиться в себя, и я думаю, что смог бы сделать два или три хороших рывка; но я увижу вас — сначала, прежде чем попытаюсь. Мне будет не терпиться увидеть рецензию. (Первый номер новой серии "Nat. Hist. Review" вышел в 1861 году.) Если это удастся, это действительно может принести много, очень много пользы ...

Сегодня я услышал от Мюррея, что должен немедленно приступить к работе над новым изданием (третьим изданием) "Происхождения". [Мюррей] говорит, что отзывы не улучшили продажи. Я всегда буду думать, что те ранние отзывы, почти полностью ваши, оказали субъекту ОГРОМНУЮ услугу. Если у вас есть какие-либо важные предложения или критические замечания по какой-либо части "Происхождения", я, конечно, был бы очень благодарен за [их]. Ибо я имею в виду исправить, насколько смогу, но не расширять. Как вы, должно быть, устали от этой темы и ненавидите ее, и это Божье благословение, если вы не возненавидите меня. Прощай.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 24 ноября [1860].

Мой дорогой Лайель,

Я очень благодарю вас за ваше письмо. Я получал удовольствие, размышляя, как мне лучше всего отругать своих рецензентов; но я был полон решимости, в любом случае, последовать вашему совету, и, еще не дочитав вашего письма до конца, убедился в мудрости вашего совета. ("Я медленно продвигаюсь к своему новому изданию. Я нахожу, что ваш совет был ПРЕВОСХОДНЫМ. Я могу ответить на все отзывы, без какого-либо прямого уведомления о них, путем небольшого расширения здесь и там, добавляя здесь и там новый абзац. Только к Бронну я отнесусь с уважением, указав его возражения с указанием его имени. Я думаю, что значительно улучшу свою книгу и добавлю всего около двадцати страниц".— Из письма Лайеллю, 4 декабря 1860 г.) Какое преимущество для меня иметь таких друзей, как вы. Я буду в точности следовать каждому намеку в вашем письме.

Я только что получил известие от Мюррея; он говорит, что продал 700 экземпляров на своей распродаже и что у него нет и половины необходимого количества; так что я должен приступить немедленно (К третьему изданию "Происхождения видов", опубликованному в апреле 1861 г.).

P.S.— Я должен сообщить вам один маленький факт, который меня порадовал. Возможно, вы помните, что я упоминаю электрические органы рыб как одну из величайших трудностей, с которыми мне приходилось сталкиваться, и— замечаю этот отрывок в исключительно неискреннем духе. Так вот, Макдоннелл из Дублина (первоклассный человек) пишет мне, что он считает сложность всего этого дела непреодолимой против меня. Рыбы, обладающие электрическими органами, не только очень далеки по масштабу, но и у одних этот орган

находится около головы, а у других - возле хвоста и снабжается совершенно разными нервами. Кажется невозможным, что мог произойти какой-либо переход. Какой-то друг, который сильно настроен против меня, кажется, ликовал над Макдоннеллом, который сообщает, что он сказал себе, что если Дарвин прав, то у других неэлектрических рыб должны быть гомологичные органы как возле головы, так и возле хвоста. Он принялся за работу, и, клянусь Юпитером, он нашел их! ("Об органе в коньке, который, по-видимому, является гомологом электрического органа торпеды", Р. Макдоннелл, Нац. История. Ревью, 1861, стр. 57.), так что некоторая трудность устранена; и разве это не удовлетворительно, что мои гипотетические представления должны были привести к прекрасным открытиям? Макдоннелл кажется очень осторожным; он говорит, что должны пройти годы, прежде чем он осмелится назвать себя сторонником моей доктрины, но что в тех предметах, которые он хорошо знает, а именно в морфологии и эмбриологии, мои взгляды хорошо согласуются и проливают свет на весь предмет.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 26 ноября 1860 года.

Мой дорогой Грей,

Я должен поблагодарить вас за два письма. Последнее с исправлениями написано до того, как вы получили мое письмо с просьбой о переиздании в АМЕРИКЕ и о том, что печатать ваши рецензии в виде памфлета было безнадежно из-за невозможности распространения памфлетов. Я очень рад сообщить, что августовская, или вторая, статья в "Атлантик" была перепечатана в "Анналах и журнале естественной истории", но я ее там не видел. Вчера я внимательно перечитал третью статью; и она, как и прежде, кажется мне ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ. Но с прискорбием должен сказать, что, честно говоря, я не могу зайти так далеко в дизайне, как вы. Я осознаю, что нахожусь в совершенно безнадежном замешательстве. Я не могу думать, что мир, каким мы его видим, является результатом случая; и все же я не могу смотреть на каждую отдельную вещь как на результат Замысла. Возьмем важнейший пример: вы подводите меня к выводу (стр. 414), что, по вашему мнению, "это изменение было направлено по определенным выгодным направлениям". Я не могу в это поверить; и я думаю, вам пришлось бы поверить, что хвост Веерохвоста был изменен по количеству и направлению перьев, чтобы удовлетворить каприз нескольких человек. И все же, если бы Веерохвост был дикой птицей и использовал свой ненормальный хвост для какой-то особой цели, например, для того, чтобы плыть по ветру, в отличие от других птиц, каждый сказал бы: "Какое красивое и продуманное приспособление". И снова я говорю, что нахожусь и всегда останусь в безнадежном замешательстве.

Большое вам спасибо за рецензию Боуэна 4то. ("Воспоминания Американской академии искусств и наук", том. viii.) Хладнокровие, с которым он объявляет всех животных лишенными разума, просто абсурдно. На странице 103 чудовищно, что он выступает против возможности накопительной вариации и фактически полностью исключает отбор! Вероятность того, что улучшенный короткорогий или улучшенный дутый голубь будет произведен в результате накопительной изменчивости без человеческого отбора, равна почти нулю; так же и с естественными видами без естественного отбора. Как великолепно в "Атлантике" вы показываете, что геология и астрономия, согласно Боуэну, являются метафизикой; но он опускает это в 4то. Мемуары.

Мне нечего вам рассказать о моей книге. Я только что услышал, что Дюбуа-Реймон согласен со мной. Продажа моей книги идет хорошо, и множество рецензий не остановили продажи...; поэтому я должен немедленно приступить к новому исправленному изданию. Я пришлю вам экземпляр на случай, если вы когда-нибудь перечитаете; но, Боже мой, как вам, должно быть, это надоело!

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 2 декабря [1860].

... Мне порядком надоели враждебные отзывы. Тем не менее, они оказались полезными, показав мне, когда стоит немного расширить тему и ввести несколько новых обсуждений. КОНЕЧНО, я пришлю вам экземпляр нового издания.

Я полностью согласен с вами, что трудности с моими представлениями огромны, но, увидев, что говорили против меня все рецензии, я гораздо больше уверен в ОБЩЕЙ истинности доктрины, чем имел раньше. Еще одна вещь придает мне уверенности, а именно. те, кто продвинулся со мной на полдюйма, теперь идут дальше, а те, кто был категорически против, теперь выступают менее категорично. И это заставляет меня чувствовать себя немного разочарованным из-за того, что вы не склонны считать общую точку зрения в какой-то степени более вероятной, чем вам казалось вначале. Я считаю это довольно зловещим. В противном случае я был бы более доволен степенью вашей веры. Я могу довольно ясно видеть, что, если моя точка зрения когда-нибудь и будет общепринятой, то только молодыми людьми, которые вырастут и заменят старых работников, а затем молодые обнаружат, что они могут группировать факты и искать новые направления исследования, лучше основываясь на понятии происхождения, чем на понятии сотворения. Но простите меня за то, что я продолжаю так эгоистично. Живя в таком одиночестве, как я, начинаешь глупо думать о собственной работе.

Всегда искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 11 декабря [1860].

... Сегодня утром я получил известие от А. Грея; по моему предложению он собирается перепечатать три статьи "Атлантик" в виде брошюры и отправить 250 экземпляров в Англию, за которые я намерен заплатить половину стоимости всего издания, а также раздам и попытаюсь продать, разместив несколько рекламных объявлений и, по возможности, уведомления в периодических изданиях.

... Дэвид Форбс тщательно изучал геологию Чили, и поскольку я ценю похвалу за точное наблюдение гораздо выше, чем за любое другое качество, простите (если можете) мое невыносимое тщеславие за копирование последнего предложения в его записке: "Я рассматриваю вашу монографию о Чили как, без исключения, один из лучших образцов геологических исследований". Я чувствую склонность расхаживать с важным видом, как индюк!

ГЛАВА 2.III. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ.

1861-1862.

[В начале 1861 года мой отец все еще держал в руках третью главу "Изменчивости животных и растений". Она была начата в августе прошлого года и закончена только в марте 1861 года. Однако часть этого времени (я полагаю, в декабре 1860-го и январе 1861 года) он был занят новым изданием (2000 экземпляров) "Происхождения", которое было в значительной степени исправлено и дополнено и было опубликовано в апреле 1861 года.

По поводу этого, третьего издания, он написал мистеру Мюррею в декабре 1860 года:—

"Я буду рад услышать, когда вы решите, сколько копий вы будете печатать — чем больше, тем лучше для меня во всех отношениях, насколько это совместимо с безопасностью; ибо я надеюсь, что никогда больше не буду вносить так много исправлений или, скорее, дополнений, которые я внес в надежде заставить моих многочисленных довольно глупых рецензентов хотя бы понять, что имеется в виду. Я надеюсь и думаю, что мне удастся значительно улучшить книгу".

Интересной особенностью нового издания стал "Исторический очерк недавнего развития мнений о происхождении видов" (Исторический очерк уже появлялся в первом немецком издании (1860 г.) и американском издании. Бронн утверждает в немецком издании (сноска, стр. 1), что это была его критика в "N. Jahrbuch fur Mineralogie", который натолкнул моего отца на идею такого наброска.), который теперь появился впервые и был продолжен в более поздних изданиях работы. Она несет на себе сильный отпечаток личного характера автора, выражающегося в очевидном желании воздать полную справедливость всем своим предшественникам, хотя даже в этом отношении она не избежала некоторой негативной критики.

Ближе к концу текущего года (1861) были завершены окончательные приготовления к первому французскому изданию "Происхождения", и в сентябре экземпляр третьего английского издания был отправлен в Mdlle. Клеманс Ройер, взявшаяся за перевод. В настоящее время книга распространялась по Континенту, вышло голландское издание, и, как мы видели, в 1860 году был опубликован немецкий перевод. В письме мистеру Мюррею (10 сентября 1861 г.) он писал: "Моя книга, кажется, привлекает большое внимание в Германии, судя по количеству присланных мне обсуждений". Молчание было нарушено, и через несколько лет голос немецкой науки должен был стать одним из самых решительных защитников эволюции.

В течение всего начала года (1861) он работал над массой деталей, которые по порядку изложены в первой главе "Животные и растения". Так, в его дневнике встречаются лаконичные записи: "16 мая - готовая домашняя птица (восемь недель); 31 мая - утки".

1 июля он вместе со своей семьей отправился в Торки, где оставался до 27 августа — отпуска, который он характерно отмечает в своем дневнике как "восемь недель и один день". Дом, который он занимал, находился в Хескет-Кресент, приятном ряду домов, расположенных близко к морю, несколько в стороне от того, что тогда было основной частью города, и недалеко от красивой скалистой береговой линии в окрестностях Энсти-Коув.

Во время каникул в Торки и до конца года он работал над оплодотворением орхидей. Эта часть 1861 года не рассматривается в настоящей главе, потому что (как объясняется в предисловии) отчет о его жизни, изложенный в его письмах, кажется, становится яснее, когда вся его ботаническая работа собрана воедино и рассматривается отдельно. Следовательно, настоящая серия глав будет включать только прогресс в его работах в направлении общего расширения "Происхождения видов" — например, публикацию "Животных и растений", "Происхождения человека" и т.д.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 15 января [1861].

Моя дорогая Проститутка,

Вид твоего почерка всегда радует до глубины души...

Я полностью согласен с тем, что вы говорите о статье Хаксли ("Natural History Review", 1861, стр. 67) "О зоологических отношениях человека с низшими животными". Источником этих мемуаров послужила дискуссия на предыдущем собрании Британской ассоциации, когда профессор Хаксли почувствовал себя "вынужденным привести диаметрально противоположное некоторым утверждениям о различиях, существующих между мозгом высших обезьян и человека, которые пришли от профессора Оуэна". Но для того, чтобы его критические замечания могли относиться к намеренно записанным словам, он основывает их на статье профессора Оуэна "О признаках и т.д. Класса Mammalia", прочитанной перед Линнеевским обществом в феврале и апреле 1857 года, в которой он предложил расположить людей не только в определенном порядке, но и в "отдельном высшем классе млекопитающих" - Archencephala.), и способности к письму... Обзор в целом кажется мне превосходным. Как великолепно Оливер составил резюме ботанических книг. Боже мой, как он, должно быть, начитался! ...

Я вполне согласен с тем, что Филлипс ("Жизнь на Земле" (1860) проф. Филлипса, содержащее содержание лекции Rede (май 1860 г.) нечитаемо скучно. Вам не нужно пробовать Врее. (Следующее предложение (стр. 16) из книги "Виды, не подлежащие преобразованию" доктора Бри иллюстрирует степень, в которой он понимал "Происхождение видов": "Единственное реальное различие между мистером Дарвином и двумя его предшественниками" [Ламарк и "Пережитки"] "заключается в том, что, хотя каждый из последних описал способ, с помощью которого, по их мнению, были вызваны великие изменения, мистер Дарвин ничего подобного не делает". После этого нам не нужно удивляться отрывку из предисловия: "В последние дни никто не получал большего удовольствия, чем я, от изучения других работ мистера Дарвина, и никто не испытывал большего сожаления о том, что он поставил под угрозу свою славу публикацией своего трактата "Происхождение видов""...).

Если вы наткнетесь на книгу доктора Фреке "Происхождение видов посредством органического сродства", прочтите страницы здесь и там... Он предлагает читателю заметить, [что его

результат] был получен путем "индукции", в то время как все мои результаты получены только по "анalogии". Я вижу, некий мистер Нил прочитал в Зоологическом обществе доклад о "Типичном отборе"; что это значит, я не знаю. Я не читал Х. Спенсера, потому что обнаружил, что должен все больше и больше бережно относиться к тем небольшим силам, которые у меня есть. Иногда я подозреваю, что вскоре полностью потерплю неудачу... Как только эта ужасная погода немного смягчится, я должен попробовать немного водного лечения. Вы читали "Женщину в белом"? сюжет удивительно интересный. Я могу порекомендовать книгу, которая меня очень заинтересовала, а именно. "Путешествие Олмстеда в глубинку". Это удивительно живая картина человека и рабства в Южных Штатах ...

ЧАРЛЬЗ Дарвин К. ЛАЙЕЛЛУ. 2 февраля 1861 г.

Мой дорогой Лайель,

Я подумал, что вы хотели бы прочитать прилагаемый отрывок из письма А. Грея (который печатает свои обзоры в виде брошюры ("Естественный отбор, не противоречащий естественной теологии", из "Atlantic Monthly" за июль, август и октябрь 1860 г.; опубликовано Трубнером.) и отправит копии в Англию), поскольку я думаю, что его отчет действительно в высокой степени благоприятен для нас: —

"Жаль, что у меня нет времени написать вам отчет о том, на что идут Боуэн и Агассис, каждый по-своему. Первый отрицает всякую наследственность (любую передачу, кроме специфической), какую бы то ни было. Второй приближается к отрицанию того, что мы генетически произошли от наших прапрадедов; и настаивает на том, что очевидно дочерние языки, например латынь, греческий, санскрит, не обязаны ни одним из своих сходств общности происхождения, все они автохтонны; Агассис признает, что происхождение языков и видов или форм зиждется на одном фундаменте, и что он должен допустить последнее, если допускает первое, что, как я ему говорю, совершенно логично".

Разве это не чудесно?

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 4 февраля [1861].

Моя дорогая Проститутка,

Я был рад получить ваше длинное разговорчивое письмо и услышать, что вы постепенно относитесь к науке. Я почти жалею, что вы подольше оставались замороженными; но не оттаивайте слишком быстро и сильно. Никто не может работать так долго, как вы раньше. Будьте праздны; но я хороший человек для проповеди, потому что я не могу быть праздным, как бы мне этого ни хотелось, и никогда не чувствую себя комфортно, кроме как на работе. Слово "праздник" написано для меня мертвым языком, и я очень скорблю по этому поводу. Мы искренне благодарим вас за ваше доброе сочувствие бедному Х. [его дочери]... Сейчас она достигла своего прежнего уровня и иногда может вставать на час или два дважды в день...

Никогда не заглядывать в будущее или как можно меньше заглядывать в него становится нашим жизненным правилом. Какой другой была жизнь в юности, когда не было страха перед будущим; одни золотые, хотя и беспочвенные надежды.

... Что касается "Natural History Review", я едва ли могу подумать, что дамы будут так уж чувствительны к "кишкам ящериц"; но издание в настоящее время, безусловно, представляет собой своего рода гибрид, и оригинальные иллюстрированные статьи вряд ли должны появляться в обзоре. Я сомневаюсь, что он когда-нибудь окупится, но я буду очень сожалеть, если он умрет. Все, что вы говорите, кажется очень разумным, но может ли рецензия в строгом смысле этого слова быть наполнена материалом для чтения?

Я мало что делал, разве что заканчивал новое издание "Происхождения" и очень медленно продвигался с моим томом "Вариации при одомашнивании"...

[Следующее письмо отсылает к статье м-ра Бейтса "Вклад в фауну насекомых долины Амазонки" в "Трудах энтомологического общества", том 5, N.S. (Статья была прочитана 24 ноября 1860 г.). М-р Бейтс указывает, что с возвращением после ледникового периода более теплого климата в экваториальных регионах "виды, обитавшие тогда вблизи экватора, отступали на север и юг к своим прежним местам обитания, оставляя некоторых из своих сородичей, которые впоследствии медленно видоизменялись... чтобы заново заселить зону, которую они покинули". В этом случае виды, обитающие сейчас на экваторе, должны демонстрировать четкое родство с видами, населяющими регионы около 25-й параллели, чьими дальними родственниками они, конечно же, являются. Но это не так, и именно на эту трудность ссылается мой отец. мистер Белт предложил объяснение в своей книге "Натуралист в Никарагуа" (1874), стр. 266. "Я полагаю, что ответ заключается в том, что во время ледникового периода произошло значительное истребление, что многие виды (и некоторые роды и т.д., как, например, американская лошадь) не пережили его... но для многих видов было найдено убежище на землях, которые сейчас находятся ниже уровня океана и которые были открыты в результате понижения уровня моря, вызванного огромным количеством воды, которая была заключена в замерзшие массы на суше".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 27 марта [1861 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я намеревался отправить вам статью Бейтса сегодня же. Я так рад, что она вам понравилась. Она меня чрезвычайно поразила. Как хорошо он аргументирует и с какой сокрушительной силой выступает против ледниковой доктрины. Я не могу выкрутиться из этого: я ошеломлен; и все же я верю, что когда-нибудь появится какое-то объяснение, и я не могу отказаться от экваториального похолодания. Это так много объясняет и так со многим гармонирует. Когда вы будете писать (и я буду очень заинтересован в вашем письме), пожалуйста, скажите, насколько флоры в целом однородны по родовому признаку от 0 до 25 градусов северной широты и южнее

Прежде чем прочитать Бейтса, я был совершенно недоволен тем, что написал вам. Я надеюсь, вы сможете уговорить Бейтса написать в "линнеевской книге".

Вот хорошая шутка: Х.К. Уотсон (который, я полагаю и надеюсь, собирается рецензировать новое издание (третье издание тиражом 2000 экземпляров, вышедшее в апреле 1861 г.) "Происхождения") говорит, что в первых четырех абзацах введения слова "Я", "мне", "мой" встречаются сорок три раза! Я смутно осознавал этот проклятый факт. Он говорит, что это можно объяснить френологически, что, я полагаю, вежливо означает, что я самый эгоистично самодостаточный человек на свете; возможно, так и есть. Интересно, напечатает ли он этот приятный факт; он превосходит пустые скобки в письме Волластона.

Я, МОЯ дорогая Проститутка, всегда твой, Ч. ДАРВИН.

P.S. — Не распространяйте эту приятную шутку; она, пожалуй, слишком едкая.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, [23 апреля]? [1861].

... Я вполне согласен с тем, что вы говорите о рецензии лейтенанта Хаттона (в "Геолог", 1861, стр. 132, написанной лейтенантом Фредериком Волластоном Хаттоном, ныне профессором биологии и геологии Кентерберийского колледжа, Новая Зеландия). (кто он, я не знаю); это показалось мне очень оригинальным. Он один из очень немногих, кто видит, что изменение видов не может быть непосредственно доказано и что доктрина должна утонуть или выплыть в зависимости от того, группирует она явления или объясняет их. Действительно любопытно, как мало кто судит об этом таким образом, и это явно правильный путь. Меня очень заинтересовала статья Бентама ("О видах и родах растений и т. Д.", "Natural History Review", 1861, стр. 133) в N.H.R., но она, конечно, не произвела бы на вас такого впечатления, как на меня, из-за знакомства. Мне понравилось все; все факты о природе близких и изменяющихся видов. Боже мой!подумать только, британские ботаники задирают носы и говорят, что он ничего не смыслит в британских растениях! Я также был доволен его замечаниями о классификации, потому что это показало мне, что я действительно писал на эту тему в "Происхождении". Я видел Бентама в Линнеевском обществе и немного побеседовал с ним, Лаббоком, Эджвортом, Уоллихом и несколькими другими. Я попросил Бентама поделиться с нами своими идеями о видах; будь они частично с нами или категорически против нас, он написал бы ПРЕВОСХОДНЫЙ материал. Он ничего не ответил, но его поведение заставило меня подумать, что он мог бы это сделать, если бы его убедили; поэтому вы нападаете на него. Все с любовью и тревогой говорили о Хенслоу. (Проф. Хенслоу был в состоянии последней болезни.) Я обедал с Беллом в Linnean Club, и мне понравился мой ужин... Ужин вне дома для меня настолько новинка, что я наслаждался им. У Белла по-настоящему доброе сердце. Мне понравилась статья Роллстона, но я никогда не читал ничего более неясного и неочевидного, чем его "Каноны". (Джордж Роллстон, доктор медицины, F.R.S., 1829-1881. Линакр, профессор анатомии и физиологии в Оксфорде. Человек большой учености, оставивший лишь несколько опубликованных работ, среди которых можно упомянуть его справочник "Формы животной жизни". О "Каноны" см. "Nat. Hist. Ревью", 1861, стр. 206.)... Я зашел к Р. Чемберсу в его очень милый дом в Сент-Джонс-Вуд и имел очень приятную получасовую беседу; он действительно отличный парень. Он сделал одно хорошее замечание и посмеялся над ним, что миряне повсеместно относились к полемике вокруг "Эссе и рецензий" как к чисто профессиональной теме и не участвовали в ней, а оставили ее духовенству. Я буду с нетерпением ждать вашего следующего письма о Хенслоу. (Сэр Джозеф Хукер был профессором. Зять Хенслоу.) Прощай, с искренним сочувствием, мой старый друг,

Ч. ДАРВИН.

P.S. — Мы очень признательны за "Лондон Ревью". Нам нравится читать многое из этого, и научная часть несравненно лучше, чем в "Атенеуме". Вы не должны долго посылать это, так как вас разорят гроши и неприятности, но я нахожусь под ужасным влиянием "Атенеума" и "Хроник садовника", но я пользуюсь ими так много лет, что НЕ МОГУ от них отказаться.

[Следующее письмо относится к посещению Лайеллом гравийных карьеров в Бидденхэме близ Бедфорда в апреле 1861 года. Визит был совершен по приглашению мистера Джеймса Уайатта, который недавно обнаружил два каменных орудия "на глубине тринадцати футов от поверхности почвы", покоящиеся "непосредственно на твердых слоях оолитового известняка". ("Древность человека", четвертое издание, стр. 214.) Здесь, говорит сэр К. Лайелл, "я ... впервые увидел удовлетворяющие меня свидетельства хронологической взаимосвязи этих трех явлений — древних орудий труда, вымерших млекопитающих и ледниковой формации".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 12 апреля [1861].

Мой дорогой Лайель,

Меня очень заинтересовало ваше письмо. Кажется, вы проделали величайшую работу и сделали величайший шаг по отношению к человеку.

Для меня особое облегчение услышать, что вы считаете, что французские поверхностные отложения являются дельтовидными и полуморскими; но два дня назад я говорил другу, что неизвестный способ накопления этих отложений, по-видимому, является большим пятном во всей проделанной работе. Я не смог бы вынести разгрома или озерные просторы. Это грандиозно. Я помню, Фальконер сказал мне, что, по его мнению, некоторые останки в пещерах Девоншира относятся к доледниковому периоду, и это, я полагаю, теперь ваш вывод относительно древних кельтов с гиеной и гиппопотамом. Это великолепно. Какую прекрасную длинную родословную вы дали человечеству!

Я уверен, что никогда не думал о том, что параллельные дороги образовались во время просадки грунта. Я думаю, что вижу некоторые трудности с этой точки зрения, хотя, впервые прочитав вашу заметку, я ухватился за эту идею. Но я подумаю над всем, что я там увидел. Я (stomacho volente) приезжаю в Лондон во вторник, чтобы поработать над петухами и курами, а в среду утром, примерно без четверти десять, я зайду к вам (если не услышу обратного), потому что очень хочу вас увидеть. Я поздравляю вас с вашей грандиозной работой.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S.— Передайте леди Лайелл, что я не смог переварить похоронные церемонии муравьев, несмотря на то, что Эразм часто говорил мне, что когда-нибудь я обнаружу, что у них есть свои епископы. После битвы я всегда видел, как муравьи уносят мертвых в пищу. Муравьи проявляют предельную экономию и всегда уносят мертвых собратьев в качестве пищи. Но я только что переслал Баску два совершенно необычных письма от жителя лесной глуши из Техаса, который, очевидно, внимательно наблюдал за муравьями и самым решительным образом заявляет, что они сажают и культивируют разновидность травы для хранения продуктов питания и сажают

другие кустарники для укрытия! Я не знаю, что и думать, кроме того, что старый джентльмен не лжет намеренно. Я оставил ответственность за чтение писем на Баске. (Т. е. зачитывать их перед Линнеевским обществом.)

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ТОМАСУ ДЭВИДСОНУ. (Томас Дэвидсон, Ф.Р.С., родился в Эдинбурге 17 мая 1817 г.; умер в 1885 г. Его исследования были в основном связаны с такими науками, как геология и палеонтология, и были направлены, в частности, на выяснение признаков, классификации, истории, геологического и географического распространения современных и ископаемых брахиопод. На эту тему он опубликовал важную работу "Британские ископаемые брахиоподы", 5 томов. (Купер, "Люди того времени", 1884.)) Записано 26 апреля 1861 года.

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, вы извините меня за то, что я осмелился высказать вам предложение, которое, как я прекрасно понимаю, имеет очень малую вероятность того, что вы примете его. Не знаю, читали ли вы мое "Происхождение видов"; в этой книге я сделал замечание, которое, как я полагаю, будет общепризнанным, о том, что в целом фауна любой формации является промежуточной по своему характеру между фауной формаций, расположенных выше и ниже. Но несколько действительно хороших судей заметили мне, как было бы желательно, чтобы это было проиллюстрировано и проработано в некоторых деталях с какой-нибудь одной группой существ. Теперь каждый признает, что никто в мире не смог бы сделать это лучше, чем вы, с Брахиоподами. Результат может оказаться весьма неблагоприятным для взглядов, которых я придерживаюсь; если это так, тем лучше для тех, кто настроен против меня. ("Мистер Дэвидсон вовсе не полностью верит в великие изменения видов, которые сделают его работу еще более ценной". — Ч. Дарвин Р. Чемберсу (30 апреля 1861 г.).) Но я склонен подозревать, что в целом это было бы благоприятно для понятия происхождения с модификацией; ибо около года назад мистер Солтер (John William Salter; 1820-1869. Он поступил на службу в Геологическую службу в 1846 году и в конечном итоге стал ее палеонтологом после ухода на пенсию Эдварда Форбса и оставил этот пост в 1863 году. Он был связан с несколькими известными натуралистами в их работе — с Седжвиком, Мерчисоном, Лайеллом, Рамзи и Хаксли. В каталоге Королевского общества насчитывается шестьдесят записей под его именем. Приведенные выше факты взяты из некролога мистера Солтера в "Геологическом журнале" за 1869 год.) в музее на Джермин-стрит приклеил на доску несколько спиралей и т. Д. Трех палеозойских стадий и расположил их одиночными и разветвляющимися линиями, горизонтальными линиями обозначив формации (как на схеме в моей книге, если вы ее знаете), и результат показался мне очень поразительным, хотя я был слишком невежествен, чтобы оценить сходство линий. Мне очень хотелось выгравировать эти раковины по заказу мистера Солтера и соединить их пунктирными линиями, и я бы с радостью оплатил расходы, но я не смог убедить мистера Солтера опубликовать небольшую статью на эту тему. Я едва ли могу сомневаться, что многие любопытные моменты пришли бы в голову любому, кто был бы хорошо осведомлен в этом предмете, кто рассматривал бы группу существ с этой точки зрения происхождения с модификацией. Я думаю, следует опустить все те формы, которые дошли до нас из древнего периода в очень незначительных изменениях, и рассматривать только те формы, которые претерпевали значительные изменения в каждую последующую эпоху. Меня беспокоит, достаточно ли изменились брахиоподы. Следует учитывать абсолютную величину различий форм в таких группах в противоположные

периоды времени и то, насколько ранние формы являются промежуточными по своему характеру между теми, которые появились гораздо позже по времени. Древность группы на самом деле не уменьшилась, как некоторые, по-видимому, смутно думают, потому что она передала по сей день тесно связанные формы. Другой момент заключается в том, насколько непрерывна преемственность каждого рода с момента его первого появления до его исчезновения, с должным учетом формаций, бедных окаменелостями. Я не могу не думать о том, что важное эссе (гораздо более важное, чем сотня литературных рецензий) могло бы быть написано таким человеком, как вы, и без особого труда. Я знаю, весьма вероятно, что у вас может не хватить времени, или вам может не понравиться этот предмет, но я надеюсь, что вы по доброте своей простите меня за это предложение. Если по какой-либо необычайной удаче вы были склонны принять эту идею, я бы попросил вас прочитать мою главу X. о геологической последовательности. И в этом случае я хотел бы получить разрешение выслать вам экземпляр нового издания, только что вышедшего в свет, в котором я кое-что добавил и исправил в главах IX. и X.

Прошу извинить меня за это длинное письмо и поверьте мне, мой дорогой сэръ, искренне ваш Ч. Дарвин.

P.S.—Я пишу таким плохим почерком, что мне пришлось скопировать эту заметку.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ТОМАСУ ДЭВИДСОНУ. Записано 30 апреля 1861 года.

Мой дорогой сэръ,

Сердечно благодарю вас за ваше письмо; я ни в малейшей степени не знал, что вы проявили внимание к моей работе. Уверяю вас, что внимание, которое вы уделили этому, учитывая ваши знания и философский склад вашего ума (ибо я хорошо помню одно замечательное письмо, которое вы написали мне, и просмотрел ваши различные публикации), я считаю одним из самых высоких комплиментов, которые я когда-либо получал. Я веду настолько уединенный образ жизни, что не часто слышу, что происходит вокруг, и мне бы очень хотелось знать, в каком издании вы опубликовали некоторые замечания по моей книге. Я проявляю глубокий интерес к этому предмету, и, надеюсь, не просто эгоистический интерес; поэтому вы можете верить, насколько ваше письмо удовлетворило меня; я совершенно доволен, если кто-нибудь честно рассмотрит этот предмет, независимо от того, согласен ли он со мной полностью или лишь слегка. Прошу вас, не думайте, что я испытываю хоть малейшее удивление от вашего отказа с готовностью согласиться; на самом деле, я бы не слишком уважал чье-либо суждение, поступившее так: если я могу судить о других по тому долгому времени, которое мне потребовалось, чтобы обойти их. Каждая стадия веры стоила мне многих лет. Трудностей, как вы говорите, много и они очень велики; но чем больше я размышляю, тем больше мне кажется, что они происходят из-за нашей недооценки своего невежества. Я настолько принадлежу к старым временам, что обнаруживаю, что трудности, связанные с несовершенством геологической летописи, для меня тяжелее, чем для некоторых молодых людей. К своему удивлению и радости, я обнаружил, что такие хорошие люди, как Рамзи, Джакс, Гейки и один старый работник, Лайелл, не думают, что я хоть в малейшей степени преувеличил несовершенство записи. (Профессор Седжвик трактовал эту часть "Происхождения видов" совсем иначе, как и следовало ожидать, исходя из его яростного неприятия эволюции в целом. В статье в

"Спектейторе" от 24 марта 1860 года, на которую уже обращали внимание, Седжвик писал: "Мы знаем сложные органические явления мезозойского (или оолитового) периода. Он бросает вызов сторонникам трансмутации на каждом шагу. О! но документ, говорит Дарвин, представляет собой фрагмент; я буду интерполировать длительные периоды, чтобы учесть все изменения. В ответ я говорю: если вы отрицаете мой вывод, основанный на положительных доказательствах, я отбрасываю назад ваш вывод, основанный на отрицательных доказательствах, — надутую подушку, на которой вы пытаетесь подкрепить недостатки вашей гипотезы ". [Пунктуация воображаемого диалога немного изменена по сравнению с оригиналом, который в одном месте неясен.]) Если мои взгляды когда-нибудь подтвердятся, наши нынешние геологические взгляды придется значительно изменить. Моя самая большая проблема заключается в том, что я не могу взвесить прямые последствия длительного действия измененных условий жизни без какого-либо отбора с действием отбора на простую случайную (так сказать) изменчивость. Я много размышляю на эту тему, но в целом возвращаюсь к своему убеждению, что прямое воздействие жизненных условий было невелико. По крайней мере, это прямое действие могло сыграть чрезвычайно малую роль в возникновении всех бесчисленных и прекрасных приспособлений у каждого живого существа. Что касается веры человека, то меня несколько удивляет, что кто-то (например, Карпентер) готов ЗАЙТИ ТАК ДАЛЕКО, чтобы поверить, что все птицы могли произойти от одного родителя, а не пойти немного дальше и включить всех представителей одного и того же большого подразделения; ибо на таком уровне веры все факты в морфологии и эмбриологии (наиболее важные, на мой взгляд, из всех предметов) становятся просто Божественной насмешкой... Я не могу выразить, как глубоко я рад, что когда-нибудь вы опубликуете свой теоретический взгляд на модификацию и выносливость брахиоподовых видов; я уверен, что это будет ценнейший вклад в развитие знаний.

Прошу простить это очень эгоистичное письмо, но вы сами отчасти виноваты в том, что доставили мне такое удовольствие. Я попросил Мюррея прислать вам экземпляр моего нового издания и написал ваше имя.

С искренней благодарностью прошу вас, поверьте мне, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[В монографии мистера Дэвидсона о британских брахиоподах, опубликованной вскоре после этого Палеонтографическим обществом, были в некоторой степени получены результаты, подобные тем, которые ожидал мой отец. "Мистер Дэвидсон продемонстрировал не менее пятнадцати общепринятых видов с помощью длинного ряда переходных форм, относящихся к ... одному типу". Лайель, "Древность человека", первое издание, стр. 428.)

Осенью 1860 года и в начале 1861 года мой отец вел интенсивную переписку с профессором Эйсой Греем по вопросу, на который мы ужестылались, — о публикации в форме брошюры трех статей профессора Грея в июльском, августовском и октябрьском номерах "Атлантик Мансли" за 1860 год. Брошюра была опубликована господами. Трубнер, ссылаясь на которого мой отец написал: "Господа. Трубнеры были очень щедры и добры и сказали, что они не возьмут никакой платы за все свои хлопоты. Я договорился о нескольких рекламных объявлениях, и они безвозмездно разместят одно из них в своих периодических изданиях".

Читатель найдет эти статьи переизданными в "Дарвиниане" доктора Грея, стр. 87, под заголовком "Естественный отбор, не противоречащий естественной теологии". Брошюра нашла много поклонников среди тех, кто наиболее способен оценить ее достоинства, и мой отец считал, что она имеет большое значение для уменьшения оппозиции и привлечения сторонников Эволюции. Его высокое мнение об этом проявляется не только в его письмах, но и в том факте, что он поместил специальное уведомление о нем на самом видном месте в третьем издании "Происхождения". Лайель, среди прочих, признал его ценность как противоядия от той критики, от которой пострадало дело эволюции. Поэтому мой отец написал доктору Грею: "Просто чтобы проиллюстрировать использование вашей брошюры, епископ Лондона спросил Лайелла, что он думает о рецензии в "Quarterly", и Лайелл ответил: "Почитайте Эйса Грея в "Atlantic"...".. Совершенно очевидно, что в случае с такими публикациями, как у доктора Грея, мой отец не радовался успеху своего особого взгляда на эволюцию, а именно. эта модификация в основном обусловлена Естественным отбором; напротив, он был твердо убежден, что действительно важным моментом является принятие доктрины происхождения. Так, он писал профессору Грею (11 мая 1863 г.), ссылаясь на "Древность человека" Лайелла:

"Вы говорите о Лайеле как о судье; теперь я жалею о том, что он отказывается быть судьей... Иногда я почти жалел, что Лайель не выступил против меня. Когда я говорю "я", я имею в виду только ИЗМЕНЕНИЕ ВИДОВ ПУТЕМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ. Мне кажется, это поворотный момент. Лично меня, конечно, очень волнует Естественный отбор; но это кажется мне совершенно несущественным по сравнению с вопросом сотворения ИЛИ модификации".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 11 апреля [1861].

Мой дорогой Грей,

Я был очень рад получить вашу фотографию: я жду свою, которую отправлю, как только она поступит. Это отвратительное дело, и я боюсь, что вина в нем лежит не на фотографии... С момента последнего написания я получил несколько писем, полных высочайших похвал вашему Эссе; все согласны с тем, что это, безусловно, лучшее из написанного, и я не сомневаюсь, что это принесло "Происхождению" много пользы. Я еще не слышал, как он продается. Вы, наверное, видели отзыв в "Хронике садоводов". Бедный дорогой Хенслоу, которому я многим обязан, умирает, и Хукер с ним. Большое спасибо за два комплекта листов с вашими материалами. Я не могу понять, к чему клонит Агассис. По-моему, вы однажды отзывались о профессоре Боуэне как об очень умном человеке. Судя по его работам, я должен был бы подумать, что он на редкость ненаблюдательный человек. Возможно, он никогда не видел много животных, иначе он увидел бы разницу между старыми и умными собаками и молодыми. Его статья о наследственности превосходит все. Скажите заводчику, что он может выбрать своих худших особей и вывести из них потомство, надеясь выиграть приз, и он сочтет вас ... сумасшедшим.

[Профессор Хенслоу умер 16 мая 1861 года от осложнения бронхита, заложенности легких и увеличения сердца. Его крепкое телосложение медленно сдавало, и он неделями пребывал в болезненном состоянии слабости, зная, что его конец близок, и глядя на смерть бесстрашными глазами. В "Мемуарах Хенслоу" мистера Бломфилда (Дженинс) (1862) есть достойное и трогательное описание профессора. Прощальный визит Седжвика к своему старому другу.

Впоследствии Седжвик сказал, что никогда не видел "человека, чья душа была бы ближе к небесам".

Мой отец написал сэру Дж. Д. Хукеру, узнав о смерти Хенслоу: "Я полностью верю, что лучший человек никогда не ходил по этой земле".

Он поделился своими впечатлениями о характере Хенслоу в "Мемуарах" мистера Бломфилда. В связи с этими воспоминаниями он написал сэру Дж.Д. Хукеру (30 мая 1861 г.):

"Этим утром я написал свои воспоминания и впечатления о характере бедного дорогого Хенслоу примерно в 1830 году. Мне понравилась работа, и поэтому я написал четыре или пять страниц, которые сейчас копирую. Я не думаю, что вы будете использовать все, конечно, вы можете нарезать и изменять столько, сколько захотите. Если используется больше, чем предложение, я хотел бы увидеть корректуру, так как я никогда не смогу писать прилично, пока не увижу это в печати. Очень вероятно, что некоторые из моих замечаний могут показаться слишком незначительными, но я подумал, что лучше всего изложить свои мысли по мере их возникновения, чтобы вы или Дженинс могли использовать их по своему усмотрению.

"Вы увидите, что я превысил ваши требования, но, как я уже сказал в начале, мне доставило удовольствие описать свое впечатление о его замечательном характере".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 5 июня [1861].

Мой дорогой Грей,

Я был очень занят, поэтому не сразу ответил на ваше письмо от 6 мая. Надеюсь, вы давно получили третье издание "Происхождения".... Я ничего не слышал от Трабнера о продаже вашего эссе, поэтому боюсь, что оно было невелико; я написал, чтобы сказать, что вы могли бы предоставить больше. Я посылаю копию сэру Дж. Гершелю, и в его новом издании "Физической географии" есть примечание о "Происхождении видов", и он согласен, в определенной степени, но делает предостережение относительно дизайна — очень похожее на ваше... В последнее время я стал больше думать на эту тему и с прискорбием вынужден констатировать, что все больше отличаюсь от вас. Дело не в том, что преднамеренная изменчивость делает, как мне кажется, излишним мой божественный "Естественный отбор", а скорее в том, что в последнее время я изучаю домашнюю изменчивость и вижу, какое огромное поле непреднамеренной изменчивости существует, чтобы естественный отбор мог использовать его для любой цели, полезной каждому существу.

Большое вам спасибо за присланный отзыв о Филлипсе. ("Жизнь на Земле", 1860). Я помню, как однажды рассказывал вам о множестве профессий, которым вам следовало бы следовать, но теперь я убежден, что вы прирожденный рецензент. Ей-богу, как хорошо и часто вы попадаете в самую точку! Вы ставите книгу Филлипса выше, чем я или Лайелл, которые считают ее ужасно ретроградной. Я развлекался, пародируя аргумент Филлипса применительно к домашней изменчивости; и таким образом вы могли бы доказать, что утка или голубь не изменились, потому что гусь этого не сделал, хотя и был одомашнен более древним способом, и нельзя найти веской причины, почему он не произвел много разновидностей ...

Я никогда не знал, что газеты так глубоко интересны. Северная Америка не отдает должное Англии; я не видел и не слышал ни о ком, кто не был бы с Севером. Некоторые немногие, и я один из них, даже молят Бога, пусть и ценой миллионов жизней, чтобы Север провозгласил крестовый поход против рабства. В долгосрочной перспективе миллион ужасных смертей были бы с лихвой оплачены во имя человечества. В какие замечательные времена мы живем! Массачусетс, кажется, проявляет благородный энтузиазм. Великий Боже! Как бы я хотел, чтобы величайшее проклятие на земле — рабство — было отменено!

Прощай. Хукер был поглощен делами бедного, уважаемого Хенслоу. Прощай.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ХЬЮ ФАЛЬКОНЕР - ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Саквилл-стрит, 31, Вашингтон, 23 июня 1861 года.

Мой дорогой Дарвин,

Я был в пещере Адельсберг и привез с собой живого *Proteus anguinus*, предназначенного для вас с того момента, как я его получил; то есть, если у вас есть аквариум и вы хотели бы его иметь. Я только вчера вечером вернулся с континента и, услышав от вашего брата, что вы собираетесь отправиться в Торки, не теряя времени, делаю вам предложение. Бедное дорогое животное все еще живо, хотя у него уже месяц не было сколько—нибудь заметных средств к существованию, и я больше всего на свете хочу избавиться от необходимости морить его голодом еще дольше. В ваших руках он будет процветать и имеет неплохие шансы без промедления превратиться в какой—нибудь вид колумбид - скажем, в Дутыша или Неваляшку.

Мой дорогой Дарвин, в последнее время я бродил по северу Италии и Германии. Повсюду я слышал о ваших взглядах и обсуждал ваше замечательное эссе — взгляды, с которыми, конечно, часто не соглашались, в зависимости от особых пристрастий докладчика, — но о работе, о ее честности цели, величии концепции, удачности иллюстраций и смелом изложении всегда отзывались с точки зрения высочайшего восхищения. И среди ваших самых сердечных друзей никто так искренне не радовался справедливой оценке Чарльза Дарвина, как это сделал

Искренне ваш, Х. ФАЛЬКОНЕР.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ХЬЮ ФАЛЬКОНЕРУ. Записано [24 июня 1861 г.].

Мой дорогой Сокольникович,

Я только что получил ваше письмо, и, по счастливой случайности, на день раньше положенного, и я, не теряя ни минуты, отвечаю вам и сердечно благодарю вас за предложение ценного экземпляра; но у меня нет аквариума, и я скоро отправлюсь в Торки, так что было бы тысячу раз жаль, что он у меня есть. И все же я, конечно, очень хотел бы увидеть это, но, боюсь, это невозможно. Не было бы Зоологическое общество лучшим местом? и тогда интерес, который многие проявили бы к этому необычному животному, оплатил бы вам за ваши хлопоты.

Как ни добры вы были, взяв на себя труд предложить мне этот образец, по правде говоря, я ценю вашу записку больше, чем сам образец. Я сохраню твою записку среди очень немногих драгоценных писем. Твоя доброта очень тронула меня.

С любовью и благодарностью ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Хескет-Кресент, 2, Торки, 13 июля [1861].

... Надеюсь, Харви лучше; я получил его рецензию ("Дублинская больничная газета", 15 мая 1861 г.). Отрывок, на который ссылаются, находится на странице 150.) от меня день или два назад, из чего я делаю вывод, что он, должно быть, выздоравливает; это очень хорошо и справедливо; но забавно видеть, как человек спорит о преемственности животных после Ноева потопа; поскольку Бог тогда не уничтожил полностью человека, вероятно, он не уничтожал полностью расы других животных в каждый геологический период! Я никогда не ожидал, что Ветхий Завет протянет мне руку помощи ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. 2, Хескет-Кресент, Торки, 20 июля [1861].

Мой дорогой Лайель,

Два или три дня назад я отправил вам копию хорошей рецензии на "Происхождение" некоего мистера Моу (мистера Джорджа Моу из Бентолл-холла. Рецензия была опубликована в "Зоологе" в июле 1861 года. На обороте копии, принадлежащей моему отцу, написано: "Необходимо ознакомиться перед новой редакцией. "происхождения" — слов, которых не хватает во многих более претенциозных объявлениях, в которых часто встречается краткое "о / -" моего отца" или "ничего нового".), очевидно, вдумчивый человек, как я и думал, вам это понравится, поскольку у вас так много...

Это довольно очаровательное место, и я действительно прошел пешком, по-моему, добрых две мили туда и обратно, что является великим подвигом.

Я видел мистера Пенгелли (Уильям Пенгелли, геолог и известный исследователь пещер Девоншира). на днях и был доволен его энтузиазмом. Я ни в малейшей степени не знаю, в Лондоне ли вы. Ваша болезнь, должно быть, отняла у вас много времени, но я надеюсь, что вы почти закончили свою замечательную работу над новым изданием. Вы, должно быть, очень заняты, если находитесь в Лондоне, поэтому я буду великодушен и, клянусь честью, не жду никакого ответа на эту скучную записочку...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 17 сентября [1861?].

Мой дорогой Грей,

Я искренне благодарю вас за ваши очень длинные и интересные письма политического и научного характера от 27 и 29 августа и 2 сентября, полученные сегодня утром. Я согласен со многим из того, что вы говорите, и молю Бога, чтобы мы, англичане, были совершенно неправы, сомневаясь в том, (1) сможет ли N. победить S.; (2) много ли у N. друзей на Юге и (3) правы ли вы, благородные жители Массачусетса, перенося свои добрые чувства на жителей Вашингтона. Еще раз повторяю, я молю Бога, чтобы мы ошибались, сомневаясь по этим пунктам. Это число

(3) само по себе заставляет Англию не относиться к вам с энтузиазмом. Я не знаю, что это может быть в Ланкашире, но в Южной Англии хлопок не имеет никакого отношения к нашим сомнениям. Если за вашей победой последует отмена смертной казни, весь мир станет ярче в моих глазах и во многих других. Было бы большим достижением даже остановить распространение рабства на Территории; если это возможно без отмены рабства, в чем я бы сомневался. Вам не следует так сильно удивляться холодности Англии, когда вы вспоминаете, сколько предложений было сделано в начале войны, чтобы вернуть все к старому состоянию со старой линией широты, но хватит об этом, все, что я могу сказать, это то, что Массачусетс и прилегающие штаты пользуются полным сочувствием каждого хорошего человека, которого я вижу; и это сочувствие было бы распространено на все федеральные штаты, если бы мы могли быть убеждены, что ваши чувства у них хоть сколько-нибудь общие. Но хватит об этом. Это не по моей части, хотя я читаю каждое слово в новостях и раньше хорошо изучал Олмстеда...

Ваш вопрос, который убедил бы меня в Дизайне, - это задача. Если бы я увидел ангела, сошедшего, чтобы научить нас добру, и другие, увидев его, убедили меня, что я не сумасшедший, я бы поверил в замысел. Если бы я мог быть полностью убежден в том, что жизнь и разум неизвестным образом являются функцией другой невесомой силы, я бы убедился. Если бы человек был сделан из меди или железа и никак не был связан с каким-либо другим когда-либо жившим организмом, я, возможно, был бы убежден. Но это детское сочинение.

Недавно я переписывался с Лайеллом, который, я думаю, разделяет вашу идею о том, что поток изменений был направлен или спроектирован. Я спросил его (и он говорит, что позже подумает и ответит мне), верит ли он, что форма моего носа была специально разработана. Если да, то мне больше нечего сказать. Если нет, то, видя, чего добились любители, отбирая индивидуальные различия в носовых костях голубей, я должен думать, что нелогично предполагать, что вариации, которые естественный отбор сохраняет на благо любого существа, были созданы специально. Но я знаю, что нахожусь в таком же замешательстве (как я уже говорил ранее), в каком, по-видимому, находится весь мир в отношении свободы воли, хотя предполагается, что все было предвидено или предопределено заранее.

Прощай, мой дорогой Грей, с большой благодарностью за твое интересное письмо.

Ваш безжалостный корреспондент К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х.У. БЕЙТСУ. Даун, 3 декабря [1861].

Мой дорогой сэр,

Я благодарю вас за ваше чрезвычайно интересное письмо и ценные рекомендации, хотя одному Богу известно, когда я снова вернусь к этой части моей темы. Конечно, нельзя судить о стиле, когда просто слушаешь статью (О миметических бабочках, прочитанную перед Linnean Soc., 21 ноября 1861 г. Мнение моего отца о ней, когда она была опубликована, смотрите ниже.), Но ваше показалось мне очень ясным и хорошим. Поверьте мне, что я оцениваю ее ценность наиболее высоко. С общей точки зрения, я совершенно убежден (Хукер и Хаксли придерживались той же точки зрения несколько месяцев назад), что философский взгляд на природу можно привить натуралистам, только рассматривая специальные предметы так, как это делали вы. С особой точки зрения, я думаю, что вы решили одну из самых сложных проблем,

которые можно было бы решить. Я рад услышать от Хукера, что Линнеевское общество предоставит тарелки, если вы сможете получить рисунки ...

Не жалуйтесь на нехватку советов во время ваших путешествий; осмелюсь сказать, что отчасти оригинальность ваших взглядов может быть обусловлена необходимостью самостоятельного мышления. Я могу понять, что ваш прием в Британском музее выбил бы вас из колеи; это очень хорошие люди, но не из тех, кто оценит вашу работу. На самом деле я давно думал, что СЛИШКОМ МНОГО систематической работы [и] описаний каким-то образом притупляет способности. Широкая публика ценит хорошую порцию рассуждений или обобщений с новыми и любопытными замечаниями о привычках, конечных причинах и т.д. И т.п. Гораздо больше, чем обычные натуралисты.

Я чрезвычайно рад слышать, что вы начали свое путешествие... Я очень занят, но буду ИСКРЕННО рад оказать любую посильную помощь, прочитав одну или две ваши первые главы. Я не думаю, что смогу исправить стиль по той причине, что после неоднократных попыток я обнаруживаю, что не могу исправить свой собственный стиль, пока не увижу рукопись напечатанной. Некоторые от рождения обладают способностью хорошо писать, как Уоллес; другим, как мне и Лайеллу, приходится очень усердно и медленно работать над каждым предложением. Я нахожу это очень хорошим планом, когда я не могу получить удовольствие от трудной дискуссии, представить, что кто-то входит в комнату и спрашивает меня, что я делаю; а затем сразу же попытаться объяснить воображаемому человеку, в чем все это заключается. Я проделывал это для одного абзаца несколько раз для себя, а иногда и для миссис Дарвин, пока не понял, как следует излагать тему. Я думаю, полезно прочитать свою рукопись вслух. Но стиль для меня - большая трудность; и все же некоторые хорошие ценители считают, что я преуспел, и я говорю это, чтобы подбодрить вас.

Что, я ДУМАЮ, я могу сделать, так это сказать вам, не лучше ли укоротить детали. Я думаю, хорошо бы остановиться "в средствах массовой информации" и проработать позже любые описания страны или любые исторические детали, которые могут оказаться необходимыми. Мюррей любит много рубить по дереву — дайте немного, во что бы то ни стало убрав муравьев. Публика ценит обезьян — наших бедных кузенов. Какие половые различия есть у обезьян? Вы держали их ручными? если да, то об их выражении. Боюсь, что вы вряд ли прочтете мой мерзкий почерк, но я не могу без лишних хлопот писать лучше.

У вас будет мое искреннее мнение о вашей рукописи, но помните, что по рукописи трудно судить, читаешь медленно, а тяжелые части кажутся намного тяжелее. Первокласный эксперт счел мой Дневник очень плохим; теперь, когда он напечатан, я случайно узнал, что он ему нравится. Я уверен, вы поймете, почему я такой эгоистичный.

Я был НЕМНОГО разочарован книгой Уоллеса ("Путешествия по Амазонке и Рио-Негро", 1853 г.) об Амазонке; вряд ли фактов достаточно. С другой стороны, в книге Госсе (вероятно, "Пребывание натуралиста на Ямайке", 1851 г.), на мой вкус, недостаточно аргументов. Бог знает, захотите ли вы прочесть все эти каракули...

Я рад, что вы провели приятный день с Хукером (В письме сэру Дж.Д. Хукеру (декабрь 1861 г.) мой отец писал: "Я очень рад слышать, что вам нравится Бейтс. Я редко в своей жизни был так поражен силой ума человека".), он удивительно хороший человек во всех смыслах.

[Следующий отрывок из письма к мистеру Бейтсу на ту же тему интересен тем, что дает представление о плане, которому следовал мой отец при написании своего "Путешествия натуралиста":

"Как старый заезженный автор, позвольте мне дать вам небольшой совет, а именно. вычеркивать каждое слово, которое не совсем необходимо для текущей темы и которое не могло бы заинтересовать постороннего человека. Я постоянно спрашивал себя, заинтересует ли это незнакомца? и соответственно вычеркивал или оставлял. Я думаю, что нельзя прилагать слишком много усилий для того, чтобы сделать стиль предельно ясным и пустить красноречие ко всем чертям".

Книга мистера Бейтса "Натуралист об Амазонках" была опубликована в 1865 году, но следующее письмо может быть приведено здесь, а не в надлежащем хронологическом порядке:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Х.У. БЕЙТСУ. Даун, 18 апреля 1863 года.

Дорогой Бейтс,

Я закончил первый том. Мою критику можно свести к одному предложению, а именно, что это лучшее произведение о путешествиях по естественной истории, когда-либо опубликованное в Англии. Ваш стиль кажется мне достойным восхищения. Нет ничего лучше, чем обсуждение борьбы за существование, и нет ничего лучше, чем описание Лесного пейзажа. (В письме Лайеллу мой отец писал: "Он [то есть мистер Бейтс] уступает только Гумбольдту в описании тропического леса".) Это великая книга, и независимо от того, быстро она разойдется или нет, она прослужит долго. Вы смело высказались о видах; и смелость в этом вопросе, кажется, встречается все реже и реже. Как прекрасно это иллюстрировано. Вырез на обороте подобран с большим вкусом. Я сердечно поздравляю вас с его публикацией.

"Атенеум" ("Я прочитал первый том книги Бейтса; это превосходно, и я думаю, что это лучшие путешествия по естественной истории, когда-либо опубликованные в Англии. Он смело говорит о видах и т. Д., И "Атенеум" хладнокровно говорит, что "он искажает свои факты" для этой цели". (Из письма сэру Дж. Д. Хукеру.)) был довольно холоден, как это всегда бывает, и в высшей степени дерзок в отношении ваших ведущих фактов. Вы видели "Читалку"? Я могу выслать ее вам, если вы ее еще не видели ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 11 декабря [1861].

Мой дорогой Грей,

Большое и сердечное спасибо за ваши последние два самых ценных замечания. Как жаль, что, когда вы получите это письмо, мы, возможно, окажемся в состоянии войны, и нам двоим, как добрым патриотам, придется ненавидеть друг друга, хотя я нахожу эту ненависть к вам очень тяжелой работой. Как любопытно наблюдать, как две страны, подобно двум сердитым и глупым людям, придерживаются столь противоположных взглядов на одну и ту же сделку! Боюсь, нет ни тени сомнения, что мы будем сражаться, если два южных разбойника не сдадутся. (Комиссары

Конфедерации Слайделл и Мейсон были насильно сняты с вест-индского почтового парохода "Трент" 8 ноября 1861 года. Новость о том, что США согласились освободить их, достигла Англии 8 января 1862 года.) И как это будет ужасно, если мы будем сражаться на стороне рабства. Без сомнения, скажут, что мы боремся за получение хлопка; но я полностью убежден, что это ни в малейшей степени не входило в мотив. Что ж, слава Богу, мы, частные лица, не имеем никакого отношения к такой ужасной ответственности. Опять же, как любопытно, что вы, кажется, думаете, что можете завоевать Юг; и я никогда не встречал ни одной души, даже тех, кто больше всего желал бы этого, кто считал бы это возможным, то есть завоевать и удержать его. Я не думаю, что масса людей в вашей стране поверит в это, но я уверен, что если мы действительно начнем войну, то это будет с крайним нежеланием всех классов, министров правительства и так далее. Время покажет, и нет смысла писать или думать об этом. На днях я позвонил доктору Бутту и был рад найти его вполне здоровым и жизнерадостным. Кстати, я вижу, что он придерживается вполне английского мнения об американских делах, хотя в душе американец. (доктор Бутт родился в США) Бакл мог бы написать главу о том, что мнение полностью зависит от долготы!

... Что касается дизайна, я чувствую себя более склонным выставить белый флаг, чем делать свой обычный дальний выстрел. Мне нравится пытаться задать вам озадачивающий вопрос, но когда вы возвращаете комплимент, у меня возникают большие сомнения в том, что это честный способ аргументации. Если что-то и задумано, то, безусловно, таковым должен быть человек: чье-то "внутреннее сознание" (хотя и ложный проводник) говорит нам об этом; и все же я не могу признать, что рудиментарные молочные железы человека ... были задуманы. Если бы я сказал, что верю в это, я бы поверил в это так же невероятно, как православные верят в Троицу в Единстве. Вы говорите, что вы в тумане; я в густой грязи; ортодоксы сказали бы, в зловонной, отвратительной грязи; и все же я не могу остаться в стороне от этого вопроса. Мой дорогой Грей, я написал много бессмыслицы.

Сердечно ваш, Ч. ДАРВИН.

1862.

[Из-за болезни скарлатиной одного из его сыновей осенью он снял дом в Борнмуте. Он писал доктору Грею из Саутгемптона (21 августа 1862 г.):

"Мы - несчастная семья, и нас следует уничтожить. Мы переночевали здесь, чтобы дать отдохнуть нашему бедному мальчику по пути в Борнмут, а моя бедная дорогая жена заболела скарлатиной, перенесла ее довольно остро, но быстро поправляется. В этом утомленном мире нет конца неприятностям. Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока мы все вместе не окажемся дома, а когда это произойдет, я не знаю. Но глупо жаловаться".

Доктор Грей обычно посылал почтовые марки больным скарлатиной; в связи с этим добродушным поступком мой отец написал:

"Я должен просто вернуться к маркам; мой маленький человечек подсчитал, что теперь у него будет 6 марок, которых нет ни у одного другого мальчика в школе. Это триумф. Твое последнее письмо было обклеено множеством цветных марок, и он долго разглядывал конверт в постели со спокойным удовлетворением".

Большее количество писем 1862 года посвящено работе с орхидеями, но волна обращения к Эволюции все еще распространялась, и обзоров и писем, посвященных этой теме, по-прежнему было много. В качестве примера странных писем, которые он получал, можно упомянуть одно, пришедшее в январе этого года "от немецкого врача-гомеопата, горячего поклонника "Происхождения". Сам опубликовал почти такую же книгу, но гораздо глубже. Объясняет происхождение растений и животных на принципах гомеопатии или с помощью закона спирали. Книга умерла в Германии. Поэтому я бы перевел его и опубликовал в Англии".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Внизу, [январь?] 14 [1862].

Мой дорогой Хаксли,

Я искренне рад вашему успеху на Севере (Имеются в виду две лекции мистера Хаксли, прочитанные в Философском институте Эдинбурга в 1862 году. Суть их изложена в "Месте человека в природе".), и спасибо вам за ваше примечание и оговорку. Клянусь Юпитером, вы атаковали фанатизм в его цитадели. Я думал, на вас набросится толпа. Я так рад, что вы опубликуете свои лекции. Кажется, вы соблюдаете должную дистанцию между крайней смелостью и осторожностью. Я искренне рад, что все прошло так хорошо. Я надеюсь, что с миссис Хаксли все в порядке... Я должен сказать одно слово по гибриднему вопросу. Без сомнения, вы правы в том, что здесь большой пробел в аргументации; и все же я думаю, что вы переоцениваете это — вы никогда не упоминаете о превосходных доказательствах того, что РАЗНОВИДНОСТИ *Verbascum* и *Nicotiana* частично стерильны вместе. Мне любопытно читать (как я читаю сегодня), что величайший САДОВОД-скрещиватель совершенно пренебрежительно относится к различиям, которые БОТАНИКИ проводят по этому поводу, и настаивает на том, как часто скрещиваемые СОРТА дают стерильное потомство. Сделайте мне одолжение, прочтите вторую половину моей статьи о примуле в журнале *Linn. Журнал*", поскольку это наводит меня на подозрение, что стерильность в дальнейшем придется в значительной степени рассматривать как приобретенный или ОТОБРАННЫЙ признак — точка зрения, которую я хотел бы подкрепить фактами в "Происхождении". (Приведенная здесь точка зрения будет обсуждена в главе о растениях гетеросексуального типа.)

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 25 января [1862].

Моя дорогая Проститутка,

Большое спасибо за ваше письмо от прошлого воскресенья, которое было одним из самых приятных, которые я когда-либо получал в своей жизни. Мы все прекрасно восстанавливаемся, и я снова на работе. Я подумал, что лучше всего откровенничать с Эйсой Греем; и сказал ему, что бостонский обед и т.д. и т.п. Совершенно выворачивал мне желудок, и что я почти подумал, что для мира во всем мире было бы лучше, если бы Соединенные Штаты были разделены; с другой стороны, я сказал, что стону при мысли о торжестве рабовладельцев и что трудности, связанные с проведением разделительной линии, были ужасающими. Интересно, что он скажет... Ваше представление о том, что аристократ - это кенспек, а лучших людей из хорошей компании отбирают таким образом легко, для меня ново и поразительно. "Происхождение",

сделавшее вас на самом деле веселым старым Тори, заставило нас всех от души посмеяться. Я иногда размышлял на эту тему; первородство (У моего отца было сильное чувство несправедливости первородства, и в том же духе он часто возмущался несправедливыми завещаниями, которые время от времени появляются. Он энергично заявлял, что, будь он законодателем, ни одно завещание не имело бы силы, если бы оно не было опубликовано при жизни завещателя; и это, по его утверждению, предотвратило бы большую часть чудовищной несправедливости и подлости, очевидных во многих завещаниях.) ужасно противоречит отбору; предположим, что каждый фермер обязательно сделал быка-первенца родоначальником своего скота! С другой стороны, как вы говорите, наиболее способные мужчины постоянно повышаются до звания пэров и скрещиваются со старшими лордами, а лорды постоянно выбирают самых красивых и очаровательных женщин из низших слоев общества; так что значительная часть косвенного отбора улучшает лордов. Конечно, я согласен с вами, что нынешний скандал в Америке оказывает очень укрепляющее влияние на всех нас. Я очень рад слышать, что вы начинаете печатать "Дженералз"; это замечательное удовлетворение, когда тебя таким образом укладывают в постель, я думаю, это действительно главное удовлетворение, хотя ты знаешь, что скоро появится еще один бантлинг ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МАКСВЕЛЛУ МАСТЕРСУ. (Доктор Мастерс - известный овощной тератолог, много лет был редактором "Хроники садоводов".) Даун, 26 февраля [1862 г.].

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен вам за присланную мне вашу статью (имеется в виду статья доктора Мастерса "Морфология растений" в "Британском и зарубежном медико-хирургическом обозрении" за 1862 год), которую я только что прочитал с большим интересом. История и многое другое было для меня совершенно новым. Мне кажется, что это великолепно сделано и так ясно написано. Вам действительно следует написать свою большую работу. Вы слишком щедро отзываетесь о моей книге; но я должен признаться, что вы мне немало понравились; ибо никто, насколько я знаю, никогда не обращал внимания на то, что я говорю о классификации — на ту часть, которая, когда я ее писал, мне понравилась. С огромной благодарностью к вам за то, что прислали мне вашу статью, прошу вас, поверьте мне,

Мой дорогой сэр, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[Весной этого года (1862) мой отец прочитал второй том "Истории цивилизации" Бакля. Возможно, стоит процитировать следующее категорически выраженное мнение по этому поводу:—

"Вы читали второй том Бакля? Он меня очень заинтересовал; мне все равно, правильны его взгляды или нет, но я думаю, что в них содержится много правды. Во всем чувствуется благородная любовь к прогрессу и правде; и, на мой вкус, он самый лучший писатель английского языка, который когда-либо жил, пусть другой будет кем угодно ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 15 марта [1862].

Мой дорогой Грей,

Спасибо за газеты (хотя в них действительно содержались раскопки в Англии) и за вашу заметку от 18 февраля. Получать удары таким гладким, отполированным и острым кинжалом, как ваша ручка, действительно почти приятно. Я от всей души хотел бы более полно сочувствовать вам, вместо того чтобы просто ненавидеть Юг. Мы не можем вникать в ваши чувства; если бы Шотландия взбунтовалась, я полагаю, мы были бы очень разгневаны, но я не думаю, что нас бы хоть на грош заботило, что думают другие нации. Должно наступить тысячелетие, прежде чем народы полюбят друг друга; но постарайтесь не ненавидеть меня. Думайте обо мне, если хотите, как о бедном ослепленном глупце. Я боюсь, что ужасное положение дел должно притупить ваш интерес к науке ...

Я верю, что ваша брошюра принесла моей книге БОЛЬШУЮ пользу; и я благодарю вас от всего сердца от себя лично; и, полагая, что ваши взгляды в значительной степени верны, я должен думать, что вы оказали благотворное влияние на естествознание. Естественный отбор, по-видимому, делает небольшой прогресс в Англии и на Континенте; требуется новое немецкое издание и французское (В июне 1862 года мой отец написал доктору Грею: "Я получил 2-3 дня назад французский перевод "Происхождения", сделанный Мадлле. Руайер, которая, должно быть, одна из самых умных и странных женщин в Европе, является яркой деисткой, ненавидит христианство и заявляет, что естественный отбор и борьба за жизнь объясняют всю мораль, природу человека, политику и т.д. и т.п.! У нее есть несколько очень любопытных и хороших хитов, и она говорит, что опубликует книгу на эти темы". Мадлле. Руайер добавила примечания к своему переводу, и во многих местах, где автор выражает большие сомнения, она объясняет трудность или указывает на то, что никакой реальной трудности не существует.) одна из них только что появилась. Одним из лучших людей, хотя в настоящее время неизвестных, кто придерживался этих взглядов, является мистер Бейтс; прошу вас, прочтите его "Путешествия по Амазонии", когда они появятся; они будут очень хороши, судя по рукописи первых двух глав.

... Еще раз говорю, не надо меня ненавидеть.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Карлтон-Террас, 1, Саутгемптон (дом его сына Уильяма), 22 августа [1862 г.].

... Я от души надеюсь, что вы (то есть "Древность человека") выйдете в свет в октябре... вы говорите, что епископ и Оуэн будут недовольны вами; последний вряд ли может, потому что меня заверили, что Оуэн в своих лекциях этой весной выдвинул в качестве новой идеи, что бескрылые птицы потеряли свои крылья из-за неиспользования, также что сороки крадут ложки и т. Д., Руководствуясь остатками какого-то инстинкта, подобного инстинкту Садовой птицы, которая украшает свои игровые дорожки красивыми перышками. Действительно, мне сказали, что он прямо намекнул, что все птицы произошли от одного...

Ваш P.S. затрагивает, как мне кажется, очень сложные моменты. Я рад видеть, что в "Происхождении" я только говорю, что натуралисты обычно считают, что низшие организмы изменяются сильнее, чем высшие; и я думаю, что это, безусловно, общее мнение. Я изложил это утверждение таким образом, чтобы показать, что я считал его всего лишь мнением,

вероятно, верным. Я должен признать, что я нисколько не доверяю даже противоположному мнению Хукера, поскольку я почти уверен, что он не привел никаких результатов в таблицу. У меня дома есть кое-какие материалы, кажется, я пытался подчеркнуть это, но не могу вспомнить результат.

Простая изменчивость, хотя и необходимая основа всех модификаций, я полагаю, присутствует почти всегда и ее достаточно, чтобы допустить любое количество выбранных изменений; так что мне вовсе не кажется несовместимым, чтобы группа, которая в какой-либо один период (или во все последующие периоды) изменялась меньше, с течением времени претерпела больше изменений, чем группа, которая в целом более изменчива.

Плацентарные животные, например, могут быть в каждый период менее изменчивыми, чем сумчатые, и, тем не менее, претерпели большую ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ и развитие, чем сумчатые, благодаря некоторому преимуществу, вероятно, развитию мозга.

Я удивлен, но не претендую на то, чтобы составить мнение по поводу заявления Хукера о том, что высшие виды, роды и т.д. Лучше всего ограничить. Мне это кажется смелым заявлением.

Обращаясь к "Происхождению", я вижу, что я утверждаю, что продукты суши, по-видимому, изменяются быстрее, чем продукты моря (глава X., стр. 339, 3D издание), и я добавляю, что есть некоторые основания полагать, что организмы, считающиеся высокими в масштабе, изменяются быстрее, чем организмы с низким уровнем. Я помню, что написал эти предложения после долгих раздумий... Я хорошо помню, что испытывал большие колебания по поводу написания даже тех осторожных предложений, которые я сделал. Я помню, что мои сомнения были связаны со скоростью изменения Радиат во Вторичной формации и фораминифер в древнейших третичных слоях...

Спокойной ночи, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 1 октября [1862].

... Я нашел здесь (По его возвращении из Борнмута.) короткую и очень любезную заметку Фальконера с несколькими страницами его "Мемуаров о слонах", которые будут опубликованы, в которых он превосходно отзывается о длительном сохранении шрифта. Я думал, что он собирается предпринять хорошую и сокрушительную атаку на меня, но, к моему большому удовлетворению, в конце он указывает на лазейку и добавляет (Фальконер, "Об американском ископаемом слоне", в "Нац. История. Ревью, 1863, стр. 81. Слова, предшествующие цитатам моего отца, проясняют смысл его цитаты. Отрывок начинается следующим образом: "Выводы, которые я делаю из этих фактов, не противоречат одному из ведущих положений теории Дарвина. С ним" и т.д. и т.п.) "С ним я не верю, что мамонт и другие вымершие слоны появились внезапно... Наиболее рациональной точкой зрения, по-видимому, является то, что они являются модифицированными потомками более ранних прародителей и т.д. ". Это с большой буквы. Скоро не останется ни одного хорошего палеонтолога, который верит в неизменность. Фальконер не допускает, что группа хоботных распадается и, следовательно, вряд ли даст начало новым расам.

Он добавляет, что, по его мнению, Естественного Отбора недостаточно. Я не совсем понимаю силу его аргументации, и он, очевидно, упускает из виду, что я снова и снова говорю, что Естественный отбор ничего не может сделать без изменчивости, и что изменчивость подчиняется самым сложным фиксированным законам...

[В его письмах сэру Дж.Д. Хукеру, написанных примерно в конце этого года, время от времени появляются заметки о ходе работы над "Изменчивостью животных и растений". Так, 24 ноября он писал: "Я не знаю, почему мне немного жаль, но моя нынешняя работа заставляет меня больше верить в прямое действие физических условий. Я предполагаю, что сожалею об этом, потому что это умаляет величие естественного отбора и так чертовски сомнительно. Возможно, я снова изменюсь, когда сведу все свои факты под одну точку зрения, и это будет довольно тяжелая работа".

Снова, 22 декабря: "Сегодня я начал думать о том, как оформить свои заключительные главы о наследовании, реверсии, отборе и подобных вещах, и совершенно парализован, как начать и чем закончить, и что делать с моими огромными грудками материалов".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 6 ноября [1862].

Мой дорогой Грей,

Когда пришли ваши заметки от 4 и 13 октября (в основном о Максе Мюллере), я был почти в конце той же книги ("Лекции по науке о языке", 1-е издание 1861 г.) и намеревался порекомендовать вам прочитать ее. Я вполне согласен, что это чрезвычайно интересно, но последняя часть о ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ происхождении языка гораздо менее удовлетворительна. Это замечательная проблема...[Есть] скрытые насмешки надо мной, которые, кажется, берут верх ближе к концу книги. Я не совсем понимаю, как это продвинет "мое дело", как вы это называете; но я вижу, как любой человек с литературным талантом (я не чувствую в себе для этого сил) мог бы широко использовать этот предмет в качестве иллюстрации. (Язык трактовался в манере, указанной здесь сэром К. Лайеллом в "Древности человека". Также проф. Шляйхер, на чью брошюру обратили внимание в "Ридер", 27 февраля 1864 г. (как я узнал из одной из "Мирских проповедей" профессора. Хаксли).) Какие красивые метафоры вы могли бы извлечь из этого! Я бы хотел, чтобы кто-нибудь держал множество самых шумных обезьян наполовину на свободе и изучал их средства общения!

Здесь только что появилась книга, которая, я полагаю, произведет шум, написанная епископом Коленсо ("Критическое исследование Пятикнижия и Книги Иисуса Навина", шесть частей, 1862-71 гг.), который, судя по выдержкам, разбивает вдребезги большую часть Ветхого завета. Кстати, о книгах, я как раз нахожусь в середине той, которая мне нравится, хотя это и очень невинная еда, а именно "Дневник натуралиста мисс Куперс". - Кто она? Она кажется очень умной женщиной и подробно описывает битву между НАШИМИ и ВАШИМИ сорняками. Разве это не ранит вашу гордость янки, что мы так жестоко избиваем вас? Я уверен, миссис Грей вступится за ваши собственные сорняки. Спросите ее, не являются ли они более честными, прямо-таки хорошими сорняками. В книге дана чрезвычайно красивая картина одной из ваших деревень; но я вижу, что ваша осень, хотя и гораздо более великолепная, чем наша, наступает раньше, и это единственное утешение...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х.У. БЕЙТСУ. Даун, 20 ноября [1862].

Дорогой Бейтс,

Я только что закончил, после нескольких прочтений, вашу статью. (Имеется в виду статья мистера Бейтса "Вклад в фауну насекомых долины Амазонки" ('Linn. Soc. Trans.'xxiii., 1862), в котором был основан ставший уже привычным предмет мимикрии. Мой отец написал краткий обзор этого в "Natural History Review", 1863, стр. 219, части которого почти дословно приводятся в этом обзоре в более поздних изданиях "Происхождения видов". Встречается поразительный отрывок, показывающий трудности этого случая с точки зрения креациониста:

"Можно спросить, каким образом столь многие бабочки Амазонии приобрели свой обманчивый наряд?" Большинство натуралистов ответят, что они были одеты таким образом с момента своего сотворения — ответ, который, как правило, будет настолько победоносным, что его можно будет опровергнуть только длинными аргументами; но он сделан за счет того, что ставится действенный барьер всем дальнейшим исследованиям. Более того, в этом конкретном случае креационист столкнется с особыми трудностями; поскольку многие из имитирующих форм *Leptalis* могут быть показаны постепенным рядом как просто разновидности одного вида; другие имитаторы, несомненно, являются отдельными видами или даже отдельными родами. Итак, опять же, можно показать, что некоторые из имитируемых форм являются просто разновидностями; но большее число должно быть отнесено к отдельным видам.

Следовательно, креационисту придется признать, что некоторые из этих форм стали имитаторами посредством законов изменения, в то время как на другие он должен смотреть как на отдельно созданные в их нынешнем обличье; далее, ему придется признать, что некоторые были созданы в подражание формам, созданным не так, как мы их сейчас видим, а благодаря законам изменения? Проф. Агассис, действительно, не придавал бы значения этой трудности; ибо он верит, что не только каждый вид и каждая разновидность, но и что группы особей, хотя и идентичные, когда они населяют разные страны, были созданы по отдельности в должном количестве, пропорциональном потребностям каждой страны. Не многие натуралисты согласятся, таким образом, поверить, что разновидности и особи были получены в готовом виде, почти так же, как производитель выпускает игрушки в соответствии с временным спросом рынка".) На мой взгляд, это одна из самых замечательных и достойных восхищения статей, которые я когда-либо читал в своей жизни. Миметические случаи поистине изумительны, и вы превосходно связываете множество аналогичных фактов. Иллюстрации прекрасны и кажутся очень удачно подобранными; но читателя избавило бы от немалых хлопот, если бы под каждым отдельным рисунком было выгравировано название каждой из них. Без сомнения, это затруднило бы работу гравера, поскольку испортило бы красоту пластины. Я несколько не удивлен, что на такую бумагу ушло много времени. Я рад, что обошел всю тему в "Происхождении", потому что я должен был бы внести в нее ценный беспорядок. Вы наиболее четко сформулировали и решили замечательную проблему. Без сомнения, для большинства людей это будет лучшей статьей; но я не уверен, что все ваши факты и рассуждения об изменчивости и о разделении полных и полуполноценных видов на самом деле не являются более или, по крайней мере, столь же ценной частью. Я никогда раньше не представлял себе этот процесс так ясно; чувствуешь себя присутствующим при создании новых форм. Я хотел бы, однако, чтобы вы немного подробнее рассказали о спаривании подобных разновидностей;

здесь, по-видимому, требуется гораздо более многочисленный набор фактов. Затем, опять же, какое множество любопытных разнообразных наблюдений имеется — например, о связанной с этим сексуальной и индивидуальной изменчивости: когда-нибудь, если я доживу, они станут для меня сокровищем.

Что касается миметического сходства, столь распространенного у насекомых, не думаете ли вы, что это может быть связано с их маленьким размером; они не могут защититься; они не могут спастись бегством, по крайней мере, от птиц, поэтому они спасаются хитростью и обманом?

У меня есть одно серьезное замечание, и оно касается названия статьи; я не могу не думать, что вам следовало бы привлечь в нем особое внимание к миметическому сходству. Ваша статья слишком хороша, чтобы ее по достоинству оценила толпа бездушных натуралистов; но, поверьте, она будет иметь НЕПРЕХОДЯЩУЮ ценность, и я сердечно поздравляю вас с вашей первой большой работой. Я думаю, вы обнаружите, что Уоллес в полной мере оценит это. Как продвигается ваша книга? Не падайте духом. Книга - нелегкий труд. В последнее время мне стало лучше, и я много работаю, но состояние моего здоровья оставляет желать лучшего. Как ваше здоровье? Поверьте мне, дорогой Бейтс,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ГЛАВА 2.IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ.

"ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ"

1863-1866.

[Его книга "одомашниваемые животные и растения" была основным занятием моего отца в 1863 году. В его дневнике записано время, затраченное на составление глав, и показано, с какой скоростью он систематизировал и выписал для печати наблюдения и выводы за несколько лет.

Три главы второго тома. "о наследовании", которые занимают 84 страницы печатного текста, были начаты в январе и закончены 1 апреля; пять "О скрещивании", составляющие 106 страниц, были написаны за восемь недель, в то время как две главы "О выборе", занимающие 57 страниц, были начаты 16 июня и закончены 20 июля.

Работа не раз прерывалась из-за плохого самочувствия, и в сентябре, что оказалось началом шестимесячной болезни, вынудило его уехать из дома на водолечение в Малверн. Он вернулся в октябре и оставался больным и подавленным, несмотря на обнадеживающее мнение одного из самых жизнерадостных и искусных врачей того времени. Так, в ноябре он написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"Здесь был доктор Бринтон (рекомендованный Баском); он не верит, что мой мозг или сердце поражены в первую очередь, но я так упорно спускался с холма, что не могу отделаться от сомнений, смогу ли я когда-нибудь снова проползти немного в гору. Если я не смогу немного поработать, я надеюсь, что моя жизнь будет очень короткой, потому что лежать весь день на диване и ничего не делать, кроме как доставлять неприятности самой лучшей и добрейшей из жен и хорошим дорогим детям - это ужасно".

Второстепенными работами этого года были короткие статьи в "Обзоре естественной истории" (N.S. vol. iii. стр. 115), озаглавленную "О так называемом "Слуховом мешке" усонюгих", и статью в "Журнале геологического общества" (том хix), посвященную "Толщине Пампейской формации близ Буэнос-Айреса". Статья о усонюгих была вызвана критикой немецкого натуралиста Крона (Крон заявил, что структуры, описанные моим отцом как яичники, на самом деле были слюнными железами, а также что яйцевод ведет к отверстию, описанному в "Монографии о усонюгих" как слуховой проход.), и представляет определенный интерес как иллюстрация готовности моего отца признать ошибку.

Что касается распространения веры в Эволюцию, то пока нельзя сказать, что битва выиграна, но рост веры, несомненно, был быстрым. Так что, например, Чарльз Кингсли мог написать Ф.Д. Морису ("Жизнь" Кингсли, ii, стр. 171):

"Состояние научного разума в высшей степени любопытно; Дарвин побеждает повсюду и врывается, подобно наводнению, одной лишь силой истины и фактов".

Мистер Хаксли, как обычно, активно направлял и стимулировал растущую тенденцию терпимо относиться к взглядам, изложенным в "Происхождении видов". В ноябре 1862 года он прочитал серию лекций рабочим в Горной школе. Они были напечатаны в 1863 году по стенографическим заметкам мистера Мэя в виде шести маленьких синих книжечек ценой по 4 пенса каждая под названием "Наши знания о причинах возникновения органической природы". Когда они были опубликованы, мой отец с интересом прочитал их, который так ссылается на них в письме сэру Дж.Д. Хукеру:

"Я очень рад, что вам нравятся лекции Хаксли. Они меня очень поразили, особенно "Философия индукции". Я поссорился с ним за то, что он преувеличивает стерильность и игнорирует рекомендации Gartner и Kolreuter о стерильных разновидностях. Его геология неясна; и я довольно сомневаюсь в разуме и языке человека. Но мне кажется, что сделано ПРЕВОСХОДНО, и, как вы говорите, "О боже" по поводу восхваления "Происхождения". Мне это не может не нравиться, и мне немного стыдно за себя".

Мой отец восхищался ясностью изложения, показанной на лекциях, и в следующем письме призывает их автора использовать свои способности на благо студентов:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. 5 ноября [1864].

Я хочу сделать вам предложение, которое, возможно, приходило вам в голову. — читал ваши лекции и закончил словами: "Я бы хотел, чтобы он написал книгу". Я ответил: "Он только что написал замечательную книгу о черепе". "Я бы не назвала это книгой", - ответила она и добавила: "Я хочу что-то, что люди могли бы прочитать; он действительно так хорошо пишет".

Теперь, с вашей легкостью в письме и знаниями на кончиках ваших пальцев, не думаете ли вы, что могли бы написать популярный трактат по зоологии? Конечно, это было бы пустой тратой времени, но меня более дюжины раз просили порекомендовать что-нибудь новичку, и я мог думать только о Carpenter's Zoology. Я уверен, что поразительный Трактат оказал бы реальную услугу науке, обучив натуралистов. Если бы вы пару лет держали портфолио открытым и подбрасывали туда листки бумаги по мере того, как темы приходили вам в голову, у вас вскоре появился бы скелет (и в этом, как мне кажется, вся трудность), на который можно было бы наложить плоть и краски в вашей неподражаемой манере. Я верю, что такая книга могла бы иметь блестящий успех, но я не собирался так много писать об этом.

Передайте мои самые теплые воспоминания миссис Хаксли и скажите ей, что я смотрел "Еноха Ардена", и поскольку я знаю, как она восхищается Теннисоном, я должен обратить ее внимание на две очаровательные строчки (стр. 105)...

... и он имел в виду, он сказал, что имел в виду, Возможно, он имел в виду или частично имел в виду, что тебе хорошо.

Такой драгоценности, как эта, достаточно, чтобы я снова стал молодым и полюбил поэзию с первозданным пылом.

Мой дорогой Хаксли, сердечно ваш Ч. ДАРВИН.

[В другом письме (январь 1865 г.) он возвращается к вышеупомянутому предложению, хотя в целом был категорически против того, чтобы люди науки тратили на написание учебников или преподавание время, которое в противном случае можно было бы уделить оригинальным исследованиям.

"Я знал, что у вас очень мало шансов найти время для написания популярного трактата по зоологии, но вы, пожалуй, единственный человек, который мог бы это сделать. В то время я чувствовал, что для вас было бы почти грехом сделать это, поскольку это, конечно, уничтожило бы какую-нибудь оригинальную работу. С другой стороны, мне иногда кажется, что общие и популярные трактаты почти так же важны для прогресса науки, как и оригинальные работы".

Серия писем продолжит историю 1863 года.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 3 января [1863].

Моя дорогая Проститутка,

Я сгораю от негодования и должен выдохнуть... Вчера я не мог заснуть до трех часов ночи из-за негодования (Это не принесло бы никакой пользы, если бы я стал вдаваться в подробности, которые так сильно вызвали гнев моего отца. Это был вопрос литературной нечестности, в которой пострадал друг, но который никоим образом не затронул его самого.)...

Теперь перейдем к более приятным темам; нас всех позабавила ваша защита коллекционирования марок и коллекционирования в целом... Но, ей-богу, я с трудом перевариваю, что взрослый мужчина собирает марки. Кто бы мог подумать, что вы коллекционируете посуду из веджвуда! но это совершенно другое, как гравюры или картины. Мы

дегенеративные потомки старого Джосайи У., потому что у нас в доме нет ни капли красивой посуды.

... Несмотря на очень приятную причину, которую вы приводите для того, чтобы мы не наслаждались отдыхом, а именно, что у нас нет пороков, это ужасная скука. Я пытался ради здоровья побыть в бездействии, но безуспешно. Что мне теперь нужно будет сделать, так это установить табличку в церкви Даун, "Посвященную памяти и т.д.", и официально умереть, а затем издать книги "покойного Чарльза Дарвина", потому что я не могу понять, что на меня нашло в последнее время; я всегда страдал от возбуждения от разговоров, но теперь это стало нелепым. Недавно я разговаривал 1 1/2 часа (в перерывах на чай в одиночестве) со своим племянником, и я был [болен] полночи. Это страшное зло для меня и семьи.

Спокойной ночи. Всегда ваш. Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо сэру Джулиусу фон Хаасту (сэр Джулиус фон Хааст был немцем по происхождению, но долгое время проживал в Новой Зеландии. В 1862 году он был государственным геологом провинции Кентербери.), является примером сочувствия, которое он испытывал к распространению и росту науки в колониях. Это было чувство, выраженное не только один раз, но часто присутствовавшее в его сознании и часто находившее выражение. Когда мы в Кембридже имели удовольствие принять сэра Дж. фон Хааста в нашу организацию в качестве доктора наук (июль 1886 г.), я имел возможность услышать от него о том живом удовольствии, которое доставили ему это и другие письма моего отца. Было приятно видеть, насколько сильным было впечатление, произведенное искренним сочувствием моего отца, - впечатление, которое по прошествии более чем двадцати лет казалось таким же свежим, как и тогда, когда оно было получено впервые:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЮЛИУСУ ФОН ХААСТУ. Даун, 22 января [1863].

Уважаемый сэр,

Я искренне благодарю Вас за то, что вы прислали мне свой адрес и геологический отчет. (Адрес "Философского института Кентербери (Северная Каролина)". "Отчет" приведен в "Правительственном вестнике Новой Зеландии, провинция Кентербери", октябрь 1862 года.) Редко в своей жизни я читал что-либо более вдохновенное и интересное, чем ваше обращение. Прогресс вашей колонии вызывает гордость, и поистине восхитительно видеть научное учреждение, основанное в такой молодой стране. Я благодарю вас за почетное упоминание о моем "Происхождении видов". Вы легко поверите, насколько сильно меня заинтересовали ваши поразительные факты о древнем ледниковом периоде, и я полагаю, что по всему миру можно было бы напрасно искать столь грандиозную экспозицию террас. У вас, действительно, великолепное поле для научных исследований и открытий. Меня чрезвычайно заинтересовало то, что вы сказали о следах предполагаемых [живых] млекопитающих. Могу я спросить, если вам удастся выяснить, что это за существа, не будете ли вы столь любезны сообщить мне об этом? Возможно, из них получится что-то вроде птицы Соленхофена, с ее длинным хвостом и пальцами с когтями на крыльях! Могу упомянуть, что в Южной Америке, в совершенно необитаемых регионах, я обнаружил, что весенние крысоловки с наживкой из сыра очень успешно ловят мелких млекопитающих. Я осмелился бы предложить вам призвать некоторых

способных членов вашего учреждения ежегодно наблюдать за скоростью и способом распространения европейских сорняков и насекомых, и особенно за ТЕМ, КАКИЕ МЕСТНЫЕ РАСТЕНИЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОРАЖАЮТСЯ; этому последнему пункту никогда не уделялось внимания. Заменяют ли интродуцированные ульевые пчелы каких-либо других насекомых? и т.д. Все эти моменты, на мой взгляд, являются важными для науки. Какое интересное открытие - останки доисторического человека!

Поверьте мне, дорогой сэр, С самым сердечным уважением и благодарностью, искренне ваш
ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН КАМИЛЛЕ ДАРЕСТЕ. (Профессор Даресте - известный специалист в области тератологии животных. В 1863 году он жил в Лилле, но с тех пор был вызван в Париж. Мой отец проявил особый интерес к работе Дареста по созданию монстров, как имеющей отношение к причинам вариативности.) Даун, 16 февраля [1863].

Дорогой и уважаемый сэр,

Я искренне благодарю вас за ваше письмо и вашу брошюру. Я слышал (кажется, в одной из книг месье Катрефажа) о вашей работе и очень хотел прочитать ее, но не знал, где ее найти. Вы не могли бы сделать мне более ценного подарка. Я только что вернулся домой и еще не читал вашу работу; когда я это сделаю, если у меня возникнет желание задать какие-либо вопросы, я рискну побеспокоить вас. Ваше одобрение моей книги о видах доставило мне огромное удовольствие. Несколько натуралистов в Англии, Северной Америке и Германии заявили, что их мнения по этому вопросу в некоторой степени изменились, но, насколько я знаю, моя книга не произвела никакого эффекта во Франции, и это делает меня еще более благодарным за ваше очень любезное выражение одобрения. Прошу вас, поверьте мне, дорогой сэр, с большим уважением,

Искренне ваш и обязанный, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 24 февраля [1863].

Моя дорогая Проститутка,

Я удивлен вашим замечанием, я не видел "Атенеума" (В "Древности человека", первое издание, стр. 480, Лайелл довольно резко раскритиковал отчет Оуэна о различии между мозгом человека и обезьяны. Упомянутый здесь номер "Атенеума" (1863, стр. 262) содержит ответ профессора Оуэна на критику Лайелла. Удивление, выраженное моим отцом, было вызвано возобновлением спора, который все считали закрытым. Проф. Хаксли ("Медикал Таймс", 25 октября 1862 г., цитируется в "Месте человека в природе", стр. 117) говорил о "двух годах, в течение которых эта абсурдная полемика тянулась в своей утомительной протяженности". И это, без сомнения, выражало очень общее чувство.) но я послал за ним и, возможно, получу его завтра; и тогда скажу, что думаю.

Я читал книгу Лайелла. ["Древность человека".] вся эта достоверность поразила меня как компиляция, но высочайшего класса, поскольку, когда это было возможно, факты были проверены на месте, что делало ее почти оригинальной работой. Главы о ледниках кажутся мне лучшими, а местами и великолепными. Я с трудом мог судить о Человеке, поскольку весь лоск новизны был полностью стерт. Но, безусловно, совокупность свидетельств произвела на меня поразительное впечатление. Глава, в которой сравнивается язык и изменения видов, кажется наиболее остроумной и интересной. Он проявил большое мастерство в выделении важных моментов в аргументации в пользу изменения видов; но я глубоко разочарован (я не имею в виду лично), обнаружив, что его робость мешает ему выносить какие-либо суждения... Из всего моего общения с ним я всегда должен думать, что он действительно полностью утратил веру в неизменность видов; и все же одно из его самых сильных предложений звучит почти так: "Если это КОГДА-НИБУДЬ (курсив не Лайелла.) было бы сделано весьма вероятным, что виды изменяются в результате вариаций и естественного отбора " и т.д. и т.п. Я надеялся, что он поведет общественность настолько далеко, насколько позволят его собственные убеждения... Одно меня радует в этом вопросе - то, что он, кажется, ценит вашу работу. Без сомнения, публика или ее часть могут быть склонны думать, что, поскольку он уделяет нам больше места, чем Ламарку, он должен думать, что в наших взглядах что-то есть. При чтении главы о мозге меня поразило, что если бы он открыто сказал, что верит в изменение видов и, как следствие, в то, что человек произошел от какого-то четвероногого животного, было бы очень уместно обсудить путем компиляции различия в самом важном органе, а именно. мозг. Как бы то ни было, мне кажется, что в этой главе главное - голова и плечи. Я не думаю (но ведь я так же предубежден, как Фальконер и Хаксли, или даже больше), что это слишком сурово; мне показалось, что оно дано с юридической силой. Возможно, справедливо было бы сказать, что он не имел права судить о предмете, в котором ничего не смыслит; но компиляторы должны делать это в определенной степени. (Вы знаете, что я ценю компиляторов высокого ранга, поскольку сам являюсь одним из них!) Я поверил вам на слово и написал очень подробно. Если завтра я получу "Атенеум", я добавлю свое впечатление от письма Оуэна.

... Лайеллы приедут сюда в воскресенье вечером, чтобы остаться до среды. Я боюсь этого, но должен сказать, как сильно я разочарован тем, что он не высказался о видах, а тем более о человеке. И лучшая шутка заключается в том, что он думает, что действовал с мужеством мученика древности. Я надеюсь, что, возможно, у меня сложилось преувеличенное мнение о его робости, и буду ОСОБЕННО рад узнать ваше мнение по этому поводу. (По этому поводу мой отец написал сэру Джозефу Хукеру: "Сердечно благодарю за ваши глубоко интересные письма о Лайелле, Оуэне и Компании. Я не могу выразить, как я рад слышать, что я не был несправедлив по отношению к Лайеллю в вопросе о видах. Я боялся, что поступил неразумно".) Когда я получил его книгу, я пролистал страницы и увидел, что он обсуждал тему видов, и сказал, что, по моему мнению, он сделал бы больше для обращения общественности, чем все мы, и теперь (что усугубляет ситуацию для меня) Честно говоря, я должен взять свои слова обратно. Молю Небеса, чтобы он не сказал ни слова на эту тему.

УТРО СРЕДЫ:

Я читал "Атенеум". Я не думаю, что Лайель будет так сильно раздосадован, как вы ожидаете. Заключительное предложение, без сомнения, очень язвительное. Никто, кроме хорошего анатома, не смог бы разгадать письмо Оуэна; по крайней мере, это совершенно выше моих сил.

... Память подводит Лайелла, когда он говорит, что все анатомы были поражены статьей Оуэна ("О признаках и т.д. Класса Mammalia". 'Linn. Soc. Журнал, 'ii, 1858.); его часто цитировали с одобрением. Я ХОРОШО помню восхищение Лайелла этой новой классификацией! (Не повторяйте этого.) Я помню это, потому что, хотя я ровным счетом ничего не знал о мозге, я был убежден, что классификация, основанная таким образом на одном признаке, потерпит крах, и мне казалось большой ошибкой не разделить более полно сумчатых...

Какое это проклятое зло, что все эти раздоры происходят в том, что должно быть мирным царством науки. Я вернусь к своей нынешней теме наследования и забуду обо всем этом на время. Прощай, мой дорогой старый друг,

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Внизу, 23 февраля [1863].

... Если у вас будет время почитать, вас заинтересуют отрывки из книги Лайелла о человеке; но я боюсь, что лучшая часть, о ледниковом периоде, может оказаться слишком геологической для любого, кроме обычного геолога. Он со вкусом цитирует вас в конце. Кстати, на днях он рассказал мне, как обрадовались некоторые, узнав, что могут приобрести вашу брошюру. В "Парфеноне" также говорится об этом как о самом талантливом вкладе в литературу по данному предмету. Меня радует, когда я вижу, что вашу работу ценят.

Лайеллы приезжают сюда на этой неделе, и я буду ворчать на его чрезмерную осторожность... Общественность вполне может сказать: "если такой человек не осмеливается или не хочет высказывать свое мнение, как мы, невежественные, можем составить хотя бы предположение на этот счет?" Лайелл был доволен, когда я недавно сказал ему, что, по вашему мнению, язык можно использовать как превосходную иллюстрацию происхождения видов; вы увидите, что у него есть ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ глава по этому поводу ...

Я прочитал превосходную лекцию Кэрнса (проф. Дж.Э. Кэрнс, "Власть рабов и т. Д.: попытка объяснить реальные проблемы, связанные с американским соревнованием". 1862 г.), В которой так хорошо показано, как ваша ссора возникла из-за рабства. Это заставило меня на какое-то время искренне захотеть на Север; но я никогда не мог помочь, хотя и пытался, все время думая о том, как вы будете запугивать нас и принуждать к войне, когда вы одержите победу. Но я действительно считаю ужасным, что Юг с его проклятым рабством восторжествовал и распространил зло. Я думаю, если бы у меня была власть, которой, слава Богу, у меня нет, я бы позволил вам завоевать пограничные штаты и все к западу от Миссисипи, а затем заставил бы вас признать хлопковые Штаты. Ибо не начинаешь ли ты теперь сомневаться, сможешь ли ты победить и удержать их? Я разразился длинной тирадой в твой адрес.

"Таймс" становится еще более отвратительной (но это слишком слабое слово), чем когда-либо. Моя добрая жена хотела бы отказаться от этого, но я говорю ей, что это уровень героизма, на который способна только женщина. Отказаться от "Проклятых старых времен", как называл это Коббетт, означало бы отказаться от мяса, питья и воздуха. Прощай, мой дорогой Грей,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 6 марта [1863 г.].

... Я, конечно, был глубоко заинтересован вашей книгой. ("Древность человека".) У меня вряд ли есть какие-либо замечания, достойные отправки, но я набросаю немного о том, что меня больше всего заинтересовало. Но сначала я выскажу то, что мне неприятно говорить, а именно, что я был сильно разочарован тем, что вы не высказали своего суждения и честно не высказали то, что вы думаете о происхождении видов. Я был бы доволен, если бы вы смело заявили, что виды не были созданы по отдельности, и сколько угодно сомневались бы в том, насколько велика вариативность и достаточен естественный отбор. Я молю Небеса, чтобы я ошибался (и, судя по тому, что вы говорите об Уэвелле, это так и есть), но я не вижу, как ваши главы могут принести больше пользы, чем экстраординарная рецензия. Я думаю, что "Парфенон" прав в том, что вы оставите публику в тумане. Без сомнения, они могут сделать вывод, что, поскольку вы уделяете больше места мне, Уоллесу и Хукеру, чем Ламарку, вы больше думаете о нас. Но я всегда думал, что ваше суждение стало бы эпохой в этом предмете. Со мной все это кончено, и я буду думать только о замечательном мастерстве, с которым вы выбрали поразительные моменты и объяснили их. На мой взгляд, не может быть слишком сильной похвалы неподражаемой главе о языке в сравнении с видами.

(После размышлений о внезапном появлении особей, намного превосходящих средний уровень человеческой расы, Лайелл спрашивает, не могли ли такие скачки вверх по шкале интеллекта "разом расчистить пространство, отделявшее высшую стадию непрогрессирующего интеллекта низших животных от первой и низшей формы улучшаемого разума, проявленного человеком".) страница 505—Предложение вверху страницы заставляет меня застонать ...

Я знаю, вы простите меня за то, что я пишу совершенно свободно, ибо вы должны знать, как глубоко я уважаю вас как моего старого уважаемого наставника. Я искренне надеюсь и ожидаю, что ваша книга разоидется гигантским тиражом и принесет во многих отношениях столько пользы, сколько должна принести. Я устал, так что хватит. Я написал так кратко, что вам придется догадаться, что я имею в виду. Боюсь, мои замечания вряд ли стоят отправки. Прощайте, с наилучшими пожеланиями леди Лайелл.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

[Г-н Хаксли процитировал (том i, стр. 546) некоторые отрывки из писем Лайелла, которые показывают его душевное состояние в то время. Следующий отрывок из письма моему отцу от 11 марта также представляет большой интерес:

Однако мои чувства больше, чем любые мысли о политике или целесообразности, удерживают меня от догматизации относительно происхождения человека от животных, что, хотя я и готов это принять, лишает меня большей части очарования моих размышлений о прошлом, связанных с подобными вопросами... Но вы должны быть удовлетворены, поскольку я приведу к вам сотни людей, которые, если бы я отнесся к этому вопросу более догматично, взбунтовались бы".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, 12 [марта 1863 г.].

Мой дорогой Лайель,

Благодарю Вас за ваше очень интересное и доброе, можно сказать, очаровательное письмо. Я опасался, что вы могли бы рассердиться из-за недолгого общения со мной. Я знаю, что некоторые люди поступили бы именно так. Во всяком случае, у меня едва ли есть еще какие-нибудь критические замечания, достойные написания. Но я могу упомянуть, что я был немного удивлен, что старый Б. де Перт (1788-1868. Смотрите сноску ниже.) не был упомянут более достойно. Я бы посоветовал, не могли бы вы опустить некоторые ссылки на "Принципы"; одна для настоящего студента равносильна сотне, и это довольно раздражает и создает ощущение неполноты у обычного читателя, когда его часто отсылают к другим книгам. Поскольку вы говорите, что зашли в вопросе о видах так далеко, как вам кажется, мне нечего сказать; но я должен быть убежден, что временами, судя по разговорам, выражениям лиц, письмам и т.д., Вы так же полностью отказывались от веры в неизменность конкретных форм, как и я. Я все еще должен думать, что ясное выражение с вашей стороны, ЕСЛИ БЫ ВЫ МОГЛИ ЕГО ПРОИЗНЕСТИ, произвело бы сильное впечатление на публику, тем более что раньше вы придерживались противоположных мнений. Чем больше я работаю, тем больше удовлетворяюсь вариативностью и естественным отбором, но эту часть дела я считаю менее важной, хотя и более интересной лично для меня. Поскольку вы просите критических замечаний по этому поводу (и поверьте мне, что я не должен был высказывать их без просьбы), я могу уточнить (стр. 412, 413), что такие слова, как "мистер Д. старается показать", "автор считает, что он проливает свет", заставили бы обычного читателя подумать, что вы сами совсем НЕ согласны, а просто считаете справедливым высказать свое мнение. Наконец, вы неоднократно ссылаетесь на мою точку зрения как на модификацию доктрины Ламарка о развитии и прогрессии. Если это ваше осознанное мнение, то тут нечего сказать, но мне так не кажется. Платон, Бюффон, мой дед до Ламарка и другие выдвигали ОЧЕВИДНЫЕ взгляды, что если виды не были созданы отдельно, то они, должно быть, произошли от других видов, и я не вижу больше ничего общего между "Происхождением" и Ламарком. Я считаю, что такая постановка вопроса очень вредит его принятию, поскольку предполагает необходимый прогресс и тесно связывает наши с Уоллесом взгляды с тем, что я считаю, после двух вдумчивых прочтений, плохой книгой, и той, из которой (я хорошо помню свое удивление) Я ничего не получил. Но я знаю, что вы оцениваете это выше, что любопытно, поскольку это ни в малейшей степени не поколебало вашу веру. Но достаточно, и более чем достаточно. Пожалуйста, помните, что вы сами навлекли все это на себя!!!

Мне очень жаль слышать о "требовании" Фальконера. ("Фальконер, на которого я ссылался чаще, чем на любого другого автора, говорит, что я не отдал должного той роли, которую он сыграл в возрождении вопроса о пещере, и говорит, что он выступит с отдельной статьей, чтобы доказать это. Я предложил что-нибудь изменить в новом издании, но он отказался. —К. Лайелл Ч. Дарвину, 11 марта 1863 г.; "Жизнь" Лайелла, том ii, стр. 364.) Я ненавижу само это слово и испытываю к нему искреннюю привязанность.

Читали ли вы когда-нибудь что-нибудь столь же убогое, как рецензии в "Атенеуме" о вас и особенно о Хаксли ("Место человека в природе", 1863)? Ваша ЦЕЛЬ - состарить человека, а ЦЕЛЬ Хаксли - унижить его. Несчастный писатель понятия не имеет, что означает открытие научной истины. Как великолепны некоторые страницы у Хаксли, но я боюсь, что книга не будет популярна...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [13 марта 1863 г.].

Мне следовало бы поблагодарить вас раньше за "Атенеум" и очень приятную предыдущую заметку, но я был занят и испытывал немалый дискомфорт от частого неприятного чувства переполнения, легкой боли и щекотания в области сердца. Но поскольку у меня нет других симптомов сердечной недостаточности, я не думаю, что это затронуто... Я получил самое доброе и восхитительно откровенное письмо от Лайелла, который говорит, что высказал все, во что верит. Я не сомневаюсь, что вера подводила его, когда он писал, ибо я уверен, что временами он верил в Сотворение мира не больше, чем вы или я. В своем ответе я немного поворчал на то, что он ВСЕГДА классифицировал мою работу как модификацию работы Ламарка, которой она является не больше, чем у любого автора, который не верил в неизменность видов, но верил в происхождение. Мне очень жаль слышать от Лайелла, что Фальконер собирается опубликовать официальное опровержение своих собственных утверждений ...

Жестоко думать об этом, но мы должны ехать в Малверн в середине апреля; для меня это разорение. (27 апреля он отправился в Хартфилд в Сассексе, а осенью - в Малверн.)...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 17 марта [1863].

Мой дорогой Лайель,

Меня очень заинтересовали ваши письма и приложение, и я искренне благодарю вас за то, что вы уделите мне так много времени, когда вы, должно быть, так заняты. Какое любопытное письмо от Б. де П. [Буше де Перта]. Он кажется совершенно удовлетворенным и, должно быть, очень дружелюбный человек. Я кое-что знаю о его ошибках, много лет назад я просмотрел его книгу, и мне стыдно думать, что я пришел к выводу, что все это чушь собачья! И все же он сделал для человека нечто подобное тому, что Агассис сделал для ледников. (В своих "Кельтских древностях" (1847) Буше де Перт описал кремневые орудия, найденные в Аббевиле вместе с костями носорога, гиены и др. "Но научный мир не поверил утверждению, что произведения искусства, какими бы грубыми они ни были, были найдены в нетронутых постелях такой древности". ("Древность человека", первое издание, стр. 95).)

Я не могу сказать, что согласен с Хукером в том, что публике не нравится, когда ей указывают, к каким выводам следует прийти, ЕСЛИ ИСХОДИТЬ ИЗ ЧЕЛОВЕКА В ВАШЕМ ПОЛОЖЕНИИ. Но я искренне сожалею, что был вынужден высказать жалобы или что-то очень похожее на жалобы на то, как вы отнеслись к этому предмету, и еще больше на то, что касается меня самого. Я неуклонно СТАРАЮСЬ никогда не забывать о своей твердой вере в то, что никто вообще не может судить о своей собственной работе. Что касается Ламарка, то, поскольку с вами такой человек, как Гроув, вы торжествуете; не то чтобы я мог изменить свое мнение о том, что для меня это была абсолютно бесполезная книга. Возможно, это было связано с тем, что я всегда искал факты в книгах, возможно, из-за того, что знал более раннее и идентично аналогичное предположение моего дедушки. Я только далее скажу, что если я могу проанализировать свои собственные чувства (процесс весьма сомнительный), то это почти в такой же степени ради вас,

как и ради себя самого, что я так сильно хотел бы, чтобы состояние вашей веры позволило вам смело и отчетливо заявить, что виды не были созданы по отдельности. Я в общих чертах рассказал вам о развитии мнений, насколько я слышал, по вопросу о видах. Первоклассный немецкий натуралист (несомненно, Геккель, чья монография о радиоляриях была опубликована в 1862 году. В том же году профессор У. Прейер из Йены опубликовал диссертацию об *Alca impennis*, которая была одной из первых частей специальной работы, основанной на "Происхождении видов".) (Сейчас я забыл имя!), который недавно опубликовал большое фолио, в высшей степени подробно высказался о "Происхождении". Де Кандоль в очень хорошей статье о "Дубах" заходит, по мнению Эйзы Грея, так же далеко, как и он сам; но Де Кандоль в письме ко мне говорит, что Мы "думаем то-то и то-то"; так что я делаю вывод, что он действительно полностью согласен со мной и рассказывает о французском хорошем ботанике-палеонтологе (имя забыто) (маркиз де Сапорта.), который пишет Де Кандолю, что уверен в том, что мои взгляды в конечном итоге восторжествуют. Но я не собирался писать все это. Конечные результаты меня удовлетворяют, но этот результат, как я начинаю понимать, займет две или три жизни. Энтомологов достаточно, чтобы отложить эту тему на полвека. Мне действительно жаль, что вам приходится уравнивать претензии стольких страстных претендентов на внимание; очевидно, что удовлетворить всех невозможно... Конечно, я был поражен той полной и должной честью, которую вы оказали Фальконеру. Я только что получил записку от Хукера... Я искренне рад, что вы сделали его таким заметным; он такой честный, такой откровенный и такой скромный...

Я прочитал ... Я не смог найти ничего, за что можно было бы ухватиться, чему в одном смысле я очень рад, так как я бы ненавидел споры; но в другом смысле я очень сожалею, так как я страстно желаю быть в одной лодке со всеми моими друзьями... Я искренне рад, что книга выходит так хорошо.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [29 марта 1863 г.].

... Большое спасибо за "Атенеум", полученный сегодня утром и подлежащий возврату завтра утром. Кто бы мог когда-нибудь подумать, что старый глупый "Атенеум" обратится к подобной Окену трансцендентальной философии, написанной в овенианском стиле! (Имеется в виду рецензия на "Введение в изучение фораминифер" доктора Карпентера, опубликованная в "Атенеуме" от 28 марта 1863 г. (стр. 417). Рецензент критикует взгляды доктора Карпентера в той мере, в какой они поддерживают доктрину происхождения; и он поддерживает спонтанное зарождение (гетерогенность) вместо того, во что доктор Карпентер, вполне естественно, верил, а именно. генетическая связь ныне живущих и вымерших фораминифер. В следующем номере помещено письмо доктора Карпентера, которое в основном состоит из протеста против несколько презрительной классификации рецензентом доктора Карпентера и моего отца как ученика и мастера. В ходе письма доктор Карпентер говорит —страница 461:—

"Под влиянием своего предрешенного вывода о том, что я принял мистера Дарвина как своего учителя, а его гипотезу - как руководство, ваш рецензент представляет меня слепым к значению общего факта, заявленного мной, что "с палеозойского периода до настоящего времени не произошло никакого прогресса в развитии фораминиферного типа". Если бы не такой

предреженный вывод, он признал бы в этом заявлении выражение моей убежденности в том, что нынешнее состояние научных данных, вместо того чтобы санкционировать идею о том, что потомки примитивного типа или типов фораминифер могут когда-либо подняться на более высокую ступень, оправдывает АНТИДАРВИНИСТСКОЕ влияние, что, как бы сильно они ни отличались друг от друга и от своих оригиналов, ОНИ ВСЕ РАВНО ОСТАЮТСЯ ФОРАМИНИФЕРАМИ "...). Пройдет некоторое время, прежде чем мы увидим, как "слизь, протоплазма и т.д." Порождают новое животное. (По тому же поводу мой отец писал в 1871 году: "Часто говорят, что сейчас созданы все условия для первого появления живого организма, которые могли когда-либо существовать. Но если (и о! какое большое "если"!) мы могли бы представить себе, что в каком-нибудь теплом маленьком пруду, где присутствуют всевозможные соли аммиака и фосфорной кислоты, свет, тепло, электричество и т.д., химически образовалось белковое соединение, готовое претерпеть еще более сложные изменения, в наши дни такая материя была бы мгновенно поглощена, чего не было до образования живых существ "...). Но я уже давно сожалею, что обратился к общественному мнению и использовал Пятикнижный термин сотворения мира (Имеется в виду отрывок, в котором рецензент книг доктора Карпентера говорит о "действии силы" или "сочетание сил, которым сейчас нет места в природе", как являющееся "фактически творческой силой, которую Дарвин мог выразить только в терминах Пятикнижия как изначальную форму, "в которую впервые была вдохнута жизнь". Концепция выражения творческой силы как изначальной формы принадлежит Рецензенту.), под которой я на самом деле подразумевал "появившуюся" в результате какого-то совершенно неизвестного процесса. Это просто вздор - думать в настоящее время о происхождении жизни; с таким же успехом можно думать о происхождении материи.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, вечер пятницы [17 апреля 1863 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я слышал от Оливера, что вы сейчас будете в Кью, и поэтому собираюсь развлечь себя, немного набросав. Надеюсь, вам очень понравилась ваша экскурсия. Я никогда в жизни не видел ничего подобного весенним цветам в этом году. Сколько всего интересного было опубликовано за последнее время. Мне очень понравился ваш отзыв о De Candolle. Какая ужасно суровая статья Фальконера о Лайелле ("Атенеум", 4 апреля 1863 г., стр. 459. Автор утверждает, что справедливость не была воздана ни ему, ни мистеру Прествичу — Лайелл не дал понять, что именно их оригинальная работа предоставила определенный материал для "Древности человека". Фальконер пытается провести несправедливое различие между "философом" (здесь используется вежливое слово для обозначения компилятора), таким как сэр Чарльз Лайелл, и оригинальными наблюдателями, предположительно такими, как он сам, и мистер Прествич. Ответ Лайелла был опубликован в "Атенеуме" 18 апреля 1863 года. Следует упомянуть, что письмо мистера Прествича ("Атенеум", стр. 555), которое стало частью полемики, хотя и носило характер рекламы, было написано в совершенно ином духе и тоне, чем письмо доктора Фальконера.); Я очень сожалею об этом; я думаю, что Фальконер со своей стороны не отдает должное старику Пертесу и Шмерлингу... Мне будет очень любопытно посмотреть, как он [Лайель] ответит на это завтра. (Я был вынужден на некоторое время заглянуть в "Атенеум".) Мне очень жаль, что Фальконер написал так злобно, даже если в его обвинениях есть доля правды; Я был несколько разочарован письмом Карпентера, никто не мог бы дать лучшего ответа, но мне

кажется, главная цель его письма - показать, что, хотя он и прикасался к смоле, он не осквернен. Никто бы не предположил, что он зашел так далеко, чтобы поверить, что все птицы произошли от одного прародителя. Я написал письмо в "Атенеум" ("Атеней", 1863, стр. 554: "представление дается мной на происхождение или Происхождение видов, каковы бы ни были его слабости, может быть, соединяет (как уже было откровенно признан, что некоторые его противники, такие как Пикте, Бронн, и т. д.), по понятной нить рассуждений, множество фактов: например, формирование внутреннего рас человека отбор, классификация и родство всех органических существ,—бесчисленные градации в структуре и инстинкты,—сходство рисунка в руке, крыло, весло или животных одного класса,—наличие рудиментарных органов становятся по неупотребления,—сходство эмбрионального рептилий, птиц и млекопитающих, с сохранением следы аппарат, приспособленный для водных дыхания; сохранение в молодого теленка от резцов в верхней челюсти и т. д. распределение животных и растений и их взаимного сродства внутри одного региона, их общие геологические преемственности и тесной взаимосвязи ископаемых в тесном последовательных формациях и в пределах одной страны; вымершие сумчатые, предшествующую живущих сумчатых в Австралии, и броненосец-как животные, имеющие предшествовали и автоматически armadilloes в Южной Америке, и многие другие явления, такие как постепенное вымирание старых форм и их постепенная замена на новые формы лучше приспособлены к их новым условиям в борьбе за жизнь. Когда защитник гетерогенности сможет таким образом связать воедино большие классы фактов, и не раньше, чем тогда, у него появятся уважительные и терпеливые слушатели".) (Первый и последний раз, когда я решаюсь на такой шаг) сказать под прикрытием нападок на гетерогенность слово в свою защиту. Мое письмо должно появиться на следующей неделе, так говорит Редактор; и я собираюсь процитировать фразу Лайелла (см. Следующее письмо.) из его второго издания о принципе "если кто-то затягивается сам, то лучше затянуться красиво" ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 18 апреля [1863].

Мой дорогой Лайель,

Я действительно очень сожалел, что вы прислали мне второй экземпляр (второе издание "Древности человека" вышло в свет через несколько месяцев после появления первого.) вашей ценной книги. Но через несколько часов моя печаль рассеялась по следующей причине: я написал письмо в "Атенеум", чтобы под прикрытием критики чудовищной статьи о гетерогенности сказать несколько слов в свое оправдание Карпентеру, а теперь я вставил несколько предложений в ответ на ваше аналогичное возражение (Лайель возражал, что млекопитающие (например, летучие мыши и тюлени), которые одни смогли достичь океанических островов, должны были видоизмениться в различные наземные формы, пригодные для заполнения различных мест в их новом доме. Мой отец указал в "Атенеуме", что сэр Чарльз в какой-то мере ответил на свое собственное возражение, и продолжил цитировать "исправленное предложение" ("Древность человека", 2-е издание, стр. 469), как показывающее, насколько Лайелл согласен с общими доктринами "Происхождения видов": "И все же мы ни в коем случае не должны недооценивать важность шага, который будет сделан, если впоследствии среди людей науки станет общепринятым мнением (а я полностью ожидаю, что так и будет), что прошлые изменения органического мира были вызваны биологическими изменениями ". подчиненный агент таких причин, как Изменчивость и Естественный отбор". В

первом издании не встречаются слова ("как я вполне ожидаю") о летучих мышах на островах, а затем с бесконечным лукавством процитировано ваше исправленное предложение с вашими скобками ("как я полностью полагаю") (Мой отец здесь неправильно цитирует Лайелла; см. Предыдущее примечание.); Я не думаю, что вас может раздражать то, что я это делаю, и вы видите, что я полон решимости, насколько это в моих силах, чтобы публика увидела, как далеко вы заходите. Это первый раз, когда я сказал слово в свое оправдание в каком-либо журнале, и, я думаю, оно будет последним. Мое письмо короткое, и в нем нет ничего особенного. Я был чрезвычайно обеспокоен, увидев неуважительное и ядовитое письмо Фальконера. Мне чрезвычайно понравился ваш ответ, который я только что прочитал; вы занимаете высокую и достойную позицию, на которую вы имеете полное право. (В письме сэру Дж.Д. Хукеру он писал: "Мне очень нравится письмо Лайелла. Но все эти препирательства сильно потопят ученых. Я уже видел насмешки в "Таймс"".)

Я подозреваю, что если бы вы добавили еще несколько превосходных степеней, говоря о нескольких авторах, не было бы этого ужасного шума. Я уверен, что никто из тех, кто знает вас, не мог бы усомниться в вашем искреннем сочувствии каждому, кто хоть немного продвинулся в науке. Я до сих пор хорошо помню свое удивление по поводу того, как вы выслушали меня на Харт-стрит, когда я вернулся из путешествия на "Бигле". Вы сделали мне очень много хорошего. Ужасно досадно, что такой откровенный и, по-видимому, дружелюбный человек, как Фальконер, повел себя подобным образом. (Именно к этому делу относится отрывок из письма Фальконеру, приведенный в томе i.) Что ж, скоро все это забудется...

[В ответ на вышеупомянутое письмо моего отца в "Атенеум" в этом журнале появилась статья (2 мая 1863 г., стр. 586), обвиняющая моего отца в том, что он приписывает своим взглядам исключительную заслугу "связывания понятной нитью рассуждений" ряда фактов морфологии и т.д. Автор отмечает, что "Различные обобщения, упомянутые г-ном Дарвином как связанные понятной нитью рассуждений исключительно через его попытку объяснить конкретную трансмутацию, на самом деле связаны с ней тем, что они подготовили умы натуралистов к лучшему восприятию таких попыток объяснить способ происхождения видов от разновидностей".

На это мой отец ответил в "Атенеуме" от 9 мая 1863 года:]

Даун, 5 мая [1863 г.].

Я надеюсь, что вы предоставите мне возможность признать, что ваш рецензент совершенно прав, когда утверждает, что любая теория происхождения свяжет "понятной нитью рассуждений" несколько указанных выше обобщений. Мне следовало бы сделать это признание прямо; с оговоркой, однако, что, насколько я могу судить, ни одна теория не объясняет и не связывает эти несколько обобщений (в особенности формирование домашних рас по сравнению с естественными видами, принципы классификации, эмбриональное сходство и т.д.) так хорошо, как теория, или гипотеза, или предположение, если рецензенту нравится это называть, Естественного отбора. Также никогда не предлагалось никакого другого удовлетворительного объяснения почти совершенной адаптации всех органических существ друг к другу и к физическим условиям их жизни. Верит ли натуралист во взгляды, изложенные Ламарком, Джеффри Сент-Илером, автором "Остатков", мистером Уоллесом и мной, или в любую другую подобную точку зрения, имеет чрезвычайно малое значение по сравнению с признанием того, что виды произошли от других видов и не были созданы неизменными; ибо

тому, кто признает это как великую истину, открывается широкое поле для дальнейших исследований. Однако я полагаю, исходя из того, что я вижу в развитии общественного мнения на Континенте и в этой стране, что теория естественного отбора в конечном итоге будет принята, без сомнения, со многими второстепенными изменениями и усовершенствованиями.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Далее он ссылается на вышеупомянутое письмо в "Атенеум":]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Лейт-Хилл-Плейс, суббота [11 мая 1863 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Вы даете хороший совет не писать в газетах; я скрежещу зубами от собственной глупости; и это вызвано не насмешками —, которые были настолько хороши, что я почти наслаждался ими. Я написал еще раз, чтобы признать определенную долю правды в том, что он говорит, и тогда, если я когда-нибудь снова окажусь таким дураком, не смей меня щадить. Я прочитал сквиба в "Общественном мнении" ("Public Opinion", 23 апреля 1863 г. Живой отчет о полицейском деле, в котором высмеиваются ссоры ученых. Мистер Джон Булль свидетельствует, что...

"Вся округа была взбудоражена их спорами; Хаксли ссорился с Оуэном, Оуэн - с Дарвином, Лайелл - с Оуэном, Фалькoner и Прествич - с Лайеллом, а Грэй, работник зверинца, - со всеми. Однако он с удовольствием заявил, что Дарвин был самым тихим из всей компании. Они всегда перебирали кости друг с другом и дрались за свою выгоду. Если кто-нибудь из просеивателей гравия или камнедробилок находил что-нибудь, он был обязан немедленно это спрятать, иначе кто-нибудь из старых собирателей костей обязательно сначала присвоил бы это, а потом отрицал кражу, и последующие пререкания были столь же бесконечными, сколь и утомительными.

- Лорд-мэр.— Возможно, священник прихода мог бы оказать на них какое-то влияние?

"Джентльмен улыбнулся, покачал головой и заявил, что, к сожалению, вынужден сообщить, что ни один класс людей не уделяет так мало внимания мнению духовенства, как тот, к которому принадлежали эти несчастные люди".); это превосходно; если есть еще что-то и у вас есть экземпляр, пожалуйста, одолжите его. Это хорошо показывает, что ученому человеку лучше быть втоптаным в грязь, чем ссориться. Я рисовал диаграммы, препарировал побеги и до безнадежности запутывал свои мозги по поводу расхождения листьев, и, конечно же, потерпел полную неудачу. Но я вижу, что эта тема в высшей степени любопытна и даже поразительна...

[Следующее письмо относится к президентскому обращению мистера Бентама к Линнеевскому обществу (25 мая 1863 г.). Мистер Бентам не уступает новой теории эволюции, "не может сдаваться по своему усмотрению, пока многие важные внешние разработки остаются спорными". Но он показывает, что огромное количество научных мнений движется в направлении веры.

Упоминание Пастера г-ном Бентамом относится к обнародованию "как бы с кафедры" теории самопроизвольного зарождения рецензентом доктора Карпентера в "Атенеуме" (28 марта 1863 г.). Г-н Бентам указывает, что, игнорируя опровержение Пастером предполагаемых фактов

самопроизвольного зарождения, автор не действует с "той беспристрастностью, которой, как предполагается, обладает каждый рецензент".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Г. БЕНТАМУ. Даун, 22 мая [1863].

Мой дорогой Бентам,

Я очень признателен за ваше доброе и интересное письмо. Я не боюсь ничего, что скажет такой человек, как вы, что хоть в малейшей степени меня раздражит. С другой стороны, любое одобрение от того, чьи суждения и знания я на протяжении многих лет так искренне уважал, доставит мне большое удовольствие. Хорошо сформулированное вами возражение о том, что определенные формы остаются неизменными на протяжении длительного времени и пространства, без сомнения, устрашающе внешне и в определенной степени реально, согласно моему суждению. Но разве сложность не заключается в том, что мы молча предполагаем, что знаем больше, чем на самом деле? Я буквально не нашел ничего более сложного, чем пытаться всегда помнить о своем невежестве. Я никогда не устаю, гуляя по какому-либо новому соседнему району или стране, размышлять о том, насколько мы абсолютно невежественны, почему одних старых растений там нет, а другие новые есть, и третьи в разных пропорциях. Если мы однажды полностью почувствуем это, то при оценке теории естественного отбора, которая подразумевает, что форма останется неизменной, если какое-либо изменение не пойдет ей на пользу, так ли уж удивительно, что некоторые формы должны изменяться гораздо медленнее и гораздо реже, а некоторые вообще не должны изменяться при условиях, которые нам (которые на самом деле ничего не знают о важных условиях) кажутся совсем иными. Конечно, априори мы могли бы предположить, что все растения, издревле завезенные в Австралию, претерпели бы некоторую модификацию; но тот факт, что они не были модифицированы, не кажется мне достаточно весомой трудностью, чтобы поколебать веру, основанную на других аргументах. Я неудачно выразился, но сегодня я далек от благополучия.

Я очень рад, что вы собираетесь сослаться на Пастера; я был поражен бесконечным восхищением его работой. С искренней благодарностью, поверьте мне, дорогой Бентам,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S. На самом деле, вера в Естественный отбор в настоящее время должна основываться исключительно на общих соображениях. (1) О том, что это истинная причина, вытекающая из борьбы за существование; и определенный геологический факт, что виды каким-то образом изменяются. (2) Из аналогии с изменением при одомашнивании в результате отбора человека. (3) И главным образом с этой точки зрения, объединяющей под понятной точкой зрения множество фактов. Когда мы перейдем к деталям, мы сможем доказать, что ни один вид не изменился [т. Е. Мы не можем доказать, что изменился один-единственный вид]; мы также не можем доказать, что предполагаемые изменения благотворны, что является основой теории. Мы также не можем объяснить, почему одни виды изменились, а другие нет. Последний случай кажется мне едва ли более трудным для точного и детального понимания, чем первый случай предполагаемого изменения. Бронн может напрасно спрашивать старую креационистскую школу и новую школу, почему у одной мыши уши длиннее, чем у другой, а у одного растения листья более заостренные, чем у другого.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Г. БЕНТАМУ. Даун, 19 июня [1863].

Мой дорогой Бентам,

Я был чрезвычайно рад и заинтересован вашим адресом, который вы любезно прислали мне. Кажется, это сделано превосходно, с таким судебным спокойствием и беспристрастностью, какие только мог продемонстрировать лорд-канцлер. Но можно усомниться в том, согласятся ли "неизменные" джентльмены с такой беспристрастностью, они могли бы сказать, что по отношению ко мне, Хукеру и другим проявлено слишком много доброты. Более того, я искренне верю, что ваше обращение, написанное в том виде, в каком оно есть, больше поколеблет непоколебимых и привлечет тех, кто склоняется на нашу сторону, чем что-либо написанное непосредственно в пользу трансмутации. Я едва ли могу сказать, почему это так, но ваше выступление порадовало меня так же сильно, как разочаровала книга Лайелла, то есть часть о видах, хотя и так умно написанная. Я согласен со всеми вашими замечаниями о рецензентах. Кстати, Лекок (автор "Географической ботаники", 9 томов, 1854-58) верит в смену видов. Я, например, могу со всей совестью заявить, что меня никогда не удивляет, что кто-то придерживается веры в неизменность; хотя я часто немало удивляюсь аргументам, выдвигаемым с этой стороны. Я слишком хорошо помню свои бесконечные колебания в сомнениях и трудностях. Мне действительно смешно, когда я думаю о годах, прошедших до того, как я увидел то, что, как я полагаю, является объяснением некоторых частей дела; я полагаю, что прошло пятнадцать лет после того, как я начал, прежде чем я увидел значение и причину расхождения потомков какой-либо одной пары. Вы сделали мне несколько самых элегантных и приятных комплиментов. В вашем обращении есть многое, что мне очень понравилось, особенно ваши замечания о различных натуралистах. Я так рад, что вы так благородно упомянули Пастера. Я только что перечитал эту записку; она недостаточно ярко выражает тот интерес, который я почувствовал, прочитав ваше обращение. Я верю, что вы совершили действительно хороший поворот на ПРАВИЛЬНУЮ СТОРОНУ. Поверьте мне, дорогой Бентам,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

1864.

[В дневнике моего отца за 1864 год есть запись: "Болен весь январь, февраль, март". Примерно в середине апреля (через семь месяцев после начала болезни предыдущей осенью) его здоровье пошло на поправку. Как только он был в состоянии выполнять какую-либо работу, он начал писать свои статьи о литруме и о вьющихся растениях, так что работа, которая нас сейчас интересует, началась только в сентябре, когда он снова принялся за работу над "Животными и растениями". В письме сэру Дж.Д. Хукеру дается некоторый отчет о начале работы: "Я начал просматривать свою старую рукопись, и она так свежа, как будто я ее никогда не писал; некоторые части удивительно скучны, но все же, я думаю, их стоит напечатать; а другие части кажутся мне очень хорошими. Я настоящий миллионер на странных и любопытных фактах, и я был по-настоящему поражен собственной предприимчивостью, когда читал свои главы о наследовании и отборе. Бог знает, когда эта книга когда-нибудь будет закончена, потому что я

нахожу, что я очень слаб и в свои лучшие дни не могу выполнять больше одного-полутора часов работы. Это намного сложнее, чем писать о моих дорогих вьющихся растениях".

В этом году он получил величайшую награду, которой может удостоиться ученый в этой стране, — медаль Копли Королевского общества. Его вручают на Юбилейном собрании в День Святого Андрея Первозванного (30 ноября), медалист обычно присутствует при его вручении, но этому помешало состояние здоровья моего отца. Он написал мистеру Фоксу по этому поводу:

"Я был рад увидеть ваш почерк. То, что Копли открыт для всех наук и всего мира, считается большой честью; но, за исключением нескольких добрых писем, подобные вещи не имеют для меня большого значения. Однако это показывает, что естественный отбор добивается некоторого прогресса в этой стране, и это меня радует. Однако объект находится в безопасности в чужих странах".

Сэру Дж.Д. Хукеру он также написал: —

"Как любезно вы отнеслись к этой медали; действительно, у меня много хороших друзей, и я получил четыре или пять записок, которые согрели мое сердце. Я часто удивляюсь, что такая старая изношенная собака, как я, еще не совсем забыта. Кстати, о медалях, был ли у Фальконера Королевский орден? он, безусловно, должен его иметь, как и Джон Лаббок. Кстати, последний сообщил мне, что некоторые старые члены Королевской семьи весьма шокированы тем, что у меня есть Копли. Вы знаете, кто?"

Он написал мистеру Хаксли:

"Я должен ответить вам и отвечу, потому что для меня истинное удовольствие сердечно поблагодарить вас за вашу записку. Такие записки, как эта ваша, и несколько других, являются для меня настоящей медалью, а не круглым кусочком золота. Они доставили мне удовольствие, которое будет длиться долго; так что поверьте в мою сердечную благодарность за ваше письмо".

Сэр Чарльз Лайелл в письме моему отцу в ноябре 1864 года ("Лайф", том ii, стр. 384) говорит о предполагаемых недовольных как о боящихся увенчать что-либо столь неортодоксальное, как "Происхождение". Но он добавляет, что если бы таковы были их чувства, "у них хватило бы здравого смысла втянуть свои рога". Однако из того же письма следует, что предложение вручить медаль Копли моему отцу в предыдущем году провалилось из—за аналогичного недостатка мужества - к великому негодованию Лайелла.

В "Ридере" от 3 декабря 1864 года довольно подробно сообщается о президентском обращении генерала Сабина на Юбилейном собрании. Особое значение придавалось работам моего отца в области геологии, зоологии и ботаники, но "Происхождение видов" хвалят главным образом за то, что оно содержит "массу наблюдений" и т. Д. Любопытно, что, как и в случае с его избранием во Французский институт, так и в этом случае он был удостоен чести не за великую работу своей жизни, а за менее важную работу в специальных областях. Абзац в обращении генерала Сабина, в котором говорится о "Происхождении видов", звучит следующим образом:—

"В его последней работе "О происхождении видов", хотя мнения могут разделиться или не определиться относительно ее достоинств в некоторых отношениях, все согласятся с тем, что она содержит массу наблюдений, касающихся привычек, строения, сходства и

распространения животных, возможно, непревзойденных по интересу, детальности и терпению наблюдения. Некоторые из нас, возможно, склонны принять теорию, указанную в названии этой работы, в то время как другие, возможно, склонны отказаться или, по крайней мере, перенести ее на будущее, когда расширение знаний даст более веские основания для ее окончательного принятия или неприятия. Говоря в целом и коллективно, мы прямо исключили это из обоснования нашего решения".

Полагаю, я прав, говоря, что некоторые члены Общества были недовольны манерой президента упоминать о "Происхождении".

Вручение медали Копли представляет интерес с другой стороны, поскольку это привело к тому, что сэр К. Лайелл в своей послеобеденной речи произнес "исповедание веры относительно "Происхождения"". Он написал моему отцу ("Жизнь", том ii, стр. 384): "Я сказал, что был вынужден отказаться от своей старой веры, не видя до конца пути к новой. Но я думаю, вы остались бы довольны тем, как долго я шел".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 3 октября [1864].

Мой дорогой Хаксли,

Если я не выражу своего восхищения вашей статьей ("Критические замечания о происхождении видов", 'Nat. Hist. Review', 1864. Переиздано в "Мирских проповедях", 1870, стр. 328. Работа профессора Колликера, на которую ссылаются, называется "Теория Дарвина в области научного познания" (Лейпциг, 1864). По отношению к профессору Коллиkerу мой отец испытывал не только уважение, подобающее столь выдающемуся натуралисту (это чувство хорошо выражено в рецензии профессора Хаксли), но и личное уважение к нему, и часто с удовлетворением упоминал о визите, который профессор Колликер нанес в Down.) о Колликере, я взорвусь. Я никогда не читал ничего лучше написанного. Я очень хотел, чтобы на его статью был дан ответ, и действительно думал сделать это сам, так что я рассмотрел несколько моментов. Вы попали во все, и в некоторые дополнительно, и о! ей-богу, как хорошо у вас это получилось. По мере того как я читал дальше и доходил до пункта за пунктом, над которыми я размышлял, я не мог удержаться от насмешек над собой, видя, насколько бесконечно лучше вы сделали это, чем мог бы сделать я. Что ж, если кто-нибудь, кто не понимает Естественного отбора, прочтет это, он будет болваном, если это не будет ясно как божий день. Old Flourens ('Examen du livre de M. Darwin sur l'origine des especes.' Par P. Flourens. 8vo. Париж, 1864.) едва ли стоил пороха и дроби; но как великолепно вы рассказываете об Академике, и ваша метафора морского песка НЕПОДРАЖАЕМА.

Для меня удивительно, как вы можете сопротивляться тому, чтобы не стать постоянным рецензентом. Что ж, теперь я взорвался, и это пошло мне на пользу...

[В той же статье в "Natural History Review" мистер Хаксли говорит о книге, на которую выше ссылался Флуранс, постоянный секретарь Академии наук, как об одном из двух "наиболее продуманных критических замечаний" к "Происхождению видов" года. Он цитирует следующий отрывок:—

М. Дарвин продолжает: "Абсолютное различие между вами и людьми, входящими в особенные и разнообразные области!" - Вы, дежавю, задаетесь вопросом, какие у вас проблемы; абсолютное различие отделяет различные области от особенных". М-р Хаксли замечает по этому поводу: "Будучи лишенными благословений Академии в Англии, мы не привыкли видеть, чтобы с нашими способнейшими людьми обращались подобным образом даже со стороны Бессменного секретаря". Продемонстрировав неправильное понимание М. Флуоренсом естественного отбора, м-р Хаксли говорит: "Как человек знает все это наизусть и с каким облегчением читает на странице 65 "Je laisse M. Darwin"".

По тому же поводу мой отец написал мистеру Уоллесу:

"Великий стрелок, Флуранс, написал против меня маленькую скучную книжку, которая мне очень нравится, потому что ясно, что наше доброе дело распространяется по Франции. Он говорит о "вовлеченности" в эту книгу ["Происхождение"], "столь полную пустых и самонадеянных мыслей". Отрывок, на который здесь ссылаются, выглядит следующим образом:—

"Enfin l'ouvrage de M. Darwin a paru. On ne peut qu'etre frappe du talent de l'auteur. Mais que d'idees obscures, que d'idees fausses! Quel jargon metaphysique jete mal a propos dans l'histoire naturelle, qui tombe dans le galimatias des qu'elle sort des idees claires, des idees justes. Quel langage pretentieux et vide! Quelles personifications pueriles et surannees! О просветленный! О solidite de l'esprit francais, que devenez-vous?"]

1865.

[Это снова было время сильного ухудшения здоровья, но к концу года он начал поправляться под присмотром покойного доктора Бенс-Джонса, который строго соблюдал для него диету и, как он сам выразился, "морил его полуголодом до смерти". Он смог поработать над "Животными и растениями" почти до конца апреля, и с того времени до декабря практически ничего не делал, за исключением просмотра "Происхождения видов" для второго французского издания. Он писал сэру Дж.Д. Хукеру: "Я, так сказать, впервые читаю "Происхождение", поскольку исправляю для второго французского издания; и клянусь жизнью, мой дорогой друг, это очень хорошая книга, но о! боже мой, это тяжелое чтение, и я бы хотел, чтобы оно было закончено". (Ближе к концу года мой отец получил известие о новом приверженце его взглядов в лице выдающегося американского натуралиста Лескере. Он написал сэру Дж.Д. Хукеру: "Я получил огромное письмо от Лео Лескере (после сомнений я решил, что его не стоит посылать вам) о Coal Flora. Он написал несколько превосходных статей в "Силлимане" против взглядов "Происхождения"; но теперь, после повторного прочтения книги, он говорит, что стал новообращенным!")

Следующее письмо относится к обращению герцога Аргайлла к Королевскому обществу Эдинбурга от 5 декабря 1864 года, в котором он критикует "Происхождение видов". Мой отец, кажется, прочитал обращение герцога, опубликованное в "Скотсмен" от 6 декабря 1865 года. В письме моему отцу (16 января 1865 г., "Лайф", том ii, стр. 385) Лайель писал: "Это обращение — большой шаг навстречу вашим взглядам - гораздо больший, я полагаю, чем кажется, когда читаешь его просто со ссылкой на критику и возражения".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 22 января [1865 г.].

Мой дорогой Лайель,

Благодарю вас за ваше очень интересное письмо. Я испытываю истинно английское инстинктивное почтение к рангу, и поэтому мне понравилось слушать о Королевской принцессе. ("У меня был ... оживленный разговор о дарвинизме с королевской принцессой, которая является достойной дочерью своего отца, читая хорошие книги и размышляя о том, что она читает. Она была вполне уверена в "Происхождении" и книге Хаксли "Античность" и т. Д." ("Жизнь" Лайелла, том ii, стр. 385). Вы спрашиваете, что я думаю об обращении герцога, и я буду рад вам ответить. Это кажется мне ЧРЕЗВЫЧАЙНО умным, как и все, что я у него читал; но я не потрясен — возможно, вы скажете, что ни боги, ни люди не могли поколебать меня. Я возражаю герцогу, повторяя его возражение о том, что блестящее оперение самца колибри не могло быть приобретено в результате отбора, в то же время полностью игнорируя мое обсуждение (стр. 93, 3-е издание) о том, что красивое оперение приобретается в результате полового отбора. Герцог может счесть это недостаточным, но это другой вопрос. Все аналогии заставляют меня совершенно не согласиться с герцогом в том, что разница в клюве, крыле и хвосте не имеет значения для нескольких видов. У единственных двух видов, которые я наблюдал, разница в полете и использовании хвоста была заметно велика.

Герцог, который так хорошо знаком с моей книгой об Орхидеях, мог бы извлечь из нее урок осторожности в отношении своей доктрины различий ради простого разнообразия или красоты. Можно с уверенностью сказать, что ни одно племя растений не представляет таких гротескных и красивых различий, о которых никто до недавнего времени не предполагал никакой пользы; но теперь почти в каждом случае я смог показать их важную службу. Следует помнить, что в случае с колибри или орхидеями модификация в одной части вызовет соответствующие изменения в других частях. Я согласен с тем, что вы говорите о красоте. Раньше я много размышлял на эту тему и был вынужден полностью отвергнуть доктрину о том, что красота создается ради красоты. Я также возражаю против выражения герцога о "новых рождениях". Возможно, это очень хорошая теория, но она не моя, если только он действительно не называет птицу, родившуюся с клювом на 1/100 дюйма длиннее обычного, "новым рождением"; но это не тот смысл, в котором обычно понимается этот термин. Чем больше я работаю, тем больше убеждаюсь в том, что именно за счет накопления таких чрезвычайно незначительных вариаций возникают новые виды. Я не признаю себя виновным по обвинению герцога в том, что я забываю, что естественный отбор означает только сохранение вариаций, которые возникают независимо. ("Следовательно, строго говоря, теория мистера Дарвина - это вообще не теория происхождения видов, а всего лишь теория о причинах, которые приводят к относительному успеху или неудаче таких новых форм, которые могут появиться на свет". — "Скотсмен", 6 декабря 1864 г.) Я выразил это в самых сильных выражениях, какие только мог использовать, но это было бы бесконечно утомительно, если бы я каждый раз таким образом сдерживал себя. Я буду кричать "пеккави", когда услышу, что герцог или вы нападаете на заводчиков за то, что они говорят, что человек создал своих улучшенных шортхорнов, или надутых голубей, или бантамов. И я мог бы процитировать еще более сильные выражения, используемые агрономами. Человек действительно создает свои искусственные породы, поскольку его способность к отбору так важна по сравнению с небольшими спонтанными

вариациями. Но никто не будет нападать на заводчиков за использование подобных выражений, и подрастающее поколение не будет винить меня.

Большое спасибо за ваше предложение прислать мне "Элементы". (Шестое издание в одном томе.) Я надеюсь прочитать все это, но, к сожалению, от чтения у меня кружится голова больше, чем от чего-либо другого. В большинстве дней я способен работать по два-три часа, и это существенно меняет мое счастье. Я решил не поддаваться искушению сбиться с пути истинного и ничего не публиковать, пока не будет закончен мой том о вариациях. Вы дали мне отличный совет относительно сносок в моей главе о собаках, но их изменение доставило мне бесконечные хлопоты, и я часто желал, чтобы все собаки, а иногда, боюсь, и вы сами, оказались в преисподней.

Мы (диктатор и писательница) шлем наши наилучшие пожелания леди Лайелл.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. — Если когда-нибудь вам придется поговорить с герцогом на эту тему, пожалуйста, скажите, насколько меня заинтересовал его адрес.

[В своем автобиографическом очерке мой отец отметил, что благодаря некоторым ранним воспоминаниям он почувствовал честь быть избранным в Королевское медицинское общество Эдинбурга "больше, чем любую подобную честь". Следующий отрывок из письма сэру Джозефу Хукеру относится к его избранию в первое из этих обществ. Последняя часть отрывка относится к Берлинской академии, в которую он был избран в 1878 году:—

"Это действительно любопытная вещь, учитывая, что Брюстер является президентом, а Бальфур секретарем. Я был избран почетным членом Королевского общества Эдинбурга. И это подводит меня к третьему вопросу. Рассылает ли Берлинская академия наук свои труды почетным членам? Я хочу знать, являюсь ли я членом клуба; полагаю, что нет, потому что думаю, это произвело бы на меня некоторое впечатление; и все же я отчетливо помню, как получал какой-то диплом, подписанный Эренбергом. Я был так неосторожен; я потерял несколько дипломов, и теперь я хочу знать, к каким обществам я принадлежу, поскольку я наблюдаю, как каждое [одно] прикрепляет свои титулы к своим именам в каталоге Королевского общества".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, 21 февраля [1865].

Мой дорогой Лайель,

Мне потребовалось много времени, чтобы поблагодарить вас за подарок "Элементов".

Я просматриваю все это, читаю, что нового и что я забыл, и это очень много.

Я просто поражен количеством труда, знаний и ясной мысли, вложенных в эту работу. Все это поражает меня как нечто грандиозное. Меня особенно заинтересовал ваш отчет о работе Хира и ваша дискуссия об Атлантическом континенте. Я особенно восхищен вашим взглядом на этот предмет, поскольку я долгое время считал, что Forbes оказал плохую услугу, так свободно создавая континенты.

Я также был очень рад прочитать ваши рассуждения о денудации Уилда и ваше превосходное резюме о пластах Пурбека; и это тот момент, к которому я сейчас подошел в вашей книге. Я не могу сказать, что я вполне убежден в том, что нет никакой связи, кроме указанной вами, между ледниковым процессом и образованием озерных бассейнов; но вам будет не очень важно мое мнение по этому поводу, поскольку я уже менял свое мнение около полудюжины раз.

Я хочу сделать вам предложение. Я счел тяжесть вашего тома невыносимой, особенно в положении лежа, поэтому с большой смелостью разрезал его на две части и вынул из обложки; теперь Мюррей не мог без каких-либо других изменений добавить к своему объявлению строчку, гласящую: "при переплете двух томов - один шиллинг или один шиллинг и шесть пенсов дополнительно". Таким образом, вы могли бы внести изменения, которые были бы благословением для всех слабоумных читателей.

Поверьте мне, мой дорогой Лайель, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

Создайте второе НАСТОЯЩЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ и обрежьте края листов, как у книги в переплете. (Это была любимая реформа моего отца. Он написал в "Атенеум" по этому поводу 5 февраля 1867 года, указав, что книга, даже аккуратно вырезанная ножом для бумаги, собирает пылинки на своих краях гораздо больше, чем книга, вырезанная машинным способом. Далее он приводит пример своей знакомой дамы, у которой была привычка разрезать книги большим пальцем, и, наконец, обращается к "Атенеуму" с просьбой заслужить благодарность детей, "которым приходится разрезать сухие книги без картинок на благо старших". Он попытался провести реформу в отношении своих собственных книг, но обнаружил, что консерватизм книготорговцев слишком силен для него. Однако презентационные экземпляры всех его более поздних книг были разосланы с обрезанными краями.)

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Внизу, 11 июня [1865].

Мой дорогой Лаббок,

Вторую половину вашей книги ("Доисторические времена", 1865) мне читали вслух, и стиль ее настолько ясен и непринужден (мы оба считаем его совершенством), что я начинаю с самого начала. Не могу удержаться, чтобы не сказать вам, насколько превосходно, на мой взгляд, вы написали очень интересную главу о жизни дикарей. Хотя вы, по необходимости, только собрали материалы, общий результат весьма оригинален. Но я должен сохранить оригинальный термин для вашей последней главы, которая показалась мне замечательной и глубокой дискуссией. Это привело меня в восторг, потому что теперь публика увидит, что вы за человек, и я горжусь тем, что открыл это для себя дюжину лет назад.

Я искренне желаю вам успехов на выборах и в политике; но после прочтения этой последней главы вы должны позволить мне сказать: о боже! о боже! о боже!

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S. Вы сделали мне превосходный комплимент ("Доисторические времена", стр. 487, где встречаются слова "открытия Ньютона или Дарвина"). Но я боюсь, что некоторые из ваших друзей осудят вас за это как слишком преувеличенное.

[Следующее письмо относится к книге Фрица Мюллера "О Дарвине", которая впоследствии была переведена, по предложению моего отца, мистером Далласом. Оно представляет интерес как первое из длинной серии писем, которые мой отец написал этому выдающемуся натуралисту. Они никогда не встречались, но переписка с Мюллером, которая продолжалась до конца жизни моего отца, доставляла ему огромное удовольствие. У меня сложилось впечатление, что из всех его невидимых друзей Фриц Мюллер был единственным, к кому он питал самое сильное уважение. Фриц Мюллер - брат другого выдающегося человека, покойного Германа Мюллера, автора книги "О духовном развитии Блюмена" и многих других ценных работ:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 10 августа [1865].

Мой дорогой сэр,

Я долгое время был так болен, что только сейчас закончил слушать вслух вашу работу о видах. А теперь позвольте мне сердечно поблагодарить вас за большой интерес, с которым я это прочитал. Вы оказали замечательную услугу делу, в которое мы оба верим. Многие из ваших аргументов кажутся мне превосходными, а многие из ваших фактов замечательными. Из последних ничто не удивило меня так сильно, как две формы самцов. Недавно я исследовал случаи диморфных растений, и мне бы очень хотелось прислать вам одну или две свои статьи, если бы я знал, как это сделать. Недавно я отправил по почте статью о вьющихся растениях в качестве эксперимента, чтобы посмотреть, дойдет ли она до вас. Один из моментов, который больше всего поразил меня в вашей статье, касается различий в дыхательном аппарате различных форм. Этот предмет показался мне очень важным, когда я ранее рассматривал электрический аппарат рыб. Ваши наблюдения по классификации и эмбриологии кажутся мне очень хорошими и оригинальными. Они показывают, какое замечательное поле существует для исследований развития ракообразных, и ничто так ясно не убедило меня в том, к каким замечательным результатам в естественной истории мы придем в течение нескольких лет. Какой удивительный спектр строения представляют собой ракообразные и насколько хорошо они приспособлены для вашего исследования! До прочтения вашей книги я ничего не знал о Rhizocephala; прошу вас, взгляните на мой отчет и рисунки Anelasma, поскольку мне кажется, что эта последняя усконогая является прекрасным связующим звеном с Rhizocephala.

Если у вас когда-нибудь будет возможность, поскольку вы такой искусный диссектор, я бы очень хотел, чтобы вы посмотрели на отверстие у основания первой пары усиков у усконогих, на любопытный орган в нем и выяснили, какова его природа; я полагаю, что я был совершенно неправ, и все же я не могу чувствовать себя полностью удовлетворенным наблюдениями Крона (см. Том ii, стр. 138, 187). Также, если вы когда-нибудь найдете какой-либо вид скальпеллума, пожалуйста, поищите дополняющих его самцов; недавно немецкий автор усомнился в моих наблюдениях без всякой причины, за исключением того, что факты показались ему такими странными.

Позвольте мне еще раз сердечно поблагодарить вас за удовольствие, которое я получил от вашей работы, и выразить мое искреннее восхищение вашими ценными исследованиями.

Поверьте мне, дорогой сэр, с искренним уважением, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

P.S. Не знаю, интересуетесь ли вы вообще растениями, но если да, то мне бы очень хотелось прислать вам свою небольшую работу "Оплодотворение орхидей", и, кажется, у меня есть немецкий экземпляр.

Не могли бы вы одолжить мне свою фотографию? Я бы очень хотел иметь ее.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу, четверг, 27 [сентября 1865 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я намеревался написать сегодня утром, чтобы самым искренним образом поблагодарить миссис Хукер за ее последнюю и несколько заметок о вас, и теперь ваша собственная записка в ваших руках порадовала меня. Пройти пешком от пяти до шести миль - это великолепно, проявив немного терпения, вы скоро поправитесь. Я знал, что вы были очень больны, но я даже не подозревал, насколько сильно, до вчерашнего дня, когда Бентам (из Крэнвортов (Роберт Рольф, лорд Крэнворт и лорд-канцлер Англии, жил в Холвуде, недалеко от Дауна.)) позвонил сюда, и я смог повидать его в течение десяти минут. Он также немного рассказал мне о последних днях вашего отца (сэра Уильяма Хукера; 1785-1865. Он взял на себя заботу о Королевских садах в Кью в 1840 году, когда они перестали быть частными садами Королевской семьи. Поступив таким образом, он отказался от профессорской должности в Глазго, а вместе с ней и от половины своего дохода. Он основал гербарий и библиотеку, и за десять лет ему удалось сделать сады первыми в мире. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что создание заведения в Кью связано со способностями и самоотверженностью сэра Уильяма Хукера. Хотя за последующее развитие садов до их нынешнего великолепного состояния нация должна поблагодарить сэра Джозефа Хукера, в котором так бросаются в глаза те же качества.); Я хотел бы знать вашего отца получше, мое впечатление ограничивается его удивительно сердечным, вежливым и откровенным поведением. Я полностью согласен и понимаю то, что вы говорите о разнице в чувствах при потере отца и ребенка. Я не думаю, что кто-то мог любить отца намного больше, чем я любил своего, и я не верю, что когда-либо проходило три или четыре дня, чтобы я все еще не думал о нем, но его смерть в восемь четыре года не причинила мне ни капли того невыносимого горя (я могу процитировать здесь отрывок из письма от ноября 1863 г. Оно было написано другу, потерявшему своего ребенка: "Как хорошо я помню твои чувства, когда мы потеряли Энни. Для меня было самым большим утешением то, что я никогда не сказал ей ни одного грубого слова. Ваше горе заставило меня пролить несколько слезинок по нашей бедняжке; но поверьте мне, что в этих слезах исчезла та невыразимая горечь прежних дней".), которую вызвала потеря нашей бедной дорогой Энни. И это кажется мне совершенно естественным, поскольку человек уже много лет знает, что смерть его отца медленно приближается, в то время как смерть его ребенка - это внезапный и ужасный удар. Как много вы чудесно прочитали; для меня это ужасное зло, что я почти ничего не могу прочесть, потому что от этого у меня почти сразу начинает неистово петь в голове. Мои добрые женщины много читали мне, но я не осмеливаюсь просить о большой науке и не уверена, что смогла бы это вынести. Мне понравился Тайлор ("Исследования ранней истории человечества" Э.Б. Тайлора, 1865). ЧРЕЗВЫЧАЙНО, и первая часть Леки "Расцвет рационализма в Европе", W.E.H. Lecky, 1865.); но я думаю, что последнее часто расплывчато и создает ложную видимость того, что такие фразы, как "дух эпохи", "распространение цивилизации" и т.д., проливают свет на его

предмет. Я ограничиваю свое чтение четвертью-получасом в день, просматривая последние тома "Анналов" и "Журнала естественной истории", и нахожу многое, что меня интересует. Я очень скучаю по своим вьющимся растениям, так как могла наблюдать за ними, когда было очень плохо.

Мне "Мельница на флоссе" понравилась не так сильно, как вам, но, судя по вашим словам, мы прочтем ее снова. Вы знаете "Сайласа Марнера"? это очаровательная маленькая история; если у вас мало времени и вы хотели бы ее получить, мы могли бы отправить ее по почте... Мы почти закончили первый том Пэлгрейва ("Путешествия по Аравии" Уильяма Гиффорда Пэлгрейва, опубликовано в 1865 г.), и он мне очень нравится; но видели ли вы когда-нибудь книгу, так плохо оформленную? Частота намеков на то, что будет рассказано в будущем, довольно смехотворна... Кстати, я был очень доволен примечанием (Отрывок, на который, кажется, ссылаются, встречается в тексте (стр. 479) "Доисторических времен". В нем выражается восхищение статьей мистера Уоллеса в "Антропологическом обозрении" (май 1864 г.) и говорится о "характерном бескорыстии" автора, который "безоговорочно приписывает теорию естественного отбора мистеру Дарвину". об Уоллесе в последней главе Лаббока. Я не слышал, чтобы Хаксли поддержал Лаббока в отношении парламента... Видели ли вы некоторое время назад в "Таймс" насмешку по поводу того, что политика была несравненно более интересна по сравнению с наукой даже ученым людям? Вспомните, что говорит Тrollop в "Можете ли вы простить ее" о попадании в парламент как о высшей земной цели. Джеффри, помнится, в одном из своих писем говорит, что произнести эффектную речь в парламенте - гораздо более грандиозное дело, чем написать величайшую историю. Все это кажется мне плохим недалевидным взглядом. Я не могу передать вам, как я обрадовался, снова увидев ваш почерк — мой лучший из старых друзей.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[В октябре он написал сэру Дж.Д. Хукеру: —

Говоря о "Происхождении", один янки привлек мое внимание к статье, приложенной к знаменитому "Эссе о росе" доктора Уэллса, которое было прочитано в 1813 году в Королевском обществе, но [тогда] не было напечатано, в которой он наиболее отчетливо применяет принцип естественного отбора к человеческим расам. Итак, бедный старина Патрик Мэтью не первый, и он больше не может или не должен ставить на своих титульных листах: "Первооткрыватель принципа естественного отбора!"

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Ф.У. ФАРРАУ. (Каноник Вестминстера.) Даун, 2 ноября [1865?].

Уважаемый сэр,

Поскольку я никогда не изучал науку о языке, возможно, это покажется самонадеянным, но я не могу отказать себе в удовольствии рассказать вам, какой интерес и удовольствие я получил, слушая чтение вслух вашей книги ("Главы о языке", 1865 г.)

Раньше я читал Макса Мюллера и считал его теорию (если она заслуживает того, чтобы ее так называли) неясной и слабой; и теперь, услышав то, что вы говорите, я уверен, что это так, и что

ваше дело в конечном итоге восторжествует. Мой косвенный интерес к вашей книге усилился из-за того, что мистер Хенсли Веджвуд, которого вы часто цитируете, является моим шурином.

Никто не мог бы выразить несогласие с моими взглядами на модификацию видов с большей вежливостью, чем вы. Но, судя по складу вашего ума, я чувствую полное и комфортное убеждение (и которое никак нельзя поколебать), что если бы ваши исследования побудили вас уделять больше внимания общим вопросам естественной истории, вы пришли бы к тому же выводу, что и я.

Вы когда-нибудь читали небольшой сборник лекций Хаксли? Я бы с удовольствием отправил вам экземпляр, если вы думаете, что сможете его прочитать.

Учитывая то, чему нас учит геология, аргумент о предполагаемой неизменности определенных типов кажется мне почти таким же, как если бы в стране, у которой не было древних письменностей, какой-нибудь мудрый старый дикарь сказал, что его язык никогда не менялся; но моя метафора слишком длинная, чтобы ее можно было заполнить.

Прошу вас, поверьте мне, дорогой сэръ, я вам искренне признателен, Ч. ДАРВИН.

1866.

[1866 год указан в Дневнике моего отца следующими словами:—

"Продолжаю исправлять главы из "Домашних животных".

1 марта. — Начат выпуск 4-го издания "Origin" тиражом 1250 экземпляров (выручено за него 238 фунтов стерлингов), всего вышло 7500 экземпляров.

10 мая. — Закончил "Происхождение", за исключением исправлений, и начал просматривать главу XIII. "Домашние животные".

21 ноября. — Закончен "Пангенезис".

21 декабря. — Закончил перепечатывать все главы и отправил их в типографию.

22 декабря.— Началась заключительная глава книги".

Он дважды был в Лондоне по неделе, гостил у своего брата, и на несколько дней (29 мая- 2 июня) в Суррее; остаток года он провел в Дауне.

Кажется, его здоровье постепенно улучшалось; так, он писал мистеру Уоллесу (январь 1866 г.): "Мое здоровье настолько улучшилось, что я в состоянии работать один или два часа в день".

По поводу 4—го издания он написал сэру Дж.Д. Хукеру:-

"Новое издание "Происхождения" вызвало у меня две большие досады. Я забыл статью Бейтса об изменчивости (похоже, это относится к "Заметкам о южноамериканских бабочках", пер. Entomolog. Соч., том v. (Н.С.)), но я вовремя вспомнил о его миметической работе, и теперь, как ни странно, я обнаружил, что забыл вашу статью об Арктике! Я знаю, как это возникло; я проиндексировал свою большую работу и никогда не ожидал, что потребуется новое издание "Происхождения".

"Я не могу выразить, как все это меня раздосадовало. Все, что я прочитал за последние четыре года, я нахожу довольно размытым в моем сознании ". Насколько я знаю, статья мистера Бейтса не упоминалась в более поздних изданиях "Происхождения", по какой причине я не могу сказать.

В связи с его работой "Изменчивость животных и растений" я привожу здесь выдержки из трех писем, адресованных мистеру Хаксли, которые представляют интерес как дающие некоторое представление о развитии теории "Пангенезиса", в конечном итоге опубликованной в 1868 году в рассматриваемой книге:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 27 мая [1865?].

... Я пишу сейчас, чтобы попросить вас об одолжении, очень большом одолжении от человека, который так усердно работает, как вы. Вы должны прочитать тридцать страниц рукописи, превосходно переписанной, и высказать мне не пространную критику, а свое мнение, могу ли я рискнуть опубликовать ее. Рукопись можете оставить у себя на месяц или два. Я бы не просил об этом одолжении, но я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не знаю никого другого, чье суждение по этому вопросу было бы для меня окончательным.

Дело обстоит следующим образом: в моей следующей книге я опубликую длинные главы о зародышевой и семенной изменчивости, о наследовании, реверсии, последствиях использования и неиспользования и т.д. Я также много лет размышлял о различных формах размножения. Поэтому у меня появилась страсть попытаться связать все подобные факты с помощью какой-нибудь гипотезы. Рукопись, которую я хочу вам послать, выдвигает такую гипотезу; это очень опрометчивая и грубая гипотеза, но все же она принесла мне значительное облегчение, и я могу сопоставить с ней множество групп фактов. Я хорошо знаю, что простая гипотеза, и это не более того, не имеет большой ценности; но она очень полезна для меня, поскольку служит своего рода резюме для определенных глав. Теперь я искренне желаю, чтобы ваш вердикт был сформулирован кратко: "Сожгите это" — или, что является наиболее благоприятным вердиктом, на который я могу надеяться, "Это грубо связывает воедино определенные факты, и я не думаю, что это сразу же выйдет у меня из головы". Если вы можете сказать так много и не считаете это абсолютно нелепым, я опубликую это в своей заключительной главе. Теперь вы окажете мне эту услугу? Вы должны отказаться, если вы слишком сильно перегружены работой.

Я должен сказать от себя, что я герой, раз подвергаю свою гипотезу огненному испытанию вашей критики.

12 июля [1865?].

Мой дорогой Хаксли,

Я искренне благодарю вас за то, что вы так внимательно рассмотрели мою рукопись. Это был настоящий акт доброты. Мне было бы крайне неприятно переиздавать взгляды Буффона, о которых я не знал, но я получу книгу; и если у меня будут силы, я также прочту Бонне. Я не сомневаюсь, что ваше суждение совершенно справедливо, и я постараюсь убедить себя не публиковаться. Все это слишком умозрительно; и все же я думаю, что некоторую подобную

точку зрения придется принять, когда я вспомню такие факты, как наследуемые последствия использования и неиспользования и т.д. Но я постараюсь быть осторожным...

[1865?].

Мой дорогой Хаксли,

Простите, что я пишу карандашом, поскольку могу делать это лежа. Я читал Буффона: целые страницы до смешного похожи на мои. Удивительно, насколько искренним становится человек, когда видит свои взгляды в словах другого человека. Мне довольно стыдно за все это дело, но я не обращен в неверие. Какую доброту вы оказали мне своей "лисьей остротой". Тем не менее, существует фундаментальное различие между взглядами Буффона и моими. Он не предполагает, что каждая клетка или атом ткани выбрасывает маленький бутон; но он предполагает, что сок или кровь включает в себя его "органические молекулы", КОТОРЫЕ УЖЕ СФОРМИРОВАНЫ, пригодны для питания каждого органа, и когда они полностью сформированы, они собираются, образуя бутоны и половые элементы. Рассуждать так, как рассуждал я, - полная чушь; и все же, если у меня когда-нибудь появятся силы опубликовать мою следующую книгу, боюсь, я не стану сопротивляться "Пангенезису", но уверяю вас, я изложу ее достаточно скромно. Обычный ход развития существ, таких, как иглокожие, у которых новые органы образуются в довольно удаленных местах от аналогичных предыдущих частей, представляется мне чрезвычайно трудным для согласования с какой-либо точки зрения, за исключением свободного распространения в родительском организме зародышей или геммул каждого отдельного нового органа; и так в случаях попеременного зарождения. Но я больше не буду строчить. Сердечно благодарю вас, лучший из критиков и ученейший человек...

[Письма теперь посвящены истории 1866 года.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 5 июля [1866].

Мой дорогой Уоллес,

Меня очень заинтересовало ваше письмо, которое ясно, как божий день. Я полностью согласен со всем, что вы говорите о преимуществах превосходного выражения Х. Спенсера "выживает наиболее приспособленный". (Выдержка из письма мистера Уоллеса от 2 июля 1866 г.: "Термин "выживает наиболее приспособленный" является простым выражением факта; "естественный отбор" является его метафорическим выражением, и в определенной степени косвенным и некорректным, поскольку... Природа... не столько отбирает особые сорта, сколько уничтожает самые неблагоприятные".) Это, однако, не приходило мне в голову до прочтения вашего письма. Однако серьезным возражением против этого термина является то, что его нельзя использовать в качестве субстантива, управляющего глаголом; и что это реальное возражение, я заключаю из того, что Г. Спенсер постоянно использует слова "естественный отбор". Раньше я думал, вероятно, в преувеличенной степени, что связать естественный и искусственный отбор - большое преимущество; это действительно побудило меня использовать общий термин, и я до сих пор считаю его некоторым преимуществом. Жаль, что я не получил вашего письма два месяца назад, потому что я бы работал в "Выживании и т. Д.", Часто в новом издании "Происхождения", которое сейчас почти напечатано и копию которого я, конечно, пришлю вам. Я буду использовать этот термин в своей следующей книге о домашних животных и т.д., Из

которой, кстати, я ясно вижу, что вы ожидаете МНОГОГО, даже слишком многого. Термин "Естественный отбор" в настоящее время так широко используется за границей и у себя дома, что я сомневаюсь, что от него можно отказаться, и, при всех его недостатках, мне было бы жаль видеть сделанную попытку. Будет ли он отвергнут, теперь должно зависеть "от выживания наиболее приспособленных". Поскольку со временем термин должен стать понятным, возражения против его использования будут становиться все слабее и слабее. Я сомневаюсь, что использование какого-либо термина сделало бы предмет понятным для одних умов, таким же ясным для других; ибо разве мы не видим, что даже по сей день теория Мальтуса о населении абсурдно неправильно понимается? Это размышление о Мальтусе часто утешало меня, когда я был раздосадован искажением моих взглядов. Что касается мсье Жанэ (это, без сомнения, относится к "Современному материализму" Жанэ), то он метафизик, а такие джентльмены настолько проницательны, что, я думаю, они часто неправильно понимают простых людей. Ваша критика двойного смысла ("Я нахожу, что вы используете термин "Естественный отбор" в двух смыслах. 1. для простого сохранения благоприятных и отклонения неблагоприятных вариаций, и в этом случае это эквивалентно "выживанию наиболее приспособленных", — и 2. наконец, для эффекта или ИЗМЕНЕНИЯ, вызванного этим сохранением". Цитированный выше отрывок из письма мистера Уоллеса.), в котором я использовал Естественный отбор, является для меня новым и неопровержимым; но моя ошибка не причинила вреда, поскольку я не верю, что кто-либо, кроме вас, когда-либо наблюдал его. Опять же, я согласен, что я сказал слишком много о "благоприятных вариациях", но я склонен думать, что вы слишком сильно подчеркиваете противоположную сторону; если бы каждая часть каждого существа менялась, я не думаю, что мы увидели бы одну и ту же цель, достигнутую такими удивительно разнообразными средствами.

Я надеюсь, что вам нравится страна, вы в добром здравии и усердно работаете над своей книгой о Малайском архипелаге, потому что я всегда буду вкладывать это пожелание в каждую записку, которую я вам пишу, как некоторые хорошие люди всегда вкладывают в текст. Мое здоровье остается почти таким же, или, скорее, улучшается, и я могу работать по несколько часов в день. С большой благодарностью за ваше интересное письмо.

Поверьте мне, мой дорогой Уоллес, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 30 августа [1866].

Моя дорогая Проститутка,

Я был очень рад получить вашу записку и the Notts. Газета. Я редко испытывал большее удовлетворение в своей жизни, чем услышав, насколько успешно прошла ваша лекция (На Ноттингемском собрании Британской ассоциации 27 августа 1866 г. Темой лекции были "Островные флоры". См. "Хронику садоводов", 1866.) ушел. Миссис Х. Веджвуд прислала нам отчет, в котором говорилось, что вы читали превосходно, и были выслушаны с глубоким вниманием и бурными аплодисментами. Она говорит, когда ваша последняя аллегория (сэр Джозеф Хукер аллегоризировал Оксфордское собрание Британской ассоциации как собрание племени дикарей, которые верили, что новая луна создается заново каждый месяц. Превосходно передан гнев жрецов и знахарей по поводу определенной ереси, согласно которой новая луна - всего лишь порождение старой.) начал так: "минуту или две мы все были

озадачены, а потом раздались такие взрывы аплодисментов из зала. Мы полностью насладились этим под взрывы смеха и шума, сделав самое блестящее завершение ".

Я рад, что вы опубликуете свою лекцию, и был уверен, что рано или поздно до этого дойдет, действительно, было бы грехом, если бы вы этого не сделали. Я особенно рад, когда вы с такой совершенной справедливостью приводите аргументы в пользу случайного переноса; теперь им будет уделено изрядная доля внимания, поскольку они исходят от вас, профессионального ботаника. Спасибо также за выступление Гроува; в целом оно показалось мне очень хорошим и оригинальным, но я был разочарован частью о видах; в нем говорилось о таких общих чертах, что это было бы применимо к любому виду или ни к какому виду в частности ...

А теперь прощайте. Я искренне радуюсь вашему успеху и, ради Гроува, блестящему успеху всей встречи.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующее письмо представляет интерес, поскольку дает начало связи, возникшей между моим отцом и профессором Виктором Карусом. Упомянутый перевод является третьим немецким изданием, сделанным с четвертого английского. С этого времени профессор Карус продолжал переводить книги моего отца на немецкий. Добросовестная тщательность, с которой была выполнена эта работа, сослужила материальную службу, и я хорошо помню восхищение (смешанное с оттенком досады на его собственные недостатки), с которым мой отец обычно получал списки оплошностей и т.д., обнаруженные профессором Карусом в ходе перевода. Эта связь была не просто деловой, она была закреплена теплыми чувствами уважения с обеих сторон.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ВИКТОРУ КАРУСУ. Даун, 10 ноября 1866 года.

Мой дорогой сэр,

Я благодарю вас за ваше чрезвычайно любезное письмо. Я не могу слишком сильно выразить свое удовлетворение тем, что вы взялись за доработку нового издания, и я чувствую честь, которую вы мне оказали. Я боюсь, что вы сочтете трудозатраты значительными не только из-за дополнений, но я подозреваю, что перевод Бронна очень ущербен, по крайней мере, я слышал жалобы на этот счет от довольно большого числа людей. Для меня было бы большим удовлетворением узнать, что перевод был действительно хорошим, и я не сомневаюсь, что вы его сделаете. Согласно нашей английской практике, у вас будет полное право полностью исключить Приложение Бронна, и я буду очень рад этому пропуску. Новое издание можно рассматривать как новую работу... Вы могли бы добавить все, что вам понравится, и я был бы очень доволен. Если вы сделаете какие-либо дополнения или добавите примечания, мне кажется, что Хагели "Entstehung und Begriff" и т.д. ("Entstehung und Begriff der Naturhistorischen Art". Обращение, произнесенное на публичном собрании "R. Академия наук" в Мюнхене, 28 марта 1865 г.), заслуживает внимания как одна из наиболее удачных брошюр на эту тему. Я, однако, далек от того, чтобы согласиться с ним в том, что приобретение определенных признаков, которые, по-видимому, не приносят пользы растениям, представляет какие-либо большие трудности или служит доказательством некоторой врожденной склонности растений к

совершенству. Если вынамерены обратить внимание на эту брошюру, я хотел бы написать ниже немного подробнее на эту тему.

... Жаль, что я не знал, когда писал свой исторический очерк, что в 1853 году вы опубликовали свои взгляды на генеалогическую связь прошлых и настоящих форм.

Полагаю, у вас есть листы последнего английского издания, на которых я отметил карандашом все основные дополнения, но многие небольшие исправления стиля не были отмечены.

Прошу Вас, поверьте, что я испытываю искреннюю благодарность за великую услугу и честь, которые вы оказываете мне настоящим переводом.

Остаюсь, мой дорогой сэр, искренне вашим, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Мне было бы ОЧЕНЬ приятно получить вашу фотографию, и я посылаю свою на случай, если вы захотите получить копию.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. НАГЕЛИ. (Профессор ботаники в Мюнхене.) Даун, 12 июня [1866].

Уважаемый сэр,

Я надеюсь, вы простите мне вольность, которую я позволяю себе писать вам. Я только что прочитал, хотя и несовершенно, вашу "Entstehung und Begriff", и она меня так сильно заинтересовала, что я послал ее для перевода, поскольку я плохой знаток немецкого языка. Я только что закончил новое [4-е] издание моего "Происхождения", которое будет переведено на немецкий, и моя цель в письме к вам - сказать, что если бы вы увидели это издание, вы бы подумали, что я позаимствовал у вас, без подтверждения, два рассуждения о красоте цветов и фруктов; но уверяю вас, каждое слово было напечатано еще до того, как я открыл вашу брошюру. Если вы захотите получить экземпляр нового издания на немецком или английском языках, я с гордостью отправлю его вам. Относительно красоты цветов я могу добавить, что я уже намекал на те же взгляды, которых придерживаетесь вы, в моей статье о литруме.

Многие из ваших критических замечаний в адрес моих взглядов - лучшие, с которыми я сталкивался, но на некоторые я мог бы ответить, по крайней мере, к собственному удовлетворению; и я чрезвычайно сожалею, что не прочитал вашу брошюру перед печатанием моего нового издания. По одному или двум пунктам, я думаю, вы меня немного неправильно поняли, хотя осмелюсь сказать, что я не был осторожен в выражениях. Замечание, которое поразило меня больше всего, заключается в том, что положение листьев не было приобретено в результате естественного отбора, поскольку не имело какого-либо особого значения для растения. Я хорошо помню, что раньше меня беспокоила аналогичная трудность, а именно положение семян, их анатомическое состояние и т. Д. Именно из-за забывчивости я не заметил этой трудности в "Происхождении". (Эссе Нагели опубликовано в 5-м издании.) Хотя я не могу предложить объяснения таким фактам и только надеюсь увидеть, что они могут быть объяснены, все же я с трудом вижу, как они поддерживают доктрину о каком-то законе необходимого развития, поскольку мне не ясно, что растение, листья которого расположены под каким-то определенным углом, или семена в каком-то определенном положении, таким

образом, стоит выше другого растения. Но я должен извиниться за то, что побеспокоил вас этими замечаниями.

Поскольку я очень хочу обладать вашей фотографией, я беру на себя смелость приложить свою собственную, и с искренним уважением остаюсь, дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Я привожу несколько выдержек из писем разных дат, свидетельствующих об интересе моего отца, упомянутом в последнем письме, к проблеме расположения листьев на стеблях растений. Можно добавить, что профессор Швенденер из Берлина успешно атаковал этот вопрос в своей "Теории механического взаимодействия", 1878.

ДОКТОРУ ФАЛЬКОНЕРУ. 26 августа [1863].

- Помнишь, ты говорил мне, что я должен изучать Филлотаксию? Что ж, я часто желал, чтобы вы оказались на дне морском, потому что я не мог удержаться и заморочил себе голову диаграммами и так далее, и образцами, но, как и следовало ожидать, ничего не разобрал. Эти углы - самая замечательная проблема, и я хотел бы увидеть, как кто-нибудь даст ей рациональное объяснение ".

ДОКТОРУ ЭЙСЕ ГРЕЮ. 11 мая [1861].

"Если ты хочешь спасти меня от жалкой смерти, скажи мне, почему встречаются углы $1/2$, $1/3$, $2/5$, $3/8$ и т.д., а других углов нет. Этого достаточно, чтобы свести с ума самого тихого человека. Делали ли вы и какой-нибудь математик (вероятно, мой отец имел в виду работу Чонси Райта по филлотаксии в "Астрономическом журнале" Гулда, № 99, 1856, и в "Математическом ежемесячнике", 1859. Эти документы упоминаются в "Письмах Чонси Райта". Мистер Райт переписывался с моим отцом по этому вопросу.) опубликовать какую-нибудь статью на эту тему? Проститутка говорит, что ты это сделал; где это?

ДОКТОРУ ЭЙСЕ ГРЕЮ. [31 мая 1863?].

"Я просматривал работу Нагели по этому вопросу и был поражен, увидев, что угол наклона не всегда одинаков у молодых побегов, когда впервые видны нижние почки, как у полностью выросших ветвей. Я думаю, это показывает, что должна быть какая-то мощная причина для тех углов, которые действительно возникают: я осмелюсь сказать, что есть какое-то такое же простое объяснение, как для углов расположения пчелиных ячеек ".

Мой отец также переписывался с доктором Хьюбертом Эйри и интересовался его взглядами на этот предмет, опубликованными в Royal Soc. Труды, 1873, стр. 176.

Теперь мы возвращаемся в 1866 год.

В ноябре, когда судебное преследование губернатора Эйра разделило Англию на две резко противостоящие партии, он написал сэру Дж. Хукеру:

"Вы будете визжать на меня, когда услышите, что я только что подписался на Ямайский комитет". (Он пожертвовал 10 фунтов.)

По этому поводу я цитирую письмо моего брата:—

"Что касается поведения губернатора Эйра на Ямайке, он твердо убежден, что Дж. С. Милл был прав, привлекая его к ответственности. Я помню, как однажды вечером у моего дяди мы разговаривали на эту тему, и поскольку я случайно подумал, что это слишком суровая мера для привлечения к ответственности губернатора Эйра за убийство, я отпустил какое-то глупое замечание о том, что прокуроры тратят излишки средств фонда на обед. Мой отец набросился на меня почти с яростью и сказал, что, если таковы мои чувства, мне лучше вернуться в Саутгемптон; жители давали обед губернатору Эйру по случаю его высадки, но я не имел к этому никакого отношения ". Конец этого инцидента, рассказанный моим братом, настолько характерен для моего отца, что я не могу удержаться, чтобы не привести его, хотя это не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. "На следующее утро, часов в 7 или около того, он вошел в мою спальню, сел на мою кровать и сказал, что не мог уснуть от мысли, что был так зол на меня, и, сказав еще несколько добрых слов, оставил меня".

То же неугомонное желание исправить неприятное или неверное впечатление хорошо иллюстрируется отрывком, который я цитирую из некоторых заметок преподобного Дж. Броуди Иннеса:

"В сочетании с чрезвычайной тщательностью наблюдения его поразительной правдивостью во всех вопросах. Однажды, когда приходское собрание проводилось по какому-то спорному вопросу, не имевшему большого значения, я был удивлен ночным визитом мистера Дарвина. Он пришел сказать, что, обдумывая дискуссию, хотя то, что он сказал, было вполне точным, он подумал, что я, возможно, сделал ошибочный вывод, и он не уснет, пока не объяснит это. Я полагаю, что если бы в какой-то день ему стал известен какой-то определенный факт, противоречащий его самым заветным теориям, он бы внес этот факт в протокол для публикации перед сном ".

Это соответствует привычкам моего отца, описанным им самим. Когда у него возникала трудность или возражение, он считал первостепенно важным немедленно записать это, потому что считал враждебные факты особенно мимолетными.

То же самое можно проиллюстрировать следующим инцидентом, за который я в долгу перед мистером Романесом:

"Я навсегда запомнил следующий небольшой инцидент как хороший пример чрезвычайной заботы мистера Дарвина о точности. Однажды вечером в Дауне состоялся общий разговор о трудности объяснения эволюции некоторых исконно человеческих эмоций, особенно тех, которые связаны с распознаванием красоты природного пейзажа. Я предложил свой собственный взгляд на этот предмет, который, в зависимости от принципа ассоциации, требовал предположения, что длинная линия предков должна была населять регионы, пейзажи которых сейчас считаются прекрасными. Как раз в тот момент, когда я собирался заметить, что главная трудность, связанная с моей гипотезой, возникла из-за чувств возвышенного (поскольку они связаны с благоговением и, следовательно, можно ожидать, что они не будут приятными), мистер Дарвин предвосхитил это замечание, спросив, как гипотеза должна соответствовать случаю с этими чувствами. В последовавшей беседе он сказал, что в его собственной жизни был случай, когда он больше всего был охвачен чувствами возвышенного, когда он стоял на одной из вершин Кордильер и обозревал великолепную панораму вокруг. Казалось, как он остроумно заметил, что его нервы превратились в натянутые струны скрипки и начали быстро вибрировать. Это замечание было сделано лишь случайно, и разговор перешел

на другую тему. Примерно через час мистер Дарвин удалился отдыхать, а я посидел в курительной с одним из его сыновей. Мы продолжали курить и разговаривать еще несколько часов, когда примерно в час ночи дверь тихонько отворилась и появился мистер Дарвин в домашних туфлях и халате. Насколько я могу припомнить, он использовал следующие слова: —

"С тех пор как я лег спать, я обдумывал наш разговор в гостиной, и мне только что пришло в голову, что я ошибался, говоря вам, что больше всего возвышенного я ощутил на вершине Кордильер; я совершенно уверен, что еще сильнее я ощутил это в лесах Бразилии. Яподумал, что будет лучше прийти и сказать вам это сразу на случай, если я неправильно вас понимаю. Теперь я уверен, что наиболее возвышенно я чувствовал себя в лесах".

Это было все, что он пришел сказать, и было очевидно, что он пришел сделать это, потому что он думал, что факт его ощущения "самого возвышенного в лесах" больше соответствует гипотезе, которую мы обсуждали, чем тот факт, который он ранее заявил. Поскольку никто лучше мистера Дарвина не знал разницы между умозрением и фактом, я счел это небольшое проявление научной добросовестности весьма примечательным, поскольку единственный затронутый вопрос носил в высшей степени умозрительный характер. Я бы не был так впечатлен, если бы он подумал, что своим временным провалом в памяти он навел меня на ложный след в любом деле, хотя даже в таком случае он единственный человек, которого я когда-либо знал, который захотел бы встать с постели в такое время ночью, чтобы внести коррективы немедленно, вместо того чтобы ждать следующего утра. Но поскольку исправление касалось лишь шаткой гипотезы, я, безусловно, был очень впечатлен этим проявлением характера ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 10 декабря [1866].

... Сейчас я прочитал последний номер Х. Спенсера. ("Принципы биологии".) Не знаю, стоит ли считать его лучше предыдущего номера, но он удивительно умен и, осмелюсь сказать, в основном правдив. Я чувствую себя довольно скверно, когда читаю его: Я мог бы вынести и скорее насладиться ощущением, что он вдвое изобретательнее и умнее меня, но когда я чувствую, что он примерно в дюжину раз превосходит меня, даже в мастерском искусстве извиваться, я чувствую себя обиженным. Если бы он приучил себя больше наблюдать, пусть даже ценой, по закону равновесия, некоторой потери способности мыслить, он был бы замечательным человеком.

... Я ИСКРЕННО рад, что вы занимаетесь распространением растений в Новой Зеландии, и полагаю, это войдет в вашу новую книгу. Ваша точка зрения, насколько я понимаю, о том, что Новая Зеландия опустилась и образовала два или более небольших острова, а затем снова поднялась, кажется мне чрезвычайно вероятной... Когда я ломал голову над Новой Зеландией, я помню, что пришел к выводу, как я и утверждаю в "Происхождении", что ее флора, как и флора других южных земель, была окрашена антарктической флорой, которая, должно быть, существовала до ледникового периода. Я пришел к выводу, что Новая Зеландия никогда не могла быть тесно связана с Австралией, хотя и предположил, что некоторые австралийские формы она получила случайным образом с помощью транспортных средств. Есть ли какие-либо основания предполагать, что Новая Зеландия могла быть более тесно связана с Южной Австралией в ледниковый период, когда эвкалипты и т.д. Могли быть вытеснены дальше на

Север? Очевидно, осталась только линия, которую, я думаю, вы предложили, затонувших островов Новой Каледонии. Пожалуйста, помните, что "Эдвардсию" определенно занесло туда морем.

Я помню, как в старые времена рассуждал о количестве жизни, то есть органических химических изменений, в разные периоды. Мне кажется, в этой проблеме есть один очень сложный элемент, а именно состояние развития органических существ в каждый период, поскольку я предполагаю, что Флора и фауна клеточных криптогамных растений, простейших и лучевых привела бы к гораздо меньшим химическим изменениям, чем происходит сейчас. Но я уже достаточно нацарапал.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо является признательностью за ответ мистера Риверса на более раннее письмо, в котором мой отец просил предоставить информацию о bu-variation:

Это может найти здесь место для иллюстрации того, как мой отец общался с теми, "чье жизненное призвание было связано с выращиванием или использованием живых существ" ("Мистер Дайер в "Чарльзе Дарвине", "Серия Nature", 1882, стр. 39.) — общения, которое принесло такие хорошие плоды в "Изменчивости животных и растений". У мистера Дайера есть несколько превосходных замечаний о неожиданной ценности, придаваемой таким образом, казалось бы, тривиальным фактам, извлеченным из еженедельных журналов или собранным по переписке. Он добавляет: "Садоводы, которые ... формировали растения почти по своему желанию, руководствуясь чувством вкуса или выгоды, были одновременно поражены и очарованы, обнаружив, что они занимались научной работой и помогали создать великую теорию".]

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ - Т. РИВЕРСУ. (Покойный мистер Риверс был выдающимся садоводом и писателем по садоводству.) Даун, 28 декабря [1866?].

Мой дорогой сэръ,

Позвольте мне сердечно поблагодарить Вас за Ваше самое любезное письмо. В течение многих лет я с интересом читал каждую заметку, которую вы писали в периодических изданиях, и делал выдержки из вашей книги о розах MS. И несколько раз я думал, что напишу вам, но не знал, не сочтете ли вы меня слишком навязчивым. Я действительно буду вам искренне признателен за любую информацию, которую вы сможете мне предоставить о бад-вариациях или спорте. Когда у меня возникнут какие-либо дополнительные трудности в моем текущем предмете (а это масса трудностей), я обращусь к вам, но не буду неразумным. Совершенно верно то, что вы говорите, что любой, кто хорошо изучает физиологию жизни растений, должен иметь под своим наблюдением множество растений. Я попытался сделать все, что в моих силах, сравнивая высказывания многих авторов и наблюдая за тем, что мог бы сделать сам. К сожалению, мало кто наблюдал так, как это сделали вы. Поскольку вы так добры, я упомяну еще один момент, по которому я собираю факты; а именно, эффект, оказываемый прививкой на подвой; так, говорят, что фундук пурпурнолистный влияет на листья орешника обыкновенного, к которому он привит (я только что раздобыл растение, чтобы попробовать), так ЖЕ ГОВОРЯТ, что жасмин пестрый влияет на его подвой. Я хочу, чтобы эти факты частично пролили свет на чудесный лабурнум

Адами, тройчатые апельсины и т.д. Этот случай с лабурнумом кажется одним из самых странных в физиологии. Сейчас у меня растут великолепные, ПЛОДОВИТЫЕ желтые раkitники (с длинной кистью, как у так называемого раkitника водяного) из семян желтых цветков C. Adami. Для такого человека, как я, который вынужден вести уединенный образ жизни и редко кого видит, немалое удовлетворение слышать, что я вообще смог заинтересовать своими книгами таких наблюдателей, как вы.

Поскольку я собираюсь опубликовать статью по моему нынешнему предмету, я полагаю, что в течение года от того, что вы присылаете мне побеги персиков и нектаринов, которые вы так любезно предлагаете, не будет никакой пользы; я записал ваши факты.

Позвольте мне еще раз сердечно поблагодарить вас; я не часто в своей жизни получал более доброе письмо.

Мой дорогой сэръ, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ГЛАВА 2.V. — ПУБЛИКАЦИЯ "ИЗМЕНЧИВОСТИ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ При ОДОМАШНИВАНИИ".

С ЯНВАРЯ 1867 ПО ИЮНЬ 1868 ГОДА.

[В начале 1867 года он работал над последней главой — "Заключительными замечаниями" "Изменчивости животных и растений при одомашнивании", которая была начата после того, как остальная часть рукописи была отправлена в типографию в декабре прошлого года. По поводу публикации книги он написал мистеру Мюррею 3 января:

"Я не могу выразить вам, как мне жаль слышать об огромном объеме моей книги. (9 января он написал сэру Дж.Д. Хукеру: "Последние несколько дней я был раздосадован до безумия, услышав, что моя МИСС о доме и культе. Растения составят 2 тома, оба больше, чем "Происхождение". Тома должны быть полноразмерными на октаво, поэтому я написал Мюррею, чтобы предложить напечатать подробности мелким шрифтом. Но я чувствую, что размер довольно смехотворен по отношению к предмету. Я готов обругать себя и каждого дурака, который пишет книгу".) Боюсь, что это никогда не окупится. Но я не могу сократить его сейчас; и, действительно, если бы я предвидел его длину, я не вижу, какие части следовало бы опустить.

"Если вы боитесь публиковать это, умоляю вас, скажите об этом сразу, и я буду считать вашу заметку аннулированной. Если вы сочтете нужным, попросите любого, на чье суждение вы полагаетесь, просмотреть некоторые из наиболее разборчивых глав, а именно Введение и о собаках и растениях, последние главы, на мой взгляд, самые скучные в книге... Список глав и

ознакомление с некоторыми из них здесь и там дали бы знающему человеку четкое представление о книге в целом. Прошу вас, не публикуйте вслепую, так как это будет досаждать мне всю жизнь, если я приведу вас к тяжелым потерям".

Мистер Мюррей передал рукопись другу-литератору и, несмотря на несколько неблагоприятное мнение, охотно согласился опубликовать книгу. Мой отец писал:—

"Ваша записка принесла мне большое облегчение. Я несколько встревожен приговором вашего друга, поскольку он не является человеком науки. Я думаю, что если бы вы послали "Происхождение" ненаучному человеку, он бы категорически осудил его. Однако я ОЧЕНЬ РАД, что вы проконсультировались со всеми, на кого можете положиться.

"Я должен добавить, что мой "Журнал исследований" был замечен в рукописи выдающимся околонульным человеком и был признан непригодным для публикации".

Корректурa была начата в марте, а последняя правка была закончена 15 ноября, и в течение этого периода единственными перерывами на отдых были два визита по неделе в дом его брата Эразмуса на улице Королевы Анны. Он отмечает в своем Дневнике:—

"Я начал эту книгу [в] начале 1860 года (и тогда у меня было несколько рукописей), но из-за перерывов, вызванных моей болезнью и болезнью детей; из-за различных изданий "Происхождения" и статей, особенно книги Орхиса и "Усиков", я потратил на нее четыре года и два месяца".

Тираж книги "Животные и растения" составил 1500 экземпляров, и из них 1260 были проданы на осенней распродаже мистера Мюррея, но она была опубликована только 30 января 1868 года. Новое издание тиражом 1250 экземпляров было напечатано в феврале того же года.

В 1867 году он был удостоен звания кавалера прусского ордена "За заслуги". (Орден "За заслуги" был основан в 1740 году Фридрихом II. путем повторного крещения "Ордена великодушия", основанного в 1665 году. Когда-то он был строго военным, а ранее был как гражданским, так и военным, и в 1840 году Орден снова был открыт для гражданских лиц. Орден состоит из тридцати членов немецкого происхождения, но выдающиеся иностранцы допускаются к своего рода экстраординарному членству. Фарадей, Гершель и Томас Мур принадлежали к нему таким образом. Из тридцати членов канцлер избирается королем (первым должностным лицом такого рода был Александр В. Гумбольдт); и в обязанности канцлера входит уведомить о вакансии в Ордене остальных из тридцати, которые затем голосованием избирают нового члена — но технически назначение находится в руках короля.) Похоже, он не подозревал, насколько велико это различие, поскольку в июне 1868 года написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"Что за человек ты такой для сочувствия. Несколько месяцев назад меня сделали "лошадью", но я не особо задумывался об этом. Теперь, клянусь Юпитером, мы все так думаем, но вы, по сути, посвятили меня в рыцари.

Теперь письма могут продолжить рассказ.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 8 февраля [1867].

Моя дорогая Проститутка,

Я искренне рад, что вам предложили пост президента Британской ассоциации, ибо это большая честь, и поскольку вам предстоит проделать так много работы, я не менее рад, что вы отказались от него. Я, однако, убежден, что вы бы очень преуспели; но если я представляю себя в таком положении, у меня действительно стынет кровь в жилах. Я с изумлением оглядываюсь назад на мастерство и вкус, с которыми герцог Аргайлл произнес множество небольших речей в Глазго. Кстати, я не видел книгу герцога ("Господство закона", 1867 г.), но раньше я думал, что некоторые статьи, появлявшиеся в периодических изданиях, были очень умными, но не очень глубокими. Одна из них была рассмотрена в "Субботнем обозрении" ("Saturday Review", 15 ноября 1862 г., "Эдинбургское обозрение о сверхъестественном". Написано моим кузеном, мистером Генри Паркером.) несколько лет назад, и ошибочность некоторых основных аргументов была превосходно разоблачена, и я отправил статью вам, и вы полностью согласились с ней... На днях в "Зрителе" была опубликована довольно хорошая рецензия на книгу герцога с новым объяснением, сделанным либо герцогом, либо рецензентом (я не мог разобрать кем), рудиментарных органов, а именно, что экономия труда и материалов была великим руководящим принципом Бога (игнорирование пустой траты семян и детенышей монстров и т.д.), И что создание нового плана строения животных было мыслью, а мысль была трудом, и поэтому Бог придерживался единого плана и оставил рудименты. Это не преувеличение. Короче говоря, Бог - человек, гораздо умнее нас... Я очень признателен за "Нацию" (возвращено этим постом); она ВОСХИТИТЕЛЬНО хороша. Вы говорите, что я всегда ошибаюсь в догадках, но я не верю, что кто-то, кроме Эйсы Грея, мог бы сделать это так хорошо. Я бы даже поспорил, или три к двум, что это Эйса Грей, хотя один или два отрывка ошеломили меня.

Я заканчиваю свою книгу о "Домашних животных" и т. д. Одним абзацем, отвечающим или, скорее, ставящим под сомнение, насколько позволяет небольшой объем, доктрину Эйсы Грея о том, что каждая вариация была специально упорядочена или направлена в выгодном направлении. Глупо касаться таких тем, но было так много намеков на то, что я думаю о роли, которую Бог сыграл в формировании органических существ (проф. Джадд позволяет мне процитировать некоторые заметки, которые он любезно передал мне: "Лайелл однажды сказал мне, что его часто спрашивали, не был ли Дарвин одним из самых несчастных людей, причем предполагалось, что его возмущение общественным мнением должно было наполнить его угрызениями совести". Я думаю, сэр Чарльз Лайелл, должно быть, смог бы дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Профессор Джадд продолжает: —

"Я записал этот и другие разговоры Лайелла в то время. В настоящее время такие заявления должны показаться странными любому, кто не помнит революции во взглядах, произошедшей за последние 23 года [1882]"., Что я счел подлым уклоняться от ответа... Я даже получил несколько писем на эту тему... Я пропустил мимо ушей вашу фразу о Провидении, и предположим, я отнесся к ней так же, как Бакленд к своей собственной теологии, когда ему для исправления прочитали вслух его Трактат о Бриджуотере...

[Следующее письмо миссис Буль - одно из тех, о которых говорилось в последнем письме сэру Дж.Д. Хукеру:]

Уважаемый сэр,

Простите, что я осмеливаюсь задать вам вопрос, на который ничей ответ, кроме вашего собственного, не был бы вполне удовлетворительным?

Считаете ли вы, что ваша теория естественного отбора в ее полном и безоговорочном смысле несовместима — я не говорю с какой—либо конкретной схемой теологической доктрины, — но со следующим убеждением, а именно:

Это знание дается человеку по прямому вдохновению Духа Божьего.

Что Бог - личностное и Бесконечно доброе Существо.

Что воздействие Духа Божьего на мозг человека - это прежде всего моральный эффект.

И что каждый отдельный человек имеет в определенных пределах право выбора относительно того, насколько он будет уступать своим наследственным животным импульсам и насколько он предпочтет следовать руководству Духа, который воспитывает в нем способность сопротивляться этим импульсам в соответствии с моральными мотивами?

Причина, по которой я спрашиваю вас, заключается в следующем: у меня всегда было впечатление, что ваша теория не только идеально совместима с верой, которую я только что попыталась выразить, но и что ваши книги дали мне ключ, который помог бы мне применить эту веру к решению определенных сложных психологических проблем, решение которых имело практическое значение для меня как матери. Я почувствовал, что вы предоставили одно из недостающих звеньев — если не сказать, недостающее звено — между фактами науки и обещаниями религии. С каждым годом это впечатление усиливается во мне.

Но недавно я прочитал замечания о возможном влиянии вашей теории на религиозные и моральные вопросы, которые привели меня в замешательство и причинили сильную боль. Я знаю, что люди, делающие подобные замечания, должно быть, умнее и сообразительнее меня. Я не могу быть уверен, что они ошибаются, пока вы мне об этом не скажете. И я думаю — я не могу знать наверняка, — но я ДУМАЮ, — что если бы я был автором, я бы предпочел, чтобы самый скромный изучающий мои работы обратился непосредственно ко мне в трудной ситуации, чем слишком долго ломал голову над неблагоприятными и, вероятно, ошибочными или бездумными критическими замечаниями.

В то же время я считаю, что вы имеете полное право отказаться отвечать на такие вопросы, которые я вам задал. Наука должна идти своим путем, а Теология - своим, и они встретятся, когда, где и как будет угодно Богу, и вы ни в коем случае не несете ответственности за это, если место встречи все еще должно быть очень далеко. Если я не получу ответа на это письмо, я ничего не пойму из вашего молчания, кроме того, что вы сочли, что я не имел права задавать подобные вопросы незнакомому человеку.

[Мой отец ответил следующим образом:]

Вниз, 14 декабря [1866 г.].

Дорогая мадам,

Мне было бы очень приятно, если бы я смог прислать удовлетворительные ответы на ваши вопросы или, вообще, ответы любого рода. Но я не могу понять, как вера в то, что все

органические существа, включая человека, были генетически получены от какого-то простого существа, вместо того чтобы быть созданными отдельно, влияет на ваши трудности. На эти вопросы, как мне кажется, можно ответить только с помощью совершенно иных научных данных или так называемого "внутреннего сознания". Мое мнение стоит не больше, чем мнение любого другого человека, размышлявшего на подобные темы, и с моей стороны было бы безрассудством высказывать его. Я могу, однако, заметить, что мне всегда казалось более удовлетворительным смотреть на огромное количество боли и страданий в этом мире как на неизбежный результат естественной последовательности событий, то есть общих законов, а не от прямого вмешательства Бога, хотя я понимаю, что это нелогично применительно к всеведущему Божеству. Ваш последний вопрос, кажется, сводится к проблеме свободы воли и необходимости, которую большинство людей считают неразрешимой. Я искренне желаю, чтобы эта записка не была такой совершенно бесполезной, какой она является. Я бы отправил подробные ответы, хотя у меня мало свободного времени или сил, если бы это было в моей власти. Имею честь оставаться, дорогая мадам,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Я огорчен, что мои взгляды случайно вызвали у вас беспокойство, но я благодарю вас за ваше суждение и уважаю вас за то, что теология и наука должны идти каждая своим путем, и что в данном случае я не несу ответственности, если место их встречи все еще далеко.

[В следующем письме обсуждается "Господство закона", о котором говорилось несколькими страницами ранее:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 1 июня [1867].

... В настоящее время я читаю герцога, и он меня ОЧЕНЬ заинтересовал; и все же я не могу не думать, что, каким бы умным ни было целое, отдельные части слабы, например, когда он сомневается, полезен ли каждый изгиб клюва колибри для каждого вида. Он признает, возможно, слишком полно, что я показал использование каждого маленького гребня и форму каждого лепестка у орхидей, и как странно, что он не распространил это представление на колибри. Еще более странным мне кажется все, что он говорит о красоте, которую я бы счел ничтожеством, если бы не разум какого-нибудь разумного существа. С таким же успехом он мог бы сказать, что любовь существовала во вторичный или палеозойский периоды. Я надеюсь, что вы справляетесь со своей книгой лучше, чем я со своей, которая убивает меня трудом исправления и невыносимо скучна, хотя я так не думал, когда писал ее. Жизнь натуралиста была бы счастливой, если бы ему приходилось только наблюдать, а не писать.

Примерно через две недели мы будем в Лондоне, и я с удовольствием побеседую с вами за завтраком.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к новому и улучшенному переводу "Происхождения", предпринятому профессором Карусом:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. ВИКТОРУ КАРУСУ. Даун, 17 февраля [1867].

Мой дорогой сэр,

Я внимательно прочитал ваше предисловие. Мне кажется, что вы относились к Бронну с полным уважением и большой деликатностью и что вы упоминали о своем собственном труде с большой скромностью. Я не думаю, что кто-либо из друзей Бронна может жаловаться на то, что вы говорите и что вы сделали. Ради себя лично я сожалею, что вы не добавили примечаний, поскольку я уверен, что они принесли бы мне большую пользу; но поскольку вы опустили возражения Бронна, я считаю, что вы поступили разумно и справедливо, оставив текст без комментариев на усмотрение независимого читателя. Я сердечно поздравляю вас с окончанием основной части вашего труда; для большинства людей это было бы очень хлопотной задачей, но вы, кажется, обладаете неукротимой работоспособностью, судя по этим двум замечательным и наиболее полезным томам по зоологической литературе ("Зоологическая библиотека", 1861 г.), отредактированным вами, и я никогда не открываю их без удивления их точностью и благодарности за их полезность. Я не могу в достаточной мере выразить вам, как я рад, что вас убедили руководить переводом настоящего издания моей книги, поскольку теперь я испытываю огромное удовлетворение от осознания того, что немецкая публика может справедливо судить о ее достоинствах и недостатках...

С моей сердечной и искренней благодарностью, поверьте мне,

Мой дорогой сэр, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Самое раннее письмо, которое я видел от моего отца профессору Геккелю, было написано в 1865 году, и с тех пор они переписывались (хотя, я думаю, не очень регулярно) до конца жизни моего отца. Его дружба с Геккелем и близко не переросла в переписку, как это было в случае с некоторыми другими, например, с Фрицем Мюллером. Геккель нанес несколько визитов в Даун, и они доставили моему отцу огромное удовольствие. Нижеследующее письмо послужит доказательством того сильного чувства уважения, которое он питал к своему корреспонденту, — чувства, которое я часто слышал от него с горячностью выражаемого и которое получало тепло в ответ. Упомянутая книга - "Общая морфология" Геккеля, опубликованная в 1866 году, экземпляр которой мой отец получил от автора в январе 1867 года.

Доктор Э. Краузе ("Чарльз Дарвин и сейн Верхалтнисс в Германии", 1885 г.) дал хороший отчет о заслугах профессора Геккеля перед делом эволюции. Рассказав о прохладном приеме, который "Происхождение" встретило в Германии после своей первой публикации, он продолжает описывать первых приверженцев новой веры как более или менее популярных писателей, не особенно способных продвинуть ее признание в профессорском или чисто научном мире. И он утверждает в защиту Геккеля, что именно его защита эволюции в его "Радиолярии" (1862) и на "Версаммлунге" натуралистов в Штеттине в 1863 году впервые публично поставила дарвиновский вопрос перед форумом немецкой науки, и его восторженная пропаганда в основном способствовала его успеху.

Мистер Хаксли, писавший в 1869 году, высоко оценил профессора Геккеля как Корифея дарвиновского движения в Германии. О своей "Общей морфологии", "попытке выработать практическое применение" доктрины эволюции к их конечным результатам, он говорит, что она

обладает "силой, наводящей на размышления и ... систематизирующей способностью Окена без его экстравагантности". Профессор Хаксли также свидетельствует о ценности книги Геккеля "Шопенгауэры" как изложения "Общей морфологии" "для образованной публики".

Опять же, в своей "Эволюции в биологии" (статья в "Британской энциклопедии", 9-е издание, перепечатана в "Науке и культуре", 1881, стр. 298) мистер Хаксли писал: "Какие бы колебания ни испытывали нередко менее смелые умы, следуя Геккелю во многих его рассуждениях, его попытке систематизировать доктрину эволюции и продемонстрировать ее влияние как центральной мысли современной биологии, это не может не оказать далеко идущего влияния на прогресс науки".

В следующем письме мой отец ссылается на несколько ожесточенную манеру, в которой профессор Геккель вел битву за "дарвинизм", и по этому поводу у доктора Краузе есть несколько хороших замечаний (стр. 162). Он спрашивает, не могло ли многое из того, что произошло в разгар конфликта, быть иначе, и добавляет, что сам Геккель - последний человек, который отрицает это. Тем не менее, он считает, что даже эти вещи, возможно, хорошо сработали для дела Эволюции, поскольку Геккель "сосредоточил на себе в своих "Источниках человеческих поступков", в своей "Общей морфологии" и "Шопфунгс-гешихте" всю ненависть и ожесточение, которые эволюция возбуждала в определенных кругах", так что "за удивительно короткое время в Германии вошло в моду ругать только Геккеля, в то время как Дарвина считали идеалом предусмотрительности и умеренности".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Э. НАЕСКЕЛ. Даун, 21 мая 1867 года.

Дорогой Геккель,

Ваше письмо от 18-го числа доставило мне большое удовольствие, поскольку вы восприняли то, что я сказал, самым добрым и сердечным образом. Отчасти вы восприняли то, что я сказал, гораздо сильнее, чем я намеревался. Мне ни на минуту не приходило в голову усомниться в том, что ваша работа, в которой весь предмет так превосходно и ясно изложен, а также подкреплён таким количеством новых фактов и аргументов, не продвинет нашу общую цель в высшей степени. Все, что я думаю, это то, что вы вызовете гнев, и этот гнев настолько полностью ослепит каждого, что у ваших аргументов не будет никаких шансов повлиять на тех, кто уже настроен против наших взглядов. Более того, мне совсем не нравится, что вы, к которому я испытываю такую сильную дружбу, без необходимости наживаете врагов, а в мире достаточно боли и досады, и без того, чтобы причинять их еще больше. Но я повторяю, что не сомневаюсь в том, что ваша работа значительно продвинет нашу тему, и я искренне желаю, чтобы она была переведена на английский язык, ради меня самого и ради других. Что касается того, что вы говорите о моих слишком решительных возражениях против моих собственных взглядов, некоторые из моих английских друзей думают, что я ошибся с этой стороны; но правда вынудила меня написать то, что я сделал, и я склонен думать, что это была хорошая политика. Вера в теорию происхождения медленно распространяется в Англии (В октябре 1867 года он писал мистеру Уоллесу: "Мистер Уорингтон недавно прочитал перед Институтом Виктории превосходный и энергичный реферат о "Происхождении", а поскольку это наиболее ортодоксальный орган, он получил прозвище Адвоката дьявола. Дискуссия, которая последовала в течение трех последовательных встреч, очень насыщена обсуждаемой ерундой.

Если бы вы захотели посмотреть номер, я мог бы выслать его вам. "), даже среди тех, кто не может привести никаких оснований для своей веры. Никто из людей поначалу не был так настроен против моих взглядов, как члены Лондонского энтомологического общества, но теперь я уверен, что, за исключением двух или трех стариков, все члены в определенной степени согласны со мной. Для меня было большим разочарованием, что я так и не получил вашего длинного письма, написанного мне с Канарских островов. Я рад слышать, что ваше турне, которое, по-видимому, было очень интересным, во многом пошло на пользу вашему здоровью. Я усердно работаю над своей новой книгой, но продвигаюсь очень медленно, и эта работа подрывает мое здоровье, которое почти такое же, как и тогда, когда вы были здесь.

Виктор Карус собирается это перевести, но стоит ли это переводить, я весьма сомневаюсь. Я очень рад слышать, что есть какая-то возможность посетить Англию этой осенью, и все в этом доме будут рады видеть вас здесь.

Поверьте мне, мой дорогой Геккель, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 31 июля [1867].

Мой дорогой сэр,

Неделю назад я получил ваше письмо от 2 июня, как обычно, полное ценных материалов и образцов. Оно пришло как раз вовремя, поскольку я смог дать довольно полное изложение ваших наблюдений о ядовитости собственной пыльцы растения. Я включил этот тезис в подготовительные материалы к моей главе о бесплодии, и он составляет самую поразительную часть всей моей главы. (В "Изменчивости животных и растений".) Я искренне благодарю вас за интереснейшие наблюдения, которые, однако, сожалею, что вы не опубликовали самостоятельно. Я был вынужден сократить на одну или две части больше, чем хотелось бы... Ваши письма всегда удивляют меня количеством пунктов, которые вы посещаете. Жаль, что я не могу заинтересовать вас своими письмами, потому что я почти никогда не встречаюсь с натуралистами и веду такой же уединенный образ жизни, как вы в Бразилии. Что касается миметических растений, я помню, как много лет назад Хукер говорил, что, по его мнению, их много, но я согласен с вами, что было бы труднее всего провести различие между миметическим сходством и воздействием особых условий. Кто может сказать, к какой из этих причин отнести несколько растений с вересковой листвой на мысе Доброй Надежды? Не является ли также трудностью то, что четвероногие, по-видимому, распознают растения больше по их [запаху], чем по внешнему виду? То, что я только что сказал, напоминает мне задать вам вопрос. Сэр Дж. Лаббок на днях принес мне нечто, похожее на наземную планарию (первую из когда-либо найденных в северном полушарии), которая была окрашена точно так же, как наши темные слизни. Теперь слизни не поедаются птицами, как виды, несущие раковины, и это заставило меня вспомнить, что я нашел бразильских планарий на самом деле вместе с полосатыми влагищами, которые, как я полагаю, были такого же цвета. Можете ли вы пролить на это какой-нибудь свет? Я хотел бы знать, потому что несколько месяцев назад я был озадачен тем, как можно объяснить яркую окраску планарий половым отбором. Кстати, я полагаю, что они гермафродиты.

Не забудьте помочь мне, если это в ваших силах, ответами на ЛЮБОЙ из моих вопросов о самовыражении, поскольку эта тема меня очень интересует. С искренней благодарностью за вашу неизменную доброту, поверьте мне,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, 18 июля [1867].

Мой дорогой Лайель,

Большое спасибо за ваше длинное письмо. Мне жаль слышать, что вы в отчаянии из-за своей книги (2-й том 10-го издания "Принципов"); Мне хорошо знакомо это чувство, но сейчас я выбираюсь из самых глубин. Я буду очень рад, если вы сможете хотя бы немного воспользоваться моей настоящей книгой и совершенно не будете заботиться о том, будет ли она опубликована раньше вашей. Моя появится ближе к концу ноября этого года; вы говорите, что ваша выйдет только в ноябре 1868 года, что, я надеюсь, может быть ошибкой. В моей книге о человеке нет ничего, что могло бы помешать вам, поэтому я прикажу выслать вам все заполненные чистые листы (и другие, как только они будут готовы), но, пожалуйста, учтите, что вам не понравится первый том, который представляет собой простой отчет о количестве вариаций; но я надеюсь, что второй будет несколько интереснее. Хотя я боюсь, что все это, должно быть, скучно.

Я от всего сердца радуюсь, что вы собираетесь открыто говорить о видах. Моя книга о человеке, если она будет опубликована, будет короткой, и большая ее часть будет посвящена половому отбору, на который я ссылался в "Происхождении" как имеющий отношение к Человеку...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 22 августа [1867].

Мой дорогой Лайель,

Сердечно благодарю вас за ваши последние два письма. Первое принесло мне НАСТОЯЩУЮ пользу, потому что я так устал от предмета, что едва мог вынести исправление гранок (гранки "Животных и растений", которые в то время читал Лайель.), а вы придали мне бодрости духа. Помню, я подумал, что, когда вы дойдете до главы о Голубях, вы обойдете ее стороной как совершенночитабельную. Ваше последнее письмо заинтересовало меня во многих отношениях, и я был рад услышать об этих ужасных неверующих французах. Мне было особенно приятно, что вы обратили внимание на Пангенезис. Я не знаю, было ли у вас когда-нибудь ощущение, что вы так много думали над каким-то предметом, что потеряли всякую способность судить о нем. Это мой случай с Пангенезисом (которому 26 или 27 лет), но я склонен думать, что если это будет признано в качестве вероятной гипотезы, это станет несколько важным шагом в биологии.

Я до сих пор не могу не сожалеть о том, что вы когда-либо просматривали бланки, потому что я надеюсь значительно улучшить ситуацию в целом. Для меня удивительно и восхитительно, что вы так мало заботитесь о растениях. В целом, вы подарили мне одно из лучших угощений,

которое я когда-либо пробовала в своей жизни, и я сердечно благодарю вас. Сегодня утром я отправил французское издание. (О "Происхождении". Оказывается, мой отец посылал копию французского издания сэру Чарльзу. Предисловие было написано Мадемуазель. Руайе, который перевел книгу.) Введение было для меня полной неожиданностью и, осмелюсь сказать, нанесло ущерб книге во Франции; тем не менее... я думаю, это показывает, что женщина необычайно умна. Еще раз большое спасибо за вновь обретенное мужество, с которым я буду атаковать ужасные корректурные листы.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S.— Здесь был русский, который переводит мою новую книгу на русский, и говорит, что вас очень читают в России, и много изданий — сколько, я забыл. Шесть изданий "Бакла" и четыре издания "Происхождения".

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 16 октября [1867].

Мой дорогой Грей,

Я посылаю этой почтой чистые листы тома I. до страницы 336, а в этом томе всего 411 страниц. Я ОЧЕНЬ рад слышать, что вы собираетесь дать рецензию на мою книгу; но если "Нэйшн" (рецензия на книгу была дана доктором Греем в "Нэйшн" от 19 марта 1868 г.) - газета, то я хотел бы, чтобы она была на дне морском, поскольку боюсь, что таким образом вам перестанут давать обо мне рецензии в научном журнале. Первый том содержит все подробности, и вы не сможете его прочитать; и вы должны помнить, что главы о растениях написаны для натуралистов, которые не являются ботаниками. Последняя глава тома I. однако, я думаю, представляет собой любопытную подборку фактов; она посвящена бу-вариациям. Во втором томе некоторые главы более интересны; и мне будет очень любопытно услышать ваш вердикт по главе о близком скрещивании. Главу о том, что я называю Пангенезисом, назовут безумной мечтой, и я буду вполне удовлетворен, если вы сочтете эту мечту достойной публикации; но в глубине души я думаю, что в ней содержится великая правда. Я заканчиваю свою книгу полубогословским абзацем, в котором я цитирую и расхожусь с вами; что вы об этом подумаете, я не знаю...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 17 ноября [1867].

Моя дорогая Проститутка,

Поздравьте меня, ибо я закончил последнюю редакцию последнего листа моей книги. Это была ужасная работа: семь с половиной месяцев исправлял типографию: книга, набранная мелким шрифтом, не выглядит большой, но на самом деле она очень большая. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы оставаться на высоте, но за последнюю неделю было сделано всего несколько исправлений, так что я отдохнул и чувствую себя лучше. Поэтому, после нашего долгого взаимного молчания, я с удовольствием пишу вам записку, чтобы выдохнуть и услышать от вас ответ. Учитывая указатель (указатель был составлен мистером У.С. Далласом; я часто слышал, как мой отец выражал свое восхищение этим превосходным произведением), я не думаю, что вы получите свой экземпляр раньше середины следующего месяца. Мне будет

очень интересно услышать, что вы думаете о Пангенезисе; хотя я вижу, насколько он ужасающе несовершенен даже в чисто гипотетических выводах; и все же для меня было бесконечным удовлетворением каким-то образом связать различные большие группы фактов, которые я долго рассматривал, понятной нитью. Я нисколько не удивлюсь, если вы нападете на него и на меня с несравненной свирепостью. В течение некоторого времени я буду стараться делать как можно меньше, но вскоре [я] подготовлю одну-две статьи для Линнеевского общества. Вскоре мы отправимся в Лондон на десять дней, но время еще не назначено. Теперь я рассказал вам кое-что о себе, и, пожалуйста, расскажите мне побольше о ваших прошлых и будущих деяниях. Не могли бы вы нанести нам визит в начале декабря?... Я целую вечность никого не видел и не слышал никаких новостей.

... По поводу моей книги я дам вам небольшой совет. Пропустите ВЕСЬ первый том, за исключением последней главы (и ее нужно лишь бегло просмотреть), и пропустите большую часть второго тома; и тогда вы скажете, что это очень хорошая книга.

1868.

["Изменчивость животных и растений" была, как уже упоминалось, опубликована 30 января 1868 года, и в тот день он отправил копию Фрицу Мюллеру и написал ему:—

"Я посылаю этой почтой, французской бандеролью, мою новую книгу, публикация которой сильно задерживалась. Большая часть, как вы увидите, не предназначена для чтения; но мне бы очень хотелось услышать, что вы думаете о "Пангенезисе", хотя, боюсь, всем это покажется слишком спекулятивным ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 3 февраля [1868].

... Я очень доволен тем, что вы сказали о моем Вступлении; после того, как оно было напечатано, я был близок к тому, чтобы отменить все целиком. Некоторое время я был в отчаянии из-за своей книги, и если я попытаюсь прочитать несколько страниц, то почувствую настоящую тошноту, но пусть это не заставляет вас хвалить ее; ибо я решил, что она не стоит и пятой части того огромного труда, которого мне это стоило. Уверяю вас, что все, что вам стоит сделать (если у вас есть на это время), - это просмотреть главу VI и прочитать фрагменты из последующих глав. Факты о растениях, бессильных к саморазрушению, кажутся мне любопытными, и я, к своему собственному удовлетворению, выяснил, что такое польза от скрещивания и зло от скрещивания. На днях вечером я действительно читал "Пангенезис", но даже это, мое любимое дитя, как я и предполагал, вызвало у меня отвращение. Черт бы побрал всю книгу целиком; и все же сейчас я снова принимаюсь за работу так усердно, как только могу. Это действительно большое зло, что по привычке я получаю удовольствие едва ли от чего-либо, кроме Естественной истории, ибо ничто другое не заставляет меня забыть о моих постоянно повторяющихся неприятных ощущениях. Но я больше не должен выть, и критики могут говорить все, что им угодно; я сделал все, что мог, и человек больше ничего не может сделать. Каким великолепным занятием была бы Естественная история, если бы она состояла только из наблюдений, а не из записей! ..

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 10 февраля [1868].

Моя дорогая Проститутка,

Что толку иметь друга, если нельзя им похвастаться? Вчера я услышал, что Мюррей продал за неделю весь тираж моей книги в 1500 экземпляров, и распродажа настолько срочная, что он договорился с Клаузом о получении еще одного издания через четырнадцать дней! Это пошло мне на пользу, потому что я проникся своего рода стойкой ненавистью к своей книге. И вот теперь в "Пэлл Мэлл" появился отзыв, который меня чрезвычайно обрадовал, возможно, больше, чем это разумно. Я вполне доволен, и меня не волнует, насколько сильно меня могут обвинить. Если вы случайно услышите, кто написал статью в "Пэлл Мэлл", пожалуйста, скажите мне; это кто-то, кто пишет с большой буквы и кто знает предмет. В воскресенье я пошел на ленч к Лаббоку, отчасти в надежде увидеть вас, и, будь я проклят, вас там не было.

Твой классный друг, Си Ди

[Независимо от благоприятного тона серии заметок в "Пэлл Мэлл Газетт" (10, 15, 17 февраля 1868 г.), мой отец, вполне возможно, был удовлетворен следующими отрывками:—

"Мы должны обратить внимание на редкое и благородное спокойствие, с которым он излагает свои собственные взгляды, не потревоженный пылом полемики, которую вызвали эти взгляды, и упорно отказывающийся отвечать своим оппонентам насмешкой, негодованием или презрением. Учитывая количество брани и инсинуаций, которые исходили с другой стороны, эта снисходительность в высшей степени достойна".

И снова в третьем уведомлении от 17 февраля:—

"Нигде автор не произносит ни слова, которое могло бы ранить самое чувствительное самолюбие антагониста; нигде он, ни в тексте, ни в примечании, не разоблачает заблуждения братьев-исследователей... но, воздерживаясь от дерзкой критики, он щедро признает самые незначительные долги, которые у него могут быть; и его книга сделает счастливыми многих людей".

Я в долгу перед господами. Smith & Elder за информацию о том, что эти статьи были написаны г-ном Г.Х. Льюисом.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 23 февраля [1868].

Моя дорогая Проститутка,

В последнее время мне приходится писать почти столько же писем, сколько и тебе, а именно. от 8 до 10 суточных, в основном собирая факты о половом отборе, поэтому я не испытывал желания писать вам, и теперь я намерен писать исключительно о своей книге для собственного удовлетворения, а вовсе не для вашего. Первое издание было выпущено тиражом 1500 экземпляров, и сейчас отпечатано второе; острая работа. Смотрели ли вы рецензию в "Атенеуме" ("Athenaeum", 15 февраля 1868. Мой отец процитировал утверждение Пуше о том,

что "вариации при одомашнивании не проливают света на естественную модификацию видов". Рецензент цитирует конец отрывка, в котором мой отец заявляет, что не видит силы в аргументах или, скорее, утверждениях Пуше, а затем продолжает: "Мы прискорбно ошибаемся, если на страницах лежащей перед нами книги нет четких доказательств того, что, напротив, мистер Дарвин осознал, прочувствовал и уступил силе аргументов или утверждений своего французского антагониста". В качестве образцов остальной части обзора могут служить следующие материалы:—

"Отныне у риториков будет лучшая иллюстрация антиклимакса, чем гора, породившая мышь... в лице первооткрывателя "происхождения видов", который пытался объяснить вариативность голубей!

- Несколько кратких слов. О "Происхождении видов" мистеру Дарвину нечего сказать и, вероятно, никогда не будет, но по чрезвычайно важному предмету наследования, передаче однажды приобретенных особенностей из поколения в поколение, эта работа является ценным хранилищем фактов для любознательных студентов и селекционеров-практиков".), демонстрируя глубокое презрение ко мне?... Жаль, что он сказал, что я многое взял у Пуше, не признав этого; потому что я буквально ничего не брал, потому что брать было нечего. В "Хрониках садоводов" есть превосходная рецензия, которая поможет продать книгу, если вообще что-нибудь поможет. Я не совсем понимаю, я или автор путаемся в том, что человек ВЫЗЫВАЕТ изменчивость. Если человек опустит немного железа в серную кислоту, он не вызовет сродства, но все же можно сказать, что он получил сульфат железа. Я не знаю, как избежать двусмысленности.

После того, что сказали "Пэлл Мэлл Газетт" и "Кроникл", меня это нисколько не волнует.

Я боюсь, что "Пангенезис" мертворожден; Бейтс говорит, что прочитал его дважды и не уверен, что понимает его. Х. Спенсер говорит, что точка зрения сильно отличается от его (и это большое облегчение для меня, поскольку я боялся быть обвиненным в плагиате, но совершенно не был уверен, что он имел в виду, поэтому подумал, что безопаснее изложить мою точку зрения как почти совпадающую с его), и он говорит, что не уверен, что понимает это... Разве я не бедняга? и все же я приложил столько усилий, что должен думать, что выразился ясно. Старый сэр Х. Холланд говорит, что прочитал это дважды и считает это очень трудным; но верит, что рано или поздно "какая-то точка зрения, сходная с этим", будет принята.

Вы сочтете меня очень самодостаточным, если я заявлю, что УВЕРЕН, что если Пангенезис сейчас мертворожден, то, слава Богу, когда-нибудь в будущем он появится снова, рожденный каким-то другим отцом и окрещенный каким-то другим именем.

Сталкивались ли вы когда-нибудь с каким-либо осязаемым и ясным представлением о том, что происходит при зарождении, будь то семена или почки, или как может вновь проявиться давно утраченный признак; или как мужской элемент может повлиять на материнское растение или животное-мать, так что это повлияет на ее будущее потомство? Теперь все эти и многие другие моменты связаны воедино, истинно или ложно - это другой вопрос, Пангенезисом. Ты видишь, я тяжело умираю и заступаюсь за свое бедное дитя.

Это письмо написано для моего собственного удовлетворения, а не для вашего. Так что потерпите.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А. НЬЮТОНУ. (Профессор зоологии в Кембридже.) Даун, 9 февраля [1870].

Дорогой Ньютон,

Я полагаю, что было бы повсеместно признано крайне неправильным, если бы ответчик написал судье, чтобы выразить свое удовлетворение решением суда в его пользу; и все же я собираюсь действовать именно так. Я только что прочитал то, что вы сказали в "Отчете" ("Зоологический отчет", том за 1868 год, опубликован в декабре 1869 года) о моих главах о голубях, и это меня безмерно порадовало. Иногда я испытывал некоторое разочарование из-за того, что многолетний труд, казалось, был почти потрачен впустую, ибо вы первый человек, способный составить суждение (за исключением частично четверостиший), который, кажется, что-то подумал об этой части моей работы. Количество труда, переписки и заботы, которых мне стоил этот предмет, больше, чем вы могли себе представить. Я думал, что статья в "Атенеуме" была очень несправедливой; но теперь я чувствую себя сполна вознагражденным и сердечно благодарю вас за ваше сочувствие и слишком горячую похвалу. Какой труд вы вложили в свою часть "Отчета"! Мне должно быть стыдно говорить об объеме моей работы. Я очень наслаждался воскресеньем, которое вы и другие провели здесь, и

Остаюсь, дорогой Ньютон, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 27 февраля [1868].

Мой дорогой Уоллес,

Вы не можете себе представить, насколько мне понравилось то, что вы сказали о "Пангенезисе". Никто из моих друзей не хочет высказываться вслух... Хукер, насколько я его понимаю, чего я сейчас почти не понимаю, по-видимому, считает, что гипотеза - это не более чем утверждение о том, что организмы обладают такими-то и такими-то потенциальными возможностями. То, что вы сказали, точно и полностью выражает мои чувства, а именно. какое облегчение иметь какое-то приемлемое объяснение различным фактам, от которого можно отказаться, как только будет найдена какая-либо лучшая гипотеза. Это, безусловно, принесло мне огромное облегчение, поскольку я годами спотыкался на эту тему, смутно видя, что между различными классами фактов существует какая-то связь. Теперь я слышу от Х. Спенсера, что его взгляды, процитированные в моем примечании, относятся к чему-то совершенно определенному, как вы, кажется, поняли.

Когда-нибудь в будущем я буду очень рад услышать ваши критические замечания по поводу "причин изменчивости". Действительно, я уверен, что прав насчет стерильности и естественного отбора... Я не совсем понимаю ваш случай, и мы думаем, что одно-два слова здесь неуместны. Я бы хотел, чтобы когда-нибудь вы рассмотрели этот случай со следующей точки зрения: — Если бесплодие вызвано или накапливается в результате естественного отбора, то, поскольку существует каждая степень вплоть до абсолютного бесплодия, естественный отбор должен обладать способностью увеличивать его. Теперь возьмем два вида,

А и В, и предположим, что они (любыми способами) наполовину стерильны, то есть производят половину полного числа потомства. Теперь попробуйте создать (путем естественного отбора) А и В абсолютно стерильны при скрещивании, и вы увидите, насколько это сложно. Я допускаю, действительно, несомненно, что степень стерильности особей А и В будет различаться, но любые такие сверхстерильные особи, скажем, А, если они впоследствии будут скрещиваться с другими особями А, не передадут своему потомству никаких преимуществ, благодаря которым эти семейства будут иметь тенденцию к увеличению численности по сравнению с другими семействами А, которые не будут более стерильными при скрещивании с В. Но я не уверен, что объяснил это яснее, чем в главе моей книги. Это самое сложное рассуждение, которое я повторял снова и снова на бумаге с диаграммами.

... Сердечно благодарю за ваше письмо. Вы действительно порадовали меня, поскольку я отказался от великого бога Пана как от мертворожденного божества. Я хотел бы, чтобы вас убедили прояснить это с помощью ваших замечательных способностей к разъяснению в одном из научных журналов ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 28 февраля [1868].

Моя дорогая Проститутка,

Я был глубоко заинтересован вашим письмом, и мы от души посмеялись над замечанием Хаксли, которое было настолько чертовски умным, что вы не смогли его вспомнить. Я не могу вполне уловить ход ваших мыслей, поскольку на последней странице вы допускаете все, что я желаю, очевидно, отрицая все или считая все пустыми словами на предыдущих страницах вашей записки; но, возможно, это моя путаница. Я ясно вижу, что любое удовлетворение, которое может дать Пан, будет зависеть от склада ума каждого человека. Если вы уже пришли к какому-либо подобному выводу, все это, конечно, покажется вам устаревшим. Вчера я получил известие от Уоллеса, который говорит (извините за ужасное тщеславие): "Я едва ли могу выразить вам, насколько я восхищен главой о "Пангенезисе". Для меня ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ УТЕШЕНИЕМ иметь какое-либо возможное объяснение трудности, которая всегда преследовала меня, и я никогда не смогу отказаться от нее, пока ее место не займет лучшее объяснение, которое я считаю едва ли возможным и т.д." Теперь его предыдущие [выделено курсивом] слова точно и полно выражают мои чувства: хотя, возможно, я испытываю особенно сильное облегчение от того, что в течение многих лет тщетно пытался сформулировать какую-то гипотезу. Когда вы или Хаксли говорите, что отдельная клетка растения или обрубок ампутированной конечности обладают "потенциальностью" воспроизводства целого - или "распространяют влияние", — эти слова не дают мне никакой положительной идеи; но когда говорится, что клетки растения или обрубка включают атомы, происходящие из каждой другой клетки всего организма и способные к развитию, я получаю отчетливую идею. Но с этой идеей не стоило бы спешить, если бы она применялась только к одному случаю; но мне кажется, что она применима ко всем формам размножения—наследования—метаморфозы — к ненормальному перемещению органов - к прямому действию мужского элемента на материнское растение и т.д. Поэтому я полностью верю, что каждая клетка действительно выбрасывает атом или геммулу своего содержимого; но независимо от того, служит эта гипотеза

полезным связующим звеном для различных больших классов физиологических фактов, которые в настоящее время стоят абсолютно изолированно.

Я затронул сомнительный момент (упомянутый Хаксли), насколько атомы, происходящие из одной и той же клетки, могут соответственно развиваться в различную структуру, поскольку они получают разное питание; Я привел в качестве иллюстраций желчные пузыри и полипоидные наросты ...

Мне доставляет истинное удовольствие писать вам на эту тему, и я был бы рад, если бы мы смогли понять друг друга; но вы не должны позволять своему добродушию вести вас дальше. Помните, мы всегда боремся зубами и ногтями. Во вторник мы едем в Лондон, сначала на неделю на улицу Королевы Анны, а потом к мисс Веджвуд в Риджентс-парк, и остаемся там на целый месяц, что, как справедливо говорит мой садовник, "ужасно сказывается" на моих экспериментах.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У. ОГЛУ. (Доктор Уильям Огл, ныне суперинтендант статистики при Генеральном регистраторе.) Даун, 6 марта [1868].

Уважаемый сэр,

Я искренне благодарю вас за ваше письмо, которое мне очень интересно. Жаль, что я не знал об этих взглядах Гиппократов до того, как опубликовал их, поскольку они кажутся почти идентичными моим — просто смена терминов — и применение их к классам фактов, неизбежно неизвестных древнему философу. Весь этот случай - хорошая иллюстрация того, как редко что-то бывает новым.

Гиппократ выбил ветер из моих парусов, но я очень мало забочусь о том, чтобы меня опередили. Я выдвигаю эти взгляды просто как предварительную гипотезу, но с тайным ожиданием, что рано или поздно какую-то подобную точку зрения придется признать.

... Я не ожидаю, что рецензенты будут такими образованными, как вы: в противном случае, без сомнения, меня обвинят в умышленном краже Пангенезиса у Гиппократа, поскольку именно такой настрой с удовольствием демонстрируют некоторые рецензенты.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ВИКТОРУ КАРУСУ. Даун, 21 марта [1868].

... Я очень признателен вам за то, что вы так откровенно прислали мне свое мнение о Пангенезисе, и мне жаль, что оно неблагоприятное, но я не совсем понимаю ваше замечание о том, что пангенезис, отбор и борьба за жизнь не являются более методичными. Я несколько не удивлен вашим неблагоприятным вердиктом; я знаю, что многие, возможно, большинство, придут к такому же выводу. В одном английском обзоре говорится, что это слишком сложно... Некоторые из моих друзей с энтузиазмом относятся к этой гипотезе... Сэр К. Лайелл говорит каждому: "Вы можете не верить в "Пангенезис", но если вы однажды поймете это, вы никогда не выбросите это из головы". И этой критикой я вполне доволен. Все случаи наследования, реверсии и развития теперь предстают передо мной в новом свете...

[Выдержку из письма Фрицу Мюллеру, хотя и более позднюю (июнь), можно привести здесь:—

"Ваше письмо от 22 апреля меня очень заинтересовало. Я рад, что вы одобряете мою книгу, поскольку ценю ваше мнение больше, чем мнение почти кого бы то ни было. Я все же надеюсь, что вы будете хорошо думать о Пангенезисе. Я уверен, что наши умы в чем-то схожи, и я нахожу большим облегчением иметь какой-то определенный, хотя и гипотетический взгляд, когда размышляю о чудесных превращениях животных — повторном росте частей тела - и особенно о прямом действии пыльцы на материнскую форму и т.д. Мне часто кажется почти несомненным, что характеры родителей "сфотографированы" на ребенке только с помощью материальных атомов, полученных из каждой клетки обоих родителей и развитых в ребенке".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 8 мая [1868].

Мой дорогой Грей,

Я был самым неблагодарным и неучтивым человеком, что не написал вам давным-давно, чтобы сердечно поблагодарить вас за "Nation" и за всю вашу любезнейшую помощь в связи с американским изданием ["Animals and Plants"]. Но в последнее время я был завален письмами, на которые был вынужден отвечать, и поэтому откладывал письмо тебе. Сегодня утром я получил американское издание (которое выглядит превосходно) с вашим милым предисловием, за которое сердечно благодарю. Я молю небеса, чтобы книга имела достаточный успех, чтобы вы не раскаялись в своей помощи. Этот приезд нанес последний удар по моей совести, которая больше не будет терпеть своих обид.

... Ваша статья в "Нейшн" [19 марта] кажется мне очень хорошей, и вы даете прекрасное представление о пангенезисе — младенце, которого пока мало кто лелеет, кроме его нежного родителя, но который проживет долгую жизнь. В отношении вас существует родительская самонадеянность! Вы даете хорошую пощечину моей заключительной метафоре (краткое изложение метафоры с пропастью приведено в томе I. Критика доктора Грея по этому поводу такова: "Но в параллели с м-ром Дарвином, чтобы соответствовать случаю природы в соответствии с его собственным взглядом на нее, не только обломки скалы (отвечающие изменчивости) должны падать, но и здание (отвечающее естественному отбору) должно возвышаться, независимо от воли или выбора!" Но параллельные требования моего отца о том, чтобы естественный отбор был архитектором, а не зданием — вопрос дизайна возникает только в связи с формой строительных материалов.): несомненно, я должен был ввести естественный отбор и противопоставить его искусственному; но мне кажется настолько очевидным, что естественный отбор зависел от обстоятельств, даже более сложных, чем те, которые, должно быть, определили форму каждого фрагмента у основания моей пропасти. Что я хотел показать, так это то, что применительно к предопределению все, что имеет силу при формировании надутого голубя, имеет силу и при формировании естественного вида голубей. Я не вижу, что это ложь. Если бы происходили правильные вариации, и никаких других, естественный отбор был бы излишним. Рецензент эдинбургской газеты, который относится ко мне с глубоким презрением, говорит по этому поводу, что профессор Эйза Грей мог бы с величайшей легкостью разнести меня на мелкие кусочки. ("Дейли Ревью", 27 апреля 1868 г. Мой отец привел довольно пеструю версию замечаний рецензента: "Мы не сомневаемся, что профессор Эйза Грей ... смог бы показать, что естественный отбор ... это просто инструмент в руках всемогущего и

всеведущего создателя". Далее рецензент говорит, что отрывок, о котором идет речь, "очень меланхолический" и что эта теория является "апофеозом материализма".)

Поверь мне, мой дорогой Грей, это твой неблагодарный, но искренний друг ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Г. БЕНТАМУ. Даун, 23 июня 1868 г.

Мой дорогой мистер Бентам,

Поскольку ваше обращение (Президентское обращение к линнеевскому обществу.) в некоторой степени напоминает вердикт судьи, я не знаю, уместно ли мне это делать, но я должен и буду благодарить вас за удовольствие, которое вы мне доставили. Я в восторге от того, что вы говорите о моей книге. Я так устал от этого, что в течение нескольких месяцев считал себя совершенным дураком из-за того, что потратил так много времени на сбор и наблюдение за мелкими фактами, но теперь меня не волнует, что десятки обычных критиков отзываются об этой книге так же презрительно, как об "Атенеуме". Я чувствую себя оправданным в этом, поскольку я настолько полностью полагаюсь на ваше суждение, что уверен, что подчинился бы вашему суждению, если бы оно было столь же неблагоприятным, сколь и противоположным. То, что вы говорите о Пангенезисе, вполне удовлетворяет меня, и, возможно, настолько, насколько кто-либо имеет право говорить. Я прочитал все ваше Выступление с величайшим интересом. Должно быть, это стоило вам огромного количества хлопот. С искренней благодарностью прошу вас, поверьте мне,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.— Боюсь, маловероятно, что у вас есть лишняя копия вашего Адреса; если у вас есть, я бы с большим удовольствием отправил ее Фрицу Мюллеру во внутренние районы Бразилии. Кстати, позвольте мне добавить, что я обсуждал почковую изменчивость главным образом исходя из общего для многих убеждения, что вся изменчивость связана с половым размножением; я хотел ясно показать, что это ошибка.

[Вышеупомянутая серия писем, возможно, в какой-то степени показывает, какой прием получила новая книга. Прежде чем перейти (в следующей главе) к "Происхождению человека", я приведу письмо, относящееся к переводу книги Фрица Мюллера "О Дарвине", первоначально она была опубликована в 1864 году, но английский перевод мистера Далласа, который носил название, предложенное сэром К. Лайеллом, "Факты и аргументы в пользу Дарвина", появился только в 1869 году:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 16 марта [1868].

Мой дорогой сэр,

Ваш брат, как вы, вероятно, слышали от него, был настолько убежден, что вы не будете возражать против перевода "Межа Дарвина" (в письме Фрицу Мюллеру мой отец писал: "Я с досадой вижу, что в названии мое имя бросается в глаза больше, чем ваше, против чего я особенно возражал, и я предупредил печатников, увидев одно доказательство"), что я рискнул

организовать перевод. Энгельманн очень щедро предложил мне клише с гравюр на дереве за 22 талера; мистер Мюррей согласился опубликовать перевод (а он наш лучший издатель) по заказу, поскольку он не стал бы браться за работу на свой страх и риск; и я договорился с мистером У.С. Далласом (который перевел "Партеногенез" фон Зибольда и многие немецкие работы и который очень хорошо пишет по-английски) перевести книгу. Он считает (и он хороший судья), что важно внести несколько исправлений или дополнений, чтобы учесть, что перевод появился так недавно [т. е. через такой длительный промежуток времени] после оригинала; так что я надеюсь, что вы сможете прислать некоторые ...

[Здесь можно привести два письма, имеющие отношение к распространению эволюционных идей во Франции и Германии:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А. ГОДРИ. Внизу, 21 января [1868].

Уважаемый сэр,

Я благодарю вас за ваше интересное эссе о влиянии геологических особенностей страны на умы и привычки древних афинян (это, по-видимому, относится к статье М. Годри, переведенной в "Geol. Mag.", 1868, стр. 372), и за ваше очень любезное письмо. Я рад слышать, что вы намерены рассмотреть родственные связи ископаемых животных в связи с их генеалогией; это предоставит вам прекрасное поле для применения ваших обширных знаний и способности рассуждать. Полагаю, в настоящее время ваша вера понизит вас в глазах ваших соотечественников; но, судя по быстрому распространению во всех частях Европы, за исключением Франции, веры в общее происхождение родственных видов, я должен думать, что эта вера вскоре станет всеобщей. Как странно, что страна, породившая Бюффона, старшего Жоффруа и особенно Ламарка, теперь так упорно цепляется за веру в то, что виды являются неизменяемыми творениями.

Моя работа "Вариации и т. Д. В условиях доместики" появится во французском переводе через несколько месяцев, и я окажу себе удовольствие и честь, попросив издателя прислать вам копию по тому же адресу, что и это письмо.

С искренним уважением остаюсь, дорогой сэр, искренне Вашим, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующее письмо представляет особый интерес, поскольку показывает, как высоко ценил мой отец поддержку молодых немецких натуралистов:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У. ПРЕЙЕРУ. (Ныне профессор физиологии в Йене.) 31 марта 1868 г.

... Я рад слышать, что вы поддерживаете доктрину модификации видов и защищаете мои взгляды. Поддержка, которую я получаю от Германии, является моим главным основанием для надежды на то, что наши взгляды в конечном счете восторжествуют. По сей день писатели моей собственной страны постоянно оскорбляют меня или относятся ко мне с презрением; но молодые натуралисты почти все на моей стороне, и рано или поздно публика должна

последовать за теми, кто делает этот предмет своим специальным исследованием. Оскорбления и презрение невежественных писателей меня очень мало задевают...

ГЛАВА 2.VI. — РАБОТА НАД "ЧЕЛОВЕКОМ".

1864-1870.

[В автобиографической главе тома I. мой отец описывает обстоятельства, которые привели к написанию им "Происхождения человека". Он утверждает, что его сбор фактов, начатый в 1837 или 1838 году, продолжался в течение многих лет без какой-либо определенной идеи публикации по этому вопросу. Следующее письмо мистеру Уоллесу показывает, что в период плохого самочувствия и депрессии примерно в 1864 году он отчаялся когда-либо быть в состоянии сделать это:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Внизу, [мая?] 28 [1864].

Дорогой Уоллес,

Мне настолько лучше, что я только что закончил статью для Линнеевского общества (О трех формах литрума и т. Д.); Но я еще совсем не окреп, мне не хотелось писать, и поэтому вы должны простить меня за то, что я раньше не поблагодарил вас за вашу статью о "Человеке" ("Антропологическое обозрение", март 1864 г.), полученную 11-го. Но сначала позвольте мне сказать, что едва ли когда-либо в моей жизни какая-либо статья так поражала меня, как статья о "Вариациях" и т.д. и т.п. в "Ридере". ("Ридер", 16 апреля 1864 г. "О явлениях вариации" и т.д. Аннотация доклада, прочитанного в Линнеевском обществе 17 марта 1864 г.) Я уверен, что такие статьи сделают больше для распространения наших взглядов на модификацию видов, чем любые отдельные Трактаты по самому простому предмету. Это действительно восхитительно; но вы не должны в газете the Man говорить об этой теории как о моей; она в такой же степени ваша, как и моя. Один корреспондент уже обратил мое внимание на ваше "благородное" поведение по этому поводу. Но теперь о вашей мужской газете, о которой я хотел бы написать больше, чем могу. Великая ведущая идея для меня совершенно нова, а именно. что в последние века разум был изменен больше, чем тело; и все же я зашел так далеко, что вместе с вами убедился, что борьба между человеческими расами полностью зависит от интеллектуальных и МОРАЛЬНЫХ качеств. Последнюю часть статьи я могу охарактеризовать только как великолепную и наиболее красноречиво выполненную. Я показал вашу статью двум или трем присутствовавшим здесь людям, и они были в равной степени поражены ею. Я не уверен, что согласен с вами во всех второстепенных моментах: читая отчет сэра Г. Грея о постоянных битвах австралийских

дикарей, я, помнится, подумал, что наступит естественный отбор, и то же самое с эскимосами, у которых искусство ловли рыбы и управления каноэ, как говорят, передается по наследству. Я несколько расхожусь во мнениях относительно ранга, с классификационной точки зрения, который вы присваиваете человеку; я не думаю, что какой-либо признак, просто избыток которого когда-либо следует использовать для более высоких подразделений. Муравьи не были бы отделены от других перепончатокрылых насекомых, какими бы высокими ни были инстинкты у одних и какими бы низкими ни были инстинкты у других. Что касается расовых различий, то мне пришло в голову предположение, что многое может быть связано с корреляцией цвета лица (и, следовательно, волос) с конституцией. Предположим, что смуглый индивидуум лучше всего избежал миазмов, и вы легко поймете, что я имею в виду. Я убедил генерального директора Медицинского департамента армии разослать печатные бланки хирургам всех полков в тропических странах, чтобы удостовериться в этом, но осмелюсь сказать, что никогда не получу никаких ответов. Во-вторых, я подозреваю, что своего рода половой отбор был самым мощным средством изменения человеческих рас. Я могу показать, что у разных рас совершенно разные стандарты красоты. Среди дикарей самые могущественные мужчины выбирают женщин, и они, как правило, оставляют наибольшее количество потомков. Я собрал несколько заметок о мужчинах, но не думаю, что когда-нибудь воспользуюсь ими. Намерены ли вы придерживаться своих взглядов, и если да, хотели бы вы когда-нибудь в будущем получить мои несколько ссылок и примечаний? Я уверен, что едва ли знаю, представляют ли они какую-либо ценность, и в настоящее время они находятся в состоянии хаоса.

Я хотел бы написать еще многое, но у меня нет сил.

Поверьте мне, дорогой Уоллес, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

P.S.— Наша аристократия красивее (более отвратительна, по мнению китайца или негра), чем средний класс, из-за (наличия) выбора женщин; но, о, что за схема первородства для уничтожения естественного отбора! Боюсь, мое письмо будет вам едва понятно.

[В феврале 1867 года, когда рукопись "Животных и растений" была отправлена господам Дж. Клоуз должен был быть напечатан, и до того, как начали поступать корректуры, у него был небольшой промежуток свободного времени, и он начал "главу о человеке", но вскоре обнаружил, что она растет у него под руками, и решил опубликовать ее отдельно в виде "очень маленького тома".

Работа была прервана необходимостью исправить гранки "Животных и растений" и некоторыми ботаническими работами, но была возобновлена в следующем, 1868 году, как только он смог полностью отдаться ей.

Он с сожалением осознал постепенные изменения в своем мышлении, которые делали непрерывную работу для него все более и более необходимой по мере того, как он становился старше. Это выражено в письме сэру Дж.Д. Хукеру от 17 июня 1868 г., которое в некоторой степени повторяет то, что выражено в Автобиографии:

"Я рад, что вы были на "Мессии", это единственное, что я хотел бы услышать снова, но, осмелюсь сказать, моя душа оказалась бы слишком иссушенной, чтобы ценить это, как в старые времена; и тогда я почувствовал бы себя очень опустошенным, потому что ужасно скучно чувствовать, как это происходит со мной постоянно, что я - увядший лист для любого предмета, кроме науки. Иногда это заставляет меня ненавидеть Науку, хотя, видит Бог, я должен

быть благодарен за такой постоянный интерес, который заставляет меня каждый день на несколько часов забывать о моем проклятом желудке ".

Работа над "Человеком" была прервана болезнью в начале лета 1868 года, и 16 июля он уехал из дома в Фрешвед на остров Уайт, где оставался со своей семьей до 21 августа. Здесь он познакомился с миссис Камерон. Она приняла всю семью с искренней добротой и гостеприимством, и мой отец навсегда сохранил к ней теплое чувство дружбы. Она сделала его превосходную фотографию, которая была опубликована с надписью, сделанной им самим: "Мне нравится эта фотография гораздо больше, чем любая другая, сделанная со мной". Дальнейший перерыв произошел осенью, так что непрерывная работа над "Происхождением человека" началась только в 1869 году. Следующие письма дают некоторое представление о более ранней работе 1867 года:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Записано 22 февраля [1867?].

Мой дорогой Уоллес,

Я усердно работаю над половым отбором и наполовину схожу с ума от количества побочных моментов, требующих исследования, таких как относительная численность двух полов, и особенно от полигамии. Можете ли вы помочь мне в отношении птиц с ярко выраженными вторичными половыми признаками, таких как райские птицы, колибри, рупикола или любые другие подобные случаи? Многие галлинистые птицы, безусловно, полигамны. Я полагаю, что птицы, как известно, не полигамны, если в течение всего сезона размножения они объединяются в пары, или если самец высиживает яйца или помогает выкармливать детенышей. Не будете ли вы так любезны обдумать это? Но мне стыдно беспокоить вас сейчас, когда, как я ИСКРЕННО рад слышать, вы заняты своими путешествиями по Малайзии. Я страшно озадачен тем, насколько далеко простираются ваши защитные взгляды по отношению к самкам различных классов. Чем больше я работаю, тем, по-видимому, более важным становится половой отбор.

Могут ли бабочки быть полигамными! т.е. один самец оплодотворит более одной самки? Простите, что я беспокою вас, и, осмелюсь сказать, мне придется просить прощения снова...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 23 февраля [1867].

Дорогой Уоллес,

Я очень сожалел, что не смог позвонить вам, но после понедельника я не мог даже выйти из дома. В понедельник вечером я зашел к Бейтсу и поставил перед ним проблему, на которую он не смог ответить, и, как и в некоторых предыдущих подобных случаях, его первым предложением было: "Вам лучше спросить Уоллеса". Моя трудность заключается в том, почему гусеницы иногда так красиво и художественно окрашены? Видя, что многие из них окрашены, чтобы избежать опасности, я вряд ли могу приписать их яркую окраску в других случаях простым физическим условиям. Бейтс говорит, что самая яркая гусеница, которую он когда-либо видел в Амазонии (сфинкса), была заметна на расстоянии нескольких ярдов из-за своей черной и

красной окраски, когда питалась большими зелеными листьями. Если бы кто-нибудь возразил против того, что бабочки-самцы стали красивыми в результате полового отбора, и спросил, почему бы им не стать такими же красивыми, как их гусеницы, что бы вы ответили? Я не мог ответить, но должен был настаивать на своем. Ты подумаешь над этим и когда-нибудь, либо в письме, либо при нашей встрече, скажешь мне, что ты думаешь? Также я хочу знать, красива ли и ярче ли ваша бабочка-миметик самка самца. Когда в следующий раз буду в Лондоне, я должен попросить вас показать мне ваших зимородков. Мое здоровье - ужасное зло; я провалил половину своих обязательств во время этого последнего визита в Лондон.

Поверьте мне, искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 26 февраля [1867].

Мой дорогой Уоллес,

Бейтс был совершенно прав: вы тот человек, к которому стоит обратиться в трудную минуту. Я никогда не слышал ничего более остроумного, чем ваше предположение (Предположение о том, что бросающиеся в глаза гусеницы или совершенные насекомые (например, белые бабочки), которые неприятны птицам, защищены тем, что их легко распознать и избегать). Смотрите "Естественный отбор" мистера Уоллеса, 2-е издание, стр. 117), и я надеюсь, что вы сможете доказать, что это правда. Это великолепный факт о белых мотыльках; у самого кровь стынет в жилах, когда видишь, что теория таким образом почти подтвердилась. (Наблюдения мистера Дженнера Вейра, опубликованные в "Трудах энтомолога". Соч. (1869 и 1870), убедительно подтверждают рассматриваемую теорию.) Что касается красоты самцов бабочек, я пока должен думать, что она обусловлена половым отбором. Есть некоторые свидетельства того, что стрекозы привлекают яркие цвета; но что наводит меня на вышеуказанное предположение, так это то, что у многих самцов прямокрылых и цикад есть музыкальные инструменты. В таком случае аналогия с птицами заставляет меня поверить в половой отбор в отношении окраски насекомых. Хотел бы я, чтобы у меня были силы и время провести некоторые из предложенных вами экспериментов, но я думал, что бабочки не будут спариваться в неволе. Я уверен, что слышал о какой-то подобной трудности. Много лет назад у меня была стрекоза, раскрашенная в великолепные цвета, но у меня так и не было возможности по-настоящему попробовать ее.

Причина, по которой я сейчас так сильно интересуюсь половым отбором, заключается в том, что я почти решил опубликовать небольшое эссе о происхождении человечества, и я по-прежнему твердо убежден (хотя мне не удалось убедить вас, и для меня это самый тяжелый удар из возможных), что половой отбор был основным фактором формирования человеческих рас.

Кстати, есть еще одна тема, которую я затрону в своем эссе, а именно выражение лица. Теперь, не знаете ли вы случайно какого-нибудь очень добродушного и проницательного наблюдателя с Малайского архипелага, который, как вы думаете, мог бы сделать для меня несколько простых наблюдений над выражением лиц малайцев, когда они возбуждены различными эмоциями? Ибо в этом случае я бы отправил такому человеку список запросов. Я благодарю вас за ваше интереснейшее письмо и остаюсь,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, март [1867].

Мой дорогой Уоллес,

Большое вам спасибо за ваши две заметки. Случай Джулии Пастраны (Бородатая женщина с неправильным двойным рядом зубов. "Животные и растения", том ii. стр. 328.) является великолепным дополнением к другим моим случаям корреляции зубов и волос, и я добавлю его при исправлении печати моего настоящего тома. Пожалуйста, дайте мне знать в течение лета, если вы получите какие-либо свидетельства о безвкусовых гусеницах. Я бы очень хотел изложить (или процитировать, если будет опубликовано) эту вашу идею, если она каким-либо образом поддержана, как это было предложено вами. Однако пройдет много времени, поскольку я вижу, что половой отбор превращается в довольно обширную тему, которую я введу в свое эссе о человеке, предполагая, что когда-нибудь опубликую его. Я намеревался посвятить главу о человеке, поскольку многие называют его (не СОВСЕМ верно) в высшей степени одомашненным животным, но мне показалось, что тема слишком обширна для отдельной главы. Я также не смогу хорошо изучить этот предмет, и моя единственная причина, по которой я взялся за него, заключается в том, что я довольно хорошо убежден, что половой отбор сыграл важную роль в формировании рас, а половой отбор всегда был предметом, который меня очень интересовал. Я был очень рад увидеть ваше впечатление по памяти от выражения малайцев. Я полностью согласен с вами, что эта тема никоим образом не является важной; для меня, двадцатисемилетнего, это просто "хобби"; и после того, как я подумал, что напишу эссе о человеке, мне пришло в голову, что я мог бы поработать над некоторыми "дополнительными замечаниями о выражении". После ужасной, утомительной, унылой работы над моей нынешней огромной и, боюсь, нечитаемой книгой ["Изменчивость животных и растений"] я подумал, что мог бы развлечь себя своим хобби. Этот предмет, я думаю, более любопытен и более поддается научному рассмотрению, чем вы, кажется, готовы допустить. Во всяком случае, я хочу опровергнуть точку зрения сэра К. Белла, изложенную в его интереснейшей работе "Анатомия выражения", согласно которой определенные мышцы были даны человеку исключительно для того, чтобы он мог раскрывать другим людям свои чувства. Я хочу попытаться показать, как возникли выражения. Это хорошее предложение относительно газет, но мой опыт подсказывает мне, что частные приложения, как правило, наиболее плодотворны. Однако я посмотрю, смогу ли я вставить запросы в какую-нибудь индийскую газету. Я не знаю названий или адресов каких-либо других газет.

... Две мои помощницы заняты с друзьями, и я боюсь, что вам будет трудно прочесть эти каракули. С большой благодарностью,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Возможно, стоит привести следующее письмо в качестве примера его источников информации и показать, какие мысли занимали его в то время:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 22 февраля [1867].

... Большое спасибо за все любопытные факты о неравном количестве полов у ракообразных, но чем больше я исследую этот предмет, тем глубже погружаюсь в сомнения и трудности. Спасибо также за подтверждение соперничества цикад. Я часто с удивлением размышлял о разнообразии средств создания музыки насекомыми, и еще больше - птицами. Таким образом, мы получаем хорошее представление о важности песни в животном мире. Пожалуйста, скажите мне, где я могу найти какие-либо сведения об органах слуха у прямокрылых. Ваши факты для меня совершенно новы. Скаддер описал насекомое из девонских слоев, снабженное стридулирующим аппаратом. Я полагаю, что ему можно доверять, и, если это так, то аппарат поразительной древности. После прочтения статьи Ландуа я работал над бороздчатым органом у пластинчатых жуков, ожидая обнаружить его половым; но я обнаружил его пока только в двух случаях, и в них он был одинаково развит у обоих полов. Я бы хотел, чтобы вы посмотрели на любого из ваших обычных пластинорогов, взяли в руки как самцов, так и самок и понаблюдали, одинаково ли они издадут скрипящий или скрежещущий звук. Если они этого не сделают, вы могли бы, возможно, прислать мне самца и самку в легкой коробочке. Как любопытно, что у них должен быть специальный орган для предмета, на первый взгляд столь незначительного, как писк. Вот еще один момент: есть ли у вас туканы? если это так, спросите любого заслуживающего доверия охотника, окрашены ли клювы самцов или обоих полов в период размножения ярче, чем в другое время года... Одному Богу известно, доживу ли я когда-нибудь до того, чтобы воспользоваться хотя бы половиной тех ценных фактов, которые вы мне сообщили! Ваша статья о *Balanus armatus*, переведенная мистером Далласом, только что появилась в наших "Анналах и журнале естественной истории", и я прочитал ее с величайшим интересом. Я никогда не думал, что доживу до того, чтобы услышать о гибридном Баланусе! Я очень рад, что вы видели цементные трубки; они кажутся мне чрезвычайно любопытными, и, насколько я знаю, вы первый человек, который подтвердил мои наблюдения на этот счет.

С самой сердечной благодарностью за всю вашу доброту, мой дорогой сэръ,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А. ДЕ КАНДОЛЮ. Даун, 6 июля 1868 г.

Мой дорогой сэръ,

Я возвращаю вам мою ИСКРЕННЮЮ благодарность за ваше длинное письмо, которое я считаю большим комплиментом и которое довольно полно самых интересных фактов и взглядов. Ваши ссылки и замечания будут очень полезны, если потребуется новое издание моей книги ("Разновидности животных и растений"), но это маловероятно, поскольку все издание было распродано в течение первой недели, и сразу же было переиздано еще одно большое издание, которое, я думаю, навсегда удовлетворит спрос. Вы спрашиваете меня, когда я опубликую статью "Изменчивость видов в естественном состоянии". В течение нескольких лет у меня была почти готоварукопись для другого тома, но я был так сильно утомлен своей последней книгой, что решил развлечь себя публикацией короткого эссе о "Происхождении человека". Отчасти меня побудили к этому насмешки по поводу того, что я скрывал свои взгляды, но главным образом из-за интереса, который я давно проявлял к этой теме. Теперь это эссе разветвилось на несколько второстепенных тем, и, я полагаю, на его завершение у меня уйдет больше года. Затем я начну с "Видов", но из-за моего здоровья я работаю очень медленно. Я надеюсь, что вы

извините меня за эти подробности, которые я привел, чтобы показать, что у вас будет достаточно времени, чтобы сначала опубликовать свои взгляды, что будет для меня большим преимуществом. Из всех любопытных фактов, которые вы упоминаете в своем письме, я думаю, что меня больше всего заинтересовал вопрос о сильном наследовании мышц скальпа. Я полагаю, что вы не стали бы возражать, если бы я передал это весьма любопытное дело на ваше усмотрение. Поскольку я полагаю, что все анатомы рассматривают скальпные мышцы как остаток *Panniculus carnosus*, который является общим для всех низших четвероногих, я должен рассматривать необычное развитие и наследование этих мышц, вероятно, как случай реверсии. Ваше наблюдение о том, что так много замечательных людей в благородных семьях были незаконнорожденными, чрезвычайно любопытно; и если я когда-нибудь встречу кого-нибудь, способного написать эссе на эту тему, я упомяну ваши замечания как хорошее предложение. Доктор Хукер несколько раз замечал мне, что мораль и политика были бы очень интересны, если бы их обсуждали как любую отрасль естественной истории, и это почти соответствует вашим замечаниям ...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Л. АГАССИСУ. Даун, 19 августа 1868 г.

Уважаемый сэр,

Сердечно благодарю вас за ваше очень любезное письмо. Я, конечно, думал, что у вас сложилось настолько низкое мнение о моей научной работе, что с моей стороны могло показаться неделикатным запрашивать у вас информацию, но мне и в голову не приходило, что вам могли показать мое письмо. Я ни на минуту не сомневался в вашей доброте и великодушии и надеюсь, вы не сочтете за дерзость с моей стороны сказать, что, когда мы встретились много лет назад в Британской ассоциации в Саутгемптоне, я испытывал к вам самое горячее восхищение.

Ваша информация об амазонских рыбах меня ЧРЕЗВЫЧАЙНО заинтересовала и сообщает именно то, что я хотел знать. Из записей, предоставленных мне доктором Гюнтером, я знал, что многие рыбы различаются половым путем по окраске и другим признакам, но мне особенно хотелось узнать, насколько это справедливо для тех рыб, у которых самец, в отличие от большинства птиц, принимает наибольшее участие в уходе за яйцеклетками и детенышами. Ваше письмо не только очень заинтересовало меня, но и доставило мне огромное удовлетворение в других отношениях, и я возвращаю вам свою искреннюю благодарность за вашу доброту. Прошу вас, поверьте мне, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, воскресенье, 23 августа [1868].

Мой дорогой старый Друг,

Я получил вашу записку. Я едва ли могу выразить, насколько я был доволен успехом вашего выступления (сэр Джозеф Хукер был президентом Британской ассоциации на собрании в Норвиче в 1868 г.) и всего собрания в целом. Я видел "Таймс", "Телеграф", "Спектейтор" и

"Атенеум", слышал о других благоприятных газетах и заказал пачку. Раздается "хвалебный хор". "Таймс" сообщила плачевно, то есть в том, что касалось ошибок; но я был очень рад лидеру, потому что мне показалось, что способ, которым вы привезли мегалитические памятники, наиболее удачен. (Британская ассоциация хотела заинтересовать правительство некоторыми современными строителями кромлехов, расой хасиа из Восточной Бенгалии, чтобы можно было эффективно описать их мегалитические памятники.) Я особенно восхитился небольшой речью Тиндалла (профессор Тиндалл был президентом секции А.)... "Зритель" немного рассказывает вам о теологии, в соответствии со своим обычным духом...

Ваш великий успех обрадовал мое сердце. Я только что внимательно прочитал все обращение в "Атенеуме"; и хотя, как вы знаете, оно мне очень понравилось, когда вы мне его прочитали, все же, поскольку я все время пытался найти недостатки, я в определенной степени упустил эффект в целом; и это сейчас кажется мне наиболее поразительным и превосходным. Как вы, должно быть, радуетесь тому, что весь ваш изнурительный труд и тревога завершились так грандиозно. Я должен сказать несколько слов о себе; никогда еще мне не воздавали таких похвал, и я очень горжусь этим. Я не могу преодолеть своего ИЗУМЛЕНИЯ от того, что вы говорите о моих ботанических работах. Ей-богу, насколько мне помнится, вы усилили, а не ослабили некоторые выражения. Что гораздо важнее, чем что-либо личное, так это убежденность, которую я чувствую, что вы значительно продвинете веру в эволюцию видов. Это будет вытекать из публичности мероприятия, вашей столь ответственной должности Президента и вашей собственной высокой репутации. Я уверен, что это сделает большой шаг в общественном мнении, но раньше я об этом не думал. "Атенеум" воспринимает ваше пренебрежение (сэр Джозеф Хукер сделал несколько ссылок на рецензию на "Животных и растения" в "Атенеуме" от 15 февраля 1868 г.) с предельной мягкостью. Я, конечно, радуюсь такому пренебрежительному отношению и надеюсь, что [рецензент] это немного почувствует. Как только у вас появится СВОБОДНОЕ время, чтобы написать еще раз, скажите мне, воспринял ли кто—нибудь из астрономов (обсуждая возражение астронома против эволюции, а именно, что наш земной шар не существовал достаточно долго, чтобы дать время для предполагаемой трансмутации живых существ, Хукер оспорил изречение Уэвелла о том, что астрономия - королева наук, единственная совершенная наука.) ваши замечания были восприняты недоброжелательно; в их нынешнем виде они вовсе не кажутся слишком резкими и самонадеянными. Многие из ваших предложений кажутся мне чрезвычайно удачными и красноречивыми. То, что Лайелл "подкалывает" (После панегирика сэру Чарльзу Лайеллу, героически отказавшемуся от своих старых взглядов в принятии Эволюции, сэр Дж. Д. Хукер продолжил: "Что ж, пусть он гордится надстройкой, возведенной на фундаменте ненадежной доктрины, когда он обнаружит, что может подкрепить ее и заменить новым фундаментом; и после того, как все будет закончено, осмотрите его здание, не только более надежное, но и более гармоничное в своих пропорциях, чем оно было раньше".), является капиталом. Скажите, Лайеллу понравилось? Я так рад, что вы вспомнили о моем старом посвящении. ("Путешествие натуралиста" было посвящено Лайеллу.) Уоллес был доволен?

Как насчет фотографий? Не могли бы вы уделить время, чтобы написать нашей дорогой миссис Камерон? Она пришла проводить нас и нагрузила подарками с фотографиями, а Эразмус крикнул ей вслед: "Миссис Камерон, в этом доме шесть человек, все влюблены в вас". Когда я расплатился с ней, она воскликнула: "О, какая куча денег!" - и побежала хвастаться своему мужу.

Я не должен больше писать, хотя я в потрясающем расположении духа из-за вашего блестящего успеха.

Всегда с любовью твой, К. ДАРВИН.

[В "Атенеуме" от 29 ноября 1868 года появилась статья, которая фактически была ответом на высказывания сэра Джозефа Хукера в Норвиче. Кажется, он посоветовался с моим отцом относительно мудрости ответа на статью. Мой отец написал 1 сентября:

"По моему мнению, доктору Джозефу Далтону Хукеру нет необходимости обращать внимание на нападки в "Атенеуме" в отношении мистера Чарльза Дарвина. Какой же осел этот человек, если думает, что задевает человека за живое, называя его полное христианское имя. Насколько очевидной ложью является утверждение, что моя единственная основа - голуби, потому что я утверждаю, что разработал их более полно, чем другие существа! Он смешивает две книги Флуранса".

В следующем письме содержится ссылка на статью ("Труды Оттавской академии естественных наук", 1868, Джона Д. Кейтона, покойного главного судьи Иллинойса) судьи Кейтона, о которой мой отец часто отзывался с восхищением:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ДЖОНУ Д. КЕЙТОНУ. Даун, 18 сентября 1868 года.

Уважаемый сэр,

Я прошу разрешения искренне поблагодарить вас за вашу доброту, приславшую мне через мистера Уолша вашу замечательную статью об американских оленях.

Она полна интереснейших наблюдений, изложенных с предельной ясностью. Я редко читал статью с большим интересом, поскольку она изобилует фактами, непосредственно полезными для моей работы. Многие из них состоят из небольших моментов, которые вряд ли кто-либо, кроме вас, заметил или осознал важность записи. Я бы привел в пример возраст, в котором развиваются рога (пункт, о котором я в последнее время тщетно искал информацию), зачатки рогов у самки лося, и особенно разную природу растений, поедаемых оленями и лосями, и несколько других моментов. С сердечной благодарностью за удовольствие и наставления, которые вы мне доставили, и с глубоким уважением к вашей наблюдательности, я прошу разрешения остаться, дорогой сэр,

Искренне ваш и обязанный, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующий отрывок из письма (24 сентября 1868 г.) маркизу де Сапорта, выдающемуся палеоботанику, относится к росту эволюционных взглядов во Франции (в 1868 году он был рад, когда его попросили санкционировать французский перевод его "Путешествия натуралиста".:-

"Поскольку я ранее с большим интересом читал многие ваши статьи об ископаемых растениях, вы можете поверить, с каким большим удовлетворением я слышу, что вы верите в постепенную эволюцию видов. Я предполагал, что моя книга о "Происхождении видов" произвела очень мало впечатления во Франции, и поэтому мне приятно услышать от вас иное утверждение. Все крупные авторитеты Института, кажется, твердо решили верить в неизменность видов, и это

всегда меня удивляло... почти единственным исключением, насколько я знаю, является месье Годри, и я думаю, что вскоре он станет одним из главных лидеров зоологической палеонтологии в Европе; и теперь я рад слышать, что на родственном факультете ботаники вы придерживаетесь почти такой же точки зрения ".]

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ - Э. НАЕСКЕЛ. Даун, 19 ноября [1868].

Мой дорогой Геккель,

Я должен написать вам снова по двум причинам. Во-первых, хочу поблагодарить вас за ваше письмо о вашем ребенке, которое совершенно очаровало и меня, и мою жену; я от всей души поздравляю вас с его рождением. Я помню, что в моем собственном случае был удивлен, как быстро развились отцовские инстинкты, а у вас они кажутся необычайно сильными... Я надеюсь, что большие голубые глаза и принципы наследования сделают вашего ребенка таким же хорошим натуралистом, как и вы; но, судя по моему собственному опыту, вы будете поражены, обнаружив, как меняется весь умственный склад ваших детей с возрастом. Маленький ребенок и то же самое, когда он почти вырос, иногда отличаются друг от друга почти так же сильно, как гусеница и бабочка.

Второй момент - поздравить вас с планируемым переводом вашего великого труда ("Общая морфология", 1866. Английского перевода этой книги еще не появилось.), о котором я услышал от Хаксли в прошлое воскресенье. Я искренне рад этому, но как это было осуществлено, я не знаю, потому что мой друг, который поддерживал предполагаемый перевод в Норвиче, сказал мне, что, по его мнению, у этого не будет никаких шансов. Хаксли сказал мне, что вы соглашаетесь опустить и сократить некоторые части, и я уверен, что это очень мудро. Поскольку я знаю, что ваша цель - просвещать публику, вы, несомненно, таким образом приобретете гораздо больше читателей в Англии. Действительно, я верю, что почти каждая книга была бы улучшена путем обобщения. Я много читал из вашей последней книги ("Die Naturliche Schopfungs-Geschichte", 1868. Она была переведена и опубликована в 1876 году под названием "История творения".), и стиль ее мне кажется удивительно ясным и легким; но почему она должна так сильно отличаться в этом отношении от вашего великого труда, я не могу себе представить. Я еще не читал первую часть, но начал с главы о Лайелле и о себе, которая, как вы легко поверите, мне ОЧЕНЬ понравилась. Я думаю, Лайель, который, по-видимому, был очень доволен тем, что вы прислали ему копию, также очень доволен этой главой. (См. Интересное письмо Лайеля Геккелю. "Жизнь сэра К. Лайелла", ii. стр. 435.) Ваши главы о родстве и генеалогии животного царства кажутся мне восхитительными и полными оригинальной мысли. Ваша смелость, однако, иногда заставляет меня трепетать, но, как заметил Хаксли, кто-то должен быть достаточно смелым, чтобы начать составлять таблицы происхождения. Хотя вы полностью признаете несовершенство геологической летописи, все же Хаксли согласился со мной в том, что вы иногда поступаете довольно опрометчиво, отваживаясь сказать, в какие периоды впервые появились несколько групп. У меня есть то преимущество перед вами, что я помню, насколько удивительно отличалось бы любое заявление на эту тему, сделанное 20 лет назад, от того, что было бы сейчас, и я ожидаю, что следующие 20 лет будут иметь столь же большое значение. Подумайте о однодольном растении, только что открытом в ПЕРВИЧНОЙ формации в Швеции.

Я повторяю, как я рад перспективе перевода, поскольку я полностью верю, что эта работа и все ваши труды окажут большое влияние на развитие науки.

Поверьте мне, мой дорогой Геккель, вашему искреннему другу ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ.

[Это было в ноябре этого года, когда он позировал для бюста мистера Вулнера: он написал:—

"Мне давно следовало написать, но меня донимали дурацкими письмами, и я прохожу через чистилище, часами сидя у Вулнера, который, однако, удивительно мил и смягчает, насколько это возможно для человека, епитимью; насколько я могу судить, из этого получится прекрасный бюст".

Если мне позволено критиковать работу такого выдающегося скульптора, как мистер Вулнер, я бы сказал, что в чем бюст несколько уступает портрету, так это в том, что в нем есть определенная аура, почти помпезность, которая, как мне кажется, чужда выражению лица моего отца.]

1869.

[В начале года он работал над пятым изданием "Происхождения". Эта работа была начата на следующий день после Рождества 1868 года и продолжалась "сорок шесть дней", как он отмечает в своем дневнике, то есть до 10 февраля 1869 года. Затем, 11 февраля, он вернулся к половому отбору и продолжал заниматься этой темой (за исключением десяти дней, отведенных орхидеям, и недели в Лондоне) до 10 июня, когда он отправился со своей семьей в Северный Уэльс, где пробыл около семи недель, вернувшись в Даун 31 июля.

Каэрдеон, дом, в котором он останавливался, построен на северном берегу красивого устья реки Бармут и приятно расположен благодаря близости к дикой горной местности позади, а также к живописным лесистым "кочкам" между более крутыми холмами и рекой. Мой отец был болен и несколько подавлен во время этого визита, и я думаю, что он был опечален тем, что оказался в заточении из-за недостатка сил и не мог даже добраться до холмов, по которым он когда-то бродил целыми днями.

Он написал из Кэрдеона сэру Дж.Д. Хукеру (22 июня):—

"Мы здесь уже десять дней, и как бы мне хотелось, чтобы у вас была возможность навестить нас здесь; у нас прекрасный дом с садом с террасами и действительно великолепным видом на Кейдер, прямо напротив. Старина Кейдер - замечательный парень и великолепно проявляет себя при каждом меняющемся освещении. Мы остаемся здесь до конца июля, когда дом достается Х. Веджвудам. Я все еще был в очень плохом состоянии; кажется, как только стимул к умственной работе прекращается, все мои силы иссякают. Пока что я едва ли отполз на полмили от дома, а потом страшно устал. Этого достаточно, чтобы пожелать себе покоя в уютной могиле".

Что касается пятого издания "Происхождения", он писал мистеру Уоллесу (22 января 1869 г.):

"Я был прерван в моей обычной работе по подготовке нового издания "Происхождения", которое стоило мне большого труда и которое, я надеюсь, я значительно улучшил в двух или трех важных моментах. Я всегда считал индивидуальные различия более важными, чем

единичные вариации, но теперь я пришел к выводу, что они имеют первостепенное значение, и в этом, полагаю, я с вами согласен. Аргументы Флиминга Дженкина убедили меня".

Это несколько туманное предложение было разъяснено 2 февраля в другом письме мистеру Уоллесу:

- Я, должно быть, выразился грубо; я хотел сказать прямо противоположное тому, что вы поняли. Ф. Дженкин выступал в "North British Review" против того, чтобы когда-либо увековечивались единичные вариации, и убедил меня, хотя и не в такой широкой форме, как здесь изложено. Я всегда считал индивидуальные различия более важными; но я был слеп и думал, что единичные вариации могут сохраняться гораздо чаще, чем я сейчас считаю возможным. Я упомянул об этом в своей предыдущей записке просто потому, что полагал, что вы пришли к аналогичному выводу, и мне очень хотелось бы быть с вами согласным. Я полагаю, что в основном меня ввели в заблуждение отдельные вариации, предлагающие такие простые иллюстрации, как когда человек выбирает ".

Рецензия покойного мистера Флиминга Дженкина на "Происхождение видов" была опубликована в "North British Review" за июнь 1867 года. Немало примечательно, что критические замечания, которые мой отец, как я полагаю, считал наиболее ценными из когда-либо высказанных в отношении его взглядов, исходили не от известного натуралиста, а от профессора инженерного дела.

Невозможно вкратце изложить аргументацию Флиминга Дженкина. Копия статьи моего отца (вырванная, как обычно, из тома и перевязанная кусочком бечевки) во многих местах помечена карандашом. Я могу процитировать один отрывок, напротив которого мой отец написал "хорошие насмешки", но следует помнить, что он использовал слово "насмешка" в довольно особом смысле, не обязательно подразумевающим чувство горечи у критика, а скорее в смысле "подтрунивания". Говоря об "истинно верующем", Флиминг Дженкин говорит, стр. 293: —

"Он может выдумывать вереницы предков, существованию которых нет доказательств; он может командовать сонмами столь же воображаемых врагов; он может вызывать континенты, наводнения и особые атмосферы; он может высушивать океаны, раскалывать острова и распределять вечность по своему усмотрению; несомненно, обладая этими преимуществами, он должен быть тупицей, если не может составить схему некоторых видов животных и обстоятельств, объясняющих наши предполагаемые трудности совершенно естественным образом. Чувствуя трудность иметь дело с противниками, обладающими столь обширной областью воображения, мы оставим эти аргументы и доверимся тем, которые, по крайней мере, не могут быть опровергнуты простыми усилиями воображения ".

В пятом издании "Происхождения" мой отец изменил отрывок из "Исторического очерка" (страница xviii четвертого издания). Таким образом, он практически отказался от трудной задачи понять, утверждает ли сэр Р. Оуэн, что открыл принцип естественного отбора, или нет. Добавив: "Что касается простого провозглашения принципа естественного отбора, то для нас обоих совершенно несущественно, предшествовал ли мне профессор Оуэн... им давным-давно предшествовали доктор Уэллс и мистер Мэтью.

Довольно суровая критика пятого издания, сделанная мистером Джоном Робертсоном, появилась в "Атенеуме" 14 августа 1869 года. Автор с некоторой горечью комментирует успех "Происхождения": "Внимание - это не признание. Многочисленные издания не означают

настоящего успеха. Книга продана; предположение обсуждено; тираж и обсуждение подводят итог значимости изданий ". Мистер Робертсон делает правдивое, но вводящее в заблуждение заявление: "Мистер Дарвин предваряет свое пятое английское издание эссе, которое он называет "Историческим очерком" и т. Д." На самом деле очерк появился в третьем издании в 1861 году.

Далее мистер Робертсон говорит, что этот очерк следовало бы назвать собранием выдержек, предвосхищающих или подтверждающих гипотезу естественного отбора. "Здесь не приводятся никакие враждебные мнения. Этот факт очень важен. Таким образом, этот исторический очерк напоминает "Историю правления Людовика XVIII", опубликованную после Реставрации, из которой были исключены Республика и Империя, Робеспьер и Бонапарт".

Следующее письмо профессору. Виктор Карус дает представление о характере нового издания "Происхождения":]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ВИКТОРУ КАРУСУ. Записано 4 мая 1869 года.

... Я очень тщательно проработал все это, пытаюсь прояснить некоторые части и добавив несколько обсуждений и фактов, имеющих определенную важность. Новое издание всего на две страницы в конце длиннее старого, хотя в одной части на девять страниц больше, поскольку я сократил несколько частей и опустил некоторые отрывки. Боюсь, перевод доставит вам много хлопот; изменения заняли у меня шесть недель, не считая исправления прессы; вам следует заключить специальное соглашение с М. Кохом [издателем]. Многие исправления составляют всего несколько слов, но они были сделаны на основе свидетельств по различным пунктам, которые, по-видимому, стали немного сильнее или слабее.

Таким образом, я был вынужден придавать несколько большее значение определенному и прямому действию внешних условий; считать, что промежуток времени, измеряемый годами, не так велик, как считало большинство геологов; и сделать вывод, что единичные вариации имеют еще меньшее значение по сравнению с индивидуальными различиями, чем я думал ранее. Я упоминаю эти моменты, потому что это побудило меня изменить во многих местах НЕКОЛЬКО СЛОВ; и если вы не прочтете все новое издание целиком, одна часть не будет совпадать с другой, что было бы большим недостатком ...

[Желание, чтобы его взгляды могли распространиться во Франции, всегда было сильным у моего отца, и поэтому он был справедливо раздосадован, обнаружив, что в 1869 году редактор первого французского издания выпустил третье издание, не посоветовавшись с автором. Соответственно, он был рад заключить соглашение о переводе пятого издания на французский язык; этим занялся М. Рейнвальд, с которым у него по-прежнему были приятные отношения как с издателем многих его книг на французском языке.

Он написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"Я должен развлечься и рассказать вам о мадемуазель К. Руайе, которая перевела "Происхождение" на французский и для второго издания которой я приложил бесконечные усилия. Она только что выпустила третье издание, не поставив меня в известность, так что все исправления и т.д. в четвертом и пятом английских изданиях утеряны. Помимо своего

невероятно длинного предисловия к первому изданию, она добавила второе предисловие, в котором ругает меня, как карманника, за Пангенезис, который, конечно, не имеет никакого отношения к "Происхождению". Итак, я написал в Париж; и Рейнвальд соглашается немедленно опубликовать новый перевод пятого английского издания, конкурирующий с ее третьим изданием... Этот факт показывает, что "эволюция видов", должно быть, наконец-то получила распространение во Франции".

Что касается распространения теории Эволюции среди ортодоксов, то определенный интерес представляет следующее письмо. В марте он получил от автора копию лекции преподобного Т.Р.Р. Стеббинга, прочитанной в Торквейском обществе естественной истории 1 февраля 1869 года под названием "Дарвинизм". Мой отец написал мистеру Стеббину:]

Уважаемый сэр,

Я очень признателен вам за вашу доброту, приславшую мне вашу энергичную и интересную лекцию; если бы с такой же речью выступил мирянин, он оказал бы хорошую услугу распространению того, что, как я надеюсь и верю, в значительной степени является правдой; но священник, произнося такую речь, приносит, как мне кажется, гораздо больше пользы своей способностью поколебать невежественные предрассудки и подавая, если мне будет позволено так выразиться, замечательный пример либеральности.

С искренним уважением, я прошу разрешения остаться, дорогой сэр, искренне ваш и обязанный вам ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Ссылки на тему выражения в следующем письме объясняются тем фактом, что первоначальным намерением моего отца было представить свое эссе на эту тему в виде главы в "Происхождении человека", которая, в свою очередь, выросла, как мы видели, из предложенной главы в "Животных и растениях":]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 22 февраля [1869?].

... Хотя вы оказали мне огромную помощь во многих отношениях, я буду умолять вас предоставить любую информацию по двум другим вопросам. Я готовлю дискуссию о "Половом отборе", и мне очень хочется знать, как низко на животной шкале простирается половой отбор определенного вида. Знаете ли вы о каких-либо низкоорганизованных животных, у которых разделены полы и у которых самец отличается от самки оружием для нападения, подобным рогам и бивням самцов млекопитающих, или ярким оперением и украшениями, как у птиц и бабочек? Я не имею в виду вторичные половые признаки, с помощью которых самец способен обнаружить самку, подобно оперенным усикам мотыльков, или с помощью которых самец может схватить самку, подобно любопытным клешням, описанным вами у некоторых низших ракообразных. Но что я хочу знать, так это то, насколько низки по шкале половые различия, которые требуют от мужчин некоторой степени самосознания, в качестве оружия, с помощью которого они сражаются за самку, или украшений, которые привлекают противоположный пол. Любые различия между мужчинами и женщинами, ведущими разный образ жизни, должны быть исключены. Я думаю, вы легко поймете, чему я хочу научиться. Априори никто бы не ожидал, что насекомых привлечет красивая окраска противоположного пола или звуки, издаваемые различными музыкальными инструментами самцов прямокрылых. Я не знаю

никого, кто с такой вероятностью ответил бы на этот вопрос, как вы, и должен быть благодарен за любую информацию, какой бы незначительной она ни была.

Мой второй предмет относится к выражению лица, которому я давно уделяю внимание и к которому испытываю живой интерес; но на который, к сожалению, я не обращал внимания, когда у меня была возможность наблюдать различные расы людей. Мне пришло в голову, что вы могли бы без особого труда в течение нескольких месяцев сделать для меня НЕСКОЛЬКО наблюдений над неграми или, возможно, над коренными южноамериканцами, хотя меня больше всего интересуют негры; соответственно, я прилагаю несколько вопросов в качестве руководства, и если бы вы могли ответить мне хотя бы на один или два, я был бы вам искренне обязан. Я подумываю написать небольшое эссе о происхождении человечества, поскольку меня упрекали в сокрытии моего мнения, и я должен сделать это сразу же после завершения моей настоящей книги. В этом случае я должен добавить главу о причине или значении выражения ...

[Остальные письма этого года касаются в основном книг, рецензий и т.д., Которые его заинтересовали.]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х. ТИЛЮ. Дауну, 25 февраля 1869 г.

Уважаемый сэр,

Вернувшись домой после недолгого отсутствия, я нашел вашу очень вежливую записку и брошюру ("Как правильно формировать генофонд земли", написанную доктором Х. Тилем, в то время работавшим на сельскохозяйственной станции в Поппельсдорфе), и я спешу поблагодарить вас за то и другое, а также за очень почетное упоминание моего имени. Вы легко поверите, насколько мне интересно наблюдать, что вы применяете к моральным и социальным вопросам взгляды, аналогичные тем, которые я использовал в отношении модификации видов. Раньше мне и в голову не приходило, что мои взгляды могут быть распространены на такие совершенно разные и самые важные темы. С большим уважением, я прошу разрешения остаться, дорогой сэр,

Искренне ваш и обязанный, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 19 марта [1869].

Мой дорогой Хаксли,

Спасибо за ваше "Обращение". (В своем "Юбилейном обращении" к Геологическому обществу в 1869 году мистер Хаксли раскритиковал статью сэра Уильяма Томсона ("Пер. с англ. Geol. Soc., Глазго, том iii.) "О геологическом времени".) Люди жалуются на неравномерное распределение богатства, но гораздо больший позор и несправедливость заключается в том, что какой-то один человек может написать столько блестящих эссе, как это недавно сделали вы. Никто не пишет так, как ты ... Если бы я был на твоём месте, я бы дрожал за свою жизнь. Я согласен со всем, что

вы говорите, за исключением того, что я должен думать, что вы проводите слишком большое различие между эволюционистами и униформистами.

Я нахожу, что несколько предложений о возрасте мира, которые я отправил в печать в "Происхождении", вполне подойдут...

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 22 марта [1869].

Мой дорогой Уоллес,

Я закончил вашу книгу ("Малайский архипелаг" и др., 1869); она кажется мне превосходной и в то же время чрезвычайно приятной для чтения. То, что вы вообще вернулись живыми, - это замечательно после всех ваших рисков, связанных с болезнью и морскими путешествиями, особенно самым интересным из них в Вайджиу и обратно. Из всех впечатлений, которые я получил от вашей книги, самое сильное заключается в том, что ваше упорство в деле науки было героическим. Ваши описания ловли великолепных бабочек вызвали у меня настоящую зависть, и в то же время заставили меня снова почувствовать себя почти молодым, так живо они напомнили мне старые времена, когда я собирал бабочек, хотя я никогда не делал таких поимек, как вы. Безусловно, коллекционирование - лучший вид спорта в мире. Ябуду удивлен, если ваша книга не будет иметь большого успеха; и ваши великолепные обобщения о географическом распространении, с которыми я знаком из ваших статей, окажутся новыми для большинства ваших читателей. Я думаю, что мне больше всего понравилось дело Тимора, поскольку оно лучше всего продемонстрировано; но, возможно, Целебес действительно самый ценный. Я бы предпочел рассматривать весь Азиатский континент как некогда более африканский по своей фауне, чем допустить прежнее существование континента по ту сторону Индийского океана...

[Следующее письмо относится к статье мистера Уоллеса в апрельском номере "Ежеквартального обозрения" (мой отец написал мистеру Мюррею: "Статья Уоллеса неподражаемо хороша, и это большой триумф, что такая статья появилась в "Ежеквартальном обозрении" и заставит епископа Оксфордского и — скрежетать зубами".) за 1869 год, которая в значительной степени посвящена десятому изданию "Принципов" сэра Чарльза Лайелла, опубликованному в 1867 и 1868 годах. Рецензия содержит поразительный отрывок о признании сэром Чарльзом Лайеллом эволюционной веры в десятом издании его "Принципов", который стоит процитировать: "История науки едва ли представляет столь поразительный пример молодости ума в преклонном возрасте, какой демонстрирует этот отказ от мнений, которых так долго придерживались и которые так энергично отстаивали; и если мы будем иметь в виду крайнюю осторожность в сочетании с горячей любовью к истине, которые характеризуют каждую работу, созданную нашим автором, мы убедимся, что решение о столь масштабном изменении было принято не без долгого и напряженного обсуждения, и что принятые сейчас взгляды должны быть приняты во внимание". действительно, должны быть подкреплены аргументами непреодолимой силы. Хотя бы по той причине, что сэр Чарльз Лайель в своем десятом издании принял ее, теория мистера Дарвина заслуживает внимательного и уважительного рассмотрения каждым серьезным искателем истины".]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 14 апреля 1869 г.

Мой дорогой Уоллес,

Меня чрезвычайно заинтересовала ваша статья, и я думаю, что Лайелл будет ею очень доволен. Я заявляю, что если бы я был редактором и имел право направлять вас, я бы выбрал для обсуждения те самые моменты, которые выбрали вы. Я часто говорил молодым геологам (ибо я начал в 1830 году), что они не знали, какую революцию произвел Лайель; тем не менее, ваши выдержки из Кювье меня весьма удивили. Хотя я и не в состоянии по-настоящему судить, я склонен доверять Кроллу больше, чем вы, кажется, доверяете; но я был очень поражен многими вашими замечаниями о деградации. Взгляды Томсона на недавний возраст мира были в течение некоторого времени одной из моих самых серьезных проблем, и поэтому я был рад прочитать то, что вы говорите. Ваше изложение естественного отбора кажется мне неподражаемо хорошим; лучшего толкователя, чем вы, никогда не было на свете. Я также был очень доволен вашим обсуждением разницы между нашими взглядами и взглядами Ламарка. Иногда можно встретить отвратительное выражение: "Справедливость по отношению к самому себе вынуждает меня сказать" и т.д., Но вы единственный человек, о котором я когда-либо слышал, который постоянно поступает несправедливо к себе и никогда не требует справедливости. Действительно, вам следовало бы в рецензии сослаться на вашу статью в "Линнеевском журнале", и я уверен, что все наши друзья согласятся с этим. Но вы не можете "спрятаться" сами, как бы вы ни старались, как видно из половины появляющихся статей. Буквально на днях немецкий профессор попросил у меня вашу статью, которую я ему отправил. В целом я рассматриваю вашу статью, появившуюся в "Quarterly", как огромный триумф нашего дела. Я полагаю, что ваши замечания о Человеке - это те, на которые высылались в своей записке. Если бы вы не сказали мне об этом, я бы подумал, что они были добавлены кем-то другим. Как вы и ожидали, я сильно отличаюсь от вас, и я очень сожалею об этом. Я не вижу необходимости ссылаться на дополнительную и непосредственную причину в отношении человека. (М-р Уоллес указывает, что любой, кто знаком просто с "произведениями природы без посторонней помощи", мог бы обоснованно усомниться в том, что лошадь, например, могла быть выведена силой человека, направляющего "действие законов вариации, размножения и выживания для своей собственной цели". Однако мы знаем, что это было сделано, и поэтому мы должны признать возможность того, что в процессе развития человеческой расы высший разум руководствовался теми же законами для достижения более благородных целей ".) Но тема слишком длинная для письма. Я был особенно рад прочитать вашу дискуссию, потому что сейчас я много пишу и думаю о человеке.

Я надеюсь, что ваша книга на малайском языке хорошо продается; Я был чрезвычайно доволен статьей в "Ежеквартальном научном журнале", поскольку в ней дана высокая оценка вашей работе: увы! вы, вероятно, согласитесь с тем, что автор говорит об использовании бамбука.

Я слышал, что в "Saturday Review" тоже есть хорошая статья, но больше ничего о ней не слышал. Поверьте мне, мой дорогой Уоллес,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 4 мая [1869].

Мой дорогой Лайель,

Ко мне обратились с просьбой скопировать несколько фотографий (визитная карточка) для украшения дипломов почетных членов нового общества в Сербии! Вы дадите мне одну для этой цели? В моем собственном альбоме есть только ваша фотография в полный рост, и я думаю, что лицо слишком маленькое, чтобы его можно было скопировать.

Я надеюсь, что вы хорошо справляетесь со своей работой и остались довольны работой на сложном этапе - ледниковых озерах. Слава богу, я закончил исправлять новое издание "Происхождения" и взялся за свою старую работу о половом отборе.

Статья Уоллеса показалась мне ДОСТОЙНОЙ ВОСХИЩЕНИЯ; как хорошо он описал революцию, которую вы совершили около 30 лет назад. Я думал, что полностью оценил революцию, но я был поражен выдержками из Кювье. Какой хороший набросок естественного отбора! но я был ужасно разочарован в Человеке, это кажется мне невероятно странным ...; и если бы я не знал обратного, то поклялся бы, что это было вставлено какой-то другой рукой. Но я полагаю, что вы не совсем согласитесь со всем этим.

Мой дорогой Лайель, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Л.А. ДЕ КАТРЕФАЖУ. Записано 28 мая [1869 или 1870].

Уважаемый сэр,

Я получил и прочел ваш том ("Очерки, перепечатанные из "Revue des Deux Mondes" под названием "Histoire Naturelle Generale" и др., 1869) и очень признателен вам за подарок. В целом это поразило меня как удивительно ясная и умелая дискуссия, и я был очень заинтересован ею до последней страницы. Невозможно, чтобы какое-либо изложение моих взглядов могло быть более справедливым или, насколько позволяет место, более полным, чем то, что вы дали. То, как вы неоднократно упоминаете мое имя, доставляет мне огромное удовольствие. Когда я закончил вторую часть, я подумал, что вы изложили дело настолько убедительно, что на моей стороне будет больше обращенных, чем на вашей собственной. Прочитав последующие части, мне пришлось изменить свой оптимистичный взгляд. В этих последних частях многие из ваших замечаний достаточно суровы, но все они даны с совершенной вежливостью и справедливостью. Я могу искренне сказать, что предпочел бы, чтобы вы критиковали меня подобным образом, чем хвалили многие другие. Я согласен с некоторыми вашими критическими замечаниями, но полностью отличаюсь от остальных; но я не буду беспокоить вас никакими замечаниями. Я могу, однако, сказать, что вы, должно быть, были введены в заблуждение французским переводом, поскольку вы заключаете, что я верю, что парус и поползень (или Ситта) связаны прямым родством. Я хотел только показать на воображаемой иллюстрации, как инстинкты или структуры могут сначала измениться. Если бы вы видели *Canis Magellanicus* живым, вы бы поняли, насколько он похож на лису, или если бы вы слышали его голос, я думаю, вам никогда бы не пришла в голову мысль, что это одичавшая

домашняя собака; но меня это не очень беспокоит. Любопытно, как национальность влияет на общественное мнение; едва ли проходит неделя, чтобы я не услышал о каком-нибудь натуралисте в Германии, который поддерживает мои взгляды и часто придает преувеличенную ценность моим работам; в то время как во Франции я не слышал ни об одном зоологе, за исключением г-на Годри (и то лишь частично), который поддерживает мои взгляды. Но у меня должно быть много читателей, поскольку мои книги переводятся, и я должен надеяться, несмотря на ваши упреки, что смогу повлиять на некоторых натуралистов-эмбриологов во Франции.

Вы часто говорите о моей добросовестности, и для меня не может быть более восхитительного комплимента, но я могу ответить вам тем же с интересом, ибо каждое написанное вами слово несет на себе печать вашей искренней любви к истине. Поверьте мне, дорогой сэръ, с искренним уважением,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 14 октября [1869].

Мой дорогой Хаксли,

Я был рад увидеть вашу рецензию на Геккеля (A review of Haeckel's "Schöpfungs-Geschichte". The "Academy", 1869. Перепечатано в "Критических статьях и обращениях", стр. 303.), и, как обычно, вы осыпаете меня почестями. Но я пишу сейчас (НЕ ТРЕБУЯ ОТВЕТА), чтобы немного вздохнуть по поводу того, что вы сказали о рудиментарных органах. (Обсуждая телеологию и "Дистелеологию" Геккеля, проф. Хаксли говорит: "Такие случаи, как наличие боковых зачатков пальцев на ноге лошади, ставят нас перед дилеммой. Ибо либо эти зачатки бесполезны для животных, и в этом случае ... они, несомненно, должны были исчезнуть; либо они представляют некоторую пользу для животных, и в этом случае они бесполезны в качестве аргументов против телеологии". — ("Критические замечания и обращения", стр. 308.) Многие еретики воспользуются тем, что вы сказали. Я не могу не думать, что объяснение, данное на странице 541 последнего издания "Происхождения" длительного сохранения рудиментарных органов и их большего относительного размера в раннем возрасте, является удовлетворительным. Их окончательный аборт представляется мне гораздо более сложной задачей. Загляните в мои "Вариации при одомашнивании", том ii. страница 397, о том, что предлагает Пангенезис по этому поводу, хотя я не осмелился вставить слово "Происхождение". Этот отрывок также немного касается борьбы между молекулами или геммулами. ("Вполне вероятно гипотеза о том, что каждый организм для молекул, из которых он состоит, является тем же, чем является мир для организмов в целом. Множество из них, обладающих разнообразными тенденциями, конкурируют друг с другом за возможность существовать и размножаться; и организм в целом в такой же степени является продуктом молекул-победителей, как фауна или Флора страны является продуктом обитающих в ней органических существ—победителей". ("Критические замечания и обращения", стр. 309). На страницах 394-395 также есть пара слов, косвенно относящихся к этому предмету. Это не займет у вас пяти минут, поэтому ознакомьтесь с этими отрывками. Я очень рад, что у вас хватило смелости высказать свою идею о естественном отборе среди молекул, хотя я не совсем понимаю вас.

1870-Й И НАЧАЛО 1871 ГОДА.

[Мой отец записал в своем дневнике: "Весь этот год [1870] работал над "Происхождением человека".... Поступил в печать 30 августа 1870 года".

Письма снова представляют разный интерес, поскольку касаются не только его работы, но и служат указанием на ход его чтения.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Э. РЭЮ ЛАНКЕСТЕРУ. Внизу, 15 марта [1870].

Мой дорогой сэр,

Не знаю, сочтете ли вы меня очень беспокойным человеком, но я только что закончил вашу книгу ("Сравнительное долголетие") и не могу удержаться, чтобы не рассказать вам, насколько все это меня заинтересовало. Несомненно, как вы говорите, на эту тему должно быть много спекуляций, и определенных результатов достичь невозможно; но все ваши взгляды наводят на размышления, и, на мой взгляд, это высокая похвала. Мне было тем более интересно, что сейчас я пишу о тесно связанных, хотя и не совсем идентичных моментах. Мне было приятно видеть, что вы упомянули о моем столь презируемом ребенке, "Пангенезис", который, я думаю, когда-нибудь, под присмотром лучшей няни, вырастет прекрасным подростком. Мне также приятно видеть, как глубоко вы цените (и я не думаю, что это характерно для людей науки) Х. Спенсера; я подозреваю, что впоследствии на него будут смотреть как на безусловно величайшего из ныне живущих философов Англии; возможно, равного любому из когда-либо живших. Но я не имею права беспокоить вас своими соображениями. С искренней благодарностью за интерес, который вызвала у меня ваша работа,

Остаюсь искренне вашим, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к "Естественному отбору" мистера Уоллеса (1870), сборнику эссе, переизданному с некоторыми изменениями, список которых приведен в томе:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 20 апреля [1870].

Мой дорогой Уоллес,

Я только что получил вашу книгу и прочитал предисловие. Никогда еще в мой адрес, да и вообще в адрес кого бы то ни было, не произносили более высокой похвалы, чем ваша. Я хотел бы, чтобы я полностью заслужил это. Ваша скромность и искренность для меня далеко не новинку. Я надеюсь, вам доставит удовольствие поразмыслить — и очень немногие вещи в моей жизни были для меня более приятными, — что мы никогда не испытывали никакой ревности друг к другу, хотя в каком-то смысле были соперниками. Я верю, что могу сказать это о себе с уверенностью, и я абсолютно уверен, что это верно и в отношении вас.

Вы были добрым христианином, приведя список ваших дополнений, поскольку я очень хочу их прочитать, и у меня едва ли нашлось бы сейчас время просмотреть все ваши статьи. Конечно, я немедленно прочитаю те из них, которые являются новыми или сильно измененными, и

постараюсь быть настолько честным, насколько можно разумно ожидать. Ваша книга выглядит на удивление хорошо составленной.

Поверьте мне, мой дорогой Уоллес, остаюсь сердечно вашим, Ч. ДАРВИН.

[Далее следуют одна или две буквы, указывающие на ход "Происхождения человека"; упомянутые гравюры на дереве готовились для этой работы:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН А. ГЮНТЕРУ. (доктор Гюнтер, хранитель зоологии в Британском музее.) 23 марта [1870?].

Дорогой Гюнтер,

Поскольку я не знаю адреса мистера Форда, передайте ему, пожалуйста, эту записку, которая написана исключительно для того, чтобы выразить мое безграничное восхищение гравюрами на дереве. Я откровенно злорадствую над ними. Единственное зло в том, что по сравнению с ними все остальные ксилографии будут выглядеть очень бедно! Все они превосходны, а что касается перьев, то я заявляю, что считаю их самой замечательной гравюрой на дереве, которую я когда-либо видел; я не могу удержаться, чтобы не прикоснуться к ним, чтобы убедиться, что они гладкие. Как бы я хотел увидеть двух других, и даже более важных, из перьев, и четырех [из] рептилий и т.д. Еще раз примите мою самую искреннюю благодарность за всю вашу доброту. Я в большом долгу перед мистером Фордом. Гравюры всегда были моим величайшим несчастьем, а теперь они доставляют мне истинное удовольствие.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.— Я думал, что к этому времени уже должен был появиться в печати, но моя тема разветвилась на подотрасли, что отняло у меня бесконечно много времени, и бог знает, когда у меня будет готова вся моя рукопись, но я никогда не бездействую.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А. ГЮНТЕРУ. 15 мая [1870].

Мой дорогой доктор Гюнтер,

Искренняя благодарность. Ваши ответы удивительно ясны и полны. У меня есть несколько аналогичных вопросов о рептилиях и т.д., которые я пришлю через несколько дней, и тогда, я думаю, я больше не доставлю хлопот. Я получу книги, на которые вы меня отправляете. Случай с соленостомой (У большинства лофобранхий у самца есть сумчатый мешок, в котором высиживаются яйца, и у этих видов самец окрашен немного ярче, чем самка. Но у *Solenostoma* самка высиживает птенцов и к тому же более ярко окрашена. — "Происхождение человека", ii. 21.) великолепен, в точности аналогичен тем птицам, у которых самка более веселая, но для меня в десять раз лучше, поскольку она является инкубатором. Переходя к последующим занятиям, я с удивлением обнаруживаю, насколько схожи правила, касающиеся брачного наряда всех животных. Этот предмет начал интересовать меня в необычайной степени, но я должен постараться не впасть в свою распространенную ошибку - быть слишком умозрительным. Но пьяница с таким же успехом мог бы сказать, что выпьет немного, а не

слишком много! Мое эссе, касающееся рыб, батрахий и рептилий, будет фактически вашим, только написанным мной. С искренней благодарностью.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо представляет интерес, поскольку показывает чрезмерную осторожность и усилия, которые приложил мой отец, формируя свое мнение по трудному вопросу:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Внизу, 23 сентября [без даты].

Мой дорогой Уоллес,

Я очень признателен за все ваши хлопоты по написанию мне вашего длинного письма, которое я сохраню при себе и обдумаю. Чтобы ответить на него, потребуется не менее 200 страниц! Если бы вы могли видеть, как часто я переписывал некоторые страницы, вы бы поняли, как мне не терпится как можно ближе подойти к истине. Я придаю большое значение тому, что, как я знаю, происходит при одомашнивании; я думаю, мы начнем с разных фундаментальных представлений о наследовании. Я нахожу чрезвычайно трудным, но не считаю невозможным, понять, как, например, несколько красных перьев, появляющихся на голове самца птицы и которые СНАЧАЛА ПЕРЕДАЮТСЯ ОБОИМ ПОЛАМ, могли передаваться только самцам. Недостаточно, чтобы от самцов произошли самки с красными перьями, которые должны быть лишены красных перьев; но у этих самок должна быть СКРЫТАЯ ТЕНДЕНЦИЯ к образованию таких перьев, в противном случае они вызвали бы ухудшение рыжего окраса головных перьев у их потомства мужского пола. О такой скрытой тенденции можно было бы судить по тому, что в старости у них появляются красные перья или поражаются яичники. Но мне нетрудно покрасить всю голову в красный цвет, если несколько красных перьев у самца с самого начала имели тенденцию передаваться половым путем. Я вполне готов допустить, что самка, возможно, была модифицирована либо в то же время, либо впоследствии, для защиты путем накопления вариаций, ограниченных в их передаче женскому полу. Я обязан вашим работам рассмотрением этого последнего пункта. Но я все еще не могу убедить себя в том, что только женщины часто подвергались модификации для защиты. Если вы не сочтете нужным вкратце сообщить мне, верите ли вы, что более простая голова и менее яркая окраска самки зяблика, менее красная окраска головы и менее чистая окраска самки щегла, гораздо менее красная окраска груди самки вьюрка, более бледный гребень золотисто-хохлатого крапивника и т.д. Были приобретены ими для защиты. Я не могу думать так же, как и о том, что значительные различия между самкой и самцом домового воробья или гораздо большая яркость самца *Parus coeruleus* (оба они строят под покровом), чем самки *Parus*, связаны с защитой. Я даже сильно сомневаюсь, что меньшая чернота самки черного дрозда служит для защиты.

Опять же, можете ли вы привести мне основания полагать, что умеренные различия между самкой фазана, самкой *Gallus bankiva*, самкой тетерева, курицей-гороховичкой, самкой куропатки [и их соответствующими самцами] имеют особое отношение к защите в несколько отличающихся условиях? Я, конечно, допускаю, что все они защищены тусклой окраской, полученной, как я думаю, от какого-то тусклого прародителя; и я частично объясняю их различие частичной передачей окраски от самца и другими способами, которые слишком

долго уточнять; но я искренне желаю видеть основания полагать, что каждый из них специально приспособлен для маскировки в своей среде.

Мне горько отличаться от вас, и это на самом деле пугает меня и заставляет постоянно не доверять самому себе. Боюсь, мы никогда до конца не поймем друг друга. Я ценю случаи с ярко окрашенными насиживающими самцами рыб и блестящими бабочками исключительно как показывающие, что один пол может стать блестящим без какой-либо необходимой передачи красоты другому полу; поскольку в этих случаях я не могу предположить, что красота у другого пола была проверена отбором.

Я боюсь, что вам будет трудно прочитать это письмо. Было бы достаточно очень короткого ответа о вашей вере в отношении самок вьюрковых и галлиновых.

Поверьте мне, мой дорогой Уоллес, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 25 мая [1870].

... В прошлую пятницу мы все отправились в отель "Булл" в Кембридже, чтобы повидаться с мальчиками, а также немного отдохнуть и развлечься. Задворки колледжей просто райские. В понедельник я виделся с Седжвиком, который был очень сердечен и добр; утром мне показалось, что у него помутился рассудок; вечером он был великолепен и вполне в себе. Его привязанность и доброта очаровали всех нас. Мой визит к нему был в некотором роде неудачным; потому что после долгого сидения он предложил сводить меня в музей, и я не смог отказаться, и в результате он совершенно поверг меня ниц; так что на следующее утро мы покинули Кембридж, и я до сих пор не оправился от усталости. Разве это не унижительно - быть убитым таким образом восьмидесятишестилетним человеком, которому, очевидно, и во сне не снилось, что он убивает меня? Как он сказал мне: "О, я считаю тебя для себя всего лишь ребенком!" Я несколько раз видел Ньютона и нескольких приятных друзей Ф.. Но Кембридж без дорогого Хенслоу был не таким, как прежде; я пытался добраться до двух старых домов, но это было слишком далеко для меня...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Б.Дж. САЛИВАНУ. (Адмирал сэр Джеймс Саливан был лейтенантом на борту "Бигля".) Даун, 30 июня [1870].

Мой дорогой Саливан,

Было очень мило с вашей стороны написать мне такое длинное письмо, в котором вы много рассказали о себе и своих детях, что я был чрезвычайно рад услышать. Подумайте, какой я невежественный негодяй, никого не вижу и почти ничего не читаю в газетах, ибо я не знал (пока не увидел газету вашего Общества естественной истории), что вы были К.К.Б. Я искренне рад, что правительство наконец оценило ваши самые справедливые претензии на это высокое звание. С другой стороны, мне жаль слышать столь скудный отчет о вашем здоровье; но вы, несомненно, поступили очень опрометчиво, сделав все, что сделали, а затем пропустив такое волнующее зрелище, как бал во Дворце. Этого было достаточно, чтобы утомить человека с крепким здоровьем. Однако, я надеюсь, что полный покой снова придаст вам сил. Что

касается меня самого, то в последнее время мне стало немного лучше, и, если меня ничто не беспокоит, я могу работать по несколько часов в день. Этой осенью я опубликую еще одну книгу, частично посвященную человеку, которую, осмелюсь сказать, многие сочтут очень порочной. Я мог бы поехать в Оксфорд, но больше не мог выдерживать волнения, вызванного празднованием (Имеется в виду приглашение получить почетную степень D.C.L. Он был одним из тех, кто был номинирован на эту степень лордом Солсбери при вступлении в должность ректора Оксфордского университета. Тот факт, что в этой чести было отказано по причине плохого состояния здоровья, был опубликован в "Oxford University Gazette" от 17 июня 1870 г.). чем я мог бы устроить бал в Букингемском дворце. Большое спасибо за ваши добрые замечания о моих мальчиках. Слава Богу, все это доставляет мне полное удовлетворение; мой четвертый стал вторым в Вулвиче, а к Рождеству станет офицером-механиком. Моя жена желает, чтобы о леди Саливан вспоминали с добром, к чему я искренне присоединяюсь, и поздравляю с замужеством вашей дочери. В настоящее время мы одиноки, поскольку все наши младшие дети отправились на экскурсию в Швейцарию. Я никогда не слышал ни слова об успехе миссии Т. дель Фуэго. Это самое замечательное, и мне стыдно, поскольку я всегда предсказывал полный провал. Это грандиозный успех. Я буду горд, если ваш Комитет сочтет нужным избрать меня почетным членом вашего общества. Со всеми добрыми пожеланиями и нежными воспоминаниями о былых днях,

Поверьте мне, мой дорогой Саливан, Вашему искреннему другу Ч. ДАРВИНУ.

[Связь моего отца с Южноамериканской миссией, о которой говорится в приведенном выше письме, вызвала некоторые общественные комментарии и была в некоторой степени неправильно понята. Архиепископ Кентерберийский, выступая на ежегодном собрании Южноамериканского миссионерского общества 21 апреля 1885 года (я цитирую "Брошюру", опубликованную Обществом), сказал, что Общество "привлекло внимание Чарльза Дарвина и заставило его в его стремлении к чудесам царства природы осознать, что существует другое царство, столь же чудесное и более долговечное". Некоторое обсуждение этого вопроса появилось в "Дейли Ньюс" от 23, 24, 29 апреля 1885 года, и, наконец, адмирал сэр Джеймс Саливан 24 апреля написал в тот же журнал, дав четкий отчет о связи моего отца с Обществом:

"Ваша вчерашняя статья в "Дейли Ньюс" побуждает меня правильно изложить вам связь между Южноамериканским миссионерским обществом и мистером Чарльзом Дарвином, моим старым другом и товарищем по плаванию на протяжении пяти лет. Я был тесно связан с Обществом со времени смерти капитана Аллена Гардинера, и мистер Дарвин часто выражал мне свое убеждение в том, что было совершенно бесполезно посылать миссионеров к такому сборищу дикарей, как огненники, вероятно, к самым низшим представителям человеческой расы. Я всегда отвечал, что не верю, что какие-либо человеческие существа существуют слишком низко, чтобы понять простое послание Евангелия Христа. Спустя много лет, я думаю о 1869 году (кажется, это было в 1867 году.), Но я не могу найти письмо, в котором он написал мне, что недавние отчеты о Миссии доказали ему, что он был неправ, а я прав в наших оценках характера местных жителей и возможности принести им пользу через миссионеров; и он попросил меня переслать Обществу прилагаемый чек на 5 фунтов стерлингов, как свидетельство заинтересованности, которую он проявлял к их хорошей работе. 6 июня 1874 года он написал: "Я очень рад услышать такой хороший отчет о жителях Огненного мира, и это замечательно". 10

июня 1879 года: "Прогресс жителей Огненного мира замечателен, и если бы этого не произошло, я был бы совершенно невероятен". 3 января 1880 года: "Ваши выдержки" [из дневника] "о жителях Огненного мира чрезвычайно любопытны и очень заинтересовали меня. Я часто говорил, что прогресс Японии был величайшим чудом в мире, но я заявляю, что прогресс Фуэгии почти столь же удивителен. 20 марта 1881 года: "Рассказ о жителях Огненного огня заинтересовал не только меня, но и всю мою семью. Поистине замечательно то, что вы слышали от мистера Бриджеса об их честности и языке. Я, конечно, должен был предвидеть, что не все миссионеры в мире смогли бы сделать то, что было сделано". 1 декабря 1881 года, отправляя мне свою годовую подписку на приют при миссионерской станции, он писал: "Судя по "Миссионерскому журналу", миссия на Огненной Земле, кажется, продвигается на удивление хорошо".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Даун, 17 июля 1870 года.

Мой дорогой Лаббок,

Поскольку я слышу, что Перепись будет представлена на рассмотрение Палаты представителей завтра, я пишу, чтобы сказать, как сильно я надеюсь, что вы выскажете свое мнение о желательности включения запросов в отношении кровнородственных браков. Как вам известно, я проводил эксперименты на эту тему в течение нескольких лет; И Я ТВЕРДО УБЕЖДЕН, ЧТО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИМЕЕТСЯ ДОСТАТОЧНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНА, ПРИДАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЮ, КАСАЮЩЕМУСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ. В АНГЛИИ И МНОГИХ ЧАСТЯХ ЕВРОПЫ ПРОТИВ БРАКОВ ДВОЮРОДНЫХ БРАТЬЕВ ВОЗРАЖАЮТ ИЗ-ЗА ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ВРЕДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ; НО ЭТО УБЕЖДЕНИЕ НЕ ОПИРАЕТСЯ НА ПРЯМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. ПОЭТОМУ ЯВНО ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ЭТО ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ БЫЛО ЛИБО ДОКАЗАНО ЛОЖНЫМ, ЛИБО ПОЛУЧИЛО ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, чтобы в этом последнем случае браки двоюродных братьев и сестер не поощрялись. Если ввести соответствующие запросы, результаты показали бы, было ли у женатых двоюродных братьев и сестер в их семьях на момент переписи столько детей, сколько у родителей, не являющихся родственниками; и если число окажется меньшим, мы могли бы с уверенностью предположить либо снижение фертильности у родителей, либо, что более вероятно, снижение жизнеспособности у потомства.

Более того, очень хотелось бы, чтобы подтвердилась истинность часто повторяемого утверждения о том, что кровнородственные браки приводят к глухоте, немоте, слепоте и т.д.; И все подобные утверждения можно было бы легко проверить по результатам одной переписи населения.

Поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Когда Закон о переписи населения проходил через Палату общин, сэр Джон Лаббок и доктор Плейфейр попытались реализовать это предложение. Вопрос дошел до разделения, которое было проиграно, но не большим количеством голосов.

Тема браков двоюродных братьев впоследствии была исследована моим братом. ("Браки между двоюродными братьями в Англии и их последствия". Джордж Дарвин. "Журнал статистического

общества", июнь 1875 г.). Результаты этой кропотливой работы были отрицательными; автор подводит итог в предложении:—

"Моя статья далека от того, чтобы дать что-либо вроде удовлетворительного решения вопроса о последствиях кровнородственных браков, но, я думаю, она показывает, что утверждение о том, что этот вопрос уже решен, не может быть обосновано ".]

ГЛАВА 2.VII. — ПУБЛИКАЦИЯ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА".

РАБОТАЙТЕ Над "ВЫРАЖЕНИЕМ".

1871-1873.

[Последняя редакция "Происхождения человека" была исправлена 15 января 1871 года, так что книга занимала его около трех лет. Он писал сэру Дж. Хукеру: "Я закончил последние корректуры своей книги несколько дней назад, работа почти убила меня, и я не имею ни малейшего представления, стоит ли эту книгу публиковать".

Он также написал доктору Грелю:—

"Я закончил свою книгу о "Происхождении человека" и т. Д., И ее публикация задерживается только из-за Индекса: когда она будет опубликована, я вышлю вам экземпляр, но не уверен, что это вас заинтересует. Части, касающиеся морального чувства, осмелюсь сказать, разозлят вас, и если я получу от вас восточку, то, вероятно, получу несколько уколов вашим отточенным стилетом ".

Книга была опубликована 24 февраля 1871 г. Сначала было отпечатано 2500 экземпляров, а до конца года - еще 5000. Мой отец отмечает, что он получил за это издание 1470 фунтов стерлингов. Письма, приведенные в настоящей главе, касаются его получения, а также хода работы над выражением. Письма приведены приблизительно в хронологическом порядке, что неизбежно разделяет письма на родственные темы, но дает, возможно, более правдивую картину смешанных интересов и трудов в жизни моего отца.

Ничто не может дать лучшего представления (в общих чертах) о росте эволюционизма и его положении в это время, чем цитата из мистера Хаксли ("Современное обозрение", 1871):

"Постепенный ход времени теперь отделяет нас более чем на десятилетие от даты публикации "Происхождения видов"; и что бы ни думали или ни говорили о доктринах мистера Дарвина или о том, как он их излагал, несомненно одно: за двенадцать лет "Происхождение видов" произвело такую же полную революцию в биологической науке, как "Принципы" в астрономии; "и это произошло", потому что, по словам Гельмгольца, оно содержит "существенно новую творческую мысль". И, поскольку время от времени "Происхождение видов" совершало

революцию в астрономии". незаметно для критиков мистера Дарвина произошла счастливая перемена. Смесь невежества и наглости, которая поначалу характеризовала большую часть нападок, с которыми на него обрушивались, больше не является печальным отличием антидарвинистской критики".

Отрывок из Введения к "Происхождению человека" показывает, что автор ясно осознавал это улучшение положения Эволюции. "Когда такой натуралист, как Карл Фогт, отваживается сказать в своем обращении в качестве президента Национального института Женевы (1869 г.): "Персона в Европе в муане, не более того, она создает независимое и особенное творение", - это очевидно, что по крайней мере большое количество натуралистов должны признать, что виды являются модифицированными потомками других видов; и это особенно справедливо для молодых и подающих надежды натуралистов... К сожалению, многие из старейших и уважаемых лидеров естествознания по-прежнему выступают против Эволюции во всех ее формах".

В приятно написанной статье мистера Джеймса Хейга "Воспоминания о мистере Дарвине" ("Харперс Мэгэзин", октябрь 1884 г.) он описывает визит к моему отцу "в начале 1871 года" (это было, должно быть, в конце февраля, через неделю после выхода книги.), вскоре после публикации "Происхождения человека". Мистер Хейг говорит, что мой отец "был очень впечатлен общим согласием, с которым были приняты его взгляды", и отмечает, что "все говорят об этом, не испытывая шока".

Позже в том же году прием книги описан другим языком в "Эдинбургском обозрении" (июль 1871 г.). Негативная критика. Рецензент подводит итог, говоря, что: "Возможно, никогда в истории философии такие широкие обобщения не делались на основе столь небольшого количества фактов".): "Со всех сторон это вызывает бурю смешанного гнева, удивления и восхищения".

Что касается последующего восприятия "Происхождения человека", мой отец писал доктору Дору 3 февраля 1872 года:

"Я не знал, пока не прочитал вашу статью (в "Das Ausland"), что мое "Происхождение человека" произвело такой фурор в Германии. Она имела огромное распространение в нашей стране и в Америке, но, насколько я знаю, вряд ли встретила одобрение кого-либо из натуралистов. Поэтому я полагаю, что с моей стороны было ошибкой опубликовать это; но, в любом случае, это проложит путь для более качественной работы".

Книга о "Выражении эмоций" была начата 17 января 1871 года, последнее доказательство "Происхождения человека" было закончено 15 января. Черновая копия была закончена к 27 апреля, и вскоре после этого (в июне) работа была прервана подготовкой шестого издания "Происхождения". В ноябре и декабре гранки книги "Выражение" были взяты в руки и занимали его до следующего года, когда книга была опубликована.

Некоторые упоминания о работе над выражением встречались в уже приведенных письмах, показывая, что основа книги была, в некоторой степени, заложена за несколько лет до того, как он начал ее писать. Так, он писал доктору Эйзе Грею 15 апреля 1867 года:

"В последнее время я просыпаюсь и просматриваю свои старые заметки по экспрессии и боюсь, что не смогу уделить своему хобби столько внимания, сколько думал, что смогу; тем не менее, мне кажется, это любопытный предмет, которым почему-то пренебрегли".

Следует, однако, помнить, что эта тема занимала его мысли, более или менее, с 1837 или 1838 года, насколько я могу судить по записям в его ранних записных книжках. Именно в декабре 1839 года он начал проводить наблюдения за детьми.

Работа требовала большой переписки не только с миссионерами и другими людьми, живущими среди дикарей, которым он посылал свои печатные запросы, но и с физиологами и врачами. Он получил много информации от профессора Дондерса, сэра У. Боумена, сэра Джеймса Пейджета, доктора У. Огла, доктора Крайтона Брауна, а также от других наблюдателей.

Первая буква относится к "Происхождению Человека".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 30 января [1871].

Мой дорогой Уоллес,

(В упомянутой записке, датированной 27 января, мистер Уоллес писал:—

"Большое спасибо за ваш первый том, который я только что закончил читать с величайшим удовольствием и интересом; и я также должен поблагодарить вас за большую нежность, с которой вы относились ко мне и моим ересям".

Ересь - это ограничение естественного отбора применительно к человеку. Мой отец писал ("Происхождение человека", i, стр. 137): "Поэтому я не могу понять, как мистер Уоллес утверждает, что "естественный отбор мог наделить дикаря мозгом, лишь немного превосходящим мозг обезьяны"." В процитированном выше письме мистер Уоллес писал: "Ваши главы о "Человеке" представляют большой интерес, но как касающиеся моей особой ереси, пока не совсем убедительны, хотя, конечно, я полностью согласен с каждым словом и каждым аргументом, которые доказывают эволюцию человека из низшей формы".)

Ваша записка доставила мне огромное удовольствие, главным образом потому, что я очень старался не проявлять к вам ни малейшего неуважения, а так трудно говорить честно, когда с кем-то расходишься. Если бы я обидел вас, это огорчило бы меня больше, чем вы можете себе представить. Во-вторых, мне очень приятно слышать, что том I заинтересовал вас; меня так достала вся эта тема, что я испытывал крайние сомнения в ценности какой-либо части. Говоря о женщинах, не подвергшихся специальной модификации для защиты, я намеревался включить предотвращение передачи признаков, приобретенных самцом, самке; но теперь я вижу, что было бы лучше сказать "специально воздействовали" или какой-нибудь подобный термин. Возможно, мое намерение прояснится во втором томе. Позвольте мне сказать, что мои выводы в основном основаны на рассмотрении всех животных, взятых в совокупности, принимая во внимание, насколько общими кажутся правила половых различий во всех классах. Первый экземпляр главы о чешуекрылых довольно хорошо согласуется с вами. Затем я поработал над чешуекрылыми, вернулся к ним и счел себя вынужденным их изменить — закончил Половой отбор и в последний раз прошелся по чешуекрылым, и снова я почувствовал себя вынужденным их изменить. Я молю Бога, чтобы во втором томе для вас не было ничего неприятного и чтобы я честно высказался о ваших взглядах; я боюсь на этот счет, потому что я только что прочитал (но недостаточно внимательно) книгу Майварта ("Генезис видов", Сент-Дж. Майварт, 1871), и я АБСОЛЮТНО УВЕРЕН, что он хотел быть справедливым (но его подстегивал теологический пыл);

и все же я не думаю, что он был вполне справедлив... Часть, которая, я думаю, окажет наибольшее влияние, - это то, где он приводит целую серию случаев, подобных случаю с китовым усом, в которых мы не можем объяснить постепенность; но такие случаи не имеют никакого значения для моего сознания — если бы вымерло несколько рыб, кто бы на земле осмелился даже предположить, что легкие возникли из свиного пузыря? В таком случае, как тилацин, я думаю, он был обязан сказать, что сходство челюсти с челюстью собаки поверхностно; количество, соответствие и развитие зубов сильно различаются. Я снова думаю, что, говоря о необходимости одновременного изменения ряда признаков, ему следовало бы подумать о человеке, обладающем способностью путем отбора изменять одновременно или почти одновременно многие черты, например, при создании борзой или скаковой лошади, о чем подробно рассказывается в моих "Домашних животных". Майварт свиреп или презрителен к моему "моральному чувству", и, вероятно, вы будете такими же. Я чрезвычайно рад, что он согласен с моей позицией относительно ЖИВОТНОГО НАЧАЛА человека в сериале; или, если уж на то пошло, считает, что я допустил ошибку, выделив его слишком отчетливо.

Простите меня за столь пространный рассказ. Вы подняли мне настроение; я так боялся, что был непреднамеренно несправедлив к вашим взглядам. Я искренне надеюсь, что второй том также выйдет. Сейчас меня мало волнует, что скажут другие. Что касается того, что мы не совсем согласны, на самом деле в таких сложных вопросах для двух мужчин, которые независимо приходят к своим выводам, почти невозможно полностью прийти к согласию, это было бы неестественно для них.

Всегда ваш, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Профессор Геккель, кажется, был одним из первых, кто написал моему отцу о "происхождении человека". Я цитирую его ответ: —

"Я должен сказать вам несколько слов, чтобы поблагодарить вас за ваше интересное и, могу с уверенностью сказать, очаровательное письмо. Я рад, что вы одобряете мою книгу, насколько вы ее прочитали. Я испытывал очень большие трудности и сомневался, как часто мне следует ссылаться на то, что вы опубликовали; строго говоря, каждая идея, хотя и приходящая мне в голову независимо, если бы была опубликована вами ранее, выглядела бы так, как будто была взята из ваших работ, но это сделало бы мою книгу очень скучным чтением; и я надеялся, что полного признания в начале будет достаточно. (Во введении к "Происхождению человека" автор писал:—

"Этот последний натуралист [Геккель]... недавно... опубликовал свою работу "Naturliche Schopfungs-geschichte", в которой он полностью обсуждает генеалогию человека. Если бы эта работа появилась до того, как было написано мое эссе, я, вероятно, никогда бы его не закончил. Почти все выводы, к которым я пришел, я нахожу подтвержденными этим натуралистом, чьи знания по многим вопросам намного полнее моих ".) Не могу выразить вам, как я рад обнаружить, что выразил свое глубокое восхищение вашими работами с достаточной ясностью; я уверен, что выразил это не слишком резко ".]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 16 марта 1871 г.

Мой дорогой Уоллес,

Я только что прочитал вашу грандиозную рецензию. ("Академия", 15 марта 1871 г.). Она во всех отношениях столь же доброжелательна по отношению ко мне, сколь и превосходна по содержанию. Лайеллы были здесь, и сэр К. заметил, что никто не писал таких хороших научных обзоров, как вы, и, как добавила мисс Бакли, вам нравится выбирать все хорошее, хотя вы далеко не слепы к плохому. Во всем этом я полностью согласен. Я всегда буду считать вашу рецензию большой честью; и как бы сильно ни ругали мою книгу в дальнейшем, а это, несомненно, будет, ваша рецензия утешит меня, несмотря на то, что мы так сильно расходимся во взглядах. Я буду помнить о ваших возражениях против моих взглядов, но боюсь, что последние почти стереотипны в моем сознании. В течение долгих недель я размышлял о трудностях наследования и отбора и исписал листы бумаги заметками, пытаясь избавиться от этого, но не смог, хотя ясно видел, что было бы большим облегчением, если бы я мог. Я ограничусь двумя-тремя замечаниями. На меня произвело большое впечатление то, что вы выступаете против окраски (мистер Уоллес говорит, что спаривание бабочек, вероятно, определяется тем фактом, что у одного самца более сильные крылья или он более настойчив, чем остальные, а не выбором самок. Он приводит пример гусениц, которые ярко окрашены и все же бесполой. М-р Уоллес также делает хорошую критику того, что "Происхождение человека" состоит из двух книг, смешанных вместе.) в случае с насекомыми, приобретенными в результате полового отбора. Я всегда видел, что доказательства были очень слабыми; но я все же думаю, что если допустить, что музыкальные инструменты насекомых были приобретены путем полового отбора, то нет ни малейшей вероятности в том, что таким образом была приобретена окраска. Я согласен с вашим аргументом относительно оголения человечества, а также насекомых, что вкусовые качества представителей одного пола должны оставаться почти одинаковыми на протяжении многих поколений, чтобы половой отбор производил какой-либо эффект; и я думаю, что этот аргумент был бы здравым, если бы им воспользовался тот, кто отрицает, что, например, перья райских птиц были приобретены таким образом. Я полагаю, вы признаете это, и если это так, то я не вижу, как ваш аргумент применим в других случаях. За некоторое короткое время я осознал, что допустил большое упущение, не обсудив, насколько мог, приобретение вкуса, его наследственную природу и его постоянство в довольно жестких пределах в течение длительных периодов времени.

[Что касается успеха "Происхождения человека", я цитирую из письма профессору Рэю Ланкестеру (22 марта 1871 г.):

"Я думаю, вам будет приятно услышать в качестве доказательства растущей либеральности Англии, что моя книга прекрасно разошлась... и пока никаких оскорблений (хотя некоторые, без сомнения, придут, достаточно сильные), а только презрение даже в бедном старом "Атенеуме".

Что касается поразивших его рецензий, он написал мистеру Уоллесу (24 марта 1871 г.):

"В "Пэлл Мэлл" есть очень яркая вторая статья о моей книге. Статьи в "Зрителе" ("Spectator", 11 и 18 марта 1871 г. Что касается эволюции совести, то рецензент считает, что мой отец подошел гораздо ближе к "ядру психологической проблемы", чем многие из его предшественников. Вторая статья содержит хорошее обсуждение влияния книги на вопрос о замысле и завершается тем, что я нахожу в ней подтверждение теизма, более замечательное, чем в "Естественной теологии" Пейли.) также очень заинтересовали меня".

20 марта он написал мистеру Мюррею:—

"Большое спасибо за "Нонконформиста" [8 марта 1871 г.]. Мне нравится видеть все, что написано, и это приносит реальную пользу. Если вы услышите о рецензентах в малоизвестных газетах, особенно религиозных, таких как "Рекорд", "Гардиан", "Скрижаль", любезно сообщите мне. Замечательно, что обошлось без оскорблений ("Я чувствую полную убежденность, что моя глава о человеке привлечет внимание и вызовет множество оскорблений, и я полагаю, что оскорбление так же хорошо, как похвала за продажу книги". — (из письма мистеру Мюррею, 31 января 1867 г.) пока что, но, полагаю, мне этого не избежать. В целом отзывы были весьма положительными".

Следующий отрывок из письма мистеру Мюррею (13 апреля 1871 г.) относится к рецензии в "Таймс". ("Таймс", 7 и 8 апреля 1871 г.) Рецензия неблагоприятна не только в отношении обсуждаемой книги, но и в отношении Эволюции в целом, как покажет следующая цитата: "Даже если бы было признано весьма вероятным, в чем мы сомневаемся, что создание животных развилось в свои многочисленные и широко отличающиеся разновидности путем простой эволюции, все равно потребовалось бы независимое исследование подавляющей силы и полноты, чтобы оправдать предположение, что человек - всего лишь термин в этом саморазвивающемся ряду".)

"Я понятия не имею, кто написал рецензию в "Таймс". Он ничего не смыслит в науке и кажется мне болтушкой, набитой метафизикой и классикой, так что я не придаю большого значения его негативным суждениям, хотя и предполагаю, что это повредит продаже".

Рецензия на "Происхождение человека", которую мой отец называл "превосходной", появилась в "Субботнем обозрении" (4 и 11 марта 1871 г.). Отрывок из первого уведомления (4 марта) может быть процитирован в качестве иллюстрации широкой основы с точки зрения всеобщего признания, на которой теперь стоит доктрина эволюции: "Он утверждает, что привел самого человека, его происхождение и конституцию в то единство, которое он ранее пытался проследить через все низшие животные формы. Рост общественного мнения за этот промежуток времени, в основном благодаря его собственным промежуточным работам, поставил обсуждение этой проблемы в положение, значительно опережающее то, которое оно занимало пятнадцать лет назад. Вряд ли к проблеме эволюции следует больше относиться как к одному из первых принципов; и мистеру Дарвину не приходится сражаться за то, чтобы впервые услышать о своей центральной гипотезе, подкрепленной целой фалангой имен, полных отличия и обещаний, в обоих полушариях".

Загнутый кончик человеческого уха, открытый мистером Вулнером и описанный в "Происхождении человека", по—видимому, особенно поразил воображение людей; мой отец писал мистеру Вулнеру:

"Кончики ушей стали довольно известными. Один рецензент ("Nature") говорит, что их следовало бы назвать, как я предложил в шутку, *Angulus Woolnerianus*. ("Природа", 6 апреля 1871 г. Предложен термин *Angulus Woolnerii*.) Немец очень гордится тем, что у него хорошо развиты кончики ушей, и, я думаю, пришлет мне фотографию своих ушей".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ БРОУДИ ИННЕСУ. (Преподобный Дж. Броуди Иннес из Милтон-Броуди, бывший викарий Дауна.) Даун, 29 мая [1871].

Мой дорогой Иннес,

Я был очень рад получить ваше приятное письмо, ибо, по правде говоря, я иногда задавался вопросом, не сочтете ли вы меня отверженным после публикации моей последней книги ["Происхождение"]. (В одном из прежних писем моего отца мистеру Иннесу: "Мы часто расходились во мнениях, но вы один из тех редких смертных, от которых можно отличаться и при этом не испытывать ни тени враждебности, и это то, чем я бы очень гордился, если бы кто-нибудь мог сказать это обо мне".) Я нисколько не удивляюсь, что вы не согласны со мной, ибо многие признанные натуралисты так не считают. И все же, когда я вижу, насколько необычным образом изменилось суждение натуралистов с тех пор, как я опубликовал "Происхождение", я убежден, что через десять лет будет такое же единодушие в отношении человека в том, что касается его телесного строения ...

[Следующие письма, адресованные доктору Оглу, касаются хода работы над выражением.]

Даун, 12 марта [1871 г.].

Мой дорогой доктор Огл,

Я получил оба ваших письма, и они сообщают мне все, что я хотел знать, самым ясным образом, как, впрочем, и все ваши письма когда-либо. Сердечно благодарю вас. Я расскажу о деле убийцы ("Выражение эмоций", стр. 294. Арест убийцы, как свидетельствовал доктор Огл в больнице.) в моем эссе о самовыражении, посвященном хобби. Боюсь, что вопрос о евстахиевых трубах, должно быть, стоил вам большого труда; это довольно полное небольшое эссе. Совершенно ясно, что рот открывается от удивления не только для улучшения слуха. И все же, почему глухие люди обычно держат рот открытым? На днях один мужчина здесь подражал своему глухому другу, наклоняя голову вперед и вбок к говорящему, с широко открытым ртом; это было реалистичное изображение глухого человека. Где-то Шекспир сказал: "Задержи дыхание, слушай" или "вслушивайся", я забыл, что именно. Удивление ускоряет дыхание, и мне кажется, что дышать, по крайней мере быстро, гораздо спокойнее через открытый рот, чем через нос. Я видел на днях, что вы сомневались в этом. Поскольку возражения в настоящее время относятся к вашей компетенции, я думаю, что дыхание через нос также должно входить в ее рамки, поэтому, пожалуйста, обдумайте этот момент и позвольте мне услышать ваше суждение. Представьте, что нос - это цветок, который нужно оплодотворить, и тогда вы все поймете. (Доктор Огл переписывался с моим отцом о его собственных наблюдениях за оплодотворением цветов.) Мне пришлось сослаться на вашу статью об "Обонянии" (Медико-хирургический. Перевод. liii.); правильно ли указано расположение страниц, а именно: 1, 2, 3? Если нет, то я протестую всеми богами против плана, которому следуют некоторые, по ложному размещению копий презентаций; то же самое делает и Роллстон, как он написал мне на днях. В спешке.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ОГЛУ. Дауну, 25 марта [1871].

Мой дорогой доктор Огл,

Вы сочтете меня ужасным занудой, но я прошу вас, В СВЯЗИ С НОВОЙ ТОЧКОЙ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ, представить как можно лучше, что вы внезапно натываетесь на какой-то ужасный предмет, и слегка вздрогнуть, СОДРОГНУВШИСЬ От УЖАСА; пожалуйста, сделайте это раз или два и понаблюдайте за собой как можно лучше, а ЗАТЕМ прочтите остальную часть этой заметки, которую я, следовательно, закрепил. К своему удивлению, я обнаруживаю, что всякий раз, когда я действую таким образом, моя платизма сокращается. А ваш? (Примечание.Б. — Посмотрите, что человек может сделать для науки; Я начал эту заметку с ужасной лжи, а именно с того, что хочу, чтобы вы обратили внимание на новый момент. (Этот вопрос, несомненно, был описан как новый, чтобы избежать возможности привлечения внимания доктора Огла к платизме, мышце, которая была предметом обсуждения в других письмах.)) Я попытаюсь заставить действовать таким образом некоторых людей, которым настолько повезло, что они даже не знают, что у них есть эта мышца, столь неприятная для любого, кто разбирается в самовыражении. Похожа ли дрожь на окоченение или озноб перед лихорадкой? Если да, то, возможно, в таких случаях можно наблюдать платизму. Пейджет сказал мне, что он много обращал внимания на дрожь и писал на эту тему в MS.ms. и был сильно озадачен этим. Он упомянул, что прохождение катетера часто вызывает дрожь. Возможно, я напишу ему о платизме. Он всегда очень добр, помогая мне во всем, но он так перегружен работой, что меня мучает совесть беспокоить его, потому что у меня есть совесть, хотя у вас и мало оснований так думать. Помогите мне, если можешь, и прости меня. Твое дело об убийце предстало великолепно, как вершина протрации от страха.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДОКТОРУ ОГЛУ. Дауну, 29 апреля [1871].

Мой дорогой доктор Огл,

Я искренне признателен вам за все те огромные хлопоты, которые вы так любезно взяли на себя. Я уверен, что у вас нет причин говорить, что вы сожалеете о том, что не можете дать мне никакой определенной информации, поскольку вы дали мне гораздо больше, чем я когда-либо ожидал получить. Действие платизмы для меня не очень важно, но я верю, что вы полностью поймете (ибо мне всегда казалось, что наши умы очень похожи) то невыносимое желание, которое у меня было, не быть совершенно сбитым с толку. Теперь я знаю, что иногда она сжимается от страха и содрогания, но, по-видимому, не от длительного состояния страха, подобного тому, от которого страдают душевнобольные...

[Книга м-ра Майварта "Генезис видов" — вклад в литературу по эволюции, который привлек большое внимание, — была опубликована в 1871 году, еще до появления "Происхождения человека". К этой книге относится следующее письмо (21 июня 1871 г.) покойного Чонси Райта моему отцу. (Чонси Райт родился в Нортгемптоне, штат Массачусетс, 20 сентября 1830 года и происходил из семьи, поселившейся в этом городе с 1654 года. В 1852 году он стал компьютером в офисе "Морского альманаха" в Кембридже, штат Массачусетс, и жил тихой, не богатой событиями жизнью, поддерживаемой небольшой стипендией его офиса и тем, что он зарабатывал на своих случайных статьях, а также небольшим преподаванием. Он много думал и читал на метафизические темы, но в целом результат (для всего мира) был несоизмерим с силой

его разума. Похоже, он был человеком с ярко выраженной индивидуальностью и произвел неизгладимое впечатление на своих друзей. Он умер в сентябре 1875 года.))]:

"Я посылаю... исправленные корректуры статьи, которая будет опубликована в июльском номере "Североамериканского обозрения", посылаю ее в надежде, что она заинтересует вас или даже будет иметь большую ценность для вас. Книга м-ра Майварта ["Генезис видов"], обзором которой по существу является эта статья, представляется мне очень хорошим фоном для изложения соображений, которые я попытался изложить в статье в защиту и иллюстрацию теории естественного отбора. Моей особой целью было внести свой вклад в теорию, установив ее надлежащую связь с философскими исследованиями в целом". ("Письма Чонси Райта", Дж.Б. Тайера. Напечатано частным образом, 1878, стр. 230.)

Что касается доказательств, полученных от мистера Райта, мой отец написал мистеру Уоллесу:]

Даун, 9 июля [1871 г.].

Мой дорогой Уоллес,

Этим постом я отправляю отзыв Чонси Райт, так как мне очень хочется узнать ваше мнение о нем, как только вы сможете его отправить. Я считаю вас несравненно лучшим критиком, чем я. Статья, хотя и написана не очень ясно и местами бедна из-за недостатка знаний, кажется мне замечательной. Книга Майварта оказывает огромное влияние на Естественный Отбор, и в особенности на меня. Поэтому, если вы считаете статью хоть в чем-то хорошей, я напишу и получу разрешение опубликовать ее в виде брошюры за шиллинг вместе с дополнениями МИСС (прилагается), для которых не нашлось места в конце рецензии...

Сейчас я работаю над новым и дешевым изданием "Происхождения" и отвечу на несколько вопросов в книге Майварта и представлю новую главу для этой цели; но я рассматриваю предмет гораздо более конкретно и, осмелюсь сказать, менее философски, чем Райт, так что мы не будем мешать друг другу. Вы сочтете меня фанатиком, если я скажу, что после изучения Майварта я никогда прежде в своей жизни не был так убежден в ОБЩЕЙ (то есть не в деталях) истинности взглядов, изложенных в "Происхождении". Мне грустно видеть пропуск слов Майвартом, обнаруженный Райтом. ("Североамериканское обозрение", том 113, страницы 83, 84. Чонси Райт указывает, что пропущенные слова "важны для того пункта, по которому он [мистер Майварт] ссылается на авторитет мистера Дарвина". Следует отметить, что отрывок, в котором слова опущены, не заключен в кавычки мистером Майвартом.) Я пожаловался Майварту, что в двух случаях он цитирует только начало предложений, написанных мной, и таким образом изменяет мой смысл; но я никогда не предполагал, что он опустит бы слова. Есть и другие случаи того, что я считаю несправедливым обращением. Я с сожалением заключаю, что, хотя он хочет быть благородным, он настолько фанатичен, что не может действовать честно ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ЧОНСИ РАЙТУ. Даун, 14 июля 1871 года.

Мой дорогой сэр,

Вряд ли когда-либо в своей жизни я читал статью, которая доставила бы мне столько удовлетворения, как рецензия, которую вы были так любезны прислать мне. Я согласен почти со всем, что вы говорите. Ваша память, должно быть, удивительно точна, потому что вы знаете мои работы так же хорошо, как я сам, и ваша способность улавливать мысли других людей - нечто совершенно удивительное; и это, насколько позволяет мой опыт, очень редкое качество. Продолжая читать, я понял, как вы приобрели эту силу, а именно. тщательно анализируя каждое слово.

... Теперь я хочу попросить вас об одолжении. Не дадите ли вы мне временное разрешение перепечатать вашу статью в виде брошюры за шиллинг? Я спрашиваю только предварительно, поскольку у меня еще не было времени поразмыслить на эту тему. Полагаю, вместе с рекламой это обошлось бы мне в 20-30 фунтов; но хуже всего то, что, как я слышал, брошюры никогда не будут продаваться. И это вызывает у меня сомнения. Не сочтете ли вы за труд прислать мне название ДЛЯ "ШАНСА"? Думаю, в названии должно быть имя мистера Майварта.

... Если вы дадите разрешение и пришлете название, вы любезно поймете, что сначала я наведу дополнительные справки, есть ли какой-либо шанс, что брошюру прочтут.

Прошу вас, поверьте, я вам искренне признателен, Ч. ДАРВИН.

[Брошюра была опубликована осенью, и 23 октября мой отец написал мистеру Райту:

"Мне очень приятно, что вы удовлетворены появлением вашей брошюры. Я уверен, что это сослужит нашему делу хорошую службу; и то же самое мнение Хаксли высказал мне. ("Письма Чонси Райта", стр. 235.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 12 июля [1871].

... Я очень сомневаюсь, насколько мне удастся ответить Майварту, так трудно ответить на возражения по сомнительным пунктам и сделать обсуждение читабельным. Я сделаю только подборку. Хуже всего то, что я не смогу просмотреть все свои ссылки в поисках отдельных моментов, это заняло бы у меня три недели невыносимо тяжелой работы. Хотел бы я обладать вашей способностью аргументировать ясно. В настоящее время меня от всего тошнит, и если бы я мог занять свое время и забыть о своих ежедневных неудобствах, или, скорее, страданиях, я бы никогда больше не опубликовал ни слова. Но я, осмелюсь сказать, скоро приободрюсь, так как только что оправился от тяжелого приступа. Прощайте; Бог знает, зачем я беспокою вас о себе. Я не могу сказать о недостающих звеньях ничего больше, чем то, что я уже сказал. Я бы во многом полагался на досилюрийские времена; но затем появляется сэр У. Томсон, как отвратительный призрак. Прощай.

... В "Quarterly" (июль 1871 г.) есть очень резкий отзыв обо мне; я прочел всего несколько страниц. Мастерство и стиль заставляют меня думать о Майварте. Скоро на меня будут смотреть как на самого презренного из людей. Этот "Ежеквартальный обзор" соблазняет меня переиздать Ч. Райта, даже если его никто не читал, просто чтобы показать, что кто-то скажет слово против Майварта, и что его (то есть Майварта) замечания не следует воспринимать без некоторого размышления... Бог знает, хватит ли моих сил и духа, чтобы написать главу против Майварта и других; я так ненавижу споры и чувствую, что сделаю это так плохо.

[Вышеупомянутый "Ежеквартальный" обзор был предметом статьи г-на Хаксли в ноябрьском номере "Contemporary Review". Здесь также обсуждаются "Вклад г-на Уоллеса в теорию естественного отбора" и второе издание "Генезиса видов" г-на Майварта.' То, что следует далее, взято из статьи мистера Хаксли. Обозреватель "Quarterly", хотя и является в некоторой степени эволюционистом, считает, что Человек "больше отличается от слона или гориллы, чем они от земной пыли, по которой ступают". Рецензент также заявляет, что мой отец "с ненужной оппозицией свел на нет первые принципы как философии, так и религии". Г-н Хаксли переходит от дальнейшего утверждения рецензента "Quarterly" о том, что между эволюцией и религией нет необходимой оппозиции, к более определенной позиции, занятой г-ном Майвартом, о том, что ортодоксальные власти Римско-католической церкви согласны с четким утверждением о производном творении, так что "их учения согласуются со всем, что может потребоваться современной науке". Здесь мистер Хаксли почувствовал нехватку того "изучения христианской философии" (во всяком случае, в ее иезуитском облачении), о котором говорит мистер Майварт, и он сразу же принялся за работу, чтобы восполнить эту нехватку. В то время он жил в Сент—Эндрюсе, откуда написал моему отцу:

"По великой удаче, здесь есть отличная библиотека с хорошим экземпляром книги Суареса (ученого иезуита, на которого мистер Майварт в основном полагается.) в дюжине больших фолиантов. Среди них я нырнул, к великому изумлению библиотекаря, и, заглядывая в них, "как осторожная малиновка вглядывается в тяжкий труд исследователя" (вид "Идиллий"), я вынес два почтенных тома в переплетах, которые были наиболее многообещающими ". Даже те, кто знает непревзойденную способность мистера Хаксли вырывать душу из книги, должны восхищаться мастерством, с которым он заставил Суареса выступить на его стороне. "Итак, я выступил, - писал он, - в новом образе защитника католической ортодоксии и опрокинул Майварта устами его собственного пророка".

Остальная часть критики мистера Хаксли в основном посвящена анализу психологии рецензента "Ежеквартального журнала" и его этических взглядов. Он также рассматривает возражения мистера Уоллеса против доктрины эволюции в результате естественных причин применительно к умственным способностям человека. Наконец, он посвящает пару страниц оправданию своего описания рецензентом "Ежеквартального журнала" "обращения с мистером Дарвином как одинаково несправедливого и неподобающего".

Будет видно, что два следующих письма были написаны до публикации статьи мистера Хаксли.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 21 сентября [1871].

Мой дорогой Хаксли,

Ваше письмо порадовало меня во многих отношениях, до удивительной степени... Какой вы замечательный человек, раз беретесь за эти старые книги по метафизико-богословию. Меня весьма радует, что вы собираетесь в какой-то степени ответить Майварту и напасть на него. Его книга, как вы говорите, произвела большой эффект; вчера я почувствовал отклик от нее даже в Италии. Именно это заставило меня попросить Чонси Райта опубликовать за мой счет его статью, которая кажется мне очень умной, хотя и плохо написанной. У него недостаточно знаний, чтобы подробно разобраться с Майвартом. Я думаю, не может быть и тени сомнения в

том, что он является автором статьи в "Ежеквартальном обзоре"... Я готовлю новое издание "Происхождения" и представлю новую главу в ответ на различные возражения и откажусь от большей части, чтобы ответить на трудные случаи Майварта, связанные с бесполезностью зарождающихся структур: и я нахожу, что это можно сделать легко. Он никогда не излагает свою позицию честно и допускает замечательные ошибки... Сейчас маятник качается в нашу сторону, но я уверен, что вскоре он качнется в другую сторону; и ни один смертный не сделает и в половину так много, как вы, чтобы направить его в правильном направлении, как вы это сделали в самом начале. Да простит меня Бог за то, что я написал такое длинное и эгоистичное письмо; но это ваша вина, потому что вы так восхитили меня; я никогда не думал, что у вас найдется время сказать хоть слово в защиту дела, которое вы так часто отстаивали. Это будет долгая битва после того, как мы умрем... Велика сила искажения фактов...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 30 сентября [1871].

Мой дорогой Хаксли,

С вашей стороны было очень любезно прислать корректурные листы, поскольку мне не терпелось прочитать вашу статью. Я был в восторге от нее. Как вы разрушаете теологию Майварта: это почти равносильно вашей статье против Конта ("Двухнедельное обозрение", 1869. Что касается отношения позитивизма к науке, то мой отец писал мистеру Спенсеру в 1875 году: "Как любопытно и забавно видеть, до какой степени позитивисты ненавидят всех людей науки; я полагаю, они смутно осознают, какие смехотворные и гигантские ошибки допустил их пророк, предсказывая ход науки".), — это никогда не может быть преодолено... Но я был чрезвычайно рад прочитать вашу дискуссию о метафизике [the Quarterly' reviewer's], особенно о разуме и его определении этого понятия. Я был уверен, что он ошибается, но, полагаясь только на здравый смысл и наблюдение, я не знал, что сказать во втором издании моего "Происхождения". Теперь сноска и ссылка на вас сделают всю работу... Для меня это одна из самых ВАЖНЫХ частей обзора. Но что касается УДОВОЛЬСТВИЯ, я был особенно рад, что мои несколько слов ("Происхождение человека", том i. стр. 87. Дискуссия по вопросу о том, можно ли назвать моральным поступок, совершенный импульсивно или инстинктивно.) о различии, если это можно так назвать, между двумя формами морали Майварта, привлекла ваше внимание. Я так рад, что вы придерживаетесь той же точки зрения и приводите доводы в ее пользу; но я напрасно искал Милля по этому вопросу. Как хорошо вы аргументируете все дело. Я приближаюсь к кульминации за кульминацией; ибо, в конце концов, я думаю, что во всем вашем обзоре нет ничего лучше, чем ваши аргументы против Уоллеса об интеллекте дикарей. Я должен рассказать вам, что сказал мне Хукер несколько лет назад. "Когда я читаю Хаксли, я чувствую себя довольно инфантильным интеллектуалом". Клянусь Юпитером, я почувствовал истинность этого на протяжении всей вашей рецензии. Что вы за человек. В ней множество великолепных отрывков и ярких вспышек остроумия. Я был гораздо больше, чем просто доволен заключительной частью вашего обзора; и тем более, как я признаюсь, я был оскорблен обвинением в фанатизме, высокомерии и т.д. В "Ежеквартальном обзоре". Но я уверяю вас, он может написать самое худшее, и он никогда больше не унижит меня.

Мой дорогой Хаксли, с благодарностью к тебе, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Хэриден, Олбери, 2 августа [1871].

Мой дорогой сэр,

Ваше последнее письмо меня очень заинтересовало; оно удивительно богато фактами и оригинальными мыслями. Во-первых, позвольте мне сказать, что я был очень доволен тем, что вы сказали о моей книге. Она имела **ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ** продажи; но меня за нее сильно ругали, особенно за главу о нравственном чувстве; и большинство моих рецензентов считают книгу плохим произведением. Бог знает, в чем на самом деле могут заключаться его достоинства; все, что я знаю, это то, что я сделал все, что мог. Я думаю, что натуралисты, зная это, примут половой отбор в большей степени, чем они, кажется, склонны делать сейчас. Мне бы очень хотелось опубликовать ваше письмо, но я не вижу, как его можно было бы сделать понятным без многочисленных цветных иллюстраций, но я проконсультируюсь по этому поводу с мистером Уоллесом. Я искренне надеюсь, что вы ведете записи всех своих писем и что когда-нибудь вы опубликуете книгу "Записки натуралиста из Южной Бразилии" или что-нибудь в этом роде. Уоллес вряд ли допустит возможность полового отбора у чешуекрылых, и, без сомнения, это очень маловероятно. Поэтому я очень рад услышать о ваших случаях (которые я процитирую в следующем издании) двух групп *Hesperiadae*, у которых крылья расположены по-разному, в зависимости от цвета поверхности. Я не могу поверить, что такое проявление случайности и бесцельности...

Ни один факт из вашего письма не заинтересовал меня больше, чем факт о мимикрии. Это неоспоримый факт о том, что самцы преследуют не тех самок. Вы самым ярким и убедительным образом имитируете трудность первых шагов. Ваша идея о том, что половой отбор способствует защитному подражанию, меня очень интересует, поскольку та же идея приходила мне в голову в совершенно других случаях, а именно. тупость всех животных на Галапагосских островах, в Патагонии и т. Д., И в некоторых других случаях; но я боялся даже намекнуть на такую идею. Не возражаете ли вы, если я приведу примерно такое предложение следующим образом: "Ф. Мюллер подозревает, что половой отбор, возможно, вступил в игру в помощь защитному подражанию очень своеобразным образом, который покажется крайне невероятным тем, кто не до конца верит в половой отбор. Дело в том, что понимание определенного цветаразвито у тех видов, которые часто видят другие виды, украшенные таким образом ". Еще раз позвольте мне сердечно поблагодарить вас за ваше интереснейшее письмо...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Э.Б. ТАЙЛОРУ. Внизу, [24 сентября 1871 г.].

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, что вы позволите мне иметь удовольствие рассказать вам, как сильно меня заинтересовала ваша "Примитивная культура" теперь, когда я закончил ее. Мне кажется, это очень глубокая работа, которая, несомненно, будет иметь постоянную ценность и на которую будут ссылаться еще долгие годы. Удивительно, как вы прослеживаете анимизм от низших рас до религиозных верований высших рас. Это заставит меня в будущем взглянуть на религию — веру в душу и т.д. — с новой точки зрения. Как любопытны также пережитки или рудименты

старых обычаев... Возможно, вы будете удивлены, что я пишу так поздно, но мне читали эту книгу вслух, и из-за сильного ухудшения здоровья в последнее время я мог выносить лишь случайные короткие чтения. Это предприятие, должно быть, стоило вам гигантского труда. Тем не менее, я искренне надеюсь, что вы сможете относиться к морали так же расширенно, но осторожно, как к анимизму. Судя по предыдущей главе, вы подумали об этом. Ни один человек не смог бы выполнить эту работу так хорошо, как вы, и тема, несомненно, самая важная и интересная. Теперь у вас должны быть ссылки, которые помогли бы вам правильно оценить мораль дикарей; и насколько такие писатели, как Уоллес, Лаббок и т.д., расходятся во мнениях на этот счет. Простите меня за беспокойство, и поверьте мне, с большим уважением,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

1872.

[В начале года шестое издание "Происхождения", начатое в июне 1871 года, было почти завершено. Последний лист был переработан 10 января 1872 года, и книга была опубликована в течение месяца. Этот том отличается от предыдущих внешним видом и размером — он состоит из 458 страниц вместо 596 страниц и на несколько унций легче; он напечатан на плохой бумаге, мелким шрифтом и с неприятно сближенными строками. Однако у нее было одно преимущество перед предыдущими изданиями, а именно то, что она была выпущена по более низкой цене. Следует сожалеть, что это окончательное издание "Происхождения" появилось в столь непривлекательном виде; форме, которая, несомненно, отпугнула многих читателей от книги.

Обсуждение, предложенное в "Генезисе видов", было, пожалуй, самым важным дополнением к книге. Возражение о том, что зарождающиеся структуры не могут быть полезны, было рассмотрено более подробно, поскольку автору показалось, что именно этот момент в книге м-ра Майварта поразил большинство читателей в Англии.

Поразительным доказательством того, насколько широким и всеобщим стало признание его взглядов, является то, что мой отец счел необходимым вставить (шестое издание, стр. 424) предложение: "В качестве свидетельства прежнего положения вещей я сохранил в предыдущих параграфах, а также в других местах, несколько предложений, которые подразумевают, что натуралисты верят в отдельное сотворение каждого вида; и меня сильно порицали за такое выражение. Но, несомненно, таково былообщее мнение, когда появилось первое издание настоящей работы... Теперь все полностью изменилось, и почти каждый натуралист признает великий принцип эволюции".

Небольшое исправление, внесенное в это шестое издание, связано с одной из его второстепенных статей: "Заметка о повадках пампасного дятла". (Зоолог. Соч. 1870.) В пятом издании "Происхождения", на странице 220, он писал:—

"И все же, как я могу утверждать не только по моим собственным наблюдениям, но и по наблюдениям точной Азары, он [наземный дятел] никогда не залезает на дерево". Статья, о которой идет речь, была ответом на замечания мистера Хадсона о дятле в предыдущем номере того же журнала. Последнее предложение статьи моего отца стоит процитировать из-за его умеренного тона: "Наконец, я надеюсь, что мистер Хадсон ошибается, когда говорит, что любой, кто знаком с повадками этой птицы, может поверить, что я "намеренно добился правды", чтобы доказать свою теорию. Он снимает с меня это обвинение; но мне было бы неприятно думать, что найдется много натуралистов, которые без каких-либо доказательств обвинили бы

коллегу по работе в преднамеренной лжи, чтобы доказать свою теорию ". В шестом издании, на странице 142, отрывок гласит: "в некоторых крупных районах он не лазает по деревьям". И далее он приводит заявление мистера Хадсона о том, что в других регионах он действительно часто встречается на деревьях.

Одним из дополнений в шестом издании (стр. 149) была ссылка на теорию "ускорения" мистера А. Хайатта и профессора Коупа. По этому поводу он написал (10 октября 1872 г.) в характерных словах мистеру Хайатту:

"Позвольте мне воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить мое искреннее сожаление по поводу того, что я допустил две серьезные ошибки в последнем издании моего "Происхождения видов", сославшись на ваши взгляды и взгляды профессора Коупа на ускорение и замедление развития. Я думал, что профессор Коуп опередил вас; но теперь я хорошо припоминаю, что когда-то с живым интересом прочитал и отметил где-то в моей библиотеке вашу статью об ископаемых головоногих моллюсках с замечаниями по этому предмету. Похоже также, что я совершенно исказил вашу общую точку зрения. Это меня очень разозлило. Признаюсь, мне никогда не удавалось полностью понять то, что вы хотите показать, и я предполагаю, что это, должно быть, из-за некоторой тупости с моей стороны".

Наконец, можно упомянуть, что это дешевое издание, в некоторой степени задуманное как популярное, было дополнено глоссарием технических терминов, "предоставленным потому, что несколько читателей пожаловались ... что некоторые используемые термины были им непонятны". Глоссарий был составлен г-ном Далласом и, являясь превосходным собранием четких и достаточных определений, должен был оказаться полезным для многих читателей.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Л.А. ДЕ КАТРЕФАЖУ. Записано 15 января 1872 года.

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен вам за ваше очень любезное письмо и усилия в мою пользу. Я думал, что публикация моей последней книги ["Происхождение человека"] уничтожила бы все ваши симпатии ко мне, но, хотя я очень высоко ценил вашу великую щедрость ума, похоже, я недооценил ее.

Я рад слышать, что г-н Лаказ-Дютье проголосует за меня (он не был избран членом-корреспондентом Французской академии до 1878 г.), поскольку я долгое время чтил его имя. Я не могу не сожалеть о том, что вам приходится тратить свое драгоценное время на попытки добиться для меня чести избрания, поскольку я боюсь, судя по прошлому разу, что весь ваш труд будет напрасен. Каким бы ни был результат, я навсегда сохраню самые живые воспоминания о вашем сочувствии и доброте, и это вполне утешит меня в моем отказе.

С большим уважением остаюсь, дорогой сэр,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Что касается большого значения, которое вы придаете человеку, ходящему на двух ногах, в то время как четверорукие ходят на четвереньках, позвольте мне напомнить вам, что никто не придает большого значения большой разнице в способе передвижения и, следовательно, в

строении между тюленями и наземными плотоядными, или между почти двуногими кенгуру и другими сумчатыми.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН АВГУСТУ ВЕЙСМАНУ. (Профессору зоологии во Фрайбурге.) Даун, 5 апреля 1872 г.

Мой дорогой сэр,

Сейчас я прочитал ваше эссе ("Весь мир изолирован от искусства", Лейпциг, 1872) с очень большим интересом. Ваш взгляд на "Происхождение" местных рас через "Амикси" для меня совершенно новый и, кажется, проливает важный свет на неясную проблему. Однако есть что-то странное в периодах или продолжительности изменчивости. Ранее я пытался исследовать этот предмет, обращаясь не к прошлому времени, а к широко распространенным видам одного и того же рода; и я обнаружил, что во многих случаях все виды, возможно, за одним или двумя исключениями, были изменчивыми. Для конхолога было бы очень интересным исследовать, а именно, изменялись ли виды одного и того же рода на протяжении многих последовательных геологических формаций. Я начал наводить справки по этому поводу, но потерпел неудачу в этом, как и во многих других вещах, из-за нехватки времени и сил. В своих замечаниях о скрещивании вы, как мне кажется, недостаточно подчеркиваете возросшую силу потомства, полученного от родителей, подвергшихся воздействию различных условий. В течение последних пяти лет я проводил эксперименты на эту тему с растениями и был поражен результатами, которые еще не были опубликованы.

В первой части вашего эссе я подумал, что вы потратили впустую (используя английское выражение) слишком много пороха и пуль на М. Вагнера (проф. Вагнер написал два эссе на одну и ту же тему. "Теория Дарвина и миграционные процессы", 1868 г., и "Всеобщий обзор географической изоляции и т. Д.", Обращение к Баварской академии наук в Мюнхене, 1870 г.); но я изменил свое мнение, когда увидел, как превосходно вы отнеслись ко всему делу и как хорошо использовали факты о *Planorbis*. Жаль, что я не изучил этот последний случай более тщательно. Способ, которым, как вы показываете, различные разновидности смешиваются друг с другом и образуют постоянное целое, прекрасно согласуется с моими гипотетическими иллюстрациями.

Много лет назад покойный Э. Форбс описал три близко расположенных слоя во вторичной формации, в каждом из которых представлены репрезентативные формы одних и тех же пресноводных раковин: случай, очевидно, аналогичен случаю Хилгендорфа ("*Ueber Planorbis multiformis im Steinheimer Susswasser-kalk*". Monatsbericht Берлинской академии, 1866.). Но интересные соединительные разновидности или звенья здесь отсутствовали. Я рад думать, что ранее я сказал так решительно, как только мог, что ни изоляция, ни время сами по себе ничего не делают для модификации видов. Вряд ли что-либо в вашем эссе так понравилось мне лично, как то, что вы в определенной степени верите в половой отбор. Насколько я могу судить, очень немногие натуралисты верят в это. Возможно, я ошибся во многих пунктах и слишком далеко распространил учение, но я глубоко убежден, что впоследствии половой отбор будет признан могущественным фактором. Я не могу согласиться с тем, что вы говорите о том, что вкус к красоте у животных нелегко изменить. Можно заподозрить, что даже привычка рассматривать окружающие предметы разного цвета влияет на их вкус, и Фриц Мюллер даже заходит так

далеко, что полагает, что вид ярких бабочек может влиять на вкус различных видов. В вашем эссе есть много замечаний и утверждений, которые меня очень заинтересовали, и я благодарю вас за удовольствие, которое я получил от его прочтения.

С искренним уважением остаюсь, Мой дорогой сэр, искренне вашим, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Если вас когда—нибудь побудят рассмотреть всю доктрину полового отбора, я думаю, вы придете к выводу, что признаки, приобретенные таким образом одним полом, очень часто передаются в большей или меньшей степени другому полу.

[Что касается первого эссе Морица Вагнера, мой отец написал этому натуралисту, по-видимому, в 1868 году:]

Дорогой и уважаемый сэр,

Я искренне благодарю вас за то, что вы прислали мне свой "Migrationsgesetz и др.", а также за очень доброе и почтительное замечание, которое вы обратили на мои работы. То, что натуралист, побывавший в столь многих и столь отдаленных регионах и изучавший животных стольких классов, в значительной степени согласен со мной, является, могу вас заверить, высшим удовлетворением, на которое я способен... Хотя я видел последствия изоляции в случае островов и горных цепей и знал о нескольких примерах рек, все же большая часть ваших фактов была мне совершенно неизвестна. Теперь я вижу, что из-за недостатка знаний я недостаточно использовал взгляды, которые вы отстаиваете; и я почти хотел бы верить в их важность в той же степени, что и вы; ибо вы хорошо показываете способом, который мне никогда не приходил в голову, что это устраняет многие трудности и возражения. Но я все же должен верить, что на многих обширных территориях все особи одного и того же вида медленно модифицировались, таким же образом, например, как улучшалась английская скаковая лошадь, то есть путем непрерывного отбора наиболее быстрых особей без какого-либо разделения. Но я признаю, что с помощью этого процесса два или более новых вида вряд ли могли быть обнаружены в пределах одной и той же ограниченной территории; некоторая степень разделения, если не необходимая, была бы весьма выгодна; и здесь ваши факты и взгляды будут иметь большую ценность ...

[Следующее письмо посвящено тому же предмету. Это относится к эссе профессора М. Вагнера, опубликованному в "Das Ausland" 31 мая 1875 года:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МОРИЦУ ВАГНЕРУ. Записано 13 октября 1876 года.

Уважаемый сэр,

Теперь я закончил читать ваши эссе, которые заинтересовали меня в очень высокой степени, несмотря на то, что я сильно отличаюсь от вас по различным пунктам. Например, несколько соображений заставляют меня усомниться в том, что виды гораздо более изменчивы в один период, чем в другой, за исключением изменяющихся условий. Однако я хотел бы верить в эту доктрину, поскольку она устраняет многие трудности. Но мое самое сильное возражение против вашей теории состоит в том, что она не объясняет многообразных приспособлений в структуре каждого органического существа — например, у пикуса для лазания по деревьям и ловли

насекомых - или у стрикса для ловли животных ночью, и так далее до бесконечности. Ни одна теория меня ни в малейшей степени не удовлетворяет, если она четко не объясняет такую адаптацию. Я думаю, что вы неправильно понимаете мои взгляды на изоляцию. Я полагаю, что все особи вида могут медленно изменяться в пределах одной и той же местности почти таким же образом, как это делает человек, посредством того, что я назвал процессом бессознательного отбора... Я не верю, что один вид даст начало двум или более новым видам, пока они смешиваются вместе в пределах одного района. Тем не менее я не сомневаюсь, что многие новые виды были выведены одновременно в пределах одной и той же обширной континентальной области; и в моем "Происхождении видов" я попытался объяснить, как могли развиваться два новых вида, хотя они встречались и смешивались на ГРАНИЦАХ своего ареала. Было бы странно, если бы я упустил из виду важность изоляции, учитывая, что именно такие случаи, как на Галапагосском архипелаге, в основном побудили меня к изучению происхождения видов. На мой взгляд, величайшей ошибкой, которую я совершил, было то, что я не придал достаточного значения прямому действию окружающей среды, то есть пищи, климату и т.д., независимо от естественного отбора. Вызванные таким образом модификации, которые не приносят ни пользы, ни вреда измененному организму, были бы особенно благоприятны, как я теперь могу видеть, главным образом, по вашим наблюдениям, при изоляции на небольшой территории, где лишь несколько особей жили в почти одинаковых условиях.

Когда я писал "Происхождение" и в течение нескольких лет после этого, я не мог найти убедительных доказательств прямого действия окружающей среды; сейчас имеется большое количество доказательств, и ваш случай с Сатурнией - один из самых замечательных, о которых я слышал. Хотя мы так сильно отличаемся друг от друга, я надеюсь, что вы позволите мне выразить свое уважение к вашим продолжительным и успешным трудам на благо естествознания.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Два следующих письма также представляют интерес как имеющие отношение к взглядам моего отца на действие изоляции в отношении происхождения новых видов:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. СЕМПЕРУ. Даун, 26 ноября 1878 г.

Мой дорогой профессор Семпер,

Когда я опубликовал шестое издание "Происхождения", я много думал над предметом, на который вы ссылаетесь, и выраженное в нем мнение было моим осознанным убеждением. Я зашел так далеко, как мог, возможно, даже слишком далеко в согласии с Вагнером; с тех пор я не видел причин менять свое мнение, но должен добавить, что мое внимание было поглощено другими предметами. Как мне кажется, есть два разных класса случаев, а именно. те, в которых вид медленно модифицируется в одной и той же стране (в чем я не сомневаюсь, примеров неисчислимо множество), и те случаи, в которых вид распадается на два, три или более новых вида, и в последнем случае, я думаю, почти полное разделение значительно помогло бы их "спецификации", если использовать новое слово.

Я очень рад, что вы поднимаете эту тему, поскольку вы наверняка прольете на нее много света. Я хорошо помню, как давным-давно много колебался; когда я думал о фауне и флоре Галапагосских островов, я был полностью за изоляцию, когда я думал о Южной Америке, я во многом сомневался. Умоляю, поверь мне,

Искренне ваш,

Ч. ДАРВИН.

P.S.—Я надеюсь, что это письмо не будет совсем неразборчивым, но в настоящее время у меня нет перевода.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. СЕМПЕРУ. Даун, 30 ноября 1878 г.

Дорогой профессор Семпер,

С момента написания я вспомнил некоторые мысли и выводы, которые приходили мне в голову в последние годы. В Северной Америке, при перемещении с севера на юг или с востока на запад, становится ясно, что изменившиеся условия жизни видоизменили организмы в различных регионах, так что теперь они образуют отдельные расы или даже виды. Далее ясно, что в изолированных районах, какими бы маленькими они ни были, жители почти всегда слегка изменяются, и насколько это связано с природой слегка отличающихся условий, которым они подвергаются, и насколько это связано с простым скрещиванием, как объяснил Вейсман, я не могу составить никакого мнения. Такая же трудность возникла у меня (как показано в моей книге "Разновидности животных и растений при одомашнивании") в отношении аборигенных пород крупного рогатого скота, овец и т.д. В отдельных районах Великобритании, да и по всей Европе. По мере развития наших знаний очень незначительные различия, которые систематики считают несущественными в строении, постоянно оказываются функционально важными; и я был особенно поражен этим фактом в случае растений, которыми были ограничены мои наблюдения последних лет. Поэтому мне кажется довольно опрометчивым рассматривать незначительные различия между репрезентативными видами, например, населяющими разные острова одного и того же архипелага, как не имеющие функционального значения и никоим образом не обусловленные естественным отбором. Что касается всех адаптированных структур, а их неисчислимо множество, я не вижу, каким образом точка зрения М. Вагнера проливает какой-либо свет, и, на самом деле, я вообще не вижу яснее, чем раньше, из многочисленных случаев, которые он привел, как и почему получается, что длинная изолированная форма почти всегда должна слегка изменяться. Я не знаю, захотите ли вы услышать мое дальнейшее мнение по рассматриваемому вопросу, поскольку, как уже отмечалось ранее, в последние годы я мало уделял внимания подобным вопросам, считая благоразумным теперь, когда я старею, заняться более легкими темами.

Поверьте мне, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

Я надеюсь, что вы прольете свет на эти моменты.

P.S.— Я добавлю еще одно замечание, которое, как я помню, пришло мне в голову, когда я впервые прочитал М. Вагнера. Когда вид впервые прибывает на маленький остров, он, вероятно,

будет быстро размножаться, и если только все особи не изменятся мгновенно (что в высшей степени маловероятно), медленно, более или менее модифицирующееся потомство должно скрещиваться друг с другом и со своими неизмененными родителями, а также с любым еще не модифицированным потомством. Тогда ситуация будет похожа на ситуацию с домашними животными, которые медленно модифицировались либо под действием внешних условий, либо в результате процесса, который я назвал БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ ОТБОРОМ человека, то есть в отличие от методического отбора.

[Письма продолжают историю 1872 года, которая была прервана отступлением об изоляции.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МАРКИЗУ ДЕ САПОРТА. Даун, 8 апреля 1872 года.

Уважаемый сэр,

Я очень искренне благодарю вас и считаю большой честью тот труд, который вы взяли на себя, поделившись со мной своими размышлениями о происхождении человека. Мне чрезвычайно приятно, что некоторые части моей работы заинтересовали вас и что мы согласны с основным выводом о происхождении человека от какой-то низшей формы.

Я подумаю над тем, что вы сказали, но в настоящее время я не могу отказаться от своей веры в тесную связь Человека с высшими подобиями. Я не очень доверяю какому-либо отдельному признаку, даже зубному ряду; но я больше всего верю в сходство во многих частях всей организации, поскольку не могу поверить, что такое сходство может быть вызвано какой-либо причиной, кроме близкого кровного родства. То, что человек тесно связан с высшими обезьянами, показано классификацией Линнея, который был таким хорошим знатоком родства. Человек, который в Англии лучше всех знает о строении Simiae, а именно м-р Майварт, и который яростно выступает против моих доктрин о происхождении умственных способностей, все же публично признал, что я не ставлю человека слишком близко к высшим Simiae в том, что касается строения тела. Я не думаю, что отсутствие реверсий структуры у человека имеет большое значение; К. Фогт, действительно, утверждает, что [существование] микроцефальных идиотов является случаем реверсии. Никто из тех, кто верит в Эволюцию, не усомнится в том, что фокеи произошли от какого-то наземного хищника. И все же никто не ожидал бы встретить у них подобную реверсию. Меньшее расхождение в характерах человеческих рас по сравнению с видами Simiadae, возможно, объясняется тем, что человек распространился по миру в гораздо более поздний период, чем Simiadae. Я полностью готов признать высокую древность человека; но тогда у нас есть свидетельства в лице дриопитека высокой древности антропоморфных обезьян.

Я рад слышать, что вы работаете над своими ископаемыми растениями, которые в последние годы предоставили такое богатое поле для открытий. С моей наилучшей благодарностью за вашу огромную доброту и с большим уважением я остаюсь,

Уважаемый сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[В апреле 1872 года он был избран членом Королевского общества Голландии и написал профессору Дондерсу:—

"Большое спасибо за ваше письмо. Честь быть избранным иностранным членом вашего Королевского общества доставила мне большое удовольствие. Сочувствие его коллег по работе всегда казалось мне высшей наградой, на которую может рассчитывать любой ученый человек. Мое удовлетворение не на шутку возросло, когда я впервые услышал о оказанной мне чести от вас".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ЧОНСИ РАЙТУ. Даун, 3 июня 1872 года.

Мой дорогой сэр,

Большое спасибо за вашу статью (Корректирующие листы статьи, появившейся в июльском номере "Североамериканского обозрения". Это был ответ на ответ мистера Майварта ("Североамериканское обозрение", апрель 1872 г.) на брошюру мистера Чонси Райта. Чонси Райт говорит об этом ("Письма", стр. 238): "Это, собственно, не ответ, а новая статья, повторяющая и разъясняющая некоторые пункты моей брошюры и, между прочим, отвечающая на некоторые ответы мистера Майварта".) в "Североамериканском обозрении", которую я прочитал с большим интересом. Ничто не может быть яснее того, как вы обсуждаете постоянство или неподвижность видов. Мне никогда не приходило в голову предположить, что кто-то смотрит на дело так, как, по-видимому, смотрит мистер Майварт. Если бы я прочитал его ответ вам, возможно, я бы понял это; но я решил больше не тратить время на чтение обзоров моих работ или на эволюцию, за исключением тех случаев, когда я слышу, что они хороши и содержат новый материал... Совершенно очевидно, что мистер Майварт исчерпал свои возможности по этому вопросу.

Поскольку ваш разум так ясен и поскольку вы так тщательно вдумываетесь в значение слов, я хотел бы, чтобы вы воспользовались каким-нибудь случайным случаем, чтобы подумать, когда о чем-то можно правильно сказать, что это совершается по воле человека. Я пришел к этому желанию, прочитав статью вашего профессора Уитни против Шлейхера. Он утверждает, что, поскольку каждый шаг изменения языка совершается по воле человека, таким образом меняется весь язык; но я не думаю, что это так, поскольку у человека нет намерения или желания менять язык. Это параллельный случай с тем, что я назвал "бессознательным отбором", который зависит от того, что люди сознательно сохраняют лучших особей и, таким образом, бессознательно изменяют породу.

Мой дорогой сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Вскоре после этого (в сентябре) мистер Чонси Райт нанес визит в Даун (мистер и миссис К.Л. Брейс, которые большую часть своей жизни посвятили филантропической деятельности в Нью-Йорке, также посетили Даун этим летом. Некоторые из их работ описаны в книге мистера Брейса "Опасные классы Нью—Йорка", а об этой книге мой отец написал автору:

"С тех пор как вы были здесь, моя жена прочитала мне вслух более половины вашего произведения, и оно в высшей степени заинтересовало нас обоих, и мы прочтем каждое слово из оставшегося. Факты кажутся мне очень хорошо изложенными, а выводы - очень поразительными. Но, в конце концов, это лишь слабая часть впечатления, оставленного в

наших умах прочитанным; ибо мы оба преисполнены искреннего восхищения героическим трудом вас самих и других".), которое он описал в письме ("Письма", стр. 246-248) мисс С. Седжвик (ныне миссис Уильям Дарвин): "Если вы можете представить меня восторженным — абсолютно и безоговорочно, без каких-либо "НО" или критики, тогда подумайте о моих вчерашних вечерних и сегодняшних утренних беседах с мистером Дарвином... Никогда в жизни я не был так взвинчен и не спал много часов под гостеприимной крышей... Было бы совершенно невозможно дать в виде отчета какое-либо представление об этих беседах до, во время и после обеда, за завтраком и при прощании; и все же мне не нравится эгоизм "свидетельствования", подобно другим религиозным энтузиастам, без какой-либо проверки или намека на подобный опыт ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ГЕРБЕРТУ СПЕНСЕРУ. Бассетт, Саутгемптон, 10 июня [1872 г.].

Дорогой Спенсер,

Осмелюсь предположить, вы сочтете меня глупцом, но я не могу удержаться от желания выразить свое безграничное восхищение вашей статьей ("Мистер Мартино об эволюции" Герберта Спенсера, "Современное обозрение", июль 1872 г.) в ответ мистеру Мартино. Это действительно восхитительно, и едва ли не менее восхитительна ваша вторая статья по социологии (которую, однако, я еще не закончил): я никогда не верил в господствующее влияние великих людей на мировой прогресс; но если бы меня спросили, почему я не верю, я был бы крайне озадачен, если бы дал хороший ответ. Каждый, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать (боюсь, их не так уж много), должен преклонить перед вами колени, и я, например, это делаю.

Поверьте мне, искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 12 июля [1872].

Моя дорогая Проститутка,

Я должен выдохнуть и выразить свою радость по поводу того, как газеты подхватили ваше дело. Я видел "Таймс", "Дейли Ньюс" и "Пэлл Мэлл" и слышал, что другие взялись за это дело.

Таким образом, Мемориал принес огромную пользу, каким бы ни был результат действий нашего несчастного правительства. Клянусь моей душой, этого достаточно, чтобы заставить одного превратиться в старого честного тори...

Если вы ответите на это, я буду сожалеть, что облегчил свои чувства письмом.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Мемориал, о котором здесь идет речь, был адресован мистеру Гладстону и подписан рядом выдающихся людей, включая сэра Чарльза Лайелла, мистера Бентама, мистера Хаксли и сэра Джеймса Пейджета. В нем дается полный отчет о произвольном и несправедливом обращении, которому подвергся сэр Дж. Д. Хукер со стороны своего официального начальника, Первого

комиссара по труду. Этот документ полностью опубликован в журнале "Nature" (11 июля 1872 г.), и его стоит изучить как пример того, как официоз может относиться к науке. Как отмечает "Nature", это статья, которая должна быть прочитана с величайшим негодованием учеными во всех частях света и со стыдом всеми англичанами. В заключение подписавшие мемориал протестуют против ожидаемых последствий преследования сэра Джозефа Хукера, а именно его отставки и потери "человека, которого уважали за его честность, любили за его вежливость и доброту сердца; и который провел на государственной службе не только безупречную, но и выдающуюся жизнь".

К счастью, это несчастье было предотвращено, и сэр Джозеф был освобожден от дальнейших приставаний.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 3 августа [1872].

Мой дорогой Уоллес,

Я ненавижу споры, главным образом, возможно, потому, что я делаю это плохо; но поскольку доктор Бри обвиняет вас (мистер Уоллес рецензировал книгу доктора Бри "Изложение ошибок в гипотезе мистера Дарвина" в журнале "Природа", 25 июля 1872 г.) в "грубых ошибках", я счел себя обязанным отправить прилагаемое письмо (Письмо следующее: "Бри о дарвинизме". "Природа", 8 августа 1872 г.). Позвольте мне заявить — хотя это утверждение почти излишне, — что м-р Уоллес в своем обзоре работы доктора Бри с совершенной точностью передает то, что я намеревался выразить, и что, я полагаю, было выражено ясно, в отношении вероятного положения человека на ранней стадии его родословной. Поскольку я не видел недавней работы доктора Бри и поскольку его письмо для меня непонятно, я не могу даже предположить, как он так полностью перепутал мои слова: но, возможно, никто из тех, кто читал статью мистера Уоллеса или кто читал работу, ранее опубликованную доктором Бри по тому же вопросу, что и его недавняя работа, не будет удивлен каким-либо непониманием с его стороны.—Чарльз Дарвин. 3 августа.) в "Природу", то есть если вы этого меньше всего желаете. В этом случае, пожалуйста, опубликуйте это. Если вы этого СОВСЕМ не хотите, я бы предпочел не отправлять его, и в этом случае, пожалуйста, порвите его. И я умоляю вас сделать то же самое, если вы намерены сами ответить доктору Бри, поскольку вы сделаете это несравненно лучше, чем следовало бы мне. Также, пожалуйста, порвите его, если вам не нравится письмо.

Мой дорогой Уоллес, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 28 августа 1872 г.

Мой дорогой Уоллес,

Я наконец-то закончил гигантскую работу по прочтению книги доктора Бастиана ("Начало жизни" Х.К. Бастиана, 1872), и она меня глубоко заинтересовала. Вы хотели услышать мое впечатление, но посылать его не стоит.

Он кажется мне чрезвычайно способным человеком, как, собственно, я и подумал, когда прочитал его первое эссе. Его общий аргумент в пользу архебиоза (то есть Спонтанного зарождения. О различии между архебиозом и гетерогенезисом см. Бастиана, глава vi.) удивительно силен, хотя я не могу прийти в восторг от некоторых его аргументов. В результате я сбит с толку и поражен его утверждениями, но не убежден, хотя в целом мне кажется вероятным, что Архебиоз истинен. Я не убежден, отчасти, я думаю, из-за дедуктивного характера большей части его рассуждений; и я не знаю почему, но я никогда не чувствую убежденности дедукцией, даже в случае с трудами Г. Спенсера. Если бы книгу доктора Бастиана перевернули с ног на голову и он начал с различных случаев гетерогенеза, а затем перешел к органическим, а затем к солевым растворам, а затем привел свои общие аргументы, я полагаю, это оказало бы на меня гораздо большее влияние. Я подозреваю, однако, что моя главная трудность заключается в том, что старые убеждения стереотипизируются в моем мозгу. Мне нужны дополнительные доказательства того, что микробы или мельчайшие фрагменты низших форм всегда погибают при температуре 212 градусов по Фаренгейту. Возможно, простого повторения утверждений, данных доктором Бастианом [другими] людьми, чье мнение я уважаю и которые долго работали с низшими организмами, было бы достаточно, чтобы убедить меня. Вот прекрасное признание в интеллектуальной слабости; но какое необъяснимое состояние ума - это состояние веры!

Что касается самопроизвольного зарождения коловраток и тихоходок, то мой разум не может переварить подобные утверждения, истинные или ложные, как мой желудок не может переварить кусок свинца. Доктор Бастиан всегда сравнивает Архебиоз, а также рост с кристаллизацией; но, с этой точки зрения, коловраток или тихоходок приспособили к своим скромным условиям жизни по счастливой случайности, и я не могу в это поверить... Должно быть, в некоторых случаях он работал с очень загрязненными материалами, поскольку в физиологическом растворе, не содержащем ни атома азота, появлялось множество организмов.

Я полностью не согласен с доктором Бастианом по многим пунктам в его последних главах. Таким образом, частота генерализованных форм в более древних слоях, как мне кажется, ясно указывает на общее происхождение с дивергенцией более поздних форм. Несмотря на все его насмешки, я пока не заявляю о себе в отношении Пангенезиса. Я хотел бы дожить до того, чтобы увидеть, что Архебиозис доказан как истина, ибо это было бы открытием исключительной важности; или, если это ложь, я хотел бы увидеть, как она опровергнута, а факты объяснены иным образом; но я не доживу до того, чтобы увидеть все это. Если это когда-нибудь будет доказано, доктор Бастиан примет видное участие в этой работе. Как велик стремительный рост науки; этого достаточно, чтобы утешить нас в тех многочисленных ошибках, которые мы совершили, и в том, что наши усилия заслоняются и забываются в массе новых фактов и новых взглядов, которые появляются ежедневно.

Это все, что я могу сказать о книге доктора Бастиана, и уж точно не стоило об этом говорить...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А. ДЕ КАНДОЛЛЮ. Даун, 11 декабря 1872 г.

Мой дорогой сэр,

Я начал читать вашу новую книгу ("История наук и ученых", 1873) раньше, чем намеревался, и, однажды начав, уже не мог остановиться; и теперь вы должны позволить мне поблагодарить вас за то огромное удовольствие, которое она мне доставила. Я едва ли когда-либо читал что-либо более оригинальное и интересное, чем ваше изложение причин, способствующих развитию ученых. Все это было для меня совершенно новым и в высшей степени любопытным. Когда я начинал ваше эссе, я боялся, что вы собираетесь атаковать принцип наследования в отношении разума, но вскоре я обнаружил, что полностью доволен тем, что следую за вами и принимаю ваши ограничения. Я, конечно, испытывал особый интерес к последней части вашей работы, но здесь для меня было меньше новизны. Во многих частях вы оказываете мне большую честь и везде более чем справедливы. Авторам обычно нравится слышать, какие моменты больше всего поражают разных читателей, поэтому я упомяну то из ваших коротких эссе, которое о будущем распространении языков и о вакцинации заинтересовало меня больше всего, как, впрочем, и эссе о статистике и свободе воли. Большая склонность к определенным заболеваниям, возможно, к атаксизму, - это совершенно новая идея для меня. На странице 322 вы предлагаете отделить молодую ласточку, а затем выпустить на волю, чтобы испытать силу инстинкта; но природа ежегодно проводит этот эксперимент, поскольку старые кукушки мигрируют в Англию на несколько недель раньше молодых птиц того же года. Кстати, я только что употребил запрещенное слово "природа", которое, прочитав ваше эссе, я почти решил никогда больше не употреблять. В вашей книге есть очень мало замечаний, против которых я возражаю, но когда вы подтверждаете слова Эйса Грея о том, что все инстинкты - это врожденные привычки, я должен протестовать.

Наконец, позвольте мне задать вам вопрос: замечали ли вы сами или кто-либо, кому можно вполне доверять (стр. 322), что бабочки в Альпах более ручные, чем в низинах? Принадлежат ли они к одному виду? Наблюдался ли этот факт более чем у одного вида? Это ярко окрашенные виды? Мне особенно любопытно, что они садятся на яркие детали женских платьев, особенно потому, что меня не раз уверяли, что бабочкам нравятся яркие цвета, например, в Индии - алые листья пуансеттии.

Еще раз позвольте мне поблагодарить вас за то, что прислали мне вашу работу, и за то необыкновенное удовольствие, которое я получил, читая ее.

С большим уважением остаюсь, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Последняя редакция "Выражения эмоций" была закончена 22 августа 1872 года, и он записал в своем дневнике: "Это заняло у меня около двенадцати месяцев". Как обычно, он не верил в возможность общего успеха книги. Следующий отрывок из письма Геккелю создает впечатление, что написание этой книги было для него несколько тяжелым испытанием:

"Я закончил свою маленькую книгу о "Выражении", и когда она будет опубликована в ноябре, я, конечно, пришлю вам экземпляр, на случай, если вы захотите почитать ее для развлечения. Я возобновил кое-какие старые ботанические работы и, возможно, никогда больше не буду пытаться обсуждать теоретические взгляды.

"Я старею и слабею, и ни один мужчина не может сказать, когда его интеллектуальные силы начинают ослабевать. Долгих лет жизни и счастья вам ради вас самих и ради науки".

Он был опубликован осенью. Тираж составил 7000 экземпляров, и из них 5267 экземпляров были проданы на распродаже мистера Мюррея в ноябре. К концу года было напечатано две тысячи экземпляров, и это оказалось неудачей, поскольку впоследствии они продавались не так быстро, и, таким образом, масса заметок, собранных автором, так и не была использована для второго издания при его жизни.

Среди рецензий на "Выражение эмоций" можно упомянуть неблагоприятные заметки в "Атенеуме" от 9 ноября 1872 г. и "Таймс" от 13 декабря 1872 г. Хорошая рецензия мистера Уоллеса появилась в "Ежеквартальном научном журнале" за январь 1873 г. Мистер Уоллес справедливо отмечает, что книга демонстрирует определенные "особенности ума автора в выдающейся степени", а именно "ненасытное стремление обнаружить причины разнообразных и сложных явлений, проявляемых живыми существами". Он добавляет, что в случае с автором "неугомонное любопытство ребенка узнать "зачем?", "почему?" и "как?" всего", кажется, "никогда не ослабевало своей силы".

Писатель в одном из богословских обзоров описывает книгу как самое "мощное и коварное" из всех произведений автора.

Профессор Александр Бэйн раскритиковал книгу в постскрипуме к "Чувствам и интеллекту"; к этому эссе относится следующее письмо:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН АЛЕКСАНДРУ БЕЙНУ. Даун, 9 октября 1873 г.

Мой дорогой сэр,

Я особенно признателен вам за то, что вы прислали мне свое эссе. Все ваши критические замечания написаны во вполне справедливом духе, и действительно, никто из тех, кто знает вас или ваши работы, не ожидал бы чего-то другого. То, что вы говорите о расплывчатости того, что я назвал прямым действием нервной системы, совершенно справедливо. Я чувствовал это именно так в то время, и даже больше в последнее время. Признаюсь, я никогда не был в состоянии полностью понять ваш принцип спонтанности, а также некоторые другие ваши тезисы, чтобы применить их к особым случаям. Но поскольку мы смотрим на все с разных точек зрения, маловероятно, что мы сможем полностью согласиться. (Профессор Бэйн изложил свою теорию спонтанности в упомянутом здесь эссе. Было бы невозможно отдать должное этому в рамках примечания. Следующие цитаты могут дать некоторое представление об этом:—

"Под спонтанностью я понимаю готовность перейти к движению при отсутствии какой бы то ни было стимуляции; существенным условием является то, что нервные центры и мышцы должны быть свежими и энергичными... Жестикуляция и колядки молодых и активных животных - это просто перелив нервной энергии; и хотя они очень склонны сочетаться с приятными эмоциями, у них есть независимый источник... Это не совсем выразительные движения; они вообще ничего не выражают, кроме обильного запаса физической силы".)

Мне было очень приятно то, что вы сказали о выражении плача и о том, что вы краснеете. Вы читали рецензию в позднем "Эдинбурге"? (Рецензия на "Выражение эмоций" появилась в апрельском номере "Эдинбург Ревью" за 1873 год. Вступительное предложение является прекрасным образцом общего тона статьи: "Мистер Дарвин добавил еще один том забавных

историй и гротескных иллюстраций к замечательной серии работ, уже посвященных изложению и защите эволюционной гипотезы". Возможно, стоит привести еще несколько цитат. "Его односторонняя приверженность априорной схеме интерпретации, похоже, неуклонно ослабляет доселе непревзойденные способности автора как наблюдателя. Как бы то ни было, большинство беспристрастных критиков, мы думаем, признают, что наблюдается заметное снижение как философского тона, так и научного интереса к созданным работам с тех пор, как мистер Дарвин посвятил себя грубой метафизической концепции, столь широко ассоциируемой с его именем". Статья направлена против Эволюции в целом, почти в такой же степени, как и против доктрин обсуждаемой книги. Мы находим повсюду в изобилии тот эффективный стиль критики, который заключается в использовании таких выражений, как "догматизм", "нетерпимость", "самонадеянный", "высокомерный". Наряду с обвинениями в таких различных недостатках, "фактический отказ от индуктивного метода" и использование сленга и вульгаризмов.

Та часть статьи, которая, по-видимому, заинтересовала моего отца, - это обсуждение того, как ему следовало бы использовать живопись и скульптуру.) Это было великолепно презрительно по отношению к себе и многим другим.

У меня сохранились очень приятные воспоминания о нашем совместном пребывании в этом восхитительном месте, Мур-парке.

С моей новой благодарностью я остаюсь, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИССИС ХАЛИБЕРТОН. (Миссис Халибертон была дочерью старого друга моего отца, мистера Оуэна из Вудхауса. Ее муж, судья Халибертон, был хорошо известным автором книги "Сэм Слик".) Даун, 1 ноября [1872].

Моя дорогая миссис Халибертон,

Осмелюсь сказать, вы будете удивлены, получив от меня весточку. Моя цель при написании сейчас состоит в том, чтобы сообщить, что я только что опубликовал книгу о "Выражении эмоций у человека и животных"; и мне пришло в голову, что вам, возможно, захочется прочитать некоторые части из нее; и я едва ли могу думать, что это имело бы место с какой-либо из книг, которые я уже опубликовал. Поэтому я отправляю по этой почте свою настоящую книгу. Хотя я так долго не общался ни с вами, ни с другими членами вашей семьи, ни одна сцена за всю мою жизнь не проходит так часто и так ярко перед моим мысленным взором, как те, которые относятся к старым счастливым дням, проведенным в Вудхаусе. Мне бы очень хотелось услышать немного новостей о вас и других членах вашей семьи, если вы возьмете на себя труд написать мне. Раньше я узнавала кое-какие новости о тебе от своих сестер.

У меня много лет было плохое здоровье, и я не мог никуда ездить; а теперь я чувствую себя очень старым. Пока я веду совершенно однообразный образ жизни, я могу ежедневно заниматься естественной историей, которая по-прежнему является моей страстью, как это было в старые добрые времена, когда вы смеялись надо мной за то, что я с таким усердием собирал жуков в Вудхаусе. За исключением моего продолжающегося ухудшения здоровья, которое

исключало меня из общества, моя жизнь была очень счастливой; самым большим недостатком было то, что несколько моих детей унаследовали от меня слабое здоровье. Я от всего сердца надеюсь, что вы сохраните, по крайней мере в значительной степени, знаменитую "конституцию Оуэна". С искренним чувством благодарности и привязанности ко всем, кто носит имя Оуэн, я осмеливаюсь подписаться:

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МИССИС ХАЛИБЕРТОН. Даун, 6 ноября [1872].

Моя дорогая Сара,

Мне было очень приятно ваше письмо, которое я должен назвать очаровательным. Я едва ли осмеливался думать, что вы сохранили бы дружеские воспоминания обо мне на протяжении стольких лет. И все же я должен был быть уверен, что вы останетесь таким же добросердечным и искренним, каким были всегда, насколько я помню. Я хорошо знаю, через сколько тяжких горестей вам пришлось пройти, но мне очень жаль слышать, что ваше здоровье не в порядке. Весной или летом, когда погода улучшится, если вы наберетесь смелости навестить нас здесь, и моя жена, как она желает, чтобы я выразился, и я сам были бы искренне рады видеть вас, и я знаю, что вам было бы не так уж скучно здесь. Мне было бы очень приятно повидаться с вами.— Большое спасибо за рассказ о вашей семье, многое из которого было для меня новым. Как вы все были добры ко мне в детстве, и вы особенно, и каким большим счастьем я обязан вам. Поверьте мне, ваш любящий и обязанный друг,

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S.— Возможно, вы хотели бы увидеть мою фотографию сейчас, когда я состарился.

1873.

[Единственной работой (кроме ботанической) этого года была подготовка второго издания "Происхождения человека", о публикации которого говорится в следующей главе. Эта работа была предпринята во многом вопреки здравому смыслу, поскольку в то время он был глубоко погружен в рукопись "Насекомоядных растений". Так, он написал мистеру Уоллесу (19 ноября): "Никогда в жизни я так не сожалел о перерыве, как об этом новом издании "Спуска"". А позже (в декабре) он написал мистеру Хаксли: "Новое издание "Спуска" оказалось ужасной работой. У меня ушло десять дней только на то, чтобы просмотреть письма и рецензии с критикой и новыми фактами. Это дьявольская работа".

Работа продолжалась до 1 апреля 1874 года, когда он смог вернуться в свою горячо любимую Дрозеру. Он написал мистеру Мюррею:

"После более чем трех месяцев такой напряженной работы, какой у меня никогда в жизни не было, я наконец закончил исправленное издание "Нисхождения" и очень хочу, чтобы оно было напечатано как можно скорее. Поскольку это должно стать стереотипом, я никогда больше к этому не прикаснусь".

Первое из разных писем 1873 года относится к приятному визиту, полученному от полковника Хиггинсона из Ньюпорта, США]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ТЕМ. ВЕНТВОРТ ХИГГИНСОН. Даун, 27 февраля [1873].

Мой дорогой сэр,

Моя жена только что закончила читать вслух вашу "Жизнь в черном полку", и вы должны позволить мне сердечно поблагодарить вас за огромное удовольствие, которое она во многих отношениях нам доставила. Я всегда был хорошего мнения о неграх, судя по тому немногому, что я о них видел; и я был рад, что мои смутные впечатления подтвердились, а их характер и умственные способности так умело обсуждались. Когда вы были здесь, я не знал о благородном положении, которое вы занимали. Раньше я читал о черных полках, но не смог связать ваше имя с вашим замечательным предприятием. Хотя нам очень понравился ваш визит в Даун, мы с женой снова и снова сожалеем о том, что не знали о черном полку, поскольку нам бы очень хотелось услышать немного о Юге из ваших собственных уст.

Ваши описания живо напоминают прогулки, совершенные сорок лет назад в Бразилии. У нас есть ваше собрание эссе, которое было любезно прислано нам мистером [Монкуре] Конвеем, но у нас еще не было времени прочитать их. Время от времени я черпаю кое-какие новости о вас в "Указателе"; и в течение последнего часа читал вашу интересную статью о прогрессе свободной мысли.

Поверьте мне, мой дорогой сэр, с искренним восхищением, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[28 мая он прислал следующие ответы на вопросы, которые г-н Гальтон в то время адресовал различным ученым в ходе исследования, которое приводится в его книге "Английские ученые, их природа и воспитание", 1874. Что касается вопросов, то мой отец написал: "Я заполнил ответы так хорошо, как только мог, но для меня просто невозможно оценить степень их важности". Для удобства вопросы и ответы, относящиеся к "Воспитанию", помещены так, чтобы предшествовать вопросам и ответам о "Природе":

ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ?

Как учили? Я считаю, что все, чему я научился, имеющее хоть какую-то ценность, было самоучкой.

Способствующие или ограничивающие привычки наблюдения? Ограничивающие наблюдения, являющиеся почти полностью классическими.

Способствует здоровью или нет? ДА.

Особые достоинства? Совершенно никаких.

Главные упущения? Ни математики, ни современных языков, ни каких-либо навыков наблюдения или рассуждения.

Религия.

Оказало ли религиозное кредо, которому учили в вашей юности, какое-либо сдерживающее влияние на свободу ваших исследований? Нет.

НАУЧНЫЕ ВКУСЫ.

Ваши научные вкусы, по-видимому, были врожденными? Безусловно, врожденными.

Были ли они обусловлены какими-либо событиями? Мой врожденный вкус к естественной истории был окончательно подтвержден и направлен путешествием на "Бигле".

Природа.

Укажите любые интересы, которые вы очень активно преследовали. Наука и увлеченные спортом в юности.

(С.D. = ЧАРЛЬЗ ДАРВИН, R.D. = РОБЕРТ ДАРВИН, его отец.)

РЕЛИГИЯ?

С.D.—Номинально принадлежит Англиканской церкви. R.D.—Номинально принадлежит Англиканской церкви.

ПОЛИТИКА?

С.D.—Либерал или радикал. R.D.—Либерал.

ЗДОРОВЬЕ?

С.D.—Хороший в молодости—плохой в последние 33 года. R.D.—Хороший на протяжении всей жизни, за исключением подагры.

РОСТ И Т.Д.?

Рост—6 футов. Фигура и т.д.?—Худощавая, в молодости довольно полная. Размер внутренней части шляпы?—22 1/4 дюйма. Цвет волос?—каштановый. Цвет лица?—Довольно желтоватый. Р.Д.—6 футов 2 дюйма. Фигура и т.д.?—Очень полная. Цвет волос? —Каштановый. Цвет лица?—Румяный.

ТЕМПЕРАМЕНТ?

К.Д.—Несколько нервный. Р.Д.—Сангвиник.

ЭНЕРГИЯ ТЕЛА И Т.Д.?

С.D. —Энергия, проявляющаяся в большой активности, и пока у меня было здоровье, способность противостоять усталости. Я и еще один человек были единственными, кто смог принести воды для большой группы офицеров и матросов, совершенно обессиленных. Некоторые из моих экспедиций в Южную Америку были полны приключений. Рано встает по утрам. R.D. — Большая выносливость, хотя ощущается сильная усталость, как после консультаций после долгих поездок; очень активен — не беспокойный — очень рано встает, никаких поездок. Мой отец сказал, что его отец сильно страдал от чувства усталости, что он очень много работал.

ЭНЕРГИЯ РАЗУМА И Т.Д.?

С.Д. — Показана тщательной и длительной работой над тем же предметом, например, 20 годами над "Происхождением видов" и 9 годами над "Усоногими". R.D. - Обычно очень активный ум — проявляется в беседах с чередой людей в течение всего дня.

ПАМЯТЬ?

С.Д. — очень плохая память на даты и на заучивание наизусть; но хорошая в сохранении общих или смутных воспоминаний о многих фактах. R.D. — Прекрасная память на даты. В старости он рассказывал человеку, читая ему вслух книгу, которую читал только в юности, отрывки из которой предстояло прочитать, — знал дни рождения, смерти и т.д. Всех друзей и знакомых.

СТАРАТЕЛЬНОСТЬ?

С.Д.—Очень прилежный, но без обширных знаний. R.D.—Не очень прилежный или ментально восприимчивый, за исключением фактов в разговоре — отличный собиратель анекдотов.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУЖДЕНИЙ?

К.Д. — Я думаю достаточно независимо; но я не могу привести примеров. Я отказался от общепринятой религиозной веры почти независимо от своих собственных размышлений. Р.Д. — Свободомыслящий в вопросах религии. Либерал, с некоторой склонностью к торизму.

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ Или ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ?

С.Д. — — Думает, что это относится ко мне; я так не думаю — то есть в том, что касается эксцентричности. Я полагаю, что проявил оригинальность в науке, поскольку сделал открытия в отношении обычных объектов. Р.Д. — Оригинальный характер, обладал большим личным влиянием и способностью вызывать страх перед самим собой у других. Он вел свои счета с особой тщательностью, особым образом, в нескольких отдельных маленьких книжечках, без какой-либо главной бухгалтерской книги.

ОСОБЫЕ ТАЛАНТЫ?

С.Д. — Нет, за исключением бизнеса, о чем свидетельствует ведение счетов, ответы на корреспонденцию и очень удачное вложение денег. Очень методичен во всех своих привычках. R.D.— Практичный бизнесмен—сколотил большое состояние и не понес убытков.

ЯРКО ВЫРАЖЕННЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА НАУЧНЫЙ УСПЕХ И НЕ УКАЗАННЫЕ ВЫШЕ?

С.Д.—Уравновешенность — большое любопытство к фактам и их значению. Некоторая любовь ко всему новому и удивительному. R.D.—Сильная социальная привязанность и большое сочувствие к удовольствиям других. Скептически относится к новому. Любопытен к фактам. Большая предусмотрительность. Не слишком публичный настрой — большая щедрость в пожертвовании денег и помощи.

Н.Б.: Я считаю совершенно невозможным оценивать мой характер по вашим степеням.

Следующее письмо относится, в частности, к письму, опубликованному в журнале "Nature" (25 сентября 1873 г.), "О самцах и дополняющих их самцах некоторых усоногих моллюсков и о рудиментарных органах"]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Э. НАЕСКЕЛ. Даун, 25 сентября 1873 года.

Мой дорогой Геккель,

Я благодарю вас за подарок вашей книги ("Schöpfungs-geschichte", 4-е издание. Перевод ("История творения") был опубликован только в 1876 году.), и я искренне рад видеть его большой успех. Вы принесете огромную пользу в распространении доктрины эволюции, подкрепляя ее, как вы это делаете, множеством оригинальных наблюдений. Я прочитал новое предисловие с очень большим интересом. Задержка с появлением английского перевода раздражает и удивляет меня, поскольку я никогда не был в состоянии внимательно прочитать его на немецком, и я, несомненно, сделаю это, когда он появится на английском. Вас когда-нибудь ставила в тупик проблема более поздних стадий сокращения бесполезных структур? Эта проблема в последнее время вызывает у меня большое недоумение. Я только что написал письмо в "Nature" с гипотетическим объяснением этой трудности и пришлю вам бумагу с отмеченным отрывком. Одновременно я пришлю статью, которая меня заинтересовала; ее не нужно возвращать. В ней содержится странное утверждение, касающееся так называемого спонтанного зарождения. Я бы очень хотел, чтобы этот последний вопрос был решен, но я не вижу в этом никакой перспективы. Если бы это можно было доказать, это было бы для нас самым важным ...

Желаю вам всяческих успехов в ваших замечательных трудах,

Остаюсь, мой дорогой Геккель, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ГЛАВА 2.VIII. — СБОРНИК

ВКЛЮЧАЯ ВТОРЫЕ ИЗДАНИЯ "КОРАЛЛОВЫХ РИФОВ", "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА" И "РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ".

1874 И 1875 годы.

[1874 год был отведен "Насекомоядным растениям", за исключением месяцев, посвященных второму изданию "Происхождения человека", и с дальнейшим исключением времени, отведенного второму изданию его "Коралловых рифов" (1874). В предисловии к последнему говорится, что были добавлены новые факты, вся книга переработана, а "последние главы почти переписаны". В Приложении приводится некоторый отчет о возражениях профессора Семпера,

и это послужило поводом для переписки между этим натуралистом и моим отцом. In Professor Semper's volume, 'Animal Life' (one of the International Series), the author calls attention to the subject in the following passage which I give in German, the published English translation being, as it seems to me, incorrect: "Es scheint mir als ob er in der zweiten Ausgabe seines allgemein bekannten Werks über Korallenriffe einem Irrthume über meine Beobachtungen zum Opfer gefallen ist, indem er die Angaben, die ich allerdings bisher immer nur sehr kurz gehalten hatte, vollständig falsch wiedergegeben hat."

Корректурные листы, содержащие этот отрывок, были отправлены профессором Семпером моему отцу до публикации "Жизни животных", и это послужило поводом для следующего письма, которое впоследствии было опубликовано в книге профессора Семпера.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. СЕМПЕРУ. Даун, 2 октября 1879 г.

Мой дорогой профессор Семпер,

Я благодарю вас за ваше чрезвычайно любезное письмо от 19-го числа и за корректуры. Я полагаю, что понимаю все, за исключением одного или двух предложений, в которых сказалось мое несовершенное знание немецкого. Это мое единственное и слабое оправдание ошибки, которую я допустил во втором издании моей книги "Кораллы". Ваш рассказ об островах Пелью - прекрасное дополнение к нашим знаниям о коралловых рифах. Мне очень мало что можно сказать по этому вопросу, даже если бы я раньше читал ваш отчет и видел ваши карты, но ничего не знал о доказательствах недавнего поднятия и о вашей вере в то, что острова с тех пор не опустились. Я не сомневаюсь, что мне следовало бы рассматривать их как образовавшиеся во время оседания грунта. Но я был бы сильно обеспокоен тем, что море не такое глубокое, как обычно бывает вокруг атоллов, и тем, что риф с одной стороны так плавно уходит под воду; ибо этот последний факт, насколько мне не изменяет память, является очень необычным и почти беспрецедентным случаем. Я всегда предвидел, что берег на нужной глубине под поверхностью приведет к образованию рифа, который невозможно будет отличить от атолла, образовавшегося во время оседания. Я все еще должен придерживаться своего мнения, что атоллы и барьерные рифы в середине Тихого и Индийского океанов указывают на оседание; но я полностью согласен с вами, что такие случаи, как на островах Пелью, если они вообще происходят часто, делают мои общие выводы очень малоценными. Будущие наблюдатели должны сделать выбор между нами. Было бы странно, если бы не произошло оседания дна великих океанов и если бы это не повлияло на формы коралловых рифов.

На последних трех страницах последнего отправленного листа я чрезвычайно рад видеть, что вы собираетесь рассматривать рассеяние животных. Ваши предварительные замечания кажутся мне превосходными. Там нет ничего о М. Вагнере, как я ожидал найти. Я полагаю, вы видели последнюю книгу Мозли, в которой содержатся некоторые хорошие наблюдения о дисперсии.

Я рад, что ваша книга выйдет на английском, потому что тогда я смогу читать ее с легкостью. Прошу вас, поверьте мне,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Самая последняя критика теории коралловых рифов принадлежит мистеру мюррею, одному из сотрудников "Челленджера", который читал доклад в Королевском обществе Эдинбурга 5 апреля 1880 года. (Аннотация опубликована в томе х "Трудов", стр. 505, и в "Природе", 12 августа 1880 г.) Главный выдвигаемый на первый план тезис - это возможность образования подводных гор, которые могут служить основанием для коралловых рифов. Г-н Мюррей также стремится доказать, что "основные особенности коралловых рифов и островов можно объяснить, не прибегая к помощи значительного и повсеместного оседания". Следующее письмо относится к этой теме:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А. АГАСИСУ. Дауну, 5 мая 1881г.

... Вы наверняка ознакомились со взглядами мистера Мюррея на образование атоллов и барьерных рифов. Прежде чем опубликовать свою книгу, я долго размышлял над той же точкой зрения, но только в том, что касается обычных морских организмов, поскольку в то время мало что было известно о множестве мельчайших океанических организмов. Я отверг эту точку зрения, поскольку из нескольких выемок, произведенных на "Бигле" в южных регионах с умеренным климатом, я пришел к выводу, что раковины, более мелкие кораллы и т.д. Разлагались и растворялись, когда не были защищены отложениями, а отложения не могли накапливаться в открытом океане. Конечно, ракушки и т. д. В нескольких случаях были совершенно гнилыми и крошились в грязь у меня под пальцами; но вы хорошо знаете, распространено ли это в какой-либо степени. Я прямо сказал, что берег на соответствующей глубине дал бы начало атоллу, который невозможно было бы отличить от атолла, образовавшегося во время оседания. Я, однако, с трудом могу поверить в прежнее наличие такого количества отмелей (там не было оседания грунта), сколько существует атоллов в больших океанах на разумной глубине, на которых могли скапливаться мельчайшие океанические организмы толщиной во много сотен футов... Прошу простить меня за то, что я так долго беспокою вас, но мне пришло в голову, что вы, возможно, были бы склонны высказать свое суждение, учитывая ваш богатый опыт. Если я ошибаюсь, то чем скорее меня стукнут по голове и уничтожат, тем лучше. Мне все еще кажется удивительным, что на дне великих океанов не должно было быть большого и продолжительного оседания. Я бы хотел, чтобы какому-нибудь вдвойне богатому миллионеру взбрело в голову производить сверления на некоторых тихоокеанских и индийских атоллах и привозить домой стержни для нарезки с глубины 500 или 600 футов...

[Второе издание "Происхождения человека" вышло в свет осенью 1874 года. Несколько резких замечаний в адрес "монистической гипотезы" появилось в июльском номере "Ежеквартального обозрения" (рецензия обязательно относится к первому изданию "Происхождения человека"). (стр. 45). Рецензент выражает свое удивление по поводу незнания некоторых элементарных различий и принципов (например, в отношении глагола разума), продемонстрированного, среди прочего, г-ном Дарвином, который не проявляет ни малейших признаков того, что понял их, однако ясное восприятие их и прямое и подробное изучение его фактов в отношении них "было непременным условием для попытки, с шансом на успех, разгадки тайны происхождения человека".

Здесь можно сослаться на некоторые дополнительные критические замечания более позднего времени. В "Академии" за 1876 год (страницы 562, 587) появилась рецензия мистера Уоллеса на "Уроки природы" м-ра Майварта. Рассматривая ту часть книги м-ра Майварта, которая касается Естественного и полового отбора, м-р Уоллес говорит: "В своей яростной атаке на теории м-ра Дарвина наш автор использует необычайно сильные выражения. Не довольствуясь простой аргументацией, он выражает "осуждение взглядов м-ра Дарвина"; и утверждает, что, хотя он (м-р Дарвин) был вынужден фактически отказаться от своей теории, дарвинисты по-прежнему поддерживают ее с "беспринципной дерзостью", а фактическое отрицание ее скрывается за "заговором молчания". Далее м-р Уоллес показывает, что эти обвинения беспочвенны, и указывает, что "если и есть что-то, в чем м-р Дарвин выделяется больше, чем в другом, среди современных литераторов и ученых, то это его заслуга". совершенная литературная честность, его самоотречение в признании собственной неправоты и нетерпеливая поспешность, с которой он объявляет и даже преувеличивает мелкие ошибки в своих произведениях, по большей части обнаруженные им самим".

Следующий отрывок из письма г-ну Уоллесу (17 июня) ссылается на заявление г-на Майварта ("Уроки природы", стр. 144) о том, что г-н Дарвин сначала старательно скрывал свои взгляды относительно "скотства человека":

"Я только что услышал о двух ваших статьях в Академии и получил их. Я сердечно благодарю вас за вашу великодушную защиту меня от мистера Майварта. В "Происхождении" я не обсуждал происхождение какого-либо одного вида; но чтобы меня не обвинили в сокрытии моего мнения, я сделал все возможное и вставил предложение, которое, как мне казалось (и до сих пор так кажется), ясно раскрывает мою веру. Это было процитировано в моем "Происхождении человека". Поэтому очень несправедливо ... со стороны мистера Майварта обвинять меня в низком мошенническом сокрытии информации".

Письмо, которое здесь следует, представляет интерес в связи с обсуждением в "Происхождении человека" происхождения музыкального чувства у человека:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Э. ГУРНИ. (Автор книги "Сила звука".) Даун, 8 июля 1876г.

Мой дорогой мистер Гурни,

Я прочитал вашу статью ("Некоторые спорные моменты в музыке". — "Fortnightly Review", июль 1876 г.) с большим интересом, за исключением последней части, которая была выше моего понимания. Мне очень приятно, что вы в определенной степени разделяете мои взгляды. Ваша критика по поводу того, что скрежещущий шум, производимый насекомыми, обязательно ритмичен, очень хороша; но, хотя он и не издается намеренно, он может быть приятен самкам, поскольку нервные клетки почти одинаковы по функциям во всем животном мире. Что касается вашего письма, я полагаю, что понимаю, что вы имеете в виду, и согласен с вами. Я никогда не предполагал, что разная степень и виды удовольствия, получаемого от разной музыки, могут быть объяснены музыкальными способностями наших получеловеческих прародителей. Разве тот факт, что разные люди, принадлежащие к одной и той же цивилизованной нации, по-разному воспринимают одну и ту же музыку, почти не показывает, что эти различия во вкусах и удовольствиях были приобретены в течение их индивидуальной жизни? Ваше сравнение с

архитектурой кажется мне особенно удачным; ибо в данном случае оценка должна быть почти индивидуальной, хотя, возможно, чувство возвышенности, вызываемое величественным собором, может иметь некоторую связь со смутным чувством ужаса и суеверия у наших диких предков, когда они входили в огромную пещеру или мрачный лес. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь мог проанализировать чувство возвышенности. Меня забавляет мысль о том, насколько некоторые эстетствующие люди высокого полета придут в ужас от того, что вы поощряете такие низкие взгляды, как мои.

Поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Последующие письма представляют разный интерес. Первая выдержка (из письма от 18 января 1874 г.) относится к спиритическому сеансу, проводимому в доме Эразма Дарвина на улице Королевы Анны, 6, под эгидой хорошо известного медиума:]

"... Однажды днем мы здорово повеселились, потому что Джордж нанял медиума, который заставил стулья, флейту, колокольчик, подсвечник и огненные точки прыгать по столовой моего брата таким образом, что у всех перехватило дыхание. Это было в темноте, но Джордж и Хенсли Веджвуд все время держали медиума за руки и ноги с обеих сторон. Мне было так жарко и утомительно, что я ушел до того, как произошли все эти поразительные чудеса, или жонглерство. Как этот человек мог сделать то, что было сделано, выше моего понимания. Я спустился вниз и увидел все стулья и прочее на столе, который был поднят над головами сидящих вокруг него.

Да помилует нас всех Господь, если мы должны верить в такую чушь. Ф. Гальтон был там и говорит, что это был хороший сеанс..."

Сеанс, о котором идет речь, привел к проведению меньшего по размеру и более тщательно организованного сеанса, на котором присутствовал мистер Хаксли и о котором он доложил моему отцу:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ПРОФЕССОРУ Т.Х. ХАКСЛИ. Дауну, 29 января [1874].

Мой дорогой Хаксли,

Было очень мило с вашей стороны написать такой длинный отчет. Хотя сеанс и утомил вас так сильно, я думаю, он действительно стоил усилий, поскольку подобные вещи проделываются на всех сеансах, даже в —; и теперь, на мой взгляд, потребовался бы огромный вес доказательств, чтобы заставить человека поверить во что-то большее, чем простой обман... Мне приятно думать, что позавчера я объявил всей своей семье, что чем больше я думал обо всем, что, как я слышал, произошло на улице Королевы Анны, тем больше убеждался, что все это было обманом ... моя теория заключалась в том, что [медиуму] удалось заставить двух мужчин по обе стороны от него взять за руки друг друга, а не его, и что таким образом он был свободен совершать свои выходки. Я очень рад, что дал вам указание присутствовать.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Весной этого года (1874) он прочитал книгу, которая доставила ему большое удовольствие и о которой он часто говорил с восхищением: "Натуралист в Никарагуа" покойного Томаса Белта.

Мистер Белт, безвременная кончина которого вполне может быть оплакана натуралистами, был по профессии инженером, так что все его замечательные наблюдения по естественной истории в Никарагуа и других местах были плодом его досуга. Книга прямая и яркая по стилю, полна описаний и наводящих на размышления дискуссий. В связи с ней мой отец написал сэру Дж.Д. Хукеру: —

"Что я прочитал, и я рад, что вам это так понравилось, мне кажется, это лучший из всех журналов по естественной истории, которые когда-либо публиковались".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МАРКИЗУ ДЕ САПОРТА. Даун, 30 мая 1874 года.

Уважаемый сэр,

Я был очень невнимателен, не поблагодарив вас раньше за вашу доброту прислать мне ваши "Этюды о растительности" и другие мемуары. Я прочитал некоторые из них с очень большим интересом, и, на мой взгляд, ничто не может быть более важным, чем ваше свидетельство о чрезвычайно медленном и постепенном изменении конкретных форм. Я заметил, что М. А. Де Кандоль недавно цитировал вас по этому делу "Голова против Хира". Я надеюсь, что вы сможете пролить свет на вопрос, являются ли такие протеиновые или полиморфные формы, как у *Rubus*, *Hieracium* и т.д., в настоящее время теми, которые порождают новые виды; что касается меня, то я всегда испытывал некоторые сомнения на этот счет. Я верю, что вскоре вы сможете заставить многих ваших соотечественников поверить в Эволюцию, и тогда, возможно, мое имя перестанут поносить. С самым искренним уважением остаюсь, дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 5 июня [1874].

Мой дорогой Грей,

Сейчас я прочитал вашу статью (статью "Чарльз Дарвин" из серии "Научные достоинства" ("Nature", 4 июня 1874 г.). Эта восхитительная оценка работы моего отца в науке дана в форме сравнения между Робертом Брауном и Чарльзом Дарвином.) в журнале "Природа", и последние два абзаца не были включены в отправленную ранее статью. Я писал вчера и не могу точно вспомнить, что я сказал, и сейчас не могу успокоиться, не сказав вам еще раз, как глубоко я был польщен. Я полагаю, каждому иногда кажется, что он работал напрасно, и когда меня настигнет один из таких припадков, я вспомню о вашей статье, и если это не развеет злой дух, я буду знать, что в тот момент я немного не в себе, как и все мы иногда бываем.

То, что вы говорите о телеологии ("Давайте признаем великую заслугу Дарвина перед естествознанием в возвращении к телеологии: так что вместо противопоставления морфологии телеологии у нас будет морфология, связанная с телеологией".), особенно радует меня, и я не думаю, что кто-либо еще когда-либо замечал этот момент. (См., однако, главу г-на Хаксли о "Восприятии происхождения видов" в томе i.) Я всегда говорил, что вы тот человек, который попадет в самую точку.

С благодарностью и любовью ваш, Ч. ДАРВИН.

[В качестве вклада в историю восприятия "Происхождения видов" следует упомянуть собрание Британской ассоциации в 1874 году в Белфасте. Он запомнился блестящей президентской речью профессора Тиндалла, в которой дается краткий очерк истории эволюции, завершающийся красноречивым анализом "Происхождения видов" и природы его огромного успеха. Что касается проф. В обращении Тиндала Лайелл писал ("Лайф", ii, стр. 455), поздравляя моего отца со встречей: "по этому случаю вы и ваша теория эволюции, можно с полным основанием сказать, были встречены овациями". В том же письме сэр Чарльз упоминает статью профессора Джадда ("О древних вулканах Хайленда", "Журнал геологических исследований", 1874), и именно к ней относится следующее письмо:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Дауну, 23 сентября 1874 г.

Мой дорогой Лайель,

Я полагаю, что вы вернулись или скоро вернетесь в Лондон (сэр Чарльз Лайелл вернулся из Шотландии в конце сентября.); и, я надеюсь, ваша прогулка придала вам сил. В своем последнем письме вы упоминали о статье мистера Джадда о вулканах Гебридских островов. Я только что закончил ее и, чтобы облегчить себе душу, должен выразить свое крайнее восхищение.

Прошло много лет с тех пор, как я читал чисто геологическую статью, которая меня так сильно заинтересовала. Я был тем более заинтересован, что в Кордильерах я часто размышлял об источниках затопления подводных порфировых лав, из которых они построены; и, как я уже говорил, я до некоторой степени видел причины уничтожения точек извержения. Мне также было немало приятно видеть, что цитируют мою книгу о вулканах, поскольку я думал, что она полностью мертва и забыта. Какую прекрасную работу, несомненно, проделает мистер Джадд!... Теперь я успокоился; итак, прощайте, с наилучшими пожеланиями от Э.Д. и К.Д. мисс Лайелл.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Ответ сэра Чарльза Лайелла на вышеупомянутое письмо, должно быть, был одним из последних, которые мой отец получил от своего старого друга, и именно этим письмом завершаются тома его опубликованной переписки.]

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ ДО августа. НАЧАЛО. Даун, 15 октября 1874 г.

Мой дорогой сэр,

Теперь я прочел полностью ваше замечательное произведение ("Четыре человека из Швейцарии", 4то, 1874), и редко в моей жизни какая-либо книга вызывала у меня больший интерес. Существует так много интересных фактов и дискуссий, что я едва ли знаю, какие из них конкретизировать; но я думаю, что, во-первых, самыми новыми для меня были сведения о размере мозга у представителей трех полов, а также ваше предположение о том, что

увеличение мощности разума могло привести к бесплодию рабочих. Во-вторых, о битвах муравьев и вашем любопытном рассказе о том, как разъяренных муравьев удерживали их товарищи, пока они не успокоились. В-третьих, свидетельства того, что муравьи одного сообщества являются потомками братьев и сестер. Я думаю, вы признаете, что новые сообщества часто будут результатом скрещивания неродственных муравьев. Фриц Мюллер сделал несколько интересных наблюдений по поводу этой головы в отношении термитов. Случай с анергейтами наиболее запутан во многих отношениях, но я так верю в закон случайного скрещивания, что полагаю, что в дальнейшем будет найдено объяснение, например, диморфизму обоих полов и случайному появлению крылатых самцов. Я вижу, вы озадачены тем, как муравьи из одного сообщества узнают друг друга; однажды я поместил двух (*F. rufa*) в коробочку из-под таблеток, сильно пахнущую асафетидой, и через день вернул их домой; они были напуганы, но, наконец, признаны. Я предпринял пробу, думая, что они могут узнавать друг друга по запаху; но этого не могло быть, и мне часто казалось, что у них должен быть какой-то общий сигнал. Ваша последняя глава - это одна огромная масса замечательных фактов и предложений, и в целом она глубоко интересна. Я редко испытывал большее удовлетворение, чем от [вашего] почетного упоминания о моей работе.

Я хотел бы рассказать вам об одном маленьком наблюдении, которое я осторожно сделал много лет назад; я видел муравьев (*Formica rufa*), несущих коконы из гнезда, которое было самым большим, которое я когда-либо видел, и которое было хорошо известно всем окрестным жителям, и старик, на вид около восьмидесяти лет, сказал мне, что он знал это с детства. Муравьи, несущие коконы, по-видимому, не собирались эмигрировать; следуя за линией, я увидел, что многие взбираются на высокую ель, все еще неся свои коконы. Но когда я присмотрелся повнимательнее, то обнаружил, что все коконы были пустыми футлярами. Это удивило меня, и на следующий день я пригласил человека понаблюдать вместе со мной, и мы снова увидели, как муравьи выносят из гнезда пустые коконы; каждый из нас сосредоточился на одном муравье и медленно последовал за ним, повторив наблюдение на многих других. Таким образом, мы обнаружили, что некоторые муравьи вскоре сбрасывали свои пустые коконы; другие уносили их на много ярдов, до тридцати шагов, а третьи уносили их высоко на ель, подальше от посторонних глаз. Теперь я думаю, что у нас один инстинкт борется с другим и ошибается. Первым инстинктом было унести пустые коконы из гнезда, и было бы достаточно положить их на кучу мусора, так как первое дуновение ветра унесло бы их прочь. А затем вступили в борьбу с другим очень мощным инстинктом сохранения и вынашивания своих коконов как можно дольше; и это они не могли не делать, хотя коконы были пусты. В зависимости от того, насколько тот или иной инстинкт был сильнее у каждого отдельного муравья, он переносил пустой кокон на большее или меньшее расстояние. Если это маленькое наблюдение когда-нибудь окажется вам полезным, вы вполне вольны им воспользоваться. Еще раз сердечно благодарю вас за огромное удовольствие, которое доставила мне ваша работа, и остаюсь с большим уважением,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.— Если вы легко читаете по-английски, я хотел бы прислать вам книгу мистера Белта, поскольку, думаю, она понравилась бы вам не меньше, чем Фрицу Мюллеру.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. ФИСКЕ. Даун, 8 декабря 1874 г.

Мой дорогой сэр,

Вы должны позволить мне поблагодарить вас за тот огромный интерес, с которым я, наконец, медленно прочитал всю вашу работу. ("Очерки космической философии", 2 тома, 8в. 1874.) Я давно хотел узнать что-нибудь о взглядах многих великих людей, чьи доктрины вы излагаете. За исключением особых моментов, я даже не понял общей доктрины Г. Спенсера; для меня его стиль - слишком тяжелая работа. Я никогда в своей жизни не читал такого ясного толкователя (и, следовательно, мыслителя), как вы; и я думаю, что понимаю почти все — возможно, менее ясно о Космическом теизме и причинности, чем другие части. Бесполезно пытаться из столь многого выделить то, что заинтересовало меня больше всего, и, вероятно, вам не хотелось бы это слышать. Я бы хотел, чтобы какой-нибудь химик попытался установить результат охлаждения нагретых газов соответствующих видов в связи с вашей гипотезой о происхождении живой материи. Мне было приятно обнаружить, что кое-где я приходил на основе своих собственных грубых размышлений к некоторым из тех же выводов, что и вы; хотя я редко или вообще никогда не мог бы привести свои доводы в пользу таких выводов. Я нахожу, что мой разум настолько привязан к индуктивному методу, что я не могу оценить дедуктивные рассуждения: я должен начать с хорошего набора фактов, а не с принципа (в котором я всегда подозреваю некоторую ошибочность), а затем делать столько дедукций, сколько вам заблагорассудится. Это может быть очень узколобо; но в результате те части Г. Спенсера, которые я внимательно прочитал, внушают мне мысль о его неисчерпаемом богатстве предложений, но никогда не убеждают меня; и поэтому я нахожу это у некоторых других. Я полагаю, что причина кроется в частоте, с которой я нахожу первоначальные теории ошибочными. Я благодарю вас за почетное упоминание моих работ. Отдельные части "Происхождения человека", должно быть, показались вам смехотворно слабыми: тем не менее, я отправил вам только что вышедшее новое издание. Благодарю вас за глубокий интерес и пользу, с которыми я прочитал вашу работу. Я остаюсь,

Мой дорогой сэр, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

1875.

[Единственной работой, не чисто ботанической, которая занимала моего отца в этом году, была корректура второго издания "Изменчивости животных и растений", и этим он был занят с начала июля по 3 октября. Остаток года он посвятил работе над насекомоядными растениями и перекрестному оплодотворению, как будет показано в одной из последующих глав. Основные изменения во втором издании "Животных и растений" внесены в одиннадцатую главу, посвященную "Почкованию и некоторым аномальным способам размножения"; глава о пангенезисе "также была в значительной степени изменена и переработана". Он кратко упоминает некоторых авторов, которые обратили внимание на эту доктрину. Книга профессора Дельпино "Сулла Дарвиниана Теория Пангенези" (1869), подвергнутая негативной, но справедливой критике, по-видимому, произвела на него впечатление ценной. О другой критике мой отец характерно говорит ("Животные и растения", 2-е издание, том ii. стр. 350.), "Доктор Лайонел Бил ("Природа", 11 мая 1871 г., стр. 26) высмеивает всю доктрину с большой

язвительностью и некоторой справедливостью". Он также указывает, что в "Элементах природы" Мантегаццы была четко предвидена теория пангенезиса.

В связи с этим предметом следует упомянуть письмо моего отца в "Nature" (27 апреля 1871 г.). Доклад мистера Гальтона был прочитан в Королевском обществе (30 марта 1871 г.), в котором были описаны эксперименты по межкровному переливанию крови, призванные проверить истинность гипотезы пангенезиса. Мой отец, отдавая должное мистеру Гальтону за его гениальные эксперименты, не допускает, что пангенезису "пока нанесен смертельный удар, хотя из-за наличия стольких уязвимых точек его жизнь всегда находится в опасности".

Похоже, работа по исправлению ошибок показалась ему очень утомительной, поскольку он написал:—

"У меня нет никаких новостей о себе, поскольку я просто вкалываю над отвратительной работой по подготовке новых изданий. Хотел бы я понять чувства бедняги Лайелла, что было восхитительно улучшать предложение, как художник улучшает картину".

Ощущение усилия или надрыва над этой работой показано в письме профессору Геккелю:—

"Что я буду делать в будущем, если доживу, одному Богу известно; возможно, мне следует избегать общих и масштабных тем, поскольку они слишком трудны для меня с моими преклонными годами и, я полагаю, ослабленным мозгом".

В конце марта этого года портрет, для которого он позировал мистеру Оулессу, был закончен. Он чувствовал, что заседания сильно утомили его, несмотря на заботливое желание мистера Оулесса избавить его, насколько это было возможно. В письме сэру Дж. Д. Хукеру он писал: "Я выгляжу очень почтенным, проницательным, меланхоличным старым псом; действительно ли я так выгляжу, я не знаю". Картина находится во владении семьи и известна многим по офорту М. Района. Портрет мистера Улесса, по моему мнению, является лучшим изображением моего отца, которое когда-либо было создано.

В следующем письме говорится о смерти сэра Чарльза Лайелла, которая произошла 22 февраля 1875 года на его семьдесят восьмом году жизни.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС БАКЛИ (НЫНЕ МИССИС ФИШЕР). (Миссис Фишер была секретарем сэра Чарльза Лайелла.) Внизу, 23 февраля 1875 года.

Моя дорогая мисс Бакли,

Я опечален известием о смерти моего старого и доброго друга, хотя и знал, что это нельзя было долго откладывать, и что это было счастье, что его жизнь не была продлена, поскольку я полагаю, что его рассудок неизбежно пострадал бы. Я рад, что леди Лайелл (леди Лайелл умерла в 1873 г.) была избавлена от этого ужасного удара. Его смерть заставляет меня вспомнить то время, когда я впервые увидел его, и то, с каким сочувствием и интересом он отнесся к тому, что я мог рассказать ему о коралловых рифах и Южной Америке. Я думаю, что это сочувствие к работам любого другого натуралиста было одной из лучших черт его характера. Насколько радикально он перевернул геологию: я могу вспомнить кое-что из долайеллианских дней.

Я никогда не забываю, что почти всем, чего я добился в науке, я обязан изучению его великих работ. Что ж, у него была блестящая и счастливая карьера, и никто никогда не трудился с таким рвением в благородном деле. Мне кажется странным, что я никогда больше не буду сидеть с ним и леди Лайелл за завтраком. Я очень благодарен вам за то, что вы так любезно написали мне.

Прошу вас, передайте наши самые добрые воспоминания мисс Лайелл, и я надеюсь, что ее здоровье не сильно пострадало от усталости и беспокойства.

Поверьте мне, моя дорогая мисс Бакли, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 25 февраля [1875].

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо, столь полное чувства, меня очень заинтересовало. Я не могу сказать, что сильно переживал его [Лайелла] смерть, потому что я полностью ожидал этого и какое-то время считал его карьеру завершённой.

Я ничего так не боялся, как того, что он выживет с ослабленными умственными способностями. Он действительно был благородным человеком во многих отношениях; возможно, не в чем ином, как в своем теплом сочувствии к работе других. Как живо я могу вспомнить свой первый разговор с ним, и как он поразил меня своим интересом к тому, что я ему сказал. Насколько велики были его искренность и чистая любовь к правде. Что ж, он ушел, и я чувствую, что мы все скоро уйдем... Я глубоко рад Вестминстерскому аббатству (сэр К. Лайелл был похоронен в Вестминстерском аббатстве.), возможность которого не приходила мне в голову, когда я писал ранее. Я действительно думал, что его работы были самым стойким из всех свидетельств о нем (как вы говорите); но тогда мне не понравилась мысль о том, что он уйдет из жизни без каких-либо внешних признаков того, что ученые люди думали о его заслугах. Теперь все это изменилось, и ничто не может быть лучше Вестминстерского аббатства. Миссис Лайелл попросила меня быть одной из несущих покров, но я написала, что не осмелилась, так как велика вероятность, что я потерплю неудачу в разгар церемонии и у меня голова полетит с плеч. Все это дело, должно быть, стоило вам много сил и беспокойства, и как бы я хотел, чтобы вы уехали из Англии...

[В 1881 году он написал миссис Фишер в связи с ее статьей о сэре Чарльзе Лайеле в "Британской энциклопедии":—

"Для такой публикации, я полагаю, вы не хотите много говорить о его личном характере, иначе можно было бы добавить его сильное чувство юмора и любовь к обществу. Также его чрезвычайный интерес к мировому прогрессу и счастью человечества. Также его свобода от всякого религиозного фанатизма, хотя это, возможно, было бы излишеством".

Следующее относится к Зоологической станции в Неаполе, предмету, к которому мой отец испытывал большой интерес:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН АНТОНУ ДОРУ. Внизу, [1875?].

Мой дорогой доктор Дорн,

Большое спасибо за ваше любезнейшее письмо, я от всей души радуюсь вашему улучшившемуся здоровью и успеху вашего грандиозного предприятия, которое окажет такое большое влияние на прогресс зоологии во всей Европе.

Если мы посмотрим только на Англию, то увидим, какая капитальная работа уже проделана на Станции Бальфуром и Рэем Ланкестером... Когда вы приедете в Англию, я полагаю, вы привезете с собой миссис Дорн, и мы будем рады видеть вас обоих здесь. Я часто хвастался, что у меня в доме есть живой улан! Мне будет очень интересно ознакомиться с вашими новыми взглядами на происхождение позвоночных. Мне будет жаль расставаться с асцидиями, которым я испытываю глубокую благодарность; но самое замечательное, как мне кажется, это то, что какая-либо связь должна быть найдена между основными подразделениями Животного царства...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - АВГУСТУ ВЕЙСМАНУ. Записано 6 декабря 1875 года.

Мой дорогой сэр,

Я был глубоко заинтересован вашим эссе об амблестоме ("Умвандлунг аксолотля") и думаю, что вы устранили большой камень преткновения на пути эволюции. Когда-то я думал о реверсии в этом случае, но в грубой и несовершенной форме. Я пишу сейчас, чтобы привлечь ваше внимание к стерильности моли, когда она вылупляется не в положенный сезон; я даю ссылки в главе 18 моей книги "Вариации при одомашнивании" (том ii. страница 157 английского издания), и эти случаи иллюстрируют, я думаю, бесплодие амблестомы. Не стоит ли изучить репродуктивные органы тех особей БЕСКРЫЛЫХ полужесткокрылых, у которых иногда появляются крылья, как в случае с постельным клопом? Кажется, я слышал, что у самок мутилы иногда появляются крылья. Эти случаи, должно быть, связаны с реверсией. Осмелюсь сказать, что многие аномальные случаи будут позже объяснены по тому же принципу.

Я намекал на это объяснение в экстраординарном случае павлина с черными плечами, так называемого *Pavo nigripennis*, приведенном в моей книге "Разновидность при одомашнивании"; и я мог бы быть смелее, поскольку эта разновидность во многих отношениях является промежуточной между двумя известными видами.

С большим уважением, искренне Ваш Ч. ДАРВИН.

ВОПРОС О ВИВИСЕКЦИИ.

[В ноябре 1875 года мой отец давал показания перед Королевской комиссией по вивисекции. (См. Том i.) Поэтому я собрал здесь воедино вопросы, относящиеся к этому предмету, независимо от даты. Кое-что уже было сказано о сильном чувстве моего отца к страданиям как человека, так и животного. Это действительно было одно из сильнейших чувств в его натуре, и оно проявлялось в делах малых и великих, в его сочувствии к воспитательным невзгодам

танцующих собак или в его ужасе перед страданиями рабов. (Однажды он предпринял попытку освободить пациента из сумасшедшего дома, который (как он ошибочно предполагал) был в здравом уме. У него была некоторая переписка с садовником в приюте, и однажды он нашел письмо от пациента, вложенное в письмо от садовника. Письмо было выдержано в рациональном тоне и заявляло, что автор был вменяем и незаконно заключен под стражу.

Мой отец написал Комиссарам по борьбе с невменяемостью (не объясняя источник своей информации) и в свое время услышал, что этого человека посетили Комиссары и что он, безусловно, безумен. Некоторое время спустя пациент был выписан и написал, чтобы поблагодарить моего отца за его вмешательство, добавив, что он, несомненно, был невменяем, когда писал свое предыдущее письмо.)

Воспоминание о криках или других звуках, услышанных в Бразилии, когда он был бессилен вмешаться в то, что, по его мнению, было пыткой раба, преследовало его в течение многих лет, особенно по ночам. В более мелких делах, где он мог вмешиваться, он делал это энергично. Однажды он вернулся со своей прогулки бледный и ослабевший оттого, что увидел, как плохо обращались с лошадью, и от волнения, вызванного яростными увещеваниями этого человека. В другой раз он видел, как разносчик лошадей учил его сына ездить верхом, маленький мальчик был напуган, а мужчина груб; мой отец остановился и, выпрыгнув из кареты, сделал мужчине резкий выговор.

Можно упомянуть еще один небольшой случай, показывающий, что его гуманное отношение к животным было хорошо известно в его округе. Посетитель, ехавший из Орпингтона в Даун, сказал мужчине ехать быстрее: "Ну, - сказал кучер, - если бы я ТАК сильно хлестал лошадь, везя мистера Дарвина, он бы вышел из экипажа и хорошенько меня отругал".

Что касается рассматриваемого особого момента — страданий животных, подвергнутых эксперименту, — ничто не может вызвать более сильного чувства, чем следующая выдержка из письма профессору Рэю Ланкестеру (22 марта 1871 г.):

"Вы спрашиваете о моем мнении о вивисекции. Я вполне согласен, что это оправдано для настоящих физиологических исследований, но не из простого проклятого и отвратительного любопытства. Это тема, от которой меня тошнит от ужаса, поэтому я больше не скажу об этом ни слова, иначе не смогу уснуть этой ночью".

Выдержка из записей сэра Томаса Фаррера показывает, насколько сильно он выражался подобным образом в разговоре:

"В последний раз я разговаривал с ним у себя дома на Брайанстон-сквер, как раз перед одним из его последних припадков. Тогда он глубоко заинтересовался вопросом вивисекции, и то, что он сказал, произвело на меня глубокое впечатление. Он был человеком, чрезвычайно любящим животных и нежным к ним; он не стал бы сознательно причинять боль живому существу; но он придерживался твердого мнения, что запретить эксперименты на живых животных означало бы положить конец знаниям о боли и болезнях и средствам их устранения".

Антививисекционная агитация, о которой говорится в следующих письмах, по-видимому, стала особенно активной в 1874 году, как можно видеть, например, по указателю к "Nature" за этот

год, в котором слово "Вивисекция" внезапно выходит на первый план. Но до этой даты этот предмет привлек самое пристальное внимание биологов. Так, на Ливерпульском собрании Британской ассоциации в 1870 году был назначен Комитет, который отчитался, определив обстоятельства и условия, при которых, по мнению подписавших, эксперименты на живых животных были оправданы. Весной 1875 года лорд Хартисмир внес в Верхнюю палату законопроект, регулирующий ход физиологических исследований. Вскоре после этого законопроект еще только на пути науки в своих положениях был внесен в Палату общин гг. Лион Плейфер, Уолпола, и Эшли. Однако оно было отозвано после назначения Королевской комиссии для расследования всего этого вопроса. Уполномоченными были лорды Кардуэлл и Уинмарли, мистер У.Э. Форстер, сэр Дж.Б. Карслейк, мистер Хаксли, профессор Эрихссен и мистер Р.Х. Хаттон: они начали свое расследование в июле 1875 года, и отчет был опубликован в начале следующего года.

В начале лета 1876 года был внесен законопроект лорда Карнарвона, озаглавленный "Закон о внесении поправок в закон, касающийся жестокого обращения с животными". Нельзя отрицать, что разработчики этого законопроекта, поддавшись необоснованному протесту общественности, вышли далеко за рамки рекомендаций Королевской комиссии. Как выразился корреспондент журнала "Nature" (1876, стр. 248), "доказательства, на основании которых было рекомендовано законодательство, выходили за рамки фактов, отчет выходил за рамки доказательств, рекомендации выходили за рамки Отчета; и вряд ли можно сказать, что Законопроект вышел за рамки Рекомендаций; скорее, он им противоречил".

Законодательство, над которым работал мой отец, как описано в следующих письмах, было практически тем, что было представлено как законопроект доктора Лайона Плейфера.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МИССИС ЛИЧФИЛД. (Его дочери.) 4 января 1875 г.

Мой дорогой Х.

Ваше письмо навело меня на мысль о вивисекции (я хотел бы изобрести какое-нибудь новое слово, например, анестезиологическое сечение (он сообщил в "Nature" (30 сентября 1880 г.) статью доктора Уайлдера из Корнельского университета, аннотация которой была опубликована (стр. 517). Доктор Уайлдер выступал за использование слова "Каллисекция" для обозначения безболезненных операций на животных.) в течение нескольких часов, и я запишу свои выводы, которые покажутся вам крайне неудовлетворительными. Я долгое время считал физиологию одной из величайших наук, которая, несомненно, рано или, что более вероятно, поздно принесет огромную пользу человечеству; но, судя по всем другим наукам, польза от поиска абстрактной истины будет лишь косвенной. Несомненно, что физиология может прогрессировать только путем экспериментов на живых животных. Поэтому предложение ограничить исследования точками, из которых мы теперь можем видеть отношение к здоровью и т.д., я считаю ребячеством. Сначала я подумал, что было бы хорошо ограничить вивисекцию общественными лабораториями; но я слышал только о таких лабораториях в Лондоне и Кембридже, и, кажется, в Оксфорде; но, вероятно, есть и несколько других. Следовательно, только люди, живущие в нескольких больших городах, могли бы вести расследование, и это я бы считал большим злом. Если бы частным лицам разрешалось работать в их собственных домах и требовалась лицензия, я не вижу, кто должен определять, должен ли какой-либо конкретный

человек получать ее. Именно молодые неизвестные мужчины с наибольшей вероятностью выполняют хорошую работу. Я бы с радостью строго наказал любого, кто оперировал животное, не лишенное чувств, если бы эксперимент делал это возможным; но и здесь я не вижу, чтобы судья или присяжные могли вынести такое решение. Поэтому я прихожу к выводу, что если (что вполне вероятно) какие-то эксперименты проводились слишком часто или анестетики не использовались, когда это было возможно, то лекарство должно заключаться в улучшении гуманных чувств. С этой точки зрения я радовался нынешнему волнению. Если будут приняты строгие законы, а это вполне вероятно, учитывая, насколько ненаучна Палата общин, и что джентльмены Англии гуманны, пока не принимаются во внимание их спортивные состязания, которые влекли за собой в сто или тысячу раз больше страданий, чем эксперименты физиологов, - если такие законы будут приняты, результатом, несомненно, будет то, что физиология, которая до последних нескольких лет находилась в застое в Англии, ослабнет или совсем прекратится. Тогда она будет вестись исключительно на Континенте; и тем меньше будет работников по этому великому вопросу, о чем я должен был бы очень сожалеть. Кстати, Ф. Бальфур, проработавший два или три года в лаборатории в Кембридже, заявляет Джорджу, что он никогда не видел экспериментов, кроме как с животными, лишенными чувств. Без сомнения, имена врачей будут иметь большой вес в Палате общин; но очень многие практикующие врачи ничего не знают о прогрессе знаний и не заботятся о нем. В настоящее время я не вижу способа подписать какую-либо петицию, не услышав, каким, по мнению физиологов, будет ее эффект, а затем оценить это самостоятельно. Я, конечно, не мог подписать бумагу, присланную мне мисс Кобб, с ее чудовищными (как мне кажется) нападка на Вирхова за эксперименты с трихинами. Я устал, и поэтому больше не могу.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 14 апреля [1875].

Моя дорогая Проститутка,

Я все время работал в Лондоне над вопросом о вивисекции; и теперь мы считаем целесообразным пойти дальше простой петиции. Личфилд (мистер Р.Б. Личфилд, его зять.) составил набросок Законопроекта, основные черты которого были одобрены Сандерсоном, Саймоном и Хаксли и, судя по разговорам, будут, я полагаю, одобрены Пейджетом и почти наверняка, я думаю, Майклом Фостером. Сандерсон, Саймон и Пейджет желают, чтобы я встретился с лордом Дерби и попытался заручиться его поддержкой министра внутренних дел. Теперь, если это будет введено в действие, для меня будет очень важно иметь возможность сказать, что Законопроект в его основных чертах получил одобрение примерно полудюжины выдающихся ученых. Поэтому я попросил Личфилда направить вам копию в ее первом черновом виде; и если она существенно не изменена, могу ли я сказать, что она заслуживает вашего одобрения как президента Королевского общества? Цель состоит в том, чтобы защитить животных и в то же время не травмировать физиологию, и одобрения Хаксли и Сандерсона в этом отношении почти достаточно. Умоляю, дай мне поскорее получить от тебя весточку.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Физиологическое общество, основанное в 1876 году, было в некоторой степени результатом движения против вивисекции, поскольку именно эта агитация убедила физиологов в необходимости центра для тех, кто занимается этой конкретной отраслью науки. Что касается Общества, то мой отец писал мистеру Романесу (29 мая 1876 г.):

"Я был очень польщен совершенно неожиданной честью быть избранным одним из Почетных членов. Этот знак сочувствия доставил мне удовольствие в очень высокой степени".

Следующее письмо появилось в "Таймс" 18 апреля 1881 года:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ФРИТЬОФУ ХОЛМГРЕНУ. (Профессору физиологии в Упсале.) Даун, 14 апреля 1881 года.

Уважаемый сэр,

В ответ на ваше вежливое письмо от 7 апреля я не возражаю высказать свое мнение относительно права проводить эксперименты на живых животных. Я использую это последнее выражение как более правильное и всеобъемлющее, чем выражение "вивисекция". Вы вольны использовать это письмо так, как сочтете нужным, но в случае публикации я бы хотел, чтобы оно появилось полностью. Я всю свою жизнь был решительным сторонником гуманного отношения к животным и делал все, что мог, в своих трудах, чтобы исполнить этот долг. Несколько лет назад, когда в Англии началась агитация против физиологов, утверждалось, что здесь практикуется бесчеловечность и животным причиняются бесполезные страдания; и это навело меня на мысль, что было бы целесообразно принять парламентский акт по этому вопросу. Затем я принял активное участие в попытках добиться принятия Законопроекта, который устранил бы все справедливые основания для жалоб и в то же время предоставил бы физиологам свободу проводить свои исследования, — законопроекта, сильно отличающегося от Закона, который был принят с тех пор. Уместно добавить, что расследование этого дела королевской комиссией доказало, что обвинения, выдвинутые против наших английских физиологов, были ложными. Однако из всего, что я слышал, я боюсь, что в некоторых частях Европы мало внимания уделяется страданиям животных, и если это так, я был бы рад услышать о законодательстве против бесчеловечности в любой такой стране. С другой стороны, я знаю, что физиология не может прогрессировать иначе, как посредством экспериментов на живых животных, и я испытываю глубочайшее убеждение, что тот, кто тормозит прогресс физиологии, совершает преступление против человечества. Любой, кто помнит, насколько я могу, состояние этой науки полвека назад, должен признать, что она достигла огромного прогресса и сейчас прогрессирует со все возрастающей скоростью. Какие улучшения в медицинской практике могут быть напрямую связаны с физиологическими исследованиями - это вопрос, который может быть должным образом обсужден только теми физиологами и практикующими врачами, которые изучали историю своих предметов; но, насколько я могу судить, польза уже велика. Как бы то ни было, никто, если только он не находится в полном неведении относительно того, что наука сделала для человечества, не может сомневаться в неисчислимых преимуществах, которые в будущем будут извлечены из физиологии не только человеком, но и низшими животными. Взгляните, например, на результаты Пастера по модификации микробов самых злокачественных заболеваний, от которых, как это ни странно, животные в первую очередь получают большее облегчение, чем человек. Давайте вспомним, сколько жизней и какое ужасное

количество страданий было спасено благодаря знаниям, полученным о паразитических червях в результате экспериментов Вирхова и других ученых на живых животных. В будущем все будут поражены неблагодарностью, проявленной, по крайней мере в Англии, к этим благодетелям человечества. Что касается меня, позвольте мне заверить вас, что я уважаю и всегда буду уважать каждого, кто продвигает благородную науку физиологию.

Дорогой сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[В "Таймс" за следующий день появилось письмо, озаглавленное "Мистер Дарвин и вивисекция", подписанное мисс Фрэнсис Пауэр Кобб. На это мой отец ответил в "Таймс" от 22 апреля 1881 года. В тот же день он написал мистеру Романесу: —

"Поскольку у меня есть прекрасная возможность, я отправил в "Таймс" письмо о вивисекции, которое напечатано сегодня. Я счел справедливым понести свою долю оскорблений, столь жестоко обрушившихся на всех физиологов.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - РЕДАКТОРУ "ТАЙМС".

Сэр,

Я не желаю обсуждать взгляды, выраженные мисс Кобб в письме, опубликованном в "Таймс" 19 сентября; но поскольку она утверждает, что я "дезинформировал" своего корреспондента в Швеции, заявив, что "расследование этого дела королевской комиссией доказало, что обвинения, выдвинутые против наших английских физиологов, были ложными", я просто попрошу разрешения сослаться на некоторые другие предложения из отчета Комиссии.

1. Предложение "Не подлежит сомнению, что бесчеловечность может быть обнаружена у лиц, занимающих очень высокое положение в качестве физиологов", которое мисс Кобб цитирует со страницы 17 отчета и которое, по ее мнению, "обязательно может касаться только английских физиологов, а не иностранцев", сразу же сопровождается словами "Мы видели, что так было в Мадженди". Магенди был французским физиологом, который около полувека назад приобрел известность своими жестокими экспериментами на живых животных.

2. Члены Комиссии, после разговора об "общем настроении гуманности", преобладающем в этой стране, говорят (стр. 10):—

"Этот принцип, как правило, принимается очень высокообразованными людьми, чья жизнь посвящена либо научным исследованиям и образованию, либо смягчению или устранению страданий их ближних; хотя различия в степени его практического применения будут легко заметны теми, кто изучает доказательства в том виде, в каком они представлены нам".

Опять же, по словам Членов Комиссии (стр. 10):—

"Секретарь Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными, когда его спросили, противоречит ли общая тенденция научного мира в этой стране гуманности, говорит, что, по его мнению, она действительно сильно отличается от тенденции зарубежных физиологов; и, выдавая это за мнение общества, что проводятся эксперименты, которые по своей природе выходят за рамки любой законной области науки, и что боль, которую

они причиняют, - это боль, причинение которой неоправданно даже для рассматриваемой научной цели, он с готовностью признает, что ему не известно ни одного случая бессмысленной жестокости, и что в целом эксперименты, проводимые Английские физиологи использовали анестетики там, где, по их мнению, это было безопасно для эксперимента".

Я, сэр, ваш покорный слуга, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

21апреля.

[В "Таймс" за субботу, 23 апреля 1881 года, появилось ответное письмо мисс Кобб:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Дж. РОМАНЕСУ. Даун, 25 апреля 1881г.

Мои дорогие романцы,

Я был очень рад прочитать вашу последнюю записку с большим количеством интересных для меня новостей. Но я пишу сейчас, чтобы сказать, как я, да и вообще все мы в палате представителей, восхищены вашим письмом в "Таймс". (25 апреля 1881 г. — Мистер Романес защищал доктора Сандерсона от обвинений, выдвинутых мисс Кобб.) Это было так просто и прямолинейно. Особенно меня порадовал Бертон Сандерсон, большим поклонником которого я являюсь уже несколько лет. Я также был особенно рад прочитать последние предложения. Меня беспокоили несколькими письмами, но ни одного оскорбительного. С ЭГОИСТИЧЕСКОЙ точки зрения я очень рад публикации вашего письма, поскольку поначалу был склонен думать, что причинил вред, разворошив грязь. Теперь я уверен, что поступил правильно. Мистер Джесси написал мне очень вежливо, он говорит, что его Общество не имело никакого отношения к плакатам и диаграммам против физиологии, и я полагаю, следовательно, что все это происходит от мисс Кобб ... Мистер Джесси горько жалуется, что "Таймс" "заберет" все его письма в эту газету, и я не удивлен, судя по смехотворным тирадам, рекламируемым в "Нэйчур".

Всегда ваш, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к планируемой совместной статье о вивисекции, в которой мистер Романес пожелал, чтобы мой отец внес свой вклад:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Дж. РОМАНЕСУ. Даун, 2 сентября 1881 г.

Мои дорогие романцы,

Ваше письмо сбило меня с толку сверх всякой меры. Я полностью признаю долг каждого, чье мнение чего-либо стоит, публично выражать свое мнение о вивисекции; и это побудило меня направить свое письмо в "Таймс". Все утро я время от времени думал, что бы я мог сказать, и это простая истина, что мне нечего сказать. Вы и подобные вам люди, чьи идеи текут свободно и которые могут легко их выражать, не можете понять состояния умственного паралича, в котором я нахожусь. Чего больше всего хочется, так это тщательной и точной попытки показать, что физиология уже сделала для человека, и даже более убедительно, что есть все основания

полагать, что она сделает это в будущем. Сейчас я абсолютно неспособен сделать это или обсуждать другие предложенные вами моменты.

Если вы пожелаете назвать мое имя (и я был бы рад, если бы оно появилось вместе с именами других участников того же дела), не могли бы вы процитировать какую-нибудь фразу из моего письма в "Таймс", которое я прилагаю, но, пожалуйста, верните его. Если вы сочтете нужным, вы могли бы сказать, что процитировали это с моего одобрения, и что после дальнейших размышлений я по-прежнему твердо придерживаюсь своего высказанного убеждения.

Ради всего Святого, подумайте об этом. Я не жалею труда и раздумий, но я не смог написать ничего, что стоило бы того, чтобы кто-нибудь прочитал.

Позвольте мне возразить против того, что вы называете свою совместную статью "симпозиумом", а не просто "попойкой". Мне это кажется очень безвкусным, и я очень надеюсь, что каждый из вас будет избегать любого подобия шутки на эту тему. Я ЗНАЮ, что слова, подобные шутке, на эту тему вызвали сильное отвращение у некоторых людей, несколько не враждебных физиологии. Один человек пожаловался мне, что мистер Саймон в своей поистине замечательной речи на Медицинском конгрессе (безусловно, лучшее, что я когда-либо читал) говорил о фантастической ЧУВСТВЕННОСТИ ("Труды Международного медицинского конгресса", 1881, том iv, стр. 413. Выражения "вялый" (не фантастический) и "слабая чувственность" используются по отношению к чувствам муравьев-вивисекционистов.) (или какой-то подобный термин) о многих заблуждающихся, но честных мужчинах и женщинах, которые наполовину помешаны на этом предмете...

[Доктору Лаудеру Брантону мой отец писал в феврале 1882 года:—

"Читали ли вы статьи мистера [Эдмунда] Гурни в "Fortnightly" ("Глава в "Этике боли", "Fortnightly Review", 1881, том xxx, стр. 778) и "Cornhill?" ("Эпилог к вивисекции", "Cornhill Magazine", 1882, том xlv, стр. 191)? Они кажутся мне очень умными, хотя и туманно написанными, и я согласен почти со всем, что он говорит, за исключением некоторых отрывков, которые, по-видимому, подразумевают, что не следует проводить никаких экспериментов, если не можно предсказать какую-то непосредственную пользу, а это гигантская ошибка, которой противоречит вся история науки ".]

ГЛАВА 2.IX. — СБОРНИК (продолжение)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ—КНИГА О ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЯХ—ЖИЗНЬ ЭРАЗМА ДАРВИНА—РАЗНЫЕ ПИСЬМА.

1876-1882.

[Теперь мы должны рассмотреть работу (помимо ботанической), которая занимала последние шесть лет жизни моего отца. Письмо его старому другу преподобному Л. Бломфилду (Дженинсу), написанное в марте 1877 года, показывает, как мой отец оценивал свои собственные способности к работе в то время:

"Мои дорогие Дженины (я вижу, что забыл ваши настоящие имена).—Ваше чрезвычайно любезное письмо доставило мне большое удовольствие. Когда человек стареет, его мысли возвращаются скорее к прошлому, чем к будущему, и я часто думаю о приятных и для меня ценных часах, которые я провел с тобой на границе Болот.

"Вы спрашиваете о моей будущей работе; я сомневаюсь, что смогу сделать что-то новое, и я всегда держу в уме пример бедного старика, у которого в преклонном возрасте была склонность к писательству. Но я терпеть не могу ничего не делать, поэтому полагаю, что буду продолжать так долго, как смогу, не выставляя себя явно дураком. У меня накопилась огромная масса материала об изменчивости в природе; но с момента появления "Происхождения видов" было опубликовано так много, что я очень сомневаюсь, хватит ли у меня ума и сил свести эту массу к усвояемому целому. Иногда я думал, что попробовал бы, но боялся этой попытки..."

Его пророчество оказалось верным в отношении любого продолжения любой общей работы в направлении Эволюции, но его оценка сил, которые впоследствии могли оказаться способными справиться с "Способностью к движению у растений" и с работой над "Дождевыми червями", была, безусловно, низкой.

1876 год, с которого начинается настоящая глава, принес с собой возрождение геологических работ. Он был поражен, как я слышал от профессора Джадда и как явствует из его писем, узнав, что с его книгами "Вулканические острова", 1844 г., и "Южная Америка", 1846 г., геологи все еще консультировались, и для него было неожиданностью, что потребовались новые издания. Обе эти работы были первоначально опубликованы господами Смитом и Элдером. Новое издание 1876 года также было выпущено ими. Это появилось в одном томе под названием "Геологические наблюдения за вулканическими островами и частями Южной Америки, посещенными во время плавания его превосходительства "Бигль"". В предисловии он объяснил причины, по которым оставил нетронутым текст оригинальных изданий: "Они касаются частей света, которые так редко посещались людьми науки, что я не уверен, что многое можно было бы исправить или добавить на основе сделанных впоследствии наблюдений. Из-за большого прогресса, достигнутого геологией в последнее время, мои взгляды по некоторым пунктам могут показаться несколько устаревшими; но я счел за лучшее оставить их такими, какими они появились изначально".

Возможно, именно возрождение геологических спекуляций из-за пересмотра его ранних книг привело к тому, что он записал наблюдения, о которых частично рассказывается в следующем письме. Часть этого была опубликована в книге профессора Джеймса Гейки "Доисторическая Европа", главы vii. и ix. (Предложение моего отца также учтено в книге профессора Джеймса Гейки "Доисторическая Европа". Речь Гейки о "Ледниковом периоде в Европе и Северной Америке", произнесенная в Эдинбурге 20 ноября 1884 г.). По просьбе моего отца процитированные отрывки были внесены некоторые словесные изменения. Мистер Гейки недавно написал мне: "Взгляды, изложенные в его письме относительно происхождения угловатых отложений и т.д. На Юге Англии, я полагаю, будут приняты как истина. Этот вопрос имеет гораздо более широкое значение, чем может показаться на первый взгляд. Фактически,

это решает одну из самых сложных проблем четвертичной геологии - и уже привлекло внимание немецких геологов".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖЕЙМСУ ГЕЙКИ. Даун, 16 ноября 1876 года.

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, что вы простите меня за то, что я побеспокоил вас очень длинным письмом. Но сначала позвольте мне сказать вам, с каким чрезвычайным удовольствием и восхищением я только что закончил читать ваш "Великий ледниковый период". Мне кажется, он написан превосходно и предельно ясно. Какими бы интересными ни были главы в мировой истории, я не думаю, что хоть одна из них приближается к ледниковому периоду или периодам. Хотя я постоянно много читал на эту тему, по сравнению с вашей книгой все это кажется мне почти новым.

Теперь я собираюсь упомянуть о небольшом наблюдении, сделанном мной два или три года назад близ Саутгемптона, но не доведенном до конца, поскольку у меня нет сил на экскурсии. Мне нет нужды говорить о характере тамошнего дрейфа (который включает палеолитических кельтов), поскольку вы в нескольких словах описали его основные черты на странице 506. Он покрывает всю страну ровной равнинной поверхностью, почти независимо от нынешних очертаний суши.

Грубая слоистость иногда нарушалась. Я обнаружил, что вы намекаете "на более крупные камни, часто стоящие дыбом"; и это тот момент, который меня так поразил. Не только угловатые камни среднего размера, но и мелкая овальная галька часто стоят вертикально, чего я никогда не видел в обычных слоях гравия. Этот факт напомнил мне о том, что происходит недалеко от моего дома, в твердой красной глине, полной необработанных кремней поверх мела, который, без сомнения, является остатком, нерастворенным дождевой водой. В этой глине кремень длиной и толщиной с мою руку часто стоит перпендикулярно кверху; и танкисты говорили мне, что это их "естественное положение"! Я предполагаю, что это положение можно с уверенностью приписать различному перемещению частей красной глины, поскольку она очень медленно оседала из-за растворения подстилающего ее мела; так что кремни располагаются по линиям наименьшего сопротивления. Похожее, но менее выраженное расположение камней в дрейфе близ Саутгемптона заставляет меня подозревать, что он также, должно быть, медленно оседал; и мне пришла в голову мысль, что в начале и в разгар ледникового периода на юге Англии скопились огромные пласты замерзшего снега, и что в течение лета гравий и камни вымывались с возвышенностей на ее поверхность и в поверхностные каналы. Более крупные ручьи, возможно, прорезались прямо через замерзший снег и отложили гравий в виде линий на дне. Но каждую последующую осень, когда перебоевало водоснабжение, я предполагаю, что дренажные линии были бы засыпаны сдуваемым снегом, который впоследствии застывал, и что из-за большого скопления на поверхности снега было бы просто случайностью, что дренаж вместе с гравием и песком будет проходить по тем же линиям в течение следующего лета. Таким образом, как я понимаю, чередующиеся слои замерзшего снега и наносов в виде пластов и линий в конечном итоге покрыли бы страну на большую толщину, причем линии наносов, вероятно, отложились в различных направлениях на дне более крупными потоками. По мере того как климат становился теплее, нижние слои замерзшего снега таяли бы чрезвычайно

медленно, и многие неровные слои межслоевого сугроба опускались бы вниз с такой же медленностью; и во время этого движения удлиненные камешки располагались бы более или менее вертикально. Дрейф также мог бы отложиться почти независимо от очертаний подстилающей поверхности. Когда я осматривал местность, я не мог убедить себя, что любое наводнение, каким бы сильным оно ни было, могло нанести такой крупный гравий на почти ровные платформы между долинами. Моя точка зрения отличается от точки зрения Холста, стр. 415 ["Великий ледниковый период"], о котором я никогда не слышал, поскольку его точка зрения относится к каналам, прорезанным в ледниках, а моя - к слоям дрейфа, покрытым замерзшим снегом, где ледников не существовало. Итогом этого длинного письма является просьба запомнить мою идею и остерегаться вертикальных камешков в любой низменности, которую вы сможете осмотреть, где ледников еще не было. Или, если вы считаете, что эта идея заслуживает дальнейшего обдумывания, но не более того, рассказать об этом кому-нибудь другому, например мистеру Скертчли, который исследует такие районы. Прошу простить меня за то, что я написал столь длинное письмо и еще раз благодарю вас за огромное удовольствие, полученное от вашей книги,

Я остаюсь преданно вашим, Ч. ДАРВИН.

P.S.... Я рад, что вы читали Блитта (Аксель Блитт. — "Очерк иммиграции норвежской флоры во время чередования сезонов дождей и засухи". Христиания, 1876.); его статья показалась мне наиболее важным вкладом в ботаническую географию. Как любопытно, что к тем же выводам пришел мистер Скертчли, который, по-видимому, первоклассный наблюдатель; а это подразумевает, как я всегда думаю, здравого теоретика.

Я попросил своего издателя прислать вам через два-три дня экземпляр (второе издание) моей геологической работы во время плавания "Бигля". Единственный момент, который, возможно, заинтересует вас, - это степные равнины Патагонии.

В течение многих прошедших лет у меня были страшные предчувствия, что, должно быть, изменился уровень моря, а не суши.

Несколько месяцев назад я прочитал очень интересную книгу вашего [брата] "Жизнь Мерчисона". (Автор мистер Арчибальд Гейки.) Хотя я всегда думал, что он стоит рядом с У. Смитом в классификации формаций, и хотя я знал, насколько добросердечен [он был], все же эта книга значительно подняла его в моем уважении, несмотря на его слабости и отсутствие широких философских взглядов.

[Единственная другая геологическая работа его последних лет была воплощена в его книге о дождевых червях (1881), которую, следовательно, удобно рассматривать в этом месте. Эта тема интересовала его за много лет до этой даты, и в 1838 году в "Трудах Геологического общества" была опубликована статья об образовании плесени (см. Том i).

Здесь он показал, что "фрагменты горелого мергеля, золы и т.д., Которые были густо разбросаны по поверхности нескольких лугов, были найдены через несколько лет, лежащими на глубине нескольких дюймов под дерном, но все еще образующими слой". Объяснением этого факта, составляющего центральную идею геологической части книги, он был обязан своему дяде Джосаиу Веджвуду, который предположил, что черви, вынося землю на поверхность в своих выбросах, должны подрывать любые предметы, лежащие на поверхности, и вызывать кажущееся затопление.

В книге 1881 года он расширил свои наблюдения за этим процессом захоронения и разработал ряд различных способов проверки своих оценок объема проделанной работы. (Он получил большую ценную помощь от доктора Кинга из Ботанического сада Калькутты. Следующий отрывок взят из письма доктору Кингу, датированного 18 января 1873 г.:—

"Я действительно не знаю, как и отблагодарить вас за те огромные хлопоты, которые вы взяли на себя. Вы уделили ТОЧНОЕ и ВСЕСТОРОННЕЕ внимание тем моментам, которые меня больше всего беспокоили. Если бы я каждый вечер был рядом с вами, я не смог бы предложить ничего другого ".) Он также добавил массу наблюдений над повадками, естественной историей и интеллектом червей - часть работы, которая значительно увеличила ее популярность.

В 1877 году сэр Томас Фаррер обнаружил недалеко от своего сада остатки здания римско-британских времен и, таким образом, дал моему отцу возможность лично увидеть последствия работы дождевых червей на старом бетоне - полах, стенах и т.д. По возвращении он написал сэру Томасу Фарреру:

"Я не могу припомнить более восхитительной недели, чем прошлая. Я очень хорошо знаю, что Э. мне не поверит, но черви ни в коем случае не были единственной прелестью".

Осенью 1880 года, когда "Движущая сила растений" была почти закончена, он снова заговорил на эту тему. Он написал профессору Карусу (21 сентября):

"В перерывах между коррективкой прессы я пишу очень маленькую книгу и уже сделал почти половину из нее. Его название будет (в том виде, в каком оно разработано в настоящее время) "Образование растительной плесени под действием червей". (Полное название - "Образование растительной плесени под действием червей с наблюдениями за их повадками", 1881.) Насколько я могу судить, это будет любопытная маленькая книжка".

Рукопись была отправлена в типографию в апреле 1881 года, и когда пришли корректурные листы, он написал профессору Карусу: "Эта тема была для меня хобби, и я, возможно, изложил ее в дурацких деталях".

Он был опубликован 10 октября, и сразу было продано 2000 экземпляров. Он написал сэру Дж.Д. Хукеру: "Я рад, что вы одобряете "Червей". Когда в прежние времена я рассказывал вам о том, что я делаю, если вам это было хоть сколько-нибудь интересно, я всегда чувствовал то же, что и большинство людей, когда их работа наконец публикуется".

Мистеру Мелларду Риду он написал (8 ноября): "Для меня было полной неожиданностью, как много людей заинтересовались этой темой". И мистеру Дайеру (в ноябре): "Моя книга была принята с почти смехотворным энтузиазмом, и было продано 3500 экземпляров!!!" И снова своему другу мистеру Энтони Ричу он писал 4 февраля 1882 года: "Меня замучил бесконечный поток писем на эту тему; большинство из них очень глупые и восторженные; но некоторые содержат полезные факты, которые я использовал вчера при исправлении "Шестой тысячи". Популярность книги можно приблизительно оценить по тому факту, что за три года после ее публикации было продано 8500 экземпляров — это продажи относительно большие, чем у "Происхождения видов".

Нетрудно объяснить его успех у ненаучной публики. Выводы, столь обширные, столь новые и столь легко понятные, сделанные на основе изучения столь знакомых существ и трактуемые с

неослабевающей энергией и свежестью, вполне могли привлечь многих читателей. Рецензент замечает: "В глазах большинства мужчин... дождевой червь - это просто слепой, немой, бессмысленный и неприятно слизистый кольчатый червь. Мистер Дарвин берется реабилитировать своего персонажа, и дождевой червь сразу выступает как умный и благотворный персонаж, участник масштабных геологических изменений, строитель горных склонов ... друг человека ... и союзник Общества охраны памятников старины ". "Сент-Джеймс Газетт" от 17 октября 1881 года указала, что учение о совокупной важности бесконечно малого является точкой соприкосновения между этой книгой и предыдущей работой автора.

Остается обратить внимание еще на одну книгу - "Жизнь Эразма Дарвина".

В феврале 1879 года в эволюционном журнале "Космос" появилось эссе доктора Эрнста Краузе о научной работе Эразма Дарвина. Номер "Космоса", о котором идет речь, был "Подарком судьбы" (В том же номере содержится хороший биографический очерк моего отца, материал для которого в значительной степени был предоставлен им автору, профессору Прейеру из Йены. Статья содержит превосходный список публикаций моего отца.), или специальный поздравительный выпуск в честь дня рождения моего отца, так что эссе доктора Краузе, прославляющее старшего эволюциониста, было вполне к месту. Он написал доктору Краузе, сердечно поблагодарив его за честь, оказанную Erasmus, и попросив разрешения опубликовать (желание сделать это разделял его брат, Эразм Дарвин младший, который продолжал участвовать в проекте.) английский перевод эссе.

Его главной причиной написать заметку о жизни дедушки было "категорическое опровержение некоторых наветов мисс Сьюард". Это явствует из письма от 27 марта 1879 года моему двоюродному брату Реджинальду Дарвину, в котором он просит предоставить любые документы и переписки, которые могли бы пролить свет на личность Эразма. Это привело к тому, что мистер Реджинальд Дарвин передал в руки моего отца большое количество ценных материалов, включая любопытный фолиант с общими местами, о котором он написал: "Я был глубоко заинтересован этой великой книгой ... читать и разглядывать ее - все равно что общаться с мертвыми ... [это] многое дало мне о занятиях и вкусах нашего дедушки". В последующем письме (8 апреля) тому же корреспонденту описывается источник дальнейшего поступления материала: —

Со времени моего последнего письма я сделал странное открытие: в старой шкатулке от моего отца с пометкой "Старые дела", которую я, следовательно, никогда не открывал, я обнаружил множество писем — сотни от доктора Эразмуса — и другие от старых членов Семьи; некоторые из них были очень любопытными. А также рисунок Элстона до того, как он был изменен, примерно в 1750 году, копию которого я, пожалуй, приведу".

Вклад доктора Краузе составил вторую часть "Жизни Эразмуса Дарвина", а мой отец снабдил ее "предварительным уведомлением". Это выражение на титульном листе несколько вводит в заблуждение; вклад моего отца составляет более половины книги, и его следовало бы описывать как биографию. Работа такого рода была для него в новинку, и он с сомнением написал мистеру Тизелтону Дайеру 18 июня: "Одному Богу известно, что я сделаю из его жизни, для меня это такая новая работа". Сильный интерес, который он испытывал к своим предкам, помог придать изюминку работе, которая стала для него настоящим удовольствием. У широкой публики книга не имела заметного успеха, но многие его друзья признали ее достоинства. Сэр Дж. Д. Хукер был одним из них, и мой отец написал ему: "Ваша похвала жизни доктора Д.

чрезвычайно порадовала меня, потому что я презирал свою работу и считал себя совершенным дураком, раз взялся за такую работу".

14 ноября он написал также мистеру Гальтону:

"Я ЧРЕЗВЫЧАЙНО рад, что вы одобряете маленькую "Жизнь" нашего дедушки, ибо я уже раскаиваюсь, что вообще взялся за нее, поскольку эта работа была мне совершенно не по силам".

Публикация "Жизни Эразмуса Дарвина" привела к нападкам со стороны мистера Сэмюэля Батлера, которые были равносильны обвинению моего отца во лжи. Посоветовавшись со своими друзьями, он пришел к решению оставить обвинение без ответа, как недостойное его внимания. (В письме мистеру Батлеру он выразил свое сожаление по поводу оплошности, которая вызвала столько оскорблений.) Те, кто желает узнать больше об этом деле, могут почерпнуть факты из книги Эрнста Краузе "Чарльз Дарвин", и они найдут изложение жалобы мистера Батлера в "Атенеуме" от 31 января 1880 года и в "Сент-Джеймс Газетт" от 8 декабря 1880 года. Это дело причинило моему отцу много боли, но теплое сочувствие тех, чье мнение он уважал, вскоре помогло ему предать его заслуженному забвению.

Следующее письмо относится к книге М. Ж.Х. Фабра "Энтомологические сувениры". Возможно, ей найдется место здесь, поскольку она содержит защиту Эразма Дарвина по небольшому вопросу. Постскрипtum интересен как пример одной из смелых идей моего отца как в отношении эксперимента, так и в отношении теории:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Х. ФАБРУ. Даун, 31 января 1880 года.

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, что вы позволите мне иметь удовольствие сердечно поблагодарить вас за живое удовольствие, которое я получил от чтения вашей книги. Никогда еще удивительные привычки насекомых не были описаны так ярко, и читать о них почти так же приятно, как видеть. Я уверен, что вы не были бы несправедливы даже к насекомому, не говоря уже о человеке. Итак, какой-то переводчик ввел вас в заблуждение, поскольку мой дед, Эразмус Дарвин, утверждает ("Зоономия", том i, стр. 183, 1794), что это была оса (guere), которую он видел отрезающей крылья большой мухе. Я не сомневаюсь, что вы правы, утверждая, что крылья обычно обрезаются инстинктивно; но в случае, описанном моим дедушкой, оса, отрезав два конца тела, поднялась в воздух и была закружена ветром; затем она села и отрезала крылья. Я должен верить вместе с Пьером Хубером, что у насекомых есть "маленькая доза смысла". Я надеюсь, что в следующем издании вашей книги вы ЧАСТИЧНО измените то, что говорите о моем дедушке.

Мне жаль, что вы так решительно выступаете против теории происхождения; я обнаружил, что изучение истории каждой структуры или инстинкта является отличным подспорьем для наблюдения; и поскольку вы прекрасный наблюдатель, это могло бы подсказать вам новые точки зрения. Если бы я писал об эволюции инстинктов, я мог бы хорошо использовать некоторые факты, которые вы приводите. Позвольте мне добавить, что когда я прочитал последнее предложение в вашей книге, я глубоко посочувствовал вам. (Книга задумана как

память о ранней смерти сына мсье Фабра, который был ассистентом своего отца в его наблюдениях за жизнью насекомых.)

С самым искренним уважением остаюсь, дорогой сэр, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S.— Позвольте мне внести предложение в связи с вашим замечательным рассказом о насекомых, нашедших дорогу домой. Раньше я хотел попробовать это с голубями, а именно: переносить насекомых в их бумажных "корнетиках" примерно на сто шагов в направлении, противоположном тому, в котором вы в конечном итоге намеревались их нести; но прежде чем поворачиваться, чтобы вернуться, положите насекомое в круглую коробку с осью, которую можно заставить очень быстро вращаться сначала в одну сторону, а затем в другую, чтобы на время лишить насекомых всякого чувства направления. Иногда я ПРЕДСТАВЛЯЛ себе, что животные могут чувствовать, в каком направлении их несло при первом старте. (Эта идея была ему излюбленной, и он описал в "Природе" (том vii, 1873, стр. 360) поведение своего приятеля Томми, в котором, как ему показалось, он обнаружил чувство направления. Лошадь была доставлена по железной дороге из Кента на остров Уайт; там она проявила явное желание отправиться на восток, даже когда ее конюшня находилась в противоположном направлении. В том же томе "Природы", на странице 417, есть письмо о "Происхождении определенных инстинктов", в котором содержится краткое рассуждение о чувстве направления.) Если этот план провалится, я намеревался поместить голубей в индукционную катушку, чтобы нарушить любую магнитную или диамагнитную чувствительность, которой, вполне возможно, они обладают.

C.D.

[В последние годы жизни моего отца в обществе росла тенденция оказывать ему почести. В 1877 году он получил почетную степень доктора права в Кембриджском университете. Ученая степень была присуждена 17 ноября с обычной латинской речью Публичного оратора, завершившейся словами: "Ты прав, закон природы там, где учат иллюстрации, закон доктора нобиса эсто".

Почетная степень привела к тому, что в университете развернулось движение за создание какого-нибудь постоянного памятника моему отцу. Была выделена сумма около 400 фунтов, и после отказа от идеи о том, что лучшим мемориалом будет бюст, была выбрана картина. В июне 1879 года он позировал мистеру У. Ричмонду для портрета, находящегося в распоряжении Университета и ныне хранящегося в библиотеке Философского общества в Кембридже. Он изображен сидящим в Докторском халате, голова повернута к зрителю: у картины много поклонников, но, по моему собственному мнению, ни поза, ни выражение лица не характерны для моего отца.

Аналогичное желание со стороны Линнеевского общества— с которым мой отец был так тесно связан, привело к тому, что в августе 1881 года он обратился к мистеру Джону Кольеру с просьбой передать портрет, который сейчас находится во владении Общества. О художнике он писал: "Кольер был самым внимательным, добрым и приятным художником, какого только мог пожелать натурщик". На портрете он изображен стоящим лицом к наблюдателю в свободном плаще, столь знакомом тем, кто его знал, и со шляпой с опущенными полями в руке. Многие из тех, кто знал его в лицо наиболее близко, считают, что картина мистера Кольера - лучший из портретов, и с этим суждением был склонен согласиться сам натурщик. По моему ощущению,

это не такое простое и сильное представление о нем, как то, которое дал мистер Оулесс. В портрете мистера Кольера есть определенное выражение, которое я склонен считать преувеличением того почти болезненного выражения, которое профессор Кон описал на лице моего отца и которое он ранее заметил у Гумбольдта. Замечания профессора Кона содержатся в приятно написанном отчете о визите в Даун в 1876 году, опубликованном в "Бреслауэр цайтунг" 23 апреля 1882 года. (В этой связи можно упомянуть визит (1881 г.) другого выдающегося немца, Ганса Рихтера. В остальном это событие заслуживает упоминания, поскольку оно привело к публикации после смерти моего отца воспоминаний герра Рихтера об этом визите. Очерк написан просто и с сочувствием, и автору удалось дать правдивую картину моего отца таким, каким он жил в Дауне. Она появилась в "Neue Tagblatt" в Вене и была переиздана доктором О. Захариасом в его книге "Чарльз Р. Дарвин", Берлин, 1882.)

Помимо кембриджской степени, примерно в то же время он получил академические награды от некоторых зарубежных обществ.

5 августа 1878 года он был избран членом-корреспондентом Французского института ("Лайель всегда говорил об этом как о большом скандале, что Дарвина так долго не допускали во Французский институт. Как он сказал, даже если бы против гипотезы развития были выдвинуты возражения, оригинальные работы Дарвина о коралловых рифах, усонюгах и других предметах представляли собой более чем достаточное утверждение". — Из заметок профессора Джадда.), в ботаническом разделе, и написал доктору Эйсе Грю: —

"Я вижу, что мы оба избраны членами-корреспондентами Института. Это довольно хорошая шутка, что меня выбрали в Ботаническую секцию, поскольку объем моих знаний немногим превышает то, что маргаритка - сложное растение, а горох - бобовое".

(Неоднократно публиковалось заявление о том, что он был избран в Зоологическую секцию, но это было не так.

Он получил двадцать шесть голосов из 39 возможных, было отправлено пять чистых бюллетеней, а за других кандидатов было подано восемь голосов.

В 1872 году была предпринята попытка избрать его в Секцию зоологии, когда, однако, он получил только 15 голосов из 48, и на вакантное место был выбран Ловен. Оказывается ("Природа", 1 августа 1872 г.), что выдающийся член Академии написал в "Les Mondes" следующее письмо:

Что закрыло двери Академии перед мистером Дарвином, так это то, что научная составляющая тех его книг, которые принесли ему главную славу - "Происхождение видов" и еще более "Происхождение человека", - это не наука, а масса утверждений и абсолютно необоснованных гипотез, часто явно ошибочных. Такого рода публикации и эти теории являются плохим примером, который уважающий себя орган не может поощрять".)

В начале того же года он был избран членом—корреспондентом Берлинской академии наук, и он написал (12 марта) профессору Дюбуа Реймону, который предложил его для избрания:-

"Я искренне благодарю вас за ваше самое любезное письмо, в котором вы сообщаете о великой чести, оказанной мне. Знание имен выдающихся людей, поддержавших это предложение, доставляет мне даже большее удовольствие, чем сама честь".

Вторыми были Гельмгольц, Петерс, Эвальд, Прингсхайм и Вирхов.

В 1879 году он получил медаль Бали Королевского колледжа врачей. (Визит в Лондон, вызванный вручением медали Бали, был совмещен с посещением дома мисс Форстер в Абингере, в Суррее, и это послужило поводом для написания следующего характерного письма: "Я должен написать несколько слов, чтобы сердечно поблагодарить вас за то, что вы предоставили нам свой дом. Это была самая добрая мысль, и она мне очень понравилась; но я хорошо знаю, что ни от кого не заслуживаю такой доброты. С другой стороны, никто не может быть слишком добр к моей дорогой жене, которая во много раз дороже меня на вес золота, и она очень хотела, чтобы я полностью отдохнул, а здесь я не могу успокоиться. Ваш дом станет восхитительным убежищем, и я еще раз искренне благодарю вас".)

Снова в 1879 году он получил от Туринской королевской академии премию "Бресса" за 1875-78 годы в размере 12 000 франков. В следующем году в свой день рождения, как и в предыдущие разы, он получил любезное поздравительное письмо от доктора Дорна из Неаполя. В письме (15 февраля), чтобы поблагодарить его и других натуралистов с Зоологической станции, мой отец добавил:—

"Возможно, вы читали в газетах, что Туринское общество оказало мне исключительную честь, присудив премию "Бресса". Теперь мне пришлось в голову, что если вашей станции понадобятся какие-то приборы стоимостью примерно в 100 фунтов, я бы очень хотел, чтобы мне разрешили заплатить за это. Будьте так добры, имейте это в виду, и, если у вас возникнет какая-нибудь нужда, я вышлю вам чек в любое время".

Я узнаю из счетов моего отца, что 100 фунтов были переданы неаполитанскому вокзалу.

Он также получил несколько знаков уважения и симпатии более частного характера из различных источников. Что касается подобных инцидентов и оценки общественности в целом, его отношение может быть проиллюстрировано отрывком из письма мистеру Романеску: (Лекция, о которой идет речь, была прочитана на дублинском собрании британской ассоциации.)

"Вы действительно произнесли в мой адрес великолепнейший панегирик, и я удивляюсь, что вы не побоялись услышать "о! о!" или какой-либо другой знак неодобрения. Многие люди думают, что то, что я сделал в науке, сильно переоценили, и я сам очень часто так думаю; но меня утешает то, что я никогда сознательно не делал ничего, чтобы заслужить аплодисменты. Достаточно и даже слишком много о моем дорогом "я".

Среди таких выражений уважения он очень высоко ценил два фотоальбома, полученных из Германии и Голландии в его день рождения в 1877 году. Герру Эмилю Раде из Мюнстера принадлежит идея немецкого подарка на день рождения, и он предпринял необходимые приготовления. Ему мой отец написал (16 февраля 1877 г.):—

"Я надеюсь, что вы сообщите ста пятидесяти четырем деятелям науки, включая некоторые из самых уважаемых имен в мире, как я благодарен им за доброту и великодушное сочувствие, которые прислали мне свои фотографии в мой день рождения".

Профессору Геккелю он писал (16 февраля 1877 г.):

Альбом только что прибыл в целости и сохранности. Он превосходен. (Альбом в великолепном переплете и украшен красиво подсвеченным титульным листом - работой художника герра А. Фитгера из Бремена, который также написал стихотворение-посвящение.) Безусловно, это величайшая честь, которую я когда-либо получал, и мое удовлетворение значительно возросло от вашего любезнейшего письма от 9 февраля... Я благодарю вас всех от всего сердца. Я написал этим постом герру Раде и надеюсь, что ему каким-то образом удастся отблагодарить всех моих щедрых друзей ".

Профессору А. ван Беммелену он написал, получив аналогичный подарок от ряда выдающихся людей и любителей естественной истории в Нидерландах:

"Сэр,

Вчера я получил великолепный подарок в виде альбома вместе с вашим письмом. Я надеюсь, что вы постараетесь найти какой-нибудь способ выразить двумстам семнадцати выдающимся наблюдателям и любителям естествознания, которые прислали мне свои фотографии, мою благодарность за их чрезвычайную доброту. Я глубоко польщен этим подарком и не думаю, что можно было бы представить себе более почетное для меня свидетельство. Я прекрасно осознаю, что мои книги никогда не были бы написаны и не произвели бы никакого впечатления на общественное сознание, если бы не огромное количество материала, собранного длинной чередой замечательных наблюдателей; и именно им я обязан этой честью в первую очередь. Я полагаю, что каждый работник науки время от времени впадает в депрессию и сомневается, стоило ли то, что он опубликовал, того труда, которого это ему стоило, но в течение нескольких оставшихся лет моей жизни, всякий раз, когда мне захочется аплодисментов, я буду смотреть на портреты моих выдающихся коллег в области науки и вспоминать их великодушное сочувствие. Когда я умру, альбом станет самым ценным завещанием моим детям. Я должен далее выразить свою признательность за очень интересную историю, содержащуюся в вашем письме, о развитии общественного мнения в Нидерландах в отношении Эволюции, которая в целом является для меня совершенно новой. Я должен еще раз от всего сердца поблагодарить всех моих добрых друзей за их незабываемые отзывы, и я остаюсь, сэр,

Ваш обязанный и благодарный слуга ЧАРЛЬЗ Р. ДАРВИН".

[В июне следующего (1878) года он был рад узнать, что император Бразилии выразил желание встретиться с ним. Из-за отсутствия дома мой отец не смог выполнить это желание; он написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"Император так много сделал для науки, что каждый ученый обязан выказывать ему величайшее уважение, и я надеюсь, что вы выразите самым сильным языком, на который вы способны, всю правду, насколько я польщен его желанием видеть меня; и как сильно я сожалею о своем отсутствии дома".

Наконец, следует упомянуть, что в 1880 году он получил адрес, лично представленный членами Совета Бирмингемского философского общества, а также мемориал от Союза йоркширских натуралистов, представленный некоторыми членами во главе с доктором Сорби. В том же году его также посетили некоторые члены Научной ассоциации Люишема и Блэкхита — визит, который, я думаю, понравился как гостям, так и хозяину.]

РАЗНЫЕ ПИСЬМА—1876-1882гг.

[Главным инцидентом личного характера (еще не рассмотренным) за годы, которые мы сейчас рассматриваем, была смерть его брата Эразма, который скончался в своем доме на Куин-Энн-стрит 26 августа 1881 года. Мой отец написал сэру Дж.Д. Хукеру (30 августа):

"Смерть Эразма - очень тяжелая потеря для всех нас, потому что у него был очень нежный нрав. Он всегда казался мне самым приятным и рассудительным человеком, которого я когда-либо знала. Лондон покажется мне странным местом без его присутствия; я глубоко рад, что он умер без особых страданий, после очень непродолжительной болезни, вызванной простой слабостью, а не какой-либо определенной болезнью. ("Я думаю, он не был счастливым человеком и в течение многих лет не ценил жизнь, хотя никогда не жаловался". — Из письма сэру Томасу Фарреру.)

"Я не могу полностью согласиться с вами по поводу смерти старых и молодых. Смерть в последнем случае, когда впереди светлое будущее, вызывает горе, которое никогда не будет полностью изглажено".

Случай счастливого характера также может быть выбран для особого упоминания, поскольку он сильно тронул сочувствие моего отца. Письмо (17 декабря 1879 г.) сэру Джозефу Хукеру показывает, что возможность назначения государственной пенсии мистеру Уоллесу впервые пришла в голову моему отцу именно в это время. Эта идея была подхвачена другими, и письма моего отца показывают, что он был живо заинтересован в успехе этого плана. Например, он писал миссис Фишер: "Вряд ли я когда-либо желал чего-то больше, чем успеха нашего плана". Он был глубоко рад, когда его другу была оказана эта вполне заслуженная честь, и написал тому же корреспонденту (7 января 1881 г.), получив письмо от мистера Гладстона, сообщаящее об этом факте: "Как необычайно любезно со стороны мистера Гладстона найти время для письма при нынешних обстоятельствах. (Мистер Гладстон в то время занимал свой пост, и письмо, должно быть, было написано, когда он был перегружен делами, связанными с открытием парламента (6 января). Боже мой! как я доволен!"

Последующие письма носят различный характер и относятся главным образом к книгам, которые он читал, и к его второстепенным произведениям.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС БАКЛИ (МИССИС ФИШЕР). Даун, 11 февраля [1876].

Моя дорогая мисс Бакли,

Вы должны позволить мне иметь удовольствие сообщить, что я только что с большим интересом закончил читать вашу новую книгу. ("Краткая история естествознания".) Идея кажется мне отличной и, насколько я могу судить, очень хорошо реализованной. Есть много очарования в том, чтобы взглянуть с высоты птичьего полета на все грандиозные ведущие шаги в научном прогрессе. Сначала я сожалел, что вы не разделили каждую науку более обособленно; но, осмелюсь сказать, вы сочли это невозможным. У меня почти нет никаких критических замечаний, за исключением того, что, по-моему, вам следовало бы представить Мерчисона как великого классификатора формаций, уступающего только У. Смиту. Вы воздали полную справедливость, и не более чем справедливость, нашему дорогому старому мастеру Лайеллу. Возможно, следовало бы сказать о ботанике немного больше, и если вы когда-нибудь добавите это, вы сочтете "Историю" Сакса, недавно опубликованную, очень подходящей для вашей цели.

Вы увенчали Уоллеса и меня большой честью и прославили. Я сердечно поздравляю вас с созданием столь нового и интересного произведения и остаюсь,

Моя дорогая мисс Бакли, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. [Хоупден] (Дом мистера Хенсли Веджвуда в Суррее.), 5 июня 1876г.

Мой дорогой Уоллес,

Я должен иметь удовольствие выразить вам мое безграничное восхищение вашей книгой ("Географическое распространение", 1876 г.), хотя я дочитал только до страницы 184 — моей целью было делать как можно меньше во время отдыха. Я уверен, что вы заложили широкую и надежную основу для всей будущей работы по распространению. Как интересно будет увидеть, что в дальнейшем растения рассматриваются в строгом соответствии с вашими взглядами; а затем все насекомые, легкоусвояемые моллюски и пресноводные рыбы - более подробно, чем, я полагаю, вы описали этим низшим животным. Пункт, который заинтересовал меня больше всего, но я не говорю, что самый ценный пункт, - это ваш протест против затопления воображаемых континентов совершенно безрассудным образом, как это было заявлено Forbes, за которым, увы, последовал Хукер, и карикатурно изображено Волластоном и [Эндрю] Мюрреем! Кстати, главное впечатление, которое последний автор произвел на меня, - это его полное отсутствие каких-либо научных суждений. Я поднял свой голос против приведенной выше точки зрения, но безрезультатно, но я не сомневаюсь, что вы добьетесь успеха благодаря вашим новым аргументам и цветной таблице. Особую ценность, как мне кажется, представляет вывод о том, что мы должны определять ареалы обитания, главным образом, по характеру млекопитающих. Когда я много лет назад работал над этим предметом, я сильно сомневался, следует ли разделять ныне называемые Палеарктический и Неарктический регионы; и я решил, что если я создам другой регион, то это должен быть Мадагаскар. Поэтому я смог оценить ваши доказательства по этим пунктам. Какого прогресса добилась палеонтология за последние 20 лет; но если она будет развиваться такими же темпами и в будущем, боюсь, наши взгляды на миграцию и места рождения различных групп сильно изменятся. Я не совсем спокойно отношусь к ледниковому периоду и вымиранию крупных млекопитающих, но я должен надеяться, что вы правы. Я думаю, вам придется изменить свое мнение о трудности расселения наземных моллюсков; меня прервали, когда я начал экспериментировать с только что вылупившимися птенцами, прилипшими к лапам птиц, сидящих на насесте. Я не согласен еще по одному пункту, а именно. я полагаю, что должен был существовать третичный антарктический континент, откуда различные формы распространились к южным оконечностям наших нынешних континентов. Но я мог бы продолжать писать вечно. Вы написали, как я полагаю, грандиозный и запоминающийся труд, который прослужит долгие годы как основа для всех будущих трактатов о географическом распространении.

Мой дорогой Уоллес, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Вы сделали мне самый высокий комплимент, какой только можно себе представить, сказав о своей работе в связи с моими главами о распространении в "Origin", и я сердечно благодарю вас за это.

[Следующие письма иллюстрируют способность моего отца проявлять живой интерес к работам, имеющим отношение к эволюции, но не связанным с его собственными специальными исследованиями в то время. Книги, упомянутые в первом письме, - это "Studien zur Descendenzlehre" профессора Вейсмана (мой отец сделал предисловие к переводу профессора Мелдолы. "Studien" Вейсмана, 1880-81), являющийся частью серии эссе, которыми автор оказал такую замечательную услугу делу эволюции:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - АВГУСТУ ВЕЙСМАНУ. 12 января 1877 года.

... Я так медленно читаю по-немецки, и в последнее время мне пришлось прочитать несколько других работ, так что я еще не закончил только половину вашего первого эссе и две трети вашего второго. Они вызвали мой интерес и восхищение в высшей степени, и то, о чем я думаю в последнюю очередь, кажется мне самым ценным. Я никогда не ожидал увидеть, что цветные отметины на гусеницах будут так хорошо объяснены; и случай с глазками меня особенно восхищает ...

... Есть еще один предмет, который всегда казался мне более трудным для объяснения, чем даже цвет гусениц, и это цвет птичьих яиц, и я бы хотел, чтобы вы подняли этот вопрос.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МЕЛЬХИОРУ НОЙМАЙРУ (профессору палеонтологии в Вене), ВЕНА. Даун, Бекенхэм, Кент, 9 марта 1877 года.

Уважаемый сэр,

Из-за того, что я был вынужден читать другие книги, я только вчера закончил ваше эссе о "Конгеръене" и т. Д. ('Die Congerien und Paludinenschichten Slavoneins.' 4to, 1875.)

Я надеюсь, что вы позволите мне выразить свою благодарность за удовольствие и наставления, которые я получил, прочитав это. Мне кажется, это замечательная работа; и это, безусловно, лучший пример, с которым я когда-либо встречался, показывающий прямое влияние условий жизни на организацию.

Мистер Хайатт, который изучал дело Хильгендорфа, написал мне о выводах, к которым он пришел, и они почти совпадают с вашими. Он настаивает на том, что близкородственные формы могут происходить от различных линий происхождения; и это то, что я раньше называл аналогической вариацией. Теперь не может быть сомнений в том, что виды могут сильно изменяться под прямым воздействием окружающей среды. У меня есть некоторое оправдание тому, что я ранее не настаивал более решительно на этом разделе моего "Происхождения видов", поскольку большинство лучших фактов были обнаружены с момента его публикации.

С моей новой благодарностью за ваше интереснейшее эссе и с глубочайшим уважением остаюсь, дорогой сэр,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Э.С. МОРЗЕ. Записано 23 апреля 1877 года.

Мой дорогой сэр,

Вы должны позволить мне просто сказать вам, как сильно меня заинтересовало это прекрасное обращение ("Что американские зоологи сделали для эволюции", обращение к Американской ассоциации содействия развитию науки, август 1876 г. Том xxv. Трудов Ассоциации.) который вы были так любезны прислать мне и который я очень хотел прочитать. Я полагаю, что прочитал все или почти все статьи ваших соотечественников, на которые вы ссылаетесь, но я был изрядно поражен их количеством и важностью, когда увидел их собранными таким образом. Я вполне согласен с высокой ценностью работ г-на Аллена (г-н Дж.А. Аллен показывает существование географических рас птиц и млекопитающих. Proc. Boston Society. Nat. Hist. том xv.), как показывающее, каких больших изменений можно ожидать, по-видимому, под прямым воздействием условий жизни. Что же касается ископаемых останков на Западе, то никакими словами не передать, насколько они замечательны. Есть один момент, о котором я сожалею, что вы не прояснили в своем Выступлении, а именно, в чем смысл и важность взглядов профессоров Коупа и Хайятта на ускорение и замедление. Я пытался, но в отчаянии отказался от попытки постичь их значение.

Позвольте мне сердечно поблагодарить Вас за добрые чувства, проявленные ко мне в вашем Обращении, и я остаюсь, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к его "Биографическому очерку младенца", написанному на основе заметок, сделанных 37 лет назад, и опубликованному в "Mind", июль 1877 г. Статья привлекла большое внимание и была переведена в то время в "Kosmos" и "Revue Scientifique", а недавно опубликована в книге доктора Краузе "Gesammelte kleinere SchrifteN von Charles Darwin", 1887:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Г. КРУМУ РОБЕРТСОНУ. (Редактор "Mind".) Даун, 27 апреля 1877г.

Уважаемый сэр,

Я надеюсь, что вы будете так добры и возьмете на себя труд прочитать прилагаемую рукопись, и если вы сочтете ее пригодной для публикации в вашем замечательном журнале "Mind", я буду признателен. Если вы считаете, что это не подходит, что весьма вероятно, пожалуйста, верните это мне. Я надеюсь, что вы прочтете ее с особой критичностью, поскольку я не могу судить, стоит ли ее публиковать, поскольку мне было так интересно наблюдать за зарождением нескольких способностей в моем собственном младенце. Могу добавить, что мне и в голову не пришло бы посылать вам рукопись, если бы в вашем журнале не появилась статья М. Тэна. (1877, стр. 252. Оригинал появился в "Философском ревю" в 1876 году.) Если моя рукопись будет напечатана, я думаю, мне лучше посмотреть корректуру.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне Ваш Ч. ДАРВИН.

[Два следующих отрывка показывают живой интерес, который он сохранял к различным областям исследований. Профессор Кон из Бреслау упомянул в письме исследования Коха по селезеночной лихорадке, мой отец ответил 3 января:

"Я хорошо помню, как двадцать-тридцать лет назад сказал себе, что если когда-нибудь удастся доказать происхождение какого-либо инфекционного заболевания, это будет величайшим триумфом науки; и теперь я рад, что стал свидетелем этого триумфа".

Весной он получил экземпляр книги доктора Э. фон Мойсисовича "Доломитовый рифф", его письмо автору (1 июня 1878 г.) интересно как имеющее отношение к влиянию его собственной работы на методы геологии.

"Я наконец-то нашел время прочитать первую главу вашего "Доломитового риффа", и она меня ЧРЕЗВЫЧАЙНО заинтересовала. На какое замечательное изменение в будущем геологической хронологии вы указываете, предполагая, что теория происхождения установлена, а затем принимая постепенные изменения одной и той же группы организмов за истинный стандарт! Я никогда не надеялся дожить до того, чтобы увидеть, как кто-либо даже предложит такой шаг".

Еще одним геологическим исследованием, вызвавшим восхищение моего отца, была работа мистера Д. Макинтоша над неустойчивыми блоками. Помимо своих внутренних достоинств, работа вызвала у него глубокое сочувствие из-за условий, в которых она была выполнена, поскольку мистер Макинтош был вынужден уделять почти все свое время обучению. Следующий отрывок взят из письма мистеру Макинтошу от 9 октября 1879 года и относится к его статье в Журнале Геологического общества за 1878 год:

"Я надеюсь, что вы позволите мне иметь удовольствие поблагодарить вас за огромное удовольствие, которое я получил, просто прочитав вашу статью о неустойчивых блоках. Карта великолепна, и о том, какой труд демонстрирует каждая из этих линий! В течение нескольких лет я думал, что роль плавучего льда, которую почти полвека назад переоценивали, в последнее время недооценивают. Вы единственный человек, который когда-либо замечал различие, предложенное мной (в его статье о "Древних ледниках Карнарвоншира", Phil. Mag. xxi. 1842.) между плоскими или выструганными зубчатыми камнями и бугристыми зубчатыми камнями".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. РИДЛИ. Даун, 28 ноября 1878 г.

Уважаемый сэр,

Я только что бегло просмотрел проповедь доктора Пьюзи, опубликованную в "Гардиан", но она не показалась мне заслуживающей какого-либо внимания. Поскольку я никогда не отвечал на критические замечания, за исключением тех, которые были сделаны учеными, я не желаю, чтобы это письмо было опубликовано; но я не возражаю против ваших слов о том, что вы прислали мне три вопроса и что я ответил, что доктор Пьюзи ошибся, вообразив, что я написал "Происхождение", имеющее какое-либо отношение к геологии. Я полагал, что это было бы очевидно любому, кто взял на себя труд прочитать книгу, тем более что в первых строках введения я уточняю, как эта тема возникла в моем сознании. Этот ответ снимает два других ваших вопроса; но я могу добавить, что много лет назад, когда я собирал факты для "Происхождения", моя вера в то, что называется личным Богом, была столь же твердой, как и у

самого доктора Пьюзи, а что касается вечности материи, то я никогда не беспокоился о таких неразрешимых вопросах. Нападки доктора Пьюзи будут столь же бессильны ни на день подорвать веру в эволюцию, как и яростные нападки богословов пятьдесят лет назад на геологию и еще более старые нападки католической церкви на Галилея, ибо публика достаточно мудра, чтобы всегда следовать за учеными, когда они соглашаются по какому-либо вопросу; и сейчас среди биологов существует почти полное единодушие по поводу эволюции, хотя все еще существуют значительные различия относительно средств, таких как то, насколько далеко действовал естественный отбор и насколько далеко внешние условия, или существует ли какая-то таинственная врожденная тенденция к совершенствованию. Я остаюсь, дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Богословы были не единственными противниками свободы в науке. 22 сентября 1877 года проф. Вирхов выступил с речью на Мюнхенском собрании немецких естествоиспытателей и врачей, которая позволила связать социализм с теорией происхождения. Эта точка зрения была подхвачена антиэволюционистами до такой степени, что, по словам Геккеля, "Kreuz Zeitung" возложила "всю вину" на "предательские попытки демократов Ходеля и Нобилинга"... непосредственно по теории происхождения". Проф. Геккель ответил энергично и талантливо в своей работе "Свобода в науке и преподавании" (английский перевод 1879 г.), эссе, которое должно вызвать симпатию всех любителей свободы.

Следующий отрывок из письма (26 декабря 1879 г.) доктору Шерцеру, автору "Путешествия на "Новаре"", дает представление о взглядах моего отца на этот некогда животрепещущий вопрос:

"Какая глупая идея, кажется, преобладает в Германии относительно связи между социализмом и эволюцией посредством естественного отбора".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Х.Н. МОЗЛИ. (Профессор зоологии в Оксфорде. Книга, на которую ссылается профессор. Мозли "Заметки натуралиста о "Челленджере"".) Записано 20 января 1879 г.

Дорогой Мозли,

Я только что получил вашу книгу и заявляю, что никогда в жизни не видел посвящения, которым я так восхищался. ("Чарльзу Дарвину, эсквайру, доктору права, Ф. Р.С. и др., из изучения "Журнала исследований" которого я главным образом почерпнул желание совершить кругосветное путешествие; развитию теории которого я обязан главными удовольствиями и интересами своей жизни, и который лично очень любезно поддерживал меня в продолжении моих исследований, с благодарностью посвящаю эту книгу".) Конечно, я не беспристрастный судья, но я надеюсь, что говорю беспристрастно, хотя вы затронули меня в самом нежном месте, сказав, что эта книга была написана с благодарностью. мой старый дневник в основном вызвал у вас желание путешествовать как натуралист. Я начну читать вашу книгу сегодня же вечером и уверен, что она мне очень понравится.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х.Н. МОЗЛИ. Даун, 4 февраля 1879 г.

Дорогой Мозли,

Я наконец-то прочитал каждое слово вашей книги, и она вызвала у меня больший интерес, чем любая другая научная книга, которую я читал в течение длительного времени. Возможно, вы будете удивлены, насколько я был медлителен, но моя голова мешает мне читать, за исключением интервалов. Если бы меня спросили, какие части заинтересовали меня больше всего, я был бы несколько озадачен ответом. Я полагаю, что обычный читатель предпочел бы ваш рассказ о Японии. Что касается меня, то я колеблюсь между вашими рассуждениями и описанием Южного льда, которое кажется мне восхитительным, и последней главой, в которой содержится много новых для меня фактов и взглядов, хотя я читал ваши статьи о каменистых гидроидных кораллах, тем не менее ваше резюме помогло мне лучше, чем я делал это раньше, осознать, какой это в высшей степени любопытный случай.

Вы также собрали поразительное количество ценных фактов, касающихся распространения растений, гораздо больше, чем в любой другой известной мне книге. На самом деле ваша книга представляет собой массу интересных фактов и дискуссий, в которых почти нет лишних слов; и я сердечно поздравляю вас с ее публикацией.

Вашей преданностью я горжусь больше, чем когда-либо.

Поверьте мне, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[В ноябре 1879 года он ответил мистеру Гальтону на серию вопросов, использованных в его "Исследованиях человеческих способностей", 1883. Он написал мистеру Гальтону:

"Я ответил на вопросы так хорошо, как только мог, но ответы на них плачевны, потому что я никогда не пытался заглянуть в свой собственный разум. Если другие не ответят намного лучше, чем я, вы не получите никакой пользы от своих вопросов. Вам не кажется, что вам следует указывать возраст отвечающего? Я думаю так, потому что я могу с БОЛЬШОЙ ОТЧЕТЛИВОСТЬЮ вызвать в памяти лица многих школьников, которых не видел шестьдесят лет, но в наши дни я могу разговаривать с человеком в течение часа и видеть его несколько раз подряд, и через месяц я совершенно не в состоянии вспомнить, на кого он вообще похож. Картинка довольно размытая. Большее количество ответов приведено в прилагаемой таблице."]

ВОПРОСЫ О СПОСОБНОСТИ К ВИЗУАЛИЗАЦИИ.

1. ОСВЕЩЕНИЕ? Умеренное, но мой завтрак в одиночестве был ранним, а утро темным.
2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ? Некоторые предметы вполне очерчены - ломтик холодной говядины, немного винограда и груши, состояние моей тарелки, когда я доел, и несколько других предметов - так отчетливо, как если бы передо мной были фотографии.
3. ПОЛНОТА? В меру.
4. РАСКРАСКА? Объекты, названные выше, идеально окрашены.
5. ОБЛАСТЬ ОБЗОРА? Довольно маленькая.

РАЗНЫЕ ВИДЫ ОБРАЗОВ.

6. ПЕЧАТНЫЕ СТРАНИЦЫ. Я не могу вспомнить ни одного предложения, но я помню место предложения и тип шрифта.

7. МЕБЕЛЬ? Я никогда ею не занимался.

8. ЛИЧНОСТИ? Я отчетливо помню лица людей, которые раньше были хорошо известны, и могу заставить их делать все, что мне заблагорассудится.

9. ПЕЙЗАЖ? Воспоминание яркое и отчетливое, и доставляет мне удовольствие.

10. ГЕОГРАФИЯ? Нет.

11. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВОЕННЫХ? Нет.

12. МЕХАНИЗМ? Никогда не пробовал.

13. ГЕОМЕТРИЯ? Не думаю, что у меня есть какие-либо способности подобного рода.

14. ЦИФРЫ? Когда я думаю о каком-либо числе, перед моим мысленным взором возникают напечатанные цифры. Я в течение часа не могу вспомнить четыре цифры подряд.

15. ИГРАЕТЕ В КАРТЫ? Не играли много лет, но я уверен, что не должен помнить.

16. В ШАХМАТЫ? Никогда не играл.

[В 1880 году он опубликовал короткую статью в журнале "Nature" (том xxi, страница 207) о "Плодовитости гибридов обыкновенного и китайского гуся". Он получил гибриды от преподобного доктора Гудейкра и был рад возможности проверить точность утверждения о том, что эти виды фертильны сами по себе. Этот факт, приведенный в "Происхождении" от имени мистера Эйтона, он считал самым замечательным из всех, когда-либо зарегистрированных в отношении фертильности гибридов. Этот факт (подтвержденный им самим и доктором Гудейкром) представляет интерес как еще одно доказательство того, что стерильность не является критерием видового различия, поскольку два вида гусей, которые, как теперь показано, фертильны сами по себе, настолько различны, что некоторые авторитетные источники отнесли их к разным родам или под родам.

Следующее письмо относится к лекции мистера Хаксли "Совершеннолетие в "Происхождении видов"" (Это самое "Совершеннолетие" было темой выступления Совета Института Отаго. Это приведено в "Nature", 24 февраля 1881 г.), дано в Королевском институте 9 апреля 1880 г., опубликовано в "Nature" и в "Науке и культуре", стр. 310:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Абингер-Холл, Доркинг, воскресенье, 11 апреля 1880 года.

Мой дорогой Хаксли,

Я очень хотел посетить вашу лекцию, но у меня был сильный кашель, и мы пришли сюда, чтобы посмотреть, пойдет ли мне на пользу перемена, как это уже произошло. Каким потрясающим успехом, по-видимому, пользовалась ваша лекция, насколько я могу судить по репортажам в

"Стандарт" и "Дейли Ньюс", и особенно по рассказам, предоставленным мне тремя моими детьми. Я полагаю, что вы еще не записали свою лекцию, поэтому, боюсь, у вас нет никаких шансов напечатать ее полностью. Похоже, вы, как и во многих других случаях, осыпали мою старую голову высокими почестями. Но я хорошо знаю, какую огромную роль вы сыграли в установлении и распространении веры в теорию происхождения, начиная с той грандиозной рецензии в "Таймс" и королевской битвы в Оксфорде и по сей день.

Всегда мой дорогой Хаксли, искренне ваш и с благодарностью ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. — С моей стороны это было абсурдно глупо, но я прочитал анонс вашей лекции и подумал, что вы имеете в виду зрелость предмета, пока однажды моя жена не заметила: "Прошел почти двадцать один год с тех пор, как появился "Origin", - и тогда до меня впервые дошел смысл ваших слов!

[В вышеупомянутой лекции г-н Хаксли убедительно указал на накопление палеонтологических свидетельств, которые годы между 1859 и 1880 годами дали нам в пользу Эволюции. По этому поводу мой отец писал (31 августа 1880 г.):]

Мой дорогой профессор Марш,

Некоторое время назад я получил вашу очень любезную записку от 28 июля, а вчера великолепный том. (*Odontornithes*. Монография о вымерших зубатых птицах Северной Америки. 1880. Автор О.К. Марш.) Я с новым восхищением посмотрел на таблички и скоро прочитаю текст. Ваша работа над этими древними птицами и многими ископаемыми животными Северной Америки оказала наилучшую поддержку теории эволюции, появившейся за последние двадцать лет. (Г-н Хаксли хорошо указал ("Наука и культура", стр. 317), что: "В 1875 году открытие зубатых птиц меловой формации в Северной Америке проф. Дж. Марш завершил серию переходных форм между птицами и рептилиями и перевел утверждение м-ра Дарвина о том, что "многие животные формы жизни были полностью утрачены, благодаря которым ранние прародители птиц были ранее связаны с ранними прародителями других классов позвоночных", из области гипотез в область доказуемого факта".) Общий вид экземпляра, который вы мне прислали, достоин его содержания, и я не могу сказать ничего более убедительного, чем это.

С сердечной благодарностью, поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[В ноябре 1880 года он получил сообщение о наводнении в Бразилии, от которого его друг Фриц Мюллер едва спасся. Мой отец немедленно написал Герману Мюллеру, с тревогой спрашивая, не потерял ли его брат книги, инструменты и т.д. В результате этого несчастного случая, и умоляя в таком случае "ради науки, чтобы наука не пострадала" разрешить ему помочь возместить потерю. К счастью, однако, ущерб, нанесенный имуществу Фрица Мюллера, был не столь велик, как ожидалось, и этот инцидент остается лишь воспоминанием о дружбе двух натуралистов, которое, я надеюсь, не может не радовать выжившего.

В "Nature" (11 ноября 1880 г.) появилось письмо моего отца, которое, я полагаю, является единственным случаем, когда он писал публично с чем-то подобным строгости. Покойный сэр Уивилл Томсон писал во Введении к "Путешествию "Челленджера"": "Характер абиссальной фауны отказывается давать хоть малейшую поддержку теории, которая относит эволюцию видов к экстремальным вариациям, управляемым только естественным отбором". Мой отец, охарактеризовав эти замечания как "стандарт критики, которого нередко достигают теологи и

метафизики", продолжает возражать против термина "крайняя вариативность" и призывает сэра Уайвилла назвать любого, кто "сказал, что эволюция видов зависит только от естественного отбора". Письмо заканчивается воображаемой сценой между сэром Уивиллом и селекционером, в которой сэр Уивилл критикует искусственный отбор в несколько схожей манере. Заводчик молчит, но после ухода своего критика он, как предполагается, использует "выразительные, но непочтительные выражения в адрес натуралистов". Письмо в том виде, в каком оно было написано изначально, заканчивалось цитатой из Седжвика о неуязвимости тех, кто пишет о том, чего не понимает, но это было опущено по совету друга, и, что довольно любопытно, друга, чью воинственность в борьбе за правое дело мой отец иногда сдерживал.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Дж. РОМАНЕСУ. Даун, 16 апреля 1881г.

Мои дорогие романцы,

Моя рукопись о "Червях" отправлена в типографию, поэтому я собираюсь развлечь себя, написав вам несколько замечаний; но вы не должны тратить свое время на подробные ответы на эти каракули.

Во-первых, ваше письмо о разведке было очень полезным для меня, и я проанализировал и переписал то, что отправил вам. Я не пытался дать определение интеллекту, но процитировал ваши замечания об опыте и показал, насколько они применимы к червям. Мне кажется, что о них следует сказать, что они работают с некоторым умом, во всяком случае, ими не руководит слепой инстинкт.

Во-вторых, меня очень заинтересовала аннотация в "Nature" вашей работы об иглокожих ("О двигательной системе иглокожих", Г.Дж. Романеса и Дж. Коссара Эварта. "Философские труды", 1881, стр. 829.), сложность при простоте и при такой любопытной координации нервной системы изумительны; и вы уже показывали мне, какие великолепные гимнастические трюки они могут совершать.

В-третьих, доктор Ру прислал мне книгу, только что изданную им: "Der Kampf der Theile" и др., 1881 г. (240 страниц).

Он явно начитанный физиолог и патологоанатом и, исходя из своего положения, хороший анатом. Она полна рассуждений, и это на немецком языке для меня очень сложно, так что я лишь бегло просмотрел каждую страницу; кое-где читаю с чуть большей внимательностью. Насколько я могу судить несовершенно, это самая важная книга по эволюции, которая появилась за последнее время. Я полагаю, что Г. Х. Льюис намекал на ту же фундаментальную идею, а именно. что внутри каждого организма происходит борьба между органическими молекулами, клетками и органами. Я думаю, что его основа заключается в том, что каждая клетка, которая наилучшим образом выполняет свою функцию, как следствие, в то же время лучше всего питается и лучше всего размножает свой вид. Книга не затрагивает психических феноменов, но в ней много дискуссий о рудиментарных или атрофированных частях, на тему которых вы ранее обращали внимание. Теперь, если вы хотели бы прочитать эту книгу, я бы отправил ее... Если вы прочтете это и будете поражены (но я могу ПОЛНОСТЬЮ ошибаться относительно его ценности), вы окажете общественную услугу, проанализировав и раскритиковав его в "Nature".

Я думаю, доктор Ру допускает огромную оплошность, никогда не рассматривая растения; это упростило бы ему задачу.

В-четвертых, я не знаю, будете ли вы обсуждать в своей книге о разуме животных какие-либо из более сложных и замечательных инстинктов. Это неудовлетворительная работа, поскольку не может быть никаких окаменелых инстинктов, и единственным ориентиром является их состояние у других представителей того же отряда и простая ВЕРОЯТНОСТЬ.

Но если вы все-таки обсуждаете какой-либо из них (а этого, возможно, от вас ожидают), я бы подумал, что вы не могли бы выбрать лучшего случая, чем случай песчаных ос, которые парализуют свою жертву, как ранее описано Фабром в его замечательной статье в "Анналах наук", а с тех пор дополнено в его замечательных "Сувенирах".

Читая эту последнюю книгу, я немного поразмыслил на эту тему. О знании анатомии песчаной осы часто говорят поразительную чушь. Теперь кто-нибудь скажет, что гаучо на равнинах Ла-Платы обладают такими знаниями, но я часто видел, как они укладывали на землю сопротивляющуюся корову в лассо с безошибочным мастерством, которому не смог бы подражать ни один простой анатом. Острый нож был безошибочно вогнан между позвонками одним легким толчком. Я предполагаю, что это искусство было впервые открыто для себя случайно, и что каждый молодой гаучо точно видит, как это делают другие, а затем, немного попрактиковавшись, осваивает его. Теперь я предполагаю, что первоначально песчаные осы просто убивали свою жертву, жала ее во многих местах (см. стр. 129 "Сувениров" Фабра и стр. 241) на нижней и самой мягкой стороне тела - и что укус в определенный сегмент был признан безусловно наиболее успешным методом; и он был унаследован подобно тенденции бульдога прокусить нос быку или хорька прокусить мозжечок. Было бы не очень большим шагом вперед лишь слегка уколоть ганглий своей жертвы и таким образом дать ее личинкам свежее мясо вместо старого вяленого. Хотя Фабр так сильно настаивает на неизменном характере инстинкта, все же показано, что существует некоторая изменчивость, как на страницах 176, 177.

Боюсь, я вконец утомил вас своими каракулями и плохим почерком.

Мой дорогой Романес, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ПОСТСКРИПТУМ ИЗ ПИСЬМА ПРОФЕССОРУ А. АГАССИСУ, 5 мая 1881 г.:

Я с большим интересом прочитал ваше выступление перед Американской ассоциацией. Какими бы правдивыми ни были ваши замечания о генеалогиях нескольких групп, я надеюсь и верю, что вы переоценили трудности, с которыми придется столкнуться в будущем: -Через несколько дней после прочтения вашего обращения я истолковал для себя ваши замечания по одному пункту (надеюсь, в какой-то степени правильно) следующим образом: —

Любой признак древней, обобщенной или промежуточной формы может вновь проявиться и часто так и происходит у его потомков через бесчисленные поколения, и это объясняет чрезвычайно сложное родство существующих групп. Мне кажется, эта идея проливает свет на линии, иногда используемые для обозначения родства, которые расходятся во всех направлениях, часто к очень отдаленным подгруппам, — трудность, которая преследовала меня на протяжении полувека. Можно было бы привести веские доводы в пользу веры в такой возврат по прошествии огромных промежутков времени. Жаль, что эта идея не пришла мне в голову в прежние времена, ибо я никогда больше не буду писать на трудные темы, поскольку видел

слишком много случаев, когда старики становились слабоумными, ни в малейшей степени не осознавая этого. Если я правильно истолковал ваши идеи, я надеюсь, что при любом подходящем случае вы вновь подтвердите свою точку зрения. Я рассказал об этом нескольким людям, способным судить, и это показалось им совершенно новым. Я умоляю вас простить пресловутую болтливость преклонного возраста.

C.D.

[Следующее письмо относится к географическому обращению сэра Дж.Д. Хукера на Йоркском собрании (1881 г.) Британской ассоциации:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 6 августа 1881 года.

Моя дорогая Проститутка,

Ради Бога, никогда не говорите о том, что мне скучно, так как для меня было бы величайшим удовольствием хоть немного помочь вам, а ваше письмо меня чрезвычайно заинтересовало. Я пройду по вашим пунктам последовательно, но я никогда особо не интересовался историей какого-либо предмета, и моя память стала ужасно плохой. Поэтому будет зависеть лишь от того, окажутся ли какие-либо из моих замечаний полезными.

Ваша идея показать, что сделали путешественники, кажется мне блестящей и справедливой, особенно учитывая вашу аудиторию.

1. Я ничего не знаю о работах Tournefort.
2. Я полагаю, что вы полностью правы, называя Гумбольдта величайшим научным путешественником, который когда-либо жил, недавно я снова перечитал два или три тома. Его геология - забавная штука; но это просто означает, что он не опережал свой возраст. Я бы сказал, что он был замечательным, скорее из-за своего близкого приближения к всеведению, чем из-за оригинальности. Независимо от того, так ли велико его положение как ученого, как мы думаем, вы действительно можете назвать его родителем великого потомства научных путешественников, которые, вместе взятые, многое сделали для науки.
3. Мне кажется вполне справедливым отвести Лайеллу (и во вторую очередь Э. Форбсу) очень видное место.
4. Я полагаю, Дана был первым человеком, который поддержал постоянство континентов и великих океанов... Когда я прочитал заключение "Челленджера" о том, что отложения с суши не осаждаются на больших расстояниях, чем 200 или 300 миль от суши, я значительно укрепился в своем старом убеждении. Уоллес, как мне кажется, превосходно аргументировал свою позицию. Тем не менее, я бы на вашем месте высказывался довольно осторожно, поскольку Т. Меллард Рид в последнее время с некоторой силой выступал против этой точки зрения; но я не могу вспомнить его аргументы. Если бы меня вынудили высказать суждение, я бы придерживался мнения о приблизительном постоянстве со времен кембрия.

5. Чрезвычайная важность ископаемых растений Арктики очевидна. Воспользуйтесь возможностью пожаловаться на [наше] незнание бурых растений Земли Кергелен или любой другой антарктической земли. Это могло бы принести пользу.

6. Я не могу не относиться скептически к перемещению растений с Севера, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТРЕТИЧНОГО ПЕРИОДА. Конечно, это могло быть так, и, вероятно, так было на одном из двух полюсов в самый ранний период, в докембрийские эпохи; но такие предположения мне кажутся едва ли научными, учитывая, как мало мы знаем о древних флорах.

Теперь я без всякого порядка набросаю несколько разных замечаний.

Я думаю, вам следует упомянуть Альфа. Великая книга Де Кандолля, ибо, хотя она (как и почти все остальное) стерлась из моей памяти, все же я отчетливо помню, что считал ее очень ценным трудом. Во всяком случае, вы могли бы сослаться на его превосходное изложение истории всех культурных растений.

Как вам удастся упомянуть о вашей работе в Новой Зеландии и на Огненной Земле? если вы не упомянете о них, вы будете возмутительно несправедливы.

Многие покрытосеменные растения в меловых отложениях Соединенных Штатов (и, насколько я могу судить, возраст этих отложений был достаточно хорошо определен) кажутся мне фактом очень большого значения, так же как и их связь с существующей флорой Соединенных Штатов с эволюционной точки зрения. Не были ли недавно обнаружены какие-нибудь австралийские вымершие формы в Австралии? или мне это приснилось?

Опять же, недавнее открытие растений, расположенных довольно низко в наших силурийских отложениях, очень важно.

Как мне кажется, нет ничего более экстраординарного в истории Растительного царства, чем кажущееся очень внезапным или скачкообразным развитие высших растений. Иногда я размышлял, не существовал ли где-нибудь в течение долгих веков чрезвычайно изолированный континент, возможно, недалеко от Южного полюса.

Поэтому меня очень заинтересовала точка зрения, которую Сапорта подробно изложил мне несколько лет назад в рукописи MS. и которую, я полагаю, он с тех пор опубликовал, как я его настоял, а именно, что как только появились насекомые, посещающие цветы, во второй половине вторичного периода развитию высших растений был дан огромный импульс благодаря внезапно образовавшемуся перекрестному оплодотворению.

Несколько лет назад меня очень поразило эссе Акселя Блитта, показывающее на основе наблюдений за торфяными пластами в Скандинавии, что, по-видимому, были длительные периоды с большим количеством дождей и другие периоды с меньшим их количеством (возможно, связанные с повторяющимися астрономическими периодами Кролля), и что эти периоды в значительной степени определили нынешнее распространение растений Норвегии и Швеции. Мне это показалось очень важным эссе.

Я только что перечитал свои замечания и боюсь, что они не принесут вам ни малейшей пользы.

Я не могу не думать, что вы прошли через самую трудную или, по крайней мере, самую трудную часть вашей работы, сделав такой хороший и поразительный набросок того, что вы

намереваетесь сказать; но я вполне могу понять, как вы, должно быть, сокрушаетесь из-за большого необходимого труда.

Я от всего сердца сочувствую вам в связи с успехами Б. и Р.: с годами то, что происходит с нами самими, становится очень незначительным по сравнению с карьерами наших детей.

Не падайте духом, ибо я убежден, что из вас получится превосходное выступление.

Всегда твой, с любовью, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[В сентябре он писал:—

"Я сию минуту закончил читать ваше великолепное, но слишком короткое обращение. Я не сомневаюсь, что это было бы полностью оценено географами Йорка; если нет, то они ослы и дураки".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Воскресный вечер [1881].

Мой дорогой Л.,

Ваше обращение (Обращение президента на Йоркском собрании Британской ассоциации.) это заставило меня задуматься о том, какими были великие шаги в геологии за последние пятьдесят лет, и не будет ничего плохого в том, чтобы поделиться с вами моим впечатлением. Но очень странно, что я не могу вспомнить, что вы говорили о геологии. Я полагаю, что классификацию силурийской и кембрийской формаций следует считать величайшим или наиболее важным шагом; ибо я хорошо помню времена, когда все эти более древние породы назывались граувакке, и никому и в голову не приходило классифицировать их; а теперь у нас есть три азойские формации, довольно хорошо различимые под кембрием! Но самым поразительным шагом стало открытие ледникового периода: вы слишком молоды, чтобы помнить, какой потрясающий эффект это произвело примерно в 1840 году (?) на все наши умы. Эли де Бомон так и не поверил в это до самой своей смерти! изучение ледниковых отложений привело к изучению поверхностного дрейфа, который ранее НИКОГДА НЕ ИЗУЧАЛСЯ и назывался дилuviем, насколько я хорошо помню. Изучение под микроскопом разрезов горных пород - еще один немаловажный шаг. Итак, снова формирование трещин и слоистости метаморфических пород. Но я не буду продолжать, поскольку теперь мне стало легче на душе. Умоляю, не тратьте ни минуты на то, чтобы обращать внимание на мои ужасные каракули.

Всегда ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующие выдержки относятся к покойному Фрэнсису Мейтленду Бальфуру (профессору морфологии животных в Кембридже. Он родился в 1851 году и был убит вместе со своим гидом на Эгиль—Бланш, недалеко от Курмайора, в июле 1882 года.), демонстрируют оценку моим отцом его работы и интеллектуальных качеств, но они дают лишь указание на его высокую оценку самого привлекательного личного характера Бальфура:

Из письма Фрицу Мюллеру от 5 января 1882 г.:

"Ваша оценка книги Бальфура ["Сравнительная эмбриология"] чрезвычайно порадовала меня, поскольку, хотя я и не мог должным образом судить о ней, все же она показалась мне одной из самых замечательных книг, которые были опубликованы за довольно продолжительное время. Он довольно молодой человек и, если сохранит здоровье, прекрасно справится с работой... У него есть собственное приличное состояние, так что он может посвящать все свое время биологии. Он очень скромн и очень приятен, часто навещает нас, и он нам очень нравится".

Из письма доктору Дорну от 13 февраля 1882 г.:

"Я должен сообщить вам одну очень плохую новость: Ф. Бальфур тяжело болен в Кембридже брюшным тифом... Я надеюсь, что он не в очень опасном состоянии; но лихорадка сильная. Боже мой, какой потерей он был бы для науки и для своих многочисленных любящих друзей!"

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Даун, 12 января 1882 г.

Мой дорогой Хаксли,

Большое спасибо за "Науку и культуру", и я уверен, что прочитаю большинство эссе с большим интересом. Что касается автоматизма ("О гипотезе, что животные являются автоматами, и ее истории", речь, произнесенная на собрании Британской ассоциации в Белфасте в 1874 году и опубликованная в "Fortnightly Review" в 1874 году и в "Science and Culture".), я хотел бы, чтобы вы могли проанализировать себя в старом и, конечно, забытом резком стиле, и тогда вы ответили бы себе с такой же резкостью; и таким образом, клянусь Юпитером, вы могли бы продолжать до бесконечности, на радость и в назидание миру.

Всегда искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к переводу Аристотеля, сделанному доктором Оглом "О частях животных" (1882):]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ОГЛУ. Дауну, 22 февраля 1882 г.

Мой дорогой доктор Огл,

Позвольте мне поблагодарить вас за удовольствие, которое доставило мне знакомство с книгой Аристотеля. Я редко читал что-либо, что интересовало меня больше, хотя я прочел еще не более четверти собственно книги.

Из цитат, которые я видел, я имел высокое представление о достоинствах Аристотеля, но не имел ни малейшего представления о том, каким замечательным человеком он был. Линней и Кювье были двумя моими богами, хотя и в очень разных смыслах, но для старого Аристотеля они были всего лишь школьниками. Также весьма любопытно его невежество в некоторых вопросах, например, в отношении мышц как средства передвижения. Я рад, что вы объяснили таким вероятным образом некоторые из самых грубых ошибок, приписываемых ему. До прочтения вашей книги я никогда не осознавал, какому огромному труду мы обязаны даже нашим общим

знаниям. Хотел бы я, чтобы старый Аристотель знал, какого великого Защитника Веры он нашел в вас. Поверьте мне, мой дорогой доктор Огл,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[В феврале он получил письмо и образец от некоего мистера У.Д. Крика, который иллюстрировал любопытный способ расселения раковин двустворчатых моллюсков, а именно путем закрытия их створок таким образом, чтобы они держались за лапку водяного жука. Этот тип фактов имел для него особое очарование, и он написал в "Nature", описав случай. ("Nature", 6 апреля 1882 г.)

В апреле он получил письмо от доктора В. Ван Дейка, преподавателя зоологии в протестантском колледже Бейрута. Из письма следовало, что уличные собаки Бейрута были быстро скрещены с интродуцированными европейскими собаками, и эти факты имеют интересное отношение к теории полового отбора моего отца.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Т. ВАН ДЕЙКУ. Даун, 3 апреля 1882 г.

Уважаемый сэр,

После долгих размышлений я решил, что лучше всего отправить вашу очень интересную статью в Зоологическое общество в надежде, что она будет опубликована в их журнале. Этот журнал разослан во все научные учреждения мира, и его содержание кратко изложено во всех ежегодниках по зоологии. Поэтому я предпочел его "Природе", хотя последнее имеет более широкое распространение, но является эфемерным.

Я предваряю ваше эссе несколькими общими замечаниями, против которых, надеюсь, вы не будете возражать.

Конечно, я не знаю, опубликует ли ваше эссе Зоологическое общество, которое очень привязано к простой систематической работе. Если это произойдет, я пришлю вам копии вашего эссе, но они будут готовы только через несколько месяцев. Если Зоологическое общество не опубликует их, я постараюсь заставить "Nature" опубликовать их. Я очень хочу, чтобы она была опубликована и сохранена.

Уважаемый сэр, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[Доклад был прочитан на заседании Зоологического общества 18 апреля — за день до смерти моего отца.

Предварительные замечания, которыми предваряется статья доктора Ван Дейка, являются, таким образом, последними работами моего отца.]

Теперь мы должны вернуться к раннему периоду его жизни и дать связный отчет о его ботанических работах, который до сих пор был опущен.

ГЛАВА 2.X. ОПЛОДОТВОРЕНИЕ ЦВЕТОВ.

[В уже приведенных письмах мы имели возможность заметить общее отношение ряда ботанических проблем к более широкому вопросу эволюции. Детальная работа в области ботаники, которую мой отец выполнил под руководством света, пролитого на изучение естественной истории его собственной работой по эволюции, остается незамеченной. В письме мистеру Мюррею от 24 сентября 1861 года, говоря о своей книге "Оплодотворение орхидей", он говорит: "Возможно, она послужит иллюстрацией того, как можно изучать естественную историю, веря в видоизменение видов". Это замечание дает представление о ценности и интересе его ботанических работ, и его можно было бы выразить гораздо более выразительным языком без опасности преувеличения.

В том же письме мистеру Мюррею он пишет: "Я думаю, что этот небольшой том пойдет на пользу "Происхождению", поскольку покажет, что я усердно работал над деталями". Это правда, что его ботаническая работа добавила массу подтверждающих деталей к аргументации в пользу эволюции, но главная поддержка его доктрин, данная этими исследованиями, была другого рода. Они предоставили аргумент против тех критиков, которые так свободно догматизировали бесполезность конкретных структур и, как следствие, невозможность их развития посредством естественного отбора. Его наблюдения за орхидеями позволили ему сказать: "Я могу показать значение некоторых, казалось бы, бессмысленных гребней, рогов, кто теперь осмелится сказать, что та или иная структура бесполезна?" Аналогичная точка зрения выражена в письме сэру Дж.Д. Хукеру (14 мая 1862 г.):—

"Когда многие части строения, как у дятла, демонстрируют отчетливую адаптацию к внешним телам, нелепо приписывать их воздействию климата и т.д., Но когда только одна точка, как крючковатое семя, вполне возможна, что таким образом оно могло возникнуть. Я нахожу изучение орхидей чрезвычайно полезным, поскольку оно показывает мне, как почти все части цветка коадаптированы для оплодотворения насекомыми, а следовательно, и результаты естественного отбора - даже самые незначительные детали строения".

Одной из величайших заслуг, оказанных моим отцом изучению естественной истории, является возрождение телеологии. Эволюционист изучает назначение или значение органов с усердием более старой Телеологии, но с гораздо более широкой и последовательной целью. У него есть вдохновляющее осознание того, что он приобретает не изолированные представления об экономике настоящего, а целостный взгляд как на прошлое, так и на настоящее. И даже там, где ему не удастся обнаружить применение какой-либо части, он может, зная ее структуру, разгадать историю прошлых превратностей в жизни вида. Таким образом, изучению форм организованных существ придается энергия и единство, которых раньше ему не доставало. Этот момент уже обсуждался в главе мистера Хаксли о "Восприятии "Происхождения видов"", и здесь его рассматривать нет необходимости. Однако нам следует признать, что эта "великая услуга естествознанию", как описывает ее доктор Грей, была оказана

почти в такой же степени его специальной ботанической работой, как и "Происхождением видов".

Чтобы рассказать о масштабах и влиянии ботанических работ моего отца, я могу сослаться на статью мистера Тизелтона Дайера в журнале "Чарльз Дарвин", одном из изданий серии "Природа". Обширные знания мистера Дайера, его дружба с моим отцом и особенно его способность сочувствовать работе других, в совокупности придают этому эссе непреходящую ценность. Следующий отрывок (стр. 43) дает правдивую картину:—

"Несмотря на объем и разнообразие своих ботанических работ, мистер Дарвин всегда отказывался от какого-либо права считаться профессиональным ботаником. Он обратил свое внимание на растения, несомненно, потому, что они были удобными объектами для изучения органических явлений в их наименее сложных формах; и эта точка зрения, в которой, если можно без непочтительности употребить это выражение, было что-то от дилетанта, сама по себе имела величайшее значение. Ибо с тех пор, как он не был знаком с литературой, касающейся этого вопроса, до тех пор, пока он не занялся каким-либо вопросом, его ум был абсолютно свободен от каких-либо предубеждений. Он никогда не боялся своих фактов или формулирования любой гипотезы, какой бы поразительной она ни казалась, объясняющей их... У любого другого такой подход привел бы к большой работе, которая была бы грубой и опрометчивой. Но мистер Дарвин — если можно отважиться на язык, который не покажется излишне натянутым ни одному из беседовавших с ним — казалось, путем мягкого убеждения проник в ту скрытность природы, которая ставит в тупик маленьких людей. Другими словами, его многолетний опыт дал ему своего рода инстинктивное понимание метода решения любой биологической проблемы, какой бы незнакомой ему она ни была, в то время как он жестко контролировал плодovitость своего разума в гипотетических объяснениях с помощью не меньшей плодovitости остроумно разработанного эксперимента".

Чтобы составить какое-либо справедливое представление о величии революции, произведенной исследованиями моего отца в области оплодотворения цветов, необходимо знать, в каких условиях возникла эта отрасль знания. Следует помнить, что идея пола применительно к растениям вообще прочно утвердилась только в первые годы нынешнего столетия. Сакс в своей "Истории ботаники" (1875) привел несколько поразительных иллюстраций того, с какой поразительной медлительностью завоевывалось ее признание. Он отмечает, что, когда мы рассматриваем экспериментальные доказательства, приведенные Камерариусом (1694) и Кольройтером (1761-66), кажется невероятным, что впоследствии возникли сомнения относительно сексуальности растений. Тем не менее, он показывает, что такие сомнения действительно возникали неоднократно. Эта негативная критика основывалась по большей части на неосторожных экспериментах, но во многих случаях на априорных аргументах. Еще в 1820 году на книгу такого рода, которая теперь была бы приравнена к построению квадратуры круга или философии плоской земли, серьезно обратили внимание в ботаническом журнале.

В то время, когда мой отец начал изучать ботанику, посещая лекции Хенслоу в Кембридже, четкая концепция пола применительно к растениям еще не давно проступила из тумана бесполезных дискуссий и слабых экспериментов.

Когда вера в сексуальность растений утвердилась как неопровержимый факт, остался груз заблуждений, отягощающий любой рациональный взгляд на предмет. Камерарий (Sachs,

"Geschichte", стр. 419) верил (что вполне естественно в его время), что цветы-гермафродиты обязательно самооплодотворяются. У него хватило ума удивиться этому - степени интеллекта, которой, как указывает Сакс, не достигло большинство его преемников.

Следующие выдержки из записной книжки показывают, что эта мысль пришла в голову моему отцу еще в 1837 году:

"Разве растения, у которых мужские и женские органы расположены вместе [то есть в одном цветке], не получают влияния от других растений? Разве Лайелл не приводит какой-нибудь аргумент о том, что сорта трудно сохранить [истинными] из-за пыльцы других растений? Потому что это может быть применено, чтобы показать, что все растения действительно получают смесь".

Шпренгель (Кристиан Конрад Шпренгель, 1750-1816 гг.), действительно, понимал, что гермафродитное строение цветков ни в коем случае не обязательно приводит к самооплодотворению. Но хотя он обнаружил, что во многих случаях пыльца обязательно переносится на рыльце другого ЦВЕТКА, он не понимал, что в преимуществе, получаемом при скрещивании различных РАСТЕНИЙ, кроется ключ ко всему вопросу. Герман Мюллер хорошо заметил, что это "упущение было для нескольких поколений фатальным для работы Шпренгеля... Ибо как в то время, так и впоследствии ботаники прежде всего почувствовали слабость его теории и отвергли вместе с его ущербными идеями его богатый запас терпеливых и острых наблюдений и его всеобъемлющие и точные интерпретации". Моему отцу оставалось убедить мир в том, что смысл, скрытый в строении цветов, можно найти, пролив свет в том же направлении, в котором семьдесят лет назад трудился Шпренгель. Роберт Браун был связующим звеном между ними, поскольку именно по его рекомендации мой отец в 1841 году прочел ставшую знаменитой книгу Шпренгеля "Раскрытие тайны природы" ("Das entdeckte Geheimniss der Natur im Baue und in der Befruchtung der Blumen"). Berlin, 1793.) Книга произвела на него впечатление "полной правды", хотя и "с некоторой долей бессмыслицы". Это не только подтолкнуло его к подобным размышлениям, но и направило его в работе, поскольку в 1844 году он говорит о проверке наблюдений Шпренгеля. Можно усомниться, что Роберт Браун когда-либо сеял более прекрасное семя, чем отдав такую книгу в такие руки.

Отрывок из "Автобиографии" (том i.) показывает, почему моего отца привлекла тема оплодотворения: "Летом 1839 года, и, я полагаю, в течение предыдущего лета, я был вынужден заняться перекрестным оплодотворением цветов с помощью насекомых, поскольку в своих размышлениях о происхождении видов пришел к выводу, что скрещивание играет важную роль в сохранении постоянства определенных форм".

Первоначальная связь между изучением цветов и проблемой эволюции любопытна, и ее вряд ли можно было предсказать. Более того, это не было постоянной связью. Как только возникла идея, что потомство от перекрестного оплодотворения в борьбе за жизнь, вероятно, победит сеянцы самоопыляемого происхождения, была достигнута гораздо более твердая вера в силу естественного отбора в формировании структуры цветов. Получается центральная идея, на которую могут быть направлены эксперимент и наблюдение.

Доктор Грей хорошо заметил по поводу этой центральной идеи ("Природа", 4 июня 1874 г.): "Афоризм "Природа не терпит пустоты" является характерным образцом науки средневековья. Афоризм "Природа не терпит близкого оплодотворения" и демонстрация этого принципа

принадлежат нашему веку и мистеру Дарвину. Породившему это, а также принцип естественного отбора... и применить эти принципы к системе природы таким образом, чтобы в течение дюжины лет произвести на естественную историю более глубокое впечатление, чем это было сделано со времен Линнея, - этого достаточно для прославления одного человека ".

Цветки семейства папилионовых рано привлекли его внимание и стали темой его первой статьи об удобрении. ("Хроника садоводов", 1857, стр. 725. Похоже, что эта статья была частью работы "сверхурочно". Он написал другу: "эта проклятая статья по бобовым была написана днем, и в результате мне пришлось на неделю уехать в Мур—парк".) Следующая выдержка из недатированного письма доктору Эйзе Грею, по-видимому, была написана до публикации этой статьи, вероятно, в 1856 или 1857 году:

"... То, что вы говорите о сосочковидных цветках, очень верно; и у меня нет фактов, подтверждающих скрещивание разновидностей; но все же (и то же самое замечание прекрасно применимо к *Fumaria* и *Dielytra*, как я заметил много лет назад), я должен полагать, что строение цветков частично находится в прямой зависимости от визитов насекомых; и как насекомым удастся избежать переноса пыльцы от других особей, я не могу понять. Действительно, приятно наблюдать за действиями Скромной пчелы на красной фасоли, и у этого рода (и у *Lathyrus grandiflorus*) мед распределен таким образом, что пчела неизменно садится на ту сторону цветка, к которой выступает спиральный пестик (принося с собой пыльцу), и вдавливанием лепестка-крылышка прижимается к боку пчелы, покрытому пыльцой. (Если вы посмотрите на грядку с красной фасолью, то обнаружите, что только лепестки крыльев с ЛЕВОЙ стороны все исцарапаны лапками пчел. [Примечание в оригинале письма К. Дарвина.]) В метле пестик втирают в центр спины пчелы. Я подозреваю, что есть кое-что, что следует выяснить о бобовых, что приведет дело в соответствие с НАШЕЙ теорией; хотя мне и не удалось этого сделать. Наша теория объяснит, почему в растительном и животном царстве акт оплодотворения даже у гермафродитов обычно происходит под юпитером, хотя при этом они подвергаются БОЛЬШОМУ ущербу от сырости и дождя. У животных, которые не могут быть [оплодотворены] насекомыми или ветром, нет ни ОДНОГО СЛУЧАЯ, чтобы наземные животные были гермафродитами без сочетания двух особей ".

В письме доктору Эйсе Грею (5 сентября 1857 г.) излагается суть статьи в "Хронике садоводов":

"Недавно меня побудили исследовать бутоны фасоли с осыпавшейся пыльцой; но меня убедили, что пыльца ВРЯД ли могла попасть на рыльце ветром или иным способом, кроме как при посещении пчелами [цветка] и перемещении лепестков крыльев: поэтому я поместила небольшой букетик цветов в две бутылки, во всех отношениях обработанные одинаково: цветки в одной я ежедневно просто на мгновение перемещала, как будто пчелой; в них образовались три прекрасных стручка, в другой - НИ ОДНОГО. Конечно, этот маленький эксперимент нужно повторить, но в этом году в Англии уже слишком поздно, так как цветы, кажется, теперь редко распускаются. Если пчелы необходимы для самооплодотворения этого цветка, пчелам приходится почти скрещиваться с ними, так как их запыленная правая сторона головы и правые ножки постоянно касаются рыльца.

"Я также недавно повторно наблюдал за ежедневной лобелией *fulgens* - ее в моем саду никогда не посещают насекомые, и она никогда не дает семян без попадания пыльцы на рыльце (в то время как маленькую голубую лобелию посещают пчелы, и она дает семена); Я упоминаю об этом, потому что существуют такие прекрасные приспособления, предотвращающие

попадание на рыльце собственной пыльцы; что, кажется, объяснимо только доктриной преимущества скрещивания".

Статья была дополнена второй в 1858 году. ("Хроника садоводов", 1858, стр. 828. В 1861 году в "Хронике садоводов" появилась еще одна статья об удобрении, страница 552, в которой он объяснил действие насекомых на Барвинк майор. Его привлек к барвинку тот факт, что его не посещают насекомые и он никогда не дает семян.) Главной целью этих публикаций, по-видимому, было получение информации о возможности выращивания сортов бобовых растений рядом друг с другом и в то же время сохранения их достоверности. Любопытно, что *Rapilionaseae* должны были быть не только первыми цветами, которые привлекли его внимание своей очевидной приспособленностью к посещениям насекомых, но и представлять собой одну из его самых болезненных загадок. Горох обыкновенный и душистый доставили ему много трудностей, потому что, хотя они так же явно приспособлены для посещения насекомыми, как и остальные представители отряда, все же их разновидности сохраняются. Дело в том, что ни одно из этих растений не является местным, поэтому они не идеально приспособлены для оплодотворения британскими насекомыми. На данном этапе своих наблюдений он не мог знать, что координация между цветком и конкретным насекомым, которое его оплодотворяет, может быть такой же тонкой, как между замком и его ключом, так что это объяснение, скорее всего, не пришло бы ему в голову. (Он, конечно, привык к разнообразию повадок насекомых. Он опубликовал короткую заметку в "Энтомологическом еженедельнике *Intelligencer*" за 1860 год, в которой спрашивал, сосут ли тинина и другие мелкие мотыльки цветы.)

Помимо наблюдения за бобовыми, он уже начал, как показано в предыдущих отрывках, обращать внимание на строение других цветов по отношению к насекомым. В начале 1860 года он работал в Лешенолтии (он опубликовал короткую статью о способе удобрения этого цветка в "Хронике садоводов", 1871, стр. 1166), которая сначала озадачила его, но в конце концов была разобрана. Отрывок из письма, в основном относящийся к Лешенолтии, по-видимому, показывает, что только весной 1860 года он начал широко применять свои знания к связи насекомых с другими цветами. Это несколько удивительно, если вспомнить, что он читал Шпренгеля много лет назад. Он писал (14 мая):—

"Я бы рассматривал это любопытное приспособление как специально связанное с посещениями насекомых; я начинаю думать, что так обстоит дело почти повсеместно".

Еще в июле 1862 года он писал доктору Эйзе Грею:—

"Приспособлениям нет конца. Не должны ли эти случаи заставлять быть очень осторожными, когда сомневаешься в использовании всех деталей? Я полностью убежден, что строение всех неправильных цветов регулируется по отношению к насекомым. Насекомые - Повелители цветочного (цитируя остроумного "Атенеума") мира".

Вероятно, его привлек к изучению орхидей тот факт, что рядом с Пухом произрастает несколько видов. Письма 1860 года показывают, что эти растения занимали много его внимания; и в 1861 году он посвятил этому предмету часть лета и всю осень. Он, очевидно, считал себя праздным, раз тратит время на орхидеи, которые следовало бы посвятить "Вариациям при одомашнивании". Так он писал: —

"Наблюдать для меня несравненно интереснее, чем писать; но я чувствую себя весьма виноватым в том, что вторгаюсь в эти темы и не придерживаюсь разновидностей этих проклятых

петухов, кур и уток. Я слышал, что Лайель зол на меня. Следующим летом я никогда не смогу устоять перед Лайнумом".

Летом 1860 года он раскрыл один из самых поразительных и знакомых фактов в книге, а именно, каким образом пыльцевые массы орхидей приспособлены для удаления насекомыми. Он написал сэру Дж.Д. Хукеру 12 июля:

"Я исследовал *Orchis pyramidalis*, и он почти равен, возможно, даже превосходит ваш случай *Listera*; липкие железы врожденно объединены в седловидный орган, который обладает большой подвижностью и восхитительным образом захватывает щетинку (или хоботок), а затем в пыльцевых массах происходит другое движение, благодаря которому они прекрасно приспособлены оставлять пыльцу на двух БОКОВЫХ рыльцах. поверхности. Я никогда не видел ничего более прекрасного.

В июне того же года он писал:—

"Вы говорите об адаптации, которая редко ВИДНА, хотя и присутствует у растений. Я совсем недавно наблюдал за обыкновенным орхидеем и заявляю, что нахожу его приспособления в каждой части цветка такими же красивыми и незамысловатыми, или даже более красивыми, чем у Дятла. Я написал и отправил заметку для "Хроники садоводов" (9 июня 1860 г. Это, по-видимому, привлекло некоторое внимание, особенно среди энтомологов, поскольку было перепечатано в "Entomologists Weekly Intelligencer", 1860 г.). Рассказывается о любопытной проблеме с пчелами *Orchis*, и мне бы очень хотелось услышать, что вы думаете об этом случае. В этой статье я случайно коснулся адаптации к визитам насекомых; но приспособление для сохранения липких желез свежими и липкими превосходит почти все в природе. Я никогда не помню, чтобы видел его описание, но оно должно было быть, и, поскольку я не должен в своей книге выдавать это наблюдение за свое собственное, я был бы очень рад узнать, где описано это прекрасное изобретение".

Он писал также доктору Грею 8 июня 1860 года:

Говоря об адаптации, я недавно присматривался к нашим обычным орхидеям, и осмелюсь сказать, что факты так же стары и хорошо известны, как холмы, но я был настолько поражен изобретениями, что отправил уведомление в "Хронику садоводов". *Ophrys apifera*, как вы увидите, представляет собой любопытное противоречие в строении".

Помимо оплодотворения цветов, он уже в 1860 году занимался гомологией частей, тему которой он хорошо использовал в книге "Орхидеи". Он написал сэру Джозефу Хукеру (июль):

"Это действительно хорошая шутка - обсуждать с вами гомологии орхидей после изучения всего трех или четырех родов; и сам этот факт заставляет меня быть уверенным, что я прав! Я не совсем понимаю некоторые из ваших терминов, но когда-нибудь я должен заставить вас объяснить гомологии, потому что этот предмет меня очень интересует, как игра в шахматы".

Эта работа была ценной с систематической точки зрения. В 1880 году он написал мистеру Бентаму:—

"С вашей стороны было очень любезно написать мне об Орхидеях, поскольку мне чрезвычайно приятно, что я мог быть вам ХОТЬ ЧЕМ-то полезен в отношении природы этих частей".

Удовольствие, которое доставили ему первые наблюдения за орхидеями, показано в таких выдержках, как следующие, из письма сэру Дж.Д. Хукеру (27 июля 1861 г.):

"Вы не представляете, как восхитили меня орхидеи. Они пришли в целости и сохранности, но коробка немного помята; старая цилиндрическая банка из-под какао или нюхательного табака гораздо надежнее. Прилагаю почтовые расходы. В качестве отчета о перемещении я упомяну то, что, как я полагаю, является *Oncidium*, чтобы УБЕДИТЬСЯ — относится ли вложенный цветок со смятыми лепестками к этому роду? Кроме того, я особенно хочу знать, что это за маленькая шаровидная коричневая Орхидея, которая находится внутри. Я видел только пыльцу каттлеи на пчеле, но, конечно, разве вы случайно не прислали мне то, чего я хотел больше всего (после катасетума или Мормодеса), а именно. один из придатков?! Я ОСОБЕННО хочу (и сейчас расскажу вам почему) еще один отросток этой маленькой орхидеи, с более старыми цветами, некоторые даже почти увядшие ".

Его восторг от наблюдений снова проявляется в письме доктору Грею (1863 г.). Ссылаясь на письма Крюгера из Тринидада, он писал: "Счастливым человеком, он действительно видел толпы пчел, летающих вокруг Катасетума, с прилипшими к их спинам поллиниями!"

Следующие выдержки из писем сэру Дж.Д. Хукеру еще раз иллюстрируют интерес, который вызывала в нем его работа:

"Вейч прислал мне сегодня утром огромную партию. Какие замечательные сооружения!"

"Теперь я увидел достаточно, и вы не должны присылать мне больше, потому что, хотя мне очень нравится смотреть на них, и мне было очень полезно видеть так много разных форм, это праздность. Для достижения моей цели изучение каждого вида требует нескольких дней. Жаль, что у вас нет времени заняться группой. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что такое ростеллум, у которого я проследил так много любопытных модификаций. Я полагаю, что это не может быть одно из рылец (это модификация верхнего рыльца.), по-видимому, существует большая тенденция к появлению двух боковых рылец. Моя статья, хотя и затрагивающая только второстепенные моменты, боюсь, займет 100 страниц в миллионном фолианте! Красота адаптации отдельных частей кажется мне несравненной. Я должен думать или предполагать, что восковая пыльца была наиболее дифференцированной. У *Cypripedium*, которая кажется наименее измененной и является сильно истребленной группой, зерна одиночные. Во ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ, насколько я видел, они собраны в пачки по четыре; и эти пачки у Орхидов соединяются во множество клиновидных масс; в восемь, четыре и, наконец, в две. Кажется любопытным, что существует цветок, который может оплодотворить самое большое только два других цветка, учитывая, насколько обильна пыльца в целом; я рассматриваю этот факт как объясняющий совершенство механизма, с помощью которого пыльца, столь важная из-за своей малочисленности, переносится с цветка на цветок" (1861).

"Я подумывал написать тебе сегодня, когда пришла твоя записка с Орхидеями. Какие ужасные хлопоты вы взяли на себя по поводу Ванили; вы действительно не должны брать ни на йоту больше, потому что Орхидеи - это скорее игра, чем настоящая работа. Меня очень заинтересовал эпидендрум, и я проработал над ним все утро; ради бога, не развращайте меня больше ничем" (30 августа 1861 г.).

Первоначально он намеревался опубликовать свои заметки об орхидеях в виде статьи в журнале Линнеевского общества, но вскоре стало очевидно, что отдельный том будет более

подходящей формой публикации. В письме сэру Дж.Д. Хукеру от 24 сентября 1861 года он пишет:

"Боюсь, что вы подумаете, что я вел себя как гусь; и, возможно, на самом деле так и было. Когда я закончила несколько дней назад свою статью об Орхидеях, в которой оказалось 140 страниц!! подумав о расходах на гравюры на дереве, я сказал себе, что предложу Линнеевскому обществу издать ее и опубликовать в виде брошюры. Затем мне пришло в голову, что, возможно, Мюррей опубликует это, поэтому я дал ему осторожное описание и предложил разделить риски и прибыль. Сегодня утром он пишет, что опубликует статью и возьмет на себя все риски, а также поделится прибылью и оплатит все иллюстрации. Это рискованно, и бог знает, не обернется ли это полным провалом, но я не обманывал Мюррея и сказал ему, что это заинтересует только тех, кто сильно интересуется естественной историей. Надеюсь, я не преувеличиваю любопытство множества специальных приспособлений".

Он написал мистеру Мюррею два следующих письма по поводу публикации книги:]

Вниз, 21 сентября [1861 г.].

Мой дорогой сэр,

Не будете ли вы так добры высказать мне свое мнение, которому я беспрекословно последую? Я только что закончил очень длинную статью, предназначенную для Линнеевского общества (название прилагается), и вчера мне впервые пришло в голову, что, возможно, ее стоило бы опубликовать отдельно, что избавило бы меня от хлопот и задержек. Факты новые, собирались в течение двадцати лет и кажутся мне любопытными. Как и в трактате Бриджвотера, главная цель - показать совершенство многих изобретений орхидей. Тема пропаганды интересна большинству людей, и в моей статье она изложена так, чтобы ее могла прочитать любая женщина. Отдельные части сухи и чисто научны; но я думаю, что моя статья заинтересует многих из тех, кто интересуется естественной историей, но никого другого.

... Это была бы очень маленькая книга, и я полагаю, вы считаете, что очень маленькие книги нежелательны. У меня самого БОЛЬШИЕ сомнения на этот счет. Я очень склонен думать, что мои гуси - лебеди; но этот предмет кажется мне любопытным.

Я прошу вас ни в малейшей степени не руководствоваться мной, чтобы сделать мне одолжение, но, насколько вы можете судить, пожалуйста, выскажите мне свое мнение. Если бы мне пришлось публиковаться отдельно, я бы согласился на любые условия, такие как половина риска и половина прибыли, или на то, что вам нравится; но я бы не стал публиковать только на свой страх и риск, поскольку, откровенно говоря, мне сказали, что ни один издатель при таких обстоятельствах не заботится об успехе книги.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. МЮРРЕЮ. Даун, 24 сентября [1861].

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен за вашу записку и очень щедрое предложение. У меня были некоторые сомнения. Все, в чем я могу быть уверен, это в том, что рукопись содержит много новых и любопытных фактов, и я уверен, что эссе заинтересовало бы меня и заинтересует тех, кто

испытывает живой интерес к чудесам природы; но насколько публику будут интересовать такие мельчайшие детали, я вообще не могу сказать. Это смелый эксперимент; и в худшем случае он не может повлечь за собой больших потерь; поскольку определенный объем продаж, я думаю, будет вполне определенным. О крупной продаже не может быть и речи. Насколько я могу судить, обычно те моменты, которые интересуют меня, я нахожу интересными и для других; но я провожу эксперимент со страхом и трепетом - не ради себя, а ради вас...

[28 сентября он написал сэру Дж.Д. Хукеру: —

- Какая же ты добрая душа, что не насмеяешься надо мной, а похлопываешь по спине. У меня есть величайшие сомнения, не собираюсь ли я, публикуя свою статью, совершить самую нелепую вещь. Меня бы очень разозлило, но только ради Мюррея, если бы публикация потерпела полный провал".

Предстояло еще много работы, и в октябре он все еще получал орхидеи из Кью и написал Хукеру:

"Невозможно выразить вам всю свою благодарность. Я чуть не сошла с ума от изобилия орхидей". И снова —

"Мистер Вейч великодушно прислал мне два великолепных бутона мормодии, которые будут хороши для препарирования, но, боюсь, никогда не вызовут раздражения; поэтому ради милосердия и любви к небесам, умоляю вас, понаблюдайте, какие движения происходят у цихнох и к какой части следует прикасаться. Мистер В. также прислал мне один великолепный цветок катасетума, самую чудесную орхидею, которую я когда-либо видел".

13 октября он написал сэру Джозефу Хукеру:

- Похоже, я не могу исчерпать твое добродушие. У меня был самый тяжелый рабочий день в Catasetum и buds of Mormodes, и я верю, что наконец-то понял механизм движений и их функции. Катасетум - прекрасный пример небольшой модификации структуры, ведущей к новым функциям. Ни одна тема в моей жизни не интересовала меня так сильно, как орхидеи. Я очень многим тебе обязан.

Снова тому же другу, 1 ноября 1861 г.:

- Если вы действительно сможете выделить еще один Катасетум, когда он будет почти готов, я буду вам очень благодарен; не лучше ли мне послать за ним? Случай поистине удивительный; (так называемое) ощущение, или стимул от легкого прикосновения, безусловно, мгновенно передается через антенны более чем на один дюйм... Проклятое насекомое или что-то в этом роде оборвало мой последний цветок прошлой ночью.

Профессор де Кандоль заметил ("Darwin considere и др.", "Archives des Sciences Physiques et Naturelles", 3^{em} periode. Tome vii. 481, 1882 (May).) of my father, "Ce n'est pas lui qui aurait demande de construire des palais pour y loger des laboratoires." Это было особенно верно в отношении его работ по орхидеям, или, скорее, было бы ближе к истине сказать, что у него не было лаборатории, поскольку только после публикации "Удобрения орхидей" он построил себе оранжерею. Он писал сэру Дж.Д. Хукеру (24 декабря 1862 г.):

А теперь я собираюсь сообщить вам САМУЮ важную новость!! Я почти решил построить небольшую теплицу; это предложил действительно первоклассный садовник моего соседа, который предложил составить мне планы и проследить, чтобы все было сделано хорошо, и он действительно умный парень, который получает много призов и очень наблюдателен. Он считает, что мы добьемся успеха, если проявим немного терпения; для меня будет большим развлечением экспериментировать с растениями ".

Он снова писал (15 февраля 1863 г.):

"Я пишу сейчас, потому что новая теплица готова, и я, как школьник, мечтаю запастись ею. Не могли бы вы поскорее сказать мне, какие растения вы можете мне дать, и тогда я буду знать, что заказать? И, пожалуйста, посоветуйте мне, как мне лучше достать такие растения, какие у вас есть В ЗАПАСЕ. Стоило бы отправить мою повозку с налогами рано утром, в день, когда не было мороза, застелить повозку циновками и прибыть сюда засветло? Я понятия не имею, может ли такая степень воздействия (и, конечно, в тележке будет холодно) повредить стовидные растения; им потребуется около пяти часов (с приманкой) на дорогу домой ".

Неделю спустя он написал:—

"вы не можете себе представить, какое удовольствие доставляют мне ваши растения (гораздо большее, чем может доставить вам ваша мертвая посуда из Веджвуда); и я хожу и восхищаюсь ими, но наедине мы признались друг другу, что, если бы они не были нашими собственными, возможно, мы не увидели бы такой заповедной красоты в каждом листочке".

А в марте, когда ему стало совсем плохо, он написал:—

"Несколько слов о печных растениях; они меня так забавляют. Я ползал туда, чтобы посмотреть на них два или три раза. Исправьте, пожалуйста, ответ и верните в приложении. Я перерыл все свои книги и не могу найти этих названий (Его трудности с названиями растений иллюстрируются на примере люпина, над которым он работал, выдержкой из письма (21 июля 1866 г.) сэру Дж. Д. Хукеру: "Я послал в питомник, где купил семена, и смог услышать только, что это был "обыкновенный голубой люпин", человек сказал, что "он не был ученым и не знал латыни, и что лица, проводящие эксперименты, должны узнать названия".), И я сказал, что это обычный синий люпин". хотелось бы поближе познакомиться с этой семьей ".

Книга была опубликована 15 мая 1862 года. О ее получении он пишет Мюррею 13 и 18 июня: —

"Ботаники превозносят до небес мою книгу об орхидеях. Кто-то прислал мне (возможно, вы) "Парфенон" с хорошей рецензией. "Атенеум" (24 мая 1862 г.) относится ко мне с очень доброй жалостью и презрением; но рецензент ничего не знал о своем предмете".

"В "Лондон Ревью" (14 июня 1862 г.) есть превосходная, но, боюсь, преувеличенная рецензия.) Но я не был дураком, каким я себя считал, чтобы опубликовать (Сомнения на этот счет, однако, все еще возникали у него примерно в то же время. Он написал проф. Оливер (8 июня): "Я рад, что вы прочитали мою книгу об Орхидеях и, кажется, одобряете ее; потому что я никогда не публиковал ничего, в чем я так сильно сомневался, стоит ли это публиковать, и, действительно, я все еще сомневаюсь. Предмет заинтересовал меня сверх того, чего, я полагаю, он стоит".); ибо Эйза Грей, едва ли не самый компетентный судья в мире, почти такого же высокого мнения о книге, как и "Лондон Ревью". "Атенеум" сильно помешает продаже ".

Преподобный М.Дж. Беркли был автором заметки в "Лондон Ревью", о чем мой отец узнал от сэра Дж.Д. Хукера, который добавил: "Я подумал, что это действительно очень хорошо сделано. Я много читал из книги об Орхидеях и повторяю все, что он говорит.

На это мой отец ответил (30 июня 1862 г.):

"Мой дорогой Старый Друг,

Ты говоришь о том, что я согреваю щели твоего сердца, но ты никогда не узнаешь, как часто ты согревал мое. Это не ваше одобрение моей научной работы (хотя оно для меня важно больше, чем чья-либо другая): это нечто более глубокое. До сих пор я отчетливо помню письмо, которое вы написали мне из Оксфорда, когда я был на водолечении, и то, как оно подбодрило меня, когда я совершенно устал от жизни. Что ж, моя книга об Орхидеях пользуется успехом (но я не знаю, продается ли она.)"

В другом письме тому же другу он писал:—

"Вы очень порадовали меня тем, что сказали о Бентаме и Оливере, одобряющих мою книгу; потому что я немного занервничал и засомневался, не выставил ли я себя вопиющим дураком, и придумал приятные язвительные замечания для рецензий, такие как "мистер Кажется, Дарвину вскружил голову определенный успех, и он считает, что самые незначительные наблюдения заслуживают публикации".

Одобрение мистера Бентама было дано в его Президентском обращении к Линнеевскому обществу 24 мая 1862 года и было тем более ценным, что исходило от человека, который ни в коем случае не должен был быть благосклонен к эволюционным доктринам.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 10 июня [1862].

Мой дорогой Грей,

Ваше великодушное сочувствие заставляет вас переоценивать то, что вы прочитали о моей книге об орхидеях. Но ваши письма от 18 и 26 мая доставили мне почти безумное удовлетворение. Я знал, что эта тема интересовала меня больше, чем ее реальная ценность; но в последнее время я начал думать, что выставил себя полным дураком, опубликовав ее в полупопулярной форме. Теперь я буду уверенно бросать вызов миру. Я слышал, что Бентам и Оливер одобряют это; но я не слышал мнения никого другого, чье мнение не стоит и фартинга... Без сомнения, в моей книге много ошибок: как удивительно трудно быть точным, хотя я стараюсь изо всех сил. Ваши заметки заинтересовали меня сверх всякой меры. Теперь я могу позволить себе относиться к своим критикам с невыразимым спокойствием духа. Сердечно благодарю за это пособие. Меня удивляет, что у вас хватает силы духа заботиться о науке посреди ужасных событий, ежедневно происходящих в вашей стране. Я ежедневно просматриваю "Таймс" почти с таким же интересом, с каким мог бы это сделать американец. Когда наступит мир? страшно думать об опустошении значительной части вашей великолепной страны; и обо всех безмолвных страданиях, от которых страдают многие. Я надеюсь и думаю, что вполне вероятно, что мы, англичане, ошибаемся, делая вывод, что потребуется много времени, чтобы процветание вернулось к вам. Это ужасная тема для размышлений ...

[Доктор Эйса Грей рецензировал книгу в "Журнале Силлимана" ("Silliman's Journal", том xxiv. стр. 138. Здесь приводится отчет об оплодотворении *Platanthera Hookeri*. *P. hyperborea* обсуждается в книге доктора Грея "Перечисление" в том же томе, стр. 259; также, вместе с другими видами, во втором примечании к книге об орхидеях на стр. 420.), Где он в сильных выражениях говорит о том очаровании, которое она должна иметь даже для слабо подготовленных читателей. Он также сделал несколько оригинальных наблюдений над американской орхидеей, и эти первые результаты исследования, отправленные моему отцу в виде рукописи или корректурного листа, были одобрены им в письме (23 июля):-

"Вчера вечером, после написания вышесказанного, я прочитал огромную пачку заметок. Я и не думал о том, что мне предстоит прочесть. Какие замечательные наблюдения! Вы отдалили меня от моего собственного конька! Уже несколько недель я не испытывал такого острого удовольствия, какое доставили мне ваши наблюдения ".

Следующее письмо относится к публикации рецензии:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 28 июля [1862].

Мой дорогой Грей,

Я даже не знаю, за что благодарить в первую очередь. Ваши марки доставили мне бесконечное удовлетворение. Я взял его (одного из его мальчиков, который был болен.) сначала одну партию, а через час другую. Он даже приподнялся на локте, чтобы посмотреть на них. Это была первая анимация, которую он показал. Он сказал только: "Вы должны от всей души поблагодарить профессора Грея". Вечером, после долгого молчания, прозвучала пророческая фраза: "Он ужасно добр". И в самом деле, вы так переутомлены, что берете на себя столько хлопот ради нашего бедного маленького человечка.—А теперь я должен начать "ужасно" от себя лично: какое замечательное сообщение вы опубликовали об орхидеях! Лучше и быть не могло; но я боюсь, что вы переоцениваете его. Я совершенно уверен, что у меня и в мыслях не было, что вы или кто-либо другой так сильно одобрит это. Я возвращаю ваше последнее письмо на случай, если вы опубликуете какое-нибудь замечание по этому вопросу; но, в конце концов, возможно, вы сочтете, что оно того не стоит; и все же, по моему мнению, НЕКОТОРЫЕ из ваших фактов, особенно *Platanthera hyperborea*, слишком хороши, чтобы их можно было объединить в рецензию. Но я всегда замечал, что вы расточительны в оригинальности своих отзывов...

[Сэр Джозеф Хукер опубликовал рецензию на книгу в "Хронике садоводов", написав в удачном подражании стилю Линдли, редактора. Мой отец писал сэру Джозефу (12 ноября 1862 г.):

- Значит, вы все-таки написали рецензию в "Хронику садоводов". Раз или два я засомневался, был ли это Линдли; но когда дело дошло до небольшой пощечины Р. Брауну, я больше не сомневался. Ты, закоренелый негодяй! Я не удивляюсь, что вы обманывали и других. Возможно, я тщеславный пес, но если это так, вам придется за многое ответить; я никогда не получал столько похвал, и, услышав их от вас, я ценю их гораздо больше, чем от кого-либо другого ".

Что касается мнения ботаников в целом, он написал доктору Грею: "Я весьма удивлен успехом моей книги у ботаников". Среди натуралистов, которые не были ботаниками, Лайелл выделялся своей высокой оценкой этой книги. У меня нет возможности узнать, когда он это прочитал, но

позже, как я узнал от профессора Джадда, он с энтузиазмом восхвалял "Оплодотворение орхидей", которое он считал "после "Происхождения" самым ценным из всех трудов Дарвина". Среди широкой публики автор поначалу не слышал о многих учениках, поэтому в сентябре 1862 года он написал своему кузену Фоксу: "Насколько я знаю, вряд ли кто-либо, не являющийся ботаником, кроме вас, интересовался этим".

В "Saturday Review" от 18 октября 1862 г. появилось благоприятное уведомление; рецензент отмечает, что книга избежала бы гневной полемики, вызванной "Происхождением". (Доктор Грей указал, что если бы книга об орхидеях (с несколькими незначительными пропусками) появилась раньше "Происхождения", автор был бы канонизирован, а не предан анафеме естественными теологами.) Это иллюстрируется рецензией в "Литературном церковнике", в которой обнаружен только один недостаток, а именно, что выражение восхищения мистером Дарвином изобретениями орхидей является слишком косвенным способом сказать: "О Господи, как разнообразны Твои труды!"

Несколько похожая критика встречается в "Эдинбург Ревью" (октябрь 1862 г.). Автор указывает, что мистер Дарвин постоянно использует фразы, такие как "прекрасное изобретение", "этикетка... ЧТОБЫ привлечь", "нектар СПЕЦИАЛЬНО оставлен". Рецензент завершает свое обсуждение так: "Мы также знаем, что эти цели и идеи принадлежат не нам, а идеям и предназначениям Другого человека".

Трактовка этого предмета рецензентом "Эдинбург" была подвергнута критике в "Субботнем обозрении" от 15 ноября 1862 г.: В связи с этой статьей мой отец написал сэру Джозефу Хукеру (29 декабря 1862 г.):—

"Вот странный случай; мой племянник Генри Паркер, классик Оксфорда и сотрудник Oriel, пришел сюда этим вечером; и я спросил его, знает ли он, кто написал небольшую статью в "Saturday", разгромившую [Edinburgh reviewer], которая нам понравилась; и после небольшого колебания он признался, что знал. Я никогда не знал, что он писал в "Субботе"; и разве это не было странной случайностью?"

Статья "Эдинбург" была написана герцогом Аргайлом и с тех пор использовалась в его "Правлении закона", 1867 г. Мистер Уоллес ответил ("Ежеквартальный журнал науки", октябрь 1867 г.). Переиздано в "Естественном отборе", 1871 г.) к критическим замечаниям герцога, сделав несколько особенно хороших замечаний о тех, которые относятся к орхидеям. Он показывает, как благодаря "прекрасному самодействующему приспособлению" нектарник орхидеи *Angraecum* (от 10 до 14 дюймов в длину) и хоботок мотылька, достаточно длинный, чтобы доставать нектар, могли развиваться в результате естественного отбора. Далее он указывает, что по любой другой теории мы должны предположить, что цветок был создан с чрезвычайно длинным нектарием, и что затем в результате специального действия было создано насекомое, приспособленное для посещения цветка, который в противном случае оставался бы стерильным. По этому поводу мой отец писал (12 или 13 октября 1867 г.):

- Я забыл заметить, как здорово ты меняешь правила игры с герцогом, когда заставляешь его создать *Angraecum* и *Moth* с помощью специального творения.

Если мы изучим литературу, касающуюся оплодотворения цветов, мы не обнаружим, что эта новая область исследований проявила какую-либо большую активность сразу после публикации книги об орхидеях. Есть несколько статей Эйзы Грей в 1862 и 1863 годах, Хильдебранда в 1864 году и Моггриджа в 1865 году, но большая часть работ Акселла, Дельпино, Хильдебранда и Мюллеров начала появляться примерно до 1867 года. Период, в течение которого новые взгляды усваивались и прежде чем они стали по-настоящему плодотворными, был, однако, на удивление коротким. Более поздняя деятельность на этом факультете может быть приблизительно оценена по тому факту, что ценная "Библиография", приведенная проф. Д'Арси Томпсон в своем переводе книги Мюллера "Befruchtung" (1883) содержит ссылки на 814 статей.

Помимо книги об орхидеях, мой отец написал две или три статьи на эту тему, упоминание о которых приводится в Приложении. Самая ранняя из них, посвященная трем половым формам катасетума, была опубликована в 1862 году; она предвосхищает часть "Книги орхидей" и была опубликована просто в журнале Линнеевского общества в знак признания использования образца, находящегося в распоряжении Общества. Возможность того, что внешне различные виды могут быть просто половыми формами одного вида, подсказала характерный эксперимент, о котором говорится в следующем письме к одному из его первых учеников по изучению оплодотворения цветов:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж. ТРЕЙЕРНУ МОГРИДЖУ. (Покойный мистер Моггридж, автор книг "Сбор урожая муравьев и пауков-ловушек", "Флора Ментоны" и др.) Даун, 13 октября [1865].

Мой дорогой сэр,

Я особенно признателен вам за ваши прекрасные листы и печатный станок; ибо ни один пункт естественной истории не интересует и не сбивает меня с толку так сильно, как самооплодотворение (однажды он заметил доктору Норману Муру, что одной из причин, побудивших его пожелать прожить несколько тысяч лет, было его желание увидеть вымирание орхидных пчел — конец, к которому, по его мнению, ведет их привычка к самооплодотворению.) орхидных пчел. Вы уже пролили некоторый свет на этот предмет, и ваши нынешние наблюдения обещают пролить больше.

У меня возникло два предположения: первое, что какое-то насекомое в определенное время года может пересекать растения, но я почти отказался от этого; тем не менее, прошу вас, взгляните на цветы в следующем сезоне. Во-вторых, я предположил, что Паукообразные и Пчелиные орхидеи могут быть скрещивающимися и самооплодотворяющимися формами одного и того же вида. Соответственно, несколько лет назад я написал знакомому, прося его пометить несколько Паутинных орхидей и посмотреть, сохранили ли они те же свойства; но он, очевидно, счел просьбу такой же глупой, как если бы я попросил его пометить ленточкой одну из его коров, чтобы посмотреть, превратится ли она следующей весной в лошадь. Теперь, будьте так любезны, обвяжите ниткой стебель полудюжины Паутинных орхидей, и когда вы покинете Ментону, выкопайте их, а я бы попробовал вырастить их и посмотреть, сохранятся ли они постоянными; но мне нужно знать, на какой почве и в каких условиях они растут. Было бы необходимо пометить растение, чтобы нельзя было ошибиться в человеке. Также вполне

возможно, что одно и то же растение распускало бы в разное время года разные цветоносы, и отмеченные растения служили бы доказательством.

С большой благодарностью, мой дорогой сэра, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

P.S.—Этой почтой я отправляю свою статью о вьющихся растениях, отрывки из которой вам, возможно, захочется прочитать.

[Мой отец также направлял и поощрял сэра Томаса Фаррера и доктора У. Огла в их наблюдениях. Следующее относится к статье сэра Томаса Фаррера, опубликованной в "Анналах и журнале естественной истории" за 1868 год, об оплодотворении Алого бегуна:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ФАРРЕРУ. Даун, 15 сентября 1868 г.

Мой дорогой мистер Фаррер,

С прискорбием должен сказать, что основные особенности вашего дела известны. Я грешник и описал их около десяти лет назад. Но я упустил из виду многие детали, такие как придаток к единственной тычинке и несколько других моментов. Я посылаю свои заметки, но должен просить их вернуть, поскольку ДРУГОГО ЭКЗЕМПЛЯРА у меня нет. Я полностью согласен, факты поразительны, особенно в том виде, в каком вы их изложили. Вы уверены, что пчела-резчица? это противоречит моему опыту. Если уверены, сделайте точку более заметной, а если не уверены, сотрите ее. Я не думаю, что этот предмет достаточно нов для Линнеевского общества; но осмелюсь сказать, что "Анналы и журнал естественной истории" или "Хроника садоводов" с радостью опубликовали бы ваши наблюдения, и очень жаль, что они будут утеряны. Если хотите, я бы отправил вашу статью в любой квартал с пометкой. В этом случае вы должны указать название и свое имя, и, возможно, было бы неплохо дополнить свои замечания ссылкой на мою статью, в которой указано, что вы наблюдали независимо и более полно.

Я перечитал свою собственную статью с интервалом в несколько лет, и меня позабавила осторожность, с которой я излагал доводы о том, что конечной целью было скрещивание различных особей, в чем я был тогда так же полностью убежден, как и сейчас, но я знал, что эта доктрина шокировала бы всех ботаников. Теперь это мнение становится привычным.

Увидеть проникновение пыльцевых трубок несложно, но в большинстве случаев требуется некоторая практика с рассечением с фокусным расстоянием менее одной десятой дюйма одиночным объективом; и только поначалу это покажется вам чрезвычайно сложным.

Какой вы превосходный наблюдатель — первоклассный натуралист был принесен в жертву или частично принесен в жертву Общественной жизни.

Поверьте мне, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.—Если вам попадется какая-нибудь крупная шалфей, посмотрите на нее — изобретательность достойна восхищения. Мне было приятно сказать человеку, который приехал сюда несколько недель назад с великолепными рисунками и рукописью о Сальвии, что вся работа была сделана в Германии. (Доктор У. Огл, наблюдатель за оплодотворением шалфея, о котором здесь идет речь, опубликовал свои результаты в "Pop. Science Review", 1869. Он

изящно и с благодарностью упоминает о своих отношениях с моим отцом во введении к своему переводу книги Кернера "Цветы и их незванные гости".)

[Нижеследующая выдержка взята из письма сэру Томасу Фарреру от 26 ноября 1868 г., написанного, как я узнал от него, "в ответ на просьбу дать совет относительно наилучших методов наблюдения".

"На мой взгляд, лучший план - продолжать работать и делать подробные заметки, не задумываясь о публикации, а затем, если результаты окажутся поразительными, опубликовать их. У меня сложилось впечатление, но я не уверен, что я прав, что лучшим и наиболее новаторским планом было бы вместо описания способов оплодотворения у конкретных растений исследовать роль, которую определенные структуры играют у всех растений или в определенных отрядах; например, щеточка волосков на фасоли, или диадельфное состояние тычинок у бобовых, или волоски внутри венчика и т.д. и т.п. Глядя на вашу заметку, я думаю, что, возможно, это и есть тот план, который вы предлагаете.

"Хорошо помнить, что натуралисты ценят наблюдения гораздо больше, чем рассуждения; поэтому ваши выводы следует как можно чаще подтверждать, обращая внимание на то, как насекомые на самом деле выполняют свою работу".

В 1869 году сэр Томас Фаррер вел переписку с моим отцом по поводу удобрения пассифлоры и таксонии. Он поделился со мной своими впечатлениями от переписки: —

Я предположил, что тщательно продуманные ряды шево-де-фризов, которыми охраняется нектарник обыкновенной пассифлоры, были специально рассчитаны для защиты цветка от колибри с жесткими клювами, которые не будут его оплодотворять, и для облегчения доступа маленького хоботка скромной пчелы, который будет это делать; в то время как, с другой стороны, длинная свисающая трубка и гибкая корона, похожая на клапан, которая удерживает нектар таксонии, отгоняет пчелу, которая этого не сделает, и впускает колибри, которая этого не сделает. оплодотвори этот цветок. Это предположение, весьма возможно, бесполезно и может быть проверено или опровергнуто только путем изучения цветов в странах, где они произрастают естественным путем... Что меня заинтересовало, так это то, что по этому, как и почти по любому другому пункту подробного наблюдения, мистер Дарвин всегда мог сказать: "Да; но одно время я сам делал некоторые наблюдения по этому конкретному пункту; и я думаю, вы обнаружите и т.д. и т.п. " Что он должен был спустя годы вспомнить, что он заметил особую структуру, на которую я ссылался, у *Passiflora princers*, которая показалась мне в то время очень примечательной ".

Что касается распространения веры в приспособление цветов для перекрестного оплодотворения, мой отец написал мистеру Бентаму 22 апреля 1868 года:

"Я уверен, что большинство критических замечаний, с которыми я иногда сталкиваюсь во французских произведениях по поводу частоты скрещивания, являются результатом простого невежества. До сих пор я ни разу не сталкивался с нарушением правила, согласно которому, когда автор описывает строение цветка как специально приспособленное для самооплодотворения, оно действительно приспособлено для скрещивания. *Fumariaceae* являются хорошим примером этого, и Treviranus бросил этот порядок мне в глаза; но на *Corydalis* Гильдебранд показывает, насколько ложна идея самооплодотворения. Статью этого

автора о шалфее действительно стоит прочитать, и я наблюдал за некоторыми видами и знаю, что он точен".

Следующее письмо относится к статье профессора Хильдебранда о хохлатке, опубликованной в "Proc. Internat. Hort. Конгресс", Лондон, 1866 г., и в "Ярбухере" Прингсгейма, том v. Упомянутые воспоминания о Шалфее содержатся в предыдущем томе того же журнала:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Ф. ГИЛЬДЕБРАНДУ. (Профессору ботаники во Фрайбурге.) Даун, 16 мая [1866].

Мой дорогой сэр,

Состояние моего здоровья не позволяет мне посещать Hort. Конгресс; но вчера я переслал ваш документ секретарю, и если они не будут завалены бумагами, ваши будут с радостью приняты. Я сделал много наблюдений над *Fumariaceae* и убедился, что они приспособлены для жизнедеятельности насекомых; но я никогда не наблюдал ничего более любопытного, чем ваши самые интересные факты. Я надеюсь, что вы повторите свои эксперименты с хохлаткой в большем масштабе, и особенно с несколькими различными растениями; поскольку ваше растение могло быть индивидуально своеобразным, подобно некоторым отдельным растениям лобелии и др., описанным Гартнером, и пассифлоре и орхидеям, описанным мистером Скоттом...

После того как я написал вам ранее, я прочитал ваши замечательные мемуары о шалфее, и они заинтересовали меня почти так же сильно, как когда я впервые исследовал строение орхидей. Ваша статья иллюстрирует несколько моментов в моем "Происхождении видов", особенно переход органов. Зная всего два или три вида в этом роде, я часто удивлялся, как одна ячейка пыльника могла превратиться в подвижную тарелку или ложку; и как хорошо вы показываете градации; но я удивлен, что вы не настаивали на этом более решительно.

Я буду еще больше удивлен, если вы в конечном счете не придете к тому же убеждению, что и я, что доказано таким количеством прекрасных изобретений, что все растения по какой-то неизвестной причине нуждаются в периодическом оплодотворении пыльцой отдельной особи. С искренним уважением, поверьте мне, мой дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо отсылает к книге покойного Германа Мюллера "Befruchtung der Blumen", безусловно, самой ценной из массы литературы, берущей начало в "Оплодотворении орхидей". Английский перевод, выполненный проф. Дж. Д'Арсси Томпсон был опубликован в 1883 году. "Предисловие" моего отца к этой работе датировано 6 февраля 1882 года и, следовательно, является почти последним из его сочинений:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х. МЮЛЛЕРУ. Даун, 5 мая 1873 г.

Мой дорогой сэр,

Из-за всевозможных перерывов и из-за того, что я так медленно читаю по-немецки, я дочитал вашу книгу только до 88-й страницы; но я должен иметь удовольствие сообщить вам, каким ценным трудом она мне кажется. Независимо от множества оригинальных наблюдений, которые, конечно, составляют наиболее важную часть, эта работа будет чрезвычайно полезна как средство ознакомления со всем, что было сделано по данному вопросу. Я порядочно поражен количеством видов насекомых, посещения которых различными цветами вы зафиксировали. Вы, должно быть, работали самым неутомимым образом. Примерно полгода назад редактор журнала "Nature" предположил, что было бы грандиозным начинанием, если бы несколько натуралистов занялись тем, что вы уже сделали в столь широком масштабе в отношении посещений насекомых. Я был особенно рад прочитать ваш исторический очерк, поскольку никогда раньше не видел всех ссылок вместе взятых. Иногда я опасался, что ошибся, сказав, что К. К. Шпренгель не до конца понимал, что перекрестное оплодотворение является конечной целью развития строения цветов; но теперь это опасение рассеяно, и мне доставляет огромное удовлетворение мысль о том, что я помог сделать его превосходную книгу более широко известной. Ничто так не удивило меня, как увидеть в вашем историческом очерке, как много я сам сделал по этому вопросу, поскольку мне никогда раньше не приходило в голову рассматривать все мои статьи как единое целое. Но я не сомневаюсь, что ваша щедрая оценка труда других привела вас к переоценке того, что я сделал. С очень искренней благодарностью и уважением, поверьте мне,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Я упомянул о вашей книге почти каждому, кто, насколько я знаю, интересуется этой темой в Англии; и я распорядился отправить копию нашему Королевскому обществу.

[Следующее письмо, адресованное доктору Беренсу, касается той же темы, что и предыдущее:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. БЕРЕНСУ. Даун, 29 августа [1878].

Уважаемый сэр,

Я очень признателен вам за то, что вы прислали мне вашу "Geschichte der Bestäubungs-Theorie" (Прогр. der K. Gewerbschule zu Elberfeld, 1877, 1878 гг.), и который меня очень заинтересовал. Это представило некоторые вещи в новом свете и сказало мне другие вещи, которых я не знал. Я искренне согласен с вами в вашей высокой оценке работы бедного старого К. Шпренгеля; и горько сожалею, что он не дожил до того, чтобы увидеть, как его труды оцениваются таким образом. Мне также приятно отметить, как высоко вы цените Х. Мюллера, который всегда казался мне замечательным наблюдателем и рассуждателем. В настоящее время я пытаюсь убедить английского издателя выпустить перевод его "Befruchtung".

Наконец, позвольте мне поблагодарить вас за ваши очень щедрые замечания о моих работах. Расположив то, что я смог сделать по этому вопросу, в систематическом порядке, вы заставили меня думать о моей собственной работе более высоко, чем я когда-либо прежде! Тем не менее, я боюсь, что вы оказали мне больше, чем просто справедливость.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне ваш и признательный ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Нижеследующее письмо было вызвано статьей доктора Грея в "Nature", на которую уже делалась ссылка и которая появилась 4 июня 1874 г.:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 3 июня [1874].

Мой дорогой Грей,

Я был рад снова увидеть ваш почерк в вашей заметке от 4-го числа, о которой подробнее позже. Я был поражен, когда около недели назад узнал, что вы собираетесь написать обо мне статью в "Nature", а сегодня утром я получил предварительный экземпляр. Это самая великая вещь, когда-либо написанная обо мне, особенно из уст такого человека, как вы. Она глубоко порадовала меня, особенно некоторые ваши побочные замечания. Для меня замечательно дожить до того, чтобы увидеть, как мое имя каким-либо образом сочетается с именем Роберта Брауна. Но вы смелый человек, и я уверен, что немало ботаников будут насмехаться над вами. Я никогда раньше не удостоивался такой чести, и я надеюсь, что это пойдет мне на пользу и заставит меня стараться быть как можно более осторожным; и, боже мой, как же трудно соблюдать точность! Я чувствую себя очень гордым человеком, но я надеюсь, что это ненадолго...

[Фриц Мюллер заметил, что цветки гедихиума расположены так, что пыльца удаляется крыльями парящих бабочек. Предсказание моего отца относительно этого наблюдения приводится в следующем письме:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Х. МЮЛЛЕРУ. Даун, 7 августа 1876 г.

... Меня очень заинтересовала статья вашего брата о гедихиуме; около двух лет назад я был настолько убежден, что цветы удобряются кончиками крыльев крупных мотыльков, что написал в Индию, чтобы попросить человека понаблюдать за цветами и поймать мотыльков за работой, и он прислал мне от 20 до 30 мотыльков-сфинксов, но так плохо упакованных, что все они прибыли по частям; и я ничего не смог разобрать...

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Следующий отрывок из письма (25 февраля 1864 г.) доктору Грею относится к другому сбывшемуся предсказанию:—

- Я, конечно, никого не видел, и, кроме милого Хукера, ни от кого ничего не получаю. Он, как хороший и верный друг, хотя и очень перегружен работой, часто пишет мне.

"Я получил одно письмо, которое меня очень заинтересовало, со статьей доктора Крюгера из Тринидада, которая появится в Linnean Journal, и которая показывает, что с Катасетумом у меня все в порядке, вплоть до того места, где поллинии присасываются к пчелам, которые посещают цветок, как я уже сказал, чтобы обгрызть лепесток. Рассказ Крюгера о *Coryanthes* и использовании лейбла, похожего на ведро, наполненного водой, превосходит все: я ПОДОЗРЕВАЮ, что при хорошем увлажнении у пчел волоски разглаживаются и липкий диск прилипает".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МАРКИЗУ ДЕ САПОРТА. Даун, 24 декабря 1877 года.

Мой дорогой сэр,

Я искренне благодарю вас за ваше длинное и интереснейшее письмо, на которое я ответил бы раньше, если бы оно не задержалось в Лондоне. Я раньше не слышал, что меня должны были выдвинуть в качестве члена-корреспондента Института. Живя такой уединенной жизнью, как я, подобные почести очень мало затрагивают меня, и я могу сказать со всей правдой, что ваше любезное выражение сочувствия доставило и доставит мне гораздо больше удовольствия, чем сами выборы, если я буду избран.

Ваша идея о том, что двудольные растения не были развиты в полную силу до тех пор, пока не появились сосущие насекомые, кажется мне великолепной. Я удивлен, что эта идея никогда не приходила мне в голову, но так всегда бывает, когда впервые слышишь новое и простое объяснение какого-то загадочного явления... Ранее я показывал, что мы могли бы справедливо предположить, что красота цветов, их сладкий аромат и обильное выделение нектара могут быть приписаны существованию насекомых, населяющих цветы, но ваша идея, которую, я надеюсь, вы опубликуете, идет гораздо дальше и гораздо важнее. Что касается большого развития млекопитающих в более поздние геологические периоды, последовавшие за развитием двудольных, я думаю, следует доказать, что такие животные, как олени, коровы, лошади и т.д., не могли бы процветать, если бы питались исключительно злаковыми и другими анемофильными однодольными; и я не думаю, что существуют какие-либо доказательства на этот счет.

Ваше предложение изучить способ оплодотворения сохранившихся представителей древнейших форм двудольных очень хорошее, и я надеюсь, что вы сами будете иметь это в виду, поскольку я переключил свое внимание на другие предметы. Дельпино, по-моему, говорит, что магнолию удобряют насекомые, которые обгрызают лепестки, и я не удивлюсь, если тот же факт подтвердится и в отношении нимфеи. Всякий раз, когда я смотрел на цветы этих последних растений, я был склонен согласиться с точкой зрения, что лепестки - это видоизмененные тычинки, а не видоизмененные листья; хотя пуансеттия, кажется, показывает, что настоящие листья могут быть преобразованы в окрашенные лепестки. С прискорбием должен сказать, что я никогда не был достаточно сведущ в ботанике и изучал только специальные аспекты — поэтому я не могу претендовать на то, чтобы выразить какое-либо мнение по поводу ваших замечаний о происхождении цветков хвойных, гнетовых и т.д.; Но я был восхищен тем, что вы сказали о превращении однодомного вида в гермафродитный путем уплотнения вершинок на ветке, несущей женские цветки у вершины и мужские цветы внизу.

Я ожидаю, что Хукер вскоре придет сюда, и тогда я покажу ему ваш рисунок, и если он сделает какие-либо важные замечания, я свяжусь с вами. В настоящее время он очень занят погашением задолженности после своей Американской экспедиции, так что мне не хотелось бы беспокоить его даже самой короткой запиской. В настоящее время я работаю со своим сыном над некоторыми физиологическими вопросами, и мы приходим к очень любопытным результатам, но они пока недостаточно достоверны, чтобы их стоило сообщать вам ...

[В 1877 году вышло второе издание "Оплодотворения орхидей", первое издание некоторое время не печаталось. Новое издание было переработано и почти переписано заново, а также добавлено большое количество нового материала, многим из которых автор обязан своему другу Фрицу Мюллеру.

По поводу этого издания он написал доктору Грею:—

- Не думаю, что когда-нибудь снова прикоснусь к этой книге. После долгих сомнений я решил поступать таким образом со всеми своими книгами на будущее; то есть исправить их один раз и никогда больше к ним не прикасаться, чтобы использовать то небольшое количество работы, которое у меня осталось, для создания нового материала".

Возможно, он чувствовал, что его способность анализировать большие массивы фактов, которые потребовались бы при подготовке новых изданий, ослабевает, но его наблюдательность, безусловно, не уменьшилась. Он писал мистеру Дайеру 14 июля 1878 года:]

Мой дорогой Дайер,

Талию деальбата прислали мне из Кью: она зацвела, и после того, как я случайно взглянул на цветы, они свели меня с ума, и я работал над ними целую неделю: это такой же грандиозный случай, как у Катасетума.

Пестик энергично подвижен (так что весь цветок трясется, когда пестик внезапно сворачивается); при возбуждении прикосновением две нити образуются сбоку и поперек цветка (прямо над нектаром) из одного из лепестков или видоизмененных тычинок. Великолепно наблюдать это явление при слабом освещении, когда щетинка вонзается в МОЛОДОЙ цветок, который не посетило ни одно насекомое. Насколько я знаю, стилидиум - единственный случай чувствительного пестика, и здесь это пестик + тычинки. У Талии (Гильдебранд описал взрывное расположение у некоторых марантовых — трибы, к которой принадлежит Талия.) перекрестное оплодотворение обеспечивается чудесным перемещением, если пчелы посещают несколько цветков.

Теперь я успокоился и расскажу смысл этой заметки, а именно. если у вас зацветут какие-нибудь другие виды Талии, кроме T. dealbata, ради всего святого, пришлите мне несколько штук в ЖЕСТИЯНОЙ КОРОБКЕ С ВЛАЖНЫМ МХОМ.

Твой безумный друг Ч. ДАРВИН.

[В 1878 году был опубликован перевод интересной книги Кернера "Цветы и их непрошенные гости", сделанный доктором Оглом. Мой отец, проявивший большой интерес к переводу (как явствует из следующего письма), написал несколько вступительных слов одобрения:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ОГЛУ. Дауну, 16 декабря [1878].

... Сейчас я прочитал книгу Кернера, которая даже лучше, чем я ожидал. Перевод кажется мне ясным, как дневной свет, и написан убедительным и хорошо знакомым английским языком. Я немного боюсь, что это слишком вкусно для английской публики, которая, кажется, любит очень невкусную пищу, если только ее не готовит кто-то, чье имя хорошо известно, и тогда я

подозреваю, что многое из непонятного им очень нравится. Молю небеса, чтобы я ошибался. В любом случае, вы и миссис Огл оказали неоценимую услугу ботанической науке. Искренне ваш,
Ч. ДАРВИН.

P.S. Вы оказали мне большую честь своими вступительными замечаниями.

[Одно из последних упоминаний о его работе с орхидеями встречается в письме мистеру Бентamu от 16 февраля 1880 года. Это показывает, какое удовольствие доставляла эта тема моему отцу, и (что характерно для него) что его воспоминание об этой работе было связано с восхищением наблюдениями, предшествовавшими ее публикации. Не под последовавшие за этим аплодисменты: —

"Они чудесные создания, эти Орхидеи, и я иногда с удовольствием вспоминаю, что заметил какой-то маленький нюанс в их методе оплодотворения".]

ГЛАВА 2.XI. — "ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕКРЕСТНОГО И САМООПЛОДОТВОРЕНИЯ"

В РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ.

1876.

[Эта книга, как указано в "Автобиографии", является дополнением к "Оплодотворению орхидей", потому что она показывает, насколько важны результаты перекрестного оплодотворения, которые обеспечиваются механизмами, описанными в этой книге.

Доказав, что потомство при перекрестном оплодотворении более энергично, чем потомство при самооплодотворении, он показал, что одним из обстоятельств, влияющих на судьбу молодых растений в борьбе за жизнь, является степень приспособленности их родителей к перекрестному оплодотворению. Таким образом, он убедил себя, что интенсивность борьбы (которая, как он в другом месте показал, существует среди молодых растений) является мерой силы избирательного механизма, постоянно отсеивающего все модификации в структуре цветков, которые могут повлиять на их способность к перекрестному оплодотворению.

Книга ценна и в другом отношении, поскольку она проливает свет на сложные проблемы происхождения сексуальности. Повышенная энергия, возникающая в результате перекрестного оплодотворения, самым тесным образом связана с преимуществом, получаемым при изменении условий. Это настолько сильно, что в некоторых случаях перекрестное оплодотворение не дает никаких преимуществ потомству, если только родители не жили в немного отличающихся условиях. Так что на самом деле важно не то, что объединятся два человека разной КРОВИ, а то, что два человека были подвергнуты разным условиям. Таким

образом, мы приходим к убеждению, что сексуальность - это средство для придания энергии потомству путем слияния дифференцированных элементов, преимущество, которого не могло бы быть, если бы размножение было полностью бесполом.

Примечательно, что эта книга, результат одиннадцатилетней экспериментальной работы, возникла благодаря случайному наблюдению. Мой отец вырастил две грядки *Linaria vulgaris* - одна была потомством от скрещивания, а другая - от самооплодотворения. Эти растения были выращены ради некоторых наблюдений за наследованием, а не с какой-либо целью скрещивания, и он был поражен, заметив, что потомство от самооплодотворения было явно менее сильным, чем другие. Ему казалось невероятным, что такой результат мог быть результатом единичного акта самооплодотворения, и только на следующий год, когда точно такой же результат был получен в случае аналогичного эксперимента по наследованию у гвоздик, его внимание было "полностью возбуждено" и он решил провести серию экспериментов, специально направленных на этот вопрос. В следующих письмах дается некоторый отчет о работе, о которой идет речь.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 10 сентября [1866?].

... Я только что начал большой цикл экспериментов по проращиванию семян и росту молодых растений, выращенных из пестика, оплодотворенного пыльцой того же цветка, а также пыльцой другого растения того же или какого-либо другого сорта. Я не проводил достаточного количества экспериментов, чтобы судить наверняка, но в некоторых случаях разница в росте молодых растений весьма заметна. Я принял всевозможные меры предосторожности при получении семян от одного и того же растения, при проращивании семян на моем собственном камине, при посадке саженцев в один и тот же цветочный горшок, и при этой аналогичной обработке я увидел, что молодые саженцы из скрещенного семени были ровно в два раза выше, чем саженцы из самоопыленного семени; оба семени проросли в один и тот же день. Если я смогу установить этот факт (но, возможно, все пойдет прахом) примерно в пятидесяти случаях с растениями разных порядков, я думаю, это будет очень важно, поскольку тогда мы точно узнаем, почему строение каждого цветка допускает, или благоприятствует, или требует случайного скрещивания с отдельным индивидуумом. Но все это скорее похоже на приготовление моего зайца до того, как я его поймаю. Но почему-то мне доставляет огромное удовольствие рассказывать вам, о чем я. Поверь мне, мой дорогой Грей,

Всегда искренне ваш и с сердечной благодарностью, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Г. БЕНТАМУ. 22 апреля 1868 г.

... Я в очень широком масштабе экспериментирую с разницей в силе роста между растениями, выращенными из самоопыленных и скрещенных семян; и не будет преувеличением сказать, что разница в росте и силе иногда поистине удивительна. Лайелл, Хаксли и Хукер видели некоторые из моих растений и были поражены; и я бы очень хотел показать их вам. До недавнего времени я всегда предполагал, что никаких пагубных последствий не будет видно до тех пор, пока не пройдет несколько поколений самооплодотворения; но теперь я вижу, что иногда бывает

достаточно одного поколения; и существование диморфных растений и все чудесные приспособления орхидей мне вполне понятны.

С искренней благодарностью за ваше письмо, которое меня очень обрадовало,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Выдержка из письма доктору Грею (11 марта 1873 г.) упоминает о ходе работы:—

"Прошлым летом я усердно работал в Drosera, но не мог закончить, пока не получил свежие растения, и, следовательно, занялся результатами скрещивания и самоудобрения растений, и я так заинтересовался, что Drosera должна уйти к чертям собачьим, пока я не закончу с этим и не опубликую его; но потом я вернулся к моей любимой Drosera, и я от всего сердца приношу извинения за то, что даже на мгновение отправил собакам эти драгоценные мелочи ".

Следующие письма отражают впечатление автора о его собственной книге.]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж. МЮРРЕЮ. Даун, 16 сентября 1876 г.

Мой дорогой сэр,

Я только что получил корректуры на пяти листах, так что вам скоро придется решить, сколько копий придется зачеркнуть. Я не знаю, что посоветовать. Большая часть книги чрезвычайно сухая, и вся посвящена специальной теме. Тем не менее, я убежден, что книга представляет ценность, и я убежден, что в течение МНОГИХ лет экземпляры будут время от времени продаваться. Судя по распродаже моих прежних книг и исходя из предположения, что кто-то купит их для завершения собрания моих работ, я бы предложил 1500. Но вы должны руководствоваться своим большим опытом. Я только повторю, что я убежден, что книга имеет какую-то постоянную ценность ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ВИКТОРУ КАРУСУ. Даун, 27 сентября 1876 года.

Мой дорогой сэр,

Я отправил утренней почтой четыре первых отличных листа моей новой книги, название которой вы увидите на первой странице и которая будет опубликована в начале ноября.

С сожалением вынужден сообщить, что она всего на несколько страниц короче моих "Насекомоядных растений". Теперь все напечатано, хотя в конечном итоге я исправил только половину тома. Поэтому вы скоро получите остальное. Книга очень скучная. Главы II. до VI. включительно - это просто отчет об экспериментах. Тем не менее, я считаю (хотя человек никогда не может судить о своих собственных книгах), что книга ценна. Вам придется решить, стоит ли ее переводить. Я надеюсь на это. Это стоило мне очень большого труда, и результаты кажутся мне замечательными и хорошо зарекомендовавшими себя.

Если вы переведете это, вы могли бы легко получить помощь для глав II. - VI., поскольку здесь есть бесконечные, но я счел необходимым повторения. Мне будет не терпится услышать, что вы решите...

Я искренне надеюсь, что этим летом ваше здоровье было достаточно хорошим.

Мой дорогой сэр, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 28 октября 1876 года.

Мой дорогой Грей,

Я отправляю этой почтой все чистые листы, которые еще не напечатаны, и надеюсь отправить остальные в течение двух недель. Пожалуйста, обратите внимание, что первые шесть глав не читаются, а последние шесть очень скучные. Тем не менее, я считаю, что результаты ценны. Если вы прочтете книгу, мне будет очень любопытно узнать, что вы о ней думаете, поскольку ваше суждение меня волнует больше, чем мнение почти кого-либо другого. Я также знаю, что вы будете говорить правду, одобряете вы это или не одобряете. Очень немногие возьмут на себя труд прочитать эту книгу, и я не ожидаю, что вы прочтете ее целиком, но я надеюсь, что вы прочтете последние главы.

... Мне так надоело исправлять прессу и подлизывать свой ужасный плохой стиль к понятному английскому.

["Последствия скрещивания и самооплодотворения" были опубликованы 10 ноября 1876 года, и до конца года было продано 1500 экземпляров. Следующее письмо ссылается на рецензию в "Nature" (15 февраля 1877 г.):]

ЧАРЛЬЗ Дарвин У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Даун, 16 февраля 1877г.

Дорогой Дайер,

Я должен сказать вам, как сильно я рад и польщен вашей статьей в журнале Nature, которую я только что прочитал. Вы умеете говорить то, что понравится автору, но я не предполагаю, что вы писали с таким явным намерением. Я был бы очень доволен, если бы заслужил хотя бы часть вашей похвалы. Меня также очень заинтересовал, и это лучше, чем просто удовольствие, ваш аргумент о разделении полов. Осмелюсь сказать, что я ошибаюсь, и позже более тщательно обдумаю то, что вы говорите, но в настоящее время я не могу выбросить из головы, что полы, должно быть, произошли от двух индивидуумов, немного отличающихся друг от друга, которые спряглись. Но я знаю, что некоторые случаи спяжения противоречат любым подобным взглядам.

С сердечной благодарностью, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ГЛАВА 2.XII. — "РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЦВЕТКОВ НА РАСТЕНИЯХ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ВИДА".

1877.

[Том с вышеприведенным названием был опубликован в 1877 году и был посвящен автором профессору Эйсе Грею "как небольшая дань уважения и привязанности". Она состоит из некоторых более ранних статей, отредактированных заново с добавлением некоторого количества нового материала. В книге рассматриваются следующие темы: —

1. Гетеростилированные растения.
2. Полигамные, двудомные и гинодиемные растения.
3. Клейстогамные цветки.

Природу гетеростилированных растений можно проиллюстрировать на примере примулы, одного из наиболее известных представителей этого класса. Если собрать несколько первоцветов, то окажется, что некоторые растения дают только "остроглазые" цветки, у которых язычок (или орган для переноса пыльцы к семяпочке) длинный, в то время как другие дают только "остроглазые" цветки с короткими язычками. Таким образом, первоцветы делятся на две группы или касты, структурно отличающиеся друг от друга. Мой отец показал, что они также различаются половым путем, и что на самом деле связь между двумя кастами больше напоминает связь между отдельными полами, чем какие-либо другие известные отношения. Так, например, примула длиннолистная, хотя и может быть оплодотворена собственной пыльцой, не является ПОЛНОСТЬЮ фертильной, если только она не оплодотворена пыльцой цветка коротколистного. Гетеростильные растения сравнимы с гермафродитными животными, такими как улитки, которым требуется присутствие двух особей, хотя каждая из них обладает обоими половыми элементами. Разница в том, что в случае с первоцветом это СОВЕРШЕННАЯ ПЛОДОВИТОСТЬ, а не просто ПЛОДОВИТОСТЬ, которая зависит от взаимодействия двух групп особей.

Работа о гетеростилированных растениях имеет особое отношение, которому автор придавал большое значение, к проблеме происхождения видов. (См. "Автобиографию", том i.)

Он обнаружил, что существует удивительно тесный параллелизм между гибридизацией и определенными формами оплодотворения у гетеростильных растений. Так что вряд ли будет преувеличением сказать, что "незаконно" выращенные саженцы являются гибридами, хотя оба их родителя принадлежат к одному и тому же виду. В письме профессору Хаксли мой отец пишет, как будто его исследования гетеростилированных растений заставили его поверить, что стерильность - это избранное или приобретенное качество. Но в своих более поздних публикациях, например, в шестом издании "Происхождения", он придерживается убеждения, что стерильность - это случайное, а не избранное качество. Результат его работы над

гетеростилированными растениями важен, поскольку показывает, что стерильность не является критерием видовой отличительности и что она зависит от дифференциации половых элементов, которая не зависит от каких-либо расовых различий. Я предполагаю, что именно его инстинктивная любовь разбираться в трудностях в значительной степени заставляла его так терпеливо работать над гетеростилированными растениями. Но именно тот факт, что из его результатов можно было сделать общие выводы вышеуказанного характера, заставил его считать свои результаты достойными публикации. (См. "Формы цветов", стр. 243.)

Следующие статьи на эту тему предшествовали "Формам цветов" и внесли в них свой вклад:—

"О двух формах или диморфном состоянии у видов *Primula* и об их замечательных половых отношениях". Linn. Soc. Журнал, 1862.)

"О существовании двух форм и об их взаимных половых отношениях у нескольких видов рода *Linum*". Linn. Soc. Дневник, 1863.

"О половых отношениях трех форм *Lythrum salicaria*", Там же, 1864.

"О характере и гибридоподобной природе потомства от незаконных союзов диморфных и триморфных растений". Там же, 1869.

"О специфических различиях между *Primula veris*, Brit. Fl. (var. *Officinalis*, Linn.), *P. vulgaris*, Brit. Fl. (var. *ascaulis*, Linn.) и *P. elatior*, Jacq.; и о гибридной природе обыкновенного бычьего листа. С дополнительными замечаниями о естественно полученных гибридах рода *Verbascum*". Там же. 1869.

Следующее письмо показывает, что он начал работу над гетеростилированными растениями с ошибочным представлением о значении фактов.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 7 мая [1860].

... Сегодня утром я смотрела на свои экспериментальные листочки и обнаружила, что у некоторых растений все цветки с длинными тычинками и короткими пестиками, которые я назову "мужскими растениями", у других - с короткими тычинками и длинными пестиками, которые я назову "женскими растениями". Это я где-то заметил, кажется, Хенслоу; но я обнаружил (посмотрев на два моих набора растений), что рыльца мужского и женского растений немного разной формы и, конечно, разной степени шероховатости, и, что меня поразило, пыльца так называемого женского растения, хотя и очень обильная, более прозрачная, и каждая гранула составляет ровно 2/3 размера пыльцы так называемого мужского растения. Наблюдалось ли это? Я не могу не подозревать, что борщевик на самом деле двудомный, но это может оказаться ошибкой, но в любом случае я отмечу палочками так называемые мужские и женские растения и понаблюдаю за их посевом. Это был бы прекрасный пример градации между гермафродитным и однополым состоянием. Аналогично, это своего рода пример баланса длинных и коротких пестиков и тычинок. То же самое, возможно, проливает свет и на окслипса ...

Теперь я исследовал первоцветы и обнаружил точно такую же разницу в размере пыльцы, коррелирующую с такой же разницей в длине пучка и шероховатости рылец.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 8 июня [1860].

... Я сделал несколько небольших незначительных наблюдений, которые меня очень заинтересовали и озадачили. Я обнаружил, что в случае с примулами и коровьяками примерно равное количество растений характеризуются таким образом.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ (мной) МУЖСКОЕ растение. Пестик значительно короче тычинок; рыльце довольно гладкое, ПЫЛЬЦЕВЫЕ ЗЕРНА КРУПНЫЕ, горловина венчика короткая.

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ЖЕНСКОЕ растение. Пестик значительно длиннее тычинок, рыльце более грубое, ПЫЛЬЦЕВЫЕ ЗЕРНА МЕЛЬЧЕ, горловина венчика длинная.

Я пометил множество растений и ожидал найти так называемое мужское растение бесплодным; но, судя по ощущениям от капсул, это не так, и я очень удивлен разницей в размере пыльцы... Если будет доказано, что так называемые мужские растения производят меньше семян, чем так называемые женские, какой это будет прекрасный пример перехода от гермафродитного состояния к однополости! Если они дадут примерно равное количество семян, насколько это будет сложно.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 17 декабря [1860?].

... Я только что заказывал свою фотографию для друга; и заказал еще одну для вас, и, ради всего святого, окажите мне услугу и сожгите ее, которая сейчас висит в вашей комнате.— В этом я выгляжу ужасно порочной.

... Весной я должен попросить вас поискать длинные и короткие пестики у более редких видов *Primula* и у некоторых родственных родов. Это справедливо и для *P. Sinensis*. Вы помните, сколько шума я поднял по этому поводу прошлой весной; что ж, на днях наконец-то у меня нашлось время взвесить семена, и, черт возьми, растения первоцветов и борщевика с короткими пестиками и крупнозернистой пыльцой (таким образом, растения, которые, по его мнению, тяготеют к мужскому состоянию, оказались более продуктивными, чем предполагаемые женские особи). они гораздо более плодовиты, чем те, у которых длинные пестики и мелкозернистая пыльца. Я нахожу, что для их создания требуются действия насекомых, и я никогда не поверю, что эти различия не имеют какого-то значения.

Некоторые из моих экспериментов наводят меня на мысль, что крупнозернистая пыльца подходит для длинных пестиков, а мелкозернистая - для коротких; но я полон решимости посмотреть, не удастся ли мне разгадать тайну следующей весной.

Как ваша книга о растениях складывается в вашем сознании? Вы уже начали ее читать? ...

Передайте Оливеру мои наилучшие пожелания. Он, должно быть, удивлен, что у него нет серии вопросов, боюсь, он отвыкнет от практики!

[Работа над Примулой была закончена осенью 1861 года, и 8 ноября он написал сэру Дж.Д. Хукеру:-

"Я отправил свою статью о диморфизме у *Primula* в Linn. Soc. Я подойду и прочту его, когда оно появится; надеюсь, вы сможете присутствовать, потому что не думаю, что многих эта тема хоть на грош заинтересует".

Что касается прочтения газеты (21 ноября), он написал тому же другу:—

"Я ни в коем случае не думал, что произвел "потрясающий эффект" в Linn. Soc., но, клянусь Юпитером, Linn. Soc. произвел на меня потрясающий эффект, потому что я не мог встать с постели до позднего вечера следующего дня, так что я просто приполз домой. Боюсь, мне придется отказаться от попыток читать какие-либо газеты или говорить; это ужасная скука, я ничего не могу делать, как другие люди".

Доктору Грею он писал (декабрь 1861 г.):

"Вы можете положиться на это, я пришлю вам экземпляр моей статьи о Примулах, как только смогу ее получить; но я полагаю, что она будет напечатана не раньше 1 апреля, а следовательно, после моей книги об Орхидеях. Меня больше волнует ваше с Хукером мнение, чем мнение всего остального мира, а также мнение Лайелла по геологическим вопросам. Бентам и Хукер были хорошего мнения о моей статье, когда ее прочитали; но никто не может судить о доказательствах, просто услышав статью".

Работа над примулой помогла моему отцу познакомиться с покойным мистером Джоном Скоттом, который в то время работал садовником в Ботаническом саду Эдинбурга, — занятие, которое он, по-видимому, выбрал для удовлетворения своей страсти к естественной истории. Он написал одну или две превосходные статьи по ботанике и в конечном итоге получил должность в Индии. (Находясь в Индии, он сделал несколько замечательных замечаний по поводу экспрессии для моего отца.) Он умер в 1880 году.

Можно процитировать несколько фраз из писем сэру Дж.Д. Хукеру, демонстрирующих оценку Скотта моим отцом:

"Если вы знаете, пожалуйста, скажите мне, кто такой Джон Скотт из Эдинбургского ботанического сада; я много переписывался с ним; он необычный человек".

"Если бы у него было свободное время, он стал бы прекрасным наблюдателем; по моему мнению, я не встречал никого, подобного ему".

- Он странно заинтересовал меня, и у меня сложилось очень высокое мнение о его интеллекте. Я надеюсь, что он примет от меня денежную помощь; но до сих пор он отказывался". (В конце концов ему удалось добиться разрешения оплатить проезд мистера Скотта в Индию.)

"Я ничего не знаю о нем, кроме как из его писем; они демонстрируют незаурядный талант, поразительную настойчивость, большую скромность и, что меня восхищает, решительное отличие от меня по многим пунктам".

Он так высоко оценил способности Скотта, что разработал план (который, однако, так и не вышел за рамки ранней стадии обсуждения) привлечения его для решения определенных проблем, связанных с перекрестным скрещиванием.

Следующее письмо относится к исследованиям моего отца по *Lythrum* (к этому, его первому случаю триморфизма, его привела "Ботаническая география" Лекока, и это, должно быть, утешило его, поскольку эта работа сыграла с ним злую шутку, оказавшись намного крупнее, чем он ожидал. Он написал сэру Дж.Д. Хукеру: "Вот хорошая шутка: я видел выдержку из Лекока "Географ. Бот.," и заказал его, надеясь, что это будет брошюра хорошего размера, и уже прибыло девять толстых томов!"), растение, которое раскрывает еще более удивительное состояние сексуальной сложности, чем у примулы. Ибо в Литруме есть не просто две, а три касты, отличающиеся друг от друга структурно и физиологически:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 9 августа [1862].

Мой дорогой Грей,

Уже поздняя ночь, и я собираюсь написать вкратце и, конечно, попросить об одолжении.

Митчелла очень хороша, но пыльца, по-видимому, одинакового размера. Я только что исследовал Хоттонию, большое различие в пыльце. *Echium vulgare*, обман, просто случай, подобный Тимусу. Но я почти сошел с ума из-за *Lythrum* (в другой раз он написал (доктору Грею) по поводу *Lythrum*: "Я должен крепко держаться, иначе я проведу свою жизнь из-за диморфизма"); если я смогу доказать то, во что я полностью верю, это грандиозный случай ТРИМОРФИЗМА с тремя разными пыльцами и тремя рыльцами; Я кастрировал и оплодотворил более девяноста цветков, испробовав все восемнадцать различных скрещиваний, которые возможны в пределах этого одного вида! Я не могу объяснить, но я уверен, что вы сочли бы это грандиозным делом. Я писал ботаникам, чтобы узнать, нельзя ли мне завести *L. hyssopifolia*, и мне только что пришло в голову, что у вас может быть *Lythrum* в Северной Америке, и я заглянул в ваше Руководство. Ради всего святого, взгляните на некоторые из ваших видов, и если вы сможете достать мне семена, сделайте это; я очень хочу попробовать виды с небольшим количеством тычинок, если они диморфные; *Nesaea verticillata*, я ожидаю, будет триморфной. Семя! Семя! Семя! Я бы предпочел семя Митчеллы. Но, о, Литрум!

Твой совершенно безумный друг Ч. ДАРВИН.

P.S.— В моем безумии есть причина, ибо я вижу, что для тех, кто уже верит в смену видов, эти факты в определенной степени изменяют весь взгляд на гибридность. (Письмо доктору Грею (июль 1862 г.) подтверждает этот момент: "Несколько дней назад я сделал наблюдение, которое удивило меня больше, чем следовало бы — его придется повторить несколько раз, но я почти не сомневаюсь в его точности. В своей статье о примулах я утверждал, что длиннолистная форма *Linum grandiflorum* была совершенно стерильна по отношению к своей собственной пыльце; недавно я наносил пыльцу двух форм на рыльце ОДНОГО и ТОГО ЖЕ цветка; и мне кажется поистине удивительным, что рыльце различает пыльцу; и оно проникает по трубочкам одной, а не по трубочкам другой; и трубки не вытянуты. Или (что то же самое) клеймо одной формы воздействует на пыльцу и подвергается воздействию пыльцы, которая не оказывает ни малейшего влияния на клеймо другой формы. Принимая сексуальную силу за критерий различия, можно сказать, что две формы этого вида в целом различны".)

[По тому же поводу он писал сэру Джозефу Хукеру в августе 1862 года: —

- Оливер в Кью? Когда я обосновываюсь в Борнмуте, мне совершенно не терпится осмотреть свежие цветы любого литозного растения, и я бы написала ему и спросила, цветут ли они ".

Снова он написал тому же другу в октябре:—

"Если вы спросите Оливера, я думаю, он скажет вам, что у меня действительно странный случай в Литруме, он меня чрезвычайно заинтересовал и кажется мне самым странным случаем размножения, зарегистрированным среди растений или животных, а именно. необходимый тройственный союз между тремя гермафродитами. Я уверен, что теперь могу доказать истинность этого случая на основании множества скрещиваний, сделанных этим летом ".

В статье "Диморфизм в гениталиях растений" ("Журнал Силлимана", 1862, том xxxiv, стр. 419) доктор Грей указал, что структурное различие между двумя формами *Primula* уже было определено во "Флоре Северной Америки" как ДВУДОМОРФИЗМ. Использование этого термина вызвало у моего отца следующие замечания. В письме также содержится ссылка на рецензию на "Удобрение орхидей" в том же томе "Журнала Силлимана".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 26 ноября [1862].

Мой дорогой Грей,

На следующий же день после того, как я получил мое последнее письмо, твое от 10 ноября, и рецензию в "Силлимане", которая, как я опасался, могла быть утеряна, я получил. Нас всех очень заинтересовала политическая часть вашего письма; и каким-то странным образом никогда не возникает ощущения, что информация и мнения, изложенные в газете, исходят из живого источника; они кажутся мертвыми, тогда как все, что вы пишете, полно жизни. Рецензии глубоко заинтересовали меня; вы опрометчиво спрашиваете моего мнения и, следовательно, вынуждены выслушивать длинное письмо. Сначала о диморфизме; в НАСТОЯЩЕЕ время мне не нравится термин "раздельнополый диморфизм", поскольку я думаю, что он дает совершенно ложное представление о том, что эти явления связаны с разделением полов. Конечно, у *Primula* фертильность двух форм неодинакова, и я подозреваю, что так обстоит дело с *Linum*; и поэтому я чувствовал себя обязанным в статье о *Primula* заявить, что это может быть шагом к двудомному состоянию; хотя я полагаю, что у *Primulaceae* или *Linaceae* нет двудомных форм. Но три формы *Lythrum* убеждают меня в том, что это явление никоим образом не обязательно связано с какой-либо тенденцией к разделению полов. Мне кажется, что этот случай по результату или функции почти идентичен тому, что старый К.К. Шпренгель называл "дихогамией" и что так часто встречается в истинно гермафродитных группах; а именно, пыльца и рыльце каждого цветка созревают в разные периоды. Если я прав, то очень желательно не использовать термин "двудомный", поскольку это сразу наводит на мысль о разделении полов.

... Я был сильно озадачен замечаниями Оливера в "Обзоре естественной истории" о случае с примулой, о том, что у низших растений разделение полов происходит чаще, чем у высших растений, — то есть в точности наоборот тому, что происходит у животных. Хукер в своей рецензии на "Орхидеи" повторяет это замечание. Похоже, в том, что вы говорите, много правды ("Формы, которые находятся на низком уровне в отношении морфологической завершенности, могут быть высокими в шкале ранга, основанной на специализации структуры и функции". — Доктор Грей, в "Журнале Силлимана".), И мне не приходило в голову, что нет ничего

невероятного в специализации по ОПРЕДЕЛЕННЫМ признакам у низкоорганизованных существ. Я едва ли мог сомневаться в том, что состояние гермафродита является аборигенным. Но как обстоит дело с конъюгацией *Confervae* — разве одна из двух особей здесь на самом деле не мужского пола, а другая женского? Я был очень озадачен этим контрастом в сексуальных отношениях между растениями и животными. Может ли быть что-нибудь в следующем соображении: по САМЫМ ГРУБЫМ подсчетам, около трети британских РОДОВ водных растений принадлежат к линнеевским классам моно- и двудомных; в то время как среди наземных растений (за вычетом водных родов) только одна тринадцатая родов принадлежит к этим двум классам. Есть ли доля правды в этом факте в целом? Могут ли водные растения, будучи ограниченными небольшой территорией или небольшим сообществом особей, требовать более свободного скрещивания и, следовательно, иметь раздельный пол? Но, возвращаясь к нашей точке зрения, разве Альфред де Кандоль не говорит, что водные растения, взятые в целом, низкоорганизованны по сравнению с наземными; и не может ли замечание Оливера о разделении полов у низкоорганизованных растений иметь какое-то отношение к тому, что они часто бывают водными? Или это все вздор?

... Каким великолепным комплиментом вы заканчиваете свой отзыв! Вы с Хукером, кажется, полны решимости вскружить мне голову самомнением (если уже не вскружили) и сделать меня невыносимым негодяем.

С самой сердечной благодарностью, мой добрый друг, прощай, Ч. ДАРВИН.

[Следующий отрывок из письма (28 июля 1863 г.) проф. Дж. Гильдебранд, содержит ссылку на восприятие диморфной работы во Франции:—

"Мне чрезвычайно приятно слышать, что вы изучали способ удобрения ваших местных орхидей, и еще более приятно слышать, что вы экспериментировали с *Linum*. Я очень надеюсь, что вы сможете опубликовать результаты этих экспериментов; потому что мне сказали, что самые выдающиеся французские ботаники Парижа сказали, что моя статья о примуле была плодом воображения, и что случай был настолько невероятным, что они не поверили в мои результаты ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 19 апреля [1864].

... Некоторое время назад я получил статью с хорошим описанием вашего гербария и библиотеки, а давным-давно - вашу превосходную рецензию на книгу Скотта "*Primulaceae*", и я переслал ее ему в Индию, так как это могло бы ему очень понравиться. Я был очень рад увидеть в нем новый случай диморфизма (я только сейчас забыл название растения); я буду благодарен услышать о любых других случаях, поскольку я все еще испытываю интерес к этому предмету. Я был бы очень рад раздобыть немного семян вашего диморфного подорожника, поскольку не могу отделаться от подозрения, что они, должно быть, принадлежат к совсем другому классу, такому же, как у тимьяна обыкновенного. (В этом предсказании он оказался прав. Смотрите "Формы цветов", стр. 307.) Как мог ветер, который является средством оплодотворения плантаго, оплодотворить "взаимно диморфные" цветы, такие как примула? Теория утверждает, что этого не может быть, и в подобных случаях собственных теорий я следую Агассису и заявляю: "природа никогда не лжет". Я был бы даже очень рад изучить две сушеные формы

плантаго. Действительно, любые высушенные диморфные растения были бы приняты с благодарностью...

Заинтересовала ли вас моя статья о литруме? Я ползу со скоростью двух часов в день, читая "Вариации при одомашнивании".

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 26 ноября [1864].

... Вы не представляете, как я рад, что вы прочитали мою статью о Литруме; я думал, у вас не будет времени, а я долгие годы смотрел на вас как на свою Публику и больше забочусь о вашем мнении, чем о мнении всего остального мира. Я не делал ничего, что интересовало бы меня так сильно, как *Lythrum*, с тех пор как разглядел дополнительных самцов усонюгих. Боюсь, что я поместил в газету слишком много разного материала.

... Время от времени я получаю письма, из которых следует, что Естественный отбор делает БОЛЬШИЕ успехи в Германии, и некоторые среди молодежи во Франции. Я только что получил брошюру из Германии с комплиментарным названием "*Darwinische Arten-Entstehung-Humbug*"!

Прощай, мой лучший из старых друзей, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 10 сентября [1867?].

... Единственное, что я выяснил этим летом и что, возможно, могло бы вас заинтересовать, это то, что обыкновенный бычий листок, встречающийся повсеместно, более или менее часто в Англии, безусловно, является гибридом примулы и коровьяка; в то время как *P. elatior* (Jacq.), встречающийся только в восточных графствах, представляет собой совершенно отдельный и хороший вид; его трудно отличить от обыкновенного бычьего листочка, за исключением длины семенной коробочки относительно чашечки. Мне кажется, это довольно ужасный факт для всех ботаников-систематиков...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. ГИЛЬДЕБРАНДУ. Даун, 16 ноября 1868 г.

Мой дорогой сэръ,

Я писал свою последнюю записку из Лондона в такой спешке, что совершенно забыл, что хотел сказать больше всего, а именно поблагодарить вас за прекрасные заметки в "Бот. Газета "Цайтунг" из моей статьи о потомстве диморфных растений. Предмет настолько неясен, что я не ожидал, что кто-нибудь обратит внимание на мою статью, и, соответственно, я очень рад, что вы рассказали об этом многим выдающимся натуралистам Германии.

Из всех немецких авторов (но их не так много), чьи произведения я читал, вы пишете самым четким стилем, но является ли это комплиментом немецкому писателю, я не знаю.

[Две следующие буквы относятся к маленьким "клейстогамическим" цветкам, похожим на бутон, которые встречаются у фиалки и многих других растений. Они не раскрываются и обязательно самооплодотворяются:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 30 мая [1862].

... Что станет с моей книгой о вариациях? Я участвую во множестве экспериментов. Я забавлялся, рассматривая маленькие цветки виолы. Если Оливер (Вскоре после этого он написал: "Оливер, всеведущий, прислал мне статью в "Бот. "Цайтунг", "с самым точным описанием всего, что я видел в Виоле".) имел время изучить их, он увидит любопытный случай (как мне кажется), который я только что ясно изложил, а именно. что в этих цветках НЕСКОЛЬКО пыльцевых зерен никогда не осыпаются и никогда не покидают пыльниковые ячейки, но выделяют длинные пыльцевые трубки, которые проникают через рыльце. Сегодня я получил пыльник с включенным пыльцевым зерном (сейчас пустым) на одном конце и пучком трубочек, проникающих в ткань рыльца, на другом конце; я рассмотрел все под микроскопом, не разбив пробирки; интересно, вливает ли рыльце немного жидкости в пыльник, чтобы возбудить включенные зерна. Довольно странный случай корреляции заключается в том, что у махровой сладкой фиалки мелкие цветки махровые, то есть имеют множество мельчайших чешуек, представляющих лепестки. Какие это странные маленькие цветочки.

У вас было время прочитать "Жизнь бедного дорогого Хенслоу"? это заинтересовало меня ради этого человека, и, что я не считал возможным, даже возвысило его характер в моих глазах...

[Ниже приводится выдержка из письма, частично приведенного выше, и ссылается на статью доктора Грея о половых различиях растений:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 26 ноября [1862].

... Вы подумаете, что я в самом неприятном, противоречивом, капризном настроении, когда я скажу вам, что мне не нравится ваш термин "преждевременное оплодотворение" для вашего второго класса диморфизма [то есть для клейстогамного оплодотворения]. Если я могу доверять своей памяти, состояние венчика, рыльца и пыльцевых зерен отличается от состояния частей в бутоне; они находятся в состоянии особой модификации. Но клянусь своей жизнью, мне стыдно за себя, что я так сильно отличаюсь от тех, кто меня превосходит в этом вопросе. ВРЕМЕННАЯ теория (Эта точка зрения сейчас общепринята). вывод, который я вывел на основе этого класса диморфизмов, просто для руководства экспериментом, заключается в том, что СОВЕРШЕННЫЕ цветки могут быть идеально оплодотворены только насекомыми, и в этом случае они обильно скрещиваются; но цветки не всегда, особенно ранней весной, в достаточной степени посещаются насекомыми, и поэтому маленькие несовершенные самооплодотворяющиеся цветки развиваются для обеспечения достаточного количества семян для нынешних поколений. *Viola canina* стерильна, когда ее не посещают насекомые, но при таком посещении образует большое количество семян. Из строения трех или четырех форм *Balsamineae* я делаю вывод, что им требуются насекомые; по крайней мере, адаптация к насекомым у них почти такая же простая, как у орхидей. У меня есть *Oxalis acetosella*, готовая в горшочках для эксперимента

следующей весной; и я боюсь, что это нарушит мою маленькую теорию... *Campanula carpathica*, как я обнаружила этим летом, абсолютно стерильна, если исключить насекомых. *Specularia speculum* довольно плодovита в закрытом состоянии; и мне показалось, что частично на это влияет частое смыкание цветка; внутренние угловые складки венчика соответствуют щелям открытого рыльца и при этом выталкивают пыльцу с внешней стороны рыльца на его поверхность. Теперь не могли бы вы сказать мне, закрывает ли *S. perfoliata* свой цветок, как *S. speculum*, угловатыми внутренними складками? если да, то я раздавлен без каких-либо пугающих "извиваний". НЕСОВЕРШЕННЫЕ цветки вашей спекулярии - ранние или поздние? очень ранние или очень поздние? Довольно приятно видеть важность смыкания цветков *S. speculum*.

["Формы цветов" были опубликованы в июле; в июне 1877 года он написал профессору Карусу по поводу перевода:—

"Моя новая книга небольшая, а именно. 350 страниц, в основном крупным шрифтом, с пятнадцатью простыми гравюрами на дереве. Все корректуры исправлены, кроме Указателя, так что вскоре они будут опубликованы.

"... Я не предполагаю, что я опубликую еще какие-либо книги, хотя, возможно, еще несколько статей. Я терпеть не могу безделья, но одному богу известно, способен ли я на еще какую-нибудь хорошую работу".

Рецензия, упомянутая в следующем письме, находится на странице 445 тома "Nature" за 1878 год:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Даун, 5 апреля 1878г.

Мой дорогой Дайер,

Я только что прочитал в журнале Nature рецензию на книгу "Формы цветов" и уверен, что она написана вами. Я всем сердцем желаю, чтобы он заслужил хотя бы четверть тех похвал, которые вы ему воздаете. Некоторые из ваших замечаний меня очень заинтересовали... Сердечно благодарю за ваше великодушное и самое доброе сочувствие, которое приносит человеку настоящую пользу, когда он так же устал, как я в эту минуту, от работы весь день, так что до свидания.

Ч. ДАРВИН.

ГЛАВА 2.XIII. ВЬЮЩИЕСЯ И НАСЕКОМОЯДНЫЕ РАСТЕНИЯ.

[Мой отец упоминает в своей "Автобиографии" (том i), что к изучению вьющихся растений его подтолкнуло чтение статьи доктора Грея "Заметки о скручивании усиков растений". ("Тез.Докл. Амер. Акад. искусств и наук 1858.") Это эссе, кажется, было прочитано в 1862 году, но я могу только догадываться о дате письма, в котором он просит сослаться на него, так что точную дату начала им этой работы определить невозможно.

В июне 1863 года он, безусловно, был на работе и написал сэру Дж. Д. Хукеру за информацией о предыдущих публикациях на эту тему, поскольку в то время не знал о работах Палма и Х. В. Мохла по вьющимся растениям, обе из которых были опубликованы в 1827 году.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [25 июня] [1863 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я довольно внимательно наблюдал за маленьким фактом, который удивил меня; и я хочу знать от вас и Оливера, не кажется ли он вам новым или странным, поэтому просто сообщайте мне, когда будете писать; это очень незначительный факт, поэтому не отвечайте нарочно.

У меня есть растение *Echinocystis lobata*, чтобы наблюдать раздражительность усиков, описанную Эйсой Грей, и которая, конечно, достаточно очевидна. Изучая растение, я был удивлен, обнаружив, что самая верхняя часть каждой ветви (то есть стебель между двумя самыми верхними листьями, исключая растущий кончик) ПОСТОЯННО и медленно закручивается, совершая круг за полтора-два часа; иногда он делает два или три оборота, а затем с той же скоростью раскручивается и закручивается в противоположных направлениях. Обычно он остается в покое полчаса, прежде чем отходит назад. Стебель не становится постоянно скрученным. Стебель под скрученной частью ни в малейшей степени не движется, хотя и не завязан. Движение продолжается весь день и всю раннюю ночь. Это не имеет никакого отношения к свету, потому что растение стоит у меня на окне и поворачивается от света так же быстро, как и навстречу ему. Насколько я знаю, это может быть обычным явлением, но оно совершенно сбило меня с толку, когда я начал наблюдать раздражительность усиков. Я не говорю, что это конечная причина, но результат хорош, потому что растение каждые полтора-два часа очерчивает круг (в зависимости от длины изгибающегося побега и длины усика) диаметром от одного фута до двадцати дюймов, и как только усик касается какого-либо предмета, его чувствительность заставляет его немедленно хвататься за него; умный садовод, мой сосед, который видел растение у меня на столе вчера вечером, сказал: "Я полагаю, сэр, усики могут видеть, потому что, куда бы я ни посадил растение, оно обнаруживает любую палку достаточно близко". Я полагаю, что вышесказанное является объяснением, а именно. то, что он медленно вращается. Усики обладают некоторым смыслом, поскольку в молодости они не цепляются друг за друга.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 14 июля [1863].

Моя дорогая Проститутка,

Меня очень забавляют мои усики, это как раз та мелкая работа, которая мне подходит, не отнимает времени и скорее дает мне отдых во время написания. Так что, может быть, вы просто подумаете, знаете ли вы какое-нибудь растение, которое вы могли бы подарить или одолжить мне, или я мог бы купить, с усиками, замечательными в каком-либо отношении по развитию, по странной или своеобразной структуре или даже по необычному месту в природе? Я видел или могу видеть Тыквенные, пассифлору, виргинскую лиану, циссус обесцвеченный, Обыкновенный горох и Вечнозеленый горох. Действительно любопытно разнообразие раздражимости (я не имею в виду спонтанные движения, о которых я писал раньше и правильно, как показывает дальнейшее наблюдение): например, я нахожу, что легкое пощипывание между большим и указательным пальцами на конце усика тыквенных вызывает быстрое движение, но пощипывание не вызывает движения у *Cissus*. Причина в том, что только одна сторона (вогнутая) раздражима в первом случае; тогда как у *Циссуса* раздражимы обе стороны, поэтому, если вы одновременно возбуждаете обе ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ стороны, движения не происходит, но, касаясь карандашом двух ветвей усика, в любой части, вы вызываете движение к этой точке; так что я могу простым прикосновением придать двум ветвям любую форму, которая мне нравится ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 4 августа [1863].

Своим нынешним хобби я обязан вам, а именно. усики: их раздражительность прекрасна, так же прекрасна во всех своих модификациях, как и все остальное в орхидеях. Что касается СПОНТАННОГО движения (независимо от прикосновения) усиков и верхних междоузлий, то я несколько озадачен вашим замечанием: "Разве это не общеизвестно?" Я ничего не могу найти ни в одной книге, которая у меня есть... Самопроизвольное движение усиков не зависит от движения верхних междоузлий, но оба они гармонично работают вместе, описывая круг, чтобы усики могли ухватиться за палку. Таким образом, у всех изученных вьющихся растений (без усиков) верхние междоузлия продолжают день и ночь подметать круг в одном фиксированном направлении. Удивительно наблюдать за *Аросупеае* с побегами длиной 18 дюймов (за пределами опорной палки), неуклонно ищущими что-нибудь, на что можно было бы взобраться. Когда побег соприкасается с палкой, движение в этой точке прекращается, но в верхней части продолжается; так что восхождение всех исследованных растений является простым результатом спонтанного циркуляторного движения верхних междоузлий. Пожалуйста, скажите мне, было ли что-нибудь опубликовано на эту тему? Я ненавижу публиковать то, что устарело; но я вряд ли буду сожалеть о своей работе, если она устареет, так как она меня очень позабавила...

ЧАРЛЬЗ Дарвин ЭЙСЕ ГРЕЮ. 28 мая 1864 года.

... Ирландский дворянин на смертном одре заявил, что он может со всей совестью сказать, что никогда в жизни не отказывал себе ни в каких удовольствиях; и я могу со всей совестью сказать, что никогда не стеснялся беспокоить вас; итак, вот. — Вы путешествовали на Юг, и можете ли вы сказать мне, покрыты ли деревья, на которые взбирается *Bignonia capreolata*, мхом, нитчатым лишайником или тилландсией? (Впоследствии он узнал от доктора Грея, что *Polypodium*

incanum в изобилии растет на деревьях в районах, где произрастает этот вид бигнонии. Смотрите "Вьющиеся растения", стр. 103.) Я спрашиваю, потому что его усики терпеть не могут простую палку, им не нравится грубая кора, но нравится шерсть или мох. Они прилипают любопытным образом, образуя маленькие диски, как у *ампелопсиса*... Кстати, я приложу несколько образцов, и если вы сочтете, что это того стоит, вы можете поместить их под простой микроскоп. Примечательно, насколько специально приспособлены некоторые усики; усики *Escremocarpos scaber* не любят палку, им нечего сказать о шерсти; но дайте им пучок стеблей травы или пучок щетинок, и они хорошо схватят их.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 10 июня [1864].

... Сейчас я прочитал две немецкие книги и все, по-моему, что было написано о альпинистах, и это воодушевило меня, когда я обнаружил, что узнал много нового. Странно, но я действительно думаю, что никто не объяснил простые вьющиеся растения. Эти книги взволновали меня и заставили пожелать растения, указанные в них. Я буду очень рад тем, которые вы упомянете. Я написала в Veitch по поводу молодого Непентеса и ванили (которые, я верю, получатся великолепными, хотя и корневищными), если я не смогу купить молодую ваниль, я попрошу вас. Я заказал вьющийся по листьям папоротник лигодиум. Вся эта работа о альпинистах уязвляла бы мою совесть, если бы я думал, что смогу выполнять более тяжелую работу. (В то время у него были серьезные проблемы со здоровьем.)

[Он продолжал свои наблюдения за вьющимися растениями во время продолжительной болезни, от которой страдал осенью 1863 года, и следующей весной. Он написал сэру Дж.Д. Хукеру, по—видимому, в марте 1864 года:

"В течение нескольких дней мне было определенно лучше, и, чему я придаю большое значение (что бы ни говорили врачи), мой мозг чувствует себя намного сильнее, и я утратил многие ужасные ощущения. Оранжерея - такое развлечение для меня, и своим развлечением я обязан вам, так как мне доставляет удовольствие смотреть на множество необычных листьев и растений из Кью... Единственный подход к работе, который я могу использовать, - это смотреть на усики и вьющихся растений, это не беспокоит мой ослабленный мозг. Попросите Оливера просмотреть прилагаемые вопросы (и смотрите ли вы сами) и позабавить расстроенного брата-натуралиста, ответив на все, что он сможет. Если вы когда-нибудь побродите по своим домам, вспомните меня и вьющиеся растения".

29 октября 1864 года он написал доктору Грею:—

"Я не смог удержаться от того, чтобы еще немного поработать над твоим крестником, моим справочником по альпинизму, или, скорее, маленькой книжечкой, которую, клянусь Юпитером, я перепису, иначе никогда не остановлюсь. Для меня это была новая работа, и я был рад обнаружить, что полное убеждение в изменении видов является отличным руководством для наблюдений".

19 января 1865 года он написал сэру Дж.Д. Хукеру:—

"Сейчас рабочее время, но я пытаюсь взять выходной, потому что вчера закончил и отправил свою работу по альпинизму. Последние десять дней я только и делал, что исправлял упрямые предложения, и я ненавижу всю эту тему".

В письме доктору Грейю от 9 апреля 1865 года есть пара слов на эту тему:

"Я начал корректировать гранки моей статьи о "Вьющихся растениях". Полагаю, я смогу выслать вам копию через четыре-пять недель. Я думаю, что в ней содержится много нового и несколько любопытных моментов, но она такая ужасно длинная, что никто никогда ее не прочтет. Однако, если вы не прочтете его бегло, вы будете неестественным родителем, потому что это ваш ребенок".

Доктор Грей не только прочитал его, но и одобрил, к большому удовлетворению моего отца, как показывают следующие выдержки:

"Я был очень рад получить ваше письмо от 24 июля. Теперь, когда я ничего не могу поделать, я размышляю над старыми предметами, и ваше одобрение моей работы по скалолазанию доставляет мне огромное удовлетворение. Я делал свои наблюдения, когда больше ничего не мог поделать, и мне это очень нравилось, но я всегда сомневался, стоит ли их публиковать. Я возражаю против того, что нет необходимости подробно объяснять наличие шпилей в ПЕРЕХВАЧЕННЫХ усиках, идущих в противоположных направлениях; поскольку этот факт долгое время ставил меня в тупик, и мне было достаточно трудно объяснить причину двум или трем лицам". (15 августа 1865 г.)

"Вчера я получил вашу статью (в сентябрьском номере "Журнала Силлимана", завершённую январским номером за 1866 год) о альпинистах, и она произвела на меня необычайное и даже глупое впечатление. Вы сделали мне превосходный комплимент, и, как я только что сказал своей жене, я думаю, мои друзья должны понимать, что я люблю похвалу, раз они дают мне ее такими щедрыми дозами. Я всегда восхищаюсь вашим мастерством в составлении обзоров или тезисов, и вы превосходно написали эту статью и передали всю суть моего доклада... Я получил письмо от хорошего зоолога из Южной Бразилии Ф. Мюллера, который заинтересовался наблюдениями за альпинистами и рассказал мне о нескольких любопытных случаях лазания по ВЕТКАМ, у которых ветви превращаются в усики, а затем продолжают расти и выбрасывают листья и новые ветви, а затем теряют свой характер усиков". (Октябрь 1865 г.)

Статья о вьющихся растениях была переиздана в 1875 году отдельной книгой. Автор не смог с присущей ему тщательностью отнестись к стилю оригинального эссе из-за того факта, что оно было написано в период продолжающегося ухудшения здоровья, и теперь выяснилось, что оно требует значительных изменений. Он писал сэру Дж. Д. Хукеру (3 марта 1875 г.): "Авторам в целом повезло, что им не требуется такой ужасной работы, чтобы просто придать форму тому, что они пишут". А мистеру Мюррею в сентябре он написал: "В "Вьющихся растениях" много исправлений, и все же я намеренно трижды просмотрел рукопись и старые листы". Книга была опубликована в сентябре 1875 года тиражом 1500 экземпляров; тираж продавался довольно хорошо, и в июне следующего года было напечатано еще 500 экземпляров.]

НАСЕКОМОЯДНЫЕ РАСТЕНИЯ.

[Летом 1860 года он гостил в доме своей невестки, мисс Веджвуд, в Эшдаунском лесу, откуда он написал (29 июля 1860 г.) сэру Джозефу Хукеру; -

"В последнее время я здесь ничего не делал; но сначала я позабавил себя несколькими наблюдениями о способности *Drosera* отлавливать насекомых; и я должен как-нибудь посоветоваться с вами, стоит ли сообщать о моей "болтовне" линнеевскому обществу".

В августе он написал тому же другу:—

"Я с благодарностью отправлю свои заметки о Дрозере, скопированные моим ксероксом: эта тема забавляла меня, когда мне было нечего делать".

Он описал в "Автобиографии" (том i) общую природу этих ранних экспериментов. Он заметил насекомых, прилипающих к листьям, и, обнаружив, что мухи и т.д., помещенные на клейкие железы, крепко держатся и обнимаются, он заподозрил, что листья приспособлены для снабжения растения азотистой пищей. Поэтому он попробовал воздействовать на листья различными азотистыми жидкостями — с результатами, которые, насколько они могли, подтвердили его предположения. В сентябре 1860 года он написал доктору Грею:

"Меня бесконечно позабавила работа в *Drosera*: движения действительно любопытны; и способ, которым листья обнаруживают определенные азотистые соединения, изумителен. Вы будете смеяться; но в настоящее время я полностью убежден (после бесконечных экспериментов), что они обнаруживают (и перемещают вследствие этого) $1/2880$ часть одной крупинки нитрата аммиака; но соляной раствор и сульфат аммиака затрудняют их химические навыки, и они ничего не могут сделать из азота, содержащегося в этих солях! Я начал эту работу над *Drosera* в связи с ГРАДАЦИЕЙ, чтобы пролить свет на Дионисию".

Позже осенью ему снова пришлось уехать из дома в Истборн, где он продолжил свою работу над *Drosera*. Эта работа была для него настолько новой, что он столкнулся с трудностями при приготовлении растворов и стал ломать голову над жидкими и твердыми унциями и т.д. и т.п. Своему другу, покойному мистеру Э. Креси, который пришел к нему на помощь в вопросе мер и весов, он написал письмо с отчетом об экспериментах. Следующий отрывок (2 ноября 1860 г.) иллюстрирует почти суеверные меры предосторожности, которые он часто применял к своим исследованиям:

"Обычно я тщательно изучаю каждую железу и волосок на листе, прежде чем экспериментировать; но мне пришло в голову, что я могу каким-то образом повлиять на лист; хотя это почти невозможно, поскольку я с такой же тщательностью исследовал те, которые я поместил в дистиллированную воду (та же вода используется для растворения карбоната аммиака). Затем я срезал четыре листа (не прикасаясь к ним пальцами) и опустил их в обычную воду, а четыре других листа - в слабый раствор, и, оставив их на полтора часа, я исследовал каждый волосок на всех восьми листьях; на четырех в воде изменений не произошло; на тех, что в аммиаке, поражены все железы и волосы.

"Я измерил количество слабого раствора и сосчитал железы, которые поглотили аммиак и были явно поражены; результат убедил меня, что каждая железа не могла поглотить более $1/64000$ или $1/65000$ грана. Я провел множество других экспериментов, и все они приводили к тому же результату. Некоторые эксперименты наводят меня на мысль, что на очень чувствительные листья действуют гораздо меньшие дозы. Подумайте, как мало аммиака может получать растение, растущее на бедной почве, и все же оно получает питание. По-настоящему удивительным мне кажется то, что эффект должен быть виден, и не при очень высокой мощности; поскольку, попробовав высокую мощность, я подумал, что было бы безопаснее не

рассматривать какой-либо эффект, который не был бы отчетливо виден под стеклом, занимающим две трети объекта, и средним окуляром. Эффект, который производит карбонат аммиака, заключается в разделении однородной жидкости в клетках на облако гранул и бесцветную жидкость; и впоследствии гранулы сливаются в более крупные массы и в течение нескольких часов совершают самые странные движения — коалесцируют, разделяются, коалесцируют до бесконечности. Я не знаю, понравятся ли вам эти плохо написанные подробности; но, поскольку вы просили, я уверен, что обязан подчиниться после всех тех добрых и больших хлопот, которые вы мне доставили ".

По возвращении домой он написал сэру Дж.Д. Хукеру (21 ноября 1860 г.):

"Я работал как сумасшедший в *Drosera*. Вот вам факт, который очевиден, когда вы находитесь там, где находитесь, хотя вы и не поверите в это, что кусочек волоса весом $1/78000$ от одного зернышка, помещенный на железу, заставит ОДИН из несущих железу волосков *Drosera* загнуться внутрь и изменит состояние содержимого каждой клетки в ножке железы ".

И через несколько дней Лайеллю:—

"Я закончу свою рукопись *Drosera MS.*, на что у меня уйдет неделя, поскольку в настоящий момент меня больше волнует *Drosera*, чем происхождение всех видов в мире. Но я не буду публиковаться на *Drosera* до следующего года, потому что я напуган и поражен своими результатами. Я заявляю, что это несомненный факт, что один орган настолько чувствителен к прикосновению, что веса в семьдесят восемь раз меньшего, а именно $1/1000$ грана, который нарушит наилучший химический баланс, достаточно, чтобы вызвать заметное движение. Разве не любопытно, что растение должно быть гораздо более чувствительным к прикосновению, чем любой нерв в человеческом теле? И все же я совершенно уверен, что это правда. Когда я занимаюсь своим хобби, я никогда не могу удержаться, чтобы не рассказать своим друзьям, как хорошо продвигается мое хобби, так что вы должны простить наездника ".

Работа была продолжена в качестве праздничного задания в Борнмуте, где он оставался осенью 1862 года. Обсуждение в следующем письме "нервной материи" у *Drosera* представляет интерес в связи с недавними исследованиями непрерывности протоплазмы от клетки к клетке:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Клифф-Коттедж, Борнмут. 26 сентября [1862].

Моя дорогая Проститутка,

Не читайте это, пока у вас не будет свободного времени. Если этот благословенный момент когда-нибудь наступит, я был бы очень рад узнать ваше мнение по поводу этого письма. Я пришел к мнению, что *Drosera*, должно быть, имеет разлитую материю в органической связи, близкой к нервной материи животных. Когда железы одного из сосочков или щупалец в их естественном положении снабжаются азотистой жидкостью и некоторыми другими стимуляторами, или когда их нагружают очень небольшим весом, или когда по ним несколько раз ударяют иглой, ножка сгибается у основания менее чем за одну минуту. Эти разнообразные стимуляторы каким-то образом передаются вниз по цветоножке; это не может быть вибрация, поскольку капли жидкости, нанесенные совершенно бесшумно, вызывают движение; это не может быть поглощение жидкости клеткой к клетке, поскольку я вижу скорость поглощения,

которая, хотя и быстрая, намного медленнее, а у Дионеи передача происходит мгновенно; аналогия с животными указала бы на передачу через нервную материю. Размышляя о быстрой способности желез всасываться, чрезвычайной чувствительности всего органа и заметных движениях, вызываемых различными стимуляторами, я попробовал ряд веществ, которые не являются едкими или разъедающими, ... но большинство из которых, как известно, оказывают замечательное действие на нервную систему животных. Вы увидите результаты в прилагаемом документе. Поскольку на нервную материю разных животных по-разному действуют одни и те же яды, нельзя было бы ожидать одинакового действия на растения и животных; только если растения обладают рассеянной нервной материей, в какой-то степени аналогичного действия. И отчасти это так и есть. Рассматривая эти эксперименты вместе с ранее сделанными замечаниями о функциях частей тела, я не могу избежать вывода, что *Drosera* обладает материей, по крайней мере, в некоторой степени аналогичной по строению и функциям нервной материи. Теперь скажите мне, что вы думаете, насколько вы можете судить по моему резюме; конечно, нужно было бы провести еще много экспериментов; но в прежние годы я испытывал на целом листе, а не на отдельных железках, ряд безвредных (это направление исследований побудило его захотеть получить информацию о действии ядов на растения; как и во многих других случаях, он обращался к профессору Оливеру и в связи с результатом написал Хукеру: "Пожалуйста, сердечно поблагодарите Оливера за его кучу ссылок о ядах".) Веществ, таких как сахар, камедь, крахмал и т.д., и они произвели эффект. никакого эффекта. Ваше мнение поможет мне в будущем году принять решение продолжить изучение этого предмета. Я бы не подумал, что это стоит того, чтобы пытаться, но мне совершенно нечего было делать.

Моя дорогая Проститутка, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

P.S.—Мы возвращаемся домой в понедельник, 28-го. Слава богу!

[В его работе над насекомоядными растениями наступил длительный перерыв, и только в 1872 году эта тема снова заняла его всерьез. Отрывок из письма к доктору Эйзе Грею, написанного в 1863 или 1864 году, показывает, однако, что этот вопрос не совсем отсутствовал у него в голове в то время:

"Будьте уверены, вы несправедливы к достоинствам моей любимой Розеры; это замечательное растение или, скорее, самое пронизательное животное. Я буду защищать Дрозеру до самой своей смерти. Одному богу известно, опубликую ли я когда-нибудь свои эксперименты по ней".

Он отмечает в своем дневнике, что последнее доказательство "Выражения эмоций" было закончено 22 августа 1872 года, и что он начал работать над Дрозерой на следующий день.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. [Севеноукс], 22 октября [1872].

... Я довольно усердно работал четыре или пять недель на Дрозере, а потом сломался; так что мы сняли дом недалеко от Севеноукса на три недели (где я сейчас нахожусь), чтобы полностью отдохнуть. Сейчас у меня очень мало сил для работы, и я должен отложить остальные работы с Дрозерой до следующей весны, так как мои растения отмирают. Это бесконечная тема, и я должен сократить ее, и по этой причине не буду подробно останавливаться на Дионее. Пункт, который меня больше всего заинтересовал, - это отслеживание НЕРВОВ! которые следуют за сосудистыми пучками. Уколов острым ланцетом в определенной точке, я могу парализовать

одну половину листа, так что раздражение другой половины не вызовет движения. Это точно так же, как деление спинного мозга лягушки: — никакой стимул не может быть направлен от мозга или передней части позвоночника к задним лапам; но если эти последние стимулируются, они двигаются рефлекторно. Я нахожу свои старые результаты об удивительной чувствительности нервной системы (!?) Дрозеры к различным стимуляторам полностью подтвержденными и расширенными ...

[Его работа по пищеварению у *Drosera* и другим аспектам физиологии растения вскоре привела его в области, где его знания были недостаточны, и здесь советы и помощь, которые он получил от доктора Бердона Сандерсона, были очень ценными:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж. БЕРДОНУ САНДЕРСОНУ. Даун, 25 июля 1873 г.

Мой дорогой доктор Сандерсон,

Я хотел бы рассказать вам немного о моей недавней работе с *Drosera*, показать, что ваши предложения принесли мне пользу, и задать пару вопросов.

1. Действительно красиво, как быстро и хорошо *Drosera* и *Dionaea* растворяют маленькие кубики белка и желатина. Для сравнения я положила кубики того же размера на влажный мох. Когда вы были здесь, я забыла, что пробовала желатин, но белок гораздо лучше подходит для наблюдения за его растворением и всасыванием. Фрэнкленд рассказал мне, как провести приблизительный тест на наличие пепсина, а осенью он выяснит, какую кислоту содержит пищеварительный сок.

2. Отвар капустных листьев и зеленого горошка вызывает такое же возбуждение, как и настой сырого мяса; отвар травы действует менее эффективно. Хотя я слышал, что химики пытаются осаждать весь белок из экстракта белладонны, я думаю, что они потерпели неудачу, поскольку экстракт вызывает перегиб, в то время как новая партия атропина, а также валерианат [атропина] не дают никакого эффекта.

3. Я провел множество экспериментов с подогретой водой... Не следует ли вам назвать следующий случай термическим окоченением? Два листа нагрели до 130 градусов, и каждое щупальце было плотно согнуто; один вынули и поместили в холодную воду, и он снова расширился; другой нагрели до 145 градусов, и он не имел ни малейшей способности к повторному расширению. Не является ли этот последний случай термическим окоченением? Если вы можете сообщить мне, я бы очень хотел услышать, при какой температуре погибают хладнокровные и беспозвоночные животные.

4. Я должен сообщить вам свой окончательный результат, в котором я уверен, [относительно] чувствительности *Drosera*. Я приготовил раствор из одной части фосфата аммиака по весу на 218 750 л воды; этого раствора я дал столько, что на лист приходилось 1/8000 крупинки фосфата. Затем я пересчитал железы, и в каждую могло попасть только 1/1552000 грана; этого количества, поглощенного железами, было достаточно, чтобы щупальца, несущие эти железы, согнулись под углом 180 градусов. Такая чувствительность требует жаркой погоды и тщательно отобранных молодых, но зрелых листьев. Это поражает меня как замечательный факт. Я должен

добавить, что я принял все меры предосторожности, одновременно опуская множество листьев в раствор и в ту же воду, которая использовалась для приготовления раствора.

5. Если вы сможете убедить своего друга попробовать действие карбоната аммиака на агрегацию белых кровяных телец, я бы очень хотел услышать результат.

Я надеюсь, что это письмо не утомило вас.

Поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Даун, 24 [декабря 1873?].

Мой дорогой мистер Дайер,

Боюсь, вы сочтете меня ужасно скучным, но я не могу удержаться, чтобы не сказать вам, что я только что обнаружил, что листья *Pinguicula* обладают прекрасно приспособленной способностью к движению. Прошлой ночью я посадила ряд маленьких мушек у одного края двух МОЛОДЫХ листьев; и через 14 часов эти края красиво загибаются, чтобы охватить мух, таким образом приводя железы в соприкосновение с верхними поверхностями мух, и теперь они обильно выделяют секрецию над и под мухами и, без сомнения, впитываются. Кислотный секрет стекает по желобчатому краю и собирается в ложкообразном углублении, где, без сомнения, железы поглощают вкусный суп. Лист с одной стороны выглядит точно так же, как спираль человеческого уха, если бы вы загоняли мух внутрь складки. Искренне ваш,

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 3 июня [1874].

... Сейчас я усердно работаю над подготовкой моей книги о *Drosera* & Co. к печати, но это займет некоторое время, потому что я постоянно нахожу новые моменты для наблюдения. Я думаю, вас заинтересуют мои наблюдения за процессом пищеварения у *Drosera*; выделения содержат кислоту уксусного ряда и некоторые ферменты, близкие к пепсину, но не идентичные ему; поскольку я проводил длинную серию сравнительных испытаний. Ни один человек не поверит тому, что я опубликую о малых дозах фосфата аммиака, которые действуют.

... Я начал читать "Мадагаскарский сквиб" (описание плотоядного растения, которое, как предполагается, питается людьми). довольно серьезно, и когда я обнаружил, что Фелис и Бос населяют Мадагаскар, я подумал, что это ложная история, и не понимал, что это мистификация, пока не пришел к этой женщине ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Ф.К. ДОНДЕРСУ. (Профессор Дондерс, известный физиолог из Утрехта.) Даун, 7 июля 1874 года.

Мой дорогой профессор Дондерс,

Мой сын Джордж пишет мне, что он видел вас и что вы были очень добры к нему, за что я возвращаю вам свою сердечную благодарность. Он сообщает мне от вашего имени факт, который интересует меня в высшей степени и который я бы очень хотел, чтобы мне разрешили процитировать. Это связано с действием одной миллионной доли грана атропина на глаз. А теперь, не будете ли вы так добры, когда у вас будет немного свободного времени, рассказать мне, наблюдали ли вы сами этот факт или верите в это из надежных источников. Я также хотел бы знать, в какой пропорции по весу содержался атропин по отношению к водному раствору и сколько раствора было нанесено на глаз. Причина, по которой я так беспокоюсь по этому поводу, заключается в том, что это подтверждает определенные факты, неоднократно наблюдавшиеся мной в отношении действия фосфата аммиака на *Drosera*. 1/4000000 гранулы, поглощенной железой, явно приводит к перегибу щупальца, на котором находится эта железа; и я полностью убежден, что 1/20000000 гранулы кристаллизованной соли (т. е. Содержащей примерно треть от своего веса кристаллизованной воды) делает то же самое. Сейчас я весьма недоволен мыслью о необходимости опубликовать такое заявление. Для меня было бы очень ценно иметь возможность привести какие-либо аналогичные факты в подтверждение. Случай с *Drosera* тем более интересен, что поглощение соли или любого другого стимулятора, применяемого к железе, заставляет ее передавать двигательное воздействие к основанию щупальца, на котором находится железа.

Прошу простить меня за беспокойство и не утруждайте себя ответом на этот вопрос, пока ваше здоровье полностью не восстановится.

Прошу вас, поверьте мне, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Летом 1874 года он работал над родом *Utricularia* и написал (16 июля) сэру Дж.Д. Хукеру, давая некоторый отчет о ходе своей работы:—

"Я даже рад, что вы не смогли прислать *Utricularia*, потому что этот обычный вид почти свел Ф. и меня с ума. Структура ОЧЕНЬ сложная. Пузыри улавливают множество энтомострек и личинок насекомых. Механизм улавливания превосходен. Но есть многое, чего мы не можем понять. Из того, что я видел сегодня, я сильно подозреваю, что это некрофаг, то есть что он не может переваривать, но поглощает разлагающиеся вещества".

Он был обязан леди Дороти Невилл образцами любопытной *Utricularia montana*, которая не водится в воде, как европейские виды, а растет среди мха и мусора на ветвях деревьев. К этому виду относится следующая буква:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ЛЕДИ ДОРОТИ НЕВИЛЛ. 18 сентября [1874].

Дорогая леди Дороти Невилл,

Я вам очень признателен. Я был настолько убежден, что пузыри находятся вместе с листьями, что мне и в голову не пришло убрать мох, и это было очень глупо с моей стороны. Большие твердые вздутия, похожие на пузыри, почти на поверхности - замечательные объекты, но это не настоящие пузыри. Их я нашел на корнях у поверхности и на глубине двух дюймов в песке. Они прозрачны, как стекло, размером от 1/20 до 1/100 дюйма и полые. У них есть все важные особенности строения мочевых пузырей плавающих английских видов, и я был уверен, что

найду пойманную добычу. И вот, к моему удовольствию, у меня есть два мочевых пузыря с явным доказательством того, что они впитали пищу из разлагающейся массы. Ибо *Utricularia* питается падалью, а не является строго плотоядным животным, как *Drosera*.

Я полагаю, что большие твердые тела, похожие на пузыри, представляют собой резервуары воды, подобные желудку верблюда. Как только я сделаю еще несколько наблюдений, я собираюсь быть настолько жестоким, чтобы не давать вашему растению воды, и понаблюдать, сжимаются ли большие пузыри и содержат ли они воздух вместо воды; затем я также смою всю землю со всех корней и посмотрю, есть ли настоящие пузыри для улавливания подземных насекомых до самого дна горшка. Теперь вы сочтете меня очень жадным, если я скажу, что, предположим, этот вид не очень ценный, и у вас их несколько, не могли бы вы дать мне еще одно растение, и если да, пожалуйста, отправьте его на "Станцию Орпингтон, Южная Каролина, для пересылки пешим курьером".

Едва ли когда-либо в моей жизни я получал большее удовольствие от работы, чем сегодня; и этим я обязан огромной доброте вашей светлости.

Семена - очень любопытные монстры; я представляю себе какое-нибудь растение, родственное Лекарственному, но я покажу их доктору Хукеру.

Ваша светлость, Ч. Дарвин, с большой благодарностью.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 30 сентября 1874 г.

Мой дорогой Х.,

Ваш великолепный подарок в виде Альдрованды прибыл в целости и сохранности. Мне очень понравилось разглядывать закрытые листья, один из которых я разрежала. Это водная дионея, которая приобрела некоторые структуры, идентичные структурам *Utricularia*!

Если листья раскроются и я смогу рассмотреть их под микроскопом, я проведу несколько экспериментов, ибо смертный человек не может устоять перед искушением. Если я не смогу перевести, я ничего не буду делать, потому что в противном случае для этого потребовались бы сотни листов.

Ты хороший человек, раз доставил мне такое удовольствие.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Рукопись "Насекомоядных растений" была закончена в марте 1875 года. Похоже, написание этой книги угнетало его больше, чем обычно, поэтому в феврале он написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"Вы спрашиваете о моей книге, и все, что я могу сказать, это то, что я готов покончить с собой; я думал, что она написана прилично, но find так много требует переписывания, что она не будет готова к печати в течение двух месяцев, а потом получится чертовски большая книга. Мюррей скажет, что нет смысла публиковать книгу в середине лета, так что я не знаю, каков будет результат; но я начинаю думать, что каждый, кто публикует книгу, дурак".

Книга была опубликована 2 июля 1875 года, и было распродано 2700 экземпляров из 3000.]

ГЛАВА 2.XIV. — "СПОСОБНОСТЬ РАСТЕНИЙ К ДВИЖЕНИЮ".

1880.

[Несколько предложений в автобиографической главе с достаточной ясностью показывают связь между "Силой движения" и одной из ранних книг автора, посвященной "вьющимся растениям". Центральная идея книги состоит в том, что движения растений по отношению к свету, гравитации и т.д. Являются модификациями спонтанной тенденции к вращению или кольцеванию, которая широко присуща растущим частям растений. Эта концепция не была общепринятой и не заняла места среди канонов ортодоксальной физиологии. Профессор Сакс отозвался о книге с несколькими словами профессорского презрения, а профессор Визнер удостоил ее внимательной и щедрой критики.

М-р Тизелтон Дайер ("Чарльз Дарвин" (серия "Природа"), стр. 41) хорошо сказал: "Будет ли поддерживаться эта виртуозная концепция единства того, что до сих пор казалось хаосом несвязанных явлений, покажет только время. Но никто не может сомневаться в важности того, что сделал мистер Дарвин, показав, что в будущем явления передвижения растений могут и действительно должны изучаться с единой точки зрения".

Работа была начата летом 1877 года, после публикации книги "Различные формы цветов", и к осени его энтузиазм по этому поводу полностью окреп, и он написал мистеру Дайеру: "Я весь горю от этой работы". В то время он изучал движения семядолей, при которых наблюдается сон растений в его простейшей форме; следующей весной он пытался выяснить, какой полезной цели могут служить эти движения во сне, и написал сэру Джозефу Хукеру (25 марта 1878 г.):

"Я думаю, мы ДОКАЗАЛИ, что сон растений заключается в том, чтобы уменьшить повреждение листьев радиацией. Это меня очень заинтересовало и стоило нам большого труда, поскольку это было проблемой со времен Линнея. Но мы убили или серьезно повредили множество растений: Примечание: *Oxalis carnosa* был самым ценным, но прошлой ночью был убит".

В его письмах этого периода нет какого-либо связного отчета о ходе работы. Следующие два приводятся как характерные для автора:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Даун, 2 июня 1878г.

Мой дорогой Дайер,

Я помню, как говорил, что умер бы опозоренным человеком, если бы не увидел саженцы кактусов и цикад, и вы спасли меня от этой ужасной участи, поскольку они растут великолепно и нормально. Но у меня есть к вам два вопроса: наблюдаемый саговник представлял собой

огромное семя в широком и очень неглубоком горшочке с волокнами какао-орехов, как я полагаю. Его называли просто Саговник. Был ли это *Sucas pectinata*? Полагаю, я не ошибусь, полагая, что то, что сначала появляется над землей, является настоящим листом, поскольку я не вижу ни стебля, ни оси. Наконец, вы, возможно, помните, что я сказал, что мы не можем выращивать *Opuntia nigricans*; теперь я должен признаться в некоторой глупости; один действительно взошел, но мой садовник и я сам посмотрели на него и пришли к выводу, что это не мог быть саженец *Opuntia*, но теперь, когда я увидел один из *O. basilaris*, я уверен, что это был саженец; Я наблюдал за ним лишь случайно и заметил движения, что заставляет меня захотеть внимательно понаблюдать за другим. Если у вас есть фрукты, не будет ли мистер Линч (мистер Р.И. Линч, ныне куратор Ботанического сада в Кембридже, в это время находился в Королевских садах Кью.) так любезен прислать еще один?

Я работаю как раб над корешками и движением настоящих листьев, потому что я довольно хорошо поработал с семядолями ...

Это было ПРЕВОСХОДНОЕ письмо о Садах (имеется в виду попытка убедить правительство открыть Королевские сады в Кью утром.): Я надеялся, что волнения закончились. Политики - жалкий сборище дальнобойщиков, потому что [они], должно быть, видят плачевные последствия того, что сады остаются открытыми весь день напролет.

Твой вечно доставляющий хлопоты друг Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Брайанстон-стрит, 4, Портман-сквер, 21 ноября [1878].

Мой дорогой Дайер,

Я должен поблагодарить вас за все замечательные хлопоты, которые вы предприняли по поводу семян *Impatiens* и по множеству других случаев. По правде говоря, мне становится стыдно за себя, и я не могу не думать: "О Господи, когда он увидит нашу книгу, он воскликнет: "Неужели это все, ради чего я так много помогал!" Если серьезно, я надеюсь, что мы разобрались в некоторых моментах, но я боюсь, что мы сделали очень мало за тот труд, который мы затратили на нашу работу. Мы приехали сюда на неделю, чтобы немного отдохнуть, в чем я нуждался.

Если я правильно помню, 30 ноября - годовщина в Королевском дворце, и я боюсь, что сэр Джозеф, должно быть, при последнем издыхании. Я буду рад, когда он больше не будет президентом.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

[Весной следующего, 1879 года. Когда он был занят сведением своих результатов воедино, он несколько уныло написал мистеру Дайеру: "Я перегружен своими заметками и почти слишком стар, чтобы браться за ту работу, которая у меня в руках, то есть за всевозможные движения. И все же быть праздным еще хуже".

Позже в том же году, когда работа приближалась к завершению, он написал проф. Карус (17 июля 1879 г.), по поводу перевода:—

"Вместе с моим сыном Фрэнсисом я готовлю довольно большой том об общих движениях растений, и я думаю, что мы выявили немало новых точек зрения.

"Я боюсь, что наши взгляды встретят сильное противодействие в Германии; но мы в течение нескольких лет очень усердно работали над этим вопросом.

"Я буду **ОЧЕНЬ** рад, если вы сочтете, что книгу стоит перевести, и корректурные листы будут высланы вам, как только они будут готовы".

Осенью он усердно работал над рукописью и написал доктору Грею (24 октября 1879 г.):

"Я написал довольно большую книгу — к сожалению, большую — о перемещениях растений, и сейчас я только начинаю перечитывать рукопись во второй раз, что ужасно скучно".

Только заключительная часть следующего письма относится к "Силе движений":]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А. ДЕ КАНДОЛЛЮ. 28 мая 1880 г.

Мой дорогой сэр,

Я особенно признателен вам за то, что вы так любезно прислали мне вашу "Фитографию" (книгу о методах ботанических исследований, особенно систематической работы.); ибо, если бы я просто увидел ее рекламу, я бы не предположил, что это могло меня заинтересовать. Как бы то ни было, я прочитал с очень большим интересом около четверти, но не буду откладывать дольше, чтобы поблагодарить вас. Все, что вы говорите, кажется мне очень ясным и убедительным, и, как и во всех ваших работах, я нахожу большое количество новых для меня философских замечаний и, без сомнения, найду еще много других. Они напомнили мне о многих головоломках, с которыми я сталкивался, когда составлял монографию *Cirripedia*; и ваша книга в те дни была бы для меня совершенно бесценной. Мне было приятно обнаружить, что я всегда следовал вашему плану делать заметки на отдельных листах бумаги; я держу несколько десятков больших папок, расставленных на очень тонких полках примерно в двух дюймах друг от друга, прикрепленных к стенам моего кабинета, и у каждой полки есть свое название; и таким образом я могу сразу поместить каждую записку на свое место. Я уверен, что ваша книга будет очень полезна многим молодым студентам, и я попрошу моего сына Фрэнсиса (который намерен посвятить себя физиологии растений) внимательно прочитать ее.

Что касается меня, то я беру двухнедельный отпуск, после того как отправил кучу писем. в типографию, и мне очень повезло, что ваша книга прибыла, когда я садился в свой экипаж, потому что мне хотелось что-нибудь почитать вдали от дома. Моя рукопись относится к движениям растений, и я думаю, что мне удалось показать, что все наиболее важные большие классы движений происходят из-за модификации вида движений, общего для всех частей всех растений с их самой ранней юности.

Прошу передать мои добрые воспоминания вашему сыну и с моим глубочайшим уважением и наилучшей благодарностью,

Поверьте мне, мой дорогой сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S. Мне всегда приятно перевозносить растения в органическом масштабе, и если вы потрудитесь прочитать мою последнюю главу, когда моя книга (которая, к сожалению, будет слишком большой) будет опубликована и отправлена вам, я надеюсь и думаю, что вы также восхититесь некоторыми прекрасными приспособлениями, благодаря которым рассадные растения могут выполнять свои надлежащие функции.

[Книга была опубликована 6 ноября 1880 года, и 1500 экземпляров были распроданы на распродаже мистера Мюррея. По этому поводу он написал сэру Дж.Д. Хукеру (23 ноября):

"Ваша записка мне очень понравилась, ибо я не ожидал, что у вас найдется время ЧТО—либо из нее прочесть. Прочтите последнюю главу, и вы узнаете весь результат, но без доказательств. Однако случай изгиба корешков после часового воздействия геотропизма с отрезанными кончиками (или мозгами), я думаю, заслуживает вашего прочтения (внизу страницы 525); он поразил меня. Следующим наиболее примечательным фактом, как мне показалось (стр. 148), является различие кончиком корешка чуть более твердого и мягкого предмета, прикрепленного на противоположных сторонах кончика. Но я больше не буду беспокоить вас по поводу моей книги. Чувствительность рассады к свету изумительна".

Другому другу, мистеру Тизелтону Дайеру, он писал (28 ноября 1880 г.):

"Большое спасибо за ваше самое доброе замечание, но вы слишком высокого мнения о нашей работе, хотя это и не очень приятно... Многие немцы очень презрительно относятся к использованию органов; но они могут насмехаться над душами, покидающими свои тела, и я, например, буду считать это самой интересной частью естественной истории. Действительно, вы сильно ошибаетесь, если хоть на мгновение усомнитесь в огромной ценности вашей постоянной и самой любезной помощи нам".

Книга получила множество рецензий и вызвала большой интерес у широкой публики. Следующее письмо отсылает к передовой статье в "Таймс" от 20 ноября 1880 года:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИССИС ХАЛИБЕРТОН. (Миссис Халибертон была дочерью давнего друга моего отца, покойного мистера Оуэна из Вудхауса.) Даун, 22 ноября 1880 года.

Моя дорогая Сара,

Вы видите, как дерзко я начинаю; но я всегда любила и всегда буду любить это имя. Ваше письмо не просто порадовало меня, ибо его доброта тронула мое сердце. Я часто вспоминаю старые времена, о том восторге, который доставляли мне визиты в Вудхауз, и о том, что я в глубоком долгу перед вашим отцом. С вашей стороны было очень любезно написать. Я совсем забыл о своих давних амбициях по поводу газеты "Шрусбери" (миссис Халибертон напомнила ему, как он в детстве говорил, что если газета Эддоуза когда-нибудь упомянет его как "нашего достойного земляка", его амбиции будут полностью удовлетворены.); Но я помню гордость, которую я почувствовал, когда увидел в книге о жуках впечатляющие слова "пойман К. Дарвином". "Пойман" звучало так величественно по сравнению с "пойман". Мне казалось, этого достаточно для любого мужчины! Я ни в малейшей степени не знаю, что заставило "Таймс" прославить меня (ниже приводится начальная фраза передовой статьи: "Из всех ныне живущих

людей науки никто не трудился дольше и с более блестящей целью, чем мистер Дарвин".), потому что иногда это яростно давило на меня.

Я бы очень хотел увидеть вас снова, но вам показался бы визит сюда очень скучным, потому что мы чувствуем себя очень старыми, у нас нет развлечений, и мы ведем уединенный образ жизни. Но мы намерены через несколько недель провести несколько дней в Лондоне, а потом, если вам будет чем еще заняться в Лондоне, вы, возможно, приедете к нам пообедать. (Мой отец имел удовольствие видеть миссис Халибертон в доме своего брата на Куин-Энн-стрит.)

Поверь мне, моя дорогая Сара, с благодарностью и любовью Твой ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующее письмо было вызвано публикацией тома, посвященного критике "Способности растений к движению" опытным ботаником, доктором Юлиусом Визнером, профессором ботаники Венского университета:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ДЖУЛИУСУ ВИЗНЕРУ. Даун, 25 октября 1881 года.

Мой дорогой сэр,

Теперь я дочитал вашу книгу ("Das Bewegungsvermögen der Pflanzen", Вена, 1881) и понял ее всю, за исключением очень немногих отрывков. Во-первых, позвольте мне сердечно поблагодарить вас за то, как вы повсюду относились ко мне. Вы показали, как человек может самым решительным образом отличаться от другого и в то же время выражать свое отличие с величайшей вежливостью. Немало английских и немецких естествоиспытателей могли бы извлечь полезный урок из вашего примера, ибо грубый язык, часто используемый учеными по отношению друг к другу, не приносит никакой пользы и только унижает науку.

Я был глубоко заинтересован вашей книгой, и некоторые из ваших экспериментов настолько прекрасны, что я действительно испытывал удовольствие, подвергаясь вивисекции. Обсуждение всех важных тем в вашей книге заняло бы слишком много места. Боюсь, вы совершенно опровергли приведенную мной интерпретацию последствий обрезания кончиков горизонтально вытянутых корней и тех, которые с боков подвергаются воздействию влаги; но я не могу убедить себя, что горизонтальное положение боковых ветвей и корней объясняется просто уменьшением их силы роста. Точно так же, когда я думаю о своих экспериментах с семядолями фалариса, я не могу отказаться от убеждения в передаче какого-то стимула, вызванного светом, от верхней части к нижней. На странице 60 вы неправильно поняли, что я имею в виду, когда говорите, что, по моему мнению, воздействие света передается на часть, которая сама по себе не является гелиотропной. Я никогда не задумывался, была ли короткая часть под землей гелиотропной; но я полагаю, что у молодых саженцев гелиотропной является та часть, которая изгибается БЛИЗКО, но НАД землей, и я полагаю, что так происходит с этой частью, изгибающейся лишь умеренно, когда свет косой, и изгибающейся прямоугольно, когда свет горизонтальный. Тем не менее на изгиб этой нижней части, как я заключаю из своих экспериментов с непрозрачными колпачками, влияет воздействие света на верхнюю часть. Однако мое мнение по вышесказанному и многим другим пунктам имеет очень мало значения, поскольку я не сомневаюсь, что ваша книга убедит большинство ботаников в том, что я неправ по всем пунктам, по которым мы расходимся.

Независимо от вопроса о передаче, мой разум настолько полон фактов, заставляющих меня поверить, что свет, гравитация и т.д. Воздействуют на рост не прямым образом, а как стимулы, что я совершенно неспособен изменить свое суждение по этому поводу. Я не мог понять отрывок на странице 78, пока не посоветовался со своим сыном Джорджем, который является математиком. Он предполагает, что ваше возражение основано на том, что рассеянный свет от лампы освещает обе стороны объекта и не уменьшается с увеличением расстояния в том же соотношении, что и прямой свет; но он сомневается, что эта НЕОБХОДИМАЯ поправка объяснит очень небольшую разницу в гелиотропной кривизне растений в следующих друг за другом горшках.

Что касается чувствительности кончиков корней к контакту, я не могу согласиться с вашим мнением, пока не будет доказано, что я ошибаюсь относительно кусочков картона, прикрепленных жидкой резинкой, вызывающих движение; в то время как никакого движения не было, если карточка оставалась отделенной от кончика слоем жидкой резинки. Необходимо также объяснить тот факт, что более толстые и более тонкие кусочки картона прикреплены шеллаком к противоположным сторонам одного и того же корня, вызывая движение в одном направлении. Вы часто говорите о повреждении кончика; но внешне не было никаких признаков повреждения; и когда кончик был явно поврежден, крайняя часть изогнулась в сторону повреждения. Я могу поверить в то, что кончик был поврежден кусочками картона, по крайней мере, прикрепленными жевательной резинкой, не больше, чем в то, что железы *Drosera* повреждены частицей нити или волоска, помещенной на них, или в то, что человеческий язык [таков], когда он ощущает любой подобный предмет.

Что касается самой важной темы моей книги, а именно кругосветного путешествия, я могу только сказать, что я совершенно сбит с толку разницей в наших выводах; но я не смог полностью понять некоторые части, которые мой сын Фрэнсис сможет перевести мне, когда вернется домой. Большая часть вашей книги прекрасно понятна.

Наконец, я хотел бы, чтобы у меня хватило сил и духа начать новую серию экспериментов и опубликовать результаты с полным отказом от своих ошибок, когда я в них убеждаюсь; но я слишком стар для такого предприятия и не думаю, что смогу проделать большую или какую-либо еще оригинальную работу. Я полагаю, что вижу один из возможных источников ошибки в вашем прекрасном эксперименте с вращающимся растением, на которое падает боковой свет.

С большим уважением и искренней благодарностью за доброе отношение, с которым вы относились ко мне и моим ошибкам, остаюсь, мой дорогой сэр, искренне вашим,

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ГЛАВА 2.XV. — РАЗНЫЕ БОТАНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА.

1873-1882.

[Настоящая глава содержит серию разнородных писем на ботанические темы. Некоторые из них демонстрируют разнообразные интересы моего отца к ботанике, а другие рассказывают об исследованиях, которые так и не были завершены.]

ЦВЕТЕТ НА ЛИСТЬЯХ И ПЛОДАХ.

[Его исследования значения "налета", или воскового налета, обнаруживаемого на многих листьях, были одним из тех исследований, которые остались незавершенными на момент его смерти. Он собрал множество заметок на эту тему, часть из которых я надеюсь опубликовать в ближайшее время. (Небольшая статья о связи между цветением и распределением устьиц на листьях появилась в "Журнале Линнеевского общества" за 1886 год. Чирш ("Linnaea", 1881) опубликовал результаты, идентичные некоторым, полученным моим отцом и мной, а именно, что цветение уменьшает транспирацию. Тот же факт был ранее опубликован Гарро в 1850 году.)

Одно из его первых писем на эту тему было адресовано в августе 1873 года сэру Джозефу Хукеру:

- Мне нужна от вас небольшая информация, а если вы сами не знаете, пожалуйста, спросите кого-нибудь из мудрецов Кью.

"Почему листья и плоды стольких растений защищены тонким слоем воскообразного вещества (как у обыкновенной капусты) или тонкими волосками, так что, когда такие листья или плоды погружают в воду, они кажутся заключенными в тонкое стекло? Это действительно красивое зрелище - опустить в воду стручок обыкновенного горошка или малины. Я обнаружил, что таким образом несколько листьев защищены с нижней стороны, а не с верхней.

"Как вода может повредить листьям, если это действительно так?"

По этому последнему пункту он написал сэру Томасу Фарреру:

"Теперь я схожу с ума из-за того, что капли воды повреждают листья. Пожалуйста, спросите мистера Пейна (садовник сэра Томаса Фаррера).) считает ли он, ИСХОДЯ ИЗ СОБСТВЕННОГО ОПЫТА, что капли воды повреждают листья или плоды в его оранжереях. Говорят, что капли действуют как очки для обжига; если это правда, то они совсем не повредят в пасмурные дни. Поскольку он такой проницательный человек, я бы очень хотел услышать его мнение. Я помню, когда я выращивала оранжерейные орхидеи, меня предупредили, чтобы я не мочила их листья; но тогда я никогда не задумывалась на эту тему.

"Мне очень понравился мой визит к вам, и я совершенно уверен, что во всей Англии не нашлось бы более доброго и обходительного хозяина".

Несколько лет спустя он снова обратился к этой теме и написал сэру Джозефу Хукеру (25 мая 1877 г.):

"Я просмотрел свои старые заметки о "цветении" растений и думаю, что этой темой стоит заняться, хотя я очень сомневаюсь в каком-либо успехе. Склонны ли вы помочь мне в надежде на успех, поскольку без вашей помощи я вряд ли смог бы что-либо сделать?"]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 4 июня [1877].

... Сейчас я пытаюсь разобраться в использовании или функции "цветения", или воскообразных выделений на листьях и плодах растений, но **ОЧЕНЬ** сомневаюсь, что мне это удастся. Можете ли вы дать мне немного света? Эти растения чаще встречаются в теплом климате, чем в более холодном? Я спрашиваю, потому что часто выхожу на улицу под сильным дождем, и здесь можно увидеть, как с листьев очень немногих диких двудольных растений стекают капли воды, похожие на быстросеребряные. В то время как в моем цветнике, оранжерее и теплицах их несколько. Опять же, распространены ли растения, защищенные от цветения, на ваших **СУХИХ** западных равнинах? Хукер **ДУМАЕТ**, что они распространены на мысе Доброй Надежды. Для меня загадка, распространены ли они в условиях очень сухого климата, и я нахожу, что цветение акаций и эвкалиптов в Австралии очень распространено. У некоторых эвкалиптов, которые, по-видимому, не покрыты налетом, эпидермис защищен слоем какого-то вещества, растворенного в кипящем спирте. Есть ли в арктических регионах какие-либо листья или плоды, защищенные от цветения? Если вы можете прояснить меня, как вы так часто делали, молю вас, сделайте это; но в остальном не утруждайте себя ответами.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У. ТИЗЕЛТОН ДАЙЕР. Даун, 5 сентября [1877].

Мой дорогой Дайер,

Одно слово благодарности. Заявляю, если бы не ваша доброта, мы бы сломались. На данный момент мы ясно поняли, что у некоторых растений (в основном суккулентных) цветение препятствует испарению — у некоторых определенно предотвращает нападения насекомых; у **НЕКОТОРЫХ** прибрежных растений предотвращает повреждение от соленой воды, и, я полагаю, у некоторых предотвращает повреждение от чистой воды, находящейся на листьях. Это последнее пока что является самым сомнительным и самым интересным моментом в отношении перемещений растений...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. МЮЛЛЕРУ. Даун, 4 июля [1881].

Мой дорогой сэр,

Ваша доброта безгранична, и я не могу передать вам, как сильно меня заинтересовало ваше последнее письмо (31 мая). У меня есть стопки заметок о влиянии воды, оседающей на листьях, и их движениях (как я и предполагал) для стряхивания капель. Но я давно не просматривал эти заметки и пришел к выводу, что, возможно, моя идея была просто фантазией, но я намеревался

начать экспериментировать, как только вернусь домой; и теперь, благодаря вашему БЕСЦЕННОМУ письму о положении листьев различных растений во время дождя (у меня есть аналогичный случай с акацией из Южной Африки), я буду побужден работать всерьез.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ.

[Следующее письмо относится к предмету, к которому мой отец испытывал сильнейший интерес: экспериментальное исследование причин изменчивости. Упомянутые эксперименты были в некоторой степени спланированы, и была начата некоторая предварительная работа в направлении, указанном ниже, но в конечном итоге исследование было прекращено.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Х. ГИЛБЕРТУ. (Доктор Гилберт, Ф.Р.С., соавтор с сэром Джоном Беннеттом Лоузом длинной серии ценных исследований в области научного сельского хозяйства.) Даун, 16 февраля 1876 года.

Мой дорогой сэр,

Когда я встретил вас в Линнеевском обществе, вы были так добры, что сказали, что поможете мне советом, и это будет чрезвычайно ценно для меня и моего сына. Сначала я изложу свою цель и надеюсь, что вы извините за длинное письмо. Все натуралисты признают, что ни одна проблема не вызывает такого недоумения, как то, что вызывает вариабельность почти каждого культурного растения, и никакие эксперименты, которые до сих пор проводились, не пролили никакого света на этот предмет. В течение последних десяти лет я экспериментировал со скрещиванием и самооплодотворением растений; и один косвенный результат меня очень удивил, а именно, что при старании выращивать растения в горшках под стеклом в течение нескольких последовательных поколений в почти одинаковых условиях и при самоопылении их в каждом поколении окраска цветков часто меняется, и, что очень примечательно, у некоторых наиболее изменчивых видов, таких как мимулус, гвоздика и др., она стала совершенно постоянной, как у диких видов.

Этот факт и несколько других навели меня на подозрение, что причина вариаций должна заключаться в различных веществах, поглощаемых этими растениями из почвы, когда на их способность к поглощению не влияют другие растения, с которыми они растут в смеси в естественном состоянии. Поэтому мы с моим сыном хотим выращивать растения в горшках в почве, полностью или настолько близко, насколько это возможно, лишенной всех веществ, которые поглощают растения, а затем давать в течение нескольких последовательных поколений нескольким растениям одного и того же вида различные растворы, которые могут быть совместимы с их жизнью и здоровьем. А теперь, можете ли вы посоветовать мне, как сделать почву примерно свободной от всех веществ, которые естественным образом поглощаются растениями? Я полагаю, что белый серебристый песок, продаваемый для чистки ремней безопасности и т.д., Представляет собой почти чистый кремнезем, но что мне делать с глиноземом? Я полагаю, что без некоторого количества глинозема было бы невозможно поддерживать почву влажной и пригодной для роста растений. Я предполагаю, что глина, промываемая снова и снова в воде, все равно будет давать минеральные вещества углекислоте, выделяемой корнями. Мне понадобилось бы много почвы, поскольку экспериментировать было бы бесполезно, если бы мы не могли ежегодно заполнять от двадцати до тридцати цветочных

горшков среднего размера. Можете ли вы предложить какой-либо план? ибо, если вы не сможете этого сделать, боюсь, для нас было бы бесполезно начинать попытки выяснить, зависит ли вообще изменчивость от вещества, поглощаемого почвой. После получения почвы требуемого типа я собираюсь полить одну группу растений нитратом калия, другую - нитратом натрия, а третью - нитратом извести, давая всем столько фосфата аммиака, сколько они, по-видимому, поддерживают, поскольку я хочу, чтобы растения росли как можно пышнее. Я полагаю, что растениям, поливаемым нитратами Na и Ca, потребуется некоторое количество K; но, возможно, они получают то, что абсолютно необходимо, из почвы, которую я буду вынужден использовать, и из дождевой воды, собираемой в резервуарах. Я мог бы использовать жесткую воду из глубокого колодца в мелу, но тогда все растения покрылись бы известью. Если растения, которым я даю нитраты Na и Ca, не будут расти, я мог бы дать им немного квасцов.

Я прекрасно осознаю, насколько я невежественен и насколько грубы мои представления; и если бы вы могли предложить какие-либо другие решения, которые, вероятно, повлияли бы на растения, это было бы очень большой любезностью. Я полагаю, что нет никаких органических жидкостей, которые поглощали бы растения и которые я мог бы добыть?

Я должен положиться на вашу доброту и извинить меня за то, что я так долго беспокою вас, и,
Остаюсь, дорогой сэр, искренне вашим ЧАРЛЬЗОМ ДАРВИНОМ.

[Следующее письмо профессору Земперу (профессору зоологии в Вюрцбурге.) посвящено тому же предмету:]

ОТ

ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА К. СЕМПЕРУ. Внизу, 19 июля 1881 года.

Мой дорогой профессор Семпер,

Мне было очень приятно получить ваше письмо, но я не ожидал, что вы ответите на мое предыдущее... Я не помню, что я вам написал, но уверен, что это должно было выразить тот интерес, который я испытывал к чтению вашей книги. (Опубликовано в "Международной научной серии" в 1881 году под названием "Естественные условия существования, как они влияют на жизнь животных".) Я подумал, что вы придаете слишком большое значение ПРЯМОМУ воздействию окружающей среды; но говорил ли я это, я не знаю, потому что, если бы меня не спросили, я счел бы самонадеянным критиковать вашу книгу, и я не стал бы сейчас говорить об этом, если бы в последние несколько дней меня не поразил отзыв профессора Хоффмана о его собственной работе в "Botanische Zeitung" об изменчивости растений; и действительно удивительно, насколько мало эффект достигается выращиванием определенных растений в неестественных условиях, таких как присутствие соли, извести, цинка и т.д., и т.п., в течение НЕКОЛЬКИХ поколений. Более того, были отобраны растения, которые с наибольшей вероятностью изменялись в таких условиях, судя по существованию близкородственных форм, адаптированных к этим условиям. Без сомнения, первоначально я придавал слишком мало значения прямому воздействию условий, но статья Хоффмана ошеломила меня. Возможно, необходимы сотни поколений воздействия. Это самая запутанная тема. Хотелось бы мне быть не таким старым и иметь больше сил, ибо я вижу направления исследований, которым нужно следовать. Хоффман даже сомневается, что растения при выращивании изменяются сильнее, чем в их родном доме и в естественных условиях. Если это так, то поразительные вариации

почти всех культурных растений должны быть результатом отбора и размножения различных особей. Эта идея пришла мне в голову много лет назад, но я боялся публиковать ее, так как думал, что люди скажут: "как он преувеличивает важность отбора".

Я все еще ДОЛЖЕН верить, что изменившиеся условия дают импульс к изменчивости, но в БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ они действуют очень косвенным образом. Но, как я уже сказал, это крайне запутанная проблема. Прошу простить меня за то, что я пишу так подробно; у меня не было такого намерения, когда я садился писать.

Мне крайне жаль слышать, ради вас самих и ради Науки, что вы так усердно работаете и что так много вашего времени уходит на официальную работу.

Прошу вас, поверьте мне, дорогой профессор Семпер, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ГАЛЛЫ.

[Незадолго до своей смерти мой отец начал экспериментировать с возможностью искусственного получения галлов. Письмо сэру Дж.Д. Хукеру (3 ноября 1880 г.) показывает интерес, который он испытывал к этому вопросу:

"Я был в восторге от эссе Пейджета ("Болезнь растений" сэра Джеймса Пейджета.— См. "Хронику садоводов", 1880.); Я слышал, что он иногда обращал внимание на этот предмет со своей юности... Я очень рад, что он привлек внимание к Галлсу: эта тема всегда казалась мне чрезвычайно интересной, и если бы я был моложе, то занялся бы ею".

Его интерес к этому предмету был связан с его постоянным желанием узнать что-нибудь о причинах вариаций. Он представил себе чудесные галлы, появляющиеся на завязях растений, и подумал, что таким образом можно воздействовать на семена, и таким образом возникают новые сорта. Он провел значительное количество экспериментов, вводя различные реагенты в ткани листьев, и с некоторыми незначительными признаками успеха.]

АГРЕГАЦИЯ.

[Следующее письмо дает представление о предмете последней из его опубликованных работ. ("Журнал Линнеевского общества", том XIX, 1882, страницы 239 и 262.) Явления, которые он наблюдал в листьях и корнях, привлекли его из-за их связи с явлениями агрегации, которые так глубоко интересовали его, когда он работал над *Drosera*.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - С.Х. ВАЙНСУ. (Читатель ботанического факультета Кембриджского университета.) Даун, 1 ноября 1881 года.

Мой дорогой мистер Вайнс,

Поскольку я знаю, как вы заняты, мне очень стыдно беспокоить вас. Но вы так богаты химическими знаниями о растениях, а я так беден, что взываю к вашему милосердию как нищий. Мой вопрос таков: знаете ли вы о каком—либо твердом веществе в клетках растений, которое растворяется глицерином и водой? Но вы лучше поймете мое недоумение, если я приведу вам факты: я упоминал вам, что если растение *Euphorbia replus* осторожно выкопать и

поместить корни на короткое время в слабый раствор карбоната аммиака (от 1 до 10 000 литров воды, хватает на 24 часа), то (обычно) чередующиеся продольные ряды клеток в каждом корешке, от корневой шляпки до самой верхушки корня (но не так далеко, как я еще не видел на зеленом стебле), заполняются полупрозрачными коричневатыми частицами вещества. Эти округлые зерна часто связываются и даже сливаются. Чистый фосфат и нитрат аммиака производят (хотя и медленнее) тот же эффект, что и чистый карбонат соды.

Теперь, если срезы корнеплода под покровным стеклом промыть глицерином и водой, все до единой бесчисленные крупинки в клеточках исчезнут через несколько часов. Что мне об этом думать??...

Простите меня за то, что я беспокою вас до такой степени, но я должен упомянуть, что если корни опустить в кипящую воду, то не происходит осаждения вещества, и последующее введение карбоната аммиака не оказывает никакого эффекта. Я должен заявить, что теперь я обнаружил, что гранулированное вещество образуется в клетках непосредственно под тонким эпидермисом и в нескольких других клетках вблизи сосудистой ткани. Если гранулы состояли из живой протоплазмы (но я не вижу в них следов движения), то я должен был бы сделать вывод, что глицерин убил их и агрегация прекратилась с распространением невидимо мельчайших частиц, поскольку я наблюдал аналогичное явление у *Drosera*.

Если вы можете мне помочь, молю вас, сделайте это и, во всяком случае, простите меня. Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ОПЫТЫ МИСТЕРА ТОРБИТТА По БОРЬБЕ С КАРТОФЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНЬЮ.

[Мистер Джеймс Торбитт из Белфаста последние двенадцать лет занимался трудным делом, в котором он в значительной степени преуспел, - выведением устойчивых к грибкам сортов картофеля. Мой отец проявлял большой интерес к творчеству мистера Торбитта и переписывался с ним с 1876 года. Следующее письмо, в котором дается ясный отчет о методе мистера Торбитта и о мнении моего отца о вероятности его успеха, было написано с мыслью, что государственная помощь на эту работу, возможно, будет получена:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Т.Х. ФАРРЕРУ. Дауну, 2 марта 1878 года.

Мой дорогой Фаррер,

План мистера Торбитта по преодолению картофельной болезни кажется мне, безусловно, лучшим из когда-либо предложенных. Он состоит, как вы знаете из его напечатанного письма, в выращивании огромного количества сеянцев от родителей, подвергшихся перекрестному оплодотворению, подверганию их заражению, безжалостному уничтожению всего, что страдает, спасении тех, кто сопротивляется лучше всего, и повторении процесса в последующих семенных поколениях. Моя вера в вероятность хороших результатов этого процесса основывается на том факте, что все признаки, какими бы они ни были, время от времени меняются. Известно, например, что определенные виды и разновидности винограда лучше других противостоят филлоксере. Эндрю Найт обнаружил в одном сорте или разновидности яблوك, которые ни в малейшей степени не были поражены *soccus*, а другой сорт был обнаружен в Южной Австралии. Некоторые сорта персика устойчивы к мучнистой росе, и можно привести

несколько других подобных случаев. Следовательно, нет большой вероятности в появлении нового сорта картофеля, который был бы полностью устойчив к грибку или, по крайней мере, намного лучше любого существующего сорта. Что касается перекрестного оплодотворения двух разных рассадных растений, то было установлено, что выращенное таким образом потомство наследует гораздо более крепкое телосложение и, как правило, более плодовито, чем рассада от самоопыляемых родителей. Также вероятно, что перекрестное оплодотворение было бы особенно ценным в случае картофеля, поскольку есть основания полагать, что цветки редко скрещиваются нашими местными насекомыми; а некоторые сорта абсолютно стерильны, если их не оплодотворяют пылью другого сорта. Есть некоторые свидетельства того, что положительный эффект от скрещивания передается в течение нескольких поколений; следовательно, нет необходимости в перекрестном удобрении семян в каждом поколении, хотя это было бы желательно, поскольку почти наверняка таким образом было бы получено большее количество семян. Следует помнить, что скрещивание растений, полученных из клубней одного и того же растения, хотя и растущих на разных корнях, приносит не больше пользы, чем скрещивание цветков у одной и той же особи. Учитывая всю эту тему, мне кажется, что было бы национальным несчастьем, если бы оплодотворенные кро семена, находящиеся во владении мистера Торбитта, произведенные родителями, которые уже продемонстрировали некоторую способность противостоять болезни, не были использованы правительством или каким-либо общественным органом, и процесс отбора продолжался бы еще в течение нескольких поколений.

Если за эту работу возьмется Сельскохозяйственное общество, знания мистера Торбитта, приобретенные на собственном опыте, были бы особенно ценны; и в общих чертах план изложен в его напечатанном письме. Было бы необходимо, чтобы все клубни, произведенные каждым растением, собирались отдельно и тщательно изучались в каждом последующем поколении.

Было бы желательно, чтобы какой-нибудь сорт картофеля, в высшей степени подверженный этому заболеванию, был посажен в значительном количестве рядом с рассадой, чтобы заразить ее.

В целом испытание потребовало бы большой осторожности и чрезвычайного терпения, как я знаю по опыту аналогичной работы, и можно опасаться, что было бы трудно найти кого-либо, кто продолжил бы эксперимент с достаточной энергией. Поэтому мне кажется крайне желательным, чтобы мистеру Торбитту была оказана помощь в виде небольшого гранта, с тем чтобы он мог продолжить работу сам.

Судя по его отчетам, его усилия за столь короткое время увенчались большим успехом, чем можно было ожидать; и я думаю, вы согласитесь со мной, что любой, кто выращивает картофель, защищенный от грибка, станет общественным благотворителем необычного рода.

Мой дорогой Фаррер, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[После дальнейших консультаций с сэром Томасом Фаррером и мистером Кэрдом мой отец пришел к убеждению, что пытаться получить государственную помощь безнадежно. По этому поводу он написал мистеру Торбитту, добавив: "было бы легче получить подписку от нескольких богатых ведущих аграриев, чем от правительства. Я думаю, вы не можете возражать против этого плана, поскольку вы ничего не просили и не будете иметь никакого отношения к подписке.

На самом деле, это дело, на мой взгляд, комплимент вам ". Высказанная здесь идея была реализована, и мистер Торбитт смог продолжить свою работу благодаря сумме, на которую подписались сэр Т. Фаррер, мистер Кэрд, мой отец и несколько друзей.

Сочувствие и поддержка моего отца были высоко оценены мистером Торбитом, который сказал мне, что без них он давным-давно отказался бы от своей попытки. Несколько выдержек проиллюстрируют сопричастность моего отца к энергии и настойчивости мистера Торбитта:

"Я восхищаюсь вашим неукротимым духом. Если кто-то когда-либо заслуживал успеха, так это вы, и я придерживаюсь своего первоначального мнения, что у вас есть очень хорошие шансы вывести сорт картофеля, устойчивый к грибкам.

"Первопроходец в новом начинании обязательно встретится со многими разочарованиями, поэтому я надеюсь, что вы не потеряете мужества, хотя мы сделали для вас так мало".

М-р Торбитт говорит мне, что ему все еще (1887 г.) удастся выводить сорта, обладающие хорошо выраженной устойчивостью к болезням; но этот иммунитет непостоянен, и через несколько лет сорта становятся подверженными атакам грибка.]

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ КЬЮ, ИЛИ "НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ДАРВИНИСТ".

[Некоторый отчет о связи моего отца с "Указателем названий растений", который сейчас (1887 г.) готовится в Кью, можно найти в статье мистера Б. Дейдона Джексона в "Ботаническом журнале", 1887 г., стр. 151. Мистер Джексон цитирует следующее заявление сэра Дж.Д. Хукера:
-

Незадолго до своей смерти мистер Чарльз Дарвин сообщил сэру Джозефу Хукеру, что он намерен ежегодно в течение нескольких лет выделять значительную сумму денег на поддержку какой-либо работы, имеющей практическую ценность для биологической науки, и внести в свое завещание положения на случай, если они не будут завершены при его жизни.

"Среди других предметов, связанных с ботанической наукой, мистер Дарвин с особым интересом рассматривал важность полного указателя названий и авторов родов и видов растений, известных ботаникам, а также их родных стран. "Номенклатура" Штейделя - единственная существующая работа такого рода, и, хотя прошло уже почти полвека, мистер Дарвин нашел в ней большую помощь в своих собственных исследованиях. Он был незаменим для каждого ботанического учреждения, будь то в качестве списка всех известных цветковых растений, с указанием их авторов или в качестве сборника ботанической географии".

С 1840 года, когда был опубликован "Номенклатурщик", можно сказать, что количество описываемых растений удвоилось, так что "Номенклатурщик" сейчас серьезно отстает от требований ботанической работы. Чтобы восполнить этот недостаток, "Номенклатурщик" время от времени помещался в чередующемся экземпляре в Гербарии в Кью с помощью "средств, предоставленных частными благотворительными организациями". (Отчет о Кью Гарденс, 1881, стр. 62.)

Мой отец, как и другие ботаники, как указывает сэр Джозеф Хукер, оценил ценность работ Штейделя. Он получал растения из всевозможных источников, которые часто назывались неправильно, и чувствовал необходимость придерживаться принятой номенклатуры, чтобы он мог передать другим работникам точные указания относительно растений, которые он изучал.

Для него также часто было важно знать страну, где были расположены его экспериментальные установки. Поэтому было естественно, что он признал желательность завершения и публикации перемежающегося тома в Кью. Желание помочь в этом проекте было усилено восхищением, которое он испытывал по поводу результатов, за которые мир должен благодарить Royal Gardens в Кью, и его благодарностью за бесценную помощь, которую на протяжении стольких лет он получал от его директора и его сотрудников. Он прямо заявил, что это было его желание "каким—то образом помочь научной работе, проводимой в Королевских садах" (Отчет о садах Кью, 1881, стр. 62), что побудило его предложить выделить средства для завершения работы над "Номенклатурой Кью".

Следующий отрывок, за который я в долгу перед профессором Джаддом, представляет большой интерес, поскольку иллюстрирует мотивы, которые двигали моим отцом в этом вопросе. Профессор Джадд пишет:—

"Во время моего последнего визита к нему он сказал мне, что его доход в последнее время значительно увеличился, хотя его потребности остались прежними, и он больше всего на свете хотел бы посвятить все, что сможет, развитию геологии или биологии. Он самым трогательным образом остановился на том факте, что стольким счастьем и славой он обязан естественно-историческим наукам, которые были утешением в том, что, возможно, было тягостным существованием; и он просил меня, если я знаю о каких-либо исследованиях, которым мог бы помочь грант в несколько сотен фунтов, сообщить ему, поскольку для него было бы удовольствием чувствовать, что он помогает продвигать прогресс науки. В то же время он сообщил мне, что делает такое же предложение сэру Джозефу Хукеру и профессору Хаксли в отношении ботаники и зоологии соответственно. На меня произвели большое впечатление серьезность и, действительно, глубокое волнение, с которыми он говорил о своем долге Науке и своем желании продвигать ее интересы".

Мой отец попросил сэра Джозефа Хукера "принять во внимание, с помощью ботанического персонала Кью и покойного мистера Бентама, масштабы предлагаемой работы и предложить наилучшие способы ее выполнения. Делая это, сэр Джозеф дополнительно воспользовался большими знаниями и опытом профессора Эйзы Грей из Кембриджа, США, и мистера Джона Болла, Ф.Р.С." ("Журнал ботаники", англ.)

После тщательного рассмотрения плана предлагаемой работы сэр Джозеф Хукер смог доверить его детальную разработку мистеру Б. Дейдону Джексону, секретарю Линнеевского общества, чьи обширные знания ботанической литературы позволяют ему выполнить эту задачу. Первоначальная идея моего отца о создании современного издания "Номенклатуры" Штейделя была практически заброшена, цель, которую сейчас преследуют, скорее состоит в составлении списка родов и разновидностей (со ссылками), основанного на "Родах растений" Бентама и Хукера. О колоссальном характере работы, проводимой в Кью, можно судить по тому факту, что рукопись "Указателя" в настоящее время (1887 г.), как полагают, весит более тонны. Под руководством сэра Джозефа Хукера работа неуклонно продвигается вперед, и мистер Джексон выполняет ее с замечательным рвением, который беззаветно посвящает себя предприятию, преимуществом которого также является активный интерес к работе, проявляемый профессором Оливером и мистером Тизелтоном Дайером.

"Индекс Кью", который, по всей вероятности, будет готов к печати через четыре—пять лет, станет достойным памятником моему отцу: его участие в его завершении иллюстрирует часть

его характера — его искреннюю симпатию к работе, выходящей за рамки его собственных исследований, - и его уважение к тщательному и терпеливому труду во всех отраслях науки.]

ГЛАВА 2.XVI. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Некоторое представление об общем состоянии здоровья моего отца можно составить из писем, приведенных на предыдущих страницах. Тема здоровья занимает в Биографии более заметное место, чем это часто необходимо, потому что, к сожалению, она была столь реальным элементом, определяющим внешнюю форму его жизни.

В течение последних десяти лет его жизни состояние его здоровья было причиной удовлетворения и надежды для его семьи. В его состоянии наблюдались признаки улучшения в нескольких аспектах. Он испытывал меньше страданий и дискомфорта и смог работать более стабильно. Кое-что уже было сказано о лечении доктора Бенса Джонса, от которого мой отец, безусловно, получил пользу. В последующие годы он стал пациентом сэра Эндрю Кларка, под чьим присмотром его общее состояние здоровья значительно улучшилось. Не только за его щедро оказанную услугу мой отец чувствовал себя в долгу благодарности сэру Эндрю Кларку. Своему ободряющему личному влиянию он был обязан часто повторяющейся поддержке, которая со стороны добавляла нечто реальное к его счастью, и он находил искреннее удовольствие в дружбе и доброте сэра Эндрю по отношению к себе и своим детям.

На предыдущих страницах разбросаны одно или два упоминания о боли или беспокойстве, ощущаемых в области сердца. Насколько это указывает на то, что сердце было поражено в раннем возрасте, я не могу претендовать на то, чтобы сказать; в любом случае, несомненно, что у него не было серьезных или постоянных проблем такого рода незадолго до его смерти. Несмотря на общее улучшение его здоровья, о котором говорилось выше, в последние несколько лет его жизни время от времени наблюдалась определенная потеря физической силы. Это иллюстрируется фразой из письма к его старому другу сэру Джеймсу Саливану, написанного 10 января 1879 года: "Моя научная работа утомляет меня больше, чем раньше, но мне больше нечего делать, и то, устанет ли она через год или два раньше или позже, мало что значит".

Аналогичное чувство выражено в письме сэру Дж.Д. Хукеру от 15 июня 1881 года. Мой отец остановился в Паттердейле и написал: "Я довольно подавлен собой... У меня нет ни сердца, ни сил начинать какое-либо расследование, длящееся годами, а это единственное, что мне нравится, и у меня нет мелкой работы, которую я мог бы выполнять".

В июле 1881 года он написал мистеру Уоллесу: "Мы только что вернулись домой, проведя пять недель в Уллсуотере; пейзаж довольно очаровательный, но я не могу ходить, и все меня утомляет, даже вид пейзажей... Что я буду делать со своими несколькими оставшимися годами жизни, я едва ли могу сказать. У меня есть все, чтобы быть счастливым и довольным, но жизнь

стала для меня очень утомительной ". Однако осенью 1881 года он был в состоянии выполнить большой объем работы, и работы весьма утомительной (о действии карбоната аммиака на корни и листья.), но к концу года он явно нуждался в отдыхе; и в течение зимы состояние его было хуже, чем обычно.

13 декабря он отправился на неделю в дом своей дочери на Брайанстон-стрит. Во время своего пребывания в Лондоне он зашел навестить мистера Романеса, и на пороге его настиг приступ, по-видимому, того же рода, что и те, которые впоследствии стали столь частыми. Остальная часть инцидента, которую я передаю словами мистера Романеса, интересна и с другой точки зрения, поскольку дает еще одну иллюстрацию скрупулезного отношения моего отца к другим:

"Меня случайно не было дома, но мой дворецкий, заметив, что мистер Дарвин болен, попросил его зайти, он сказал, что предпочел бы отправиться домой, и хотя дворецкий убеждал его подождать, по крайней мере, пока не подадут такси, он сказал, что предпочел бы не доставлять столько хлопот. По той же причине он отказался позволить дворецкому сопровождать его. Соответственно, он наблюдал, как тот с трудом брел в том направлении, где должны были встретиться кэбы, и увидел, что, отойдя примерно на триста ярдов от дома, тот пошатнулся и ухватился за ограду парка, словно для того, чтобы не упасть. Поэтому дворецкий поспешил ему на помощь, но через несколько секунд увидел, как он повернулся с явным намерением вернуться по своим следам в мой дом. Однако, пройдя часть пути обратно, он, похоже, почувствовал себя лучше, потому что снова передумал и отправился ловить такси".

В последнюю неделю февраля и в начале марта участились приступы боли в области сердца с нерегулярным пульсом, которые действительно возникали почти каждый день после полудня. Приступ такого рода произошел примерно 7 марта, когда он гулял в одиночестве недалеко от дома; он с трудом добрался домой, и это был последний раз, когда он смог дойти до своей любимой "дорожки по песку". Вскоре после этого его болезнь явно стала более серьезной и тревожной, и его осмотрел сэр Эндрю Кларк, лечение которого продолжили доктор Норман Мур из больницы Святого Варфоломея и мистер Элфри из Сент-Мэри Крэй. Он страдал от мучительных ощущений истощения и слабости и, казалось, с глубокой депрессией осознавал тот факт, что его рабочие дни подошли к концу. Он постепенно оправился от этого состояния и стал более жизнерадостным и полным надежд, как показано в следующем письме мистеру Хаксли, который беспокоился о том, чтобы мой отец находился под более тщательным медицинским наблюдением, чем позволяли существующие меры:

Даун, 27 марта 1882 года.

Мой дорогой Хаксли,

Ваше любезнейшее письмо было для меня настоящим подспорьем. Сегодня я чувствую себя лучше, чем в течение трех недель, и до сих пор не чувствовал боли. Ваш план кажется превосходным, и я, вероятно, буду действовать в соответствии с ним, если мне не станет намного лучше. Доброта доктора Кларка ко мне безгранична, но он слишком занят, чтобы приехать сюда. Еще раз примите мою сердечную благодарность, мой дорогой старый друг. Я молю Бога, чтобы в мире было больше автоматов (имеется в виду речь мистера Хаксли "О гипотезе, что животные являются автоматами, и ее история", произнесенная на собрании Британской ассоциации в Белфасте в 1874 году и переизданная в "Науке и культуре".), подобных вам.

Всегда ваш, Ч. ДАРВИН".

Ссылка на сэра Эндрю Кларка требует небольшого пояснения. Сам сэр Эндрю Кларк всегда был готов посвятить себя моему отцу, который, однако, не мог смириться с мыслью послать за ним, зная, как сильно его огромная практика отнимает у него силы.

В начале апреля никаких особенных изменений не произошло, но в субботу 15-го вечером, сидя за ужином, у него закружилась голова, и он потерял сознание, пытаясь добраться до своего дивана. 17-го числа ему снова стало лучше, и во время моего временного отсутствия он записал для меня ход эксперимента, в котором я участвовал. Ночью 18 апреля, примерно без четверти двенадцать, у него случился сильный приступ, который перешел в обморок, из которого его с большим трудом привели в сознание. Казалось, он осознал приближение смерти и сказал: "Я нисколько не боюсь умирать". Все следующее утро он страдал от ужасной тошноты и слабости и с трудом пришел в себя, когда наступил конец.

Он умер около четырех часов дня в среду, 19 апреля 1882 года, на семьдесят четвертом году жизни.

Я завершаю рассказ о жизни моего отца несколькими словами ретроспективы, добавленными к рукописи его "Автобиографии" в 1879 году:

"Что касается меня, я считаю, что поступил правильно, неуклонно следуя Науке и посвятив ей свою жизнь. Я не испытываю угрызений совести из-за того, что совершил какой-либо великий грех, но часто-часто сожалею о том, что не сделал больше непосредственного добра своим ближним".

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ПОХОРОНЫ В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ АББАТСТВЕ.

В пятницу, последовавшую за смертью моего отца, доктору Брэдли, декану Вестминстерского университета, было адресовано следующее письмо, подписанное двадцатью членами парламента:

ПАЛАТА ОБЩИН, 21 апреля 1882 г.

Очень преподобный сэр,

Мы надеемся, вы не сочтете нас за вольность, если мы осмелимся предположить, что для очень большого числа наших соотечественников всех классов и убеждений было бы приемлемо, чтобы наш прославленный соотечественник мистер Дарвин был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Остаемся вашими покорными слугами,

ДЖОН ЛАББОК, НЕВИЛ СТОРИ МАСКЕЛАЙН, А.Дж. МАНДЕЛЛА, Г.О. ТРЕВЕЛЬЯН, ЛАЙОН ПЛЕЙФЕР, ЧАРЛЬЗ У. ДИЛКЕ, ДЭВИД УЭДДЕРБЕРН, АРТУР РАССЕЛ, ГОРАЦИЙ ДЭЙВИ, БЕНДЖАМИН АРМИТИДЖ, РИЧАРД Б. MARTIN, ФРЭНСИС У. БАКСТОН, Э.Л. СТЭНЛИ, ГЕНРИБРОДХЕРСТ, ДЖОН БАРАН, Ф.Дж. ЧИТЭМ, Х.С. ХОЛЛАНД, Х. КЭМПБЕЛЛ-БАННЕРМАН, ЧАРЛЬЗ БРЮС, РИЧАРД ФОРТ.

Декан в то время находился за границей и телеграфировал о своем сердечном согласии.

Семья желала, чтобы мой отец был похоронен в Дауне: что касается их пожеланий, сэр Джон Лаббок написал:

ПАЛАТА ОБЩИН, 25 апреля 1882 г.

Мой дорогой Дарвин,

Я вполне разделяю ваши чувства, и лично я бы предпочел, чтобы ваш отец покоился в Дауне, среди всех нас. Я уверен, все прекрасно понимают, что инициатива исходила не от вас. Тем не менее, с национальной точки зрения, совершенно правильно, что он должен быть похоронен в аббатстве. Я почитаю за большую честь, что мне позволили сопроводить моего дорогого учителя в могилу.

Поверьте мне, искренне ваш,

ДЖОН ЛАББОК, У.Э. ДАРВИН, ЭСКВАЙР.

Семья отказалась от своих первоначальных планов, и похороны состоялись в Вестминстерском аббатстве 26 апреля. Носильщиками покрывала были:—

СЭР ДЖОН ЛАББОК,
МИСТЕР ХАКСЛИ,
мистер ДЖЕЙМС РАССЕЛ ЛОУЭЛЛ (американский посланник),
мистер А.Р. УОЛЛЕС,
ГЕРЦОГ ДЕВОНШИРСКИЙ,
КАНОНИК ФАРРАР,
СЭР Дж.Д. ХУКЕР,
мистер У. М. СПОТТИСВУД (президент Королевского общества),
граф ДЕРБИ,
ГЕРЦОГ АРГАЙЛЛ.

На похоронах присутствовали представители Франции, Германии, Италии, Испании, России, а также представители университетов и научных обществ, а также большое количество личных друзей и выдающихся людей.

Могила находится в Северном проходе нефа, недалеко от угла, загораживающего хоры, и в нескольких футах от могилы сэра Исаака Ньютона. На камне высечена надпись—

ЧАРЛЬЗ РОБЕРТ ДАРВИН. Родился 12 февраля 1809 года. Умер 19 апреля 1882 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

I. СПИСОК РАБОТ ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

Повествование о геодезических рейсах кораблей Ее Величества "Адвенчур" и "Бигль" в период с 1826 по 1836 год, описывающих их исследование южных берегов Южной Америки и кругосветное плавание "Бигля". Том III. Дневник и замечания, 1832-1836. Чарльз Дарвин. 8в. Лондон, 1839.

Журнал исследований естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания его превосходительства "Бигль" под командованием капитана Фиц-Роя, Р.Н. 2-е издание, исправленное, с дополнениями. 8во. Лондон, 1845. (Колониальная и домашняя библиотека.)

Путешествие натуралиста. Журнал исследований и т. Д., 8 в. Лондон, 1860. [Содержит постскрипtum от 1 февраля 1860 г.]

Зоология путешествия его превосходительства "Бигля". Под редакцией Чарльза Дарвина. Часть I. Ископаемые млекопитающие, Ричард Оуэн. С геологическим введением, Чарльз Дарвин. 4то. Лондон, 1840.

—Часть II. Млекопитающие, Джордж Р. Уотерхауз. С описанием их привычек и ареалов, Чарльз Дарвин. 4то. Лондон, 1839.

—Часть III. Птицы, автор Джон Гулд. В "Рекламе" (2 страницы) говорится, что в связи с отъездом мистера Гулда из Англии в Австралию многие описания были предоставлены мистером Г.Р. Греем из Британского музея. 4то. Лондон, 1841 год.

—Часть IV. Рыба, преподобный Леонард Дженинс. 4 тому. Лондон, 1842.

Часть V. Рептилии, Томас Белл. 4-я часть. Лондон, 1843.

Структура и распределение коралловых рифов. Это первая часть геологии плавания "Бигля". 8в. Лондон, 1842.

Структура и распространение коралловых рифов. 2-е издание. 8во. Лондон, 1874.

Геологические наблюдения на вулканических островах, посещенных во время плавания корабля Его превосходительства "Бигль". Это вторая часть "Геологии путешествия корабля "Бигль"". 8во. Лондон, 1844 год.

Геологические наблюдения над Южной Америкой. Третья часть "Геологии путешествия "Бигля"". 8во. Лондон, 1846 год.

Геологические наблюдения на вулканических островах и в некоторых частях Южной Америки, посещенных во время плавания корабля Его превосходительства "Бигль". 2-е издание. 8во. Лондон, 1876.

Монография об ископаемых чешуекрылых, или усоногих ножконожках Великобритании. 4то. Лондон, 1851. (Палеонтографическое общество.)

Монография о подклассе усоногих, с изображениями всех видов. Чешуекрылые, или усоногие на ножках. 8во. Лондон, 1851. (Общество Рэя.)

—Balanidae (или сидячие усоногие); позвоночные и т.д. 8в. Лондон, 1854. (Общество Рэя.)

Монография об ископаемых Balanidae и Verrucidae Великобритании. 4то. Лондон, 1854. (Палеонтографическое общество.)

О происхождении видов посредством естественного отбора, или о сохранении привилегированных рас в борьбе за жизнь. 8во. Лондон, 1859. (Датировано 1 октября 1859 г., опубликовано 24 ноября 1859 г.)

—Пятое тысячелетие. 8во. Лондон, 1860.

—Третье издание с дополнениями и исправлениями. (Седьмая тысяча) 8во. Лондон, 1861. (Датировано мартом 1861 года.)

—Четвертое издание с дополнениями и исправлениями. (Восьмая тысяча) 8во. Лондон, 1866. (Датировано июнем 1866 г.)

— Пятое издание с дополнениями и исправлениями. (Десятая тысяча) 8во. Лондон, 1869. (Датировано маем 1869 года.)

—Шестое издание с дополнениями и исправлениями 1872 года. (Двадцать четвертая тысяча) 8во. Лондон, 1882. (Датировано январем 1872 года.)

О различных приспособлениях, с помощью которых насекомые удобряют орхидеи. 8в. Лондон, 1862.

—Второе издание. 8во. Лондон, 1877. [Во втором издании слово "На" опущено из названия.]

Движения и привычки выющихся растений. Второе издание. 8во. Лондон, 1875. [Впервые опубликовано в девятом томе "Журнала Линнеевского общества".]

Изменение животных и растений при одомашнивании. 2 тома. 8в. Лондон, 1868.

—Второе издание, исправленное. 2 тома. 8в. Лондон, 1875.

Происхождение человека и половой отбор. 2 тома. 8в. Лондон, 1871.

—Второе издание. 8в. Лондон, 1874. (В 1 томе.)

Выражение эмоций у человека и животных. 8во. Лондон, 1872.

Насекомоядные растения. 8в. Лондон, 1875.

Влияние скрещивания и самооплодотворения в растительном царстве. 8во. Лондон, 1876.

—Второе издание. 8во. Лондон, 1878.

Различные формы цветков на растениях одного и того же вида. 8в. Лондон, 1877.

—Второе издание. 8во. Лондон, 1880.

Способность растений к движению. Чарльз Дарвин при содействии Фрэнсиса Дарвина. 8в. Лондон, 1880.

Образование растительной плесени под действием червей с наблюдениями за их повадками. 8в. Лондон, 1881.

II.—СПИСОК КНИГ, СОДЕРЖАЩИХ ВКЛАД ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

Руководство по научным исследованиям; подготовлено для использования военно-морским флотом Ее Величества: и адаптировано для путешественников в целом. Под редакцией сэра Джона Ф.В. Гершеля, Bart. 8во. Лондон, 1849. (Раздел VI. Геология. Чарльз Дарвин.)

Мемуары преподобного Джона Стивенса Хенслоу. Преподобного Леонарда Дженинса. 8в. Лондон, 1862. [В главе III "Воспоминания Чарльза Дарвина".]

Письмо (1876) о "Дрейфе" близ Саутгемптона опубликовано в книге профессора Дж. Гейки "Доисторическая Европа".

Цветы и их незваные гости. Автор А. Кернер. Со вступительным письмом Чарльза Дарвина. Перевод переработан и отредактирован У. Оглом. 8во. Лондон, 1878.

Эразм Дарвин. Автор Эрнст Краузе. Перевод с немецкого У.С. Далласа. С предварительным уведомлением Чарльза Дарвина. 8во. Лондон, 1879.

Исследования по теории происхождения. Автор Август Вайсман. Переведено и отредактировано Рафаэлем Мельдолой. Со вступительным словом Чарльза Дарвина. 8во. Лондон, 1880—.

"Оплодотворение цветов". Германа Мюллера. Переведен и отредактирован Д'Арси У. Томпсона. С предисловием Чарльза Дарвина. 8во. Лондон, 1883.

Эволюция разума у животных. Автор Г.Дж. Романес. С посмертным эссе Чарльза Дарвина "Инстинкт", 1883. [Также опубликовано в Журнале Линнеевского общества.]

Несколько заметок о любопытной привычке смирных пчел - самцов были отправлены проф. Герман Мюллер из Липпштадта, который получил разрешение от мистера Дарвина использовать их так, как ему заблагорассудится. После смерти Мюллера заметки были переданы его сыном доктору Э. Краузе, который опубликовал их под названием "Лучшая книга о человеке" в своей книге "Gesammelte kleinere Schriften фон Чарльз Дарвин". (1886).

III.—СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ, ВКЛЮЧАЯ ПОДБОРКУ ПИСЕМ И КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Письма профессору Хенслоу, прочитанные им на заседании Кембриджского философского общества, состоявшемся 16 ноября 1835 г. 31 стр. 8во. Напечатано в частном порядке для распространения среди членов Общества.

Геологические заметки, сделанные во время обследования Восточного и западного побережий Южной Америки в 1832, 1833, 1834 и 1835 годах; с описанием поперечного сечения Кордильер Анд между Вальпараисо и Мендосой. [Читайте 18 ноября 1835 г.] Отчет Геологического общества. ii. 1838, страницы 210-212. [Этот документ неверно описан в документе Геологического общества Прос. ii., страница 210 следующим образом: —"Геологические заметки и др. Ф. Дарвина, эсквайра, Колледжа Святого Иоанна, Кембридж: передано проф. Седжвик". Он указан под именем К. Дарвина.]

Заметки об Американской рее. Труды Зоологического общества, часть V. 1837.

страницы 35-36.

Наблюдения за признаками недавнего поднятия берегов Чили, сделанные во время обследования корабля Его превосходительства "Бигль" под командованием капитана Фиц-Роя. [1837 г.] Отчет геологического общества. ii. 1838, страницы 446-449.

Набросок отложений, содержащих вымерших млекопитающих, в окрестностях Платы. [1837.] Отчет геологического общества. ii. 1838, страницы 542-544.

Об определенных участках поднятия и опускания в Тихом и Индийском океанах, как было установлено в результате изучения коралловых образований. [1837.] Протокол Геологического общества ii. 1838, страницы 552-554.

Об образовании плесени. [Читайте 1 ноября 1837 года.] Отчет геологического общества ii. 1838, стр. 574-576; Труды Геологического общества v. 1840, стр. 505-510.

О связи некоторых вулканических явлений, образовании горных цепей и влиянии континентальных возвышенностей. [Читайте 7 марта 1838 г.] Отчет геологического общества ii. 1838, стр. 654-660; Труды Геологического общества v. 1840, стр. 601-632. [В Документах Общества формулировка названия немного отличается.]

Происхождение соленосных отложений. Соленые озера Патагонии и Ла-Платы. Журнал геологического общества ii. (Часть ii.), 1838, страницы 127-128.

Записка на камне, видимом на айсберге на 16 ° Южной широты. Журнал географического общества IX. 1839, страницы 528-529.

Наблюдения за параллельными дорогами в Глен-Рое и других частях Лохабера в Шотландии с попыткой доказать, что они морского происхождения. Фил. Пер. 1839, стр. 39-82.

На замечательной полосе песчаника у берегов Пернамбуку, на побережье Бразилии. Фил. Журнал. хіх. 1841, стр. 257-260.

О распределении эрратических валунов и о современных нерасслоенных отложениях Южной Америки. [1841.] Отчет геологического общества ііі. 1842, стр. 425-430; Труды Геологического общества vі. 1842, стр. 415-432.

Заметки о воздействии древних ледников на

Кернарвоншир и о валунах, перевозимых плавучим льдом. Лондонский философский журнал, том XXI. страница 180. 1842.

Замечания по предыдущей статье из письма Чарльза Дарвина, эсквайра, мистеру Макларену. Эдинбургский новый философский журнал xxxiv. 1843, страницы 47-50. ["Предыдущая" статья: "О коралловых островах и рифах, описанных мистером Дарвином. Чарльз Макларен, эсквайр, F.R.S.E."]

Наблюдения над строением и размножением рода *Sagitta*. Анналы и журнал естественной истории, хііі. 1844, страницы 1-6.

Краткие описания нескольких наземных планарий и некоторых замечательных морских видов с описанием их повадок. "Анналы и журнал естественной истории", XIV, 1844, страницы 241-251.

Отчет о мелкой пыли, которая часто выпадает на судах в Атлантическом океане. Журнал геологического общества іі. 1846, страницы 26-30.

О геологии Фолклендских островов. Журнал геологического общества іі. 1846, страницы 267-274.

Обзор "Естественной истории млекопитающих" Уотерхауза. [Не подписан.] "Анналы" и журнал естественной истории, 1847. Том хіх. страница 53.

О переносе неустойчивых валунов с более низкого уровня на более высокий. Журнал геологического общества iv. 1848, страницы 315-323.

О британских ископаемых чешуекрылых. Журнал геологического общества VI. 1850, страницы 439-440. [В G.S.J. говорится: "Эта статья была отозвана автором с разрешения Совета".]

Аналогия структуры некоторых вулканических пород со структурой ледников. Протокол Эдинбургского королевского общества. іі. 1851, стр. 17-18.

О способности айсбергов образовывать прямолинейные, равномерно направленные борозды на волнистой поверхности подводной лодки. Философский журнал х. 1855, страницы 96-98.

Жизнеспособность семян. "Хроника садоводов", 17 ноября 1855 г., стр. 758.

О действии морской воды на прорастание семян. [1856.] Журнал Линнеевского общества, і. 1857 ("Ботаника"), страницы 130-140.

О роли пчел в оплодотворении сосочковидных цветов. "Хроника садоводов", стр. 725, 1857.

О тенденции Видов образовывать разновидности; и об увековечении разновидностей и видов естественными средствами отбора. Чарльз Дарвин, эсквайр, F.R.S., F.L.S. и F.G.S., и Альфред Уоллес, эсквайр. [Прочитайте 1 июля 1858 года.] Журнал Линнеевского общества, 1859, том iii. ("Зоология"), стр. 45.

Специальные названия работ Чарльза Дарвина по вышеизложенному:—

i. Выдержка из неопубликованной работы о видах эсквайра Чарльза Дарвина, состоящая из части главы, озаглавленной "Об изменчивости органических существ в естественном состоянии; о естественных средствах отбора; о сравнении домашних рас и истинных видов".

ii. Выдержка из письма К. Дарвина, эсквайра, профессору Эйсе Грею из Бостона, США, от 5 сентября 1857 г.

Об участии пчел в оплодотворении сосочковидных цветков и о скрещивании фасоли. "Хроника садоводов", 1858, стр. 828 и "Анналы естественной истории", 3-я серия ii. 1858, стр. 459-465.

Сосут ли тинины или другие мелкие мотыльки цветы, и если да, то какие цветы?
"Энтомологический еженедельник *Intelligencer*", том viii. 1860, стр. 103.

Заметка о семянке *Pumilio Argyrolepis*. "Хроника садоводов", 5 января 1861 г., стр. 4.

Удобрение барвинка. "Хроника садоводов", страницы 552, 831, 832. 1861.

О двух формах, или диморфном состоянии, у вида *Primula* и об их замечательных половых отношениях. Журнал Линнеевского общества, vi. 1862 ("Ботаника"), страницы 77-96.

О трех замечательных половых формах *Catasetum tridentatum*, Орхидеи, находящейся во владении Линнеевского общества. Журнал Линнеевского общества vi. 1862 ("Ботаника"), страницы 151-157.

Желтый дождь. "Хроника садоводов", 18 июля 1863 г., стр. 675.

О толщине пампийской формации близ Буэнос-Айреса. Журнал геологического общества XIX. 1863, страницы 68-71.

О так называемом "слуховом мешке" усоногих. "Обзор естественной истории", 1863, стр. 115-116.

Рецензия на статью мистера Бейтса о "Бабочках-миметиках". "Обзор естественной истории", 1863, стр. 221. [Не подписано.]

О существовании двух форм и об их взаимной половой связи у нескольких видов рода *Linum*. Журнал Линнеевского общества, vii. 1864 ("Ботаника"), страницы 69-83.

О сексуальных отношениях трех форм *Lythrum salicaria*. [1864.] Журнал Линнеевского общества viii. 1865 ("Ботаника"), страницы 169-196.

О передвижении и привычках вьющихся растений. [1865.] Журнал Линнеевского общества ix. 1867 ("Ботаника"), страницы 1-118.

Обратите внимание на обыкновенный веник (*Cytisus scorpius*). [1866.] Журнал Линнеевского общества ix. 1867 ("Ботаника"), стр. 358.

Заметки об оплодотворении орхидей. Летопись и журнал естественных наук

История, 4-я серия, iv. 1869, страницы 141-159.

О характере и гибридоподобной природе потомства от незаконных союзов диморфных и триморфных растений. [1868.] Журнал Линнеевского общества x. 1869 ("Ботаника"), страницы 393-437.

О видовом различии между *Primula veris*, British Fl. (var. *officinalis*, Linn.), *P. vulgaris*, British Fl. (var. *asaulis*, Linn.) и *P. elatior*, Jacq.; и о гибридной природе волоса обыкновенного. С Дополнительными замечаниями о естественно полученных гибридах рода *Verbascum*. [1868.] Журнал Линнеевского общества x. 1869 ("Ботаника"), страницы 437-454.

Заметка о повадках пампасного дятла (*Colaptes campestris*). Материалы Зоологического общества от 1 ноября 1870 г., страницы 705-706.

Удобрение лешенаульции. "Хроника садоводов", стр. 1166, 1871.

Удобрение растений с зимним цветением. "Природа", 18 ноября 1869 г., том i. страница 85.

Пангенезис. "Природа", 27 апреля 1871 г., том iii. страница 502.

Новый взгляд на дарвинизм. "Природа", 6 июля 1871 г., том iv. страница 180.

Бри о дарвинизме. "Природа", 8 августа 1872 г., том vi. страница 279.

Унаследованный инстинкт. "Природа", 13 февраля 1873 г., том vii. страница 281.

Восприятие у низших животных. "Природа", 13 марта 1873 г., том vii. страница 360.

Происхождение определенных инстинктов. "Природа", 3 апреля 1873 г., том vii. страница 417.

Привычки муравьев. "Природа", 24 июля 1873 г., том viii. страница 244.

О самцах и дополняющих их самцах некоторых усонагих и о рудиментарных структурах. "Природа", 25 сентября 1873 г., том viii. страница 431.

Недавние исследования термитов и медоносных пчел. "Природа", 19 февраля 1874 г., том ix. страница 308.

Оплодотворение семейства фумариевых. "Природа", 16 апреля 1874 г., том ix. страница 460.

Цветы первоцвета, уничтоженные птицами. "Природа", 23 апреля 1874 г., том ix. стр. 482; 14 мая 1874 г., том x. стр. 24.

Цветущая сакура. "Природа", 11 мая 1876 г., том XIV. страница 28.

Половой отбор по отношению к обезьянам. "Природа", 2 ноября 1876 г., том хv. страница 18.
Перепечатано в качестве дополнения к "Происхождению человека", 18..

Фриц Мюллер о цветах и насекомых. "Природа", 29 ноября 1877 г., том хvii. страница 78.

Нехватка ягод падуба и пчел. "Хроника садоводов", 20 января 1877 г., стр. 83.

Заметка об удобрении растений. "Хроника садоводов", том vii. страница 246, 1877 год.

Биографический очерк младенца. "Разум", № 7, июль 1877г.

Пересадка раковин. "Природа", 30 мая 1878 г., том XVIII. страница 120.

Фриц Мюллер о лягушке с яйцами на спине, об выпадении волосков на лапках некоторых ручейниковых мух и т.д. "Природа", 20 марта 1879 г., том хix. страница 462.

Крысы и бочки с водой. "Природа", 27 марта 1879 г., том хix. страница 481.

Фертильность гибридов обыкновенного и китайского гуся. "Природа", 1 января 1880 г., том хxi. страница 207.

Сексуальная окраска некоторых бабочек. "Природа", 8 января 1880 г., том хxi. страница 237.

Курганы раковин Омори. "Природа", 15 апреля 1880 г., том хxi. стр. 561.

Сэр Уивилл Томсон и естественный отбор. "Природа", 11 ноября 1880 г., том хxiii. страница 32.

Паршивая овца. "Природа", 30 декабря 1880 г., том хxiii. страница 193.

Передвижение растений. "Природа", 3 марта 1881 г., том хxiii. страница 409.

Движение листьев. "Природа", 28 апреля 1881 г., том хxiii. страница 603.

Наследование. "Природа", 21 июля 1881 г., том хxiv. страница 257.

Листья, поврежденные ночью свободным излучением. "Природа", 15 сентября 1881 г., том хxiv. страница 459.

Паразитические привычки Молотруса. "Природа", 17 ноября 1881 г., том хxv. страница 51.

О распространении пресноводных двустворчатых моллюсков. "Природа", 6 апреля 1882 г., том хxv. страница 529.

Действие карбоната аммиака на корни определенных растений. [Читать 16 марта 1882 г.] Журнал Линнеевского общества ("Ботаника"), том XIX, 1882, страницы 239-261.

Действие карбоната аммиака на хлорофилловые тельца. [Читать 6 марта 1882 г.] Журнал Линнеевского общества ("Ботаника"), том XIX, 1882, страницы 262-284.

Об изменении расы сирийских уличных собак посредством полового отбора. У. Ван Дейк. С предварительным уведомлением Чарльза Дарвина. [Читайте 18 апреля 1882 г.] Труды Зоологического общества, 1882, страницы 367-370.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ПОРТРЕТЫ.

1838: Акварель Г. Ричмонда, находящаяся во владении Семьи.

1851: Литография серии Ипсвичской британской ассоциации.

1853: Рисунок мелом Сэмюэля Лоуренса, находящийся во владении Семьи.

1853?: Рисунок мелом (вероятно, набросок, сделанный на одном из заседаний для последнего упомянутого.) Сэмюэля Лоуренса, находящийся у профессора. Хьюз, Кембридж.

1869: Бюст из мрамора работы Т. Вулнера, Р.А., находится во владении Семьи.

1875: Картина маслом (копия художника находится во владении Колледжа Христа, Кембридж.) работы У. Улесса, Р.А., гравюра П. Района, находится во владении Семьи.

1879: Картина маслом У.Б. Ричмонда, находящаяся во владении Кембриджского университета.

1881: Картина маслом (копия художника находится во владении У.Э. Дарвина, эсквайра, Саутгемптон) почтенного. Джон Кольер, находящийся во владении Линнеевского общества, гравюра Леопольда Фламенга.

ГЛАВНЫЕ ПОРТРЕТЫ И МЕМОРИАЛЫ, ВЗЯТЫЕ НЕ С НАТУРЫ.

Статуя Джозефа Бема, Р.А., находится во владении музея, Южный Кенсингтон.

Бюст Кчр. Лер, июнь.

Мемориальная доска Т. Вулнера, Р.А., и Джосайи Веджвуда и сыновей, находящаяся во владении Колледжа Христа в комнате Чарльза Дарвина.

Глубокий медальон Дж. Бема, Р.А., будет размещен в Вестминстерском аббатстве.

ГЛАВНЫЕ ГРАВЮРЫ С ФОТОГРАФИЙ.

1854?: Гг. Maull и Fox, с гравировкой по дереву для журнала harper's' (в октябре 1884).

1870?: О.Дж. Рейландера, выгравировано на стали К.Х. Дженсом для книги "Природа" (4 июня 1874 г.).

1874?: Автор: капитан Дарвин, Р.Э., выгравировано на дереве для журнала "Сенчури Мэгэзин" (январь 1883 г.). Фронтиспис, том i.

(Даты этих фотографий по разным причинам должны оставаться неопределенными. В связи с потерей книг в результате пожара, господ. Маулл и Фокс могут назвать только приблизительную дату. Мистер Рейландер умер несколько лет назад, и его бизнес распался. У моего брата, капитана Дарвина, нет записей о дате, когда была сделана его фотография.)

1881: Автор: господ. Эллиот и Фрай, гравировка на дереве Г. Круэллса для настоящей работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

НАГРАДЫ, УЧЕННЫЕ СТЕПЕНИ, ОБЩЕСТВА И Т.Д.

(Список составлен на основе дипломов и писем, находящихся во владении моего отца, и, без сомнения, неполон, поскольку он, по-видимому, потерял или куда-то затерял некоторые документы, полученные от иностранных обществ. Если название иностранного общества (за исключением тех, что находятся в Соединенных Штатах) указано на английском языке, это перевод латинского (или, в одном случае, русского) оригинала диплома.)

ORDER.—Prussian Order, 'Pour le Merite.' 1867.

ОФИС. —Окружной судья. 1857.

СТЕПЕНИ.

Кембридж: бакалавриат 1831 [1832]. См. Том i. Магистр 1837. Доктор права 1877.

Breslau: Hon. Доктор медицины и хирургии. 1862.

Bonn: Hon. Доктор медицины и хирургии. 1868.

Лейден: Почетный доктор медицины, 1875.

ОБЩЕСТВА.—Лондон:

Зоологический. Член-корреспондент. 1831. (Впоследствии он стал членом Общества.)

Энтомологический. 1833, Первый член. Геологический. 1836. Медаль Волластона, 1859.

Королевская географическая. 1838. Королевская. 1839. Королевская медаль, 1853. Медаль Копли, 1864. Линнеевская. 1854. Этнологический. 1861. Медико-хирургический. Почетный. Член. 1868. Медаль Бали Королевского колледжа врачей, 1879.

ОБЩЕСТВА.—ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ, КОЛОНИАЛЬНЫЕ И ИНДЕЙСКИЕ.

Королевское общество Эдинбурга, 1865. Королевское медицинское общество Эдинбурга, 1826. Почетный Член с 1861. Королевская ирландская академия. Почетный Член с 1866. Литературно-философское общество Манчестера. Почетный. Член, 1868. Уотфордское общество естественной истории. Почетный. Член, 1877. Азиатское общество Бенгалии. Почетный. Член с 1871 года. Королевское общество Нового Южного Уэльса. Почетный. Член с 1879 года. Философский институт Кентербери, Новая Зеландия. Почетный. Член с 1863 года. Новозеландский институт. Почетный Член, 1872.

ИНОСТРАННЫЕ ОБЩЕСТВА.—АМЕРИКА.

Sociedad Cientifica Argentina. Почетный Член с 1877 года. Национальная академия наук Аргентинской Республики. Почетный Член с 1878 года. Sociedad Zoologica Arjentina. Почетный Член с 1874 года. Бостонское общество естественной истории. Почетный Член с 1873 года. Американская академия искусств и наук (Бостон). Иностранный почетный. Член, 1874.

Калифорнийская академия наук. Почетный. Член, 1872. Геологическое общество штата Калифорния. Член-корреспондент, 1877. Литературное общество Франклина, Индиана. Достопочтенный. Член клуба с 1878 года. Sociedad de Naturalistas Neo-Granadinos. Почетный Член с 1860 года. Нью-Йоркская академия наук. Почетный Член с 1879 года. Gabinete Portuguez de Leitura em Pernambuco. Член-корреспондент, 1879. Академия естественных наук Филадельфии. Корреспондент, 1860. Американское философское общество, Филадельфия. Член клуба с 1869 года.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ.

Венская императорская академия наук. Иностраный член-корреспондент, 1871; почетный. Иностраный член, 1875. Anthropologische Gesellschaft in Wien. Hon. Member, 1872. K. k. Zoologisch-botanische Gesellschaft in Wien. Член клуба с 1867 года. Magyar Tudományok Akademia, Pest, 1872.

Бельгия.

Societe Royale des Sciences Medicales et Naturelles de Bruxelles. Почетный Член, 1878. Societe Royale de Botanique de Belgique. 'Membre Associe,' 1881. Academie Royale des Sciences, etc., de Belgique. 'Associe de la Classe des Sciences.' 1870.

Дания.

Королевское общество Копенгагена. Научный сотрудник, 1879.

ФРАНЦИЯ.

Societe d'Anthropologie de Paris. Иностраный член, 1871. Societe Entomologique de France. Почетный Член, 1874. Геологическое общество Франции (пожизненный член), 1837. Institut de France. Раздел "Корреспондент" ботаники, 1878.

ГЕРМАНИЯ.

Королевская Прусская академия наук (Берлин). Член-корреспондент с 1863 г.; стипендиат с 1878 г. Berliner Gesellschaft fur Anthropologie, etc. Член-корреспондент с 1877 года. Schlesische Gesellschaft fur Vaterlandische Cultur (Breslau). Достопочтенный Член с 1878 года. Кейсария Леопольдино-Carolina Academia Naturae Curiosorum (Дрезден). 1857. (Диплом содержит слова "accipe... ex antiqua nostra consuetudine cognomen Forster." Раньше в "Академии Кесарии Леопольдино-Каролины" существовал обычай, что каждый новый член должен получать в качестве "когномена" имя, известное в той отрасли науки, к которой он принадлежал. Так, врача могли окрестить Бурхаве, а астронома - Кеплером. Моего отца, кажется, назвали в честь путешественника Джона Рейнхольда Форстера.) Senkenbergische Naturforschende Gesellschaft zu Frankfurt am Main. Член-корреспондент с 1873 года. Naturforschende Gesellschaft zu Halle. Член клуба с 1879 года. Siebenburgische Verein fur Naturwissenschaften (Hermannstadt). Почетный Член, 1877. Medicinisch-naturwissenschaftliche Gesellschaft zu Jena. Почетный Член с 1878 года. Королевская баварская академия литературы и наук (Мюнхен). Иностраный член, 1878.

ГОЛЛАНДИЯ.

Koninklijke Natuurkundige Vereeniging in Nederlandsch-Indie (Batavia). Член-корреспондент с 1880 года. Societe Hollandaise des Sciences a Harlem. Иностранный член, 1877. Zeeuwsch Genootschap der Wetenschappen te Middelburg. Иностранный член, 1877.

ИТАЛИЯ.

Societa Geografica Italiana (Florence). 1870. Societa Italiana di Antropologia e di Etnologia (Florence). Достопочтенный . Член клуба с 1872 года. Societa dei Naturalisti in Modena. Почетный Член, 1875. Academia de' Lincei di Roma. Иностранный член, 1875. La Scuola Italica, Academia Pitagorica, Reale ed Imp. Сосьета (Рим). "Presidente Onoraria degli Anziani Pitagorici," 1880. Королевская академия Турина. 1873. Премия "Бресса", 1879.

Португалия.

Географическое общество Лиссабона (Лиссабон). Член-корреспондент с 1877 года.

Россия.

Общество естествоиспытателей Императорского Казанского университета. Почетный Член с 1875 года. Societas Caesarea Naturae Curiosorum (Moscow). Почетный Член, 1870. Императорская академия наук (Санкт-Петербург). Член-корреспондент с 1867 года.

ИСПАНИЯ.

Institucion Libre de Ensenanza (Madrid). Почетный. Профессор, 1877.

Швеция.

Шведская королевская академия наук (Стокгольм). Иностранный член с 1865 года. Королевское научное общество (Упсала). Научный сотрудник с 1860 года.

Швейцария.

Societe des Sciences Naturelles de Neuchatel. Член-корреспондент с 1863 года.

Указатель.

ЭББОТ, Ф.Э.Н., письмо К.

АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК (Филадельфия) избирает Дарвина членом.

АГАССИС, Александр, письмо к.

АГАССИС, Луи, оценка Дарвина.

Письма к.

Его отношение к "Происхождению видов".

Рецензии на "Происхождение видов".

АГРЕГАЦИЯ, изученная Дарвином.

Упоминается "АЛЬМАНАХ, КАРМАН НАТУРАЛИСТОВ".

АНДЫ, Дарвин пересекает.

Упоминается "АННАЛЫ И ЖУРНАЛ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ".

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ взглядов Дарвина.

Наблюдения за муравьями.

ЭППЛТОН Д. и КО. публикуют "Происхождение видов" в Америке.

АРГАЙЛЛ, герцог Кембриджский, критикует "Происхождение видов".

Комментарии Дарвина к его критике.

Дарвин о своем "Правлении закона".

Рассматривает "Оплодотворение орхидей".

АРИСТОТЕЛЬ, оценка Дарвина.

РАСПОЛОЖЕНИЕ листьев на стеблях растений.

"АТЕНЕЙ", Дарвин, о рецензии на "Происхождение видов".

Сообщает о дискуссии Британской ассоциации.

Письма Дарвина в свою защиту.

Критикует Дарвина.

АВСТРАЛИЯ, развитие животных в.

АВСТРАЛИЙСКАЯ флора.

АВСТРИЙСКАЯ экспедиция.

АВТОБИОГРАФИЯ, выдержки из.

ЭВЕЛИНГ, доктор, о религиозных взглядах Дарвина.

Примечание.

БЕЙН, Александр, письмо к.

БАЛЬФУР, Фрэнсис М., оценка Дарвина.

Медаль БАЛИ, врученная Дарвину.

БЭР, К.Э. фон, согласен с Дарвином.

БАСТИАН, Х.К., Дарвин о его "Началах жизни".

БЕЙТС, Х.У. Дарвин о его фауне насекомых долины Амазонки.
Письма к.
Дарвин о его миметических вариациях бабочек.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ.

"БИГЛЬ", путешествие.
Дарвин предложил встречу.
Ее оборудование.
Цель ее путешествия.
Ее команда.

Коллекционирование ЖУКОВ.

БЕРЕНС В., письмо К.

БЕЛЛ Т. описывает рептилий Дарвина.

Упоминается КОЛОКОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ из Шрусбери.

БЕЛТ, Томас, Дарвин о своем "Натуралисте из Никарагуа".

БЕММЕЛЕН, А. Ван, письмо К.

БЕНТАМ, Джордж, его молчание по поводу естественного отбора.
Письмо Фрэнсису Дарвину о принятии им взглядов Дарвина.
Его взгляд на естественный отбор.
Письма к.

Преподобный М.Дж. из БЕРКЛИ рецензирует "Оплодотворение орхидей".

БЕРЛИНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК избирает члена-корреспондента Дарвина.

СТАВКА, сделанная Дарвином.

БЛОМФИЛД (ДЖЕНИНС), преподобный Леонард, знакомство с Дарвином.
Письма К.
Дарвин о своих "Наблюдениях в естественной истории".

ЦВЕТЕНИЕ на листьях и плодах, работа Дарвина над.

Упоминался БЛАЙТ, Эдвард.

Миссис БУЛ, ее письмо о естественном отборе и религии.
Письмо к.

Упоминается БУТТ, Фрэнсис.

БОТАНИКА, работа Дарвина и ее связь с естественным отбором.

БОУЭН, Фрэнсис, рецензия на "Происхождение видов".

БРЕЙС, К.Л., и жена Дарвина о своей филантропической деятельности.

Император Бразилии желает встретиться с Дарвином.

БРИ, К.Р., его работа "Виды, не подлежащие преобразованию".
Обвиняет Уоллеса в грубых ошибках, и на это отвечает Дарвин.

СЕЛЕКЦИЯ, источники информации.

Премия БРЕССА вручена Дарвину.

БРИТАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ обсуждает "Происхождение видов".
Оксфордская встреча, аллегорически.
Белфастская встреча.

БРОНН, Х.Г., редактирует "Происхождение видов" на немецком языке.
Письма к.
Критика "Происхождения видов".

Упоминался Браун, Роберт.

БРАНТОН, Т. Лаудер, письмо к.

БАКЛ, его система сбора фактов.
Дарвин о своей "Истории цивилизации".

БАКЛИ, мисс А.Б., письма К.

БУФФОН, Дарвин.

БАНБЕРИ, сэр К., упоминается.

БАТЛЕР, Сэмюэл, обвиняет Дарвина во лжи.

БАТЛЕР, доктор, его школа в Шрусбери.

БАТТОН, Джемми, в гостях.

КЭРНС, Дж.Э., его лекция о "Власти рабов".

КЭМ Бридж, Университет, присуждает Дарвину степень доктора философии.
Получает его мемориальный портрет.

Миссис КАМЕРОН фотографирует Дарвина.

КАНАРСКИЕ ОСТРОВА, запланированная поездка на них.

КАНДОЛЬ, Альфонс де, письма К.
Его взгляд на "Происхождение видов".
Darwin on his 'Histoire des Sciences et des Savants.'

КАРЛАЙЛ, Томас, об Эразме А. Дарвине.
Его интересное выступление.

КАРПЕНТЕР, У.Б., письма К.
Рецензии на "Происхождение видов".
Его работа над "Фораминиферами".

КАРУС, Дж. Виктор, письма К.

КЕЙТОН, Джон Д., письмо к.

ЧЕМБЕРС, Р. Дарвин о его геологических взглядах.

СЛУЧАЙНОСТЬ, не подразумеваемая в эволюции.

ТРУБОЧИСТЫ, усилия Дарвина для.

CIRRIPEDIA, монография о.
Номенклатура.
Работа над.
Так называемый слуховой мешок.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА в Соединенных Штатах.
Дарвин.

Упоминаются Кларк, Уильям.

КЛАРК, сэр Эндрю, врач Дарвина.

КЛИМАТ и миграция.

"ВЬЮЩИЕСЯ РАСТЕНИЯ", написано и опубликовано.
Работа над.
Переиздано в виде книги.

УГОЛЬ, дискуссия о подводной лодке.

Профессор КОН описывает визит в Дарвин.

КОЛЕНСО, епископ, его "Пятикнижие и Книга Иисуса Навина".

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ, Дарвин дальше.
Бабочки.

КОЛЬЕР, Джон, рисует портрет Дарвина.

ЦВЕТА НАСЕКОМЫХ.

РАСШИРЕНИЕ КОНТИНЕНТА, доводы Дарвина против.

КОНТИНЕНТЫ, постоянство.

КОУП, Э.Д., Дарвин о своей теории ускорения.

МЕДАЛЬ КОПЛИ вручена Дарвину.

"КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ" в работе над.
Мнения по поводу.
Подвергнуто критике Семпером.
Ответ Дарвина Семперу.
Дарвин о критике Мюрреем.
Второе издание.

КРОУФОРД, Джон, рецензирует "Происхождение видов".

ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА.

"КРЕДО НАУКИ", прочитанное Дарвином.

КРЕСИ Э., письмо К.

КРИК, У.Д., сообщает Дарвину способ расселения раковин двустворчатых моллюсков.

"ОСТРЫЕ УГЛЫ КНИГ", Дарвин далее.

ДАНА, профессор, отправляет Дарвину "Геологию экспедиции США".

ДАРЕСТЕ, Камилла, письмо.

СЕМЬЯ Дарвинов.

ДАРВИН, Энни, отчет Дарвина о.
Смерть.

ДАРВИН, мисс К., письмо К.

ДАРВИН, Кэтрин, письма к.

ДАРВИН, Чарльз, изучает медицину в Эдинбурге.
Многообещающий молодой человек.

ДАРВИН, Чарльз Роберт (1809-1882).

Таблица родства.

Предки.

Личные характеристики, унаследованные от его предков.

Любовь и уважение к памяти своего отца.

Его привязанность к своему брату Эразму.

Автобиография.

Мать умирает.

Интерес к естественной истории.

Школьный опыт.

Гуманное отношение к животным.

Ходит в школу доктора Батлера в Шрусбери.

Склонность к долгим одиноким прогулкам.

Неспособность овладеть языком.

Заканчивает школу с сильными и разносторонними вкусами.

В юности увлекался поэзией.

Желание путешествовать впервые пробудилось после прочтения "Чудес света".

Любовь к стрельбе.

Собирает минералы и интересуется насекомыми и птицами.

Изучает химию.

Поступает в Эдинбургский университет.

И посещает лекции по медицине.

Собирает и препарирует морских животных.

Посещает собрания Плинианского королевского медицинского и вернеровского обществ.

Посещает лекции по геологии и зоологии.

Знакомится с сэром Дж. Макинтошем.

Проводит три года в Кембридже, готовясь к служению.

Френологические характеристики.

С восторгом читает Пейли.

Посещает лекции Хенслоу по ботанике.

Его пристрастие к живописи и музыке.

Его интерес к энтомологии.

Дружба с профессором. Хенслоу и его влияние на его карьеру.

Знакомится с доктором Уэвеллом.

Читает "Личное повествование" Гумбольдта и "Введение в изучение естественной истории" Гершеля.

Начинает изучение геологии.
Полевые работы в Северном Уэльсе.
Путешествие на "Бигле".
Получает предложение отправиться в плавание на "Бигле".
Отправляется в Кембридж, а оттуда в Лондон.
"Путешествие на "Бигле" - самое важное событие в моей жизни".
Плывет на "Бигле".
Его письма зачитаны перед Философским обществом Кембриджа.
Возвращается в Англию.
Начинает свой "Дневник путешествий".
Снимает квартиру в Лондоне.
Начинает готовить рукопись для своих "Геологических наблюдений".
Организует публикацию "Зоологии путешествия "Бигля"".
Открывает первую тетрадь "Происхождения видов".
Знакомится с Лайеллом и Робертом Брауном.
Женится.
Работает над своими "Коралловыми рифами".
Читает доклады в Геологическом обществе.
Выступает секретарем Геологического общества.
Резиденция в Дауне.
Его поглощенность наукой.
Его публикации.
Опубликованы "Геологические наблюдения".
Успех "Журнала исследований".
Начинает работу над "Усоногими".
посещает лечебные учреждения.
Работает над "Происхождением видов".
Читает "Мальтуса о численности населения".
Начинает заметки об "Изменчивости животных и растений при одомашнивании".
Интересуется перекрестным оплодотворением цветов.
Публикует статьи о диморфных и триморфных растениях.
Публикует "Происхождение человека".
Родился первенец.
Публикует перевод и очерк "Жизни Эразма Дарвина".
Методы работы.
Умственные качества.
Любит читать романы.
Хороший наблюдатель.
Привычки и внешний вид.
Слабое здоровье.
Любовь к собакам.
Переписка.
Деловые привычки.
Научное чтение.
Широкий интерес к науке.
Дневники ежедневных событий.

Праздники.
Отношение к своей семье и друзьям.
Его рассказ о своей маленькой дочери Энни.
Как он воспитывал своих детей.
Обращение со слугами.
Как хозяин.
Скромность.
Не скор на споры.
Общение с незнакомцами.
Использование простых методов и небольшого количества инструментов.
Настойчивость.
Способность к теоретизированию.
Книги используются только как инструменты.
Использование записных книжек и портфелей.
Вежливый тон по отношению к своему читателю.
Иллюстрации к его книгам.
Уважение к другим авторам.
Нежная забота его жены.
Кембриджская жизнь.
Его характер.
Намерение пойти в церковь.
Назначение на "Бигль".
Путешествие.
Жизнь в море.
Взгляды на рабство.
Экскурсия по Андам.
Знакомство с сэром Дж. Гершелем.
Возвращается домой.
Жизнь в Лондоне и Кембридже.
Резиденция в Кембридже.
Работает над своим "Журналом исследований".
Назначен секретарем Геологического общества.
Посещает Глен-Роя.
Восхищение "Элементами" Лайелла.
Усиливающееся ухудшение здоровья.
За работой над "Коралловыми рифами".
Его религиозные взгляды.
Жизнь в Дауне, 1842-1854.
Причины отъезда из Лондона.
Первые впечатления от Дауна.
Теория коралловых островов.
Время, проведенное за книгами по геологии.
Покупает ферму в Линкольншире.
Обедает с лордом Мэхоном.
Умирает дочь Энни.
Его дети.

Рост взглядов на "Происхождение видов".
План публикации "Очерка 1844 года" на случай его внезапной смерти.
Предприятие по разведению голубей.
Коллекционирование растений.
Всеобщее признание его работ.
Публикует "Происхождение видов".
Избран корреспондентом Академии естественных наук (Филадельфия).
Его взгляды на гражданскую войну в Соединенных Штатах.
В Борнмуте.
Его взгляд на "Древность человека" Лайелла.
Получает медаль Копли.
Избран членом Королевского общества Эдинбурга.
Его добросовестность в споре.
Его общение с садоводами и скотоводами.
Избран членом Королевского общества Голландии.
Произведен в кавалеры прусского ордена "За заслуги".
Подходит для бюста.
Отклоняет кандидатуру на соискание степени доктора философии из-за плохого состояния здоровья.
Его связь с Южноамериканским миссионерским обществом.
Его ответы на вопросы Гальтона о природе и воспитании.
Позирует для портрета У. Оулессу.
Избран в Физиологическое общество.
Отвечает мисс Кобб на вивисекцию в "Таймс".
Публикует "Жизнь Эразма Дарвина".
Позирует для мемориальных портретов.
Получает различные награды.
Делает подарок Неаполитанской зоологической станции.
Его ответы на вопросы Гальтона о факультете визуализации.
Предлагает помощь Фрицу Мюллеру.
Ответы сэру У. Томсону об абиссальной фауне.
Его ботаническая работа.
Строит оранжерею.
Публикует работы по оплодотворению орхидей.
Изучает цветение листьев и плодов.
Изучает причины изменчивости.
Изучает образование галлов.
Изучает агрегацию.
Поощряет работу Торбитта по изучению болезни картофеля.
Помогает в подготовке "Указателя названий растений Кью".
Смерть.
Захоронение в Вестминстерском аббатстве.
Список работ.

Совместная работа Дарвина и Уоллеса об изменчивости.

ДАРВИН, Эдвард, автор "Руководства егеря".

ДАРВИН, миссис Эмма (Веджвуд), письмо К.

ДАРВИН, Эразм (родился в 1731 году), поэт и философ.

Персонаж.

Жизнь, опубликованная на английском языке.

ДАРВИН, Эразм (родился в 1759 году).

ДАРВИН, Эразмус Элви (1804-1881), по образованию врач.

Персонаж.

Очерк его характера, сделанный Карлайлом.

Письмо мисс Веджвуд о его характере.

Письмо от.

Его смерть.

ДАРВИН, Роберт, из Элстон-Холла.

Оценка Чарльза Дарвина.

ДАРВИН, Роберт Уоринг (родился в 1724 году), публикует "Принципы ботаники".

ДАРВИН, Роберт Уоринг (родился в 1767 году), изучает медицину в Лейдене.

Поселяется в Шрусбери.

Женится на Сюзанне Веджвуд.

Описание его сына Чарльза.

Его шестеро детей.

Письма к.

ДАРВИН, Сьюзен, письма к.

ДАРВИН, Уильям из Мартона, первый известный предок Чарльза.

ДАРВИН, Уильям, сын Ричарда, назначен йоменом Королевской оружейной палаты.

ДАРВИН, Уильям (1655).

Упоминались ДАРВИН, Ричард, из Мартона.

ДЭВИДСОНУ, Томасу, письмо с просьбой исследовать плеченогих.

Письмо к.

О британских брахиоподах.

ДЕ КАНДОЛЬ, А., см. Кандоль, А. Де.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, доктрина О.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ.

Опубликовано "ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА".

Работа над.

Отзывы о.

Прием в Германии.

Взгляды Уоллеса на.

Второе издание.

Связано с социализмом.

ЗАМЫСЕЛ В ПРИРОДЕ, доктрина.

СХЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХ.

"РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЦВЕТОВ", опубликовано.

Рецензия в журнале Nature.

ПИЩЕВАРЕНИЕ РАСТЕНИЙ, работа Дарвина над.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ.

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПРИЗНАКОВ, принцип.

СОБАКИ, множественного происхождения.

ДОРН, Антон, письмо кому.

ДОНДЕРС, Ф.К., письма к.

ВНИЗУ, описание.

ДРЕЙФ возле Саутгемптона, камни, стоящие дыбом.

ДЮБУА-РЕЙМОН согласен с Дарвином.

ДЕЙК, У.Т. Ван, письмо к.

ДАЙЕР, У. Тизелтон, о ботанических работах Дарвина.

Письма к.

УХО, человек, загнутая точка.

Землетрясения, чтение по бумаге продолжается.

ИТОН Дж., выдержка из его книги о "Голубях".

"ЭДИНБУРГСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ", критика Дарвина.

ОБРАЗОВАНИЕ, Дарвин.

"ЭФФЕКТЫ СКРЕЩИВАНИЯ и САМООПЛОДОТВОРЕНИЯ", опубликовано.

Работа над.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ у рыб.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ ВАЛУНЫ Южной Америки, на бумаге, читать.

ЭВОЛЮЦИЯ, доктрина о, возражения против, ответы.

Не доктрина случайности.

И телеология.

Ни антитеистический, ни теистический.

Ментальный.

ВЫРАЖЕНИЕ лица, происхождение.

"ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ" опубликовано.

Работа над.

Обзоры.

ЭЙР, губернатор, взгляды Дарвина на судебное преследование.

ФАБР, Дж.Х., письмо К.

ФАЛЬКОНЕР, Хью, письма к.

Упоминается.

Письмо Дарвину.

Взгляды на происхождение слонов.

Отрывок из книги Лайелла "Древность человека".

ФАРРЕР Ф.У., письмо К.

ФАРРЕР, сэр Томас Х., помогает Дарвину в исследованиях дождевых червей.

Письма К.

ФОСЕТТ, Генри, защищает рассуждения Дарвина.

Опубликовано "ОПЛОДОТВОРЕНИЕ ОРХИДЕЙ".

ФИСКЕ, Джон, письмо к.

ФИШЕР, миссис, письма к.

Упоминался ФИТТОН, У.Х.

ФИТЦ-РОЙ, Р., капитан "Бигля".

Его персонаж.

Знакомится с Дарвином.

Письма К.

Его намерение уйти в отставку.

Кремневые инструменты.

ФЛОУРЕНС П., о "Происхождении видов".

ЦВЕТЫ, оплодотворение.

ФОРБС, Дэвид, хвалит работу Дарвина над Чили.

ФОРБС, Эдвард, его теорию изменения уровня.

ФОРДАЙС, Дж., письмо к.

ФОРЕЛ, август., письмо к.

"ОБРАЗОВАНИЕ РАСТИТЕЛЬНОЙ ПЛЕСЕНИ", - говорилось далее в статье.

Опубликовано.

Продолжайте.

Его прием.

ФОКС, Уильям Дарвин, дружба с Дарвином.

Письма К.

ФРАНЦИЯ, Институт, избирает члена-корреспондента Дарвина.

Научные мошенничества.

СВОБОДА ВОЛИ, доктрина.

ФРИКЕ, доктор, его "Происхождение видов посредством органического сродства".

ФЕЙДЖИАНЦЫ, впечатления Дарвина.

Животные и растения ГАЛАПАГОССКИХ островов.

ГАЛЛЫ, производство которых изучал Дарвин.

Упоминаются ГАЛЬТОН, Фрэнсис.

Его вопросы о природе и воспитании и ответы Дарвина.

Его вопросы о способности к визуализации и ответы Дарвина.

"ХРОНИКА САДОВНИКОВ", Дарвин отвечает мистеру Вествуду в.

ГОДРИ А., письмо К.

ГЕЙКИ, Арчибальд, его мнение о геологических работах Дарвина.

ГЕЙКИ, Джеймс, письмо К.

РОДЫ, варьирующие от крупных.

ГЕНЕРАЦИЯ, спонтанная.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ.

"ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ", МИСС Бегун.

Опубликованы "ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ На ВУЛКАНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ".

Мнения по поводу.

Второе издание.

"ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Над ЮЖНОЙ АМЕРИКОЙ", мнения о.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ, несовершенство.

Преемственность в.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, Дарвин желает стать членом.

Документы, представленные.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЦЫ, захваченные во время рейса.

Утилизированы.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ важность.

Из Сент-Яго.

Статья в "Руководстве адмиралтейства".

Дарвин о прогрессе.

ГЕРМАНИЯ, прогресс естественного отбора в.

ПРОРАСТАНИЕ, эксперименты в.

ГИЛБЕРТ, Дж.Х., письмо к.

ЛЕДНИКОВЫЙ период, его влияние на виды.

Феномены в Cwm Idwal.

ЛЕДНИКИ, статья о древних, в Уэльсе.

ГЛЕН Рой, посещения Дарвина.

Опубликованы "Наблюдения".

Работа, подвергнутая критике Д. Милном.

КЛУБ ГУРМАНОВ и его члены.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ в публикации "Зоологии путешествия "Бигля"".

ГРЭМ У., письмо к.

ГРЕЙ, Эйса, его статьи по естественному отбору и естественной теологии.

Письма к.

Письмо Хукеру о "Происхождении видов".

О "Происхождении видов".

Рецензии на "Удобрение орхидей".

Рассматривает "Изменчивость животных и растений".

Упоминался Грей, Дж. Э.

ГЮНТЕР А., письма к.

ГУРНИ Э., письмо к.

ХААСТ, сэр Джулиус фон, письмо к.

ГЕККЕЛЬ Э., его взгляды на "Происхождение видов".

Дружба Дарвина с.

Его работа по естественному отбору в Германии.

Письма К.

ХАЛИБЕРТОН, миссис, письма к.

ХАРВИ, У.Х., критикует "Происхождение видов".

Преподобный С. ХОТОН критикует совместную работу Дарвина и Уоллеса.

ХЕНСЛОУ Дж.С., его дружба с Дарвином.

Его характер.

Письмо от.

Письма к.

Председательствует на оксфордской дискуссии "Происхождение видов".

Его взгляды на естественный отбор.

Его смерть.

ГЕРБЕРТ, Джон Морис, дружба с Дарвином.
Письма к.

ГЕРШЕЛЬ, сэр Дж., Мнение Дарвина о.
Знакомится с Дарвином.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ, Дарвин.

ХИГГИНСОН, Т.У., письмо К.

ГИЛЬДЕБРАНД Ф., письма К.

ГИППОКРАТ предвосхищает Дарвина в вопросе о пангенезисе.

ХОЛМГРЕН, Фритъоф, письмо к.

ГОЛЛАНДИЯ, Королевское общество, избирает Дарвина членом.

ХОЛЛАНД, сэр Генри, его взгляд на "Происхождение видов".

ГОМЕОПАТИЯ, оценка Дарвина.

НАГРАДЫ, присужденные Дарвину, список.

ХУКЕР, сэр Джозеф Д., дружба Дарвина для.

Письма к.

Письмо от.

Его воспоминания о Дарвине.

О "Происхождении видов".

Дарвин о своей "Австралийской флоре".

Отвечает Харви.

Мемориал об обращении с ним Первого уполномоченного по делам труда.

Рецензия на "Оплодотворение орхидей".

Упоминался ХУКЕР, сэр Уильям.

ХОПКИНС, Уильям, рецензия на "Происхождение видов".

ХАДСОН, ответ Дарвина на.

ГУМБОЛЬДТ, оценка Дарвина.

ХАТТОН, Ф.У., рассматривает "Происхождение видов".

Упоминаются ХАКСЛИ, Томас Генри.
Его мнение о работе Дарвина о "усоногих".
О "Следах творения".
О "Зоологической философии".
О "Принципах геологии".
О восприятии "Происхождения видов".
Письма К.
О "Происхождении видов".
Рецензирует "Происхождение видов" в "Вестминстер Ревью".
Защищает Дарвина перед Британской ассоциацией.
Противоречит Р. Оуэну.
Письмо от.
Лекции для рабочих о естественном отборе.
Дарвин попросил написать учебник по зоологии.
Ответы обозревателю "Quarterly" на "Происхождение человека".

ХАЙЯТТУ, Алфею, письмо о его теории ускорения.

ГИБРИДНЫЕ ГУСИ, плодовитость.

ГИБРИДИЗМ.

БЕССМЕРТИЕ, взгляды Дарвина на.

"МЛАДЕНЧЕСКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК АН".

НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ, унаследованная избитыми формами.

ИННЕС, преподобный Дж. Броуди, об интересе Дарвина к делам деревни.
О "Происхождении видов" и Библии.
О добросовестности Дарвина.
Письмо к.

Опубликовано "НАСЕКОМОЯДНЫЕ РАСТЕНИЯ".
Продолжайте.

НАСЕКОМЫЕ, инстинкт.
Как переносчики пыльцы.

ИНСТИНКТ, Дарвин на.

ОСТРОВА, животные на.

ИЗОЛЯЦИЯ, влияние на происхождение видов.

Упоминался ДЖАРДИН, сэр У.

ДЖЕФФРИЗ, Гвин, упоминается.

ДЖЕНКИНС, Флиминг, рецензия на "Происхождение видов".
Дарвин о своей критике.

Упоминается ДЖЕНИНС (БЛОМФИЛД), преподобный Леонард.
Письма к.
Письмо от.
Его "Наблюдения в естественной истории".

ДЖОНС, доктор Бенс, лечащий врач Дарвина.

"ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ", работа над.
Мнение Лайелла о.
Немецкий перевод и его восприятие.
Опубликовано второе издание.
Посвящение.
Оставлено в рукописи.

ДЖАДД, профессор, его статья о "Вулканах Гебридских островов".
О желании Дарвина способствовать прогрессу науки.

Упоминался ДЖАКС, Джозеф Б.

КБЮ, "Указатель названий растений".

КИНГСЛИ, преподобный К., письмо от, о "Происхождении видов".

ИССЛЕДОВАНИЯ Коха по селезеночной лихорадке.
Дарвин продолжает.

КОЛЛИКЕР, проф., рецензируется Хаксли.

ЭРНСТ КРАУЗЕ критикует немецкое издание книги Бронна "Происхождение видов".
Опубликовано его эссе об Эразме Дарвине.

КРОН, август., находит ошибки в "Происхождении видов".

Обсуждение ЛАМАРКОМ вопроса о видах, его недостаточность.
Дарвин далее.

ЛЕЙН, доктор, его воспоминания о Дарвине.

ЛАНГЕЛЬ рецензирует "Происхождение видов".

ЛАНКЕСТЕР, Э. Рэй, письмо к.

ЛЭНСДАУН, маркиз Оф., анекдот оф.

Упоминался ЛИ, Сэмюэл.

ЛЕСКЕРО, Лео, принимает доктрину естественного отбора.

ЛЬЮИС, Г. Х., рассматривает "Изменчивость животных и растений".

Упоминался ЛИНДЛИ, Джон.

ЛИННЕЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО получило мемориальный портрет Дарвина.

ЛИЧФИЛД, миссис, о стиле Дарвина.

Письмо к.

ЯЩЕРИЦЫ.

Упоминался ЛОНСДЕЙЛ, Уильям.

ЛОУЭЛЛ, Дж.А., рецензия на "Происхождение видов".

ЛАББОК, сэр Джон, письма К.

О похоронах Дарвина.

ЛАЙЕЛЛ, сэр Чарльз, оценка его характера как геолога.

Письма кому.

Письма от.

Мнение о "Коралловых рифах".

Его взгляды на "Происхождение видов".

О происхождении видов естественными причинами.

Признание доктрины естественного отбора.

Дарвин о своей "Древности человека".

Цитата Фальконера из его "Древности человека".

Дарвин о своих "Элементах геологии".

Его смерть.

Мнение Дарвина о.

МАКОЛЕЙ и память о нем.

МАКДОННЕЛЛ Р., его исследование электрических органов у рыб.

МАКИНТОШ Д., его работа над неустойчивыми блоками.

Упоминался МАКЛЕЙ, У.С.

Птицы МАДЕЙРЫ И БЕРМУДСКИХ островов не являются чем-то особенным.

МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ, Зоологическая география Уоллеса.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, происхождение от одного вида.

ЧЕЛОВЕК, все расы, произошли от одного типа.

Древность.

Происхождение.

Родство с обезьянами.

БРАКИ, кровные.

МАРШ, О.К., письмо К.

МАСТЕРС, Максвелл, письмо К.

МЭТЬЮ, Патрик, предвосхищает доктрину естественного отбора.

МОУ, Джордж, рецензирует "Происхождение видов".

МЕДАЛЬ Королевского общества присуждена Дарвину.

МЕГАТЕРИЙ, ниспосланный с небес.

ГИПНОЗ, оценка Дарвина.

МИЛН, Д., критикует статью Глена Роя.

МИМЕТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ у растений.

МАЙВАРТ, Сент-Дж., Дарвин о его "Генезисе видов".

Его "Генезис видов" рецензировал Чонси Райт.

Подвергся критике со стороны Хаксли.

Его "Уроки природы", рецензированные в "Академии".

МОДИФИКАЦИЯ.

МОДИФИКАЦИИ, отсутствие.

МОГГРИДЖ, Дж.Т., письмо К.

МОЙСИСОВИЧ, Э. фон, Дарвин о "Доломитовом риффе".

МОНАДЫ, постоянство.

МОНСТРЫ.

ЧУДОВИЩА бесплодны.

МОРЗЕ, Э.С., письмо К.

МОЗЛИ, Х.Н., письма к.

МЮЛЛЕР, Фриц, письма к.

Его "Мех Дарвина" переведен.

Получает предложение помощи от Дарвина.

МЮЛЛЕР, Герман, письма К.

МЮЛЛЕР, Макс, его "Лекции по науке о языке".

МЮРРЕЙ, Эндрю, цитируется по "Происхождению видов".

МЮРРЕЙ, Джон, письма К.

МУЗЫКА НАСЕКОМЫХ.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ВИДОВ.

NAGELI, C., his 'Entstehung und Begriff der Naturhistorischen Art.'
Letter to.

Зоологическая станция Неаполя получает подарок от Дарвина.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, страсть Дарвина.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР, см. Отбор, естественный.

НОДЕН, Дарвин и далее.

НОЙМАЙР, Мельхиор, письмо к.

НЕВИЛЛ, леди Дороти, письмо к.

НЬЮТОН, А., письмо к.

Рассматривает "Изменчивость животных и растений".

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ, животные.

Растения.

БЛАГОРОДСТВО, естественный отбор среди.

НОМЕНКЛАТУРА видов, обсуждение на.

НОРМАН Э., секретарь Дарвина.

Экспедиция НОВАРА.

Опубликованы "НАБЛЮДЕНИЯ На ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ДОРОГАХ ГЛЕН-РОЯ".
Выдержка из.

ОГЛ, Уильям, письмо к.

"ОРХИДЕИ, ОПЛОДОТВОРЕНИЕ", работа над.

Опубликовано.

Обзоры.

Опубликовано второе издание.

Описано "ORCHIS BANK".

ОРГАНЫ, рудиментарные.

"ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ", первая записная книжка, открыта.

Рост.

Опубликовано.

Его успех.

Второе издание.

Изменение взглядов Дарвина на.

Описание эскиза 1844 года.

Вид Хаксли очерк 1844 года.

Профессор Вид Ньютона же.

Написание.

Абстрактная книга.

Неортодоксальность.

Недостатки стиля.

Лайелл продолжает.

Хаксли продолжает.

Епископ Уилберфорс на.

Краткое изложение рецензий Хаксли на.

Ответ Лайеллу на.

Х.К. Уотсону на.

Джос. Д. Хукеру на.

Предложен французский перевод.

Первое немецкое издание.

Рецензия в "Таймс".

Первое американское издание.
Эйса Грей включен.
Кингсли включен.
И Библия.
Преподобный Дж. Броуди продолжает.
Рецензия в "Эдинбург Ревью".
Рецензия в "Североамериканском обозрении".
Рецензия в "Ревью мира".
Рецензия в "Нью-Йорк Таймс".
Рецензия в "Кристиан Экзаменатор".
Обсуждено Британской ассоциацией.
Рассмотрено в "Ежеквартальном обзоре".
Рассмотрено в "Лондонском обзоре".
Рецензия в "Американском журнале науки и искусств".
Критика Бронна.
Рецензировано в "Воспоминаниях Американской академии искусств и наук".
Ответы на критические замечания на.
Третье издание.
"Исторический очерк недавнего развития общественного мнения по этому вопросу".
Голландское издание.
Первое французское издание.
Рецензия в "Геологе".
Рецензия в "Дублинской больничной газете".
Рецензия в "Зоологе".
Взгляд Де Кандолля на.
Взгляд Геккеля на.
Геп. Сабина включена.
Флуранс включен.
Второе французское издание.
Подвергнуто критике герцогом Аргайллом.
Четвертое издание.
Третье немецкое издание.
Русские издания.
Пятое издание.
Рецензия в "North British Review".
Рецензия в "Атенеуме".
Третье и четвертое французские издания.
Шестое издание.
Подвергнут критике со стороны Пьюси.
"Совершеннолетие".

СТРАУС, Дарвин открывает новый вид.

ОУЛЕСС, У., рисует портрет Дарвина.

ОУЭН, сэр Р., критикует теорию Дарвина.

Опровергается Хаксли.

Его взгляды на вариации по происхождению.

Аргумент ПЕЙЛИ о замысле в природе больше не годится.

Упоминалась его "Естественная теология".

ПАМПЕЙСКАЯ ФОРМАЦИЯ, Дарвин.

ПАНГЕНЕЗИС, гипотеза.

Мнения по поводу.

Предвосхищенный Гиппократом.

ПАРКЕР, Генри, защищает "Оплодотворение орхидей".

ПАРСОНС, Теофилус, рецензирует "Происхождение видов".

ПИКОК, Джордж, письмо о назначении натуралиста на "Бигль".

Письмо от, назначающее Дарвина на "Бигль".

Упоминался ПЕНГЕЛЛИ, Уильям.

ПЕРТЕС, Буше де, Дарвин и др.

БУРЕВЕСТНИКИ как агенты распространения.

Упоминался ФИЛЛИПС, Джон.

ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ, его природа.

"ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ" Хаксли.

ФОТОГРАФИИ, альбомы, подаренные Дарвину немецкими и голландскими учеными.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО избирает Дарвина почетным членом.

ПИКТЕ, Франсуа Жюль, рецензирует "Происхождение видов".

ГОЛУБИ, интерес Дарвина к.

РАСТЕНИЯ, ископаемые.

сексуальность.

Недавнее открытие.

ПЛАТИЗМ, сокращение от содрогания.

ПОРТРЕТЫ ДАРВИНА, список.

БОЛЕЗНЬ КАРТОФЕЛЯ, эксперименты Торбитта на.

ДОСТОЙНЫЙ ВНИМАНИЯ, Дарвин допущен к заказу.

НАДУТЫЙ ГОЛУБЬ, разновидность.

"СИЛА ДВИЖЕНИЯ У РАСТЕНИЙ", опубликовано.
Работа над.

ПРЕСТВИЧ Дж., письмо К.

ПРЕЙЕР, У., письмо к.

ПЕРВОРОДСТВО, закон Дарвина.

"ПРИНЦИПЫ ГЕОЛОГИИ", Хаксли.

ПРИОРИТЕТ, номенклатура видов по.

Необходим ПРОГРЕСС.

ЗАЩИТА, модификация для.

Критика ПЬЮСИ "Происхождения видов".

"ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ОБЗОР" признает достоинства "Журнала исследований".

КАТРЕФАЖ, Дж.Л.А. де, письма К.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ДАРВИНА, трудности, не созданные наукой.

ВОСПОМИНАНИЯ Хукера О Дарвине.

ОТКРОВЕНИЕ, в которое Дарвин не верил.

ВОЗВРАЩЕНИЕ, Дарвин включен.

РЕЙМОН, Дюбуа, письмо К.

РИЧМОНД, У.Б., рисует портрет Дарвина.

РИДЛИ, К., письмо К.

РИВЕРС, Т., письмо к.

РОБЕРТСОН, Г. Крум, письмо к.

РОБЕРТСОН, Джон, рецензии на "Происхождение видов".

РОДВЕЛЛ, преподобный Дж.М., письмо К.

РОЛЛСТОН, Джордж, его "Каноны".

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ церковь об эволюции.

РОМАНЕС, Г.Дж., о добросовестности Дарвина.

Письма К.

КОРОЛЕВСКИЙ КОЛЛЕДЖ ВРАЧЕЙ вручает Дарвину медаль Бали.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО Эдинбурга избирает Дарвина почетным членом.

ROYER, Mlle. Клеманс переводит "Происхождение видов".

Публикует третье французское издание.

РУДИМЕНТАРНЫЕ органы.

САБИНА, генерал, о "Происхождении видов".

СОЛТЕР, Дж.У., его схема спиралей.

Описана "Прогулка по песку".

САНДЕРСОН, Дж. Бердон, письмо к.

САПОРТА, маркиз де, письмо к.

ШАФФХАУЗЕН, Х., утверждает, что предвосхитил Дарвина.

СКОТТ, Джон, оценка Дарвина.

СЕДЖВИК, преподобный Адам, упоминал.

О "Происхождении видов".

Его рецензия на "Происхождение видов".

Критикует "Происхождение видов".

О несовершенстве геологической летописи.

СЕМЕНА, жизнеспособность.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР, доктрина, четко сформулированная Дарвином около 1839 года.

Противоположно доктрине замысла.

Влияние, на научный разум.

И религия.
Небольшие эффекты, на изменение видов.
Среди знати.
Лекции Хаксли для рабочих о.
Прогресс.
Дарвин предвосхитил.
Использование термина.
Влияние на стерильность.
Прогресс среди духовенства.
Прогресс в Германии.
Прогресс во Франции.

ОТБОР, ПОЛОВОЙ, например, у собак Бейрута.

СЕМПЕР К., письма К.

ШЕЛБЕРН, лорд, анекдот о.

РАБСТВО, мнение Дарвина о.
В Соединенных Штатах.

СМИТ, Сидней, необъяснимо забавный.

СОЦИАЛИЗМ и происхождение человека.

УЧЕНЫЕ ОБЩЕСТВА, членство Дарвина в них.

ЮЖНОАМЕРИКАНСКОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО, связь Дарвина с.

ВИДЫ, изменчивость.
Происхождение и влияние изоляции на.
Специфические центры.

СПЕНСЕР, Герберт, письма к.
Проф. Дружба Хаксли с.
Дарвин на.
Происходит от термина "выживает наиболее приспособленный".
Его впечатление о "пангенезисе".

СПИРИТИЗМ, Дарвин и др.

СПОНТАННОСТЬ, теория Бейна.

ШПРЕНГЕЛЬ, К.К., его работа по оплодотворению цветов.

СТЕНХОУП, Лорд, его партии историков.

СТЕББИНГ, преподобный Т.Р.Р., письмо к.

"Номенклатурщик" СТЕНДЕЛЯ.

СТЕРИЛЬНОСТЬ, эффект естественного отбора на.
Моли.

СТОУКС, адмирал, лорд, выдержка из письма.

КАМНИ, стоящие дыбом в Саутгемптонском заливе.

СТРИКЛЕНД, Хью, письма к.
Письмо от.

ПОЛОСАТЫЕ ЛОШАДИ.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ.

СТИЛЬ Дарвина.

ВОЗВЫШЕННОСТЬ, которую Дарвин ощущал больше всего.

САЛИВАН, Б.Дж., письмо к.

САЛИВАН, адмирал сэра Джеймса, выдержка из письма.

ВЫЖИВАЕТ НАИБОЛЕЕ ПРИСПОСОБЛЕННЫЙ, использование термина.

ТЕГЕТМАЙЕР В.Б., выдержка из письма К.

ТЕЛЕОЛОГИЯ, эволюция и.
Возрождение Дарвина.

ТЕНЕРИФ, планируемая поездка в.

ТИЛЬ, Х., письмо к.

Упоминался ТОМСОН, Томас.

ТОМСОН, сэра Уивилл, об абиссальной фауне.

ТОРЛИ, мисс, ботаническая работа с.

Упоминался ТУЭЙТС, Дж.Дж.К.

МИССИЯ на ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ, связь с Дарвином.

"ТАЙМС", ее обзор "Происхождения видов".
Дарвин продолжает.

ТОРБИТТ, Джеймс, его работа о болезни картофеля.

ТУРИН, Королевская академия наук, вручает Дарвину премию Бресса.

ТАЙЛОР, Э.Б., письмо К.

ТИНДАЛЛ, Джон, восхваляет "Происхождение видов".

УСБОРН, А.Б., выдержка из письма.

ВАН ДЕЙК, У.Т., письмо К.

ВАРИАЦИИ ВИДОВ, эссе Уоллеса на тему.
Совместная статья Дарвина и Уоллеса на тему.
Внезапный.
Управляемый намерением.
Причина.
Имитирующий, для бабочек.
Руководствуется дизайном.
Имитирующий, для растений.
В цветах насекомых.
Передача.
Аналогично.
Дарвин изучает причины.

"ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ При ОДОМАШНИВАНИИ", продолжайте.
Публикация.
Рецензия в "Nation".
Издание на русском языке.
Второе издание.
Рецензия в "Pall Mall Gazette".
Рецензия в "Хронике садоводов".
Рецензия в "Атенеуме".
Рецензия в "Zoological Record".
Американское издание.

РАЗНОВИДНОСТИ, производство.
И виды, собираю факты о.

"СЛЕДЫ ТВОРЕНИЯ", прочитанные Дарвином.
Хаксли на.

ВАЙНС, С.Х., письмо К.

ВИРХОВ связывает происхождение человека с социализмом.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ, вопросы и ответы на факультете.

ВИВИСЕКЦИЯ.

ВАГНЕР, Мориц, подвергнутые критике А. Вейсмана.
Письма К.

Упоминается Р. Вагнер.

УОЛЛЕС, А.Р., отправляет эссе Дарвину.

Письма к.

Эссе о вариациях.

Его "Зоологическая география".

Рецензии на "Происхождение человека".

Рецензии на "Уроки природы" Майварта.

Пенсия, назначенная.

Защищает "Оплодотворение орхидей".

УОТКИНС, архидьякон, воспоминания о Дарвине.

Письмо к.

Упоминался Уотсон, Х.К.

О "Происхождении видов".

ВЕДЖВУД, Джосайя, его персонаж.

Упоминается.

Письмо от.

ВЕДЖВУД, мисс Джулия, об Эразме Дарвине, в "Зрителе".

Письмо к.

ВЕЙСМАН, август, письма к.

Доктор Уэллс предвосхищает теорию Дарвина о естественном отборе.

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО, в котором похоронен Дарвин.

Упоминается УЭВЕЛЛ, доктор.

О преемственности видов.

УИТЛИ, К., письмо К.

ВИЗНЕР, Джулиус, письмо к.

УИЛБЕРФОРС, епископ, критикует "Происхождение видов".

ВИЛЬГЕЛЬМ IV, коронация.

ДЯТЕЛ, Пампасы, Дарвин и далее.

ВУЛНЕР Т. изготавливает бюст Дарвина.
Обнаруживает загнутую точку человеческого уха.

МЕДАЛЬ ВОЛЛАСТОНА.

"Insecta Maderensia" ВОЛЛАСТОНА.
Упоминается его "Разновидность видов".

РАБОТЫ ДАРВИНА, список.

РАЙТ, Чонси, письмо от.
Письма кому.
Во время своего визита к Дарвину в Дауне.

Упоминался ЯРРЕЛЛ, Уильям.

ЗООЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, посещение Дарвина.
Читает статью в.

"ЗООЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА "БИГЛЯ"", подготовка к публикации.